КЕЙТ ЛАУМЕР

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

6

КЕЙТ ЛАУМЕР

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«ЭЯ»
Новосибирск
1991

ББК 84.7
Л23

Составитель *В. П. Кирчев*

Л23 Лаумер К.
Берег динозавров. Перевод с англ. Сост. В. П. Кирчев — Н. «ЭЯ», 1991 г., 560 с.

(Зарубежная фантастика, вып. 6)

Шестой выпуск серии «Зарубежная фантастика» содержит произведения Кейта Лаумера, ранее на русском языке автор не издавался.

ISBN 5-87216-002-X

© Сост. Кирчев В. П., 1991.

ИМПЕРИУМ

Миры империума

ГЛАВА I

Я остановился перед лавкой с небольшой деревянной вывеской, болтавшейся на вделанном в каменную стену кованном кронштейне. Вывеска была почерневшей, с выведенной готической вязью надписью «Антиквариат»; под воздействием ночного ветра она раскачивалась со скрипом из стороны в сторону. Чуть ниже стальная решетка венчала пыльную витрину с пожелтевшими гравюрами, офортами и литографиями.

Некоторые из домов, изображенных на этих картинках, казались знакомыми, но все они были показаны стоящими в открытом поле либо на высоких холмах, громоздящихся над заполненной парусниками бухтой. Дамы на картинах имели большие колоколообразные юбки и шляпы с лентами. Они держали в руках изящные зонтики; тут же красовались экипажи, запряженные стройными скакунами.

Но меня интересовали не эти картины, ни расположенное сбоку потускневшее зеркало в массивной золоченой раме; мое внимание было привлечено к мужчине, отражение которого я видел в пожелтевшем стекле — смуглому мужчине в туго подпоясанном реглане, длина которого была на добрых шесть дюймов больше, чем нужно. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел в затемненное окно в пятнадцати метрах от меня.

Он не отставал от меня весь день.

Сперва мне показалось совпадением, что я увидел его в автобусе, когда ехал из Броммы, затем в вестибюле гостиницы, где я остановился, рассматривающего афиши и, наконец, часом позже, за три столика от меня, где я плотно пообедал. Он в это время попивал кофе.

Вскоре мне пришлось отказаться от мысли о случайном стечении обстоятельств.

Прошло пять часов, а он все оставался неподалеку от меня, когда я шел по «Старому городу» Стокгольма, до сих пор сохраняемому на одном из островов в самом центре шведской столицы.

Я шел мимо обшарпанных витрин с медными подсвечниками, витиеватой серебряной посудой, пистолетами для дуэлей и ржавыми кавалерийскими саблями; все это было очень привлекательно своей необычностью сейчас, в свете полуденного солнца, после же полуночи это было печальным напоминанием о днях насилия.

Эхо моих шагов по узким затихшим улицам сливалось с эхом шагов человека позади меня. Они становились чаще, когда я шел быстрее, и совсем исчезали, когда я останавливался. Теперь же этот человек глядел в темное окно и чего-то ждал. Следующий ход должен был быть за мной.

Я заблудился. Двадцать лет — большой срок, чтобы забыть извилины улиц Старого Города. Я вынул из кармана путеводитель и стал разворачивать карту на его обложке. Руки плохо слушались меня.

Я вытянул шею, чтобы прочесть надпись на гранитной табличке, установленной на углу дома; она была едва различима — САМУЭЛГАТЕН.

Я нашел эту улицу на карте и обнаружил, что она тянется еще на три коротких квартала, заканчиваясь тупиком на Гемма Стртгатен. Подробности на карте было трудно разобрать в тусклом свете. Повертев книгу, чтобы разглядеть детали, мне удалось найти на карте еще одну улицу, отмеченную пунктиром. Название ее было ГУЛЬДСМЕНСТРАППЕН.

Я напряг память: траппен означает по шведски лестницу. Лестница ювелиров, идущая от САМУЭЛГАТЕН на улицу ХУНДГАТЕН, другую такую же узкую улочку. Похоже, что она вела к освещенной площади перед дворцом: вероятно, это был единственный выход для меня. Я сунул книжку в карман и двинулся небрежно к лестнице в надежде, что перед входом на нее не окажется закрытых ворот.

Моя тень мгновение выждала, а затем последовала за мной. Поскольку походка у меня очень быстрая, я понемногу стал отрываться от своего преследователя.

Он же, казалось, вообще не спешил. Я прошел мимо нескольких лавочек с обитыми железом дверьми и стер-

тыми каменными порогами и затем увидел, что следующим проемом была открытая арка с выщербленными гранитными ступенями, круто поднимающимися вверх.

Я приостановился, а затем нырнул под арку. Как только я свернул, то как можно быстрее ринулся вверх.

Семь, восемь прыжков, и вот я на самом верху. Стремглав бросаюсь в высокий проем. Весьма вероятно, что я выскочил с верхней площадки еще до того, как мой смуглолицый преследователь достиг подножья лестницы. Я стоял и прислушивался.

Сначала мне был слышен скрип ботинок, затем учащенное дыхание со стороны лестницы, в нескольких метрах от меня. Я ждал, стараясь дышать как можно тише широко раскрытым ртом.

Шаги стихли. Самое правильное со стороны моего неслышимого противника было бы мгновенно оценить ситуацию — где я мог бы спрятаться, исходя из предположения, что далеко убежать я не мог! Скоро он должен будет вернуться к этому месту.

Я рискнул выглянуть. Он шел быстро, резко поворачивая голову из стороны в сторону, шел спиной ко мне!

Я снял туфли и, не раздумывая, выскочил из проема. В три прыжка я оказался на лестнице и исчез из виду незнакомца прежде, чем он остановился и огляпулся назад. Я ринулся вниз, перемахивая сразу через три ступеньки, и был уже на полпути к спасению, когда моя левая нога скользнула по валявшемуся на ступеньке камешку и я, потеряв равновесие, рухнул к подножию лестницы.

Сначала я ударился о булыжники мостовой плечом, затем головой. Я перекувырнулся и вскочил на ноги. В голове звенело. Я вцепился в стену у подножия лестницы, и в это время началась боль. Боль, от которой я обезумел.

На лестнице послышались шаги, и я весь напрягся, чтобы прыгнуть на незнакомца, как только он появится. Перед самой аркой шаги стали нерешительными, затем из-за стены высунулась смуглая, круглая голова с длинными волосами. Я развернулся и ударил — но промахнулся.

Он метнулся на улицу и повернулся ко мне лицом, неуклюже роясь в пальто. Я понял, что он пытается вынуть пистолет и ударил его в грудь. На этот раз мне посчастливилось больше — рука моя наткнулась на что-то

твердое и я с удовольствием услышал, как он в отчаянии ловит воздух.

Я надеялся, что теперь ему не лучше, чем мне. Однако ему все же удалось высунуть руку из карамана и он отпрянул назад, держа возле рта какой-то предмет.

— Где это ты, черт побери? — крикнул он хрипло, глядя на меня.

У него был какой-то странный акцент. Я понял, что штуковина, которую он вынул из кармана пальто и поднес ко рту, была микрофоном.

— ...выходи, надоело все это...— продолжал говорить в микрофон незнакомец, отступая, но не отрывая от меня глаз.

Я прислонился к стене; боль резко уменьшила мою агрессивность. Вокруг никого не было. Ботинки незнакомца мягко ступали по булыжникам, мои же валялись посреди улицы, где я упустил их во время падения.

Сзади послышался неожиданный звук. Я быстро обернулся и увидел, что узкая улочка почти полностью перегорожена огромным фургоном. Я облегченно вздохнул. Сейчас прибудет помощь.

Двое людей выпрыгнули из машины, не колеблясь подскочили ко мне, взяли за руки и препроводили к заднему торцу фургона. На них была одинаковая белая форма. оба не проронили ни слова.

— У меня все в порядке, парни,— начал я.— Заберите-ка побыстрее вон того человека.

И только теперь я понял, что он идет рядом, возбужденно разговаривая с человеком в белом, и что меня взяли за руки не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы задержать. Я уперся пятками и попытался вырваться. И внезапно мне пришло на ум, что цвет формы стокгольмских полицейских отнюдь не белый.

Но теперь все это уже не имело значения. Один из моих похитителей отстегнул что-то вроде баллончика от аэрозоли и направил мне в лицо.

Что-то брызнуло мне в глаза, и я почувствовал, как ноги подо мной подкосились.

ГЛАВА II

Что меня раздражало, так это скрип. Я безуспешно пытался несколько раз уснуть, прежде чем мое сознание отступило перед реальностью.

Я лежал на спине с закрытыми глазами, не представляя себе, где я нахожусь. Вспоминался страшный сон, в котором меня преследовали, затем я стал осознавать боль в плече и голове. Глаза мои открылись и я увидел, что лежу на койке у стены небольшого кабинета.

Скрип исходил со стороны письменного стола, за которым что-то писал подвижный человек в белой форме. Вокруг слышалось слабое гудение, создававшее чувство движения.

Я привстал. Тотчас же человек за столом поднял взгляд, встал и подошел ко мне. Он подтащил к койке стул и уселся.

— Пожалуйста, не тревожьтесь,— сказал он с характерным акцентом.— Я шеф-капитан Винтер. От вас просто требуется помощь в передаче мне некоторых сведений. После чего вас переведут в комфортабельное помещение.

Все это он сказал вяло и безжизненно, как будто говорить ему это приходилось уже много раз прежде. Затем он впервые взглянул мне прямо в лицо.

— Я должен извиниться перед вами за грубость, с которой обращались с вами. Это не входило в мои намерения, поверьте мне. Однако,— тон его изменился,— вы должны извинить оперативника: он не был осведомлен.

Шеф-капитан Винтер открыл записную книжку и откинулся на спинку стула с карандашом в руке.

— Где вы родились, мистер Байард?

Они, должно быть, рылись в моих карманах, раз им уже известно мое имя.

— Кто ты такой, черт вас побери?— зло выпалил я.

Шеф-капитан поднял бровь. Его форма была безукоризненной, на груди сверкали украшенные бриллиантами ордена.

— Конечно, в настоящее время вы еще не вполне оправились от потрясения, полученного при вашем задержании, мистер Байард. Но вам все объяснят в надлежащее время. Я — имперское должностное лицо, наделенное полномочиями допрашивать интернированных

лиц,— он ободряюще улыбнулся.— Пожалуйста, назовите место вашего рождения.

Я ничего не сказал. У меня не возникло желания отвечать ни на один вопрос.

У меня самого их было слишком много. Я никак не мог определить, что за акцент у этого типа. Определенно, он был англичанином, но я никак не мог определить из какой части Британии.

Я взглянул на ордена. Большинство из них были мне незнакомы, но я различил яркую ленту Креста Виктории, с тремя пальмами, украшенными самоцветами. Что-то в этом шеф-капитане было в высшей степени фальшивым.

— Не упрямьтесь, старина,— резко сказал Винтер.— Я вам советую согласиться сотрудничать с нами. Это поможет вам избавиться от изрядных неприятностей.

Я мрачно взглянул на него.

— Меня преследуют, хватают, лишают сознания, держат в каком-то неизвестном помещении, да еще, вдобавок, роются в личной жизни — все это уже само по себе чертовски неприятно. Так что не утруждайте себя, Винтер, высокими материями. Я не буду отвечать ни на один из ваших вопросов.

Сунув руку в карман, я не обнаружил там паспорта.

— Так как вы уже забрали у меня паспорт, то, наверное, уже знаете, что я — американский дипломат, а это означает, что моя личность обладает дипломатической неприкосновенностью в отношении любой формы ареста, задержания, допроса и тому подобное, что вы нарушили. Поэтому я немедленно покину вас, как только вы вернете мне все вещи, в том числе и ботинки.

Лицо Винтера стало жестким. Но все же я мог увидеть, что мое заявление не произвело на капитана особого впечатления. Он сделал знак и двое, которых я раньше не видел, оказались передо мной. Они были покрупнее Винтера.

— Мистер Байард, вы обязаны ответить на мои вопросы. Не забудьте, что если это будет необходимо, вас принудят к этому. Итак, начнем с установления места вашего рождения.

— Вы найдете его в моем паспорте,— сказал я и взглянул на двух помощников капитана.

Игнорировать их можно было бы столь же, как и пару бульдозеров в спальне. Похоже, необходимо было сменить тактику. Буду играть в их игру в надежде, что

они слегка расслабятся. Вот тогда-то я и попытаюсь вырваться.

Один из них, по сигналу Винтера, передал капитану мой паспорт со стола, который тот внимательно просмотрел, сделал несколько пометок в записной книжке и отдал мне.

— Благодарю вас, мистер Байард,— сказал он приятным голосом.— Теперь давайте займемся частностями. Где вы учились в школе?

Теперь я хотел бы, чтобы у него сложилось впечатление, что меня очень ободряет этот приятный тон. Я должен показать, что раскаиваюсь в своей прежней резкости. Правда, такая резкая перемена моего настроения должна несколько уменьшить правдоподобность моей нынешней готовности к сотрудничеству. Хотя, в общем-то, Винтер, наверное, привык к своей работе и к лицам, которые были в угнетенном состоянии.

Через несколько минут он махнул рукой своим вышибалам, и они молча вышли из комнаты.

Винтер перешел к теме международных отношений и его политике, и, казалось, был очарован моими банальными ответами.

Я попытался пару раз спросить его, почему необходимо столь тщательно расспрашивать меня о вещах широко известных, но каждый раз меня твердо направляли только к ответам на предложенные вопросы.

Шеф-капитан основательно проэкзаменовал по географии и новой истории, особенно интересуясь периодом с 1879 по 1910 годы, а затем перешел к списку исторических лиц.

Я должен был по очереди рассказывать все, что знаю о каждом из них. О большинстве я никогда ничего не слышал, некоторые не играли сколько-нибудь значительной роли в истории. Капитан попросил рассказать о двух итальянцах: Копини и Максони, и был неописуемо удивлен, что я ничего не знаю о них. Многие из моих ответов прямо-таки приводили его в восторг.

— Нивен — актер? — спросил он недоверчиво.— А вы ничего не слыхали о Крэйне Тальботе?

А когда я описал ему роль Черчилля в недавних событиях, он хохотал до упаду.

Через сорок минут такой односторонней дискуссии раздался звонок и еще один человек в форме вошел в комнату, поставил большую коробку на угол стола и вышел. Винтер не обратил на это никакого внимания.

Прошло еще двадцать минут.

— Кто в настоящее время монарх Англо-Германии? — спросил Винтер.

— Из кого состоит королевская семья, возраст детей?

— Каков статус вице-королевства Индии?

— Объясните государственное устройство доминионов Австралии, Северная Америка, Земля Кэбота?

Вопросы повергли меня в страх. Их автор должен быть безумным!

Было почти невозможно увязать искаженные упоминания о политических несуществующих единицах и институциях с реальностями нашего мира. Я старался отвечать как можно ближе к фактам. Винтера, казалось, тем не менее, нисколько не тревожила моя ревизия его искаженных версий событий международной жизни.

Наконец Винтер встал, подошел к столу и жестом предложил мне сесть рядом с собой. Пододвигая стул, я взглянул на содержимое коробки на столе.

Я увидел журналы, какую-то свернутую ткань, монеты и рукоятку пистолета, торчащую из-под номера журнала «Всемирный Альманах».

Винтер отвернулся и открыл небольшой сейф позади стола. Я выбросил руку, выхватил из коробки пистолет и сунул его в карман. Одновременно с этим сел на стул.

Винтер повернулся ко мне, держа в руках голубую стеклянную бутылку.

— Теперь пропустим по маленькой и я попытаюсь рассеять некоторые ваши вполне оправданные сомнения, мистер Байард,— сказал он добродушно.— Что вы хотели бы узнать?

Я не обратил ни малейшего внимания на бутылку.

— Где я?

— В городе Стокгольм, Швеция.

— Мы, кажется, движемся. Это что, автофургон, с кабинетом внутри?

— Это аппарат для перемещений, а вовсе не автофургон.

— Почему меня схватили?

— Извините, но я могу сказать вам только то, что вы были доставлены сюда по особому приказу высокопоставленного лица Имперской Службы Безопасности.

Капитан задумчиво взглянул на меня.

— Для меня это был очень необычный приказ,— добавил он.

— Похищение безвредного лица само по себе является необычным делом,— усмехнулся я.

Винтер нахмурился.

— Вы являетесь предметом официальной операции Имперской Разведки. Никаких гонений на вас не последует!

— Что это за штука — Имперская Разведка?

— Мистер Брайад,— сказал Винтер, наклонившись вперед.— Вам придется сейчас многое уразуметь. Первое — это то, что правительства, которые вы привыкли расценивать как высшую суверенную власть, должны фактически рассматриваться подчиненными Империума, Верховному Правительству, на чьей службе я и состою!

— Вы — мошенник, Винтер,— без эмоций констатировал я.

Винтер ощетинился.

— Я не мошенник, а шеф-капитан Имперской Разведки!

— Как вы называете аппарат, в котором мы сейчас находимся?

— Это... вооруженный разведчик, мы называем его шаттлом. База базирования его находится в Стокгольме 0-0.

— Мне это ни о чем не говорит, Винтер. Что это — корабль, автомобиль, самолет...?

— Ничего общего, мистер Байард.

— Хорошо. Я подойду с другой стороны. В какой среде мы перемещаемся — в воде, в воздухе...?

Винтер смутился.

— Честно говоря, я не знаю.

Теперь я увидел, что необходимо еще раз изменить угол атаки.

— Куда мы направляемся?

— В настоящее время мы действуем вдоль координат 0-0-0, 0-0-6 и 0-0-2.

— ??? Какова наша цель? Какова конечная цель нашего путешествия?

— Стокгольм 0-0. После чего вас, очевидно, переведут в Лондон 0-0 для дальнейшей обработки.

— Что за вездесущие пули? Вы имеете в виду Лондон в Англии?

— Лондон, на который вы ссылаетесь, это Лондон В-1-три.

— В чем разница?

— Лондон 0-0 — столица Империума, охватывающего основную часть цивилизованного мира — Северную Европу, Западное полушарие и Австралию.

Я изменил тему.

— Почему вы меня похитили?

— Насколько я знаю, это обычный арест с целью допроса.

— Вы намерены после этого допроса освободить меня?

— Да.

— Я попаду домой?

— Нет.

— А куда?

— Не могу сейчас сказать. Думаю, это будет один из нескольких пунктов сосредоточения.

— Еще один вопрос,— сказал я, вытаскивая пистолет и целясь в третий орден на груди капитана.— Вы знаете, что это такое? Ну-ка, держите руки на виду. Пожалуй, будет лучше, если вы подниметесь и станете вот здесь.

Винтер встал и направился к указанному месту. Никогда прежде мне не приходилось целиться в безоружного, но в данный момент я не колебался.

— Расскажите-ка мне обо всем этом,— приказал я.

— Но ведь я ответил на каждый ваш вопрос.— Винтер нервно покусывал губы.

— И ничего не сказали!

Винтер недоуменно посмотрел на меня.

Я щелкнул предохранителем.

— Даю вам пять секунд. Один... два...

— Хорошо,— поспешно откликнулся шеф-капитан.— Не трудитесь. Я попытаюсь рассказать вам обо всем более понятно.

Он заколебался.

— Вы были отобраны нашим правительством. А чтобы добыть вас, пришлось изрядно попотеть. Как я уже объяснял,— Винтер, казалось, любил разглагольствовать на эту тему,— пожалуй, я не говорил вам, что отбор образцов в этом регионе чрезвычайно ограничен. Как вы можете видеть, ваш континиум занимает небольшое пространство, одну из очень небольших изолированных линий в обширном пораженном регионе. Вся конфигурация этого района ненормальна, а это создает большую опасность при маневрировании. Здесь мы потеряли немало хороших людей, прежде чем научились справляться с возникающими проблемами.

— Я полагаю, что все только что сказанное вами, правда. Но это звучит для меня как бессмыслица. Что вы, например, подразумеваете под словами «отбор образцов?».

— Не возражаете, если я закурю?— спросил Винтер.

Я вынул из коробки на столе длинную коричневую сигарету, зажег ее и протянул офицеру.

— Отбором образцов называется сбор отдельных лиц или предметов, характерных для линии В-№,— сказал он, выпуская изо рта клубы дыма.— Сейчас наша разведка занята составлением карты вашего района. Это захватывающая работа, старина. Добывать находки с теоретической проработкой, разрабатывать точные калибровочные устройства, инструменты и тому подобное. Мы только начали открывать потенциальные возможности разработки Сети. Чтобы собрать максимум информации за короткое время, мы пришли к выводу, что целесообразно отбирать отдельных лиц для допроса. Таким способом мы получаем относительно быстро общую картину конфигурации Сети в различных направлениях. В вашем случае, мистер Байард, мне надлежало войти в зону Блайта (кстати, мы называем эту зону еще Зоной Трущоб или Зоной Поражения), проследовать в замкнутый пункт Три и взять под стражу человека по имени Брайан Байард. Дипломата, представляющего в данных обстоятельствах американскую республику.

Винтер говорил это с определенным энтузиазмом. Расслабившись, он показался мне довольно молодым.

— Я горжусь, старина, что именно меня избрали провести подобную операцию в Зоне Блайта. Поверьте, что это было довольно захватывающее зрелище. Конечно, действовать в Сети для меня не в диковинку. И раньше я действовал на таком удалении от Империума, где почти не существовало ни малейших аналогий. Но В-1-три! Это ведь практически Империум, но с достаточным количеством отклонений, которые прямо поражают ваше воображение. И хотя Империум и В-1-три очень близки, пустыня зоны Поражения вокруг вашего мира показывает, как ужасающе близко к краю пропасти мы находились в недалеком прошлом.

— Хорошо. С меня достаточно,— прервал я своего охранника.— Возможно, вы просто безвредный чудак. А сейчас я должен вас покинуть.

— Это совершенно невозможно,— спокойно заметил

Винтер.— Мы сейчас находимся в самом центре Зоны Блайта.

— Что это за Зона? Вы, кажется, называете ее еще Зоной Поражения? — спросил я, продолжая разговор только для того, чтобы осмотреться и выбрать для побега нужную дверь.

Их было три. Я остановил свое внимание на той, через которую еще никто не выходил и стал двигаться к ней.

— Поражение — это регион полнейшего разрушения, Зона радиации и хаоса,— начал объяснять Винтер.— Здесь полный набор А-линии, в котором планета Земля не существует, где автоматические камеры ничего не фиксируют, кроме обширного кольца из обломков на орбите. Набор А-линии, где Земля представляет собой мир, состоящий из шлака, с разбросанными вкраплениями чахлых джунглей, населенных пораженными радиацией мутантными формами. Поверьте мне, старина, это очень ужасно. Вы можете всю ночь размахивать передо мной пистолетом, но ничего больше не добьетесь. Через несколько часов мы прибудем в Ноль-Ноль. А до тех пор я порекомендовал бы вам хорошенько отдохнуть.

Я попробовал дверь, но она оказалась замкнутой.

— Где ключ?

— Ключа нет. Дверь откроется автоматически на базе.

Я подошел к одной из двух оставшихся дверей, к той, откуда вышел человек с коробкой. Я открыл дверь и выглянул наружу. Гудение здесь было громче и в конце короткого узкого коридора я увидел, как я считал, отделение водителя.

Отчетливо просматривалась его спина.

— Винтер, подойдите-ка сюда и идите впереди меня,— приказал я капитану.

— Да не будьте же вы полнейшим ослом, дружище,— раздраженно выкрикнул Винтер. Он демонстративно отвернулся к своему столу. Я поднял пистолет. Прогрохотал выстрел, и Винтер отпрыгнул от стола с простреленной рукой. Он бросился на меня, впервые по-настоящему высказав свой испуг.

— Вы безумец, сэр,— зарычал он.— Я же сказал вам, что вокруг нас Зона Поражения.

Я следил за ним и в то же время наблюдал за человеком, который, сидя за пультом управления, ежесекундно оглядывался на меня через плечо, не переставая в

то же время что-то лихорадочно крутить одной рукой.

— Остановите эту машину или следующим выстрелом я убью вас,— приказал я ему.

Винтер был бледен. Он судорожно сглатывал слюну.

— Я клянусь вам, мистер Байард, что это совершенно невозможно. Вы не имеете ни малейшего представления о том, что предлагаете. Можете убить меня сколько хотите, но я никогда не подтвержу ваш приказ об остановке шаттла.

Теперь я понял, что нахожусь в руках опасного лунатика. Я поверил Винтеру, когда он сказал, что скорее умрет, чем остановит этот автобус — или черт знает что еще. И все же, несмотря на угрозу, я не смог бы хладнокровно пристрелить его. Я обернулся и сделал три шага по коридору. Наставив пистолет на человека, сидящего перед пультом, я сказал:

— Отключите машину.

Человек оторвал свой взгляд от пульта и посмотрел на меня. Это был один из тех двоих, что стояли возле меня, когда я пришел в себя в кабинете Винтера. Ничего не сказав, он отвернулся и продолжал крутить какую-то рукоятку на панели перед собой. Я поднял пистолет и спокойно выстрелил в приборную панель. Человек подпрыгнул в кресле от неожиданности, но затем, вскочив, бросился закрывать пульт управления своим телом.

— Прекратите сейчас же, болван вы паршивый! — закричал он.— Мы можем погибнуть. Я вам сейчас попытаюсь объяснить.

— Уже пробовали,— засмеялся я,— но не сработало. Убирайся-ка лучше с дороги, приятель. Так или иначе, но я остановлю этот фургон.

Я встал, чтобы видеть одновременно обоих похитителей. При звуке моего выстрела в дверях появился скрюченный Винтер с белым лицом.

— Дойль, у вас все в порядке? — спросил он, не обращая внимания на мою решительную речь.

Дойль отодвинулся от пульта, повернулся ко мне спиной и начала проверять приборы. Он щелкнул каким-то тумблером, выругался и обернулся к Винтеру.

— Коммуникатор вышел из строя,— сказал он.— Но процесс продолжается.

Теперь заколебался я. Эти двое были по-настоящему испуганы мыслью об остановке.

На меня и мой грохочущий пистолет они обращали

внимание не больше, чем на ребенка с водяным пистолетом. В сравнении с остановкой, пуля, по-видимому, была для них легким укусом.

Теперь стало ясно также, что это не автофургон. В отделении водителя приборов было больше, чем на пульте авиалайнера. Окон не было. Одна за другой мысли стали возникать в моем мозгу. Космический корабль??? Машина времени???

Куда же это меня занесло???

— Ну что ж, Виптер,— наконец смог вымолвить я,— давайте заключим перемирие. Я даю вам пять минут на удовлетворительное объяснение — докажите, что вы не беглецы из палаты умалишенных и скажите мне, как вы собираетесь высадить меня там же, где схватили? Если вы не сможете или не захотите сотрудничать со мной, я сейчас же изрешечу пулями эту панель и любого, кто будет стоять перед нею.

— Хорошо,— кивнул головой Виптер.— Клянусь, что сделаю все, что смогу, только одного прошу — уходите из кабины управления!

— Я останусь именно здесь и не собираюсь пускать в ход пистолет, если только вы не дадите повода для этого, ну, хотя бы пелепыми россказнями.

Виптер вытер пот со лба.

— Вы, мистер Байард, паходитесь сейчас в кабине шаттла, машины-разведчика, который действует в Сети. Под Сетью мы имеем в виду комплекс альтернативных линий, которые составляют матрицу всей одновременной реальности. Иными словами, это матрица параллельных миров. Наш привод — генератор Максони-Копини, который создает силу, действующую на то, что можно было бы назвать перпендикуляром к нормальной энтропии. Фактически, я плохо разбираюсь в физических принципах этого механизма — я не техник...

Я посмотрел на часы. Виптер понял мою мысль.

— Империум — это правительство линии А-ноль-ноль, где было сделано это открытие. Генератор чрезвычайно сложен в конструкции и всегда есть тысяча способов причинить вред тем, кто работает с ним, если допустить ошибку. Исходя из факта, что каждая А-линия из тысяч параметров системы Ноль-Ноль является сценой самой ужасной бойни, мы предположили, что наша линия — единственная, которой удалось овладеть контролем над силой, вырабатываемой генератором Максони-Копини. Мы проводим наши операции по всему сектору

А-пространства, лежащего снаружи от Зоны Блайта, как мы называем этот сектор разрушения. Саму Зону Блайта или Зону Поражения мы до этого избегали.

Винтер обмотал носовой платок вокруг кровоточащей руки и продолжил свое повествование.

— Ваша линия, или мир, мистер Байард, известна под названием В-1-три — одно из двух известных нам исключений, находящихся в Зоне Поражения. Эти линии, ваша и еще одна лежат на некотором удалении от линии Ноль-Ноль. Ваша чуть ближе, чем В-1-два. Ваш мир был открыт всего около месяца назад и совсем недавно пришло подтверждение его безопасности. Вся исследовательская работа в Зоне Поражения была выполнена управляемыми автоматическими разведчиками. Почему меня выбрали, чтобы арестовать вас, я не знаю. Но поверьте мне, если вам удастся серьезно повредить этот шаттл, вы низвергнете нас в тождество с А-линией, которая может быть не более, чем кольцом радиоактивной пыли вокруг Солнца, или же мы сольемся с гигантской мутировавшей массой лишайника. Мы не можем сейчас останавливаться по какой-либо причине, пока не достигнем безопасной области.

Я снова взглянул на часы.

— Четыре минуты уже прошли,— сказал я.— То, что вы только что рассказали мне, может быть простой болтовней, а поэтому давайте доказательства.

Винтер облизал пересохшие губы.

— Дойль,— обратился он к своему напарнику.— Достаньте разведснимки этого района. Мы сделали их во время пути,— обратился он уже ко мне.

Дойль открыл отделение под панелью и вынул большой красный конверт. Он передал его мне, а я — Винтеру.

— Откройте конверт,— сказал я.— Посмотрим, что там у вас.

Винтер немного повозился, затем высыпал на стол кучу глянцевых карточек. Взяв одну из них, он передал ее мне.

— Все эти фото были сделаны из абсолютно одних и тех же пространственно-временных координат, что и те, которые занимал разведчик. Единственно, что отличается — это координаты Сети.

На фотографии были изображены многочисленные скальные обломки, висящие на фоне туманной мглы, с несколькими яркими точками, пробивающимися через

это облако пыли. Я не знал, что это должно было представлять.

Винтер передал мне еще одну фотографию. Здесь было то же самое, что и на первой. Аналогичное изображение красовалось и на третьем фото, с той только добавочной деталью, что один осколок скалы имел гладкую поверхность с узкими линиями на ней.

Винтер постарался развеять мое недоумение.

— Масштаб здесь не такой, как кажется. Этот страшный ломоть не что иное, как часть земной коры на расстоянии в тридцать километров от камеры. Линии, их там кажется две, это — дороги.

Я смотрел, не веря своим глазам. Мое сознание всколыхнулось от мысли, что, возможно, Винтер рассказывал мне сущую правду.

Капитан протянул мне еще один снимок. На нем было снято темное пространство, покрытое буграми, видимое только благодаря сумрачному мерцанию света, отраженного неровностями поверхности в направлении луны — бриллиантового диска на черном небе.

Следующий снимок был наполовину затемнен какой-то массой, попавшей в объектив слишком близко и поэтому нерезкой. Сзади, огромное распростертое тело, бесформенное, необъятное лежало наполовину погребенное в зарослях стелющихся растений. Я с ужасом смотрел на крохотную головку, напоминающую коровью, которая бесполезно свисала с этого горообразного создания. На некотором удалении от головы из туши выступал напоминающий ногу придаток со свисающим копытом.

— Да,— сказал Винтер.— Это корова. Вернее, корова-мутант, у которой больше нет никаких ограничений в росте. Сейчас это обширная культура клеток, абсорбирующая питание прямо из зарослей. У всех этих мутаций растет гора плоти. Рудиментарная головка и вырастающие иногда конечности для этой туши совершенно бесполезны.

Я вернул снимки. Мне было не по себе.

— Достаточно,— выдавил я.— Ваша взяла. Давайте выпутываться из этого.

Засовывая пистолет в карман, я подумал о пулевом отверстии в панели управления и вздрогнул.

* * *

Вернувшись в кабинет, я присел у стола. Винтер снова заговорил.

— Да, приятель... не очень-то приятно узнать это все так, сразу...

Офицер продолжал говорить, а я попытался обобщить его фрагментарные сведения в одну связную картину. Необъятная паутина линий, каждая из которых представляет собой вполне законченную вселенную, каждая чуть-чуть отличная от всех других. Где-то вдоль одной из линий, в каком-то из миров было изобретено устройство, позволяющее пересекать эти линии. Что ж, может быть, так оно и есть. При таком количестве параллельных миров где-то может случиться что угодно.

— А как же насчет других А-линий? — спросил я, поразмыслив.— Если миров так много, ведь должно же быть такое место, где это самое открытие было тоже сделано, и где имеется только одно какое-нибудь маловажное отличие. Я имею в виду отличие от вашего мира. Почему вся вселенная не кишит такими устройствами, постоянно сталкивающимися друг с другом?

— Наши ученые серьезно занимаются этим вопросом, дружище, и пока они не могут дать определенного ответа. Тем не менее, кое-что установлено. Во-первых, конструкция генератора Максони-Копини фантастически сложна в исполнении, как я уже объяснял. Малейший промах в первоначальных экспериментах — и мы бы закончили свой путь так же, как те миры, фотографии которых вы успели уже лицезреть. По-видимому, вероятность изобретения этого привода фантастически мала — и, тем не менее, мы его сделали, и теперь мы умеем и управлять им.

Что же касается очень близких линий, то теория как будто показывает, что не существует физического разделения между линиями; те из них, которые микроскопически близки друг к другу, по существу сливаются и смешиваются между собой. Это трудно объяснить непосвященному человеку. Один мир фактически переходит в другой совершенно случайно. По существу, природа бесконечности такова, что, кажется, должно существовать бесконечное число близких линий, по которым мы непрестанно перемещаемся. Обычно здесь нет видимых отличий. Мы не замечаем их примерно так же, как не замечаем того, что движемся из одной временной

точки в другую в процессе нормального возрастания энтропии.

Увидев, как я озадаченно нахмурился, Винтер добавил:

— Линии движутся обоими способами, вы должны знать, в бесконечном количестве направлений. Если бы мы могли переместиться точно назад вдоль какой-либо А-линии, мы могли бы путешествовать в прошлое.

Но это не получается, так как два тела не могут занимать одно и то же пространство и все такое... Принцип Максони позволяет перемещаться таким путем, который, по мнению наших ученых, расположен под прямым углом к нормальному течению событий. С его помощью мы могли действовать на всех 360-ти градусах, но всегда на том же самом уровне энтропии, с которого мы начали. Таким образом мы прибудем в Стокгольм 0-0 в тот же самый момент, когда отправлялись из мира В-1-три.

Винтер рассмеялся.

— Эта деталь стала причиной непонимания и взаимных обвинений при производстве первых испытаний.

— Значит, мы непрерывно слоняемся по различным вселенным, даже не осознавая этого,— сказал я скептически.

— Необязательно любой из нас. и не все время,— усмехнулся Винтер.— Но эмоциональные потрясения, возможно, сопровождаются эффектом перемещения. Но, конечно, нам очень трудно заметить разницу между двумя смежными линиями, если она заключается во взаимном расположении двух песчинок или даже двух атомов внутри песчинок. Но иногда люди замечают некоторые несоответствия. Вероятно, вы сами замечали некоторые крохотные несоответствия в какой-то определенный промежуток времени. Исчезновение некоторых предметов, некоторые внезапные изменения характеров людей, хорошо вам знакомых, ложные воспоминания прошлых событий. Вселенная не такая уж жесткая в каких-то навсегда установленных рамках, как мы думали раньше.

— Вы ужасно правдоподобны, капитан,— сказал я.— Считайте, что я поверил вашему рассказу. А сейчас я хотел бы послушать ваш рассказ об этом фургоне или как вы его там называете.

— Вы находитесь в небольшой передвижной машине, шаттле, которая смонтирована на самодвижущемся шасси. Шаттл может перемещаться по ровным участкам зем-

ли или мостовой, а также по спокойной водной поверхности. Это дает нам возможности маневрировать в пространстве на собственной земле, так сказать, избегая опасности пытаться проводить наземные операции в незнакомом районе.

— А где остальные люди вашей группы? Должно быть не меньше трех.

— Они все на своих местах,— кивнул Винтер.— Здесь есть еще одна небольшая комната, в которой находятся механизмы привода. Она расположена впереди кабины управления.

— А для чего это? — я указал на коробку, лежащую на столе, из которой я взял пистолет.

Винтер быстро взглянул на нее, а затем с сожалением сказал:

— Так вот откуда у вас оружие. Я терялся в догадках, так как сам вас обыскивал, когда изымал документы. Проклятая небрежность Дойля, вот чертов охотник за сувенирами. Я велел давать мне все на рассмотрение, прежде чем привозить это в наш мир. Так что, я полагаю, тут и моя вина.

Он осторожно прикоснулся к своей раненой руке.

— Не надо слишком сокрушаться. Я достаточно умный парень,— сказал я,— но не очень храбрый. По сути дела, я до смерти боюсь того, что мне уготовано по прибытии на место назначения.

— С вами будут хорошо обращаться,— заверил меня Винтер.

Я не стал спорить. Может быть, когда мы прибудем, я смогу сделать еще одну попытку к бегству, используя пистолет. Однако, это направление мысли было не очень обнадеживающим. А что мне делать потом? В этом Империуме Винтера?

Что мне нужно, так это обратный билет домой! Я подумал о родной земле, как о мире В-1-три и понял, что начинаю принимать теорию Винтера.

Подойдя к столу, я сделал большой глоток из голубой бутылки.

— Почему мы не взрываемся, когда пересекаем какую-нибудь из этих опустошенных линий, или не сгораем, пересекая горячие миры? — спросил я внезапно.— Предположим, что мы вздумали бы выглянуть наружу, где вы фотографировали обломки скал.

— Мы не засиживаемся ни в одном из этих миров слишком долго, приятель,— пояснил Винтер.— На каж-

дой из этих линий мы находимся бесконечно малый промежуток времени. Следовательно, у нас нет возможности на физический контакт с окружающей обстановкой.

— А как же вы тогда фотографируете и используете свои коммуникаторы?

— Камеры остаются внутри поля. Снимок по существу является смещением экспозиций на всех линиях, которые мы пересекаем в момент съемки. Эти линии едва отличаются друг от друга, конечно, и поэтому снимки совершенно отчетливы. Наши же коммуникаторы используют что-то вроде генератора волн, распространяющего передачу.

— Винтер,— сказал я,— все это чрезвычайно интересно, но у меня складывается впечатление, что вы невысоко цените людей как таковых. Я думаю, что вы, возможно, планируете использовать меня в каком-то нужном вам эксперименте, а затем выбросить; зашвырнете в одну из этих груд космического лома, которые показывали на снимках. И эта бурда в голубой бутылке совсем не утешает меня настолько, чтобы вышибить мысли из моей головы.

— Боже упаси, приятель,— Винтер резко выпрямился.— Ничего подобного! Мы далеко не проклятые варвары. Я заверяю вас в этом! Поскольку вы являетесь объектом государственных интересов Империума, вы можете быть уверены, что с вами будут обращаться гуманно и с должным почтением.

— Мне не понравились ваши слова о пункте сосредоточения. Это звучит для меня как заключение в тюрьму.

— Совсем нет,— замотал головой Винтер.— Имеется весьма большое количество весьма приятных А-линий вне пределов Поражения, которые либо полностью необитаемы, либо заселены народами с недостаточным уровнем технического развития. Любой может избрать наиболее близкий для себя технологический или культурный уровень, где бы ему понравилось жить. Все лица, задержанные для допроса, самым тщательным образом обеспечены: их снабжают всем необходимым для проживания с комфортом всю оставшуюся жизнь.

— Высаживают на необитаемом острове или оставляют в деревне дикарей? Вам, знаете ли, не кажется, что это не слишком веселая перспектива для меня? А, капитан? Вы знаете, что я думаю? Нет? Так вот, я хотел бы попасть домой!

Винтер интригующе улыбнулся.

— Что бы вы сказали, если б вас снабдили состоянием в твердой валюте, ну, хотя бы, в золоте, и поместили в общество, очень сильно напоминающее, например, английское семнадцатого века с тем дополнительным преимуществом, что у вас было бы электричество, множество современных книг, запас необходимых вещей, в общем, все по вашему усмотрению, для того, чтобы с удовольствием прожить всю оставшуюся часть вашей жизни? Вы должны помнить, что в вашем распоряжении все ресурсы вселенной!

— Мне бы больше хотелось, чтобы я имел чуть больше выбора,— вставил я.— Предположим, что мы продолжим путь, раз мы вышли из Зоны Поражения. Вы могли бы привести эту машину назад в тот мир, откуда меня выдернули? Помните, что я могу заставить вас силой!

— Послушайте, Байард,— нетерпеливо сказал Винтер.— У вас есть пистолет. Очень хорошо. Застрелите меня. Застрелите всех нас. Чего вы этим добьетесь? Управлять этой машиной вы все равно не сможете, для этого необходимо иметь огромные навыки и технические знания. Органы управления сейчас настроены на автоматическое возвращение в исходный пункт. Запомните, что ПОЛИТИКА ИМПЕРИУМА запрещает возвращать какое-либо лицо в тот мир, откуда оно было взято. Единственное, что вам остается, это сотрудничать с нами, и примите мои заверения как офицера Империума, что с вами будут обращаться с подобающим уважением.

Я посмотрел на пистолет.

— В кинокартинах,— сказал я,— парень с дубиной всегда добивается своего! Но вас, кажется, не очень-то тревожит, пристрелю я вас или нет?

Офицер улыбнулся.

— Если отбросить в сторону то, что вы сделали несколько глотков коньяка из моей бутылки, и, вероятно, не прострелили обшивку шаттла вашим идиотским выстрелом из этого пистолета, который вы до сих пор держите в руке, заверяю вас...

— Ну что ж, поверю,— сказал я и швырнул пистолет на стол. Потом сел и откинулся на спинку стула.— Разбудите меня, когда будем у цели, старина. Я хотел бы привести свое лицо в порядок.

Винтер захохотал.

— Вот теперь вы поступаете разумно, приятель. Мне было бы чертовски неприятно предупреждать персонал базы о том, что вы размахиваете в машине заряженным пистолетом.

ГЛАВА III

Я проснулся от толчка. Шея болела ужасающе, не лучше было и с остальным телом, стоило только пошевелиться. Со стоном я опустил ноги со стола и сел ровно. Что-то было не так. Винтера не было в комнате, гудения машины не было слышно. Я подпрыгнул.

— Винтер! — закричал я. Перед глазами возникла картина, как меня высаживают на одном из этих похожих на ад миров. В этот момент я понял, что до этого не столько боялся попасть в этот загадочный Ноль-Ноль, сколько я боялся того, что не попаду туда.

Винтер открыл дверь и заглянул в компату.

— Я сию минуту буду с вами, мистер Байард,— успокоил он меня.— Мы прибыли по расписанию.

Я занервничал. Бросился за пистолетом, но нигде не смог его отыскать. Он исчез. Я сказал себе, что это не хуже, чем пойти на прием к послу.

Вошли двое вышибал, за ними Винтер. Один из них открыл дверь и стал наготове рядом. За дверью я различил отблески солнца на ровной мощенной поверхности и группку людей в белой форме, глядящих в нашем направлении.

Я переступил порог и осмотрелся.

Мы были в большом помещении, напоминавшем крытый вокзал. Группка людей в белой форме стояла невдалеке и что-то ждала.

Наконец один из них вышел вперед.

— Слава Йову, Винтер,— громко сказал он.— Вы совершили это. Мы поздравляем вас, старина.

Другие из ожидавших тоже подошли к нам и собрались вокруг Винтера, задавая вопросы, и поминутно оборачиваясь в мою сторону. Никто из них не проронил со мной ни одного слова.

«Ну и черт с ним»,— подумал я.

Я повернулся и начал прогуливаться, стараясь определить, где тут выход. Но здесь была только одна дверь,

да и то возле нее находилась тумбочка для часового. Я взглянул на дежурного и прошел мимо.

На обратном пути я остановился возле него и медленно проговорил:

— Тебе следует получше запомнить меня, парень. Ты теперь будешь видеть меня довольно часто. Я твой новый командир...— Внимательно осмотрев часового, я опять сказал: — Нужно лучше следить за своей формой.

Повернувшись, я собирался уже покинуть изумленного часового, как в этот момент к нам подошел Винтер, тем самым положив конец тому, что должно было вскоре послужить чисто сработанному бегству.

— Но куда бы я отсюда убежал???

— Сюда, старина,— сказал капитан, обращаясь ко мне.— Нечего тут бродить. Я уполномочен отвезти вас прямо в королевскую разведку, где вы без сомнения сможете узнать гораздо больше о причинах вашего... э-э...— Винтер прочистил горло,— ...визита.

— А я подумал, что это и есть Имперская Разведка,— сказал я.— И что для высокого уровня операции прием весьма скромен. Я думал, что будет оркестр или хотя бы пара фараонов с наручниками.

— Королевская Шведская Разведка,— объяснил Винтер.— Мы сейчас отправимся туда. Швеция подчинена Империуму. Там вы и встретите парней из Имперской Разведки. Что же касается приема, то мы не работаем с большой помпой, да будет вам это известно!

Винтер жестом пригласил меня в громоздкий штабной автомобиль, ожидавший нас возле ворот этого огромного зала. Он тут же рванулся вперед, ворота стремительно распахнулись и мы оказались на широком проспекте, ведущем, очевидно, к месту моего назначения.

— Я думал, что ваш шаттл движется только поперек,— заметил я,— и остается в том же месте на карте. Это место ничем не напоминает то, откуда я был взят в плен!

— Что заставило вас сделать такой вывод?

— Эта местность совсем не похожа на холмистый Старый Город.

— У вас поразительное мышление и зоркий глаз, не пропускающий кажущимися малозначительными детали,— сказал Винтер.— Мы проводим шаттл к положению перед стартом по улицам, прежде чем включаем привод. Сейчас мы в северной части города.

Наш гигантский автомобиль с ревом пронесся по мосту и закружился по длинному спуску, ведущему к кованной решетке перед массивным серым зданием из гранита. Люди, которых я видел, выглядели совсем буднично, за исключением некоторых странностей в их одежде и необычно большого количества ярких мундиров.

Часовой у железных ворот был облачен в вишневый мундир с белыми штанами. На голове у него был черный стальной шлем, увенчанный позолоченной пикой и пурпурным плюмажем. Он отсалютовал нам своим оружием коротким безобразным пикелированным автоматом — и как только ворота открылись, мы проехали мимо него и остановились перед широкими дверьми из полированного, оббитого железом дуба. Медная табличка перед входом гласила:

«ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ»

Я ничего не говорил, пока мы шли через великолепны беломраморный зал, пока мы ехали в просторном лифте. Мы прошли еще через один зал, пол которого был покрыт розовым гранитом, и остановились перед массивной дверью. Вокруг никого не было.

— Не волнуйтесь, мистер Байард, отвечайте искренне на все заданные вам вопросы, пользуясь теми же формами обращения, что и я,— напутствовал меня напоследок Винтер.

— Не собираюсь разваливаться на части,— заметил я, отметив про себя, что Винтер кажется очень взволнованным, открывая дверь после слабого стука.

Мы вошли в огромный, богато обставленный зал или, скорее всего, кабинет. Всю среднюю часть его занимал серый ковер, немного поодаль вокруг широкого стола сидели трое, четвертый сидел несколько отдельно от них.

Винтер затворил дверь, пересек кабинет (я плелся за ним), стал по стойке «смирно» в трех шагах от стола и отдал честь.

— Сэр, шеф-капитан Винтер приказание выполнил,— сказал он сдержанно.

— Очень хорошо, Винтер,— сказал человек, сидящий в общей группе.

Винтер опустил руку и повернулся к человеку, который сидел отдельно.

Тот наклонил голову вниз и прикрыл глаза.

Винтер радостно улыбнулся и повернулся к остальным.

— Ваше превосходительство,— сказал он, низко склонившись перед одним из сидевших.

— Главный инспектор, приветствую вас,— сказал он, здороваясь со вторым, а третьего весьма тучного мужчину со смешным лицом назвал просто «сэр».

Человек за столом внимательно рассматривал меня во время этого обмена приветствиями.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Байард,— сказал он приятным голосом, указывая на пустой стул прямо перед столом. Винтер продолжал стоять по стойке «смирно».

Человек посмотрел на него.

— Вольно, шеф-капитан,— сказал он и снова повернулся ко мне.

— Я надеюсь, что то, что вас привели сюда, не вызовет у вас чрезмерного предубеждения против нас, мистер Брайад,— сказал он. У него было длинное, мрачное лицо с тяжелым подбородком.

— Меня зовут генерал Бернадотт,— продолжал он.— Эти джентльмены — Фрейхорр фон Рихтгофен, Главный инспектор Бейл и мистер Беринг.

Я кивнул им.

Бейл был худым широкоплечим мужчиной с маленькой лысой головкой. На лице его застыло неодобрительное выражение.

Бернадотт продолжал:

— Прежде всего, мне хочется заверить вас, что наше решение привести вас сюда было отнюдь не легким. Я знаю, что у вас много вопросов. Заверяю вас, что на все из них будет дан исчерпывающий ответ. Скажу вам честно, что мы вызвали вас сюда для того, чтобы воспользоваться вашей помощью.

Вот к этому я не был готов. Я не представлял, что ждет меня, но то, что столько высокопоставленных лиц просят у меня помощи, лишило меня дара речи.

— Замечательно,— прокомментировал тучный гражданин, которого звали мистер Беринг. Я вспомнил портрет гитлеровского главнокомандующего военно-воздушными силами.

Теперь я твердо был уверен, что Винтер говорил мне сущую правду. И это подтверждалось увиденным — в этом мире были настоящие двойники или аналоги людей моего собственного мира.

— Многофазная реальность, конечно, при внезапной встрече с ней может кого угодно привести в замешательство,— заметил генерал.— Особенно человека, всю жизнь

прожившего в своем собственном тесном мире. Для тех же из нас, кто вырос с этим зрением, она кажется единственно естественной и соответствующей принципам множественности и пространственного континуума. Мысль об однолинейной причинно-следственной последовательности является концепцией искусственного ограничения сверхупрощения действительности. И причиной тому — человеческий эгоцентризм.

Остальные четверо слушали столь же внимательно, как и я. Хотя старик говорил очень тихо, слышно его было отлично — в кабинет почти не проникал шум уличного движения.

— Насколько мы преуспели в изучении мира В-1-три, откуда вы родом, позволило нам выяснить, что линии развития наших миров имеют общую историю где-то до 1790 года. Еще одно столетие они оставались тождественными в большинстве деталей. И только после этого началось резкое развитие разграничения.

Здесь, в нашем мире, два итальянских ученых, Джулио Максони и Карло Копини, в 1893 году сделали основополагающее открытие, которое после нескольких лет исследований реализовали в устройстве, которое дало возможность перемещаться по собственному желанию в широком диапазоне того, что мы называем Альтернативными линиями или А-линиями. Копини погиб в самом начале испытаний, и Максони решил, что настало время предложить их изобретение правительству Италии. Но он получил резкий отказ.

После нескольких лет травли со стороны итальянской прессы, которая безжалостно высмеивала его, Максони уехал в Англию и предложил свое изобретение британскому правительству. После длительного и очень осторожного периода переговоров сделка все-таки состоялась. Максони получил титул, поместья и миллион фунтов золотом. С этих пор Британское Правительство стало единственным обладателем важнейшего в истории человечества изобретения после открытия колеса. Колесо дало человеку господство над поверхностью своего мира, принцип Максони передал в его распоряжение всю Вселенную!

В глубокой тишине было слышно только слабое поскрипывание кожи моего кресла, так как я не мог слушать все это спокойно, не шевелясь.

Наконец генерал откинулся назад на спинку кресла и, глубоко вздохнув, улыбнулся.

— Надеюсь, что не слишком ошеломил вас, мистер Байарл, избытком исторических подробностей.

— Нет, нет,— поспешно сказал я.— Все это было очень интересно.

Генерал кивнул головой и продолжал:

— Как раз в это время Британское правительство вело переговоры с Германским Имперским Правительством о заключении взаимно выгодных торговых соглашений с целью избежать братоубийственной войны, которая тогда казалась неизбежной, не будь произведен раздел соответствующих сфер влияния.

Приобретение бумаг Максони придало весьма заманчивый аспект сложившейся ситуации. Совершенно правомерно чувствуя, что теперь у них более благоприятная исходная позиция, британцы предложили объединение двух империй в нынешний Англо-Германский Империум с Ганноверско-Виндзорской династией на троне. Вскоре, после объединения, договор о согласии вступить в Империум подписала Швеция и по разрешении ряда технических деталей, 1 января 1900 года возник нынешний Империум.

У меня было такое чувство, что генерал Бернадотт сильно упрощает события. Ведь как много людей было убито в ходе разрешения гораздо более мелких проблем! Однако я не стал делиться с ним этими мыслями.

— С самого начала своего существования,— продолжал генерал,— Империум провел программу исследований, составления карт и изучения А-континиума. Довольно долго исследования приносили непонятные результаты — на обширном пространстве во всех направлениях от исходной точки существует полный хаос. Снаружи этого региона, однако, существует бесконечное число линий. Эти линии, лежащие вне Поражения, все как одна представляют собой миры, в которых расхождение в общей дате истории началось лет 400 назад. Другими словами, эти миры имеют одинаковую с нашим миром историю до 1550 года. При дальнейшем перемещении дата расхождения уходит в более древние времена. В настоящее время предел наших исследований уходит примерно к одномиллионному году до новой эры.

Я не понял последнюю фразу генерала, но решил промолчать. Такое поведение, по-видимому, вполне устраивало Бернадотта.

— Но вот в 1947 году изучение фотографий, произведенных автоматическим шаттлом, выявило странную

аномалию: внешне пормальный, обитаемый мир, лежащий в Зоне Блайта, иными словами, в Зоне Поражения!!! Такое отыскание этой линии заняло у нас несколько недель. В первый раз мы посетили мир, почти не отличающийся от нашего. Мир, в котором многие установления нашего мира должны быть продублированными.

Мы были преисполнены надежд на плодотворное сотрудничество между нашими мирами, но нас ждало такое горькое разочарование.

Генерал повернулся к лысому человеку, которого он представил как Главного инспектора Бейла.

— Главный инспектор,— сказал он.— Соблаговолите продолжить мой доклад.

Бейл выпрямился в кресле, сложил руки и начал:

— В сентябре 1948 года два старших агента службы Безопасности были направлены в этот мир. Они были временно возведены в ранг Министров по особым поручениям и наделены полными дипломатическими полномочиями на ведение переговоров с руководителями Национал-Демократического Союза. Эта политическая единица по сути включала в себя большую часть обитаемого мира В-1-два. Серия ужасных войн с применением радиоактивных взрывчатых веществ уничтожила наиболее цивилизованные районы этой линии.

Европа вся лежит в развалинах. Мы установили, что штаб-квартира НДС размещается в Северной Африке, и в качестве ядра выступает прежняя французская колониальная администрация. Руководит всем бывший солдат, который утвердил себя пожизненным диктатором уцелевшей части мира. Его армия состоит из подразделений всех прежних воюющих сторон и держится только на мародерстве и обещаниях высоких постов в новом обществе, основанном на грубой силе.

Наши агенты вошли в контакт с одним из высших военных, назвавшим себя генерал-полковником Янгом. Он командовал толпой оборванных головорезов в пестрых гимнастерках. Наши агенты попросили его препроводить их в резиденцию диктатора. Янг приказал своим молодцам взять их в плен и бросить в тюрьму, где они были избиты до бесчувствия, несмотря на наличие дипломатических паспортов и верительных грамот.

Тем не менее, после этой ужасной экзекуции Янг отправил их на допрос к диктатору. Во время допроса диктатор вытащил пистолет и прострелил одному из моих парней голову, убив его на месте. Когда же не уда-

лось заставить и второго агента добровольно сотрудничать с диктатором, без предварительного признания его аккредитованным посланником Имперского Правительства, требующим наказания и соответствующего обращения в духе международных соглашений, его вернули в руки опытных палачей.

Под пыткой агент наговорил более чем достаточно такого, чтобы убедить следователей в своей безумности. Его освободили, но только для того, чтобы дать ему умереть от голода и нанесенных ран.

Нам удалось отыскать его и вырвать из этого мира, но он все же умер, успев только рассказать о случившемся.

Я пока что воздерживался от комментариев. Все это звучало гадко, но у меня не было никакого восхищения и перед методами, применявшимися Империумом по отношению ко мне.

Генерал наконец подвел итог:

— Мы решили не предпринимать карательных акций и просто оставили этот несчастный мир в изоляции.

Однако около года назад произошло событие, которое показало, что такая политика более непригодна.

Манфред, я прошу вас взять на себя следующую часть изложения.

— Подразделения нашей Службы Надзора Сети,— начал Рихтгофен,— внезапно обнаружили активность в одном из пунктов линии на некотором удалении от 0-0. Все это происходило в секторе 92. На случай такого обстоятельства мы были начеку с самого начала, когда только начали разрабатывать Сеть. Тяжеловооруженный объект неизвестного происхождения материализовался в одном из наиболее ценных нами промышленных миров, входящих в группу миров, с которыми ведем мы торговлю с оборотом во много миллиардов фунтов. Материализация произошла в густо населенном районе. Из объекта был выпущен сильнодействующий газ и сотни людей были убиты. После этого появились захватчики в масках, общим числом один-два взвода, и начался грабеж одежды и драгоценностей с тел, разгром магазинов — оргия безответственного разрушения. Наш разведчик СНС появился через несколько часов после ухода агрессора. Шаттл подвергся массированному нападению со стороны справедливо восставших жителей, пока ему не удалось доказать, что это аппарат Империума.

Рихтгофен нахмурился.

— Спасательную операцию проводил я лично. Неизвестными было убито более четырех сотен невинных людей, пожаром были разрушены дорогостоящие производственные мощности, выведены из строя исследовательские центры, население было полностью деморализовано. Это было для всех нас очень печальным зрелищем.

— Как видите, мистер Байард,— сказал Бернадотт,— мы почти беспомощны в деле защиты наших друзей от набегов. И хотя нами разработаны чрезвычайно чувствительные приборы обнаружения МК (Максони — Копини) поля, трудность состоит в практической невозможности своевременного достижения атакованного места. Само перемещение не требует времени, но точное определение необходимой линии среди множества других — чрезвычайно тонкая задача. Наши устройства позволяют это сделать, но только после весьма близкого приближения в режиме ручного управления.

— После этого, с очень небольшими перерывами,— продолжил опять Рихтгофен,— наши дружественные миры подверглись еще семи подобным рейдам. Затем обстановка изменилась. Рейдеры незнакомцев стали появляться в большом количестве, причем это были аппараты с большой грузоподъемностью. Кроме того, стали практиковаться облавы на молодых девушек. Стало очевидно, что возникла серьезная угроза миру среди А-линий.

В конце концов нам посчастливилось обнаружить поле рейдера в непосредственной близости от одного из наших вооруженных шаттлов. Он быстро настроился на сходящийся курс и материализовался через двадцать минут после начала нападения. Командир шаттла огнем из крупнокалиберного орудия тотчас же разнес на куски аппарат пиратов. Несмотря на то, что команда была деморализована потерей своего корабля, сопротивлялась она тем не менее почти до последнего человека. Нам удалось захватить в плен для допроса всего лишь двоих.

Интересно, подумал я, насколько отличаются методы Империума от соответствующих методов диктатора мира В-1-два, но спросить об этом не решился. Да и зачем, если это обнаружится весьма скоро.

— От пленников мы узнали гораздо больше, чем ожидали. Эффективность пиратских набегов зависела от неожиданности нападения и быстроты бегства. Было установлено, что в набегах участвуют не более, чем четыре аппарата. На каждом из них может находиться около полусотни пиратов. Пленники хвастливо заявили нам,

что у них есть сокрушительное оружие и оно будет применено для возмездия! Из слов пленников можно было заключить, что МК — привод появился у них совсем недавно и что им совершенно неизвестна ни конфигурация Сети, ни бесконечное разветвление одновременной реальности.

Казалось, пленники думают, что их друзья отыщут нашу базу и без затруднений уничтожат ее. Кроме того, они весьма смутно представляли размеры и характер поражения. Они упомянули об исчезновении нескольких своих аппаратов в этом районе. Оказалось также, к счастью для нас, что у них есть лишь самые элементарные средства обнаружения, и что управление их аппаратами в высшей степени ненадежно. Но наиболее важной информацией было установление происхождения захватчиков.

Рихтгофен сделал паузу для создания драматического эффекта.

— Это был все тот же несчастный наш близнец, мир В-1-два.

— Каким-то образом,— снова заговорил Бернадотт,— несмотря на хаотическое состояние общества и последствия разрушительных войн, они преуспели в создании устройств, более примитивных, чем те, с которых мы начинали почти шестьдесят лет назад.

Следующий ход неприятеля оказался ошеломляюще неожиданным. То ли благодаря удивительно быстрому развитию науки, то ли благодаря чудовищному упорству и слепой удаче, одному из разведчиков удалось обнаружить линию 0-0 самого Империума. Аппарат материализовался в нашем континууме в окрестностях города Берлин, одной из королевских столиц.

Команда, видимо, была подготовлена к этому посещению. Она установила какое-то необычное устройство на самом верху ажурной мачты, которую поставили посреди пустыря, и сейчас же отчалили. Где-то в пределах трех минут, насколько мы были в состоянии определить, устройство взорвалось с невообразимой силой. Площадь абсолютного опустошения составила более квадратной мили; число погибших исчислялось тысячами. До сих пор эта местность остается отравленной какой-то формой радиации, исходящей из сожженного грунта. Жизнь в этом районе больше невозможна.

Я кивнул.

— Догадываюсь, что это такое.

— Да,— кивнул генерал.— Нечто подобное есть в вашем мире, не так ли?

Я сделал вид, что вопрос этот чисто риторический и поэтому промолчал.

Бернадотт продолжил:

— Какими бы грубыми не были их методы и аппаратура, им удалось все-таки щегольнуть своей силой перед Империумом. Сейчас это только вопрос времени — если удастся разработать адекватные средства управления шаттлами и надежные устройства обнаружения, то для нас возникнет проблема столкнуться лицом к лицу с полчищами оборванных, но хорошо обученных солдат, вооруженных наводящими ужас радиевыми бомбами, посредством которых они уничтожили свою собственную культуру. Вот тогда-то они и набросятся на нас!

С этой возможностью нельзя не считаться, и поэтому мы занялись тщательной подготовкой. По всей вероятности, имеется два возможных варианта, но каждый в равной степени нежелателен. Либо мы ждем последующих атак и тем временем укрепляем нашу оборону, кстати говоря, весьма сомнительного качества по сравнению с фантастическим оружием врагов, либо мы сами организуем нападение и отправляем огромную армию вторжения в мир В-1-два. Проблемы снабжения, перевозки, организации тыла и в том, и в другом случае будут невообразимо сложными.

Итак, я узнал кое-что об Империуме. Во-первых, у них не было атомной бомбы. И нет научной концепции энергии атома. Их рассуждения о характере войны против организованной армии, вооруженной ядерным оружием, наглядное свидетельство этому. Кроме того, у них не было жестоких уроков наших тотальных войн — и поэтому отсутствует всякий военный опыт. Они наивны, даже отсталы в некоторых вопросах военной теории. Их образ мышления более характерен для европейцев XIX века, чем для представителей современного цивилизованного мира.

— Около месяца назад, мистер Байард,— Бейл снова принял эстафету,— появился еще один новый фактор, предоставляющий нам третью возможность встречи с противником. В самом сердце Зоны Поражения, на совсем близком расстоянии от мира В-1-два и даже более близком к нам, чем этот мир, мы обнаружили еще один уцелевший мир. Это был ваш мир, мистер Байард, который мы назвали В-1-три.

В течение семидесяти двух часов сотни тщательно обученных агентов были размещены в определенно подобранных пунктах мира В-1-три. Мы были преисполнены решимости избежать грубых ошибок, как это было с миром В-1-два. Слишком велика была ставка. По мере поступления информации выяснилось, что все агенты сумели благополучно внедриться в различные области политической и общественной жизни различных государств вновь открытого мира. Сведения от агентов немедленно поступали в Генеральный Штаб и Чрезвычайный Имперский Комитет. Главной задачей последнего было как можно с большей точностью установить календарные соответствия как между мирами В-1-два и В-1-три, так и Империумом. Необычайная трудность этой задачи усугублялась, как поразительно большим количеством параллельных аналогичных событий и лиц, так и некоторыми фантастическими расхождениями.

Неделю назад было объявлено, что с вероятностью 98 % можно считать, что ваш мир, мистер Байард, В-1-три, имеет одинаковую историю с миром В-1-два до 1911 года. Как раз в это время мой коллега из германской разведки, мистер Беринг, сделал великолепное предложение. Меры, предложенные им, были немедленно одобрены. Всем агентам было предложено немедленно прекратить свои исследования и сосредоточить усилия на отыскании следов...— Бейл взглянул на меня,— на отыскании следов мистера Брайарда!

Они доподлинно знали, что я был готов буквально взорваться от распиравшего меня любопытства, и поэтому внимательно следили за моей реакцией. Я остался спокоен и просто выжидательно посмотрел на Бейла. Тот поджал губы. Видно, я чертовски не нравился ему.

— Мы напали на след в записях выпускников университета...— Бейл хмуро посмотрел на меня,—...название которого напоминает мне чем-то алюминиевый сплав.

Должно быть, этот Генеральный Инспектор кончал в свое время Оксфорд, подумал я. А вслух сказал:

— Вы, наверное, имеете в виду «Иллинойс?»

— Во всяком случае,— продолжал Бейл,— проследить ваш дальнейший жизненный путь было сравнительно просто — военная служба, дипломатический корпус. Наш человек упустил только ваше участие в миссии во Вьетнаме.

— Не в миссии, а в Генеральном Консульстве,— поправил я его.

Бейла, кажется, несколько раздосадовало мое замечание. И я был рад этому. Он также ничуть не нравился мне!

— Позавчера вы получили новую работу в Стокгольме. Там вас уже ждал наш человек. Он не упускал вас из виду, пока не прибыл аппарат. Остальное вы уже знаете.

Наступила тишина. Я заерзал в кресле, переводя взгляд с одного лишенного выражения лица на другое.

— Хорошо,— сказал я.— Предполагается, что сейчас я должен кое-что у вас спросить. Не буду оттягивать ваши надежды. Почему искали именно меня?

Несколько колеблясь, генерал Берадотт открыл ящик стола и вынул оттуда плоский предмет, завернутый в коричневую бумагу. Затем он снова заговорил, одновременно с этим снимая бумагу с предмета.

— У меня здесь портрет диктатора мира В-1-два в парадной форме. Один из двух предметов, которые нам удалось получить из этого несчастного мира. Копии этого портрета развешены повсюду.

Он протянул портрет мне. Это была литография весьма низкого качества, цветная, на которой был изображен человек в мундире, грудь которого до самого края фотографии была покрыта орденами. Под портретом красовалась надпись:

«Его Превосходительство, Герцог Алжира, Верховный Главнокомандующий, Генерал-Маршал Брайан Первый, Байард, Диктатор».

Лицо на портрете было МОИМ!

ГЛАВА IV

Я долго смотрел на этот парадный портрет. Вряд ли это была подделка, я чувствовал себя сбитым с толку. Это было непостижимо.

— Теперь вы можете понять, мистер Байард, почему вас доставили сюда,— сказал генерал, когда я вернул фото.— Вы наш приятный Козырной туз. Но только в том случае, если вы согласитель помочь нам добровольно.

И снова он обратился к Рихтгофону.

— Манфред, будьте добры, обрисуйте мистеру Байарду наш план.

Рихтгофен прочистил горло.

— Весьма возможно,— сказал он,— что мы могли бы избавиться от диктатора Байарда, разбомбив его резиденцию. Но это, однако, создало бы только временную передышку. Появился бы новый лидер и... Кстати, передышка была бы очень короткой, поверьте мне, организация врагов сильна. Вполне возможно, что передышка не наступила бы — атаки вполне могли бы продолжаться, как и ранее. Кроме того, мы еще не готовы производить массированные нападения.

Нет! Для достижения наших целей было бы намного лучше, если бы Байард продолжал оставаться руководителем Национал-Демократического Союза — но, чтобы был под нашим контролем.

Здесь он намеренно обернулся в мою сторону.

Специально оборудованный шаттл, управляемый наиболее опытными техниками, мог бы высадить одного человека в пределах жилого помещения, занимающего верхний этаж дворца диктатора в Алжире. Мы уверены, что решительный человек, проникший таким способом во дворец и вооруженный наилучшим стрелковым оружием — из того, чем мы располагаем в настоящее время — сумел бы определить местонахождение спальни диктатора, проникнуть в нее, убить негодяя и каким-то образом, сейчас еще не знаем, избавиться от его тела.

Будь этот человек вами, мистер Байард, после десятидневной усиленной подготовки и с небольшим сетевым коммуникатором, мы уверены, что вы смогли бы без подозрений заменить мертвеца и править как абсолютный диктатор двадцатью миллионами бойцов Байарда.

— Но неужели у вас нет моего двойника? Я имею в виду, в вашем мире, в Империуме?

Бернадотт покачал головой.

— Ваш двойник в нашем мире умер еще будучи ребенком. Из вашей семьи здесь остался только троюродный брат, ближе никого нет.

Присутствующие смотрели на меня. У меня возникло чувство, что все они ждут от меня, что я поступлю торжественно и скромно в ответ на предложенную честь стать грудью за отечество и даже умереть за него. Но они не предусмотрели того, что моя Родина не Здесь. Меня похитили и силой препроводили сюда. Да к тому же я никак не мог представить себя в роли убийцы — и в особенности, какая абсурдная мысль, убийцы самого себя. Мне даже было не по себе от одной мысли, что меня оставят одного в банде висельников.

Я был готов высказать все это в совершенно определенных и недвусмысленных определениях, когда взгляд мой упал на Бейла. На лице его играла надменная презрительная полуухмылка, и мне стало ясно, что именно этого он и ожидает от меня. Его презрение ко мне было очевидным. Я чувствовал, что он думает обо мне как о человеке, который может только много говорить, а за душой у него нет ничего, кроме трусости. Я уже было открыл рот, чтобы заговорить, но насмешливое выражение на лице инспектора заставило меня сказать совсем другое. Я сказал слова, которые должны были дать мне возможность оттянуть окончательное решение.

— А что после того, как я стану во главе мира В-1-два, что тогда? — спросил я.

— Через коммуникатор вы будете находиться в постоянном контакте с Имперской Разведкой,— живо отозвался Рихтгофен,— вы будете получать подробнейшие инструкции на каждый дальнейший ваш шаг. Нам хотелось бы разоружить В-1-два за полгода. После этого вас возвратят сюда.

— Разве меня нельзя вернуть домой?

— Мистер Байард,—серьезно сказал Бернадотт.— Вы уже никогда не сможете вернуться в ваш мир. Империум предлагает вам любое вознаграждение, которое вы только пожелаете, но только не это. Последствия раскрытия существования Империума в вашем мире настолько серьезны, что абсолютно исключают малейшие рассмотрения такой возможности. Однако....

Взгляды присутствующих обратились к генералу. Он выглядел так, как будто то, что он собирался сейчас сказать, имело очень большое значение.

— Чрезвычайный Комитет уполномочил меня,— сказал он торжественно,— предложить вам офицерский чин в ранге генерал-майора, мистер Байард. Если вы примете мое предложение, вашим первым поручителем в этом будет дело, о котором мы сейчас ведем речь.

Бернадотт протянул мне через стол большой лист пергамента.

— Вам следует знать, мистер Байард, что Империум не присваивает званий, особенно таких, как генерал-майор, без чрезвычайных на то оснований.

— Это будет очень необычное звание,— сказал, улыбаясь Беринг.— Такого звания нет в войсках Империума. Так же, как и званий генерал-лейтенант, генерал-

полковник, вы будете единственным в своем роде среди людей Империума.

— Мы приняли это звание из вооруженных сил вашего мира в знак нашего особого уважения к вам, мистер Байард,— сказал Бернадотт.

Я слушал и смотрел на причудливый лист бумаги. Империум хорошо приготовился заплатить за выполнение столь необходимой для него работы. ВСЕ, ЧТО Я ЗАХОЧУ! И несомненно, они думают, что странный вид моего лица объясняется жадностью от одной только мысли о двух генеральских звездах. Что ж, пусть так и думают. Я не намерен больше ничего сообщать им такого, что *могло* бы быть *использовано* против меня.

— Я обдумаю ваше предложение,— сказал я.

Вот теперь Бейл выглядел смущенным. Сначала он ожидал, что я наотрез откажусь, теперь же он считал, что я буду приведен в замешательство тем, что мне предложили. Ну и пусть остается со своими заботами об этом. Бейл как-то надоел мне.

Бернадотт несколько замешкался.

— Я собираюсь совершить беспрецендентный поступок, мистер Байард,— сказал он.— Пока что, на данный момент, по своей личной инициативе, я, как глава государства присваиваю вам звание полковника королевской армии Швеции безо всяких предварительных условий. Я делаю это в знак того, чтобы показать мою личную уверенность в вас, а также для многих теоретических целей.

Он встал и сочувственно улыбнулся, как будто не будучи уверенным в моей реакции на его предложение.

— Поздравляю вас, полковник,— сказал он, протягивая руку.

Я тоже поднялся. Все остальные уже стояли.

— В вашем распоряжении двадцать четыре часа на принятие решения, полковник,— сказал Бернадотт.— Я препоручаю опеку над вами с этого момента графу фон Рихтгофену и мистеру Берингу.

Рихтгофен обернулся к Винтеру, который все еще молча стоял рядом.

— Не присоединитесь ли вы к нам, шеф-капитан? — спросил он.

— С удовольствием,— ответил Винтер, щелкнув каблуками и наклонив голову.

* * *

Как только мы вышли в зал для приемов, Винтер повернулся ко мне и дружески похлопал по плечу.

— Поздравляю вас, старина. Вы здорово вели себя перед генералом.

Казалось, что бойкость снова вернулась к нему.

Я внимательно осмотрел своего похитителя.

— Вы имеете в виду короля Густава? — спросил я.

Винтер даже замер от удивления.

— Но откуда вы знаете? — наконец спросил он.— Откуда вы, черт возьми, это знаете?

— Но, должно быть,— сказал Беринг с воодушевлением,— в его мире Бернадотт также известен, не так ли, мистер Байард?

— Совершенно верно, мистер Беринг. Сейчас вы рассеяли ореол тайны вокруг меня.

— О, мистер Байард. Я буду вам признателен, если вы будете меня называть просто Герман.

Он дружески пожал мне руку.

— Только вы должны как можно больше рассказать нам о вашем замечательном мире.

В разговор вступил Рихтгофен:

— Я предлагаю, господа, поехать в мою летнюю виллу в Дроттингхольме, отужинать там и послушать рассказ о вашем мире, мистер Байард, за парой хороших бутылок. А мы вам расскажем о своем.

ГЛАВА V

Я стоял перед продолговатым зеркалом и не без одобрения рассматривал себя. Добрых полчаса двое портных как пчелы жужжали вокруг меня, накладывая последние штрихи на творение своих рук. Я обязан был отметить, что поработали они на славу.

На мне были бриджи узкого покроя из отличного серого сукна, невысокие черные сапоги, из тщательно выделанной кожи, белая полотняная рубаха без воротника и манжетов под сюртуком голубого цвета, застегнутым по самую шею. Отороченная золотом синяя полоса шла до самого низа брюк и массивные петли золотого шнура были нашиты вокруг рукавов запястья до локтя. Черный

кожаный пояс с большой квадратной пряжкой со шведским королевским крестом поддерживал украшение драгоценными камнями ножны с находящейся внутри тонкой рапирой с орнаментированной рукояткой.

На положенном месте с левой стороны груди, к моему удивлению, были размещены с предельной тщательностью все мои награды за Вторую Мировую Войну. На погонах блестели яркие серебряные орлы полковника вооруженных сил США. На мне был полный мундир, соответствующий моему новому положению в обществе Империума.

Я был очень рад, что не позволил себе выродиться в мягкотелого слабака, столь характерного для Департамента Иностранных дел США. Размягшего и бледного от долгого пребывания в кабинетах и поздних крепких выпивок на бесконечных официальных и неофициальных дипломатических встречах. У меня сносная ширина плеч, вполне приемлемая осанка, выпирающий немного живот отнюдь не портит линии моего нового наряда. Хорошая форма позволяет мужчине выглядеть мужчиной. Для какого же беса мы обзавелись привычкой завертываться в бесформенные двубортные костюмы невзрачной расцветки и идентичного покроя?

Беринг восседал в парчовом кресле в роскошных покоях, отведенных мне Рихгофеном в своей вилле.

— Вы как будто вылеплены для того, чтобы носить военный мундир,— заметил он.— Совершенно очевидно, что в вас есть врожденная склонность к вашему новому занятию.

— Я бы не рассчитывал на это, Герман,— сказал я. Его замечание напомнило мне об обратной стороне медали. Относительно меня у Империума были зловещие планы. Что ж, это как-то устроится позже. В этот же вечер я был намерен наслаждаться жизнью.

Ужин был подан на террасе, залитой светом долгого шведского летнего заката солнца. По мере того, как мы расправлялись с фазаном, Рихтгофен объяснил мне, что в шведском обществе быть без какого-нибудь титула или звания — в высшей степени труднопреодолимое препятствие. И не потому, что у каждого должно быть какое-либо высокопоставленное положение, уверял он меня. Просто должно быть что-нибудь, чем называли бы друг друга при обращении люди — герр доктор, герр профессор, герр инженер, редактор... Мой воинский статус облегчит мне задачу вступления в мир Империума.

Вошел Винтер, неся в руках нечто напоминающее хрустальный шар.

— Ваш головной убор, сэр,— сказал он, сияя. То, что было у него в руках, оказалось стальным хромированным шлемом с гребнем вдоль верхушки и позолоченным плюмажем.

— Боже праведный,— изумился я,— уж не переборщили ли вы здесь?

Я взял шлем: он был легкий как перышко. Подошел портной, водрузил шлем на мою голову и вручил пару кожаных перчаток.

— Вы должны их иметь, старина,— сказал Винтер, заметив мое удивление.— Вы же драгун!

— Вот теперь вы само совершенство,— удовлетворенно сказал Беринг. На нем был темно-синий мундир с черной оторочкой и белыми знаками различия. У него был представительный, но отнюдь не чрезмерный набор орденов и медалей.

Мы покинули мои аппартаменты и спустились в рабочий кабинет на первом этаже. Винтер, я обратил внимание, сменил свою белую форму на бледно-желтый парадный мундир, богато украшенный серебряными позументами.

Через несколько минут сюда спустился и Рихтгофен, его одеяние представляло из себя нечто вроде фрачной пары с длинными фалдами приблизительно... конца девятнадцатого века. На голове у него красовался белый берет.

Я чувствовал себя превосходно и с удовольствием взглянул еще раз на свое отражение в зеркале.

Дворецкий в ливрее распахнул перед нами стеклянную дверь и мы спустились по лестнице к поданному нам автомобилю. На этот раз это был просторный желтый фаэтон с опущенным верхом. Мягкие кожаные желтые сидения полностью гасили тряску.

Вечер был великолепный. В небе светила бриллиантовая луна, изредка заслоняемая высокими облаками. В отдалении мерцали огни города. У автомобиля был очень мягкий ход, а двигатель работал так тихо, что был отчетливо слышен шелест ветра в ветвях деревьев, окаймляющих дорогу.

Беринг догадался взять с собой небольшую флягу, и когда мы подкатили к массивным стальным воротам летнего дворца, мы успели несколько раз приложиться к ней. Цветные прожектора освещали сад и толпы лю-

дей, заполнивших террасы в южном и западном крыльях здания. Мы вышли из автомобиля у гигантского вестибюля и прошли в зал для приемов, мимо множества гостей.

Свет из массивных хрустальных бра искрился на вечерних платьях и мундирах, до блеска отполированных ботинках, шелках, парче и бархате. Осанистый мужчина в малиновом костюме склонился перед прелестной блондинкой в белом. Стройный, затянутый в черное, юноша с бело-золотым поясом, сопровождал леди в зеленом с золотым отливом платье в танцевальный зал. Смех и разговоры тонули в звуках вальса, струящихся неизвестно откуда.

— Все отлично,— рассмеялся я,— но только, где же чаша с пуншем?

Я не часто позволяю себе надраться, но когда уж решусь, то не признаю полумер. Я чувствовал себя великим и хотел, чтобы это чувство не покидало меня. В этот момент я не чувствовал ни ссадин после падения, ни напрочь позабытого мной негодования из-за того, что меня так бесцеремонно схватили. А завтрашний день меня нисколько не волновал. Чего мне не хотелось, так это увидеть кислую физиономию Бейла.

Вокруг меня все говорили, о чем-то с пылом спрашивая меня, знакомились. Я обнаружил, что один из гостей, с которым я разговорился, не кто иной, как Дуглас Фербенкс-старший. Он был плотным пожилым мужчиной в морском мундире. Я повстречал графов, герцегов, высших военных, о которых не слыхал ранее, нескольких принцев и, наконец, невысокого широкоплечего мужчину с сильно загорелым лицом и такой усталой улыбкой, как будто ему хотелось послать всех к чертям. В этом мужчине я в конце концов узнал сына Императора.

Я важно прошелся возле него несколько раз, словно у меня в кармане было не меньше миллиона долларов, и кроме того, некоторое легкое опьянение позволило мне потерять обычно присущую мне тактичность. Все это позволило мне в конце концов завязать с ним разговор.

— Принц Вильям,— начал я.— Мне сказали, что династия Ганновер-Виндзор правит в этом мире. Там, откуда я родом, все мужчины как Ганноверского дома, так и Виндзорского — высокие, очень худые и хмурые.

Принц улыбнулся.

— А здесь, полковник, была установлена линия поведения, положившая конец этой несчастливой ситуации. Конституция требует, чтобы наследники-мужчины женились на женщинах из народа. Это делает жизнь наследника не только намного более приятной — ведь выбор красавиц из народа очень большой, но и поддерживает жизнеспособность династии. А время от времени при этом случайно появляются счастливые коротышки, как я.

Толпа все дальше влекла меня, я говорил, ел бутерброд, пил все подряд, начиная с водки и кончая пивом. И, конечно же, танцевал со всеми обворожительными девушками. В первый раз в моей жизни десять лет посольской толкотни оказались мне полезными. Печальный опыт, добытый еще недельными ночными бдениями, когда я стоял с рюмкой в руке от захода солнца до полуночи, накачивая представителей других дипломатических миссий, которые в свою очередь думали, что накачивают меня, позволил мне пить не напиваясь.

Но все же я решил выйти на свежий воздух, на темную галерею, глядящую в сад. Я облокотился на массивный каменный парапет, взглянул на звезды и стал ждать, пока не уляжется негромкий звон у меня в голове.

Я снял белые перчатки, которые, как посоветовал Рихтгофен, я должен был оставить при себе, отдавая швейцару шлем, и расстегнул верхнюю пуговицу своего тугого мундира.

Ночной бриз легким потоком струился над темными газонами, донося запах цветов. Позади меня оркестр играл в ритме, очень напоминающем ритмы вальсов Штрауса.

— Старею,— подумал я,— а, возможно, просто устал.

— Неужели у вас есть причины для усталости, полковник? — раздался за спиной у меня спокойный женский голос, как будто отгадавший мои мысли.

Я повернулся.

— А, это вы,— сказал я.— Очень рад. Лучше уж быть виновным в том, что думаешь вслух, чем в том, что слышишь воображаемые голоса.

Я попытался сфокусировать глаза. У нее были рыжие волосы и бледно-розовое платье.

— Да, да, я очень рад,— добавил я.— Мне нравятся золотоволосые красавицы, которые возникают ниоткуда.

— Совсем из ниоткуда, полковник,— засмеялась девушка.— Я пришла оттуда, где так жарко и людно.

Она негромко говорила по-английски, и ее явно вы-

раженный шведский акцент превращал банальные фразы в очаровательную болтовню.

— Что да, то да,— согласился я.— Эти люди заставили меня выпить чуть больше, чем следовало бы, и поэтому я вышел сюда освежиться.

Мне доставляло удовольствие мое красноречие со столь восхитительной молодой дамой.

— Отец сказал мне, что вы родились не в Империуме, полковник,— сказала она.— И что вы из мира, который точно такой же, как наш, и в то же время совсем другой. Было бы интересно побольше узнать о вашем мире.

— Боюсь, вам там бы не понравилось. Мы очень серьезно относимся к себе и придумываем искуснейшие извинения, делая друг другу всевозможные пакости...

Я мотнул головой. Мне совсем не нравился такой поворот беседы.

— Смотрите,— сказал я,— ведь я без перчаток. А без них я начинаю вести подобный разговор.

Я снова натянул перчатки.

— А теперь,— сказал я высокопарно,— могу ли я позволить себе удовольствие пригласить вас на танец?

Прошло добрых полчаса, прежде чем мы прекратили это прелестное занятие, чтобы заглянуть в зал со спиртным.

Оркестр как раз снова заиграл вальс, когда сокрушительный взрыв потряс пол и высокие стеклянные двери в восточной части танцевального зала были сметены с петель. Сквозь тучу пыли, последовавшей за взрывом, в помещение ворвалась толпа в разношерстной солдатской форме. Вожак, чернобородый гигант в полинялой гимнастерке образца армии США и мешковатых бриджах вермахта, поднял рычаг сбоку от короткого автомата с диском и дал длинную очередь в самую гущу толпы. Под этим убийственным огнем падали в равной степени и мужчины и женщины, но те мужчины, кто остался на ногах, без всякого колебания бросились на атаковавших. Стоя среди камней, вырванных взрывом, заросший щетиной рыжий в короткой куртке британского солдата восемью выстрелами с бедра свалил восемь приближавшихся к нему офицеров Империума, когда он чуть отступил, чтобы сменить обойму в своем М-1, девятый проткнул ему горло усыпанной бриллиантами шпагой.

Я стоял неподвижно, держа девушку за руки. Затем начал кричать, чтобы она убегала, но спокойствие в ее

глазах остановило меня. Она скорее бы с достоинством приняла смерть, чем побежала бы через груду обломков.

Рывком я вытащил свою шпагу из ножен, метнулся к стене и начал пробираться вдоль нее к пролому. Как только из клубов дыма и пыли вынырнул человек с горящими глазами, сжимая в руках дробовик, я воткнул острие шпаги ему в шею, с силой, и рывком выдернул ее прежде, чем она вылетела из моих рук. Человек споткнулся, широко раскрыл рот, задыхаясь и выпуская ружье из своих ослабевших рук. Я бросился к ружью, сгреб его, но в этот момент появился еще один нападающий с кольтом 45 калибра в левой руке. Наши взгляды встретились. Он изготовился к выстрелу, но я успел лезвием шпаги полоснуть по его руке. Выстрел пришелся в пол и пистолет вылетел из висящей как плеть руки. Вторым выпадом я заколол его.

Еще один пересек комнату, вырвавшись из облака пыли. Он держал наперевес крупнокалиберную винтовку. Двигался он медленно и неуклюже, и я заметил, что из его левой руки течет кровь. Выстрелом из ружья я изрешетил его лицо.

С момента взрыва прошло всего около двух минут, но через пролом больше никто не появлялся.

Я увидел жилистого головореза с длинными, ниспадающими на спину соломенными волосами, который совсем недалеко от меня упал на пол, чтобы сменить магазин в своем автоматическом браунинге. В два прыжка я оказался рядом с ним и двумя руками с силой вогнал острие шпаги как раз в то место, где должны были быть почки. Прощай, элегантный стиль, подумал я, но я ведь новичок.

Затем я увидел Беринга, обвившего руками высокого парня, который ругался и изо всех сил боролся за то, чтобы поднять свой исковерканный ручной пулемет. В ушах у меня раздался грохот и что-то обожгло мне затылок. Я понял, что мой прыжок просто спас мне шею. Я обежал эту пару борцов сбоку и воткнул лезвие в худые ребра негодяя. Оно стукнулось и сломалось, но нападающий обмяк, и Беринг облегченно выругался. Я не такой уж спортсмен, подумал я, но, полагаю, что винтовка против хлыста, с которым пасут свиней, кого угодно сделает ловким.

Германн отступил, презрительно сплюнул и бросился на ближайшего бандита. Моя шпага была сломана и поэтому я нагнулся и сгреб с пола автомат. Какой-то

длинноногий головорез как раз защелкивал обойму в свой пистолет, когда я выпустил ему очередь прямо в живот. Я видел, как пыль взбивалась из его потрепанной шинели, когда пули летели навылет.

Я осмотрелся вокруг. Теперь уже несколько людей Империума стреляли из захваченного оружия, и остатки банды налетчиков были прижаты к разрушенной стене. Пули пронзали любого, кто пытался встать, но бандиты продолжали огрызаться, сберегая патроны и совсем не помышляли о бегстве.

Я бросился вперед, чувствуя, что здесь что-то неладно. Выстрелом из поднятой винтовки я сразил наповал бандита с окровавленным лицом, который стрелял одновременно из двух автоматических мелкокалиберных винтовок. Последним выстрелом я прихватил здоровенного карабинера. Больше патронов не было. Я поднял с полу другую винтовку, но к этому времени в живых остался лишь один громила, пытавшийся ударами одной ладони освободить заклиненный затвор своего оружия.

— Возьмите его живым!— закричал кто-то. Стрельба прекратилась и дюжина человек схватила отчаянно сопротивлявшегося налетчика.

Толпа хлынула в зал, женщины склонились над теми, кто лежал на полу. Мужчины, расслабившись, начали переговариваться друг с другом. Я подбежал к вздымающимся от сквозняка портьерам.

— Сюда,— закричал я,— снаружи...

Я меня не было больше времени ни на слова, ни на то, чтобы взглянуть, кто бросился за мной. Я перепрыгнул через груду камней, выскочил на взорванную террасу, перепрыгнул перила и упал в сад. Зарывшись носом в землю, я, не чувствуя боли, тут же был на ногах. Освещенный цветными прожекторами, поперек цветника стоял огромный фургон серого цвета. Рядом с ним трое оборванных его членов экипажа тащили что-то громоздкое. На газоне стояла в ожидании того, что на нее взгромоздят эти трое, совсем небольшая тренога. В моей голове промелькнуло видение того, что сотворит атомная бомба с этим дворцом и его гостями. Я с криком бросился вперед, стреляя из винтовки. Я старался нажимать на курок как можно чаще, не заботясь, точно ли летят мои пули.

Трое зашатались и уткнулись друг в друга, упав на землю. Но тут со стороны фургона раздалась длинная пулеметная очередь, и я вынужден был залечь. Этим

воспользовались те, кто тащил атомную бомбу. Вместе со своей «игрушкой» они начали отползать в сторону открытой двери фургона. Но тут один из них издал короткий вскрик и замер без движения, и я понял, что кто-то сзади меня стреляет поточнее. Еще один из них пронзительно вскрикнул, приподнялся и снова рухнул на траву. Третий прыгнул в открытую дверь и через мгновение фургон исчез, обдав меня пылью. Звук при этом был похож на хлопок при возгорании бензина.

Громоздкий предмет зловеще лежал на траве. Я был уверен, что в нем нет взрывателя, а поэтому встал и обратился к остальным:

— Не трогайте эту штуку, господа. Я уверен, что это нечто вроде атомной бомбы.

— Хорошая работа, старина,— услышал я знакомый голос. Это был Винтер — кровь просочилась на его светло-желтый сюртук.— Жаль, что мы не догадались, что эти парни устроили всю эту пальбу как отвлекающий маневр. У вас все в порядке, полковник?

— Кажется,— сказал я, едва дыша.— Давайте вернемся внутрь. Там необходимо оказать помощь раненым.

Мы шли по битому стеклу, по кускам штукатурки и щепкам, отколовшимся от рам, по упавшим портьерам. И вот наконец вошли в ярко освещенный и наполненный пылью танцевальный зал.

Мертвые и раненые лежали почти что полукругом около взломанной стены. В одной из женщин, лежащих на полу с восковым лицом, я узнал прелестную брюнетку, с которой танцевал пару танцев. Все вокруг было забрызгано кровью. Я стал поспешно разыскивать свою рыжеволосую и увидел ее на коленях возле раненого, поддерживающую его голову.

Раздался крик. Винтер и я всполошились. Один из раненых налетчиков шевельнулся, что-то кинул и навсегда затих под выстрелами. Я услышал шлепок при падении предмета, и, словно загипнотизированный, смотрел, как граната, кружась и тарахтя об пол, остановилась метрах в трех от меня, сделав еще полоборота. Я так и застыл на месте. Все, подумал я. И я так и не узнал ее имя.

Позади себя я услышал глубокий вздох. Мимо меня пронесся Винтер и швырнул свое тело вперед. Он упал, распростершись над гранатой. Раздался приглушенный взрыв и тело Винтера подскочило на полметра вверх.

Я был потрясен и зашатался от головокружения. Бедный, несчастный Винтер.

Я почувствовал как колени сами подогнулись подо мной. Пол опрокинулся на меня.

Надо мной склонилась она, лицо ее было бледным, но твердым.

Я вытянул руку и коснулся ее плеча.

— Как вас зовут?

— Мое имя? Барбро Люнден. Я думала, что мое имя вам известно.

Казалось, она глубоко изумлена. Я привстал.

— Лучше окажите помощь кому-нибудь, кто более в худшем положении,— сказал я.— У меня просто слабое телосложение.

— Нет,— сказала она.— У вас сильное кровотечение.

Появился Рихтгофен с печальным лицом. Он помог мне встать. Моя шея и голова гудели от боли.

— Слава богу, что вы не пострадали,— сказал он.

— Скажите спасибо Винтеру,— ответил я.— Не думаю, что есть шанс...

— Да. Убит наповал,— наклонил голову Рихтгофен.— Он хорошо знал свой долг.

— Несчастный. На его месте должен был быть я.

— Нам посчастливилось, что это были не вы,— сказал Рихтгофен.— Но все же вы потеряли в этой свалке достаточно крови. И поэтому вам сейчас необходим...

— Я хочу остаться здесь. Возможно, я смогу чем-нибудь помочь.

Откуда ни возьмись появился Беринг и, положив мне руку на плечо, увел с собой.

— Спокойно, мой друг,— сказал он, крепче сжимая свою руку,— не нужно проявлять столь сильных чувств. Винтер умер при исполнении служебных обязанностей. Не забудьте, что он был офицером!

Герман знал, что беспокоило меня. Я мог бы накрыть своим телом эту гранату так же, как и Винтер, но эта мысль даже не пришла мне в голову. Не будь я так парализован страхом в тот момент, первое, что я сделал бы — это бегство.

Я не сопротивлялся. Я чувствовал себя опустошенным от преждевременного похмелья. Манфред присоединился к нам в машине и мы молча поехали домой.

Единственное, о чем спросил я, так это о бомбе, и Беринг сказал, что ее забрали люди Бейла.

— Скажите его людям, чтобы ее утопили в море,— посоветовал я.

Когда мы подъехали к вилле, кто-то ждал нас на лестнице. Я узнал массивное туловище Бейла и его малоразмерную головку. Я не обратил на него ни малейшего внимания.

Зайдя в гостиную, я прошел к буфету, вытащил бутылку виски и налил себе полный бокал.

Остальные, разговаривая, подошли ко мне. Меня удивило, где это Бейл был весь этот вечер.

Бейл сел, глядя на меня. Он хотел услышать все о палете. Казалось, что он воспринимает новости спокойно, но как-то уныло.

Он глянул на меня, поджав губы.

— Мистер Беринг сказал мне, что вы вели себя очень достойно, мистер Байард, во время схватки. Вероятно, мое суждение о вас было несколько поспешным.

— Меня нисколько не заботит то, что вы обо мне думаете, Бейл,— сказал я.— Кстати. где вы были сами во время этого нападения? Под ковром?

Бейл побледнел, резко встал и выскочил из комнаты. Беринг прочистил горло, а Манфред бросил на меня страшный взгляд, вставая, чтобы выполнить свою обязанность хозяина — провести гостя до двери.

— Инспектор Бейл не из тех людей, с которыми легко работать,— заметил Беринг.— И я легко понимаю ваши чувства, полковник.

Он поднялся и обошел вокруг стола.

— Видимо, вам следует узнать,— продолжал он,— что Бейл относится к наиболее искусным фехтовальщикам нашего мира. И поэтому я вам советую не делать поспешных решений...

— Каких решений?

— Вы и так уже имеете болезненную рану. И мы не можем допустить, чтобы вас убили в столь критическую для нас минуту. Кстати, вы уверены в своем искусстве владения пистолетом?

— О какой ране идет речь?— изумился я.— Вы имеете в виду мою шею?

Я прикоснулся к ней рукой и поморщился. Там было глубокое отверстие, покрытое запекшейся кровью. Вдруг я почувствовал, что спина моего сюртука влажная. Этот почти что промах был гораздо ближе к цели, чем мне показалось.

— Я надеюсь, что вы окажете честь Манфреду и мне быть вашими секундантами,— продолжал Беринг,— и, возможно, советчиками...

— О чем это вы, Герман? — спросил я.— Какими еще секундантами?

— Гм-м,— толстяк казался смущенным.— Мы хотим стоять с вами на вашем поединке с Бейлом.

— Поединке с Бейлом?— изумился. Только сейчас я начал понимать, как плохо себя я чувствую.

Беринг остановился и посмотрел на меня.

— Инспектор Бейл,— человек очень щепетильный в вопросах чести,— сказал он.— Вы позволили себе неподобающее выражение о его качествах, притом при свидетелях. Вопрос другой — заслуживает ли он. Поэтому, я думаю, что Бейл потребует у вас, полковник, удовлетворения.

Другими словами, мистер Байард, Бейл вызовет вас на дуэль и вам придется драться с ним.

ГЛАВА VI

Мне было холодно, я продрог. Я все еще был полусонный, клевал носом, безуспешно пытался выпрямить голову, чтобы свести к минимуму сильную, идущую волнами боль из глубокой раны на затылке.

Рихтгофен, Беринг и я стояли вместе под развесистыми липами в нижней части королевского парка. До зари оставалось еще несколько минут и мне хотелось знать, что это за ощущение — получить пулю в коленную чашечку.

Послышался слабый звук приближающейся машины и на дороге сверху показались неясные очертания длинного автомобиля, фары которого едва пробивали предрассветную мглу.

Глухое, едва различимое хлопанье дверей и на пологом склоне вырисовались три смутных силуэта, постепенно становясь все отчетливее, очевидно, приближаясь к нам.

Одна из фигур отделилась от остальных и стала в стороне, так же как и я. Это, вероятно, был Бейл.

Вслед за ним прибыл еще один автомобиль. Врач, подумал я. В тусклом свете маленьких подфарников второго автомобиля показалась еще одна фигура. Она была похожа на женскую.

Я услышал приглушенные голоса, сдержанный смех. Такие долгие приготовления. Все на самом высшем уровне.

Я думал над тем, что сказал мне Беринг по пути сюда.

Бейл сделал мне вызов на дуэль в соответствии с конвенцией Тосса, что означало, что участники дуэли не должны стремиться к тому, чтобы убить противника. Целью поединка было причинение болезненных ранений, и как можно более его этим унизить.

Все это могло оказаться весьма ненадежной штукой. В пылу схватки было нелегко нанести раны, которые до предела унизили бы соперника и при этом не были бы фатальными.

Рихтгофен предоставил мне черные брюки и белую рубаху, как реквизит действа и легкий макинтош для защиты от утренней прохлады. Мне же хотелось, чтоб на мне было нечто более существенное. Единственным теплым местом на моем теле была забинтованная шея.

Наконец, небольшая группа напротив меня раскололась. Приблизились два моих сторонника, ободряюще улыбаясь, и тихо пригласили идти за ними. Беринг взял мой плащ. Мне его стало очень не хватать.

Бейл и его люди шли к прогалине, где света было немного больше. Мы подошли к ним поближе.

— Думаю, что света вполне достаточно, не так ли, господа,— произнес один из секундантов инспектора Бейла, барон Халлендорф. Я имел счастье познакомиться с ним на том злополучном банкете, в летнем дворце.

Здесь действительно было лучше видно. И видимость все время увеличивалась. На востоке показались первые багровые полосы. На их фоне силуэты деревьев казались еще более черными.

Халлендорф подошел ко мне и предложил коробку с пистолетами. Я выбрал оружие, не глядя. Бейл взял второй пистолет, методически проверил его, щелкнув курком и осмотрев ствол. Рихтгофен вручил каждому из нас по обойме.

— Три раунда,— сказал он.

У меня не было возражений.

Бейл проследовал к месту, указанному Халлендорфом и повернулся спиной. Сейчас, на фоне неба, автомобили просматривались гораздо лучше. Большой напоминал «паккард» тридцатых годов, по-моему. По жесту Беринга я занял свое место спиной к Бейлю.

— По сигналу, господа,— сказал Халлендорф, идите вперед на десять шагов и останавливаетесь. По команде

оборачиваетесь и стреляете. Господа, во имя чести и нашего императора, начинайте.

Белый платок выпорхнул из его рук и опустился на землю. Я зашагал. Один, два, три...

Возле небольшого автомобиля кто-то стоял. Интересно, кто... восемь, девять, десять. Я остановился, выжидая. Голос Халлендорфа был невозмутим.

— Поворачивайтесь и стреляйте!

Я обернулся, держа пистолет сбоку. Бейл загнал патрон в патронник, расставил ноги, стоя боком ко мне. Заложив левую руку за спину, он поднял пистолет. Нас разделяло чуть больше двадцати метров мокрой от росы травы.

Я начал шагать по направлению к нему. Никто не говорил, что я не должен сходить с места. Бейл слегка опустил пистолет и я увидел его бледное лицо, пристальный взгляд. Пистолет снова поднялся и почти в тот же миг подпрыгнул с резким сухим треском. Стреляная гильза перелетела через голову Бейла и, сверкнув в лучах зари, упала на траву. Промах!

Я продолжал идти. У меня не было намерения подурному стрелять в едва видимую цель, стоя в темноте. Я нисколько не намеревался быть вынужденным по случайности убить человека, даже если такая мысль и была у моего противника. Я не намеревался быть втянутым в столь серьезное разыгрываемое Бейлом представление. Я не желал играть в его игру.

Бейл держал пистолет в вытянутой руке, следя за мной по мере моего продвижения. Он с легкостью мог бы убить меня, но это было бы нарушением кодекса. Пистолет задрожал: он никак не мог решиться, куда стрелять. Ему было не по себе от моего приближения.

Пистолет замер и вновь подпрыгнул. В туманном воздухе прозвучал негромкий выстрел. Я понял, что Бейл целится в ноги, я был достаточно близко, чтобы видеть наклоненное дуло.

Он отступил на шаг, снова собрался и на этот раз поднял маузер повыше. Я понял, что он собирается нарушить правила. Неверный выстрел, легко промахнуться — мало ли что можно подумать и очень легко объяснить свою ошибку. От понимания этого я весь напрягся.

Следующий выстрел я не услышал. Ощущение было таким, будто меня треснули бейсбольной битой по боку. Я почувствовал, что споткнулся. Воздух с силой выпиб-

ло из легких, но я устоял на ногах. Сильная жгучая боль как раз повыше бедра.

Оставалось всего метров шесть... Я силился передохнуть.

Мне было видно выражение лица Бейла: некоторое замешательство, искривленные стиснутые губы. Он прицелился мне в ноги и сделал два выстрела подряд. Одна пуля зацепила носок моего правого ботинка, другая попала в землю. Я подошел почти вплотную к своему противнику, с трудом заглатывая воздух. Мне хотелось что-то сказать, но я не мог. Все, что я смог сделать, так это сдержать себя. Неожиданно Бейл отступил еще на шаг, поднял пистолет на уровень моей груди и нажал на курок. Раздался слабый щелчок. Бейл недоуменно посмотрел на свой пистолет.

Я швырнул свой маузер к его ногам. Сжал ладонь в кулак и со всей силой ударил его в челюсть. Он покачнулся назад, а я повернулся и зашагал навстречу Герману, Рихтгофену и спешащему мне врачу.

— Боже праведный,— Герман, задыхаясь, схватил мою руку и стал ее жать.— Никто никогда не поверит в это.

— Если вашей целью было сделать инспектора Бейла полнейшим дураком,— сказал Рихтгофен со сверкающими глазами,— то вы добились непревзойденного успеха. Я думаю, что вы научили его уважать вас!

Ко мне протолкнулся врач.

— Господа, я должен осмотреть рану.

Возле меня поставили табурет и я с благодарностью опустился на него.

По просьбе врача я вытянул ногу.

Врач ворчал и вскрикивал, надрезая одежду и кожу. Он наслаждался каждой минутой этого врачевания. По-моему, док был романтиком.

В моем мозгу сама по себе сформировалась одна мысль. Я открыл глаза. По траве ко мне приближалась Барбро. Лучи зари играли в ее золотых волосах. Я осознал, что я хотел сказать.

— Герман,— обратился я к Берингу,— мне необходимо немного поспать, но прежде я думаю, что мне следует сказать, что я согласен выполнить ваше поручение. Думаю, что я немного позабавился в вашем мире, поэтому должен отплатить ему за доставленное удовольствие.

— Спокойно, Брайан,— сказал подошедший Рихтго-

фен, который улаживал какие-то дела с секундантами Бейла.— Сейчас нет нужды думать об этом.

— И все же я хочу, чтобы вы знали — я согласен!

Барбро склонилась надо мной.

— Брайан,— сказала она.— Вы не сильно ранены?

Она была явно встревожена.

Я улыбнулся ей и взял за руку.

— Могу с вами поспорить, что вы сейчас думаете, что ранен я случайно. На самом же деле у меня бывает по нескольку дней подряд, когда я как следует расшибаюсь. По-моему эти дни сейчас наступают...

Она сжала мою руку своими и стала на колени.

— Вам должно быть очень больно, когда вы говорите столь дурашливо,— сказала она с горечью в голосе.— Я было подумала, что этот Бейл совсем потерял голову.— Она обратилась к врачу: — Помогите ему, доктор Блюм.

— Вы счастливчик, полковник,— пробурчал врач, тыча пальцем в рану на боку.— Ребро не треснуло. Через несколько дней у вас будет лишь небольшой шрам и синяк на память.

Я сжал руку Барбро.

— Помогите мне, дорогая.

Беринг подставил мне свое плечо, чтобы я смог облокотиться.

— Вам сейчас нужен долгий сон,— сказал он.

Я был готов ко всему.

ГЛАВА VII

Я попробовал расслабиться в своем кресле в тесной кабине шаттла. Передо мной находился оператор, склонившийся перед узким освещенным пультом, внимательно всматриваясь в шкалы приборов и щелкая тумблерами на панели, напоминавшей миниатюрную счетную машину. Беззвучная вибрация наполняла воздух, проникая до мозга костей.

Я заерзал, пытаясь найти более удобное положение. Мои полуисцеленные шея и бок снова заныли. Разрозненные фрагменты бесконечного инструктажа последних десяти дней пронеслись в моей памяти. Имперской Разведке не удалось раздобыть материалы о маршале Байарде в том количестве, каком бы ей хотелось. Однако их

было больше, чем мог воспринять мой мозг. Я надеялся, что сеансы гипноза, которым я подвергался каждую ночь в течение недели во время сна, введут в мой мозг нужные знания на такой уровень, что они сами выскочат, когда в них появится необходимость.

Байард был человеком, окруженным тайной даже для своих приближенных. Его редко видели, кроме как на экранах, которые недоумевающие имперские разведчики считали чем-то вроде рисовальных аппаратов. Я попытался было объяснить, что телевидение было широко распространено в моем мире, но они по существу так и не уразумели этого.

Последние три ночи мне дали хорошо выспаться и по часу каждый день я занимался тщательно отобранными физическими упражнениями. Раны мои заживали хорошо, так что теперь я был физически готов к рискованному предприятию, морально, однако, я был утомлен чрезвычайно и в конце концов хотел взяться за дело и столкнуться с худшим из того, что мне было уготовано. С меня было достаточно слов; теперь я хотел облегчения действием.

Я проверил свою экипировку. На мне был военный сюртук, точь в точь похожий на сюртук парадного портрета Байарда. Поскольку не было сведений, как он был одет ниже пояса, я предложил тускло-коричневые брюки, такого же цвета, как и френч французской офицерской формы.

По моему совету мы не нацепили ордена и ленты, изображенные на снимке. Я не думаю, что он их носит в своей личной квартире в обычной обстановке. По этой же причине воротник был расстегнут и галстук ослаблен.

Меня держали на диете из тощих бифштексов, чтобы лицо мое немного похудело. Специалист по волосам делал мне каждое утро и вечер интенсивный массаж кожи головы и настоял, чтобы я не мыл голову. Это было предпринято с целью стимулировать рост волос и достичь, чтобы прическа имела вид, соответствующий снимку.

К моему поясу был пристегнут сетчатый подсумок, в который поместили передатчик. Мы решили, что пусть он будет на виду, чем безуспешно пытаться запрятать его куда-то. Микрофон был вплетен в широкие позументы на моих отворотах. В бумажнике у меня была толстая пачка ассигнаций НД государства.

Я осторожно двигал свою правую руку, чувствуя присутствие сжатой пружины, которая может выбросить в

мою руку пистолет размером со спичечную головку, хотя это могло произойти только при определенном изгибе запястья.

Это маленькое оружие было чудом миниатюрной смертоносности; по форме оно напоминало камень из моря, такой же серый и гладкий. На земле оно было бы совершенно незаметно — свойство, которое могло бы иметь очень важное значение для меня в случае крайней необходимости.

Внутри оружия вглубь рукоятки уходил спиральный канал диаметром не более волоса. Сжатый газ, заполняющий узкую камеру, служил и источником энергии, и аналогом пули. При нажатии на определенное место, крохотный шарик сжиженного газа выстреливался с огромной начальной скоростью. Будучи освобожденным от сдерживающих стенок дула, кстати изготовленного из очень прочного сплава, бусинка мгновенно расширялась до размеров кубического фута. Результатом был почти бесшумный взрыв, способный за счет ударной волны пробить броню почти сантиметр толщиной или убить человека мгновенно на расстоянии до трех метров.

Именно такое оружие было нужно мне — не вызывающее подозрений, бесшумное и эффективное на близком расстоянии. Расположение пружин в рукаве делало его почти что частью руки, если только рука была достаточно умелой.

Я практиковался в надлежащих движениях в течение многих часов, одновременно слушая лекции, обедая и даже лежа в постели. Я очень серьезно относился к этой части треннинга. С этим была связана моя безопасность. Я старался не думать еще об одном средстве подстраховки, установленном в полости моста на месте одного из коренных зубов.

Каждый вечер, после упорных занятий я отдыхал со своими новыми друзьями, наведываясь в Императорский балет, театры, оперу и веселые варьете. Вместе с Барбро я обедал в полудюжине шикарных ресторанов и после этого бродил по освещенным луной паркам, пил кофе на закате...

Когда подошел день отправления, у меня было более чем обычное желание вернуться. И чем раньше я справлюсь, тем быстрее вернусь!

Оператор повернулся ко мне.

— Полковник,— сказал он.— Поздравьте себя. Здесь что-то такое, что я никак не могу понять.

Я подобрался, но ничего не сказал. Я решил, что он расскажет мне более подробно, как только разузнает больше. Я пошевелил рукой для пробы, чтобы не выпустить случайно свой необычный пистолет. Это уже стало моей привычкой.

— Я обнаружил движущееся тело в Сети,— доложил оператор,— оно, кажется, движется по тому же курсу, что и мы. Мой пространственный индикатор показывает, что оно очень близко.

Империум на десятки лет отставал от нашего мира в области ядерной физики, телевидения, аэродинамики и т. п., но что касается приборов в этих аппаратах Максона, то здесь их достижения были фантастическими. Ведь в конце концов, их лучшие ученые посвятили разработке этой проблемы почти шестьдесят лет.

Оператор как органист склонился над своим пультом.

— Масса этого тела где-то около полутора тонн,— сказал он.— Это должно соответствовать весу легкого шаттла, но это не может быть ни один из наших...

В течение нескольких минут стояла напряженная тишина.

— Он следует за нами по пятам, полковник. Или у них есть более приличные приборы, чем у нас, или этому парню сопутствует слепая удача.

Мы оба решили, что этот незнакомец не может быть ничем иным, как аппаратом из мира В-1-два.

Внезапно оператор напрягся, руки его замерли.

— Он приближается к нам, сэр. Похоже, что они решились на таран. Если только он пересечет наш путь, мы будем разнесены на куски.

Мои мысли молнией перескакивали то на пистолет, то на пустой зуб. Но мне было очень интересно, что же *случится при столкновении*. Я как-то совсем не ожидал, что конец может наступить еще здесь.

Невероятная напряженность длилась еще несколько секунд. Оператор расслабился.

— ,— облегченно произнес он.— Вероятно, его маневрирование в пространстве не столь хорошее, как скорость продвижения в Сети. Но он вернется. Он жаждет крови.

У меня возникла мысль.

— Наш максимальный уровень контролируется энергией обычной энтропии, не так ли? — поинтересовался я.

Оператор кивнул.

— Что если замедлиться? — спросил я.— Может, он проскочит?

Оператор покачал головой.

— В Зоне Поражения это весьма рискованно. Но, думаю, у нас нет более выбора — придется пойти на это. И да поможет нам бог.

Я понимал, как тяжело было оператору решиться на это. У этого молодого парня было шесть лет напряженных тренировок, и не проходило дня без предупреждений о недопустимости любых изменений управления в Зоне Блайта.

Звук генераторов изменился, частота его стала слышимой, падая все ниже.

— Он все еще с нами, сэр!

Высота звука еще более понизилась. Я не знал, где критическая точка, в которой мы потеряем искусственную ориентацию и попадем в область обычной энтропии. Звук генераторов еще более понизился, дойдя почти до уровня частот известных как низкие. Оператор непрерывно щелкал переключателями, не отрывая взгляда от шкал приборов.

Шум привода гремел по шаттлу, дальше мы уже не могли снижаться. Но этого же не мог сделать и противник.

— Он все еще с нами, полковник, только...— и вдруг оператор закричал: — Полковник, он потерялся из виду... Похоже, что его управление не столь совершенно, как наше, при таком маневрировании. Ну, что ж, счастья ему, в том числе и там, где он материализовался.

Я откинулся в кресло, как только наши генераторы возобновили работу в обычном режиме. Ладони мои были влажными. Интересно, в каком из адов Поражения он возник? Но уже через несколько минут я забыл о нашем недавнем противнике. Возникла новая проблема и сейчас совсем не было времени для расшатанных нервов.

— Хорошая работа, техник,— сказал я наконец.— Сколько еще нам осталось?

— Что-то около десяти минут, сэр. Это маленькое дельце отняло у нас больше времени, чем я предполагал.

Я начал последнюю проверку. Во рту у меня было сухо. Все казалось на своих местах. Я нажал кнопку на коммуникаторе.

— Алло, «Талисман»,— проговорил я в микрофон.— Это «Гончая». Как вы меня слышите? Прием.

— «Гончая», это «Талисман». У нас все как по маслу. Прием.

Слабый голос говорил почти мне в ухо из крохотного динамика, смонтированного в пуговице на моем погоне.

Мне понравился столь незамедлительный ответ. Я почувствовал себя не столь одиноким.

Я осмотрел механизм открывания выходной двери. Мне следовало ждать команды оператора «на выход» и только потом ударить по рукоятке. После этого у меня было в запасе всего две секунды на то, чтобы убрать руку и загнать себе в ладонь пистолет, прежде чем сидение автоматически опрокинет меня в стоячее положение уже снаружи входной двери. Шаттл исчезнет, прежде чем мои ноги коснутся пола.

Я настолько был поглощен текущими делами в течение последних десяти дней, что по существу не думал о моменте своего прибытия в мир В-1-два. Искусное профессиональное руководство моим поспешным треннингом создало атмосферу практичности и реальности. Теперь же, будучи выброшен в самое сокровенное средоточение противника, я стал понимать самоубийственные стороны этой миссии. Но теперь было слишком поздно для спокойных размышлений — и в некотором роде я был даже рад этому. Сейчас я уже был полностью вовлечен в этот мир Империума и риск стал частицей моей жизни.

Я стал козырной картой Империума и вот пришла очередь ходить с меня. Я был ценной собственностью, но моя ценность могла быть реализована только таким появлением на арене, и чем быстрее это произошло бы, тем лучше! У меня не было уверенности, что в настоящее время диктатор находится во дворце. Возможно, мне придется спрятаться где-то в его резиденции и дождаться его возвращения, один бог знает, как долго — и, возможно, для осуществления этого нужна будет и добытая у пленника информация и удача. В противном случае, я, возможно, при выходе из шаттла могу оказаться в воздухе, на высоте сорока метров.

Послышался треск переключателя, и оператор повернулся ко мне.

— На выход, «Гончая»,— закричал он.— И удачной охоты!

Протягиваю руку и ударяю ею по рычагу. Выгнув руку, сжимаю в ладони пистолет. С лязгом металла и порывом воздуха отскакивает дверь, и гигантская рука вышвыривает меня в неизвестность. Один ужасный момент

потери ориентации, нетвердый шаг во тьму, и мои ноги ударяются о покрытый ковром пол.

Воздух бьет в лицо, и эхо убывающего шаттла гулко разносится по коридору.

Я вспоминаю инструкцию. Стоя неподвижно, необходимо осторожно осмотреться. Вокруг никого не было. Зал совершенно пуст. С потолка исходит слабый свет.

Я ПРИБЫЛ!!!

Я поместил пистолет назад под защелку в моем рукаве. Просто так стоять больше нет смысла, осторожно я начинаю двигаться вдоль коридора.

Все двери, выходящие в него, одинаковы и ничем не помечены. Я остановился и попробовал одну. Заперта. Другая тоже. Третья была открыта, и я осторожно заглянул в комнату. Похоже, что это был зал для заседаний. Я двинулся дальше. Мне нужна была только спальня диктатора. Будь он в ней, я знал бы, что делать, если его там не будет, то рано или поздно он вернется туда — мне бы только дождаться. Кроме того, я очень не хотел бы повстречаться с кем-нибудь еще.

Раздался звук открываемой двери лифта, совсем близко, за углом. Я остановился, а затем, пятясь, осторожно вернулся к двери, ближайшей ко мне. К счастью, она не была заперта. Я вошел вовнутрь, но дверь до конца не закрыл. Сердце мое болезненно стучало, отвага покинула меня, я чувствовал себя трусливым воришкой.

Совсем рядом послышались легкие шаги.

Я тихо закрыл дверь, стараясь не щелкнуть замком. Выждав мгновение, я решил на всякий случай спрятаться. Огляделся и вышел на середину комнаты. В темноте виднелось возле стены что-то высокое — гардероб, подумал я. Я пересек комнату, открыл дверцу и встал среди висящей одежды.

Я стоял, чувствуя себя глупо, затем замер, так как дверь в комнату открылась и снова тихо затворилась. Шагов не было слышно, но через щелку в дверце я увидел спину человека, когда он еще не повернулся от выключателя. Через мгновение я услышал тихий звук пододвигаемого стула и легкое позвякивание ключей. Послышались слабые металлические звуки, потом пауза, снова слабые металлические звуки. Вошедший, видимо, пробовал открыть замок стола.

Я стоял, едва дыша, стараясь не думать о внезапно появившемся зуде щеки.

Сейчас я различал плечо сюртука, висящего слева от

меня. Я осмотрел его, он был почти таким же, как и тот, что был на мне. Его лацканы были богато украшены. Я почувствовал некоторое облегчение. Наконец-то я нашел нужную мне комнату. Однако моей жертвой должен был быть человек в комнате, но никогда в жизни мне еще не приходилось убивать человека в такой обстановке.

Снова послышались тихие звуки. Я различал тяжелое дыхание человека. Интересно, как он выглядит, этот мой двойник? Действительно ли он похож на меня? Или просто есть небольшое сходство? Тогда, достаточно ли я похож на него, чтобы занять его место?

Меня несколько заинтересовало, почему этот человек так долго ищет нужный ключ. Затем другая мысль озадачила меня. Не напоминают ли эти звуки то, что человек открывает отнюдь не свой стол? Я чуть-чуть передвинул голову. Одежда в шкафу тихо переместилась и теперь я увидел его. Он был мал ростом, с редкими волосами, и нисколько не походил на меня. Это был не диктатор.

Это было новым обстоятельством, которое я должен был обдумать и притом как можно быстрее. Диктатора, видимо, не было во дворце, иначе этот парень не возился бы с замком в его кабинете. И вряд ли диктатор держит вокруг себя людей, которые позволяют себе излишнее любопытство. Этот человек может быть мне полезен.

Найти подходящий ключ заняло около пяти минут. Мускулы мои ныли от неудобной позы, я старался не думать о ворсе на одежде, чтобы не чихнуть. Я слышал шелест бумаг и невнятное бормотание человека, просматривающего свои находки. Затем послышался звук задвигаемого ящика и щелчок замка. Человек поднялся, придвинул стул, затем на какое-то время наступила тишина. Шаги начали приближаться к моему укрытию. Я застыл, рука моя напряглась, готовая принять пистолет и выстрелить в тот момент, когда незнакомец откроет дверцу шкафа. Я еще не был готов стать подменой, прячась в шкафу.

Я только беззвучно вздохнул, когда фигура человека прошла мимо и исчезла. Раздались звуки открываемых ящиков бюро или секретера.

Внезапно входная дверь комнаты отворилась снова и другие шаги раздались в помещении. Я услышал, как замер первый вошедший. Но, похоже, что он первый оценил обстановку, потому, что тут же послышался его голос:

— А, это ты, Морис, не так ли?

Наступила пауза.

— Мне показалось, что в кабинете шефа горит свет и я подумал, что это несколько странно,— подал голос Морис.

Первый вошедший медленно двинулся к центру комнаты.

— Мне захотелось заглянуть сюда, чтобы проверить, все ли здесь о'кей,— послышался голос.

Морис хихикнул.

— Не пытайся ограбить, Джорджес. Я знаю, почему ты пришел сюда — по той же причине, что и я.

— О чем это ты? — прошептал первый.— Чего ты хочешь?

— Сядь, Флик. Нет, нет не волнуйся. Неужели ты не знаешь, что тебя все так называют? — Морис, казалось, был доволен.

Я осторожно слушал в течение получаса, как он то подтрунивает, то льстит собеседнику, стараясь поставить его в затруднительное положение. Вошедший в комнату первым, как я понял, был Джорджес Пине; глава сил безопасности диктатора. Второй был военно-гражданский советник бюро Пропаганды и Образования. Пине, казалось был не слишком умен, как он сам о себе думал, планируя переворот с целью смещения Байарда. Морису было об этом все известно, и он только ждал благоприятный случай, сейчас он брал верх.

Пине это не понравилось, но он смирился с этим, после того, как Морис упомянул о некоторых вещах, о чем не полагалось знать никому — о спрятанном аэроплане и тайнике с золотом, устроенном под землей в нескольких километрах от города.

Я внимательно слушал, стараясь не шевелиться и через некоторое время зуд прекратился. Пине согласился, что он может дать список имен: он намеревался заручиться поддержкой ряда лиц, показав, что их имена занесены диктатором в перечень подлежащих чистке. Но он, конечно, не собирался упомянуть, что он сам предложил Маршалу внести этих людей в перечень.

Похоже, что я был слишком самонадеян. Внезапно разговор двух «хищников» резко оборвался и наступила тишина. Я не знал, что такое я сделал, но уже почувствовал, что сейчас произойдет. Шаги были очень тихими и наступила очень короткая пауза перед тем, как дверцы шкафа распахнулись. Я надеялся, что моя маскировка не подведет.

Я вышел, бросив холодный взгляд на Пине.

— Ну, Джорджес,— сказал я.— Как прекрасно знать, что у тебя за душой.— Я говорил на том же французском диалекте, что и они, и приготовился к действию.

— Дьявол! — завопил Морис. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Какой-то момент мне показалось, что я очень легко смогу покинуть эту комнату. Я развернулся, сделал шаг в сторону, пистолет оказался у меня в ладони.

— Посторонись! — гаркнул я.

Пине не обратил никакого внимания и бросился на меня. Я сдавил свое крохотное оружие и напрягся, чтобы не быть отброшенным отдачей. Раздался тяжелый удар и Пине бросило назад, он опрокинулся на спину, раскинув руки, и больше не двигался. В этот момент Морис бросился на меня сбоку. Я отлетел к противоположной стене, упал и он оказался сверху меня. У меня в руке все еще был пистолет и я попытался было применить его. Но в голове моей гудело, а Морис был стремителен и силен как бык. Он слегка перевернул меня, держа с помощью захвата одной рукой, а другой скрутил мне руки за спиной. Тяжело дыша, он сел на меня верхом.

— Кто ты? — прошипел он.

— Я думал, что ты узнал меня, Морис,— сказал я. С максимальной осторожностью я попытался засунуть пистолет за манжет рубашки и это мне удалось. Но сколько это стоило мне усилий, не могу передать. Когда я услышал слабый щелчок, что пистолет находится в кобуре, я позволил себе расслабиться.

— Значит ты так думал, да? — засмеялся Морис. Лицо его было багровым и влажным. Он вытащил из кармана тяжелую дубинку, слезая с меня.

— Вставай,— сказал он и оглядел меня— Боже мой! Фантастика, да и только,— прошептал он, когда закончил свой осмотр.— Кто послал тебя?

Я не ответил. Было ясно, что мне не удалось одурачить его ни на один миг. Я страстно хотел узнать, что было у меня не так. Но все же, казалось, Морис находил мою внешность довольно интересной. Он подошел поближе и рассчитанным движением резко ударил меня по шее. Он мог бы сломать мне шею этим ударом, но то, что он сделал, было больнее. Я почувствовал, как кровь брызнула из моей полузажившей раны. Он увидел это и, казалось, на миг ошеломило его. Но затем его лицо прояснилось.

— Прости меня,— сказал он скаля зубы.— В другой раз я попробую ударить в другое место. И отвечай, когда тебя спрашивают.

В этом голосе было что-то злобное, выражение его лица живо напомнило мне выражение лиц тех, кто нападал на летний дворец в Империуме. Эти люди уже повидали ад на земле и больше уже не могли быть полностью людьми.

Морис смотрел на меня оценивающе, похлопывая дубинкой по ладони.

— *Я думаю,— сказал он,— нам нужно немного поговорить кое о чем в другом месте.* И держи руки на виду!

Глаза его бегали из стороны в сторону, по-видимому, отыскивая мой пистолет. Он был очень уверен в себе. Его нисколько не беспокоило, что он не заметил его. Он не хотел надолго оставлять меня без присмотра, чтобы более основательно поискать пистолет.

— Держись поближе, бэби,— сказал он.— Вот так. Иди рядом, спокойно и легко.

Я держал руки слегка приподнятыми и последовал за ним к телефону. Он не был таким уж умелым, как считал себя: я мог бы в любой момент убрать его. Но что-то смутно говорило мне, что лучше еще некоторое время побыть с ним в надежде разузнать побольше.

Морис поднял трубку и что-то тихо сказал в микрофон, не отрывая от меня взгляд.

— Через сколько времени они будут здесь? — спросил я.

Морис прищурился, не отвечая. Трубку он уже положил на рычажки.

Я решил тоже промолчать.

Наконец, он не выдержал и со смехом произнес:

— А зачем тебе знать, мальчик, через сколько времени мои друзья придут сюда?

— Может быть, нам тогда хватит времени заключить сделку,— *сказал я.*

— Да,— кивнул головой Морис,— мы можем заключить прелестную сделку. Ты будешь петь громко и внятно и тогда, возможно, я скажу своим ребятам, чтобы они покончили с тобой побыстрее.

— Морис! Неужели ты настолько глуп? Ведь сейчас у тебя в руках козырной туз. Не трать же попусту его на толпу.

Советник снова похлопал дубинкой по ладони.

— Что у тебя на уме, бэби?

— Я думаю о тебе,— сказал я. Думать приходилось быстро.— Держу пари, что ты никогда не знал, что у Брайана есть брат-близнец. Он, правда, полностью порвал со мной, хотя я думаю, что сейчас...

Глаза Мориса заблестели.

— Дьявол,— прошептал он.— Но ты, видно, уже давно не видел своего любимого братца, как я посмотрю?

Он осклабился. Мне очень захотелось узнать, что именно так смогло его рассмешить.

— Давай уйдем отсюда,— предложил я.— Нам надо переговорить друг с другом с глазу на глаз. Здесь это невозможно, так как скоро сюда придут ваши друзья.

Морис взглянул на мертвого Пине.

— Забудь о нем,— сказал я.— Он уже ничего не значит.

— Тебе бы хотелось, чтобы и я был мертв, не так ли, бэби?

Внезапно его злобно-насмешливый тон сменился рычанием:

— Ей богу,— закричал он,— ты, ты хотел убить меня, мелюзга соломенная...

Он склонился ко мне, сжав кулаки. Я понял, что он безумен и может свободно убить меня в приступе ярости.

— Сейчас ты увидишь, кто из нас убийца,— кричал Морис. Глаза его сверкали, когда он замахнулся своей дубинкой.

Больше ждать я уже не мог. Пистолет снова оказался в моей ладони. Я прицелился в Мориса. В этот момент мне почудилось, что я начинаю перенимать от него эту необузданную жажду крови. Я ненавидел все, что он собой символизировал.

— Ты глупец, Морис,— тихо сказал я сквозь зубы.— Тупой и неуклюжий и через минуту уже мертвый. Но сперва ты мне скажешь, как ты узнал, что я не Байард.

Эта попытка оказалась тщетной.

Морис прыгнул ко мне, но пуля отбросила его. Он упал навзничь. Моей руке стало больно от отдачи. Обращение с этим крошечным оружием требовало особой сноровки. Однако если я и дальше стану пускать его в ход столь же часто, то едва ли продержусь больше одного дня. Пистолет был рассчитан на пятьдесят выстрелов.

Теперь мне нужно было поскорее убраться отсюда. Я схватил со стола настольную лампу и запустил ее в люстру. Это на несколько секунд должно было задержать преследователей.

Я выскользнул в коридор и двинулся вперед, в том же направлении, в котором я шел до того момента, когда услышал звук лифта. Проходя мимо подъемной шахты, я услышал шум поднимающейся кабины и постарался как можно быстрее скрыться за ближайшим поворотом коридора. Они уже были здесь! И тут я увидел лестничную клетку. Осторожно открыв стеклянную дверь, я стал тихо спускаться по ступенькам. Я не стал дожидаться, чтобы насладиться зрелищем их физиономии, когда они увидят мертвых Мориса и Пине.

Я вспомнил о своем коммуникаторе, но тут же отказался им воспользоваться. Пока сообщать мне было нечего.

Я проследовал три марша лестницы, прежде чем очутился в каком-то зале. Пока я оглядывался, из комнаты в противоположном конце зала вышел человек и посмотрел в мою сторону. Мое сходство теперь не столько помогало, сколько служило помехой. Человек что-то сказал и исчез за дверью комнаты.

В углублении я заметил небольшую дверь и попробовал открыть ее. Она была заперта, но я приналег на нее и с силой толкнул. Хрустнула филенка и я оказался на лестнице, ведущей вниз.

Мне практически уже ничего не оставалось, как только покинуть дворец. Было совершенно очевидно, что мое перевоплощение закончилось провалом. Единственное, что я мог сейчас сделать, это забраться в безопасное место и запросить дальнейших инструкций.

Я уже спустился на два пролета по лестнице, когда услышал сигнал тревоги. Первое, что необходимо было сделать, это освободиться от этого причудливого мундира. Я стащил с себя сюртук и принялся срывать с него погоны и галуны с рукавов. Лацканы я не мог трогать, так как в них был вплетен микрофон. Больше я уже ничего не мог сделать со своим внешним видом.

Это не часто пользуемая лестница, вероятно, вела к какому-нибудь выходу, причем ничем не хуже, чем другие. Я продолжал спускаться, проверяя по дороге каждую дверь. Все они были заперты. Я подумал, что это хороший знак. Лестница оказалась тупиком, заполненным бочонками и заплесневелыми картонными коробками. Я поднялся на один пролет выше и прислушался. За дверью были слышны громкие голоса и топот. Я вспомнил, что согласно планам дворца этот выход на лестницу был ря-

дом с главным входом в старый дворец. Было похоже, что я попал в ловушку.

Я снова спустился вниз, отодвинул один из бочонков и взглянул на стенку за ним. Виднелся край дверной панели. Я отодвинул другой бочонок и обнаружил ручку. Она совершенно не двигалась.

Я подумал, насколько сильно я могу шуметь, чтобы меня не слышали, и решил, что на многое рассчитывать не приходится. Единственная возможность могла заключаться в коробках. Я отодвинул верх одной из них и заглянул внутрь. Она была заполнена заплесневелыми бухгалтерскими книгами. Пользы от них не было никакой.

Следующая коробка была получше. Старая кухонная посуда, сосуды, миски. Я нашел большой нож для разделки мяса и просунул его в щелку двери. Но она была прочна, как будто должна была защищать ни больше ни меньше, как вход в банк. Я попробовал еще раз, дверь не могла же быть такой крепкой, но на мое счастье...

Пришлось отступить, может быть, единственное, что остается сделать — это бросить всякую осторожность и попытаться взломать филенку. Я оперся плечом, отыскивая наиболее подходящее место для выдавливания — и отпрянул к стене, держа в руке пистолет.

Медленно, очень осторожно, дверная ручка поворачивалась...

ГЛАВА VIII

Я был на грани паники, так сильно на меня подействовало то, что я был загнан в угол. Я не знал, что делать. У меня была тьма инструкций как действовать после того, как мне удастся убить диктатора, но не было никаких, как прикрыть свое отступление после неудачи.

Раздался скрип и с двери посыпалась пыль. Я стал как можно дальше и ждал. Возникшее было желание выстрелить я, правда, тут же подавил. Сейчас было важно только одно — ждать и смотреть.

Дверь слегка приоткрылась. Мне это совсем не понравилось — меня осматривали, я сам ничего не мог разглядеть. Хорошо, что у меня был вид безоружного человека — крохотный пистолет был надежно спрятан в моей руке. Но было ли это преимуществом? Этого я не знал.

Неопределенность не нравилась мне.

— Хорошо,— сказал я.— Вы делаете сквозняк. Идите сюда наружу!

Я говорил с гортанным парижским акцентом, который слышал наверху.

Дверь открылась сильнее и за ней появился парень с вымазанным сажей лицом. Он щурился и глядел наверх, на лестницу. Мотнув головой назад, он произнес:

— Сюда, пожалуйста,— голос у него был довольно хриплый.

В данных обстоятельствах я не видел причин отказываться. Я прошел мимо бочонков и, наклонив голову, нырнул в низкий дверной проем. Как только человек закрыл дверь, я вернул пистолет на прежнее место в рукаве.

Я находился в сыром мощенном туннеле, освещенном стоящим на полу электрическим фонарем.

Мне необходимо было находиться против света — пока что я не хотел, чтобы было видно мое лицо.

— Кто вы? — поинтересовался я.

Парень протолкнулся мимо меня и подхватил фонарь, сдва взглянув на меня.

— Я — человек немногословный,— сказал он.— Я не люблю задавать вопросы и не люблю отвечать на них. Идемте.

Я не мог позволить себе спорить с ним по этому поводу и последовал за ним. Мы шли по высеченному вручную проходу, затем вниз и очутились в темном помещении без окон.

За разбитым столом, на котором потрескивала горящая свеча, сидели двое мужчин и темноволосая девушка.

— Все в порядке, Миче,— сказал мой проводник.— Вот этот голубок.

Миче развалился на стуле и дал знак, чтобы я подошел к нему. Он взял что-то со стола, похожее на нож для открывания писем, и стал ковыряться в коренных зубах, косясь на меня взглядом.

Я решил не подходить слишком близко к столу.

— Судя по форме, один из этой псарни,— сказал он.— В чем дело, ты укусил кормившую тебя руку? — Человек весело засмеялся.

Я промолчал, думая, что надо дать ему возможность сказать мне что-нибудь, если уж ему так хочется этого.

— Судя по шнуркам,— унтер-офицер,— продолжал он.— Что ж, там наверху будет очень интересно понять,

куда это ты делся? — Тон его изменился.— Выкладывай, почему ты в бегах?

— Пусть этот мундир не беспокоит вас,— начал я.— Давайте считать, что я одолжил его. Там, наверху, мой вид не очень-то понравился.

В этот момент в разговор вступил другой из сидевших:

— А ну, парень, подойди поближе к свету.

Я не мог откладывать этого надолго. Я вышел вперед, прямо к столу. И чтобы быть уверенным, что они поймут мой замысел, поднял лампу и осветил ею лицо.

Миче так и застыл с ножом в руке. Девушка стремительно вскочила и перекрестилась. Другой мужчина как завороженный уставился на меня. Все получилось весьма внушительно. Я поставил свечу назад на стол и небрежно сел на пустой стул.

— Возможно, вы можете сказать мне,— я говорил негромко, но твердым голосом,— почему мне не удалось обмануть их?

Заговорил другой мужчина:

— Вот в таком виде вы и показались перед ними?

Я кивнул.

Он и Миче переглянулись.

— Друг мой, неужели вы не поняли, что здесь вы представляете собой довольно большую ценность,— сказал через мгновение незнакомец.— Но вам нужна некоторая помощь. Чика, *припеси нашему новому товарищу* вина.

Девушка, все еще с широко раскрытыми глазами, торопливо бросилась к закопченному буфету и стала наощупь искать бутылку, глядя на меня через плечо.

— Так что же случилось наверху? — спросил Миче.— Сколько времени вы были во дворце? Сколько человек вас видело?

Я вкратце рассказал о случившемся, опустив только способ моего проникновения во дворец. Казалось, это вполне их удовлетворило.

— Похоже, что только двое видели его лицо, Грос,— заключил в конце концов Миче.— И оба они покинули сцену.

Он повернулся ко мне.

— Хорошенькое дельце — пристукнуть Соувета. И вряд ли кто будет сожалеть о Пине. Между прочим, а где же твой пистолет? Может быть, вы соблагоизволите отдать его мне? А?

Он протянул руку.

— Я был вынужден оставить его,— ответил я.— Понимаете, в темноте обо что-то споткнулся, выронил его, а искать не было времени.

Миче недовольно хмыкнул.

— Боссу будет очень интересно с вами переговорить,— сказал Грос.— И чем скорее, тем лучше.

Кто-то, тяжело дыша, вбежал по лестнице в комнату.

— Скажи, шеф,— начал он,— мы навели шуму в башне...

Он остановился как вкопанный и весь напрягся. На лице его появилось удивление. Рука его начала шарить по бедру в поисках пистолета. Но он не нашел его и метался взглядом от одного лица к другому.

— Что... что...

Грос и Миче хрипло расхохотались.

— Успокойся, Паук,— Миче первый прекратил смеяться.— Байард перешел к нам!

При этом даже Чика хихикнула.

Паук продолжал стоять в недоумении.

— Ничего не пойму,— еле выдавил он из себя.

Он оглядывал комнату. С его побелевшего лица не сходила гримаса сильного испуга. Миче вытер лицо платком, прокашлялся и сплюнул на пол.

— О'кей, Паук. Не волнуйся. Это просто точная копия. А теперь веди сюда ребят.

Паук стремительно выскочил из комнаты. Я ничего не понимал. Почему некоторым из них было достаточно внимательного взгляда, чтобы раскусить меня, а вот этот парень был полностью введен в заблуждение?

Я должен был понять причину! Было что-то, что я делал неправильно.

— Вы не против того,— сказал я,— чтобы объяснить, что не так в моей одежде?

Миче и Грос снова переглянулись.

— Что ж, мой друг,— сказал Грос,— нет ничего, о чем бы мы не позаботились. Смотри на вещи проще и мы доставим тебя куда надо. Вы хотели, проникнув во дворец, шлепнуть старика, не так ли? Что ж, при поддержке Организации вы сможете это сделать.

— Какой Организации? — изумился я.

Миче покачал головой и вмешался в наш разговор.

— Не забывайте, мой друг, что сейчас вопросы задаем мы! И поэтому, ваше имя? Чем вы занимаетесь?

Я перевел свой взор с Миче на Гроса. Мне очень хотелось знать, кто из них старший.

— Мое имя Байард,— сказал я.

Миче, прищурясь, встал и начал прохаживаться вдоль стола. Он был крупным парнем с большой головой и маленькими глазками.

— Я спросил ваше имя, мистер! — сказал он.— Обычно я дважды не спрашиваю, зарубите себе на носу.

— Пусть будет так, Миче,— вмешался Грос.— Он прав. Он должен оставаться в своей роли, если он намерен хорошо ее сыграть. Я уверен, что он вполне способен на это. Пусть так и остается. Мы тоже будем звать его Байардом.

Миче взглянул на меня.

— Да, в этом есть определенный смысл,— согласился он.

— У меня возникло чувство, что с этим человеком мне будет очень трудно поладить.

— Кто вас поддерживает, э... Байард? — спросил Грос.

— Я — одиночка. Во всяком случае до сего момента. Но, кажется, что я кое-что упустил. Если ваша организация меня примет, я полажу с вами.

— Порядок, мистер. Мы принимаем вас,— кивнул головой Миче.

Мне не нравился вид этой пары головорезов, но я не мог же встретить здесь великосветскую компанию. Насколько я мог догадаться, Оранизация была подпольной антибайардовской партией. Я огляделся. Комната эта, казалось, была выдолблена в стенах дворца. По-видимому, они развернули шпионскую деятельность по всему зданию, используя потайные ходы.

Комната стала наполняться людьми, одни — по лестнице, другие — через дверь в дальнем углу. По всей вероятности, было отдано какое-то распоряжение. Они собирались вместе, глядя с любопытством, переговариваясь друг с другом, но не удивляясь.

— Вот и ребята,— сказал Грос, глядя на них.— Стенные крысы.

Я пробежал взглядом по дюжине головорезов с пиратской наружностью. Грос дал им точное определение. Я снова взглянул на него.

— Хорошо,— сказал я.— С чего мы начнем?

Они, конечно, не были товарищами того рода, что я хотел бы иметь в этом мире, но если они смогут восполнить пробелы в моем внешнем виде и помогут стать на

место Байарда, я мог бы только благодарить судьбу за такую удачу.

— Не спеши, милый,— засмеялся Миче.— Подготовка требует довольно много времени. Нам важно будет потренироваться на макете дворца, который будет сделан где-то за городом. Не забудь, что впереди, до того, как ты снова попытаешься проникнуть сюда, тебя ждет бездна работы.

— Но я же уже здесь,— сказал я, обращаясь к Гросу.— Почему бы не попробовать сегодня? Зачем уходить отсюда?

— Над вашей внешностью необходимо слегка поработать,— сказал Грос.— Кроме того, операцию надо тщательно спланировать. Надо обдумать, как получше воспользоваться этой подменой и подстраховаться от измены.

— И никакого плутовства, милый,— добавил Миче.

Заросший массивный человек из толпы вступил в разговор:

— Мне не по душе этот пень, Миче. Лучше отдай его мне, чтоб я укокошил его и похоронил под полом.

К его поясу был пристегнут большой кинжал парашютиста. У меня не было сомнений, что он так и жаждет пустить его в ход.

Миче взглянул на него.

— Не сейчас, Гастон,— покачал он головой.

Грос потер подбородок.

— Пусть вас, ребята, не беспокоит мистер Байард,— сказал он.— Мы с него не будем спускать глаз.

Он посмотрел на Гастона.

— Ты, конечно, специалист своего дела, парень, но мой тебе совет — не торопись. Если с ним что-нибудь случится, тебе не поздоровится.

Меня успокаивала мысль о пружине под запястьем. У меня было чувство, что Гастон далеко не единственный в этой толпе, кто терпеть не может чужаков.

— Для вас важно время,— сказал я.— Давайте что-то делать.

Миче подошел очень близко ко мне. Он указательным пальцем постучал меня по плечу и произнес:

— У вас, мистер, рот как хлопушка. Здесь отдают приказы Грос и я.

— Да,— усмехнулся Грос.— Нашему другу еще многому предстоит научиться. Но вот насчет одного он прав.— Время — деньги. Байард должен вернуться сюда завтра. А это значит, что сегодня мы уходим, если не хотим, чтобы эти герцоги верховодили среди кадровых во-

енных. Миче, пусть ребята двигаются. Я хочу, чтобы все было собрано и уложено быстро и тихо. Не забудьте выделить надежных людей в резерв.

Он повернулся ко мне. Миче в это время начал отдавать распоряжения своим людям.

— Возможно, вам было бы неплохо немного перекусить сейчас,— заметил Грос.— Нам предстоит долгий путь.

Я был озадачен. Я полагал, что сейчас ночь. Посмотрев на часы, я отметил, что прошел всего час и десять минут с тех пор, как я очутился во дворце. Да, приходится еще раз констатировать, что время движется чертовски медленно.

Чика вынула буханку хлеба и брусок сыра из буфета и поставила еду на стол. Нож лежал рядом. Я насторожился.

— Можно взять нож? — спросил я.

— Конечно,— сказал Грос.— Ешьте.

Он запустил руку под стол и вытащил короткоствольный пистолет, который и положил перед собой.

Миче вернулся к столу, когда я пережевывал ломоть хлеба. Хлеб был отличным. Я попробовал вино. Оно тоже было неплохим. Хорош был также и сыр.

— У вас хорошая еда,— отметил я.— Это хорошо.

Чика с благодарностью посмотрела на меня.

— Мы все делаем хорошо,— согласился Грос.

— Пусть лучше этот нахал снимет свой шутовской наряд,— сказал Миче, кивнув в мою строну.— Кто-нибудь, не задумываясь, может пристрелить его. Наших ребят очень будоражат мундиры подобного рода.

Грос посмотрел на меня.

— Правильно,— сказал он.— Миче даст вам какую-нибудь одежду, мистер. Этот мундир не пользуется здесь любовью.

Такое развитие событий мне не совсем нравилось. В лацканах сюртука был вплетен мой коммуникатор. Поэтому мне пришлось наотрез отказаться и не поддаваться не только на уговоры, но и на всевозможные угрозы.

В конце концов мы сошлись с Гросом на том, что поверх своего мундира я одену какой-нибудь плащ.

Но Миче, пожалуй, был с этим не согласен. Он ткнул ногой в мой стул. Я вовремя заметил это и вскочил на ноги прежде, чем опрокинулся вместе со стулом. Миче посмотрел мне в лицо.

— Раздевайтесь, мистер,— сквозь зубы процедил он.— Вы слышали, что я вам сказал?

Все, кто находился в это время в комнате, притихли. Я посмотрел на Миче, надеясь, что Грос вступится за меня.

Стояла тишина. Посмотрев на Гроса, я заметил, что он с любопытством наблюдает за нами.

— А почему это я должен исполнять ваши приказы — с усмешкой спросил я.

Миче рванулся вперед, вытаскивая нож.— Я порежу твой мундир, молокосос,— прохрипел он.

— Убери нож, Миче,—спокойно сказал Грос.— Ты же знаешь, что это наше секретное оружие. А мы хотим, чтобы этот мундир был снят и остался целым.

— Что же,— с ворчанием согласился Миче.— В этом есть какой-то смысл.

Он швырнул нож на стол и двинулся на меня. По его легкой походке и наклоненному корпусу я понял, что имею дело с профессионалом.

Я решил не ждать, пока он начнет первым. Развернувшись, я вложил весь вес своего тела в прямой удар в скулу. Миче был застигнут врасплох, подбородок его подпрыгнул, и сам он полетел назад. Я последовал за ним, пока он снова не восстановил равновесие, и опять ударил его. Но это был ветеран слишком большого числа драк. Он сгруппировался, мотнул головой и затем резко ударил меня прямо в висок. Я пошатнулся, почти выключившись. Он ударил меня еще раз, на этот раз в переносицу. Закапала кровь.

Я не смог бы долго продержаться против этого громилы. Толпа собралась в дальнем конце комнаты, наблюдая с восторгом за дракой. Слышались ободряющие возгласы, чтобы Миче показал мне свой класс. Грос продолжал сидеть. Чика смотрела на меня, прижавшись к стене.

Увертываясь от ударов, я отступал назад. Я был ошеломлен. У меня был только один шанс и для этого мне был нужен темный угол. Миче не отпускал меня. Он обезумел. Удар в челюсть прямо на глазах ребят лишил его рассудка. Это было мне на руку. Он забыл правила ведения боя и размахивал руками, стараясь нанести мне поражение как можно быстрее. Для восстановления своей репутации он хотел одним ударом послать меня на пол. Я же продолжал отступление, увертываясь от ударов.

Я перемещался в сторону глубоких теней в углу комнаты, за буфетом. Мне нужно было попасть туда как можно быстрее, пока наблюдавшая за нами толпа не стала преградой на моем пути.

Миче размахался вовсю. Я слышал свист его кулаков совсем рядом с собой. Я отступил еще на шаг и был сейчас почти у цели. Теперь нужно было встать между нападавшим и остальными. Я прыгнул назад, спасаясь от яростного удара, и ужалил Миче резким ударом правой в ухо. Затем я развернулся, поймал свой пистолет при его падении из рукава и, когда Миче делал вдох, выстрелил ему в живот, одновременно дико вскрикнув и бросившись на него. Он ударился о стену и упал во весь рост у моих ног. Я успел спрятать пистолет назад, за манжет, и повернулся.

— Ничего не видно,— закричал кто-то.— Дайте туда свет.

Толпа двинулась вперед, образовав широкий круг и замерла, увидя, что на ногах остался только я.

— Миче на полу,— крикнул кто-то.— Этот новичок справился-таки с ним.

Грос протиснулся вперед, немного поколебался, потом подошел к распростертому телу Миче. Он присел на корточки и попросил свечу.

Перевернув Миче на спину, он внимательно осмотрел тело и попробовал пульс. Затем он резко поднялся во весь рост.

— Он мертв! Миче мертв.

Он как-то странно посмотрел на меня.

— Ну и удар у вас, мистер,— сказал он.

— Я стараюсь не прибегать к нему,— сказал я.— Но если будет нужно, то, без сомнения, воспользуюсь им снова, если меня только к этому принудят.

— Обыщите его ребята,— приказал Грос. Они прощупали меня всего, но вот запястье не приняли в расчет.

— У него ничего нет, Грос,— сказал кто-то.

Грос решительно осмотрел тело, надеясь отыскать следы ран. Люди столпились вокруг него.

— Нет, нет никаких следов,— наконец сказал он.— Ребра сломаны и внутренности словно перемешаны.

Он взглянул на меня и добавил:

— И он это сделал голыми руками!

Я надеялся, что они поверят в это, что было бы лучшей гарантией от повторения. Я хотел, чтобы они боялись меня, и здесь были совершенно ни причем вопросы этики.

— Довольно,— Грос обратился к своим людям.— Возвращайтесь к своим делам. Миче сам напросился. Он обозвал новичка нахалом. Я даю ему имя Молот!

Я решил, что сейчас самое время взять чуть повыше.

— Лучше бы вы, Грос, сказали им, что я займу здесь место Миче. Думаю, для нас обоих будет полезно, если мы будем работать рука от руку!

Грос скосил взгляд на меня.

— Подходит,— сказал он, немного поразмыслив.

У меня было чувство, что он что-то задумал.

— И, между прочим,— добавил я.— Я оставлю на себе мундир. Ведь мы договорились с вами об этом, пока не вмешался Миче. Почему вы не сказали об этом?

Грос пожал плечами и, внимательно посмотрев на меня, усмехнулся.

— Он останется в мундире,— сказал вожак, обращаясь к своим людям.— Через тридцать минут нас не должно быть в этом месте. Идемте!

* * *

В конце темного туннеля показалась неровная полоска света. Грос дал команду остановиться. Люди сгрудились, заполнив тесный проход.

— Большинство из вас прежде не ходило этим путем,— начал Грос.— Отсюда можно выйти на Оливковую аллею. Это маленькая боковая улочка под стеной дворца. Впереди выход прикрывает небольшая лавчонка, в которой торгует древняя старуха. Не обращайте на нее внимания. Выходить будем по одному. Как только выйдете из лавки, поворачивайте направо. Не забудьте, что документы у нас всех в порядке. Если кто-нибудь на воротах спросит — покажите. Держитесь спокойно. Если сзади вас возникнет какой-нибудь шум, продолжайте идти. Место встречи — на воровском рынке.

Он показал первому на выход, прищурясь, как только рваный брезент был откинут в сторону. Через полминуты последовал второй. Я подошел поближе к Гросу.

— Зачем было приводить сюда столько людей? — спросил я тихо.— Если бы нас было всего несколько, нам было бы намного легче.

Грос покачал головой.

— Я должен присматривать за этими слюнтяями. Не знаю, какие только мысли могут забрести в их головы, если только я оставлю их одних на пару дней, и я не могу позволить, чтобы все было испорчено. Они ничего не

могут сделать сами, если я не буду подсказывать им, что от них требуется.

Мне это показалось весьма сомнительным, но я не подал виду. Все уже прошли мимо нас и исчезли за брезентовым пологом. Тревоги не было.

— Порядок! — сказал удовлетворенно Грос.— Давайте за мной, мистер.

Он проскользнул под заплесневелые тряпки, я за ним — мимо колченогого стола, заваленного горшками. Старая карга, восседавшая на табуретке, не обратила на меня никакого внимания. Грос выглянул на узкую пыльную улицу и быстро нырнул в толпу прохожих. Я, не отставая, следовал за ним. Мы шли мимо громко разговаривающих, жестикулирующих покупателей и мелких торговцев, прислонившихся к облепленным мухами лоткам с пищей. Мимо обшарпанных магазинчиков, ковыляющих нищих, чумазых мальчишек. На улице было полно мусора и отходов; голодные собаки сновали в толпе. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания — мы выбрались без всякого затруднения.

Я вспотел под тяжелым плащом, который дал мне Грос. Мухи жужжали у моего распухшего лица. Какой-то нищий, скуля, протянул ко мне изможденную руку. Грос нырнул между двумя толстяками, занятыми оживленным спором. В тот момент, когда я хотел последовать примеру своего напарника, толстяки двинулись в путь и я был вынужден обойти их. А это привело к тому, что я потерял Гроса из виду.

Внезапно я увидел военную форму — парня в желтоватом хаки с суровым лицом, который грубо проталкивался сквозь толпу. Прямо передо мной прошмыгнула собака, я инстинктивно отпрянул назад. Раздался крик, люди начали рассыпаться во все стороны, толкая меня. Тут я увидел Гроса. Его бледное лицо было обращено в сторону солдата. Он начал бежать. В два прыжка человек в форме догнал его, схватил за плечо и с криком развернул. Завыл щенок, попав мне под ноги. Рука солдата подымалась и опускалась, нанося удары Гросу тяжелой дубинкой.

Далеко впереди себя я услышал выстрел и почти тотчас же еще один; уже поближе. Грос был свободен и убегал. Голова его была окровавлена, а солдат лежал в пыли, на спине, конвульсивно вздрагивая.

Я бросился вдоль стены, стараясь перехватить Гроса или, во всяком случае, не потерять его из виду. Толпа

расступилась, образовав проход для него, бегущего с пистолетом в руке.

Внезапно передо мной вырос солдат с дубинкой. Я бросился в сторону, выбросив вверх руку. Солдат отпрыгнул и отдал честь.

Я разобрал слова «Извинте, сэр», пробегая мимо него. Он, должно быть, мельком разглядел мою форму сквозь развевающийся плащ.

Впереди Грос упал на колени в пыль, голова его свисала. Из боковой улицы выбежал солдат, прицелился и выстрелил ему в голову. Грос накренился, свалился на спину и затих. Пыль смешалась с кровью на его лице. Толпа сомкнулась. С того момента, как его опознали, у Гроса уже не было никаких шансов.

Я остановился, пытаясь вспомнить, что говорил Грос своим людям. Я совершил непростительную ошибку, всецело полагаясь на то, что Грос проведет меня. Он говорил о каких-то воротах, о каких-то документах... Но я же не знал никаких ворот и у меня нет никаких документов. Погоди... теперь понятно, почему эти оппозиционеры вынуждены были покинуть свое подземелье до захода солнца. Очевидно, с наступлением ночи ворота закрывались и создавались определенные трудности для того, чтобы покинуть город.

Я продолжал идти, не желая привлекать к себе внимания, и старался так придерживать плащ, чтобы не был виден мундир. Я не хотел, чтобы еще кто-то из солдат заметил его. Следующий, возможно, не будет торопиться.

Грос назначил своим людям место сбора на воровском рынке. Я пытался вспомнить Алжир, где я провел несколько дней пару лет назад, но все, что я мог вспомнить это Казбах и ярко освещенные улицы в европейской части города.

Я прошел мимо места, где толкающаяся толпа вытягивала шеи, чтобы рассмотреть тело убитого солдата, стараясь не замедлить шага. Другое кольцо окружало то место, где лежал Грос. Теперь здесь повсюду были солдаты, небрежно размахивающие дубинками, чтобы пройти к толпе.

Я извернулся, нагнул голову и с силой протиснулся на открытое место. Улица загибалась влево, стремительно задираясь вверх. Здесь уже была какая-то мостовая, магазинчиков и лотков было поменьше. С перил балконов на улицу свисало белье.

Впереди я увидел ворота. Группа людей сгрудилась перед ними, пока солдат проверял документы. Еще трое в форме стояли рядом, наблюдая за происходящим.

Я продолжал идти к воротам. Сейчас я уже не мог повернуть назад. К древней кирпичной стене примыкала новая деревянная сторожевая вышка. Под ней текла стоячая канава. На вышке был прожектор с дуговой лампой и часовой с ружьем на плече. Мне показалось, что я увидел в толпе перед воротами одного из Организации.

Я бросился вперед, но тут же взял себя в руки. Один из солдат заметил мое движение и посмотрел на меня. Он выпрямился и толкнул в бок соседа. Второй солдат тоже заметил меня. Я решил, что единственное, что остается мне сейчас — это смело идти им навстречу. Я кивнул одному из них, позволив чтобы под плащом была на мгновение видна форма. Солдат двинулся ко мне. Сомнения, видимо, не оставили его. Я надеялся, что мое опухшее лицо не покажется ему слишком знакомым.

— Не спеши, солдат,— сказал я, стараясь подражать интонациям выпускников Эколь Милитари. Он остановился передо мной и отдал честь. Я не дал ему возможности взять инициативу в свои руки.

— Лучшая часть добычи уйдет через ворота прежде, чем вы, дурачье, затянете сетку.— Я щелкнул пальцами.— Пропустите побыстрее и не привлекайте ко мне внимания. Я не ради забавы затеял этот блошиный цирк.

Я прикрыл плащом форму.

Он повернулся и направился к воротам. Там он что-то сказал другому солдату, указывая на меня. Этот второй, с нашивками сержанта, посмотрел в мою сторону.

Я сделал большие глаза, приближаясь к нему, и прошипел:

— Не обращай на меня внимания, солдат. Ты все испортишь, и потом тебе придется стрелять.

Я быстро прошел мимо него, миновал ворота, которые открыл первый солдат, и вышел из города! Пот градом катил по моему телу, ноги были ватными, сердце учащенно билось в груди. Впереди я заметил дерево, с черной тенью под ним. В этот момент я даже засомневался, смогу ли я дойти до этого спасительного дерева.

Когда я оказался в тени, только здесь я позволил себе перевести дух.

У меня еще оставались проблемы, много проблем. Сейчас я должен был отыскать воровский рынок. У меня было смутное воспоминание, что такой рынок существует,

но я не имел понятия, где. Я шел по дороге мимо облупленного кирпичного здания с харчевней внизу и перекошенными комнатами вверху, с одним из углов, пострадавшим от бомбы. Теперь уже ворот не было видно.

Впереди были разбомбленные многоквартирные дома, развалины и дальше... открытое поле. Справа виднелась река. Людей здесь было немного. Казалось, что они не обращают никакого внимания на гам, доносящийся из обнесенной стеной части города. Я не мог рисковать, спросив кого-либо из них, где находится то место, которое я ищу. Я не знал, кто из них полицейский осведомитель или же сыщик. Вот взять хотя бы Гроса. Похоже, что он не был столь хорошим конспиратором, как ему казалось. Вероятно, полиция могла прикрыть его группу в любое время, я подозревал, что они терпели его до поры до времени. Засада была организована четко. Вряд ли кому из ребят Гроса удалось пройти через ворота.

Вероятно, распоряжение следить за человеком, переодетым в офицерскую форму, не поступало. Я не знал, сколько успел сказать Морис по телефону, когда звонил своим людям, но мой блеф у ворот указывал на то, что предупреждения о моей внешности не было.

Я приостановился. Может быть, лучше всего зайти в харчевню: заказать выпить и послушать, о чем говорят. Ничего угрожающего вокруг не было заметно.

Я вернулся на пятьдесят шагов назад и быстро вошел в бистро, едва различая в полумраке расположение столиков и стульев. Стекла окон были завешены. Я прищурился и отыскал бар.

У стенки бара маячил тяжело дышащий парень.

— Красного вина,— заказал я.

Бармен поставил стакан для воды, который он как раз протирал, на стойку и наполнил его из жестяного кувшина. Я попробовал вино. Вкус его был ужасным. У меня было ощущение, что хорошие манеры здесь полностью отсутствуют и поэтому я отвернулся и сплюнул на пол.

Оттолкнув от себя стакан, я сказал:

— Я просил вина, а не выжимок из вот этого ковра, парень.— Положив на стойку тысячефранковую ассигнацию, я стал ждать.

Бармен поворчал, куда-то вышел и вскоре вернулся с запечатанной бутылкой и бокалом. Вынув пробку и до половины наполнив бокал, он протянул мне выпивку. Тысячефранковую бумажку он положил в карман и не думая давать сдачу.

Я попробовал вино — оно было не очень плохим. Я стоял, потягивая вино, и ждал, пока мое зрение окончательно адаптируется к царящему здесь полумраку. Бармен отошел и, чертыхаясь, стал орудовать с грудой поставленных друг на друга ящиков.

У меня не было четких мыслей, что мне сейчас предпринять. Даже если мне и удастся отыскать уцелевших после облавы членов Организации... Самое главное — это узнать, что было неверным в моей одежде. А вот потом можно было бы и воспользоваться помощью Организации для повторного проникновения во дворец.

Правда, я всегда мог бы обратиться за помощью, через коммуникатор. Но это было не по мне. Пока оставалась хоть толика надежды, отступать было нельзя.

В дверях появился человек, закрыв за собой свет. Он вошел вовнутрь и подошел к стойке бара. Бармен не обращал на него внимания.

Через дверь вошли еще двое, прошли мимо меня и облокотились о стойку рядом. Бармен продолжал возиться с ящиками, игнорируя новых клиентов. Меня начало это удивлять.

Человек, который вошел первым, пододвинулся ко мне поближе.

— Эй, вы,— сказал он и кивнул в сторону городских ворот.— Слышали ли вы там стрельбу?

Это был наводящий вопрос. Я бы удивился, если бы звук выстрелов был слышен снаружи стен. Я пробормотал что-то невразумительное.

— За кем это гнались? Ты случайно не знаешь?

Я захотел рассмотреть лицо говорящего, но оно было в тени.

Он был худым, костлявым мужчиной и стоял, опираясь на локоть, лежащий на стойке.

— Почему это я должен знать, по кому там стреляли? — пожал я плечами.

— Не слишком ли тебе жарко в этом бурнусе, парень? — спросил незнакомец и протянул руку к моему плащу. Я сделал шаг назад и две пары рук обвили меня сзади двойным захватом.

Человек впереди меня приоткрыл мой плащ и внимательно посмотрел на мой мундир.

— Вшивый герцогский прихвостень! — крикнул он и ударил меня по губам тыльной стороной ладони. Во рту сразу же появился привкус крови.

— Ищите у него, оружие, ребята,— сказал другой, об-

ходя меня сзади. Этого я еще здесь не видел. Теперь я уже не знал, сколько человек было в комнате.

Человек сорвал с меня плащ и закричал:

— Смотрите на него. Мы захватили паршивого генерала.

Он засунул палец под верхнюю часть моего расшитого отворота и с силой дернул за лацкан. Он порвался, но остался на месте. Тогда я начал вырываться — ради золотой тесьмы они могли оборвать мой коммуникатор. Я не очень-то надеялся на то, что мне удастся освободиться, но, может быть, несколько хороших пинков отвлекут их? Я размахнулся и ударил костлявого незнакомца, который разорвал мой лацкан, в колено. Он завопил от боли и отскочил, затем подскочил и замахнулся, чтобы ударить меня в лицо. Я отпрянул, и удар едва коснулся моей щеки. Я изо всех сил рванулся назад, стараясь вывести из равновесия держащих меня людей.

— Держите его,— закричал костлявый. Он подошел поближе ко мне и нанес удар кулаком в живот. Я почувствовал страшную боль.

Меня подтащили к стене и прижали к ней с разведенными в стороны руками. Один из парней подступил ко мне с ножом в руке. Я пытался отдышаться, извиваясь под весом мучителей. Парень схватил меня за волосы и на мгновение мне показалось, что он перережет мне горло. Но вместо этого он стал отрезать лацкан и выругался, когда лезвие стало скрести провод.

— Обрежь пуговицы тоже, красавчик Джо,— предложил чей-то сиплый голос.

Боль немного утихла и я осел, собираясь показать, что совсем ослаб, хотя фактически мне стало намного лучше. Коммуникатор исчез, во всяком случае, передатчик. Все, что я теперь пытался спасти — это свою жизнь.

Всего мгновение, и я остался без единой пуговицы. Человек с ножом отошел от меня, засовывая нож в чехол, висящий на бедре. Сейчас я мог разобрать его лицо. Похоже, он вполне подходил к своему прозвищу «Красавчик!»

— Порядок! Пусть катится,— сказал он.

Я тяжело опустился на пол. Потому что впервые мои руки оказались свободны. Теперь, возможно, у меня появился шанс: пистолет все еще был при мне. Опираясь руками о пол, я привстал на колени, не спуская с Красавчика Джо взгляда. Он намеревался ударить меня ногой по ребрам.

— Вставай, генерал,— спокойно сказал он.— Я научу тебя не лягать своих благодетелей.

Остальные засмеялись, выкрикивая советы и образовывая вокруг нас круг. Стоял запах пыли и кислого вина. Кто-то сказал:

— Этот генерал — настоящий боец. Он даже сидя будет бороться.

Раздался дружный хохот.

Я вцепился в направленную в меня ногу и, с силой выкручивая ее, и швыряя нападающего на пол. Он громко выругался и бросился ко мне.

Но я уже к этому времени встал и начал отступать. Круг разомкнулся и кто-то толкнул меня. Я сделал вид, что потерял равновесие и стал еще на несколько шагов ближе к темному углу. Сейчас мое зрение привыкло к полутьме и я видел пистолеты и кинжалы у каждого из присутствующего здесь бандита. Если бы у них возникла мысль, что я вооружен, они пустили бы в ход их не раздумывая. Я был вынужден не спешить.

Красавчик Джо вновь напал на меня, нанося удар слева. Я увернулся, затем пропустил пару тычков, отступил еще на два шага, наблюдая за зрителями. Все они были на удалении от меня. Наступило время моей игры. Прикрываясь от зрителей Красавчиком, я направил в ладонь свой пистолет, но в этот момент Джо яростно ударил меня. Я молниеносно попытался увернуться, это мне частично удалось, но привело к тому, что мой крохотный пистолетик полетел, вертясь, в угол. Теперь я уже больше не умиротворялся.

Я встретил Джо тяжелым ударом в лицо с левой руки, затем правой в живот, выпрямил его еще одним левой в челюсть. Боксером он был неважным.

Остальным это не понравилось. Они окружили и схватили меня. Я получил несколько ударов в челюсть и в спину. Двое оббежали меня сзади и опрокинули к стене. В голове стоял звон — я был оглушен. Я упал и меня оставили в покое. Мне нужна была небольшая передышка, и это было очень кстати.

К черту всю эту секретность,— подумал я. Я поднялся на колени и стал ползти в угол. Зрители смеялись и кричали.

— Ползи, генерал,— кричал один.— Ползи, ползи, паршивый шпик.

— Раз, два, три, солдатик,— командовал другой.

Шутка понравилась. Все хохотали, радостно хлопая

друг друга по плечам. Красавчик Джо пришел в себя и начал меня преследовать.

Куда подевался этот пистолет???

Красавчик Джо схватил меня за сюртук и приподнял на ноги. У меня кружилась голова, похоже, что я заработал небольшое сотрясение мозга. Джо снова пихнул меня, но я повис на нем и он не мог хорошенько размахнуться. Его неуклюжесть вызвала новый смех, толпа получала массу удовольствия от этого фарса.

— Следи за ним хорошенько, Красавчик,— крикнул кто-то.— Если и дальше будешь его так бить, то гляди, чего доброго, и разбудишь. А уж тогда держись, парень.

Красавчик Джо сделал шаг назад и хотел ударить меня в подбородок, но я упал на пол и снова пополз в угол. Именно там должен был находиться мой пистолет. Джо еще раз ударил меня ногой, я отклонился и моя рука нащупала оружие.

Я перевернулся и Красавчик рванул меня за плечо, повернув лицом к себе, и отступил. Я привстал, прислонившись в углу, и следил за ним. Он наслаждался моим положением и, хотя рот его был весь в крови, он показал часть зубов, выражая тем самым удовольствие. Ему хотелось не выпускать меня из угла, чтобы забить насмерть. Когда он спокойно подошел ко мне, я поднял пистолет и выстрелил ему в лицо.

И тут же пожалел об этом. Джо перевернулся головой вниз и рухнул на пол. Мелькнуло полностью искореженное лицо. Джо уже больше не был Красавчиком.

Я держал свое оружие у бедра, ожидая следующего. Тот парень, который тащил меня к стенке, выскочил вперед и, подпрыгнув, хотел одним ударом раздробить мне череп. Я чуть-чуть поднял свой пистолет и как только он прыгнул, выстрелил ему в живот. Выстрел отозвался хлопком в комнате, когда ноги парня оторвались от пола.

Еще трое бросились на меня. В комнате было очень плохое освещение и они полностью еще не осознавали того, что происходит. Они думали, что я кулаками уложил этих двоих. Сейчас же они намеревались одновременно наброситься на меня и наконец-то прикончить.

— А ну-ка, кролики, замрите! — внезапно раздался голос у дверей. Все посмотрели в ту сторону. В дверях стоял здоровенный бандит, в руке его отчетливо был виден пистолет.

— И не шевелитесь вы, крысы! Учтите, что я очень хорошо вас вижу, даже в темноте. Ничего не делать!

Он пропустил одного человека перед собой. Один из троих нападавших, стоящих возле меня, засмеялся и повернулся ко мне. Раздался треск выстрела и сноп огня высветил глушитель. Парень дернулся на бок и распластался на полу.

— Выходи, Молот,— сказал здоровяк.— Нужно побыстрее убираться отсюда.

Он сплюнул на пол.

Я узнал голос Гастона, человека, который хотел схоронить меня под полом. Оказывается, Грос отдал ему приказ быть моим телохранителем. Но он немного опоздал... Я был зверски избит.

Неуклюже спрятав пистолет, я накренился вперед.

— Держись, Молот,— крикнул Гастон, бросаясь вперед, чтобы поддержать меня.— Я не думал, что кролики примутся за тебя. И к тому же я было подумал, что ты сможешь легко их приструнить.

Он приостановился и посмотрел на тело Красавчика.

— Ты превратил его в кашу,— восхищенно присвистнул он. Эй, Уше, прикрой Молота, и двинулись.

Он еще раз оглядел комнату.

— До скорого свидания, кролики,— усмехнулся волчьим оскалом Гастон.

Двое уже не могли ему ответить.

ГЛАВА IX

Я почти не помню, как мы добрались до одного из убежищ Организации, находящегося далеко за городом. Я только помню, что сначала мы бесконечно долго шли, а потом Гастон также бесконечно долго нес меня на плечах.

Я помню ужасную жару и мучительную боль опухшего лица, полузаживающей раны на шее и бесчисленных синяков.

Последнее, что я помню — прохладную комнату и мягкую постель.

Просыпался я медленно, сновидения перемешивались с воспоминаниями, и среди них не было ни одного приятного.

Я лежал на спине, опираясь на огромные пуховые подушки. Позднее послеполуденное солнце пробивалось через широкое окно, частично задернутое непрозрачной занавеской. Некоторое время я мучительно пытался вспомнить, где я нахожусь. Постепенно ко мне вернулись последние сознательные воспоминания.

Это было место за городом, в которое меня вел Гастон. Он очень серьезно отнесся к поручению Гроса, несмотря на свое предложение избавиться от меня и, несмотря на то, что и Мичо, и Грос были уже мертвы.

Я пошевелился и у меня перехватило дыхание. Грудь, ребра, живот были одним огромным очагом боли. Я отодвинул стеганое одеяло и попытался прощупать свои повреждения. Из-под краев широкой повязки были видны багровые кровоподтеки, особенно на правом боку.

Наклонив вперед голову, я совершил ошибку. Пулевая рана на затылке, которую Морис открыл своей дубинкой, начала сильно пульсировать. Во мне все перемешалось от боли. Я не рисковал даже больше шевелить мышцами лица — я знал, что оно из себя представляет.

— Полностью обанкротился, парень,— подумал я.— Как тайный агент ты больше из себя ничего не представляешь.

Моя тщательно подготовленная маскировка не смогла одурачить никого, кроме, пожалуй, Паука. В течение нескольких часов, когда я находился в диктаторском наряде, я натерпелся столько пинков, ударов и угроз, сколько не испытывал за предыдущие сорок два года жизни. И в конечном итоге, я так и ничего не добился. Я лишился коммуникатора, а теперь и пистолета. Успокаивающий вес его под манжетой исчез. Но, он, конечно, ничем уже сейчас не мог бы мне помочь. Любая попытка пошевелиться полностью затуманивала мое сознание.

А, может быть, я все-таки чего-то достиг, в негативном смысле? Я узнал, что запросто войти во дворец диктатора Байарда мне совершенно не удастся, даже несмотря на наше внешнее сходство. И я узнал также, что диктаторский режим пронизан подрывной деятельностью, так как породил множество недовольных. Возможно, в дальнейшем мы сможем это использовать в своих целях.

Если бы только я мог вернуться в Империум с такой информацией! Я должен был обдумать способ возвращения. У меня не было связи, это главное. И поэтому сейчас все зависело от меня самого.

Раньше я всегда знал, что в конце концов смогу сделать вызов и ждать спасения. Рихтгофен организовал круглосуточное дежурство на волне моего коммуникатора. Теперь же о помощи не могло быть и речи. Если мне нужно будет вернуться в Империум, я должен был украсть один из неуклюжих шаттлов этого мира или, что еще лучше, пользуясь диктаторскими правами, реквизировать один из них. Я должен вернуться назад во дворец, надлежащим образом изменив одежду, либо закончить свои дни в этом кошмарном мире.

За дверью послышались приглушенные голоса. Когда дверь открылась, я прикрыл глаза.

Голоса стали тише и я почувствовал, что несколько человек стали у моей кровати.

— Сколько он спит? — спросил чей-то голос. Он показался мне чем-то знакомым, но чем?

— Док сделал ему несколько уколов,— ответил другой голос.— Мы привезли его сюда вчера вечером.

Наступила пауза. Затем раздался полузнакомый голос.

— Мне не хотелось бы, чтобы он остался жив. Тем не менее, возможно, что мы сможем извлечь из него пользу.

— Грос хотел, чтобы он остался жив,— вмешался в разговор еще один голос. Это был Гастон. Его голос казался сердитым.— У Гроса были большие планы относительно Молота.

Собеседник что-то проворчал.

— Нам не будет от него никакого проку, пока не заживет его лицо, Гастон. Держите его здесь, пока я не пришлю дальнейших инструкций.

Мне не очень-то понравилось то, что я здесь сейчас услышал. Но в данных обстоятельствах мне не приходилось выбирать. Я должен был отлежаться и набраться сил. Во всяком случае, я должен был быть благодарен этим людям — меня уложили в удобную постель...

Когда я проснулся, рядом со мной сидел Гастон и курил. Как только я открыл глаза, он выпрямился, потушил сигарету в пепельнице на столе и наклонился ко мне.

— Как ты себя чувствуешь, Молот? — спросил он.

— Отдохнувшим,— ответил я слабым шепотом. Меня очень удивила слабость моего голоса.

— Да, эти голубки задали тебе хорошую трепку, Молот. Не знаю, почему ты раньше не воспользовался своим

смертоносным ударом? Впрочем, об этом позже... Я тут принес тебе немного пожевать...

С этими словами он поставил поднос со столика у кровати к себе на колени и предложил мне ложку бульона.

Я был чертовски голоден и с готовностью открыл рот. Никогда не думал, что сиделкой у меня будет такая горилла.

Тем не менее, Гастон хорошо справился со своим делом. Три дня он регулярно кормил меня, менял простыни и выполнял все обязанности хорошо вышколенной няньки. Силы быстро возвращались ко мне, но я старался осторожно скрывать скорость моего выздоровления от окружающих. Я не знал, что может еще случиться и хотел иметь кое-что в резерве.

В течение следующих нескольких дней Гастон рассказал мне довольно много об Организации. Я узнал, что группа, руководимая Гросом и Миче, была одной из многочисленных ячеек этой разветвленной оппозиции. В Организации было несколько сотен членов, которые проживали по всей территории Алжира. Конечной целью оппозиции было свержение правления Байарда, что дало бы ей возможность получить свою долю в грабежах.

Каждая группа имела двух руководителей, которые, в свою очередь, подчинялись Большому Боссу, чужеземцу, о котором Гастон знал крайне мало. Он появился неожиданно и никто не знал его имени, ни где он обитает. Я почувствовал, что этот таинственный незнакомец не пользуется любовью у Гастона.

На третий день я попросил Гастона, чтобы он помог мне приподняться и немного размять ноги. Я изображал крайнюю степень слабости, но был удовлетворен тем, что обнаружил, что чувствую себя гораздо лучше, чем предполагал. После того, как Гастон помог мне лечь в кровать и вышел из комнаты, я снова встал и продолжил свои упражнения в ходьбе. У меня кружилась голова и меня подташнивало, но я облокачивался на спинку кровати и пережидал, пока успокоится желудок, а потом продолжал ходить. Я находился на ногах где-то минут пятнадцать, а потом лег в кровать и крепко уснул. Впоследствии, когда бы я ни просыпался, днем или ночью, я поднимался и ходил, прыгая в кровать, как только слышались приближающиеся шаги.

Когда Гастон настаивал, чтобы я ходил, я продолжал симулировать все симптомы, которые чувствовал в пер-

вый раз. Один раз они вызвали врача, но он, посмотрев меня, сказал, что я не вправе ожидать улучшения своего самочувствия в течение еще одной недели, учитывая количество потеряной мною крови. Это вполне меня устраивало. Мне необходимо было время, чтобы более досконально разобраться в обстановке.

Я осторожно пробовал выкачать из Гастона, что он думает о моей внешности. Мне не хотелось настораживать его или возбуждать в нем подозрения насчет того, что у меня на уме. Но я был уж чересчур осторожен. Гастон избегал этой темы.

Я пробовал искать свою одежду, но шкаф был заперт и я не отважился взломать дверь.

Через неделю после моего прибытия сюда, я позволил себе совершить прогулку по дому и прелестному саду за ним. Дом был очень просторен, из сада не было видно никаких признаков часовых. Казалось, что я мог бы свободно уйти из него в любое время, но...

К тому времени, когда прошло десять дней моего нахождения в этом доме, я начал ощущать беспокойство. Больше уже невозможно притворяться, не вызывая подозрений. Бездеятельность действовала мне на нервы. Я проводил ночные часы, лежа без сна, обдумывая и иногда вставая, чтобы пройтись по комнате. К утру мне удавалось утомить себя, но все равно сна не было.

Я должен был что-то предпринять!

Однажды утром, после того, как Гастон унес поднос с остатками завтрака, я принял решение еще раз обойти дом. Из верхних окон хорошо были видны окрестности. Фасад дома выходил на мощеное шоссе, бывшее в относительно хорошем состоянии. Я решил, что это главная дорога в Алжире. Позади дома простиралась на четверть мили вспаханная земля. Дальше стоял ряд деревьев. Возможно, там была река. Поблизости не было видно никаких других домов.

Я подумал об уходе. Мне казалось, что было бы лучше всего перелезть через стенку после наступления темноты и двинуться в направлении деревьев. У меня создалось впечатление, что линия деревьев и дорога сходятся где-то к западу и поэтому таким путем я смогу выйти на дорогу в некотором отдалении от дома. А уж потом по ней смогу попасть в город.

Я вернулся в свою комнату и стал ждать.

Было уже почти обеденное время, когда я услыхал, что кто-то приближается к моей двери. Я лег на кровать

и стал дожидаться. Вошли Гастон и доктор. Врач был бледным, сильно потеющим, избегая моего взгляда, он взял стул, уселся и начал осмотр. Он ничего не говорил мне и не обращал внимания на вопросы, которые я ему задавал. Я замолчал и молча лежал, пока он щупал и тыкал меня. Через некоторое время он резко встал, собирая свои инструменты и вышел.

— Что это с доктором, Гастон? — поинтересовался я.

— Он что-то затевает,— ответил хмуро мой телохранитель.

Даже Гастон казался сегодня покорным. Что-то должно было произойти, что-то, что здорово начинало меня беспокоить.

— Но что? — Гастон пожал плечами. Но я не отступал: — Что все это значит? — Я было решил, что Гастон ничего мне не скажет, но через несколько минут молчания он произнес:

— Они собираются совершить то, что ты хотел. Они уже готовы поставить тебя на место Байарда.

— Но это же отлично,— воскликнул я.— Как раз этого я и добивался. Но почему такая секретность? — Похоже, это были еще не все новости.— Но почему вы скрываете это от меня? — настаивал я.— Почему Большой Босс не встречается со мной? Я бы хотел переговорить с ним.

Гастон в нерешительности молчал. У меня было ощущение, что он хочет сказать что-то важное, но не решается.

— Нужно уладить еще кое-какие мелочи,— наконец вымолвил он, не глядя на меня.

Я больше не настаивал.

После того, как Гастон вышел из комнаты, я через некоторое время вышел в коридор. Через открытое окно я услышал разговор и придвинулся поближе, чтобы послушать.

По саду, спиной ко мне, прогуливалось три человека. Один из них был врач. Остальных двух я не мог различить.

— Я учился не для того,— говорил врач, возбужденно вскидывая руки,— чтобы совершить то, что вы задумали. Поймите, я не мясник, чтобы отрезать для вас куски баранины.

Ответ я не мог разобрать.

Я сошел вниз и прислушался. Все было тихо. Я прошел по коридору первого этажа и снова прислушался. Где-то тикали часы.

Я вошел в гостиную. Стол был накрыт на троих, но еды не было. Я вернулся и приоткрыл дверь в приемную, пусто.

Я прошел мимо двери, которая всегда до этого была заперта, и вдруг заметил свет, пробивающийся из-под неплотно прикрытой двери. Я остановился и осторожно приоткрыл ее. Возможно, это какая-нибудь кладовка, подумал я.

Но то, что предстало перед моим взором заставило меня насторожиться. Посреди комнаты стоял обитый белой тканью стол. В одном углу компаты на штативах стояли два светильника. На маленьком столике были разложены сверкающие инструменты. На стеллаже, рядом с ним, лежали скальпели, большие изогнутые иглы и еще какие-то хирургические инструменты. Там же была отличного качества пила, скорее, даже ножовка и большие ножницы. На полу под столом была большая лоханка из нержавеющей стали.

Я не понимал, что к чему. Повернулся к двери и услышал шаги.

Я осмотрелся, увидел дверь, прыгнул к ней и распахнул. Когда в комнату вошли двое, я стоял во тьме кладовки, чуть-чуть приоткрыв дверь.

Вспыхнули яркие лампы и снова погасли, послышался скрежет металла о металл.

— Положи на место,— раздался гнусавый голос.— Здесь полный набор. Я все проверил сам.

— Какие-то чокнутые,— продолжал гнусавый.— Почему бы им не подождать до утра, когда для этого будет изобилие солнечного света? Нет, они хотят, чтобы работали при фонарях.

— Я не могу уразуметь смысл этого,— сказал другой, тонкий голос.— Не могу понять, что у этого парня с ногами, если они хотят их оттяпать. Как это можно, если он...

— Ты не в курсе дела, Мак,— хрипло произнес гнусавый.— Это большое дело. Они собираются воспользоваться этим простаком, чтобы подменить Старика.

— Э... вот что ты имеешь в виду. Так зачем же отрезать ноги?

— Да ты многое не знаешь, молокосос,— засмеялся гнусавый.— Тогда послушай, это будет для тебя сногсшибательной новостью.

Наступила пауза.

— У Байарда нет ног, от самых колен,— очень тихо произнес гнусавый.— Ты не знал об этом, не так ли, малыш? Вот почему никогда по телеку не показывают, как он ходит. Ты ведь всегда его видел за письменным столом, а? Об этом знают совсем немногие. Так что сильно не распространяйся.

— Вот так штука,— удивился парень.— Нет обеих ног?

— Точно! Я был с ним за год до высадки. Потом наши пути разошлись. А потом от друзей, которые были в его отряде, я узнал, как это случилось. Пулеметная очередь через оба колена. А теперь забудь об этом. Надеюсь, тебе все ясно?

— Да... и где они раздобыли такого болвана, который согласился на это?

— Откуда *я* знаю,— ответил гнусавый. Казалось, что он сожалеет о том, что выболтал тайну.— Эти революционеры все не в своем уме, только каждый по своему.

Мне стало дурно, ноги мои задрожали. Теперь я знал, почему никто не признавал во мне диктатора, когда я был в кабинете или в комнате в стене... и почему Паук попался на удочку, когда увидел меня сидящим за столом в компании Гроса и Миче.

Надо уходить. Не завтра, не ночью, а сейчас. У меня не было ни оружия, ни документов, ни карты, ни даже плана действий, но я не мог больше ждать.

Было уже почти темно, когда я вышел в заднюю часть дома. Через окно я смог заметить людей, которые продолжали свой разговор. Я нащупал дверь и рассмотрел ее в полутьме. Это была дверь, состоящая из двух секций. Верхняя была заперта, нижняя часть тихо открылась — ниже линии, которую могли снаружи просматривать трое людей в саду. Я согнулся и пролез наружу.

Короткая дорожка вела ко въезду в дом. Я не обратил на нее внимания и прополз рядом со стенкой через цветник ко вспаханному полю. Сзади меня показались темные очертания человека. Я вскочил и отпрянул к деревьям, растущим впереди меня. Моя кисть автоматически сделала привычный жест, но пистолета не было. Я был слаб, безоружен и потрясен. Очертания человека передо мной приняли угрожающие размеры.

— Уходим, Молот,— прошептала тень. Это был Гастон.

— Я и ухожу,— запинаясь произнес я, потрясенно.— Только не пробуй остановить меня.

В мозгу пронеслась смутная мысль о блефе, не зря же он назвал меня Молотом.

Я повернулся и тихо пошел вперед. Я пока не знал, куда иду, главное сейчас было идти, не показывая, как я испуган.

Гастон шел за мной.

— Я пойду с тобой,— прошептал он.— Интересно, и куда это ты думаешь податься? Последние несколько дней ты не давал себе отдыха.

У меня не было никаких шансов.

— Ты еще больше нервничаешь, чем я, Молот,— сказал Гастон.— На твоем месте я ушел бы еще неделю назад. Должно быть, ты сильно хотел взглянуть на Большого Босса, иначе зачем ты торчал здесь?

— По-моему, я достаточно насмотрелся здесь сегодня,— хмуро ответил я.— Не хочу больше никого видеть.

— Ты видел его? — в голосе Гастона звучала заинтересованность.

— Нет,— сказал я.— Я не видел его лица. Но я перестал быть любопытным.

Гастон тихо рассмеялся.

— О'кей, шеф,— сказал он и протянул мне какую-то карточку, на которой было что-то нацарапано.— Может быть, это принесет тебе хоть какую-то пользу. Это адрес Большого Босса за пределами города. Я украл его у него. Это все, что я смог сделать. А теперь давай побыстрее убираться отсюда.

Я сунул карточку в карман. Мне было немного не по себе.

— Минутку, Гастон, ты имеешь в виду, что поможешь мне сбежать?

— Грос велел, чтобы я не спускал с тебя глаз. Он очень хотел, чтобы с тобой не случилось какое-нибудь несчастье. И я всегда выполняю приказы моего брата. Я не вижу смысла в том, чтобы не слушаться его приказов, даже пусть его уже нет в живых.

— Твой брат? — я в изумлении остановился.

— Грос был моим братом,— повторил Гастон.— Мне, конечно, далеко до него, но он всегда заботился обо мне. И я всегда делал то, что он говорил. Он сказал, чтобы я присматривал за тобой, Молот.

— А как же они? — спросил я, указывая в сторону дома.— Им это может здорово не понравиться, когда они обнаружат наше отсутствие.

Гастон сплюнул.

— К черту этих обезьян,— со злобой сказал он.— Я дрожу от ярости, когда вижу их.

У меня вдруг стало радостно на душе.

— Послушай, Гастон, не можешь ли ты вернуться в дом и принести сюда одежду, в которой я был, когда меня сюда доставили?

Гастон показал на плечо, на котором он нес какой-то мешок.

— Я подумал, что тебе может пригодиться этот мундир, Молот,— сказал он.— С Миче ты поступил очень необычным способом.

Он протянул мне узел.

— Гастон,— сказал я.— Ты чудо! А не принес ли ты вместе с мундиром и такую маленькую штуковину, которую я прятал за запястьем?

— По-моему, я кинул ее в мешок,— кивнул Гастон.— Кто-то украл диковинные перчатки, которые ты держал у себя за поясом. Поверь, мне их было очень жаль.

Я склонился над сюртуком и нащупал что-то плотное в кармане. С пистолетом в руке я был уже готов покорить весь мир.

— Можешь не вздыхать об этих перчатках,— сказал я, пристегивая к предплечью пистолет.

Я снял с себя больничную пижаму и натянул мундир, посмотрел на дом — все было спокойно. Сейчас было уже настолько темно, что мы могли безопасно пересечь поле. Настало время уходить!

Через пятьдесят шагов дом был уже не виден. Стена и высокие кусты не пропускали свет из его окон, расположенных на первом этаже, а верхняя часть дома была не освещенной. Я выбрал в качестве ориентира яркую звезду и, спотыкаясь, побрел по полю. Я раньше никогда не предполагал, как тяжело идти в темноте по пахоте.

Через пятнадцать минут впереди показалась густая тьма деревьев — я все еще предполагал, что там должна быть река.

Как только мы подошли к деревьям, мы стали идти медленнее. Земля резко пошла вниз и через мгновение я соскользнул с грязного берега в мелководье.

— О! — обрадованно зашептал я Гастону,— река что надо!

Я выбрался на берег и стал вглядываться в западном направлении. Ничего не было видно. Если бы мы стали идти между деревьями, мы вряд ли прошли более двух-трех километров до зари, в этих не освещенных луной зарослях.

— В какую сторону течет эта река, Гастон? — спросил я.

— Туда,— он показал рукой.— К Алжиру, к городу.

— Ты умеешь плавать?

— Конечно,— кивнул головой Гастон, он четко выделялся на более светлом фоне реки.— И даже хорошо плаваю.

— Отлично. Раздевайся и сделай узел из своей одежды. Сложи то, что ты не хочешь намочить, в серединку. И прикрепи узел ремнем к плечам.

Мы склонились в темноте над своими пожитками.

Закончив все приготовления, я вошел в воду. Погода стояла теплая и вода приятно охлаждала тело. Пистолет я не тронул — он продолжал находиться у меня за запястьем. В нынешней обстановке я хотел, чтобы он был как можно ближе ко мне.

Вокруг была чернильная тьма — пустоту над нами заполняли только бриллиантовые звезды.

— Все в порядке? — спросил я у своего попутчика, услышав легкий всплеск воды за спиной.

— Конечно, шеф!

— Давай побыстрее отплывем отсюда, а уж потом не будем сильно торопиться,— прошептал я.— Пусть река поработает на нас.

ГЛАВА X

Течение реки было спокойным. Далеко на другом берегу был виден крохотный огонек. Мы медленно проплыли мимо него.

Я работал руками только для того, чтобы держаться на воде. Все было тихо. От нервного напряжения я начал зевать, но похоже, что теперь я уже не скоро доберусь до постели.

Я увидел мерцание водной ряби впереди и оглянулся. На втором этаже дома, который мы недавно оставили, был зажжен свет.

Я окликнул Гастона, указывая на огни.

— Эге,— сказал он,— я уже это заметил. Похоже, что тихая жизнь у нас закончилась.

Они могли бы очень легко проследить наши следы до самой воды. Для этого им нужен был только простой карманный фонарик. И как бы в ответ на мои мысли между деревьями показался, покачиваясь, узкий луч света. Он двигался по направлению к реке. Я следил за ним, пока он не возник из-за деревьев. Я видел желтый сноп света, танцующий на поверхности воды в том месте, откуда мы отправились в путь. Затем появились еще огни — второй, третий...

Видимо, все, кто был в доме, присоединились к погоне. Они, должно быть, предполагали, что я прячусь где-то на берегу, выбившись из сил, после прогулки по пахоте, готовый лечь уже безо всяких предисловий на операционный стол.

Огоньки развернулись веером, двигаясь вдоль берега. Я отметил, что мы были на довольно безопасном расстоянии от них.

— Гастон,— позвал я.— У них нет лодки?

— Нет,— ответил он.— За нами все чисто.

Огоньки становились все меньше и меньше и по одному стали теряться из виду.

В полной тишине мы проплыли добрый час, или даже больше. Вокруг было тихо, только легкие движения рук, чтобы поддержать головы над водой, заставляли ее плескаться.

Вдруг впереди показалось несколько огней, скользящих по воде.

— Тьфу, черт,— прошептал Гастон.— Я совсем забыл о мосте Салан. Ведь они могут ждать нас там.

Теперь я уже мог различить очертания моста. Он был в сотне метров от нас.

— Плыви к противоположному берегу, Гастон,— сказал я.— Только быстро и тихо.

Я боялся шума, который я подыму, если буду плыть кролем. Поэтому я стал быстро плыть по-собачьи, не поднимая рук из воды.

Они бы легко перехватили нас, если бы не затеяли кутерьму с огоньками на мосту, подумал я. Хотя без них они не могли увидеть нас. Поэтому они делают все, что в их силах. Они, видимо, прикинули скорость течения и вычислили предполагаемое место, где мы можем оказаться через час. Они не намного ошиблись. Фактически, вообще не ошиблись.

Я сосредоточился на том, чтобы вложить максимум энергии в каждый гребок. Колени мои зацепили ил и стебли камыша царапнули мне лицо. Я перевернулся и сел, тяжело дыша. Гастон барахтался в нескольких метрах от меня.

— Сюда,— шепнул я.— Давай ко мне и старайся потише.

Огонь на мосту внезапно потух. Интересно, что они предпримут на этот раз. Если они пойдут вдоль берега, нам придется снова забраться в воду. И если один из них останется на мосту и в нужный момент посветит своим фонарем...

— Давай уходить,— сказал я.

Я поднялся и, пригибаясь и стараясь не шуметь, пошел к берегу, по колено в воде. Но тут, немного поодаль, на берегу замелькали огоньки. Я остановился и повернулся к Гастону. На противоположном берегу тоже мелькали огоньки. Гастон стоял возле меня, стараясь не дышать.

Огоньки на нашем берегу стали удаляться. Было слышно шлепанье ног о грязь и чей-то гортанный голос.

— Хорошо,— отметил я,— из-за этого не будет слышно нас. Мои мокрые башмаки были связаны шнурками и болтались на груди.

Короткими перебежками мы добрались до берега. Земля здесь была потверже.

Я снова остановился, а Гастон рядом со мной. Оглянувшись, я отметил, что они быстро обнаружат наши следы на этом болотистом берегу, если только вернутся. Нам никак нельзя было терять времени. Узел с одеждой был помехой, но у нас не было времени одеваться.

— Идем,— прошептал я и побежал.

За пятьдесят шагов до конца обрыва мы упали на землю и стали ползти. Я не хотел, чтобы наши силуэты были видны на фоне неба на краю обрыва.

Пыхтя и ругаясь, мы тащились вперед. Ползать — тяжелый труд для взрослого. И только на самом верху мы приостановились и осмотрелись. Дорога, ведущая на мост, делала поворот к отдаленному отблеску на небе.

— Там армейский склад,— сказал Гастон. А не город.

Я приподнялся, чтобы бросить взгляд на реку. Два огонька покачались вместе, а затем начали медленно удаляться от края воды. Я услышал негромкий крик.

— Они напали на наш след,— сказал я и побежал вниз, вдоль дороги, стараясь глубоко дышать. Через че-

тыре шага — вдох, через четыре — выдох. Если так дышать все время, то можно бежать очень долго. Камни впивались в мои голые ступни.

Я решил бежать по шоссе в надежде, что по асфальту бежать будет легче. Но Гастон схватил меня за руку.

— Нельзя,— проговорил он, тяжело отдуваясь.— У них здесь есть машина.

Какое-то мгновение я не понимал, о чем это он. Затем вдруг послышался шум двигателя, который только начали заводить, и тьму пронзили лучи горящих фар, направленные на отдаленные верхушки деревьев, пока автомобиль поднимался по въезду на мост с другой стороны реки. У нас было всего несколько секунд до того, как автомобиль пересечет мост и окажется на нашей стороне.

Впереди показалась изгородь. Всему конец. Мы остановились. Затем я обнаружил, что изгородь огибает поперечную дорогу, соединяющуюся с нашей в семи метрах от нас. Может быть, на развязке будет дренажная труба...

Проржавевшая стальная труба диаметром около полуметра шла вдоль основной дороги, как раз на развилке. Я упал на землю и, цепляясь за траву, забрался в это укрытие. Звуки, производимые мною, гулко отдавались в трубе. Я продолжал двигаться к ее дальнему концу. Гастон продирался позади меня. Я остановился и глянул через плечо. Гастон лежал внутри трубы на спине, забравшись в это укратие всего на метр. В свете блеснувших фар я увидел в его руке крупнокалиберный пистолет.

— Дружище,— шепнул я.— Не стреляй без крайней нужды.

Фары автомобиля рыскали по верхушкам деревьев. Через свободный конец трубы я увидел кролика, сидящего на свету, всего лишь в метре-полутора от дальнего среза дренажной системы. Услышав шум приближающегося автомобиля, он повернулся и ускакал.

Автомобиль медленно пересек мост и поехал дальше по дороге. Я с облегчением вздохнул. И только собрался повернуться к Гастону и немного успокоить его, как вдруг рядом со мной в канаву скатился небольшой камешек. Я замер. Слабое шарканье ног по гравию, другой камешек покатился — и затем луч карманного фонарика, скользящий по траве вдоль кювета, заиграл в траве напротив. Луч остановился возле другого конца дренажной трубы. Я затаил дыхание. Затем шаги стали ближе, и луч

осветил мое плечо. Наступил напряженный момент тишины. Затем в моей руке совершенно непроизвольно оказался пистолет. В полусотне метров от меня на дороге виднелся автомобиль, который остановился, заглушив мотор. Через мгновение я услышал вдох человека, собирающегося крикнуть. Я направил пистолет чуть правее фонарика и отдача едва не выломала мне руку. Фонарик перелетел через груду булыжников и погас. Тело человека рухнуло и больше не двигалось. Я схватил человека за ноги и стал тащить его к трубе.

— Гастон,— прошептал я.— Где твоя рука?

Я помог ему вылезти из трубы и мы вдвоем запихали в трубу труп.

— К автомобилю,— сказал я. Эта мысль казалась мне очень заманчивой. Я устал от погони. Мне очень хотелось, чтобы жертва превратилась в охотника!

Пригнув голову, я бежал по кювету, Гастон не отставал от меня.

Автомобиль находился сейчас метрах в тридцати. На краю поля я насчитал три фонарика.

— Еще чуть ближе,— прошипел я.— Теперь в разные стороны. Я пересеку дорогу и зайду с противоположной стороны. Ты же подойди как можно ближе к автомобилю. Следи за мной и не вешай носа.

Я опрометью рванулся через дорогу — гротескная обнаженная фигура с узлом, болтающимся на плечах. Фары автомобиля были включены. Нас нельзя было заметить вне полосы света, особенно, если глаза не привыкли к темноте. Я залег в канаве, морщась от боли, причиненной острой колючкой, воткнувшейся в ступню. Человек с моей стороны описывал фонариком широкие круги, просматривая обочины и поле на расстоянии двадцати метров. Не обращая на него внимания, без умолку трещали кузнечики.

Автомобиль немного сдал назад, развернулся и двинулся вперед.

Они, похоже, решили отрезать нас и пойти назад к реке, обыскивая метр за метром, и пока никто не заметил отсутствие человека, лежащего сейчас неподвижно в стальной трубе.

Автомобиль медленно ехал по мосту, заливая светом дорогу. Я прижался ко дну кювета, когда огни прошли надо мной. Затем показался автомобиль и остановился как раз надо мной. Мне было отлично видно водителя, выглядывающего из-за ветрового стекла. Похоже было,

что он искал человека, который имел несчастье осматривать с фонариком кюветы. Водитель открыл дверцу автомобиля и вышел наружу. Автомобиль был длинным, с тяжелым верхом. В лучах больших мощных фар клубилась пыль и роилась мошкара.

Я поднял тяжелый камень, тихо поднялся на корточки и выполз из канавы. Водитель продолжал стоять, держась за верхнюю часть дверцы и глядя поверх нее. Я подкрался к нему сзади и изо всей силы нанес ему удар камнем по черепу. Человек тихо вскрикнул и упал на сиденье. Я запихнул его, прыгнул в кабину и закрыл дверцу. В темноте было очень трудно снять с убитого пиджак, но мне удалось это сделать. Я натянул его на себя и сел. Все было тихо. Три луча света продолжали рыскать по окрестностям. Двигатель машины тихо работал.

Я осмотрел органы управления. Рулевое колесо было посредине, на полу — три педали. Я легонько нажал на центральную — машина медленно двинулась вперед. Я подрулил к правой стороне дороги и медленно поехал вдоль ее края. «Гастон должен быть где-то здесь»,— подумал я. Я напряженно всматривался в темноту, но ничего не мог различить.

Мне пришлось остановиться. Ближайший фонарик раскачивался взад и вперед, двигаясь по направлению к мосту. Я протянул руку к крылу, на котором была установлена дополнительная фара, и нажал на торчавшую из нее рукоятку. Фара потухла.

Теперь я мог видеть уже несколько лучше. Фонарики справа от меня перестали двигаться, обернувшись ко мне. Я приветственно помахал руками, подумав, что они вряд ли смогут разглядеть мое лицо в такой темноте. Один из преследователей, казалось, был удовлетворен увиденным и возобновил поиски. Другой — начал шарить лучом по автомобилю.

Раздался крик и я увидел, что ко мне бежит Гастон. Все лучи скрестились на нем, когда он перепрыгивал дорогу.

— Быстрей, Гастон,— закричал я, не обращая внимания на маскировку.

Гастон махнул мне рукой, остановился, повернулся к ближайшему огоньку и прицелился из пистолета. Раздался выстрел и огонек как-то резко упал на землю. «Неплохой выстрел из пистолета 45-го калибра»— отметил я и рывком распахнул дверцу. Гастон вскочил на

сиденье. Позади раздался негромкий крик отставшего с другой стороны преследователя и сухой хлопок выстрела из пистолета. Пуля с силой ударилась о толстый стальной кузов и с визгом отрикошетировала в сторону. Я нажал на левую и центральную педали. Автомобиль рванулся вперед и вдруг остановился. Еще одна пуля попала в боковое стекло, осыпав осколками мои волосы. Я снял ноги с педалей и еще раз попробовал. Машина рванулась вперед. Я включил огни и переключил скорость. Взвизгнули шины. Впереди, спотыкаясь, бежал человек, который только что перемахнул через канаву, направляясь в нашу сторону. Всего лишь на мгновение в свете фар я увидел открытый от изумления рот на холеном белом лице, прежде чем оно исчезло из поля зрения. От удара нас сильно тряхнуло.

Впереди вырисовывался мост, высоко поднятый над водой и относительно узкий. Мы с ходу вылетели на самую высокую его часть и зависли на своих сидениях, когда машина, не сбавляя скорости, устремилась вниз. Сразу же за мостом дорога поворачивала влево, обрамленная со всех сторон рядами деревьев.

На повороте взвизгнули шины.

— Да, Молот, это великолепно,— закричал от восторга Гастон.— Я никогда не ездил прежде на таких машинах!

— Я тоже! — крикнул я в ответ.

ГЛАВА XI

Ночь стояла темная. Главной нашей задачей было попасть в обнесенный стеной город. Дорога шла вдоль берега реки, в самый центр города, судя по словам Гастона. Вернее, это был даже не город. Диктатор обнес стеной часть города и сделал ее своей твердыней. Снаружи стена была облеплена лавками и домами, как средневековый город, образовав самообеспечивающуюся общину, которая могла поддерживать жизнь обитателей замка. Район за стеной было очень легко патрулировать и в случае необходимости перекрывать все ходы и выходы. Это, конечно, нисколько не защищало от нападения регулярной армии, но помогало против убийц и бунтовщиков.

— То есть от нас,— сказал я громко.— Убийц и бунтовщиков.

— Это точно, шеф,— засмеялся Гастон.

Впереди на небе стояло небольшое зарево. С дороги можно было увидеть всего лишь несколько разбросанных огней.

Окрестности казались почти необитаемыми.

Через двадцать минут езды мы очутились в разрушенной бомбардировками окраине города. Вокруг были одни развалины, лишь изредка то там, то здесь попадались бараки, построенные на скорую руку. Справа вырисовывалась громада замка, слабо освещенная огнями на улицах и под ним. Что творилось за стеной — видно не было. К первоначальному массивному старому зданию Байард достроил опоясывающие его флигели в виде несимметричных крыльев и приземистую башню.

Я пригнулся и выключил фары. Мы с Гастоном безмолвно смотрели на огни в башне.

— Как же мы переберемся туда, Гастон? — позволил я себе нарушить тишину.— Как нам перебраться через стену?

Гастон взглянул на стену.

— Слушай, Молот,— начал он.— Я пойду на разведку, а ты подожди здесь. У меня хорошая память, особенно на расположение домов и тому подобное, и я хорошо знаком с этой частью города. Если есть такое место, через которое можно будет туда пробраться, я обязательно его найду. Будь внимателен и остерегайся уличных банд.

Я поднял дверные стекла и запер дверцы на защелку. В разбитых стенах, окружавших меня, не было видно никаких признаков жизни. Только где-то мяукал кот.

Я тщательно проверил свою одежду. Исчезли оба лацкана. Крохотная рация все еще была прикреплена к поясу, но без микрофона и репродуктора она была бесполезной. Я провел по зубу с упрятанным в нем цианистым калием. Он все еще мог мне понадобиться.

Я задремал, но вскоре, как мне показалось, проснулся от легкого стука в лобовое стекло. К стеклу прижалось лицо Гастона. Я открыл дверь, и он бухнулся рядом со мной.

— Порядок, Молот,— устало сказал он.— Кажется, я нашел подходящее место. Мы пойдем по краю водосточной канавы туда, где она уходит под стену. Нам при-

дется протиснуться в нее и, если все будет хорошо, выйти уже по ту сторону стены.

Мы вышли из машины, и я последовал за Гастоном по выщербленным булыжникам к канаве. Это был почти что ручей и запах от него шел ужасный.

Гастон вел меня вдоль этого зловонного потока около ста метров, пока над нами не нависла стена за пределами круга света из сторожевой башни. На верхней площадке башни был виден парень с винтовкой, наблюдавший за улицей внутри стены. Рядом с ним стояла пара больших прожекторов.

Гастон наклонился к моему уху:

— Немного вони, Молот, но стена здесь довольно шершавая, так что, думаю, мы сможем пройти по краю.

Он соскользнул в канаву, нашел опору для ноги и исчез. Я скользнул за ним, стараясь зацепиться ногой за какой-нибудь уступ. Стенная кладка была весьма грубой, с большим числом трещин и торчащих камней, но очень скользкой. Я продолжал двигаться наощупь, не сразу перенося вес своего тела на следующую опору. Мы прошли под мостом, где свет блестел на поверхности темной воды. Затем мы снова оказались под стеной, нависшей над самой темной аркой. Журчание воды здесь было громче.

Я попробовал взглянуть, что делается впереди. Гастон осторожно спускался. Я едва различал его силуэт, по колено стоящий в зловонной жиже. Я подошел поближе и вдруг увидел решетку, сделанную из железных прутьев и полностью перекрывающую проход.

Я полез наверх к решетке, опираясь на заржавевшее железо, чтобы облегчить нагрузку на руки. В системе обороны не было ни одной дыры, на что мы так надеялись. Гастон отправился вниз и нырнул в канаву, пытаясь найти нижний обрез решетки. Может быть, мы сможем поднырнуть под нее?

Внезапно я почувствовал, что скольжу вниз.

Ниже меня Гастон карабкался наверх, беззвучно ругаясь. Моя хватка была твердой, и я моментально понял, что это скользит сама решетка. Она со скрежетом опустилась на четверть метра и с приглушенным лязгом остановилась. Ржавый металл не выдержал нашего веса. На левой стороне прутья были сломаны, и хотя свободное пространство было слишком узким, но, по-видимому, его можно было бы еще немного расширить.

Гастон уперся руками в стену и налег. Я занял ме-

сто рядом с ним и добавил свой вес. Рама слегка повернулась, но потом заклинилась.

— Гастон,— сказал я.— Может быть, я смогу подлезть под нее и налечь с другой стороны?

Гастон отступил и я опустился в вонючую жидкость. Я просунул руку под решетку, затем опустился до пояса.. до груди, толкая решетку вверх. Грубый металл царапал мое лицо и одежду, но я не сдавался. И пролезтаки под решеткой.

Я выполз наверх, весь истекая гадостью, и немного передохнул. Из тьмы позади Гастона раздался какой-то металлический лязг, и затем наша расщелина огласилась эхом пулеметных очередей. В проблесках выстрелов я увидел, как Гастон замер перед решеткой и... Он завис на одной руке, схватившись за решетку. Выстрелы продолжались, и на каменный гребень стены выскочило несколько человек. Гастон дернулся и выхватил пистолет.

— Гастон,— позвал я.— Скорее, под прутья...

Но это не имело смысла. Он был слишком велик, чтобы пролезть.

Один из стражников, держась за гребень стены одной рукой, стал осторожно спускаться к проему, закрытому решеткой. Он высветил нас фонариком, и Гастон, продолжая висеть на одной руке, выстрелил в него. Стражник упал в поток, подняв тучу брызг.

Гастон, задыхаясь, крикнул:

— Это... все...

Пистолет выпал из его руки и тут же исчез в мутном потоке.

Я старался как можно быстрее, скользя и цепляясь, и не свалился камнем вниз только каким-то чудом. Мне даже удалось взглянуть назад, как только я очутился вне стены, на открытом воздухе. Двое солдат тащили изо всех сил заклинившееся в проеме тело. Даже в своей смерти Гастон прикрывал мой отход.

Я, притиснувшись к стене, стоял с пистолетом в руке. Улица была пустынной. Должно быть, охранники решили, что поймали нас в западню и поэтому с этой стороны стены никого не было. Я отошел на несколько шагов от стены и выглянул за угол. На площадке башни двигалась тень. Там до сих пор дежурил только один часовой. Это он, должно быть, услыхал шум опускающейся решетки и поднял тревогу.

Я выглянул на улицу и узнал Оливковую аллею — и ту улицу, по которой я уже имел счастье пройтись де-

сятью днями ранее. Она спускалась вниз, поворачивая направо. Именно туда я должен пройти — через открытую улицу, под огнем пулемета. Я хотел бы еще на некоторое время остаться в тени башни, но этого нельзя было делать.

Я рванулся вперед, только бег мог спасти мне жизнь. Прожектор зашевелился, качнулся из стороны в сторону, обнаружил меня и отбросил мою тень на пыльные стены и шаткие булыжники. Инстинкт подсказал мне рвануться в сторону. Как только я это сделал, затрещал пулемет, и пули засвистели по камням слева от меня. Сейчас я был в тени и мчался под защиту изогнутой стены, маячившей впереди. Круг света все еще искал меня, когда я нырнул за поворот. Я бежал в полной тишине. Обитатели этих покрытых шрамами домов научились сидеть тихо за закрытыми ставнями, когда шла стрельба на узких улочках.

Я прошел мимо того места, где погиб Грос и помчался дальше. На значительном расстоянии от меня снова и снова раздавался свисток часового. Случайный выстрел взбил пыль впереди. Я продолжал бежать.

Вдруг до меня донесся звук бегущих ног. Я быстро пробежался взглядом по темным лавчонкам, пустым и жалким, пытаясь отыскать ту, которой мы воспользовались в тот день, когда уходили из дворца, там, где восседала старуха со своим хозяйством из глины. Эта лавчонка, насколько я помнил, была крохотной, с обшарпанным серым навесом впереди нее и черепками разбитых горшков, разбросанными перед дверью.

Я почти прошел мимо, но вовремя спохватился, притормозил и нырнул под навес, едва справившись с жестким брезентом, я с трудом нашел проем и протиснулся в него.

Теперь я тяжело дышал в кромешной мгле. Снаружи были слышны крики, топот ног. На некоторое время я получил передышку. Им был неизвестен этот ход.

Я взглянул на часы. В этом мире войны все происходило слишком быстро — еще не было даже половины девятого. А ушел я из дому в половине седьмого. За эти два часа я убил двоих и один отдал жизнь за меня. Я подумал, насколько быстро человек может возвратиться к своему древнему занятию самого смертоносного охотника, каких только знала природа, при благоприятных обстоятельствах!

Внезапно, в этой темноте, на меня навалилась смертельная усталость. Я зевнул и сел на пол. В мозгу проскочил импульс лечь на спину и заснуть, но вместо этого я встал и наощупь двинулся по проходу. Я еще не завершил свое дело, хотя и достиг уже много — я во дворце, не раненый и вооруженный. У меня было все, на что я имел право надеяться — шанс сразиться!

Больше я уже не был нетерпеливым новобранцем, не ведающем о действительности, я шел теперь как закаленный боец, ожесточенный необходимостью, как настоящий убийца. Я был вооружен и мне нечего было терять. Я весь в шрамах сражений. И я намеревался выиграть.

* * *

Через полчаса я приоткрыл дверь и выглянул в тот же самый коридор, куда меня вышвырнули так опрометчиво две недели назад из шаттла Империума. Коридор не изменился. Я вышел, осторожно закрыл за собой дверь и двинулся по коридору, прислушиваясь, чтобы не попасть в ловушку. Памятуя, в какой стороне лифт, я направился в противоположную сторону.

Увидев первую дверь, я осторожно нажал на ручку и к своему удивлению обнаружил, что она не заперта. Я осторожно заглянул вовнутрь и увидел, что это спальня. Войдя туда, я заметил при слабом свете светильников, вмонтированных в потолок, широкую кровать, большой письменный стол у дальней стены, встроенный шкаф, небольшое кресло и через слегка приоткрытую дверь — просторную ванную комнату. Я закрыл за собой дверь и пересек комнату, встав возле окон. На них были стальные ставни, сложенные за шторами. Ставни, шторы и стены были выкрашены в зеленый цвет. Я закрыл ставни, подошел к столу и включил настольную лампу. В этот вечер мне уже чертовски надоело ходить впотьмах наощупь.

Комната была очень красиво отделана, просторна, с глубоким серо-зеленым ковром на полу и парой скромных акварелей на стенах. Внезапно я ощутил исходящий от меня запах. Одежда, казалось, сморщилась у меня на спине. Я вывалялся в грязи, нырнул в сточную канаву, полз по вековой пыли. Не задумываясь о дальнейшем,

я сбросил свой китель, швырнул свою одежду возле двери в ванную и отправился мыться.

Мытье заняло у меня полчаса, после чего я вылез из ванны и взял свой мундир. Больше мне нечего было одеть, но я же не мог одеть эту одежду в том виде, в каком она была. Я простирал ее и развесил на батарее ванны. Здесь висел отличный купальный халат, и я, завернувшись в него, вернулся в спальню.

В мое притупленное сознание вкралась мысль, что я поступаю опрометчиво. Я попробовал было встряхнуться, но не смог. Я почему-то чувствовал себя в полной безопасности. Так дело не пойдет, подумал я. Но ведь даже если я встану, что помешает мне заснуть стоя? В подтверждение этому я снова глубоко зевнул.

Я уселся на стул напротив двери и приготовился ждать. Последнее, что я помнил, это то, что я встал и выключил свет. Как я снова сел в кресло, я уже не помнил.

ГЛАВА XII

Мне приснилось, что я нахожусь на берегу моря, и солнце весело играет на воде. Оно светило мне в глаза и я отворачивался. Наконец, мне это надоело, я заерзал на стуле, открыл глаза. Голова у меня отчаянно гудела.

Я взглянул на бледно-зеленые стены комнаты, на серо-зеленый ковер. В комнате было тихо, и я не рисковал шевелиться, чтобы не разбудить боль, дремавшую где-то в моем теле.

Дверь была открыта!!!

Я помнил, что выключил свет — ничего больше. Кто-то включил его, кто-то открыл дверь. Я пробрался сюда, как убийца и кто-то нашел меня спящим, когда силы покинули меня после стольких испытаний.

Я осторожно выпрямился в кресле и тут же понял, что в комнате я не один.

Я повернул голову и увидел перед собой человека, который спокойно сидел в кресле слева от меня, вытянув ноги перед собой и слегка сжав подлокотники кресла из красного дерева, обитого черной кожей. Он улыбался, немного наклонившись вперед. Мне показалось, что я смотрю в зеркало.

Я не шевелился. Я уставился на него.

Его лицо было более худым, чем мое, и более морщинистым. Кожа лица у него была загоревшей и волосы пожелтели под африканским солнцем. Но все-таки я смотрел на себя. Не на близнеца, не на двойника, не на прекрасного актера — это был я сам, сидевший в кресле и смотревший на себя самого.

— Вы крепко спали,— сказал он. Мне показалось, что я слышу магнитофонную запись своего собственного голоса, за исключением того, что этот голос говорил по-французски безупречно.

Я слегка пошевелил рукой. Мой пистолет все еще был при мне, и человек, которого я пришел убить, сидит всего в метрах трех от меня — одинокий и беззащитный. Но я пока не готов к тому, чтобы стрелять. Возможно, вообще не буду готов...

— Вы достаточно отдохнули,— продолжал мой двойник,— или же вы еще немного поспите, прежде чем вы поговорите со мной?

— Я отдохнул,— твердо сказал я.

— Я не знаю, как вы сюда попали,— сказал он,— но достаточно того, что вы здесь. Я не знаю, какой дар мне принесет этот оборот фортуны, но что может быть лучше, чем найти брата.

Я не знал, каким я ожидал встретить диктатора Байарда — мрачным негодяем, хитрым интриганом, мега маньяком с выпученными глазами. Но я не ожидал встретить во плоти образ самого себя, с добродушной улыбкой и поэтической манерой речи — человека, назвавшего меня братом.

Он посмотрел на меня с выражением крайнего интереса.

— Вы отлично говорите по-французски, но маленький английский акцент все же слышится,— усмехнулся он.— Или, возможно, американский? А? Простите мне мое любопытство. Лингвистика, акценты, все это мое хобби, а в вашем лице я заинтригован вдвойне.

— Я — американец!

— Забавно. Я мог бы и сам родиться в Америке — но эту длинную скучную историю я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

— «В этом нет никакой необходимости,— подумал я, когда я был мальчиком, мой отец часто рассказывал мне эту историю».

Он продолжал. Голос его был сильным, но дружелюбным.

— Мне сказали, когда я вернулся в Алжир десять дней назад, что здесь видели человека очень похожего на меня. В моем кабинете были найдены два трупа. Все это вызвало большой переполох и, как это часто бывает,— поползли искаженные слухи, но я был поражен разговорами о человеке, который похож на меня. Я хотел встретиться с ним и побеседовать, я столько времени здесь совершенно одинок. Эти толки распалили мое воображение. Конечно, я не знал, что привело этого человека сюда,— Байард развел руками.— Но когда я вошел в эту комнату и обнаружил, что вы здесь уснули, я сразу же понял, что вы пришли сюда только с дружбой. Я был тронут, увидев, что вы пришли сюда по доброй воле, всецело вверив себя в мои руки.

Я ничего не мог сказать в ответ, да по правде говоря, и не пытался.

— Когда я зажег лампу и увидел ваше лицо, я сразу же понял, что здесь больше, чем поверхностное сходство. Я увидел свое собственное лицо, не столь ожесточенное войной, как мое, не столь изборожденное морщинами. Но ясно ощущалось кровное родство, и я понял, что вы — мой брат!

Я облизал пересохшие губы, сглотнул слюну. Байард наклонился вперед, положил свою руку на мою, крепко сжал ее, посмотрел мне в глаза и со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Простите меня, брат. Я часто в последнее время становлюсь вспыльчивым, красноречивым и даже напыщенным. От этой привычки очень тяжело отвыкнуть. Думаю, у нас будет в дальнейшем много времени, чтобы обсудить все планы на будущее. Лучше расскажите, пожалуйста, о себе. Я уверен, что у вас кровь Байардов.

— Да. Это моя фамилия.

— Вы, должно быть, очень сильно хотели прийти сюда, если вас это удалось сделать одному и без оружия. Никто прежде не переходил за стену без сопротивления и множества документов.

Я не был в состоянии сидеть молча, но и не мог рассказать этому человеку об истинной цели моего прихода. Я напомнил себе о том приеме, каким он удостоил имперских послов, обо всем том, что рассказывал Бейл в то первое утро на встрече у Бернадотта.

Однако сейчас я совсем не обнаружил того безжалостного тирана, которого так ожидал увидеть. Совсем на-

оборот, я понял, что его неожиданное дружелюбие находит отклик в моей душе.

Я должен был что-то сказать. И на помощь пришли годы моего дипломатического опыта — и вот я уже вру без запинки.

— Вы правы, думая, что я могу помочь вам, Брайан,— сказал я и очень удивился своим собственным словам, столь легко назвав его по имени. Но мне это показалось сейчас вполне естественным.

— Но с другой стороны вы заблуждаетесь в том, что ваше государство является единственным уцелевшим очагом цивилизации в этом мире. Есть еще другая, сильная, динамичная и дружественная держава, которая хотела бы установить с вами дружественные отношения. Я и являюсь эмиссаром правительства этой державы?

— Но почему же вы не пришли ко мне в открытую? Способ, который вы избрали, хотя и смелый, но чрезвычайно опасный. Но, должно быть, вы узнали, что меня окружают вероломные предатели, и боялись, что враги мои не допустят вас ко мне.

Казалось, что он так нетерпеливо хочет понять странности моего поведения, что сам же отвечает на поставленные им вопросы. Наступил удобный момент рассказать о тех двух агентах Бейла, у которых были полные дипломатические удостоверения и которых подвергли избиению, пыткам и в конечном итоге — убили. Этим я хотел несколько пролить свет на противоречивость характера диктатора.

— Я помню, что двум нашим людям, посланным к вам год назад, был оказан не очень теплый прием,— заметил я.— У меня не было уверенности в том, как примут меня. И поэтому мне пришлось повидаться с вами лично, без свидетелей, лицом к лицу.

Лицо Байарда вытянулось.

— Два человека? — протянул он.— Я ничего не слыхал ни о каких послах.

— Их сначала встретил генерал-полковник Янг,— сказал я,— а в последствии с ними имел беседу лично диктатор.

Байард покраснел.

— Тут есть один пес из разжалованных офицеров, который возглавляет банду головорезов, совершающих налеты на ту жалкую торговлю, которую я в состоянии поощрять. Вот его-то имя — Янг. Если это он сорвал дипломатическую миссию, присланную из вашей страны,

я приложу все усилия, чтобы его изловить и подарить вам его голову.

— Говорили, что вы сами застрелили одного из них.

Байард вцепился в поручни кресла, смело глядя мне в лицо.

— Я клянусь тебе, брат, честью семьи Байардов, что до этого момента я ничего не слышал о ваших посланниках, и что никакими своими действиями я не причинял им никакого вреда.

Я верил ему. Теперь многое стало интересовать меня. Он, казалось, был искренним, приветствуя союз с цивилизованной державой. И все же я сам видел кровавую бойню, учиненную его налетчиками во дворце, и атомную бомбу, которую они пытались там взорвать.

— Очень хорошо,— сказал я.— От имени моего правительства я принимаю к сведению заявление, но если мы договоримся с вами, какие гарантии будут нам даны, что налеты и бомбардировки больше не повторятся?

— Налеты? Бомбардировки? — он в недоумении смотрел на меня.

Наступило молчание.

— Слава богу, что вы пришли ко мне ночью,— сказал он.— Теперь ясно, что контроль за происходящим выскользнул из моих рук.

— Было семь налетов, четыре из них сопровождались атомной бомбардировкой, и это все только за последний год,— кивнул я головой.— Самый последний был менее месяца назад.

Его голос стал страшным.

— По моему приказу каждый грамм расщепляющих материалов, о существовании которых мне было известно, был захоронен в море в тот же день, когда я основал это государство. Я знал, что у меня на службе немало предателей, но что есть безумцы, которые снова начинают этот ужас, даже представить себе не мог!

Он обернулся и уставился на висевшую на противоположной стене картину с изображением солнца, играющего в листве деревьев.

— Я дрался с ними, когда они сжигали библиотеки, плавили алмазы работы Челлини, топтали Мону Лизу в руинах Лувра. Я спасал один фрагмент там, другой осколок здесь, всегда говоря себе при этом, что еще не слишком поздно. Но годы проходили и не приносили перемен.

Наступил крах промышленности, сельского хозяйства, семьи. Даже среди лежавшего вокруг нас изобилия, людей заботили только три вещи: золото, спиртное и женщины.

Я должен признаться, что уже почти потерял всякую надежду. Я пытался возродить дух восстановления, чтобы избежать того дня, когда опустеют разграбленные склады, но это все было тщетно. Только мое жестокое военное правление удерживает этот мир от полной анархии. Повсюду вокруг меня сильное разложение. В моем собственном доме, среди ближайших советников, я только и слышу разговоры о дальнейшем вооружении, карательных экспедициях, подавлении, возобновлении войны с остатками человечества, живущими за пределами нашего островка порядка. Напрасная война, бессмысленное сверхгосподство ныне мертвых наций. Они надеялись потратить наши скудные ресурсы на дальнейшее уничтожение любых следов, которые могли остаться от достижений человечества, только для того, чтобы склонить их перед нашей верховной властью.

Когда он посмотрел на меня, я вспомнил выражение «лучезарный взгляд».

— Теперь мои надежды возрождаются,— сказал он.— Вместе с братом мы одержим окончательную победу.

Я обдумывал это. Империум дал мне все полномочия. И я мог воспользоваться ими по своему усмотрению.

— Думаю, что могу заверить вас,— начал я,— что самое худшее уже позади. У моего правительства неистощимые ресурсы, вы можете просить все, что вам нужно — людей, снаряжение, оборудование. Мы же просим у вас только одного — дружбы и справедливости между нами.

Он откинулся назад, закрыв глаза.

— Долгая ночь кончилась,— тихо прошептал он.

Были еще важные пункты, которые надо было обсудить, но я был уверен, что Байард был представлен и передо мной и перед Империумом в совершенно неправильном свете. Меня ошеломило, как это Имперская Разведка была введена в заблуждение и с какой целью? Ведь Бейл говорил, что имел здесь усиленную группу лучших агентов. Существовала также проблема переброски меня назад в мир Ноль—Ноль, мир Империума. Байард совсем не упомянул об аппаратах Максони — Копини. Фактически, размышляя над его словами, я при-

шел к выводу, что он говорил так, как будто они вовсе не существовали. Возможно, он утаивал их от меня, несмотря на внешнюю искренность.

Байард открыл глаза.

— Мы, кажется, уже достаточно позанимались государственными делами,— засмеялся он,— думаю, что неплохо было бы немного отпраздновать нашу встречу. Не знаю, разделяете ли вы мое желание попировать экспромтом, пользуясь таким случаем?

— Я очень люблю кушать ночью,— засмеялся я,— особенно, когда не пообедаешь днем.

— Вы — истинный Байард,— в тон мне отозвался Брайан и протянул руку к стоящему рядом со мной столику и нажал кнопку. После этого он откинулся на спинку кресла, соединив кончики пальцев перед грудью.

— И поэтому мы должны теперь думать о меню,— задумчиво проговорил он, поджав губы.— Думаю, что вы будете не против, если я возьму на себя роль хозяина в выборе блюд. Посмотрим, похожи ли наши вкусы так же, как мы сами.

— Отлично! — кивнул я.

Раздался слабый стук в дверь. Как только Брайан отозвался, она открылась и вошел человек лет пятидесяти, невысокий и с печальным лицом. Он увидел меня, пришел в замешательство, затем лицо его стало бесстрастным. Он подошел к креслу диктатора, выпрямился и произнес:

— Я постарался прийти как можно быстрее, майор.

— Чудесно, чудесно, Люк,— поднял успокаивающим жестом руку Байард.— Вольно. Мой брат и я голодны. У нас особый голод, и я хочу, чтобы ты, Люк, постарался так, чтобы наша кухня не краснела перед таким гостем.

Краешком глаза Люк взглянул в мою сторону.

— Я уже отметил, что господин чем-то похож на майора,— сказал он.— Поразительное сходство, вернее. Что ж,— он посмотрел в потолок.— Я полагаю, что можно начать с очень сухой мадеры 1875 года. Затем мы возбудим ваш аппетит устрицами под белым соусом «Шабли Вудезар». Думаю, что осталось немного 29 года.

Я подался вперед. Все это звучало весьма заманчиво. Раньше мне уже доводилось пробовать устрицы, но вина здесь были настолько изысканны, что я о таких только слышал.

— ...Двойной бульон из печени. К первому блюду подадим красное бургундское, «Конти», 1904 года.

Брайан внимательно выслушал все меню, и дал свое добро. Люк тихо удалился. Если он сможет ничего не забыть из всего этого, то он именно тот официант, о котором можно только мечтать.

— Люк при мне находится очень давно,— заметил Брайан, перехватив мой взгляд, направленный вслед удаляющемуся *Люку.— Очень верный, преданный друг.* Вы заметили, что он называет меня майором? Это было мое последнее официальное звание во французской армии перед крушением. Позднее меня выбрали командиром полка уцелевших вояк после Гибралтарской битвы, когда мы поняли, что остались предоставленными сами себе. Еще позже, когда я понял, что нужно делать, я принял на себя задачи возрождения, мне мои последователи присваивали все более высокие титулы. Признаюсь, что некоторые из них я сам себе присваивал, поверьте, что это было необходимой психологической мерой. Но для Люка я всегда оставался майором. Сам же он был старшим поваром нашего полка.

— Мне почти неизвестно, что происходило в последние годы в Европе,— сказал я.— Не могли бы вы дать информацию.

Он задумался на несколько минут.

— Это были годы непрерывного скатывания под уклон. И все это началось с самого первого дня этого несчастного Мюнхенского мира в 1919 году. Америка одна осталась противостоять Срединным державам и поэтому она пала после массированного бешеного нападения в 1932 году, казалось, что мечта кайзеров о господстве Германии над миром близка к осуществлению. Но вскоре в покоренных странах вспыхнули восстания. Я получил звание старшего лейтенанта французской армии, которая начала партизанскую войну. Мы были передовым отрядом организованного сопротивления в Европе и нашему примеру последовали во многих странах. Люди, казалось, больше не желали быть рабами. В те дни мы были полны радужных надежд.

Но проходили годы и безысходность положения изматывала нас. Наконец, во время какого-то дворцового переворота, кайзер был свергнут, и мы решили использовать предоставившуюся возможность для совершения последнего штурма. Я вел свой батальон на Гибралтар и получил пулеметную очередь возле самого берега.

Я никогда не забуду те часы агонии, когда я лежал в полном сознании в палатке хирурга. Морфий уже давно закончился, и врачи старались поскорее вернуть бойцов на поле боя, занимаясь лишь легкими ранеными. Я же уже не мог принимать участия в бою, и мною занялись лишь после всех. Это было логично, но тогда я не хотел понимать.

Я восхищенно слушал его.

— Когда вас ранило? — поинтересовался я.

— Этот день я никогда не забуду,— сказал он.— 15 апреля 1945 г.

Я был ошарашен. Я сам был ранен пулей из немецкого пулемета под Йеной и долго дожидался, пока врачи мне помогут — и это тоже было 15 апреля 1945 года. Пожалуй, это было больше, чем наша с ним похожесть. Это было странное родство, соединившее жизнь этого другого Байарда с моей даже через невообразимую пропасть Сети.

Мы покончили с бренди 1855 года, но продолжали сидеть и беседовать всю африканскую ночь напролет. Мы излагали друг другу честолюбивые планы возрождения цивилизации. Мы наслаждались обществом друг друга, и вся напряженность между нами давно прошла. Я прикрыл глаза и, полагаю, слегка задремал. Что-то вскоре разбудило меня.

Заря уже осветила небо. Брайан молча сидел, сердито нахмурив брови. Он был весь как на пружинах.

— Слышите?

Я прислушался. Мне почудился отдаленный крик и что-то очень далеко от нас взорвалось.

— Все не так уж хорошо,— ответил он на мой немой вопрос.

Я встал и стал ходить по комнате. От выпитого у меня кружилась голова. Раздался более громкий крик снаружи, в коридоре, странно знакомый хлопок.

Через мгновение дверь затряслась, затрещала и вывалилась наружу.

Еще более худой, в туго затянутом черном мундире в проеме — стоял Главный Инспектор Бейл. Лицо его было бледным от возбуждения. В правой руке у него был зажат длинноствольный маузер. Он взглянул на меня, сделал шаг назад, затем с искаженным лицом поднял пистолет и выстрелил. Но еще за мгновение до выстрела я уловил стремительное движение справа от меня. Полузакрыв меня своим телом, Брайан рухнул, сра-

женный пулей. Я посмотрел вниз, ничего не соображая, лишь совершенно бессознательно отметив, как несовершенными были его протезы обеих ног, видневшиеся из-под задранных штанин. Я наклонился и подхватил его за плечи. Из-под воротника расплывалось громадное кровавое пятно. Слишком много крови. Вместе с кровью его покидала и жизнь. Он смотрел мне прямо в лицо до тех пор, пока не угас свет разума в его глазах.

ГЛАВА XIII

— Убирайся,— прорычал Бейл.— Тьфу, черт, не везет. Мне нужна была эта свинья живой, для виселицы.

Я медленно встал. Инспектор смотрел на меня, кусая губу.

— Я хотел убить именно тебя, а этот дурак поменялся с тобой жизнями.

Казалось, он разговаривает сам с собой, теперь я узнал этот голос, но, пожалуй, это произошло слишком поздно. Большим Боссом был Бейл! И ввело меня в заблуждение то, что он говорил по-французски.

— Хорошо,— вдруг сказал Бейл решительно.— Думаю, он сможет обменяться с тобой и смертями тоже. Ты будешь повешен вместо него. Я дам-таки толпе цирковое представление. Мне помнится, что ты хотел занять его место, так вот, такая возможность тебе представляется.

Бейл прошел в комнату, жестом позвав за собой остальных. В дверь ввалились отъявленные головорезы, они рыскали глазами по комнате, ожидая приказов своего шефа.

— Отведите его в камеру,— приказал Бейл, махнув на меня рукой.— И я предупреждаю тебя, Кассу, держи свои гнусные руки подальше от него. Мне он нужен для хирурга! Понял!

Кассу что-то хрюкнул, схватил меня за руку так, что затрещал сустав, и потащил мимо тела мертвого человека, о котором я стал думать, как о брате, всего несколько часов назад.

Меня провели по коридору, впихнули в лифт, провели снова через толпу беснующихся вооруженных до зубов бандитов, протащили вниз по каменным ступеням, через сырой туннель в стене и в самом конце этого путешествия швырнули в очень темную камеру.

Мой потрясенный разум работал вовсю, стараясь постичь случившееся. Бейл? И не двойник! Ему было известно, кто я. Это объясняло точное определение места и времени нападения на дворец, и почему Бейл был так занят, что не смог выкроить время, чтобы он разыскал меня после этого. Он надеялся, конечно, что я буду убит. Это значительно упростило его дело. И дуэль — прежде я никак не мог до конца понять, почему глава разведки с таким желанием идет на риск убить меня, когда я был столь ценен для осуществления замыслов в отношении диктатора. И вся эта ложь о чудовищности Байарда из мира В-1-два была сфабрикована Бейлом с целью предотвращения установления дружеских отношений между Империумом и этим несчастным миром.

Но зачем? Я спрашивал себя. Неужели Бейл замышлял сам стать правителем этого ада, сделав его своей личной вотчиной? Что ж, возможно, что и так...

И я понял, что Бейл совсем не намеревался удовлетвориться одним этим миром. Это была только база для расширения его замыслов. Здесь он черпал бойцов, оружие, включая даже атомные бомбы. Бейл сам был организатором налета на Империум. Ему удалось, похоже, выкрасть аппараты или их комплектующие части и переправить сюда, в мир В-1-два и сначала заняться пиратством, а потом уже, наверняка, должен был последовать штурм самого Империума — широкомасштабное нападение, несущее атомную смерть. Люди Империума шли бы в бой против атомных пушек в красочных мундирах с кортиками и саблями в руках...

Как же я не понял всего этого раньше? Фантастически малая вероятность разработки МК-аппаратов без внешней помощи в этом превращенном в руины мире В-1-два сейчас уже казалась очевидной. В то время, когда мы заседали на совещаниях, планируя ответные действия против налетчиков, их главный вдохновитель сидел вместе с нами! Неудивительно, что вражеский шаттл подстерегал меня в засаде, ожидая, когда я начну свою миссию.

Когда он обнаружил меня в доме, куда привел меня Гастон, у него сразу же возникли некоторые мысли по поводу того, как лучше всего меня использовать. И когда я сбежал, он был вынужден действовать как можно быстрее.

Сейчас я мог только догадываться, действительно ли все государство теперь в его руках, но зачем же тогда

убеждать население в реальности смены правительства, устраивая показательную казнь диктатора?

Теперь мне висеть вместо Байарда на веревке. И я помнил слова Бейла: он мне нужен для хирурга! Значит, лоханка все-таки пригодится. Здесь очень многие знали секрет диктатора, и висящий труп с ногами мог бы возбудить нежелательные сомнения.

Они накачают меня наркотиками, сделают операцию, забинтуют обрубки ног, пристегнут протезы, оденут находящееся без сознания тело в мундир диктатора и повесят. Просто труп здесь не пройдет. Публика должна воочию видеть признаки жизни на лице, даже если я буду без сознания, до того, как на шею набросят петлю.

Я услышал шаги и увидел мерцающий свет сквозь зарешеченное окошко в двери. Возможно, уже несут пилы и большие ножницы.

Двое остановились у дверей камеры, открыли ее и вошли вовнутрь. Один из них бросил что-то на пол.

— Одень это,— сказал он.— Босс сказал, что он хочет, чтобы ты одел это до того, как пойдешь на виселицу.

Я увидел свой старый мундир, тот, который я стирал. Теперь он, во всяком случае, чистый, подумал я. Странно, что такие пустяки все еще имеют для меня значение.

Меня подтолкнули ногой.

— Одевай это, я тебе сказал!

— Хорошо,— согласился я. Я снял халат и натянул легкий шерстяной китель и брюки, пристегнул пояс. Башмаков не было. Я понял, что Бейл считает, что они мне уже не понадобятся.

— О'кей,— сказал один из них.— Пошли.

Я сел и услышал, как снова щелкнул замок. Свет в коридоре постепенно угасал. Наступила полная тьма.

Я расправил оборванные лацканы. Коммуникатор не сможет помочь мне. Мои пальцы нащупали оборванные провода — крохотные волоски торчали из рваных краев материи. Как ругался Красавчик Джо, когда отрезал лацканы!

Я взглянул вниз. На лбу у меня выступил пот. Я не отважился пошевелиться. Боль от пробуждающейся надежды была хуже, чем простое восприятие скорой смерти.

Мои руки тряслись. Я вертел в руках провода, прикладывая их друг к другу. Искра. Еще одна.

Я попытался сосредоточиться. Сам коммуникатор все еще был прикреплен к поясу, динамик и микрофон про-

пали, но источник питания был на месте. Была ли возможность, соприкасая проводки друг с другом, дать сигнал? Я этого не знал. Я мог только попытаться.

Я не знал ни азбуки Морзе, ни любой другой код, но я знал сигнал СОС. Три точки, три тире, три точки. Снова и снова, мучаясь от сознания надежды.

Прошло много времени. Я прикасал проводки и ждал. Я почти свалился с койки, заснув на мгновение. Я не мог остановиться — я должен пробовать, пытаться, пока у меня еще было время.

Я услышал их далекую поступь, первый слабый скрип кожи по пыльным камням, звон металла. Во рту у меня пересохло, ноги стали дрожать. Я подумал о полом зубе и провел по нему языком. Вот и наступило его время. Интересно, какой вкус яда? И будет при этом больно? Неужели Бейл забыл об этом или не знал?

Раздались еще какие-то звуки в коридоре: громкие голоса, шаги, лязг чего-то тяжелого, тягучий скрежет. Должно быть, они замышляют поставить операционный стол прямо здесь, в камере, подумал я. Я подошел к узкому окошку в двери и выглянул в него, но ничего не смог различить. Абсолютная тьма.

И вдруг ярко зажегся свет, и я подскочил от такой неожиданности, почти ослепленный.

Поднялся шум, затем кто-то завопил. Им, видимо, пришлось чертовски долго тащить причандалы по узкому проходу, подумал я. У меня разболелись глаза, дрожали ноги, резко схватило желудок. Я начал икать. Лишь бы не развалиться на части. Вот теперь, похоже, настал черед зуба. Я подумал, как будет разочарован Бейл, когда обнаружит в камере мой труп. От этой мысли мне стало немного легче, но я все еще колебался. Я не хотел умирать. Мне все еще хотелось жить.

Затем совсем рядом со мной, там, за дверью, в коридоре, громко крикнул:

— Гончая!

Моя голова дернулась. Мое кодовое имя! Я попробовал закричать, но захлебнулся.

— Да,— прохрипел я и метнулся к решетке.

— Гончая, куда это тебя черти...

— Сюда! — завопил я.— Сюда!!!

— Внимание, полковник! — сказал кто-то там, за дверью.— Пройдите в угол камеры и прижмитесь к стенке.

Я повернулся и прилип к стене, прикрыв голову ру-

ками. Раздался резкий свистящий звук и мощный взрыв потряс пол подо мной. Меня обсыпало колючей штукатуркой и пылью, песок заскрипел на зубах. Дверь с грохотом рухнула внутрь камеры.

Чьи-то руки сгребли меня и поволокли меня через клубящуюся пыль наружу, на свет. Ноги меня едва несли, я постоянно спотыкался об обломки стены, валявшиеся под ногами.

Вокруг какой-то массы, перегородившей проход, сновали люди. Под углом к стене возвышался огромный ящик с широко распахнутой дверью. Из-за двери струился яркий свет. Чьи-то руки помогли мне пролезть в дверь, и я увидел провода, катушки, соединительные коробки, прикрепленные скобами к некрашенному светлому дереву, подбитому по углам стальными пластинами. Люди в белой форме сгрудились на узком пространстве, помогая мне побыстрее забраться вовнутрь.

— Все по счету,— закричал кто-то.— Жмите кнопку, да побыстрей!

Раздался выстрел и пуля отколола от дерева несколько щепок.

Дверь со звоном закрылась и ящик задрожал. Грохот превратился в оглушительный вой, который становился все выше и выше, пока не пересек пределов слышимости.

Кто-то схватил меня за руку.

— Бог мой, Брайан, какие кошмары вы, должно быть, перенесли в этом ужасном мире.

Это был Рихтгофен в своем сером мундире и со шрамом на лице.

— Теперь у меня нет никаких неприятных чувств,— засмеялся я.— Вы прибыли удивительно точно, сэр.

— Мы круглосуточно прослушивали вашу волну, надеясь поймать какой-нибудь сигнал от вас,— кивнул головой Манфред.— Мы не теряли надежды. Четыре часа назад наш оператор принял на вашей волне какое-то попискивание. Мы проследили за его направлением и обнаружили, что оно исходит из винных подвалов. Патрульный шаттл не смог бы поместиться здесь — он довольно-таки громоздок. Поэтому мы сколотили вот этот ящик и прибыли сюда.

— Быстрая работа,— сказал я и подумал об опасностях путешествия через убийственную Зону Поражения в этом наспех сколоченном из сосновых досок ящике. Я почувствовал гордость за людей Империума.

— Дайте место полковнику Байарду, люди,— сказал кто-то. Мне освободили место на полу, подстелив для удобства чей-то китель. Я улегся на этот импровизированный матрац и сейчас же отключился. Сквозь сон я услышал голос Рихтгофена, но смысл так и не постиг.

Что-то меня беспокоило во сне, что-то я хотел сказать, о чем-то предупредить Рихтгофена, но никак не мог вспомнить.

ГЛАВА XIV

Я лежал в чистой постели, в залитой солнцем комнате, опираясь на подушки. Эта комната была немного похожа на другую комнату, где не так давно я тоже пробуждался, с той только разницей, что сейчас у моей кровати сидела Барбро и вязала лыжную шапочку из красной шерсти. Она сделала высокую прическу, и солнце, медно-красное солнце, просвечивало через это удивительное сооружение.

У нее был нежный взгляд, безукоризненные черты лица, и мне нравилось лежать здесь и смотреть на нее. Она приходила ко мне каждый день и читала мне, беседовала со мной, кормила меня бульоном и взбивала мои подушки. Мое выздоровление шло быстро.

— Если бы ты был умницей, Брайан,— сказала она как-то,— и съел бы весь предназначенный для тебя бульон, то, наверное, к завтрашнему вечеру у тебя было бы достаточно сил, чтобы принять приглашение короля.

— Ну, что ж,— засмеялся я.— Договорились.

— Императорский бал,— пояснила Барбро,— наиболее выдающееся событие года. Все три короля и Император вместе со своими женами прибудут на праздник.

Я не ответил. Существовало нечто, что я никак не мог осознать. Я оставил все проблемы по миру В-1-два людям из Разведки Империума, но относительно Бейла я знал несравненно больше, чем они! Я подумал о последнем крупном событии — имперском празднике, и возможном нападении. Полагаю, что на этот раз у каждого мужчины будет крохотный пистолет, такой, как и у меня, под расшитыми рукавами. Но тогда сражение в зале было просто отвлекающим маневром, служащим для того, чтобы команда головорезов могла установить в саду атомную бомбу.

Я резко выпрямился. Ту бомбу передали Бейлу!!! Поскольку сейчас со стороны Империума было организовано наблюдение, крупномасштабное наблюдение за неопознанными аппаратами Максони, возможность для неожиданного нападения полностью исключалась. Но теперь ведь не нужно было привозить сюда бомбу! Бейл располагал ею здесь!

— Что с тобой, Брайан? — спросила Барбро, наклонясь ко мне.

— Что сделал Бейл с той бомбой? — спросил я.— Которую пытались установить в летнем дворце? Где она сейчас?

— Не знаю. Ее передали инспектору Бейлу...

— Когда прибывают королевские семьи для участия в императорском бале? — перебил я ее.

— Они уже в городе. Во дворце Дроттинхольм.

Я почувствовал, как мое сердце забилось быстрее. Бейл не упустит такой возможности. Раз три короля здесь, в городе, и где-то неподалеку упрятана атомная машина, то он обязан действовать. Одним ударом он мог бы уничтожить все руководство Империума, а уж затем идти на штурм. Против его атомного оружия сопротивление будет безнадежным.

— Позовите Манфреда, Барбро,— попросил я.— Скажи ему, что необходимо найти бомбу. Короли должны покинуть Стокгольм и бал должен быть отменен. Иначе...

Барбро кивнула головой и бросилась к телефону, который находился тут же, на маленьком столике.

— Его нет на месте, Брайан,— сказала она через мгновение.— Может быть, позвонить Берингу?

— Давай!

Я начал было говорить, чтобы она поторопилась, но она уже быстро разговаривала с кем-то из конторы Беринга. Барбро все понимала с полуслова.

— Его тоже нет,— печально сказала она.— Кому же еще можно позвонить?

Я был взбешен. Манфред или Беринг всецело поверили бы мне. С их приближенными дело могло пойти не столь быстро. Отменить празднества, побеспокоить королевские семьи, взбудоражить весь город — все это казалось довольно крутыми мерами. Вряд ли кто-то решится на них только на основании смутных подозрений.

Я должен, обязан был как можно быстрее разыскать своих друзей — или найти Бейла.

Я знал, что императорская разведка уже начала свои поиски этого ренегата, но пока безуспешно. Квартира его была пуста, так же, как и маленькая дача в живописном пригороде Стокгольма. С другой стороны дежурные наблюдатели не засекли ни одного не принадлежащего Империуму шаттла, двигавшегося по Сети.

Было несколько возможностей. Во-первых, Бейл мог вернуться почти одновременно со мной, проскользнув прежде, чем прояснилось положение, тогда, когда на станции слежения еще работали его люди. А, во-вторых, он мог спланировать свое прибытие так, чтобы задержать атакующих, пока он не взорвет бомбу. Или, возможно, за него это мог сделать сообщник?

Почему-то мне по душе была больше первая мысль. Это больше всего походило бы на Бейла — хитро, но не так опасно. Если бы я был прав, то, значит, Бейл сейчас здесь, к Стокгольме, ожидая того часа, когда он взорвет город.

Что же касается этого часа, то ему необходимо дождаться императора. Вот когда в город прибудет император...

— Барбро,— крикнул я.— Когда прибывает император?

— *Я точно не знаю, Брайан,*— ответила она,— ...возможно, этим вечером, но скорее всего, даже днем.

Значит времени у нас совсем мало. Я вскочил с кровати и пошатнулся.

— Я пойду, несмотря ни на что,— сказал я твердо, предугадав возможный протест Барбро.— Я не могу просто так лежать здесь и ждать, когда город взлетит на воздух! Ты на автомобиле?

— Да, моя машина внизу. Сядь и позволь тебя одеть.

Она пошла к шкафу. Мне казалось, что я всегда спохватываюсь слишком поздно. Всего несколько дней назад у меня так же дрожали ноги, как сейчас! Барбро вернулась, держа в руках коричневый костюм.

— Это все, что здесь есть. Это мундир диктатора, который был на тебе, когда тебя доставили в госпиталь.

— Отлично. Подойдет!

Барбро помогла мне одеться и мы быстро покинули комнату. Проходящая мимо нас сестра мельком взглянула на нас и пошла дальше. У меня страшно кружилась голова и я беспрестанно вытирал пот со лба.

В лифте мне стало немного получше. Я опустился на скамью, тряся головой. В нагрудном кармане я почувст-

вовал что-то жесткое и вдруг отчетливо вспомнил, что Гастон дал мне карточку, когда мы в сумерках убегали из этого страшного дома в окрестностях Алжира. Он сказал, помнится, что на ней записан адрес загородной резиденции Большого Босса. Я схватил кусочек картона и в тусклом свете лампочки, прикрепленной к потолку кабины лифта, прочел: ОСТЕРМАЛЬМСТАТЕН-71.

Адрес был нацарапан плохо заточенным карандашом. Тогда это было несущественным, зато сейчас...

— Что это, Брайан? — прервала мои размышления Барбро.— Ты что-то нашел?

— Не знаю,— задумчиво сказал я.— Может, это тупик, а, может быть, и нет!

Я передал ей записку.

— Ты знаешь, где это?

Она прочла адрес.

— Думаю, что смогу найти эту улицу,— сказала она.— Это недалеко от порта, в районе складов.

— Поехали туда,— нетерпеливо сказал я, пламенно желая думать, что еще не поздно.

* * *

Автомобиль с визгом обогнул угол и поехал чуть медленнее по улице, с обеих сторон которой на нас угрюмо смотрели слепые стеклянные окна на фасадах складов, построенных из красного кирпича, с метровыми буквами названий владевших ими судоходных компаний.

— Вот эта улица,— сказала Барбро.— В записке номер 71?

— Точно,— кивнул я головой.— Это — 73, остановка здесь.

Мы вышли на посыпанный песком тротуар, в тень зданий. Вокруг было тихо. Солоноватый воздух пах смолой и пенькой.

Я взглянул на здание перед собой. Это был склад какой-то компании, длинное название которой я не хотел разбирать. Перед погрузочной платформой была небольшая дверь. Я подошел к ней и нажал ручку. Заперто.

— Барбро,— позвал я девушку,— принеси мне ручку домкрата или монтировку с твоей машины.

Мне не хотелось впутывать Барбро в эти дела, но другого выбора не было. В одиночку мне ничего не сделать.

Она вернулась со стальной полосой длиной в полметра. Я просунул ее в широкую щель между дверью и рамой, и нажал. Что-то щелкнуло и дверь рывком распахнулась.

В полумраке была видна лестница, ведущая наверх. Барбро дала мне руку и мы двинулись вперед. Физическое напряжение отвлекло мое сознание от того, что в любую секунду над Стокгольмом может возникнуть второе солнце.

Мы достигли площадки через пять пролетов. Перед нами была выкрашенная красной краской дверь, очень добротная и с новым замком. Я взглянул на петли. У них вид был похуже.

Дверь отняла минут пятнадцать.

— Подожди здесь,— сказал я и бросился вперед, в оклеенный обоями коридор.

— Я пойду с тобой, Брайан,— сказала Барбро.

У меня не было сил спорить с ней.

Мы очутились в просторной комнате, обставленной даже чересчур роскошно. Персидские ковры украшали пол, солнце, пробивающееся через закрытые ставнями окна, сверкало на полированной мебели тикового дерева. На темных полках над японскими миниатюрами стояли тщательно отполированные статуэтки из слоновой кости. Посреди комнаты стояла богато украшенная ширма. Я обошел вокруг обитого парчой дивана и заглянул за ширму. На легкой подставке из алюминиевых стержней покоилась бомба.

Две тяжелых литых детали, соединенных болтами с центральным фланцем, несколько проводов, идущих к небольшому металлическому ящику сбоку. По центру одной из выпуклостей виднелось четыре небольших отверстия, образующих квадрат. Вот и все. Но это вполне могло бы образовать гигантский кратер на том месте, где был расположен город.

У меня не было способа определить, есть ли внутри заряд или нет. Я наклонился к бомбе, прислушиваясь. Тиканья часового механизма не было слышно. Я подумал было перерезать отходящие провода, которые могли быть своего рода предохранительными устройствами, но это могло быть рискованно и могло включить спусковое устройство.

— Она здесь! Но когда настанет ее время? — вслух подумал я.

У меня возникло чувство собственной нереальности, как будто я уже стал дымком раскаленного газа.

— Барбро, попробуй обыскать помещение,— сказал я.— Может быть, тебе удастся найти какой-нибудь намек. А я позвоню в учреждение Манфреда и подыму по тревоге специалистов, чтобы они высказались, можем ли мы трогать эту штуковину, не рискуя взорвать ее.

* * *

Я позвонил в Имперскую Разведку. Манфреда все еще не было и парень у телефона был в нерешительности, как ему следовало бы поступить.

— Пошлите по адресу группу спецов,— вопил я.— Кого-нибудь, кто смог бы хоть что-то сказать, как обращаться с этой конструкцией.

Дежурный мямлил, что он должен посоветоваться с генералом Черт-Знает-Кем.

— Когда прибывает Император? — поинтересовался я.

Он извинился и сказал, что не имеет права обсуждать перемещение императорской семьи с неизвестным лицом. Я в отчаянии швырнул трубку на рычаг.

— Брайан,— позвала меня Барбро.— А ну-ка подойди сюда.

Я подошел к двери, открывающейся в соседнюю комнату. Все ее пространство заполнял двухместный МК-аппарат.

Я заглянул внутрь.

Он утопал в роскоши. Бейл не мог отказать себе в этом, даже при таких коротких перемещениях в Сети. Именно в этом шаттле он, по-видимому, перемещался в мир В-1-два. То, что этот аппарат был сейчас здесь, давало основание предполагать, что Бейл в городе, и что этот аппарат предназначен для бегства.

А может быть, все-таки сейчас отсчитываются секунды, наши последние секунды, а сам Бейл находится далеко отсюда, в безопасном месте? Если это так, то я уже ничего не смогу предпринять. Но если он рассчитывает вернуться сюда, активировать бомбу, включить отсчет времени и покинуть город с помощью шаттла — тогда, возможно, я смог бы остановить его.

— Барбро,— позвал я девушку.— Ты должна найти Манфреда или Германа. Я собираюсь остаться здесь и дожидаться возвращения Бейла. Если ты их разыщешь, то скажи, чтобы послали сюда как можно больше людей, которые могли бы обезвредить эту пакость. Я не отваживаюсь подвинуть ее, а для того, чтобы перенести ее, нужно не менее двух человек. Если мы сможем перенести ее, то запихнем в аппарат и отправим отсюда в какой-нибудь из миров Зоны поражения. Я буду продолжать звонить Манфреду или Берингу, может быть, и повезет. Не знаю, куда тебе следует ехать, но, надеюсь, что ты знаешь это лучше меня.

Барбро взглянула на меня.

— Я бы лучше осталась здесь, с тобой, Брайан. Но я понимаю, что на это просто не имею права.

«Похоже, что таких девушек я еще не встречал»,— мелькнула у меня восхищенная мысль.

ГЛАВА XV

Теперь я был один, если не считать зловещего шара за ширмой. Я с нетерпением ждал посетителя. Подошел к двери, которая валялась у грубой кирпичной стены снаружи квартиры, поставил ее на место, на петли, закрыл и щелкнул замком.

Затем вернулся в заполненную роскошью комнату, заглянул за портьеры, порылся в бумагах на столе. Я надеялся наткнуться на что-нибудь, что могло бы навести меня на след относительно планов Бейла. Я не обнаружил никаких следов, но зато нашел длинноствольный пистолет 22-го калибра. Он был заряжен. Это успокоило меня, так как перед этим я не задумывался, что же я предприму, когда появится Бейл. Я был не в состоянии бороться с ним — теперь же у меня появилась вполне приемлемая возможность!

Я нашел кладовку, куда решил спрятаться, если только послышатся его шаги. Подойдя к бару, я налил себе полрюмки ликера и сел в одно из этих роскошных кресел.

Для своего нынешнего состояния я, пожалуй, потратил слишком много энергии. Желудок мой превратился в один сплошной тугой узел. С того места, где я сидел, был виден краешек бомбы. Интересно, будет ли какое-

нибудь предупреждение перед тем, как она бабахнет? Хотя я знал, что бомба безмолвна, но все же сейчас, сидя в этом удобном кресле, я непроизвольно напрягал слух, стараясь услышать хоть какой-нибудь звук из этой серой убийцы города.

Но звук, который я услыхал, исходил не из бомбы. Это было скрипение половиц за дверью. На мгновение я был парализован, затем вскочил на ноги, вошел в кладовку и затаился за дверью. Я сжал в кармане пистолет и приготовился ждать.

Теперь шаги стали ближе, очень громкие в мертвой тишине дома. Затем ключ повернулся в замке и через мгновение на пороге появилась высокая, худая фигура предателя — Главного инспектора Бейла. Он шел, глубоко втянув в плечи свою маленькую лысую головку, и украдкой озирался вокруг. Затем он снял пиджак и на какое-то страшное мгновение мне пришло в голову, что он сейчас подойдет к моему убежищу, чтобы повесить пиджак. Но этого не произошло — он просто швырнул его на спинку стула и со вздохом облегчения сел.

Но через мгновение Бейл вскочил, подошел к ширме и посмотрел на бомбу. Я мог бы запросто пристрелить его, но ведь это ничуть не помогло бы мне. Необходимо было, чтобы Бейл помог мне определить, заряжена ли бомба и можно ли ее перемещать... Он был единственным человеком в Империуме, кто знал, как обращаться с этим адским устройством...

Бейл склонился над бомбой, вынул из кармана небольшую коробку и посмотрел на часы, подошел к телефону. Я едва слышал его бормотание, когда он обменялся с кем-то парой слов. Затем он прошел в следующую комнату и как только я приготовился помешать ему воспользоваться шаттлом, он вышел из нее. Бейл снова посмотрел на часы, сел в кресло и открыл небольшой набор инструментов, который лежал перед ним на столе. Он начал что-то делать небольшой отверткой в металлическом ящике на полу. Похоже, что это было зарядное устройство. Я старался дышать как можно тише и не думать о боли в ногах.

Тишину нарушил звонок телефона. Бейл удивленно посмотрел на него, положил отвертку в ящик на стол и подошел к телефону. Он долго стоял перед трезвонившим аппаратом, покусывая губы. После пяти звонков телефон замолк и Бейл вернулся к столу, возобновив прерванную работу.

Интересно, кто бы это мог быть?

Теперь Бейл, нахмурившись, снимал крышку с ящика. Сделав это, он встал и подошел к бомбе и, облизывая губы, наклонился над ней. Похоже, что сейчас последует перевод бомбы в боевое положение. Я больше не мог ждать.

— Стой на месте, Бейл,— спокойно сказал я, выходя из своего убежища.— А не то я пристрелю тебя как бешеную собаку.

Глаза Бейла чуть не выскочили из орбит, голова его откинулась назад, он открывал и закрывал рот, силясь что-то сказать.

— Похоже, что ты не ожидал меня здесь увидеть, а, Бейл? — усмехнулся я.— Сядь! Вон туда!

Я показал пистолетом, куда он должен был сесть.

— Байард? — только и смог прохрипеть Бейл.

Я ничего не ответил. Сейчас я был полностью уверен, что бомба безопасна. Все, что я должен был сейчас делать, это ждать, пока не прибудет подкрепление, и передать Бейла на их попечение. Затем мы сможем перенести бомбу в аппарат и отправить в Зону Поражения.

Внезапно я почувствовал головокружение, ноги стали ватными, страшные боли в желудке заставили меня чуть ли не согнуться пополам. Подойдя к креслу, я опустился в него. Я старался не показать противнику, насколько мне худо.

Откинувшись назад на спинку кресла, я постарался дышать как можно глубже, через нос. Если я начну терять сознание, то немедленно пристрелю Бейла. Его нельзя оставлять на свободе, иначе он будет снова угрожать Империуму.

Мне стало немного лучше. Бейл продолжал стоять неподвижно, изумленно глядя на меня.

— Послушай, Байард,— наконец выдавил он из себя.— Я предлагаю заключить со мной соглашение. Клянусь, что поделю с тобой все поровну. Управляй этим В-1-два как своей собственностью, я же оставлю за собой этот мир. Только убери эту пушку.

Он облизал губы и медленно двинулся ко мне.

Я начал перемещать дуло револьвера и нечаянно нажал на спуск. Пуля задела рукав Бейла и ударилась в стену. Бейл упал на кресло, стоявшее за ним.

«Слишком близко к цели»,— подумал я. «Так можно было бы и убить подлеца. А ведь это пока рано. Я еще могу держаться».

«Но это могло и припугнуть его»,— подумал я, но вслух сказал:

— Как видишь, я знаю как обращаться с этой хлопушкой. Всего на один сантиметр от руки, стреляя с бедра! Неплохо, согласен? Попробуй-ка еще что-нибудь!

— Ты должен выслушать меня, Байард,— взмолился Бейл.— Почему мы должны беспокоиться о том, что случится с этими попугаями? Мы можем править как абсолютные монархи!

Бейл продолжал что-то бубнить, но я перестал слушать его, а сосредоточился только на том, чтобы оставаться в сознании, ожидая звуков прибывающей помощи.

— ...воспользуемся случаем и заключим соглашение. Как ты на это смотришь?

Бейл смотрел на меня, во взоре его была нескрываемая жадность. Я не мог с ним разговаривать. И он расценил это как колебание. Бейл снова встал и направился ко мне.

В комнате стало темнее. Я протер глаза. Сейчас я чувствовал себя особенно плохо, силы совершенно оставили меня. Сердце стучало прямо по горлу, желудок содрагался. Больше я уже не был в состоянии держать положение под контролем.

Бейл остановился, и я увидел, что он внезапно пригнулся и, рыча, набросился на меня. По-видимому, он понял, что я теряю сознание. Я вынужден был убить его. Дважды прозвучал выстрел и Бейл отпрянул назад, ошеломленный, но все еще стоя на ногах.

— Не надо, Байард, ради всего святого,— завизжал он.

Во мне все еще оставалось немного жизни, чтобы убить его. Я поднял револьвер и выстрелил. Я увидел, как на стене запрыгала картина. Бейл отскочил в сторону. Я не знал, попал ли я в него хоть раз или нет. Моя хватка ослабела, но я не мог допустить, чтобы он ушел.

Я выстрелил еще раз, затем еще, и внезапно понял, что это темнеет не в комнате, а темнота накатывается на мое сознание.

Раздался вопль Бейла. Я еще различал, что он не решается пересечь комнату в направлении двери, за которой его ждал шаттл. Съежившись за креслом, он не переставал увещевать меня. Я приподнялся, стараясь придать трясущимся рукам минутную твердость.

Бейл закричал и метнулся к выходной двери. Несколько раз нажав курок, я услышал, как звенит эхо в моем отключенном сознании.

* * *

Я был без сознания не более нескольких минут. Очнувшись, я обнаружил, что ширма упала и лежит прямо на бомбе. Я в панике выпрямился. Может, Бейл успел ее активировать? Но где же он сам? Я вспомнил только то, что он рванулся к входной двери. Я встал и снова бухнулся в кресло. Но вскоре опять поднялся и с трудом двинулся к двери.

Но внезапно за своей спиной я услышал какой-то странный звук, похожий на притаившегося кота, попавшего в неприятную историю. Я повернулся и заковылял к распахнутой двери второй большой комнаты. Я заглянул туда, наполовину ожидая увидеть лежащего на полу Бейла.

Но здесь было пусто. Свет струился через открытое окно и хлопала портьера.

«Должно быть, Бейл выпрыгнул вниз, обезумев от страха»,— подумал я и подошел к окну. Пронзительный вопль возобновился.

Бейл висел на руках на карнизе противоположного здания, в четырех с половиной метрах отсюда. Это он издавал такой странный звук. На левой его штанине расплывалось большое темно-красное пятно: с высоты пяти этажей на кирпичную мостовую падали капли из носка его башмака.

— Боже праведный, Бейл! Бейл! — закричал я.— Зачем ты это сделал?

Я был потрясен. Несколько минут назад я был готов его застрелить, но видеть висящим — тут было нечто другое!

— Байард! — давился криком Бейл,— я больше не могу держаться. Ради бога...

Я не знал, что делать. Для героических поступков, пожалуй, у меня уже не было сил.

Я быстро осмотрел содержимое комнаты. Мне нужна была доска или кусок веревки. Но здесь ничего этого не было. Я вытащил из постели простыню — она была слишком коротка. Даже две или три простыни не могли ре-

шить дело. Я не мог бы удержать их. Подойдя к телефону, я набрал единственный известный мне номер — офиса Манфреда.

— Дежурный,— закричал я.— Здесь человек вот-вот свалится с крыши. Пришлите сюда пожарных с лестницей, да побыстрее. Адрес? Остермальмсгатен, 71, пятый этаж.

Я опустил трубку и побежал назад, к окну...

— Держись, Бейл,— крикнул я.— Помощь уже в пути.

Похоже, он пытался перепрыгнуть на ближайшую крышу, думая, что я преследую его по пятам. Но с этой дыркой в ноге это ему не удалось.

Я подумал о Бейле, который послал меня с самоубийственным поручением, зная, что мой обман был безнадежен — пока я стою на своих собственных ногах. Я подумал об аппарате, который ждал в засаде в районе Зоны Поражения, об операционной компате, где Бейл предполагал придать мне более достоверную для его целей форму. Я вспомнил, как Бейл застрелил моего новообретенного брата и ту ночь, когда я валялся в холодном подвале, ожидая его мясников, и все же я не хотел видеть смерть Бейла именно такой.

Вдруг он начал кричать, отчаянно дрыгая ногами. Он даже умудрился дотянуться одной ногой до карниза, рядом с его побелевшими от напряжения пальцами, но нога его соскользнула.

Я уже стоял возле окна целых пять минут. Интересно, сколько же времени я был без сознания? Никогда бы не мог предположить, что этот слабак Бейл мог так долго продержаться, вися на карнизе. Похоже, что вряд ли он продержится еще какое-то время.

— Держись, Бейл,— подбодрил я его.— Еще чуть-чуть. Только не брыкайся.

Он висел молча. Кровь продолжала течь из его башмака. Я посмотрел вниз и содрогнулся.

Послышался отчаянный вопль сирены. Я бросился к двери, открыл ее и прислушался. Внизу зазвучали тяжелые шаги.

— Сюда, сюда,— закричал я.— На самый верх.

Я повернулся и побежал назад, к окну. Бейл был в том же положении. Затем одна рука его соскользнула, и он теперь висел, слегка раскачиваясь, всего на одной.

— Вот они, Бейл. Еще пару секунд...

Он уже не пытался уцепиться снова и не издавал ни-

каких звуков. Шаги раздались возле входной двери и я инстинктивно повернулся к входящим.

Через мгновение я снова повернулся к окну и увидел, как Бейл медленно, словно в замедленной съемке, начал молча скользить вниз...

Я закрыл глаза, но уши не закрыл, и поэтому услышал, как он дважды ударился о кирпичи мостовой.

Я отшатнулся от окна. Вокруг в комнате сновали пожарные, выглядывали из окна, что-то кричали. Повернувшись к креслу, я плюхнулся в него. Похоже, во мне не оставалось никаких чувств. Вокруг стоял сплошной гам. Какие-то люди входили и выходили из комнаты, что-то делали, оживленно переговариваясь друг с другом. Я едва соображал, что происходит.

Прошло довольно много времени, прежде чем я увидел Германа и входящую в комнату Барбро. Я попытался встать, но силы оставили меня.

Барбро склонилась надо мной, и я с радостью схватился за ее руку.

— Отвези меня домой, Барбро! Герман, я тебя прошу....

И тут я заметил Манфреда.

— Бомба,— прошептал я.— Она не опасна. Затолкайте ее в шаттл и вышвырните вон.

— Мои люди как раз этим занимаются, Брайан,— кивнул Рихтгофен.

— Только что ты сказал о доме,— подал голос Герман.— Думаю, Манфред меня поддержит, если мы самым решительным образом будем требовать, чтобы ввиду твоих особых заслуг перед Империумом, тебя доставили в твой родной мир! Как только твое здоровье позволит нам совершить небольшое путешествие по Сети и, если конечно, таковым будет твое желание... Я, правда, хотел бы надеяться, что ты останешься с нами... но это решать тебе.

— Мне не нужно решать,— твердо — или так мне только показалось — сказал я.— Я сделал свой выбор. Мне нравится здесь. По многим причинам. Во-первых, я могу использовать избитые фразы и шутки моего мира, и здесь они окажутся страшно новыми. А, во-вторых, что касается дома...— Я взглянул на Барбро.— Дом там, где сердце!

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВРЕМЕНИ

ГЛАВА I

Это был один из тех тихих летних вечеров, когда краски заката горели на небе дольше, чем это обычно бывало в Стокгольме в конце июня. Я стоял у окна, глядя на оттенки бледно-розового, коричневато-золотистого и синего, испытывая у основания шеи то чувство, которое всегда раньше означало, что какая-то беда, большая беда надвигается на меня.

В комнате резко зазвучал телефонный звонок. Я с реактивной скоростью подбежал к телефону, схватил трубку и сказал «алло», сделав перед этим паузу, чтобы не сорвать голос.

— Полковник Байард? — произнес голос на другом конце провода.— Вас беспокоит Фрейхерр фон Рихтгофен; одну минуту, пожалуйста.

Через открытую дверь столовой я мог видеть темный блеск рыжих волос Барбро, когда она кивнула Люку, показывавшему ей бутылку вина. Свечи на люстре тонкой работы над ее головой отбрасывали мягкий свет на белоснежную скатерть, искрящийся хрусталь, редкой старины фарфор, сверкающее серебро. Люк был таким мажордомом, что каждый прием пищи превращался у него в событие. Но сейчас аппетита у меня не было. Сам не знаю, почему. Рихтгофен был моим старым и дорогим другом, а также руководителем Имперской разведки...

— Брайан? — голос Рихтгофена с легким акцентом лился из трубки телефона.— Я рад, что застал тебя.

— Что случилось, Манфред?

— М... м... м,— он казался слегка смущенным.— Брайан, ты весь вечер был дома?

— Мы пришли час назад. Ты что, уже звонил мне?

— О, нет. Понимаешь, возникла небольшая проблема.

Пауза.

— Брайан, не мог бы ты найти время, чтобы заглянуть в управление Имперской разведки?

— Конечно! Когда?

— Сейчас... Сегодня вечером...

Снова пауза. Определенно Рихтгофена что-то сильно беспокоило — а это уже само по себе было очень странно.— Мне очень жаль, Брайан,— продолжал он дальше,— что я беспокою тебя, но...

— Я буду через полчаса,— прервал я его.— Люк, конечно, расстроится, но я думаю, что это он все же переживет. Может быть, ты, наконец, скажешь мне, в чем дело?

— Нет, нет, Брайан. Это не телефонный разговор. Пожалуйста, извинись за меня перед Барбро... и перед Люком тоже.

Барбро поднялась и обошла вокруг стола.

— Брайан, кто это звонил? — она увидела выражение моего лица.— Что случилось?

— Не знаю. Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Должно быть, это что-то важное, иначе Манфред не стал бы звонить.

Я прошел через холл в свою спальню, переоделся и вышел в прихожую. Люк стоял уже там, держа в руках пистолет.

— Мне это вряд ли понадобится, Люк,— сказал я.— Это просто обычная поездка в Управление.

— Лучше возьмите его, сэр.— На угрюмом лице слуги было обычное выражение мрачного неодобрения. Выражение, которое, как я знал, скрывало исключительную преданность.

Я улыбнулся ему и взял оружие. Завернув рукав рубашки, я прикрепил кобуру на предплечье. Широкий рукав моей верхней одежды позволил мне проверить действие пистолета. При резком движении кистью этот крошечный револьвер (по форме и цвету напоминавший обточенный водой камень) соскользнул мне на ладонь. Я вновь закрепил его на прежнее место.

— Только для тебя, Люк. Я вернусь через час, а, может быть, и раньше.

Спустившись по широким ступеням к ожидавшей меня машине, я сел за руль. Двигатель уже работал. Я поехал мимо тополей, возвышавшихся вдоль посыпанной гравием аллеи к открытым железным воротам, а через них на мощеную городскую улицу. Впереди меня,

машина, стоявшая за углом с потушенными фарами, тронулась с места. В зеркале заднего обзора я увидел, как вторая машина выезжает из-за угла и пристраивается за мной. Свет фар отражался от замысловатой эмблемы имперской разведки, прикрепленной к радиатору машины. Похоже было, что Манфред послал за мной эскорт, чтобы быть уверенным, что я направляюсь именно в Управление.

Это была десятиминутная поездка по широким, залитым мягким светом улицам старой столицы, на первый взгляд напоминающей Стокгольм моей естественной материальной среды. Но здесь, в Ноль-Ноль мире Империума, центре широкой сети параллельных миров, краски были несколько ярче, вечерний бриз — нежнее, а магия жизни — немного ближе.

Следуя за передним автомобилем, я пересек мост, резко повернул вправо и поехал по широкой аллее, проезжая через несколько массивных ворот и мимо часовых, бравших при моем появлении на караул. Наконец, я подъехал к широким дверям из полированного железа с медной пластинкой, на которой было написано: «ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ».

Машина позади меня резко затормозила, просигналила и дверь распахнулась. К тому времени, когда я вышел из машины, четыре человека образовали вокруг меня якобы случайный полукруг. Я узнал одного из моих охранников — оперативника Сети, который один раз возил меня в пункт, называющийся «Грущобы». Это было несколько лет назад... Он увидел, что я его узнал и формально кивнул.— Они ждут вас, полковник, в апартаментах генерала барона фон Рихтгофена,— сказал он и отвернулся.

Я машинально кивнул и пошел вверх по ступеням, испытывая любопытное ощущение, словно мой эскорт вел себя не как почетный караул, а скорее как группа переодетых полицейских, производящая арест опасного преступника.

Манфред поднялся, когда я зашел в кабинет. Взгляд, которым он на меня посмотрел, был странным — как будто он был не совсем уверен, как выразить то, что он собирался мне сказать.

— Брайан, я должен попросить тебя быть снисходительным,— сказал он.— Пожалуйста, садись. Создалось несколько затруднительное положение...

Он озабоченно посмотрел на меня. Это был не тот, обходительный, совершенно уравновешенный барон фон Рихтгофен, каким я привык видеть его ежедневно, выполняя обязанности начальника одного из отделов имперской разведки.

Я сел, отметив про себя продуманное расположение четырех вооруженных агентов в комнате и стоявших молча в стороне еще четырех человек, которые привели меня сюда.

— Продолжайте, сэр,— сказал я официально, чтобы соответствовать духу происходящего.— Я понимаю, дело есть дело. Полагаю, что в свое время вы скажете мне что произошло.

— Я должен задать тебе ряд вопросов, Брайан,— расстроенным голосом произнес Рихтгофен. Он сел (морщины на его лице вдруг показали, что ему уже почти 80 лет), провел рукой по гладким седым волосам, потом резко выпрямился и откинулся на спинку стула. Откинулся с видом человека, который решил что-то сделать, и чем скорее, тем лучше.

— Какова девичья фамилия твоей жены? — выпалил он.

— Ландейш,— ровным голосом ответил я.

В чем бы не заключалась эта игра, я решил участвовать в ней. Манфред знал Барбро дольше, чем я. Ее отец служил с Рихтгофеном в качестве агента Империума в течение 30 лет.

— Когда ты встретил ее?

— Примерно пять лет тому назад — на королевском летнем балу. В тот вечер, когда я приехал сюда...

— Кто еще был там, в тот вечер?

— Вы. Герман Беринг, капитан Винтер...— я назвал с десяток гостей, присутствовавших на этом веселом мероприятии, закончившемся так трагически вследствие нападения бандитов из кошмарного мира В-1-2.

— Винтер погиб от ручной гранаты, которая предназначалась для меня,— добавил я.

— Какова была твоя профессия... раньше?

— Я был дипломатом, дипломатом США, до тех пор, пока ваши парни не похитили меня и не доставили сюда.— Последнее было лишь ненавязчивым напоминанием о том, что, каковы бы ни были причины, заставлявшие моего старого друга в этом другом Стокгольме допрашивать меня, как чужого, мое присутствие здесь, в мире Империума было прежде всего его идеей. Было яс-

но, что Рихтгофен почувствовал эту пипильку, так как он некоторое время усиленно прочищал горло и перебирал на столе бумаги, прежде чем задать следующий вопрос.

— В чем заключается твоя работа здесь, в Стокгольме 0-0?

— Вы предоставили мне прекрасную работу в разведке в качестве офицера надзора Сети.

— Что такое Сеть?

— Это континиумы параллельных миров, матрица одновременной действительности...

— Что такое Империум?

Это был один из тех скоропалительных допросов, которые проводятся, чтобы сбить человека с толку и заставить забыть свою линию поведения. Не самый дружелюбный способ беседы для двух друзей.

— Правительство всех вероятных миров линии А, находящееся в мире 0-0, в котором был создан генератор МК.

— Что сокращено буквами МК?

— Максони — Копини, ребята, которые изобрели эту штуку еще в 1893 году.

— Каким образом используется эффект МК?

— Создан привод, при помощи которого приводится в движение шаттлы Сети.

— Где осуществляются операции Сети?

— Во всех мирах линии А, кроме Блайта, или, как мы говорим, оперативники, везде, кроме Трущоб.

— Что такое Блайт?

— Каждая линия А в пределах тысяч параметров линии 0-0 представляет собой адский мир радиации или...

— Что вызвало появление Блайта?

— Неправильное обращение с Эффектом МК. Ваши парни, сэр, здесь, на линии 0-0, были единственными, кто научился правильно управлять...

— Что такое линия 0-0?

Я обвел рукой вокруг.— Этот мир, в котором мы сейчас находимся. Мир, где поле МК...

— Есть ли у тебя шрам на правой ступне?

Я улыбнулся. Такая смена вопросов меня рассмешила.

— Угу. В том месте, куда главный инспектор Бейл попал между большим пальцем и...

— Почему тебя доставили в мир Империума?

— Я нужен был вам, сэр, чтобы выдать меня за дик-

татора района, известного под названием Островные Трущобы 2.

— Имеются ли другие жизнеспособные линии А в пределах Блайта?

Я кивнул.— Две. Одна — это опустошенное войной место с датой Общей Истории около 1910 года, другое — это мой родной мир, известный под шифром В-1-три.

— У тебя шрам от пули на правом боку?

— Нет, на левом. У меня также есть...

— Что такое дата Общей Истории?

— Это дата, когда истории двух различных линий А разошлись, образуя параллельные миры.

— В чем заключалось твое первое задание в качестве полковника разведки?

Я ответил на этот вопрос и на множество других. В течение следующих полутора часов он осветил все аспекты моей личной и общественной жизни, забираясь в те отдаленные уголки, которые могли быть известны только мне и ему. И все это время восемь вооруженных мужчин молча стояли рядом со мной.

Мое намерение спокойно воспринимать ситуацию уже подходило к концу, когда генерал вздохнул, положил обе руки на стол. (У меня вдруг возникла мысль, что он только что опустил в ящик стола пистолет) и посмотрел на меня с улыбкой.

— Пойми, Брайан, что в этой любопытной профессии, которой мы оба занимаемся, порой сталкиваешься с необходимостью выполнять много неприятных вещей. Позвать тебя сюда вот так...,— он кивнул на вооруженных людей, которые начали тихо покидать комнату,— и допрашивать тебя, словно опасного преступника — это было одно из самых неприятных дел, которые можно только себе представить. Я уверен, что это было необходимо, и поверь мне, я очень рад, что все разрешилось благополучно.

Он поднялся и протянул мне руку. Я пожал ее, чувствуя, как подавляемый гнев кипит у меня в горле. Вероятно, мое сопротивление было заметно.

— Позже, Брайан, возможно, завтра, я смогу объяснить тебе этот фарс. А сегодня я прошу принять мои извинения за неудобства и неловкость, которые я вынужден был тебе причинить. Поверь, что это было только в интересах Империума.

Я без энтузиазма издал какие-то вежливые звуки и вышел. Что бы не затевалось, я был уверен, что у

Рихтгофена была веская причина это сделать. Правда, это не улучшало моего самочувствия и не преуменьшало моего любопытства. Но будь я проклят, если стану сейчас задавать какие-то вопросы.

Никто не встретил меня, когда я шел к эскалатору. Я спустился вниз и оказался на белом мраморном полу холла первого этажа. Где-то послышался звук быстро удаляющихся шагов, хлопнула дверь. Стало удивительно тихо. Я стоял как животное, принюхивающееся к воздуху, прежде чем ступить на неизвестную территорию. Здание Управления, казалось, окуталось атмосферой таинственности.

И тут я впервые стал принюхиваться — до меня внезапно донесся запах горящего дерева, асфальта и дыма. Я направился в сторону предполагаемого источника этого запаха, двигаясь быстро, но тихо, я проходил мимо широкой парадной лестницы, которая вела в приемный зал этажом выше и вдруг застыл на месте: мой взор упал на темное пятно, четко выделяющееся на белом мраморе пола. В двух ярдах от него виднелось второе пятно, форма обоих пятен не вызывала сомнений: это были отпечатки ног. В шести футах дальше по коридору, которым я сейчас шел, был еще один след — казалось, кто-то случайно вступил в горячую смолу и поэтому оставлял за собой этот странный след. Следы поворачивали налево по коридору. Я посмотрел на слабо освещенный путь — было тихо и спокойно, как в морге.

Я прошел через небольшой холл и остановился у пересечения с другим коридором, глядя в обе стороны. Запах усилился и теперь напоминал запах горящей краски. Идя по следам, я повернул за угол. В двадцати футах от меня на полу коридора виднелась глубокая, чем-то прожженная полоса. А вокруг нее — множество отпечатков ног. Там были еще и брызги крови, а на стенах отпечатались кровавые пятерни, по размерам значительно превосходящей мои.

Над табличкой с надписью «Служебная лестница» был еще один отпечаток руки, на этот раз очерченной контуром вздувшейся и почерневшей краски. Мое запястье конвульсивно дернулось — рефлекторное напоминание о пистолете, который я взял по настоянию Люка.

До двери было два шага. Я взялся за блестящую латунную ручку и ....резко отпрянул назад, так как она

была ужасно горяча. Тогда я обернул руку носовым платком и открыл дверь.

Узкие ступеньки вели куда-то вниз в темноту и запах тлеющего дерева усилился. Я начал было искать выключатель, но передумал. Тихо прикрыв за собой дверь, я начал спускаться вниз по лестнице. В неясном полумраке, который возникал от почему-то слабо светящихся стен я достиг дна подвала, на мгновение остановился и осторожно высунул из-за угла голову. То, что я увидел, поразило меня.

На противоположной стене плясали какие-то неясные тени — тени, очерченные каким-то красноватым светом. Я вышел из-за угла, подошел к повороту направо и снова отважился выглянуть. В пятидесяти футах от меня двигалась какая-то светящаяся фигура, фигура, которая светилась во мраке как нагретая до красна железная статуя. Она метнулась внезапно в сторону на несколько футов, сделала несколько движений (настолько быстрых, что за ними было невозможно уследить), проскочила через узкий проход и исчезла в открытой двери.

Мое запястье снова дернулось, и на этот раз я взял револьвер в ладонь (он сразу придал мне чувство уверенности). Запах дыма стал сильнее. Я посмотрел вниз и увидел на деревянном полу обуглившиеся отпечатки ног. Я подумал, что надо было бы вернуться, поднять тревогу... но... я уже шел к двери. Все происходящее мне очень нравилось, но я шел по следу чего-то, что не могло ждать...

Запах теперь стал очень густым. Это был запах гладильни, смешанный с запахом горячего металла кузницы и осенним запахом костров. Я подкрался к двери, вплотную прижался к стене и потом рискнул заглянуть за дверь. Свечение, исходившее от призрачного незваного гостя, отбрасывало красноватые отблески на стены заброшенной кладовой — пыльной, темной, захламленной мусором, который, как видно, старались убрать, но так и не закончили этого дела.

В центре комнаты огненный человек склонился над распростертым на полу телом гигантской фигуры в бесформенном комбинезоне. Руки огненного человека — странные светящиеся руки в неудобных на вид перчатках — дергали, трясли свою жертву с нечеловеческой быстротой. Затем он выпрямился. У меня не было времени глазеть на этот спектакль, который разыгрывал здесь этот пятисотградусный убийца. Был шанс, что его

жертва еще не мертва — и если бы я достаточно быстро нанес ему удар... Я бегом проскочил через дверь, совсем забыв, что у меня с собой пистолет, и бросился к фигуре, от которой исходил жар, как от доменной печи. На бегу я увидел, как она повернулась с невероятной скоростью, вскинула руку с пятью светящимися пальцами, отступила на шаг...

Длинные красноватые искры посыпались на меня с ее вытянутой руки. Подобно ныряльщику, повисшему над водой в воздухе, я увидел резкое электрическое свечение, услышал хлопок разряда, но ничего уже не мог поделать, когда увидел, что крошечные молнии начали замыкаться на мне...

Беззвучный взрыв превратил мир в слепящий белый свет, ввергнувший меня в небытие.

Долгое время я лежал, цепляясь за сон, который был моим убежищем от воспоминаний о дымящихся следах, заброшенной кладовой и фантастическом светящемся человеке, припавшим к своей жертве. Я застонал, вновь потянулся за своим сном, но почувствовал только твердый и холодный бетон, которого касалось мое лицо, ощутил тошноту в желудке и привкус меди во рту. Я собрался с силами, приподнялся на руках и огляделся.

В комнате было темно, тихо и пусто, как в ограбленной гробнице. Языком, который напоминал мне старый теннисный туфель, я провел по своим сухим губам, сделал гигантское усилие и сел.

В голове раздавался звон.

Я с трудом поднялся. Запах горелого исчез. И тот, кого я преследовал, тоже исчез, забрав труп с собой.

Свет в комнате был слишком слаб, чтобы можно было разглядеть детали. Я пошарил в карманах, вынул зажигалку и при ее свете попытался разглядеть обугленные следы на полу, по которым я мог бы определить, куда ушел огненный человек.

СЛЕДОВ НЕ БЫЛО!!!

Я дошел до двери, осмотрел все вокруг — не было никаких следов, кроме моих. Пыль лежала толстым слоем. Не было никаких следов лежавшего тела — вообще не было ничего, что указывало бы на трагедию, разыгравшуюся в этой комнате. Я слышал о том, что надо ущипнуть себя, чтобы убедиться, что ты не спишь. Правда, я всегда считал, что это довольно глупый способ разбираться в реальности окружающего мира. Но сейчас

я сделал это — и едва не вскрикнул от боли. Но это опять-таки ничего не доказывало!

Я дошел до двери и вошел в коридор. Свет был выключен. Только тусклое, фосфоресцирующее свечение, казалось, исходило от стен и пола. Вид деревянного покрытия пола безо всяких следов ничуть меня не успокаивал. Раньше на нем были четкие, темные, обуглившиеся следы, сейчас на полу ничего не было.

* * *

Когда я поднялся в холл первого этажа, у меня в голове шумело не так сильно.

В застоявшемся воздухе коридора, казалось, повисла черноватая дымка, придававшая оттенок траура знакомым очертаниям дверей и мраморному полу.

Позади меня с металлическим щелчком закрылась дверь подвала. Я принюхался, пытаясь уловить запах дыма — но ничего не обнаружил.

Я прошел через зал в один из кабинетов. В пустой комнате на столе стоял маленький глиняный горшочек с затвердевшей землей, выглядевший так, словно ее подвергли повышенной температуре. Один сухой лист лежал на столе возле горшка. Настольные часы стояли и показывали 12 часов 05 минут. Я подошел к телефону, снял трубку. Тишина на том конце провода была как бетонная стена.

Я вышел на крыльцо — моя машина одиноко стояла там, где я ее оставил. Я заметил, что в будке часового у ворот было темно. Уличное освещение тоже было выключено. Но ведь прекращение подачи электроэнергии не могло повлиять на карбидные лампы, освещающие посты внутреннего караула? Однако они тоже не горели! Даже звезд на небе не было...

Я сел в машину, повернул ключ зажигания, но ничего не произошло. Сигнал тоже не работал, как и выключатель освещения.

Выйдя из машины, я постоял в нерешительности, а потом направился к гаражам, находившимся в конце двора. Чем ближе я к ним подходил, тем медленнее становились мои шаги — в гаражах свет тоже не горел, а на воротах висели тяжелые замки.

Я глухо вздохнул, чтобы унять возбуждение и тут только почувствовал тяжелый, мертвецкий запах воздуха.

Пройдя мимо покинутой будки часового, я вышел на улицу. Там было пусто, темно и тихо. Несколько машин стояло у поворота. Я пошел по направлению к мосту и на его середине заметил какую-то темную массу — это оказалась машина, стоящая посередине дороги. По необъяснимой причине, ее вид неприятно поразил меня, какое-то чувство под ложечкой добавилось к раздражению, которое я испытывал сейчас. Я заглянул в окно машины — там никого не было. В замке торчал ключ зажигания. По его положению я понял, что машина должна быть заведенная.

На улице Густава Адальфангорта было еще много покинутых машин, все оставленные посреди проезжей части.

Создавалось впечатление, что сегодня в городе началась эпидемия поломок машин, вкупе с поломкой электростанции — совпадение, которое ничуть не улучшило моего настроения.

Я обошел несколько улиц и площадей — нигде никого. Город вымер! Ни ветерка, ни шума моторов, ни шороха шагов, ни отзвука голосов. Мое чувство неловкости и растерянности быстро перерастало в панику, заставляющую покрыться мое тело холодным потом.

Я пересек парк и только потом до меня дошла ненормальность окружавшего меня ландшафта. Парк был абсолютно голым — ни травинки, ни цветка, ни листочка ни деревца — *ничего*! Моя ходьба перешла в панический бег. Я спешил *домой*!

* * *

Я вбежал в ворота своего дома, задыхаясь от бега. Взглянув на пустые и темные окна, я ощутил непередаваемое чувство одиночества — полной пустоты...

Я пошел по аллее, видя голую землю там, где еще несколько часов назад все было покрыто зеленью. Там, где стояли тополя, зияли страшные ямы, шириной с фут. Только пучки сухих листьев напоминали о том, что здесь когда-то росли деревья.

Поднимаясь по ступенькам дома, я огляделся — только цепочка моих следов на превратившейся в пыль поч-

ве свидетельствовала о том, что здесь когда-то кипела жизнь. Открыв дверь, я вошел и остановился, чувствуя как сильно колотится в моей груди сердце.

— Барбро! — крикнул я. Мой голос в этой неестественной тишине, царившей вокруг, был похож на карканье попугая.

Пробежав через неосвещенную прихожую, я влетел в гостиную, потом в спальню. Всюду было безмолвие, нарушаемое только звуком моих шагов.

С трудом передвигая ноги, я вышел опять в прихожую и окликнул Люка. Я уже не ожидал ответа, мне было страшно и я хотел хоть немного нарушить эту ужасную тишину, страх того, что можно найти в этих больших, мертвых комнатах.

Но нигде ничего не оказалось!!!

В комнате был полный порядок, мебель стояла на своих местах, лишь часы на каминной полке были остановлены. И еще — в горшочках с цветами осталась только сухая мертвая земля. Я стоял, пытаясь осознать страшную истину: Барбро исчезла так же, как и все живое в столице Империума.

ГЛАВА II

Сначала я не слышал этот звук. Я сидел в пустой прихожей, глядя в окно на пустую улицу и прислушивался к биению моего опустошенного сердца. Затем до меня донесся этот звук — непрерывный шум, пока очень слабый, но явственный в безмолвном, пустынном городе. Я вскочил, подошел к дверям и был уже на ступеньках, когда мысль о том, что надо соблюдать осторожность, пришла мне в голову. Сейчас этот шум стал яснее — он походил на ритмичный топот, на поступь марширующего отряда и он — приближался!

Через мгновение я их увидел. Я бросился в помещение и наблюдал из темноты, как они проходят мимо, по четверо в ряд, большие парни, в однообразных бесформенных балахонах. Я попытался оценить их число — где-то около двухсот. Некоторые из них несли какие-то тяжелые свертки, другие — оружие, напоминавшее винтовки. Одного или двух поддерживали товарищи, вероятно, этот отряд недавно участвовал в каком-то сражении. Когда последние из них прошли мимо, я тихо побежал

по аллее, пользуясь прикрытием зданий, стоявших вдоль улицы, и начал преследовать незнакомцев, стараясь держаться не ближе сотни ярдов от них.

Теперь, когда первое ужасное потрясение прошло, я почувствовал странное чувство отрешенности, чувство человека, который один выжил после страшного катаклизма.

Отряд впереди меня двигался вдоль улицы Мигавитем. Это были мрачные, массивные солдаты, на голову выше меня (а мой рост — 6 футов), они не пели, не разговаривали, а просто шли, квартал за кварталом, мимо пустых машин, пустых зданий, пустых парков. Затем они повернули налево, на улицу Лисадевегем, и теперь я понял, куда они направлялись. Они шли к станции. Я наблюдал за ними; пока хвост колонны не завернул в массивные, украшенные орнаментом, ворота и не исчез за массивным порталом, который был сорван с петель. Один из солдат вышел из колонны и встал на пост возле ворот.

Я осторожно пересек улицу, подошел к боковому входу, вошел и направился к задней части здания. Спотыкаясь о комья земли на заброшенных клумбах, я шел вдоль стены, которая была видна в странном свете, исходящем не с неба, а скорее из земли. Каменная стена преградила мне путь. Я подпрыгнул, ухватился за край ее, подтянулся; перенес тяжесть тела через стену и спрыгнул на мощеный двор станции.

Около полудюжины шаттлов были припаркованы здесь. Это были машины специального типа, которые использовались только для работы на ближайших А-линиях, т. е. в мирах, дата общей истории которых различалась всего несколькими столетиями, там, где существовали другие Стокгольмы с улицами, на которых замаскированный шаттл не привлекал бы внимание.

Одна из машин стояла близко к стене здания. Я забрался на ее колесо, подтянулся и попытался поднять тяжелое двойное стекло в металлической раме в стене здания. Оно не поддавалось.

Я спустился вниз, порылся в багажнике шаттла, нашел молоток и постарался как можно тише выбить стекло из рамы. Но это произвело массу шума. Я замер, прислушиваясь, ожидая возмущенных криков. Но единственным звуком здесь было мое собственное дыхание и скрип амортизаторов шаттла, просевших под тяжестью моего тела.

Комната, в которую я проник через окно, оказалась ремонтной мастерской. Вдоль стен ее стояли длинные рабочие верстаки, на которых в беспорядке были разбросаны различные детали шаттлов. На стенах висели инструменты. Через дверь, находившуюся в дальнем конце мастерской, я вышел в коридор, ведущий к дверям гаражей. Изнутри их доносились какие-то негромкие звуки. Я слегка приоткрыл дверь и скользнул внутрь, под высокий сводчатый потолок ангара. Двойной ряд шаттлов Сети виднелся в полумраке. Здесь стояли тяжелые машины, рассчитанные на десять человек, стояли машины-разведчики, поменьше, рассчитанные всего на три человека. А в дальнем конце ряда стояли две одноместные машины новой модели. Они казались мошками на фоне ряда темных, больших машин странной конструкции, массивных и уродливых, как баки для мусора или как кучи металлолома среди элегантных установок имперской службы безопасности. Темные фигуры двигались между этими странными машинами, собираясь в группы возле каждой из них, подчиняясь раздававшимся то и дело командам.

Я прошел между стоящих шаттлов Империума и спрятался между двумя, откуда можно было удобно наблюдать за всем происходящим. Дверцы первых пяти устройств были открыты, я увидел, как человек в форме забрался во внутрь, за ним вскоре последовал другой. Кем бы они не были, эти солдаты, они явно перебазировались. Это были неуклюжие и тяжеловесные существа, с ног до головы одетые в мешковатые, темно-серые балахоны, на головах у них были шлемы с забралом из темного зеркального стекла.

Одна из имперских машин загораживала путь небольшому отряду незнакомцев, тогда двое подошли к ней и одним махом перевернули, поставив ее на бок. Мне захотелось невольно сжаться в комок и спрятаться как можно подальше. Ведь шаттл весил без малого две тонны.

Первый транспорт был, очевидно, уже загружен, так как группы солдат перешли к следующей установке и начали работу возле нее.

Время шло.

Минут через десять пришельцы закончат свою работу здесь и отправятся обратно в тот мир, откуда они прибыли. Мне было уже ясно, что это пришельцы из Сети. Раса людей, неизвестная Империуму, которая владе-

ла своим собственным приводом МК. Эти люди стали моим единственным связующим звеном с прежними «исчезнувшими» обитателями прежнего Стокгольма 0—0.

Ждать было нечего. Необходимо было последовать за ними, чтобы выяснить, что приключилось с обитателями Стокгольма 0—0, что случилось с Барбро???

Я набрал полные легкие воздуха и вышел из своего укрытия, чувствуя себя столь же незащищенным, как та крыса, которую вытащили из норы. Я пошел вдоль стены, увеличивая расстояние между собой и пришельцами. Моей целью был один из шаттлов разведчиков, быстрая маневренная машина с соответствующим вооружением и новейшим оборудованием. Я добрался до нее, открыл дверь. При этом раздался щелчок задвижки, который заставил мой желудок прилипнуть к ребрам. Но все было тихо.

Внутри было достаточно света, чтобы я мог осмотреться. Пробравшись в отсек управления, я уселся на сидение оператора и попробовал включить главный привод. Но ничего не произошло. Я попробовал нажать другие кнопки — безрезультатно. Привод МК был так же мертв, как и машины, брошенные на улицах города. Я поднялся, тихо открыл дверцу машины и вышел.

Я слышал шум, который издавали пришельцы, работающие в нескольких футах от меня, заслоненные рядом шаттлов. У меня в голове начала формироваться идея, которая на первый взгляд не очень-то и нравилась. Но делать было нечего, больше я ничего не мог пока придумать. Первое, что необходимо было сделать для ее воплощения — это необходимость пробраться на противоположную сторону ангара. Я обернулся...

Он стоял в пяти футах от меня, возле заднего крыла шаттла. При близком рассмотрении он выглядел еще выше. Широкоплечий, с руками, которые были облачены в перчатки размером с небольшой чемодан. Он сделал шаг по направлению ко мне, я отступил. Он сделал еще один шаг, почти лениво. Еще два шага и я стану виден всем работающим позади меня пришельцам. Я остановился. Пришелец продолжал двигаться ко мне, протянув одну руку с растопыренными пальцами, чтобы схватить меня.

Мое запястье дернулось, сработала силовая кобура и пистолет оказался в моей руке. В качестве точки прицеливания я выбрал место чуть пониже центра его груди и нажал курок. Когда раздался звук выстрела, человек словно сломался пополам и рухнул на пол со звуком, по-

хожим на звук упавшей на полном скаку лошади. Я перешагнул через труп и укрылся за следующим шаттлом. Казалось невероятным, что никто не услышал выстрела или падения жертвы — по звуки, доносившиеся из дальнего конца ангара, говорили о противоположном — они ни на секунду не прерывались. Я затаил дыхание и почувствовал, что мое сердце бьется в груди, как у пойманного зайца.

Все еще сжимая пистолет в руке, я вернулся и подошел к пришельцу, которого только что убил. Он лежал на животе, словно огромная медвежья шкура. Я перевернул незнакомца на спину. Через разбитое стекло шлема я увидел широкое грубое лицо, с пористой кожей и широким безгубым ртом, который был приоткрыт, обнажая квадратные желтые зубы. Маленькие глазки бледно-голубого, как небо, цвета, безжизненно смотрели из-под кустистых светлых бровей, которые росли непрерывной линией на лбу. Жирная прядь волнистых белокурых волос пробивалась у виска.

Я отступил от незнакомца, повернулся и вошел в тень машины. В качестве новой цели я наметил последний из стоявших в ряду шаттлов пришельцев. Чтобы добраться до него, мне необходимо было пересечь открытое пространство примерно футов 50, которое освещалось тусклым светом, лившимся из окон ангара. Я сделал шаг вперед и пошел, стараясь не создавать шума, и замирая каждый раз, когда кто-либо из пришельцев поворачивался в мою сторону. Я уже почти достиг цели, когда один из незнакомцев, командовавший отрядом, направился в ту сторону, где лежал труп. Видимо, он обнаружил, что одного из его солдат не хватает на месте.

У меня было в запасе полминуты, прежде чем он поднимет тревогу. Я спрятался в тень шаттла-заправщика, быстро добежал до последней машины в линии, огляделся и забрался вовнутрь.

Здесь стоял тошнотворный, животный запах. Предметы были непропорциональны своими размерами для глаз человеческого существа. Я быстро осмотрел пульт управления, экраны и кресло оператора. Все было смутно знакомым, но сильно отличалось от привычных очертаний шаттлов Империума сотнями деталей, а также размерами и формой. Я взгромоздился на высокое твердое сидение и уставился на квадраты и круги пластика, светящиеся различными оттенками коричневого и фиолетового. Странные символы были нанесены на некоторых

изогнутых рычагах, торчащих из пульта управления, выкрашенного в темно-желтый цвет. Пара педалей, выступавших из пола под пультом была вытерта до блеска ногами операторов. Я смотрел на пульт и чувствовал, как покрываюсь холодным потом. Сейчас поднимется тревога и если мое решение будет неверным — я погиб.

Обычный рубильник в центре пульта управления привлек мое внимание. Вокруг него на пульте были потертости и царапины. Это свидетельствовало о частом применении рубильника. Ничего не оставалось, как нажать на него.

Снаружи донеслись громкие крики. Офицер поднял тревогу и сейчас... Я резко дернулся и ударился коленом об острый угол пульта. Боль придала мне решимости. Я сжал зубы, схватился за рубильник и нажал на него. В то же мгновение огни стали меркнуть. Дверца машины с тихим щелчком захлопнулась и началась сильная вибрация, заставившая дребезжать плохо закрепленные предметы внутри установки. На пульте замигали какие-то лампочки, на начавших светиться экранах затанцевали какие-то линии. Я почувствовал едва ощутимый удар по корпусу шаттла. Видимо, один из пришельцев хотел попасть вовнутрь машины, но немного опоздал.

Спустя мгновение, после того, как я нажал на рубильник, экраны внешнего обзора прояснились. Я увидел пейзаж полного опустошения под небом без единой звезды — обычное запустение Трущоб. Поле МК начало действовать! Похищенный шаттл понес меня через Сеть параллельных миров, понес с огромной скоростью, судя по быстрой смене пейзажа снаружи.

Мне-таки удалось совершить побег. Теперь необходимо было выяснить, как управлять этой чужой машиной.

Получасовое изучение пульта было достаточным, чтобы дать мне общее представление о назначении клавиш. Теперь я был готов попытаться управлять шаттлом.

В взялся за рычаг управления, потянул его, но он не сдвинулся с места. Тогда я опять дернул его. Мне удалось только немного сдвинуть его. Я встал и всем телом надавил на рычаг. С резким звуком рычаг обломился. Я сел в кресло и безнадежно уставился на мерцающие огоньки пульта. Очевидно, управление машиной было заблокировано. Владельцы шаттла приняли меры предосторожности против потенциальных угонщиков, пытающихся направить похищенную машину в какую-то про-

извольно выбранную ими А-линию мира. Курс моей машины был предопределен. Я был беспомощен что-либо изменить.

ГЛАВА III

Прошло два часа, а шаттл все двигался в неисследованные и ненанесенные на карту участки Сети. Я сидел, наблюдая фантастическую смену пейзажей на экранах, которую капитан Винтер обычно называл А-энтропией. Скорость, с которой я двигался, была гораздо выше той, которая когда-либо достигалась техниками Империума. При такой скорости живые существа на экранах обзора было невозможно различить — человек исчезал из поля зрения за доли секунды, но улицы, здания и другие части пейзажа проносились вокруг меня, меняясь на глазах. Отдаленно знакомые здания пересекались друг с другом, сужаясь или раздаваясь вширь. Я видел, как дверные проемы изменялись, как гранит рассыпался прахом и превращался в пыль. Буквы на вывесках и рекламах изменялись, теряли форму и постепенно превращались в ничего не значащие символы. Я видел хижины и лачуги, которые теснились вокруг огромных зданий, видел, как эти колоссы постепенно разрушались и сравнивались с землей. Балконы на зданиях превращались в террасы, увеличиваясь или исчезая совсем...

Темные мрачные ребристые колонны пропали небеса. Я видел, как они разрушались, превращаясь в пыль...

Но мере того, как мой шаттл мчался сквозь линии вероятностей, целые цивилизации расцветали у меня на глазах и через мгновение превращались в прах.

Я сидел, в оцепенении наблюдая, как вокруг меня меняется вселенная. Вскоре я почувствовал, как моя голова начинает клониться, а глаза болеть, словно засыпанные песком. Я вспомнил, что давно не ел и не спал. Сколько же прошло часов???

Я обшарил отсек и обнаружил грубошерстяное одеяло, от которого отвратительно пахло стойлом. Но я был слишком уставшим, чтобы перебирать. Расстелив одеяло на полу между креслом оператора и силовым отсеком, я растянулся на нем и непреодолимая усталость охватила меня.

Потом я вдруг проснулся... Равномерный гул шаттла изменился и превратился в прерывистое жужжание. Судя по моим часам, я находился здесь уже около трех часов. Хотя, по меркам Империума, это путешествие было недолгим, фантастически быстрая машина пришельцев проникла за это время в такие районы Сети, которых имперские разведчики никогда не достигали.

Я с трудом поднялся и постарался достаточно широко раскрыть глаза, чтобы посмотреть, что показывают экраны.

Это напоминало кошмарный сон — странные кривые башни возвышались из темных пустых каньонов, узкие протоптанные дорожки извивались среди куч мусора, арок без дверей, разрушенных зданий. На более широких дорожках я успел заметить повозки на высоких колесах, груженных непонятными кучами металла, дерева и кожи.

С высеченных из камня пилястров на меня смотрели гротескные лица существ, напоминающих дьяволов ацтекских племен. Пока я рассматривал все это, шум шаттла превратился в шорох, который через мгновение и вовсе смолк. Постоянно меняющаяся картинка на экранах внешнего обзора превратилась в неподвижную реальность. Я куда-то прибыл. На улице, если можно так назвать заваленную мусором дорогу, никого не было. Тот же странный свет, который я видел на улицах Стокгольма 0-0, слабо исходил от каждой поверхности, лежавшей под чистым и чужим небом над моей головой.

Затем, совершенно неожиданно, на меня накатилась волна темноты. Меня согнуло пополам. Мне казалось, что шаттл ходит подо мной ходуном, то поднимаясь, то опускаясь. Какие-то необъяснимые силы скрутили меня как медную проволоку и протащили через игольное ушко, а потом бросили в беспамятстве...

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на спине совсем обессиленным. Странная сила, которая недавно владела мной, исчезла. Я мог дышать всей грудью, мог шевелить руками и ногами, отчетливо видел мигание огоньков на пульте управления. Мое колено страшно болело, и когда я бросил на него взгляд, то увидел кровь, выступающую на брюках.

Я встал и первым делом посмотрел на экраны внешнего обзора. Улица, которая совсем недавно была пуста, сейчас была наводнена толпой, толпой приземистых, не-

уклюжих длинноруких созданий, которые толкались, шумели, волновались в игре света и тьмы.

Позади себя я услышал грохот металла. Обернувшись, я заметил, что дверная защелка отошла в сторону и дверца шаттла распахнулась. Огромное тело ввалилось вовнутрь машины. Это было чудовище, снабженное клыками, с бугристой, лысой головой, с широким безгубым ртом, огромными странно замысловатыми ушами, массивным коренастым телом, затянутым ремнями и обвешанным звенящими браслетами, явно не вяжущимися с волосатым телом белокурой гориллы.

Мышцы на моем запястье напряглись, готовые отдать приказ силовой кобуре пистолета, но в ту же секунду я расслабился и опустил руку. Свободно убив это чудовище и следующее, разве я мог бороться со всем этим миром? На карту было поставлено значительно больше, чем моя жизнь. Минуту назад я увидел, как тихое пустынное место превратилось в заполненную толпой улицу, залитую солнцем и наполненную движением. Если эти светловолосые обезьяны знали секрет этого превращения, тогда, может быть, мой Стокгольм 0-0 сможет вернуться к жизни... если только я разгадаю этот секрет...

— Хорошо, хорошо, парень,— успокаивающе заговорил я вслух.— Я буду вести себя спокойно...

Существо схватило мое плечо рукой, похожей на механическую лопату, оторвало от пола и бросило в открытую дверь. Я ударился о косяк, отскочил и вылетел наружу, окунувшись в запах, подобный тому, который могут издавать падаль и капуста, гниющие одновременно.

В косматой толпе, окружившей меня, раздалось невнятное рычание. Передние отскочили назад, возбужденно переговариваясь. Я поднялся на ноги, стряхивая отвратительно воняющий мусор, который прилип к моей одежде, но сзади уже подошел мой незнакомец. Он резко толкнул меня вперед, не говоря ни слова. Я поскользнулся на корке и снова упал. Что-то ударило меня по плечам, когда я попытался подняться. Я упал лицом в вонючие отбросы, пропахав в них широкую борозду. В моей голове вспыхнули звезды, похожие на салют, который я видел много лет назад в другом мире. В мире, который был моей родиной, в котором жили мои родные и близкие...

Очнувшись, я почувствовал, что ноги мои волочатся по земле, а сам я зажат в стальных тисках рук двух белокурых горилл. Так я и шел — то сам, то меня тащили

эти мерзкие чудовища, прокладывая путь, как тараи, в шумящей, наполненной всевозможными запахами, толпе. Глаза этих существ, похожие на голубые мраморные камешки, смотрели на меня как на жертву какого-то заразного заболевания.

Незнакомцы тащили меня довольно долго. За это время я постарался приучить себя к мысли о странности того, что меня захватили в плен существа, вызывающие воспоминания о великанах и людоедах. Обычно такое происходило в сказках, но это была не фантазия, а реальная жизнь, жизнь вонючая и грязная. Бесцеремонное почесывание своих волосатых тел пальцами, напоминающими стволы молоденьких деревьев, слюни, капающие с открытой зловонной пасти, в которой блестели большие желтые клыки...

Вскоре мы вышли на более широкую и более чистую улицу, вдоль которой были расположены странные многоярусные лавки, в которых продавцы, присев на корточки, смотрели вниз с верхних ярусов, предлагали свои товары, опускали вниз покупателям их покупки и поднимали вверх плату — толстые квадратные монеты из какого-то странного металла. Здесь были свалены в кучу фрукты, странной формы глиняные горшки всевозможных размеров, мотки серой пряжи, листы металла, полосы кожи, упряжь и прочее. И на этом фантастическом базаре толпились существа, почти похожие на людей. Десятки рас, высоких и низких, разного цвета кожи, с большими пучками густых волос, свисающих над ярко-красными лицами. Невероятно высокие худощавые создания с блестящим темным мехом, удивительно короткими ногами и плоскими ступнями... широкие приземистые существа с круглыми плечами и длинными висячими носами.

Одни из них носили большие медные кольца на длинных цепочках из полированной меди, у других были по одной или по две безделушки, приколотых к кожаным полосам, составляющим их одежду, а у третьих, наиболее жалких на вид, с мозолистыми руками, не было вообще никаких украшений. Над всей этой пестрой толпой, как живой навес, летали, громко жужжа, сине-зеленые мухи.

Мы дошли до конца улицы и после короткой остановки, которая понадобилась для оттеснения некоторых наиболее любопытных зрителей, очутились перед широкой, засыпанной мусором, лестнице из необработанного кам-

ня. Меня протащили по ступенькам, втолкнули в дверной проем, и передали двум неуклюжим низкорослым существам, лишь отдаленно напоминавшим людей. Следом за ними, из сумрака этого здания, пахнущего зоопарком, последовали другие существа, пытавшиеся подойти поближе ко мне, чтобы посмотреть и потрогать мою одежду своими длинными, негнущимися, уродливыми пальцами. Я отшатнулся, прислонился к стене, но тут стражники подхватили меня под руки и потащили вдоль по проходу, напоминавшему туннель, пробитый в скале. Я попытался было запомнить все эти повороты, в надежде на то, что мне удастся бежать, но вскоре прекратил это бессмысленное занятие. Здесь было почти темно, только маленькие желтоватые лампочки накаливания, расположенные через каждые пятьдесят футов, создавали немного света. В этом неверном полумраке был виден грязный пол и грубосработанные стены.

Приблизительно через сотни две ярдов туннель расширился, и мы оказались в мрачном, небольшом зале. Один из моих сопровождающих, порывшись в груде мусора, извлек широкую полосу толстой темной кожи, прикрепленной узким кольцом к стене. Он обмотал ее вокруг моего правого запястья и, хлопнув по плечу, отошел и сел на корточки у дальней стены. Его напарник что-то ему прорычал, потом кивнул головой и пошел дальше по коридору. Через мгновение его фигура уже не была видна в темноте.

Я разгреб влажный мусор на полу пещеры, чтобы освободить себе место для сидения и стал ждать. Рано или поздно, кто-то из властей этого мира захочет лицезреть меня и допросить...

Едва я успел удобно устроиться на этом грязном полу, подумать, насколько странно мягким кажется пол для такого грубого на вид камня, как чья-то нога «легонько» коснулась моего бока. Я со вскриком открыл глаза, попытался встать. Но меня уже подняли на ноги, дернув за полосу кожи, закрученной вокруг руки. И снова мой путь лежал по этому мрачному туннелю. Ноги у меня были ватными, в животе начались рези. Я попытался подсчитать, сколько времени был без еды и питья, но сбился со счета. Мой мозг работал медленно, как часы, погруженные в вязкое масло.

И вот, наконец, мы достигли цели. Так как мы все время поднимались вверх, очевидно, это помещение находилось в верхних этажах здания. Зал имел форму не-

правильного круга с куполообразным потолком. Вдоль грубообработанных стен виднелись темные ниши. Стоял ужасный запах навоза. Это помещение больше напоминало стойло, чем человеческое жилище. У меня возникло желание оглянуться и, может быть, в последний раз посмотреть на туннель, из которого я только что вышел.

В некоторых нишах возле входа в туннель лежали какие-то кучи ветоши. Вдруг одна из них зашевелилась и я понял, что это живое существо, невероятно старое, являющееся представителем той расы, которая пленила меня. Мои охранники подтолкнули меня к этому ожившему трупу. Сейчас они вели себя гораздо скромнее, как будто в присутствии очень уважаемых людей.

В скудном свете, пробивавшемся из отверстий в потолке, я увидел как рука, похожая на одетую в серую перчатку, клешню, поднялась в конвульсивном движении и начала ворошить скудную растительность на груди старца. Теперь я разглядел его глаза: тускло-голубые, они были наполовину закрыты опущенными веками. Не мигая, они в упор рассматривали меня. Ниже, из больших ноздрей торчали пучки седых волос. Рот был тонкий, с поджатыми губами. Остальная часть лица была маской сальных седых волос, с которых выпирали невероятно большие уши, розовые и голые. Вздохнув, я едва не потерял сознание от запаха гниющего мяса.

Старец издал каркающий звук. Я подождал реакции своих телохранителей, и она не замедлила проявиться. Один из них основательно тряхнул меня.

— Простите, ребята, но я ничего не понимаю,— как можно умоляющим тоном проговорил я.

Старец подскочил, как будто его толкнули горячим железным прутом. Он что-то заверещал, указывая все время на меня. Потом начал прыгать, с невероятной для его возраста энергией, продолжая пронзительно кричать что-то на своем языке. Внезапно он остановился и что-то показал рукой, так как один мой охранник почти вплотную подтолкнул меня к нему. Я смотрел в его голубые глаза, столь же человеческие, как и мои. Глубоко посаженные на этом карикатурном лице. Видел поры кожи на носу, величиной со спичечную головку. Видел струйку слюны, которая стекала из приоткрытого рта на подбородок...

Внезапно старец отвернул голову и бросил несколько фраз. Когда он закончил, откуда-то слева раздался тонкий голосок. Я обернулся и увидел, как еще одна куча

тряпья зашевелилась в одной из ниш. Мои стражники подтолкнули меня к этому старцу, еще более уродливому, чем первый, и держали там до тех пор, пока тому не надоело меня рассматривать. Пока этот долгожитель меня рассматривал, мой взгляд упал на нишу, расположенную несколько выше остальных. В сумраке, я с трудом разглядел торчащие ноги скелета, пустые глазницы черепа, массивные челюсти и тонкую кожаную полосу, все еще охватывавшую шейные позвонки. Видимо, высшие посты в этом храме были пожизненными.

Резкий рывок за руку вернул меня к действительности. Старец рядом со мной заверещал. Он раздвинул губы, обнажая старые желтые десны — язык похожий на розовый носок, набитый песком, задергался, извергая оглушительный визг. Это разбудило еще двух старейшин — с нескольких сторон послышались оглушительные вопли и карканье. Мои охранники подвели меня к следующему старику — древнему толстяку с большим волосатым животом, на котором огромные черные паразиты прокладывали себе дорогу, как гончие, потерявшие след зверя. У этого даже остался один зуб — кривой и желтый клык длиной в дюйм. Он показал мне его и издал какие-то хлюпающие звуки. Затем, отклонившись назад, он резко подался вперед и ударил меня рукой, длинной как портальный кран. Мои телохранители вовремя подхватили меня, не дав упасть на камень пола. Я мысленно поблагодарил их за такую заботу. Несмотря на свой солидный возраст, старик вполне мог бы свернуть мне шею, если бы удачно попал.

Услышав ворчливый звук, идущий из ниши, расположенной высоко в темном углу, мы направились к ней. Оттуда сначала показалась рука, на которой недоставало двух пальцев, а затем я увидел половину лица, уставившегося на меня. Были видны шрамы и голые кости в том месте, где должна была бы быть правая щека. Глазница правого глаза была на месте, но она была пуста. Рот, у которого не хватало правой половинки, плотно не закрывался, что создавало впечатление вечной улыбки, которая была столь же ужасна на этом лице, как стрижка пуделя на гиене...

Некоторое время я стоял посреди зала, а совет старцев решал, очевидно, что со мной делать. Один из них до такой степени разозлился, что плюнул в лицо толстяка, который тут же ответил обидчику, бросив пригоршню грязи. Вероятно, это послужило сигналом к окончанию

обсуждения. Мои стражи попятились назад, волоча меня за собой и потащили в туннель, а оттуда началось мое долгое путешествие по его извилистым проходам.

Через некоторое время я оказался в каком-то длинном коридоре. Здесь находилась каменная скамья, грубые полки на стенах, на которых я с содроганием заметил какие-то предметы, похожие на гробы. Все это освещалось тусклой лампочкой, в свете которой я заметил на полу огромные кучи мусора, из которого доносился булькающий звук.

Меня привязали за лодыжку и разрешили сесть на пол. Длинная плошка с какой-то бурдой была предоставлена в мое распоряжение. Я понюхал ее и отставил в сторону, не до такой степени я был голоден, чтобы хлебать это пойло.

Прошел приблизительно час. У меня было такое ощущение, будто я чего-то жду. Моя охрана сидела в противоположном углу, пожирая скудные припасы. С удивлением я внезапно обнаружил, что странный отвратительный запах в этом помещении не так уже беспокоит меня, видимо, мое обоняние просто привыкло к нему.

Вскоре из угла коридора появилось еще одно существо и начало что-то властно каркать. Мои друзья-охранники снова двинулись в путь. На этот раз мы шли куда-то вниз, поворачивая то вправо, то влево, через какие-то залы и вдруг оказались на улице, возле лестницы. Но спускаться нам не пришлось, так как мои стражи повели меня в какую-то другую дверь и опять начались наши кружения по темным коридорам. Через какое-то время я с удивлением обнаружил, что мы уперлись в тупик. Тот страж, который шел слева от меня, схватил за руку, подтолкнул меня к круглому отверстию в стене, которое я заметил только уткнувшись в него. Отверстие находилось примерно в дюймах 18 от пола и имело около двух футов в диаметре. Человек с огромным трудом мог протиснуться сквозь него.

Я уже знал, чего от меня хотят, и на мгновение заколебался. Это было похоже на ловушку. Оказавшись внутри, как оттуда выбраться? Возможность побега совсем исчезла, хотя я не был уверен в том, существовала ли она раньше.

Удар по голове отбросил меня к стене. Я упал на спину. Тот, кто ударил меня, стоял надо мной, намереваясь нанести еще один удар. Тут уже я не выдержал. Не думая о последствиях, я согнул ногу в колене и на-

нес противнику резкий удар в пах. Тот согнулся пополам и начал визжать. Я вскочил и мой второй удар пришелся ему прямо в челюсть. Противник упал на пол и начал кататься по туннелю, сопя от боли. Я почувствовал торжество, но тут вторая горилла схватила меня и буквально бросила в отверстие в стене. Не дожидаясь следующего удара, я быстро вполз внутрь и сразу ощутил сырой холод и очень острый запах, напоминающий запах хорошо выдержанного сыра. Я встал на колени, держа в руке пистолет, решив, что если кто-то из этих обезьян сунется сюда, то он непременно получит пулю в лоб. Но они, очевидно, решили оставить меня в покое, потому что через секунду я увидел их тени, исчезающие в конце коридора. Видимо, приказ старейшин запрещал, во всяком случае, пока наносить пленникам большой вред.

ГЛАВА IV

Обычно, что первое приходит человеку на ум, оказавшемуся в замкнутом темном пространстве — это оценить размеры помещения. Конечно, я мог выбраться в коридор, но, вспомнив, какие я получил удары для того, чтобы попасть сюда... а кроме того, даже если я и вылезу назад в коридор, то как я найду дорогу назад, дорогу на солнечный свет? Поэтому пока (заметьте, пока) я решил остаться здесь.

Я решил начать от входа. Сделал шаг фута на три и сразу же наткнулся на каменную стену. Вернувшись к исходной точке, я сделал шаг в другую сторону и вдруг из темноты услышал какой-то звук. Я остановился, застыв с поднятой ногой, затаив дыхание и прислушиваясь.

— Мен за на,— довольно мелодичный тенор откуда-то из темноты произносил довольно бессмысленные фразы.— Стам зи?

Я сделал шаг назад. Пистолет все еще был у меня в руке. Тот, кто издавал эти звуки, имел преимущество надо мной. Он видел меня, так как я четко вырисовывался на фоне слабого света, льющегося из входного отверстия.

При этой мысли я буквально упал на пол.

— Бон жур, ами,— опять произнес голос.— Э ву...

Кем бы ни был незнакомец, скорее всего он тоже был пленником. Язык, на котором он говорил, не был похож на язык горилл, но, тем не менее, у меня не было сильного желания бросаться в его объятия.

Снова раздался голос и на этот раз я почти понял смысл фразы.

Акцент был ужасный, но это был почти настоящий шведский!

— Может быть, ты англик? — опять проговорили из темноты.

— Может быть,— ответил я голосом, похожим на карканье вороны.— А кто вы?

— О, хорошо! — акцент у незнакомца был похож на венгерский.— Почему поймать тебя они? Откуда приходить ты?

Я отполз на несколько футов в сторону, чтобы на меня не падал свет. Пол подо мной приподнимался. Я хотел посветить себе зажигалкой, но тут же понял, что это превратило бы меня в отличную мишень и передумал. Кто знает, вдруг этот парень имеет что-то дурное в мыслях, а в этом мире я пока с другим не сталкивался.

— Не надо бояться меня,— произнес голос.— Я друг.

— Я спрашиваю вас, кто вы? — повторил я. Мои нервы были на пределе. Я был уставшим, голодным и избитым уже немолодым человеком. И говорить с каким-то неизвестным голосом из темноты было совсем не тем, что могло бы успокоить мои нервы.

— Сэр, я имею честь представить себя,— опять раздался его тенор,— вы говорите с полевым агентом Дзоком!

— Что? Полевой агент?

— Для того, чтобы мы побольше друг другу доверяли, я предлагаю поближе познакомиться,— предложил неизвестный Дзок.— Пожалуйста, говорите еще. Я смогу точнее идентифицировать вашу речь.

— Я говорю по-английски,— сообщил я.

— Английский? Ага. Теперь я постараюсь говорить лучше. Это не очень хорошо знакомый мне язык, но я надеюсь, что мои лингвистические познания не подведут меня. Они у меня одни из самых полных, которых могут достичь агенты класса А. Как вы меня понимаете?

Сейчас голос звучал гораздо правильней и уверенней.

— У вас получается прекрасно,— заверил я незнакомца и опять изменил свое местонахождение, перека-

тившись несколько раз по полу. Но, не зная размеров помещения, я перестарался и ударился о каменную стену головой, которая тут же отозвалась взрывом оглушительной боли. Очнулся я внезапно, почувствовал, как чья-то рука коснулась моей груди.

— Простите, старина,— голос звучал совсем рядом,— мне надо было бы вас предупредить. В первые дни моего пребывания в этом склепе я сам несколько раз проверял крепость этих стен ударами своего тела.

Я сел и отправил пистолет назад в кобуру. Вряд ли в этом каменном мешке несколько дней подряд мог находиться враг.

Я сел и потрогал ссадину на локте. Резкая боль ударила по нервам.

— Я вижу, что вы повредили локоть? — сказал мой товарищ по камере.— Позвольте мне смазать его мазью.

Я услышал шуршанье, звуки щелчка застежкой. Вытащив свою зажигалку, я зажег ее, и поднял вверх. И тут от удивления мой рот широко раскрылся.

Агент Дзок сидел, скорчившись, в ярде от меня. Голова его была повернута в сторону от яркого света и в руках была сумка. Руки были покрыты довольно густой, короткой шелковистой красновато-коричневой растительностью, которая открывалась под не очень свежими манжетами белой униформы. Я увидел толстые руки, маленькую, круглую головку: темную кожу, длинный нос. Дзок повернул свое лицо ко мне, моргая желтоватыми глазами, расположенными близко друг от друга над широким ртом, который раскрылся в улыбке, обнажая квадратные ровные зубы.

— Свет несколько чересчур яркий,— сказал он своим мелодичным голосом.— Я нахожусь так долго в темноте...

Я отключил зажигалку.— Извините меня,— промямлил я.— Все же, кто вы?

— Похоже, что вы немного испуганы,— сказал Дзок несколько удивленным тоном.— Вы, видимо, никогда не встречались с представителями моей расы гуманоидов?

— Знаете, у меня была довольно страшная теория, что мы гомо сапиенс являемся единственной разумной ветвью нашего семейства,— сказал я,— то, что я встретил этих ребят снаружи, было для меня потрясением. А теперь вы!

— Понятно... Я думаю, что наши две ветви гуманоидов разошлись в своем развитии на уровне начала плей-

стоцена. Хегруны несколько позже отделились, примерно... в конце этого периода, скажем полмиллиона лет назад.— Дзок засмеялся.— Так что видите, они являются вашими более близкими родственниками, чем мы. Хотя, я думаю, эти новости вас не сильно обрадовали.

Рука Дзока коснулась моего локтя и начала наносить какую-то прекрасно пахнувшую мазь. Прохладная масса начала буквально тут же снимать боль с раны.

— Как им удалось поймать вас? — поинтересовался Дзок.— Я уверен, что вы из группы, которую они захватили во время рейда.

— Насколько я знаю,— я немного поморщился, хотя боли не почувствовал,— в этом мире я единственный человек.

Дзок показался мне довольно дружелюбным созданием, но уж больно он был волосат. Особенно после того, как я увидел, что он отстоит от гомо сапиенсов еще дальше, чем хегруны. Инстинктивно я не мог не объединять их в одно целое. Хотя если разобраться толком, Дзок больше походил на мартышку, чем на гориллу.

— Любопытно,— проговорил Дзок.— Обычно они берут в плен не менее пятидесяти человек. Думаю, что такой размер является минимальным, чтобы провести необходимый анализ культуры, языка, науки и социального строя.

— Необходимый для чего?

— Для того, чтобы полнее использовать пленников. Хегруны являются ловцами рабов, естественно.

— Почему естественно?

— Ну, я предполагал, что вы догадаетесь об этом, тем более будучи сами словленным.— Дзок сделал паузу.— Но, может быть, вы относитесь к другой категории? Вы говорите, что были единственным, кого они взяли в плен?

— А вы? — Я сделал вид, что не расслышал его вопроса.— Как вы попали сюда?

Полевой агент вздохнул.

— Боюсь, что я был несколько неосторожен. У меня было наивное представление, что в этом скоплении народов, мне удастся остаться незамеченным. Я ошибался — меня мгновенно обнаружили. Я был избит, переправожден сюда, представ перед трибуналом старцев, которые устроили мне допрос. Но я сделал вид, что ничего не понимаю.

— Вы что, знаете язык этих созданий? — перебил я его.

— Естественно, мой дорогой друг. А как же иначе? Агент класса А вряд ли чего-то бы стоил без знания туземного языка!

Я пропустил эту похвальбу мимо ушей.

— Какие вопросы они задавали вам?

— А, всякую ерунду. Некосмополитическим расам очень трудно общаться на уровне общих значений. Основные культурные позиции наших цивилизаций сильно отличаются друг от друга.

— Но, по-моему, мы с вами прекрасно понимаем друг друга,— заметил я.

— Да, не забывайте, что я все-таки агент класса А Власти! И нас специально готовят для коммуникабельности.

— Может быть, вы начнете немного раньше? — не вытерпел я.— О каких Властях вы говорите? Как вы попали сюда, прежде всего? Откуда? Где вы научились английскому?

К этому времени Дзок уже закончил врачевать мою рану. На мои вопросы он добродушно рассмеялся. Казалось, его ничуть не волнует то, что он находится в столь печальном положении.

— Можно я буду отвечать на ваши вопросы по порядку? Давайте передвинемся ко мне. Я нашел здесь сухое местечко и натащил сюда тряпья. Кроме этого, я думаю, вы захотите перекусить после той бурды, которую вам предлагали.

— У вас есть пища? — изумился я.

— Да. Это своего рода НЗ. Я использую его очень экономно. Пищи немного, но она весьма калорийна.

Мы взобрались на кучу тряпок в дальнем правом углу камеры. Я растянулся на спине и принял из рук Дзока капсулу величиной с наперсток.

— Проглотите это,— сказал Дзок.— Это сбалансированный рацион на 2 часа. А вот это вода,— с этими словами он протянул мне толстенную глиняную чашку.

Я положил в рот капсулу и с трудом проглотил ее.

— Ваше горло, наверное, немного шире, чем мое,— сказал я.— Ну, а теперь, когда мы насытились, может быть, перейдем к моим вопросам?

— Ах да! Власть! В общем, говоря вашими понятиями. Власть — это великое правительство Сети, которое

осуществляет правление над всеми параллельными мирами этого района...— Дзок замялся.

Я слушал и представлял себе, как воспримут эти новости власти Империума, если я вернусь, вернее, если будет куда возвращаться.

Оказывается, существует даже не одна раса, путешествующая по Сети!!! По крайне мере, сейчас мне стало известно еще две расы! Каждая столь же чуждая по отношению к другой, как каждая из них по отношению ко мне. И все эти расы, включая и нашу, имеют определенные требования к своей территории и притязания на дальнейшее ее расширение.

Дзок продолжал рассказывать:

— Естественно, работа в секторе англиков была ограничена по совершенно понятным причинам.

— Каким же?

— Наши ребята вряд ли могли бы долго быть незамеченными среди вас,— сухо ответил Дзок.— Поэтому мы очень мало внимания уделяем этому сектору.

— Но вы были у нас?

— Да. Но это только обычный надзор, и, в основном, только в нулевое время, естественно.

— Вы слишком часто повторяете слово «естественно»,— заметил я.— Но, продолжайте, продолжайте, я вас слушаю.

— Наши карты этого района весьма схематичны. Мы знаем, что там существует довольно обширная пустынная область — зона, как мы ее обычно называем — внутри которой не существует никаких миров. Зона окружена довольно широким спектром соотнесенных линий вероятности. И все они имеют один общий источник культуры, так называемое Северно-Европейское Техническое Ядро. Прямо скажем, довольно-таки примитивная технология, но все-таки первые проблески просвещения начинают там возникать.

Он продолжал описывать широкие просторы А-линий, которые составляли сферу деятельности Власти. Я не стал обращать его внимания на неправильное представление в отношении полного отсутствия жизни в Зоне или его полном невежестве, что существует еще и третья раса, имеющая возможность путешествовать по Сети. Это все я решил держать при себе.

— Сфера деятельности Властей постоянно расширяется и последние пятнадцать столетий,— говорил агент,— довольно значительно. Конечно, наши уникальные спо-

собности перемещений по Сети, накладывают на нас определенную ответственность. Теперь мы уже преодолели первоначальную тенденцию вмешиваться во все дела миров. Власти в настоящее время осуществляют только политику поддержания мира и надзор за преступностью. Плюс к этому получают так же сырье и готовую продукцию.

— Понятно,— кивнул я. Когда-то мне уже приходилось слышать нечто подобное из уст Виттера, Рихтгофена и других, когда я только прибыл в Стокгольм 0-0.

— Моя миссия,— продолжал Дзок,— заключалась в том, чтобы выяснить, кто стоит за этими рейдами Хегрунов. Вы только знали бы сколько хлопот представляют Власти эта охота за рабами! Ведь они нередко заходят на нашу территорию! Я должен был на основании этого обследования выдать рекомендации по устранению этих рейдов. Но, похоже, что я недооценил хегрунов. Меня арестовали через четверть часа после прибытия.

— А английский вы изучили во время визита в наш сектор? — поинтересовался я.

— Я лично никогда не был в Зоне, но языковые библиотеки нашего Центра имеют запасы всех ваших диалектов.

— Ваши друзья знают, где вы находитесь?

Дзок вздохнул.

— Боюсь, что нет. Я хотел выслужиться. Теперь я понимаю, что был неправ, но уже поздно. Я представлял, как вернусь в штаб и представлю готовое решение. А вместо этого... Ну что ж, через некоторое время они, конечно, заметят мое длительное отсутствие и займутся поисками. А тем временем...

— Что тем временем? — забеспокоился я.

— Я могу только надеяться, что мои друзья окажутся здесь раньше, чем придет моя очередь.

— Ваша очередь для чего?

— А вы разве не знаете, старина? Да, конечно, не знаете. Ведь вы раньше никогда не слыхали о хегрунах. И не знаете их языка. Все объясняется недостаточностью продуктов в их мире. Хегруны канибалы! Пленники, которым не удается доказать свою полезность, подлежат уничтожению и их тела идут в пищу.

— И сколько же времени нам отпущено? — спросил я.

— Я нахожусь здесь около... по вашим меркам, трех недель... Когда я впервые попал в эту камеру, здесь уже находилось двое бедняг. Парочка рабов с низким уровнем

интеллекта. Насколько я смог определить, они сидели уже две недели. И вот только позавчера их увели. Думаю, давали обед в честь высокого начальства. Так что, мой друг, недели две мне отпущено...

Я кажется начал понимать агента Дзока. За его беззаботным тоном скрывалась больная озабоченность тем, что он может раньше времени оказаться в глотке Хегрунов.

— В таком случае, я предлагаю немного поразмыслить над проблемой дальнейшего пребывания здесь,— заметил я.

— У меня есть кое-какие идеи относительно этого,— кивнул головой Дзок,— но это потребует усилий двух человек.

— В чем же заключается ваш план?

— Нас охраняют двое хегрунов, которые находятся в коридоре. Нам необходимо будет заманить одного из них сюда и расправиться с ним. Думаю, это будет не слишком трудно.

— А как же второй?

— Это несколько сложнее, но тоже вполне выполнимо. Я здесь припрятал кое-что из моего снаряжения. Кроме того, по памяти я нарисовал схематический план этого храма. Нам важно преодолеть около двух сотен ярдов, прежде чем попадем в боковой проход, который я наметил для побега. Единственной нашей надеждой будет то, что мы не должны встретить на протяжении этих длинных ярдов ни одного хегрунa, так как ваша маскировка не выдержит близкого рассмотрения.

— Маскировка? — Я испытывал странное чувство, как будто вижу кошмарный сон алкоголика.— А в кого я буду маскироваться? В Дракулу или в Человека-Волка?

Голова у меня кружилась, глаза слипались. Я свернулся калачиком на куче тряпья. Голос Дзока доносился как бы издалека.

— Отдохните как следует, а я все приготовлю. Только после этого мы осуществим свой план.

Я проснулся от звука голосов, визгливых и сердитых. Я сел, протирая глаза. Дзок сказал что-то миролюбивым тоном и в ответ раздался писклявый голос, больше похожий на крик рассерженной крысы, чем на голос разумного существа. Я почувствовал запах хегрунa. Даже в затхлом воздухе камеры вонь рассерженного гориллообразного человека не давала дышать. Я рассмотрел

его — он стоял у входа, причем с нашей стороны. Меня поразило, как он мог сюда пролезть?

— Лежите тихо и не издавайте ни звука, англик,— сказал Дзок тем же спокойным и тихим голосом, которым он обращался к хегрупу.— Это пришли за мной, похоже, что мое время истекло.

Дзок сказал что-то визгливым голосом. Хегрун заворчал и сплюнул. Я увидел, как протянулась его рука. Увидел, как Дзок нагнулся и нанес сильный удар в грудь охранника. Тот заворчал, пошатнулся, но руки не отнял. Я вскочил на ноги, пистолет выскочил из кобуры и лег на ладонь. Без промедления я выстрелил. Хегрун покачнулся и медленно повалился на пол. Он полминуты судорожно корчился, издавая страшные завывания, но вскоре затих. Я вытер лицо рукой и почувствовал запах крови. Повернувшись к Дзоку, я увидел, что он лежит распластавшись на полу, держась за руку.

— Ты обманул меня, англик,— прошептал он.— Но это было чертовски хорошее представление. Оказывается, у тебя было оружие.

— Не надо лишних слов,— потребовал я.— Может быть, мы попробуем осуществить наш план.

— Этот зверь сломал мне руку,— покачал головой Дзок.— Чертовски не повезло. Наверное, вам придется попытать счастья самому.

— Не выдумывайте. Я помогу вам. Что нужно сделать?

Дзок издал приглушенный звук, похожий на смешок.

— А вы сильнее, чем мне казались ранее. Это хорошо, что у нас есть оружие, англик. Вот что нужно сделать...

* * *

Через двадцать минут я котел над фантастической маской, которую трудно даже представить в кошмарном сне. Дзок напялил на меня упряжь из полосок тряпок, которые до этого составляли постели пленников. К концам этих полосок были привязаны пучки волос, которые, свисая, прикрывали мое тело. Как объяснил мне Дзок, он давал часть своей пищи сокамерникам, которые за это отдавали ему волосы со своего тела. Используя клей из НЗ, он собрал этот гротескный костюм, который сейчас

висел на мне, прикрывая колени и полностью скрадывая всю фигуру.

— И вы надеетесь, что эта маскировка введет в заблуждение хегрупов? — засмеялся я.— Да она не обманет даже идиота на расстоянии ста ярдов, даже при плохом освещении.

Но агент Дзок не слушал меня. Он был занят тем, что засовывал остатки своего НЗ под то, что осталось от его униформы.

— Ты выглядишь достаточно мощным и волосатым,— проговорил он.— Это самое лучшее, что мы можем предпринять в условиях камеры. Я надеюсь, что никто не будет тебя рассматривать со слишком близкого расстояния. А теперь, пошли.

* * *

Дзок двигался первым, прижимая поврежденную руку к груди, но не издавая ни звука.

Высунув голову из нашей норы, Дзок повернул ко мне голову и прошептал: — Никого нет. Должно быть, наш второй часовой совершает небольшой променад.

Я вылез и с удовольствием вдохнул всей грудью воздух, который был здесь сравнительно прохладным и не так вонял, как в нашей камере. Свет в коридоре был выключен и только неяркое мерцание стен и потолка позволяли нам хоть немного ориентироваться в этом лабиринте туннелей. Где-то через сто футов дорога, по которой мы шли, свернула налево и вверх. Часовой был, вероятно, где-то впереди.

Дзок медленно шел первым. Неожиданно он остановился и прислушался.

— Черт побери, оказывается их двое,— прошептал он.

Я попытался что-то услышать, но все было впустую. Мне оставалось только ждать и чувствовать, как пот вытекает из всех пор моего тела, спрятанного под этим нарядом из дурно пахнувших волос и кожи.

— О,— прошептал через некоторое мгновение Дзок,— один из них, кажется, уходит. Должно быть, это смена караула.

Я кивнул. Дзок повернулся и подмигнул мне. Затем громким хриплым голосом, подражая интонациям хегру-

нов, он что-то прокричал. Подождав немного и приказав мне считать до десяти, он быстрой походкой пошел вперед по туннелю. Я стоял и считал. Исчезая за поворотом, Дзок обернулся, прокричал что-то на языке хегрунов и пропал. Я все еще продолжал считать. Через мгновение я услышал, как часовой-хегрун что-то громко спросил у подходящего к нему Дзока и как тот что-то ответил.

— Пять, шесть, семь...— продолжал я счет. Хегрун снова что-то спросил и голос его на этот раз звучал злее.

— ...девять, десять...

Я набрал полные легкие воздуха, попытался изобразить что-то похожее на походку хегрунов и шагнул за угол. Футах в десяти от меня под лампочкой стоял Дзок, размахивая своей здоровой рукой и указывая в моем направлении, стоящему в нескольких ярдах от него часовому, который, услышав шум шагов, повернул голову и посмотрел в мою сторону. Дзок продолжал что-то говорить, он подскочил к часовому, но хегрун, сделав шаг назад, поднял для удара руку. В последнее мгновение Дзок успел увернуться. Я же продолжал двигаться вперед, подходя все ближе и ближе к ним. Дзок проскользнул мимо часового и тот оказался спиной к нему. Я напряг мускулы руки и пистолет скользнул в нее. И тут часовой, видимо, разглядел, кто к нему приближается. Он бросился на меня, размахивая каким-то оружием. Я нажал спуск. Хегрун остановился, как будто остановленный невидимой оградой, покачнулся и рухнул на пол, с шумом сраженного наповал слона. Я бросился к часовому и убедился, что он мертв.

— Ну, что ж, пока все идет хорошо,— усмехнулся Дзок, когда я посмотрел на него.— У тебя неплохое оружие. Вы, люди, весьма искусны в изготовлении всякого оружия. Думаю, что это является результатом вашей физической хрупкости.

— Полагаю, что мы сможем анализировать мои физические качества немного позднее,— перебил я его.— Что мы должны делать дальше?

— Ну, теперь нам ничего не преграждает путь к мусорному люку. Это отсюда недалеко.

— Пошли!

Мы пошли по боковому ответвлению туннеля, затем поднялись по крутому пандусу и свернули в более широкий проход, наполненный запахом гниющего мусора.

— Здесь рядом кухня,— прошептал Дзок.— Осталось совсем немного.

Я услышал громкие голоса. Похоже, что хегруны не умели разговаривать тихо. Прижавшись к шероховатым стенам, мы ждали. Две неясные фигуры с покатыми плечами показались из-за двери кухни и пошли туда, откуда мы только что пришли.

Дзок потянул меня вперед. Еще через два прохода мы, наконец, подошли к мусорной камере. Я усмехнулся про себя, когда подумал, что мог бы сейчас свободно получить степень бакалавра по специальности определения различных вонючих веществ.

Потолок снизился.— Похоже, что над нами крыша,— пробурчал я.— Должно быть, эти хегруны натащили сюда сначала кучи камней, а потом уже возвели стены под крышей.

— Именно так оно и было,— заметил Дзок.— Может быть, это не совсем и правильно, но не забывай, что это общество, где рабочий труд в изобилии, а изящество архитектуры не играет никакой роли.

— Ну что, в какую сторону идти, вверх или вниз?

Дзок оглядел меня как тренер по боксу, отбирающий игрока в свою команду.

— Вверх,— наконец выпалил он.— Ты что, думаешь, что сможешь одолеть эту стену?

— Ничего я не думаю,— отрезал я.— Мне придется просто это сделать. Ясно? А вот как ты со своей рукой? — На фамильярность я отвечаю фамильярностью!

— Я? О, это ничего. Буду только немного неуклюж, но это не помешает делу. Ну, что, пошли?

И он протиснулся вперед в отверстие в стене, фута в два. Затем он исчез из поля зрения, и я почувствовал себя очень одиноким. Вдруг послышался шум шагов и голоса — кто-то шел в нашу сторону. Я встал боком к отверстию, в котором исчез Дзок, и протиснулся в него. Мусор придал мне повышенную проходимость. Подтянувшись на руках, я выглянул наружу.

Моя голова окунулась в ночную прохладу, в черном небе блестели звезды, по сторонам угадывались смутные очертания ближайших зданий, кое-где усеянные немногочисленными точками света.

— Что вас задержало? — спросил Дзок.

— Я бросал прощальный взгляд на нашу тюрьму. А теперь помогите мне избавиться от этого костюма.

Вдвоем мы быстро сбросили этот камуфляж, который к этому времени похоже собрал в себя весь мусор и грязь храма. Дзок же не мог сбросить свою униформу — по-

этому он выглядел еще хуже, чем я. Его волосяной покров стал липким, волосы свалялись и пахли кислятиной.

— Когда я попаду домой,— сказал он,— я приму самую долгую ванну, которую только можно принять в моем городе Дзай.

— Присоединюсь к вам,— буркнул я.— Если нам удастся отсюда выбраться!

— Чем быстрее мы начнем осуществлять это мероприятие, тем быстрее мы это сделаем,— заметил Дзок и направился к мостку, переброшенному на соседнюю крышу.

Спустя три четверти часа, получив несколько синяков и царапин, испытав чувства падения с высоты пятнадцати футов и нескольких других неприятных моментов, мы оказались наконец на сумеречной аллее.

— Это место было бы раем для археологов,— пробормотал я.— Здесь можно найти все — начиная от циновок, сплетенных, очевидно, еще первыми обитателями этого города, и кончая шкурками вчера очищенных фруктов, валяющихся повсюду.

Дзок в это время был занят тем, что открывал какой-то пакет, который он нес до этого спрятанным под одеждой. Я помог прикрепить ему полоски кожи и побрякушки, которые принадлежали хегрупу, убитому в камере. Похоже, нам опять понадобилась маскировка.

— Мы распределим роли так,— сказал наконец Дзок,— я буду странником, если кто-нибудь остановит нас, то я всегда могу объясниться. Вы же возьмете на себя роль пленника и проводника одновременно. Вы еще не забыли где находится... где остался шаттл? (Он использовал какое-то другое слово, но я все понял.) Вы говорили, что он не более, чем в полумиле отсюда?

— Да. Примерно так. Если он все еще там.

Мы пошли вдоль по аллее, которая была параллельна главной улице, ведущей к храму. Дорога петляла то вправо, то влево. Через полчаса ходьбы я попросил передышки.

— Эта аллея так петляет,— заметил я,— что у меня возникает опасение, что мы можем потерять ориентацию. Думаю, что нам необходимо рискнуть выйти на главную улицу. По крайней мере, там бы я смог сориентироваться.

Дзок кивнул и по боковому переулку мы вышли на главную улицу города. Оглядевшись, я понял, что мы находимся почти у цели и сказал об этом Дзоку, который

тут же предложил пройти к станции боковыми переулками.

В конце концов нам удалось добраться до шаттла, пережив по дороге к нему немало злоключений. Это и погоня, которую организовали хегруны, и стычка с ними, в которой одного из них пришлось прихлопнуть на месте. Уже когда мы забрались в машину, нас ждала еще одна неприятность, о которой я забыл: рычаг управления был сломан и Дзоку пришлось его спешно ремонтировать.

По вот шаттл ожил, загудел и мы, вконец измученные, стартовали в неведомое.

ГЛАВА V

Дзок лежал на том же месте, куда я его оттащил — в высокой густой траве под небольшим деревом. Он дышал часто и неглубоко.

Шаттл находился футах в пятидесяти от нас, у обломка скалы, из-за которого выглядывала, задумчиво почесываясь, серая обезьяна размером с шимпанзе. Свою одежду и одежду Дзока я расстелил на траве, предварительно прополоскав ее в близком ручье с песчаным дном. Затем я осмотрел свои раны, которые, к счастью, оказались небольшими ссадинами, царапинами и синяками.

Агент зашевелился, повернулся на бок и застонал, навалившись на забинтованную руку. Глаза его открылись.

— Поздравляю с выздоровлением,— сказал я.

Он снова застонал. Его бледный язык высунулся и облизал тонкие почерневшие губы.

— Как только вернусь домой, тут же подам в отставку,— прохрипел он и, устроившись поудобнее, стал баюкать свою раненую руку.

— Такое впечатление, что это не моя рука,— попытался усмехнуться Дзок.

— Может быть, мне попробовать чем-то вам помочь?

Он отрицательно покачал головой.

— Где мы находимся, англик?

— Между прочим, меня зовут Байард,— сказал я.— Что же касается того, где мы, то вы должны знать это лучше меня. Я обшарил окрестности за те несколько часов, пока вы были без сознания, и ничего не нашел. В течение пяти часов я вел шаттл, но потом в нем что-то

сломалось и мы выпрыгнули здесь. От вас не было никакой помощи, похоже, что вы были в гораздо худшей форме, чем говорили мне.— Я пожал плечами.

Дзок кивнул и произнес: — Да. Все правильно. Как физически, так и духовно я был истощен. Во-первых, меня трижды почти до потери сознания избивали, во-вторых, мои питательные таблетки были почти на исходе, и мне приходилось всю последнюю неделю сидеть на ограниченном рационе.

— Но, послушайте, как же вам удавалось все это проделать — бежать, драться, ползти, и все это со сломанной рукой?

— В этом почти нет моей заслуги, старина. Все дело в неиспользованных резервах моего организма. А потом еще немного самогипноза.

Он огляделся вокруг.— Симпатичное местечко. Вы не обнаружили во время разведки наших бывших хозяев?

— Пока нет. Но прошло около четырех часов с тех пор, как мы прибыли сюда. Думаю, что нам не стоит опасаться их вторжения. Судя по тому, что мы о них знаем, их владение техникой перемещения по Сети очень слабое и поэтому нам не стоит опасаться того, что они нас найдут.

Дзок посмотрел на изломанную скалами линию горизонта и спросил:

— Как же вам удалось сориентировать шаттл со станцией? Или же... постойте... Похоже, что мы оказались где-то в дебрях.

Я покачал головой.— Эти скалы,— я показал на возвышавшиеся вдали вершины из кроваво-коричневого камня — производят вблизи довольно неприятное впечатление. Мне показалось, что они чем-то похожи на развалины человеческого жилья. Хотя ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это игра природы.

— Да,— кивнул Дзок.— Каким бы путем не двигаться по перемещающимся мирам, изменения прогрессивны. Лужа всегда становится прудом — пруд — озером, озеро — болотом, с живущими в нем двадцати футовыми змеями. Деревья всегда растут вверх и вширь. Расцветают и плодоносят. Старятся и погибают. В энтропической цепи нет разрыва, исключая, конечно, такие, вызванные человеком, аномалии, как «Зона».

— Вы догадываетесь, куда нас занесло?

Серая обезьяна на верхушке скалы подозрительно поглядывала на меня.

— Позвольте мне немного собраться с силами.

Дзок закрыл глаза и сделал несколько сильных вдохов.— Я должен ввести свое сознание в мнемоническое состояние, иначе нельзя будет определиться во времени и пространстве.

Я ждал. Его дыхание восстановилось. Глаза открылись.

— Порядок,— наконец произнес он.— Все не так уж и плохо. Насколько мне кажется, мы сейчас находимся в шести часах езды от административного центра в Зас.

Он сел, потом с трудом встал на ноги.

— Надо двигаться. Предстоит большая работа, чтобы привести в порядок приборы. Не очень-то приятно двигаться с потухшими приборами.

Он задумчиво уставился на меня.

— Я хотел бы задать вам один вопрос, англик. Послушайте, как вам удалось управлять шаттлом?

Я почувствовал как наморщился мой лоб. Мне не пришло на ум — нахмуриться или усмехнуться.

— Я открою вам небольшую тайну, Дзок. Дело в том, что я тоже кое-что понимаю в управлении шаттлом.

Он выжидающе смотрел на меня. В его взгляде чувствовалась осторожность.

— Дело в том,— продолжал я,— что ваша администрация не единственная сила, обладающая контролем над Сетью. Я представляю Верховное Правительство Империума.

Дзок кивнул.

— Хорошо, что вы сами сказали мне об этом, Байард. Это будет способствовать установлению взаимного доверия.

— Вы что? Об этом догадывались?

— Да. Я установил это еще там, в камере, во время нашего совместного пребывания в плену. Небольшой гипноз и все стало ясно. Кроме этого, я влиял на выбор ваших поступков. Нет, нет, ничего вредного. Просто некоторое смягчение вашего симптома тревоги, плюс, конечно, команда следовать моим указаниям до последней буквы.

Мы обменялись пристальными взглядами. На моем лице появилась широкая и довольно сардоническая усмешка.

— Для меня теперь большое облегчение слышать подобные речи от вас, Дзок. Теперь я не буду чувствовать перед вами вину, Дзок, особенно после того, как немного поработал над вами, пока вы были без сознания.

На мгновение он испугался, но уже через секунду сумел взять себя в руки.

Мне не хочется огорчать вас, старина, но я хорошо защищен от такого рода вещей,— выпалил он, выглядя при этом слегка озабоченным, словно мысль только-только пришла ему в голову.

— Он кивнул.— Я тоже!

Неожиданно он рассмеялся. Его, похожая на пушечное ядро голова, казалось, раскололась в улыбке, открывшей, по меньшей мере, тридцать шесть зубов. Он наклонился, хлопнул себя рукой по колену, согнулся пополам в приступе смеха и стал подходить ко мне, все еще смеясь.

Я отступил на шаг.

— У вас очень заразительный смех, Дзок. Но он не настолько хорош, чтобы я позабыл обо всем и позволил подойти ко мне на расстояние вытянутой руки!

Он выпрямился, усмехаясь на этот раз довольно невесело.

Я уверен, что мы могли бы договориться,— продолжал я.— Только не надо впредь испытывать на мне эти трюки для начинающих. Я их довольно хорошо изучил.

Он поджал свои тонкие губы.— Я все думаю, почему вы остановились здесь? Почему вы не двинулись дальше по Сети и не оказались под защитой своей собственной базы, пока я был без сознания?

— Я уже вам говорил об этом. Дело в том, что я не смог сориентироваться. Эта территория мне незнакома, а на борту этой машины нет никаких карт Сети.

— Ага. И теперь вы ждете, что я доставлю вас домой, а себя поставлю в положение, когда мне...

— Просто вы должны помочь привести шаттл в порядок,— перебил я его.— А уж домой я сам постараюсь добраться.

Он покачал головой.

— Я по-прежнему сильнее вас, англик. И это несмотря на мою руку и физическое истощение. Не вижу поэтому пути, как вам удастся заставить меня сделать это.

— Не забывайте, что у меня есть оружие,— улыбнулся я,— и владею им весьма недурно.

— Да. Но думаю, что это вряд ли вам поможет. Моя смерть поставит точку и на вашей жизни! — он широко улыбнулся. Создавалось впечатление, что он получает удовлетворение от всего происходящего.

— Давайте я лучше доставлю вас к нам в центр, а уж там позаботятся, чтобы вы немедленно получили необходимую помощь,— предложил он.

— Я уже имел счастье судить о «волосатом» гостеприимстве,— покачал я головой,— и больше к нему не стремлюсь.

Дзок скривился обиженно.— Надеюсь, вы не станете смешивать нас, австралопитеков с какими-то хегрунами лишь потому, что тела и у нас покрыты волосами?

— А вы можете гарантировать мне функционирующий шаттл и координаты моего мира?

— Ну...,— он развел руками.— Я не уполномочен...,— от боли в поломанной руке он охнул.

— Подумайте о том, в каком положении вы оказались бы, если бы я оставил вас здесь!

— Я активно сопротивлялся бы такой попытке.

— И потерпели бы поражение!

— Возможно. Но с другой стороны я был бы слишком ценным пленником для вашего Империума, поэтому уж лучше умереть, сопротивляясь...

Он напрягся, как будто был уже готов оказать мне сопротивление. А этого я совсем не хотел.

— Я готов сделать вам еще одно предложение,— начал быстро я.— Вы даете мне слово офицера Администрации, что мне будет дана возможность связаться с соответствующими высокопоставленными чиновниками в Зай, а я даю свое согласие сопровождать вас.

Он быстро кивнул.

— В этом могу я вас заверить и дать самые твердые гарантии в том, что вам окажут самый теплый прием и хорошее обращение.

— Значит, договорились.— Я сделал шаг вперед, протянул руку, стараясь выглядеть не таким озабоченным.

Дзок сначала не понял моего жеста, но затем пожал руку. Его ладонь была горячей, сухой и жесткой, словно собачья лапа.

— Пустая рука...,— пробормотал он,— без оружия. Замечательный символизм!

Он снова широко улыбнулся.— Я рад, что мы договорились. Похоже, что вы достойный парень, Байард, хотя...,— его улыбка несколько поблекла,— у меня такое чувство, что вы каким-то образом обвели меня вокруг пальца. Не знаю, каким образом, но чувствую это.

— Я ломал голову, как уговорить вас отправить меня в Зай,— сказал я, улыбаясь в ответ.— Спасибо, что помогли решить эту задачу.

— Хм-м. Должно быть, что-то случилось дома, а?

— Это еще мягко сказано.

Он нахмурился.

— Ладно, мне нужно работать. А вы пока расскажите-ка мне все поподробнее.

Через час, ободрав костяшки пальцев и получив удар током, Дзок наладил шаттл. Он сел за пульт управления и, повернувшись ко мне, спросил:

— Скажите, Байард, тот странный свет, о котором вы говорили, появляется даже в тех местах, куда не могли попасть лучи обычных источников света?

— Именно так, какое-то призрачное голубоватое свечение.

— В вашем рассказе есть целый ряд моментов, которые я никак не могу объяснить,— заметил наконец Дзок.— Но, что касается эффекта света, то мне совершенно ясно, что вы были мгновенно перемещены на нулевой уровень времени. Хегрупы обожают действовать на этом уровне. Видимый свет возникает при определенных эманациях, вызванных вследствие осцилляции элементарных частиц при сильно пониженном энергетическом уровне. Часть этой реакции вызывает деятельность глазного нерва. Замечали ли вы, что этот свет в основном исходит только от металлических поверхностей?

— Я бы не сказал...

Дзок, нахмурившись, покачал головой.

— Для того, чтобы перенести тело через энтропийный порог, требуется фантастическая энергия. Гораздо большая, чем для перемещения через А-линии, например. Вы говорите, что оказались там без всякой механической помощи?

Я кивнул.

— А что это за нулевое время?

— О, это очень сложное понятие,— Дзок был занят тем, что внимательно следил за работой приборов, снимая их показания и занося данные в записную книжку. Как эксплуатационник шаттла он был на голову выше меня.

— При нормальных условиях мы движемся в направлении, которое можно для удобства назвать перемещением вперед. Перемещаясь по Сети, мы движемся перпендикулярно этому вектору, то есть, другими словами, вбок. А нулевое время... Ну, представьте себе, что оно

расположено под прямыми углами к обоим. Это безжизненный континиум, в котором энергия течет страшным образом.

— Тогда, выходит, это не город преобразился, а я сам? Выходит, что я вышел из своего нормального континиума и попал в состояние нулевого времени.

— Именно так,— сочувственно поморгал мне Дзок.— Я могу себе представить, в каком состоянии вы находились, думая иначе.

— Теперь я начинаю понимать случившееся,— сказал я.— Хегруны изучают Империум из нулевого времени, готовясь к вторжению. И их техника гораздо сильнее, чем то, что имеется у нас. Поэтому нам понадобится помощь. Как вы думаете, Дзок, окажет нам ее ваша администрация?

— Я не знаю, Байард,— почти по-человечески пожал плечами Дзок.— Но, будьте уверены, что я сделаю все, что будет зависеть от меня.

Я проспал беспокойным сном прямо на полу за сиденьем пульта управления, прежде чем Дзок разбудил меня. Я встал за его спиной и уставился на экран. Мы находились теперь среди витых башен и минаретов — розовых, желтых, светло-зеленых, которые были устремлены в ясное утреннее небо.

— Боже, как прекрасно! — только и мог вымолвить я. Но тут же рассудок взял у меня верх и я задал сокровенный вопрос:

— А как по отношению к вашему дому, Дзок? Уже близко?

— О, башни Зая! — почти пропел Дзок.— Ничто не может с ним сравниться!

— Хочется надеяться, что и прием будет таким же соответствующим,— буркнул я.

— Послушайте, Байард,— нерешительно начал Дзок,— я должен вам что-то сказать. Э-э... откровенно говоря, в умах наших чиновников существует предубеждение против представителей «гомо сапиенс». Предубеждение, возможно, безосновательное, но с ним все же придется считаться.

— Что? Предубеждение? — я не мог скрыть свою озабоченность.— И что лежит в основе этого недоброжелательного отношения?

— Определенные расовые черты. У вас репутация жестоких, любящих насилие, существ.

— Понимаю. Мы не столь нежны и мягки как хегрупы, например. Но мне хотелось бы задать вам один вопрос, Дзок. Не могли бы вы припомнить, кто это ввязался в драку с хегрупами и овладел этим шаттлом, на котором мы сюда прибыли? А?

— Да, да и у нас некоторая воинственность. Но вы, наверное, заметили, что даже хегрупы стремятся скорее захватить в плен, чем убить, и хотя они жестоки, это жестокость равнодушия, а не ненависти. Я видел, как вы пнули одного из них, когда вас бросили в камеру. Заметили ли вы, что он даже не попытался дать вам сдачи?

— Любой начнет мстить, если с ним обращаться жестоко.

— Но только вы, сапиенсы, систематически истребляли все другие формы гуманоидной жизни в своих естественных континиумах.— Дзок теперь слегка разволновался.— Вы, лишенные кожаного волосяного покрова, в каждой линии, где вы существуете,— обитаете в одиночестве! Давным давно, при первом столкновении «лысого» человечества с нормальными волосатыми антропоидами — движимые чувством стыдливости своей наготы — вы начали уничтожать ваших «волосатых» братьев. И даже сегодня, после стольких лет, ваши умы окутаны древним комплексом вины и стыда, связанным с этим истреблением ни в чем не повинных существ.

— Так что? Вы считаете нас, наше нынешнее поколение ответственным за то, что случилось или могло случиться тысячи лет назад?

— В моей части мира,— пожал плечами Дзок,— мирно сосуществуют три человеческих расы. Мы, австралопитеки, если использовать ваш термин, родезианцы — отличные работники, сильные и трудолюбивые, хотя и не слишком умные, и пекинезы — производные, вы, наверное, знаете — синеликие ребята. Мы живем вместе в полной гармонии, каждая группа живет в своем социальном секторе и каждая вносит свой вклад в нашу общую культуру. Тогда как вы, сапиенсы, живете только сами, так как остальных уничтожили.

— А как же я, Дзок? Я тоже кажусь вам маньяком-насильником? Я что, проявил по отношению к вам какое-то отвращение?

— Ко мне? — Дзок поражение уставился на меня, но через мгновение расхохотался: — Кто? — он снова зашелся в смехе.

— Что вас так рассмешило, Дзок?

— Вы с вашим бедным голым лицом — вашими хилыми конечностями и дегенеративным телосложением — и вам еще нужно преодолевать свое естественное отвращение ко мне? — Он чуть не падал с кресла.

— Ну, если я и чувствовал отвращение, то у меня хватало порядочности хотя бы забыть об этом,— обиженно проговорил я.— Не забывайте, что с моей точки зрения вы выглядите довольно... необычно.

Дзок прекратил смеяться и взглянул на меня почти извиняюще.

— Да, это так,— признался он.— И ты перевязал мне руку и выстирал мне форму.

— И умыл твою старую несчастную рожу, не так ли?

Дзок улыбался теперь почти что пристыженно.— Прости меня, старина, меня, похоже, немного занесло в сторону.

Я махнул рукой.

— Все мои разговоры,— продолжал он,— не что иное, как чушь. Забудь о них, Байард. Надо судить о человеке по его поступкам, не так ли? Но сколько же еще у нас чиновников, которые не могут избавиться от своих расовых недостатков.

Он нерешительно протянул мне свою руку.

— Пустая рука, без оружия, а? — Он улыбнулся и пожал руку.

— Ты хороший парень, Байард,— проговорил Дзок.— Если бы ни ты, я все еще гнил бы в этой страшной камере. Я всегда буду помнить об этом и поэтому постараюсь, насколько это будет в моих силах, помогать тебе.

Он нажал на рычаг управления, переключил реле переноса в нерабочее состояние и шум генераторов поля стих. Дзок обернулся ко мне:

— Вот мы и прибыли. Этот день может оказаться знаменательным для наших обеих рас.

Мы вышли на широкий простор площади, окруженной деревьями с яркими геометрическими формами клумб и фонтанами, искрящимися в лучах солнца. На площади находились тысячи австралопитеков, прогуливающихся парами и спешащих куда-то с важным видом срочности, который был отличительной чертой чиновников не только здесь, но и у нас дома. Не странно ли?

Одни были одеты в струящиеся балахоны, похожие на арабские джеллабы, на других были только разноцветные панталоны и жакеты. То там, то тут в толпе

мелькала белая форма агентов. Наше неожиданное появление в самой гуще толпы вызвало небольшое замешательство, которое превратилось в глухой ропот, когда они увидели меня. Я заметил как морщатся носы у некоторых, как враждебно поглядывают на меня другие. Кто-то что-то крикнул Дзоку. Он ответил и крепко взял меня за руку.

— Извините, Байард,— пробормотал он. Он помахал рукой небольшому самолетику, кружившему над нами. Я подумал, что это вертолет, но потом заметил, что у него нет несущих винтов. Аппарат начал снижаться, выпустив большой прозрачный парашют. Похожий на Дзока пилот, блеснув рядом прекрасных зубов, посмотрел на меня. Челюсть у него прямо-таки отвисла.

Он что-то пробормотал Дзоку, который ответил ему и, взяв меня за руку, направился вперед.

— Не обращайте на него внимания, Байард. Что взять с простого человека?

— О, не беспокойтесь, старина. Я ведь не знаю, что он говорит,— постарался рассмеяться, но плохие предчувствия уже начали донимать меня.

Пилот догнал нас и что-то горячо начал доказывать Дзоку. Тот молча послушал, потом кивнул головой и через мгновение уже повел меня к самолетику.

Я взобрался на сиденье, обтянутое кожей. Дзок уселся рядом и похлопал летчика по спине, что-то сказал, очевидно, давая адрес.

— Похоже, что наше приключение не так уж и плохо закончилось,— удовлетворенно сказал он, откидываясь на спинку кресла.— Возвратиться целым и невредимым — более или менее — с захваченной машиной и самым удивительным... гостем. Разве это не удача?

— Я рад, что вы не сказали «пленником»,— с горечью констатировал я, глядя на великолепную панораму парков и площадей, быстро проплывающую под нами.

— Куда мы направляемся, Дзок?

— Мы едем в штаб Администрации. Мой отчет требует незамедлительного доклада. Да и вы тоже спешите, не так ли?

Говорить, похоже, больше было не о чем. Я разглядывал проплывающий внизу город, наблюдая, как растет приближаясь, высокая белая башня. Мы направлялись, очевидно, прямо к ней. Сделав круг, пилот проговорил что-то в микрофон, и вот мы уже мягко опустились на небольшую площадку, расположенную на крыше в саду,

состоящем из высоких пальм, больших клумб желтых и голубых цветов. В середине этого сада был неправильной формы водоем, заполненный ослепительно голубой водой. Находившиеся в клетках, почти невидимые птицы, и небольшие зверьки придавали этому саду сходство с джунглями.

— А сейчас, Байард, позвольте мне вести разговор,— сказал Дзок, подгоняя меня поскорее покинуть самолетик.

— Поверьте,— продолжал он,— что я представлю ваше дело в самом лучшем виде. Поверьте, что все будет хорошо. Через несколько часов вы будете на пути домой.

— Надеюсь, что ваш совет менее расистски настроен, чем те люди, там, внизу,— начал было говорить я, но тут же замолчал, уставившись на клетку, где двуногое существо без хвоста и шерсти, ростом около двух футов, с низким лбом и редкой бородкой смотрело на меня. Смотрело очень тоскливыми глазами.

— Боже мой! — воскликнул я.— Но ведь это же обыкновенный карлик! Это человек!!!

Дзок резко обернулся.— А? Что? — Он махнул рукой и усмехнулся.— О, Байард, это ведь простое животное. Забавное маленькое создание, но, тем не менее, дикое и очень далекое от человека.

Маленькое существо забеспокоилось и издало жалобный звук. Я прошел мимо, ощущая в себе бурю чувств, ни одно из которых не добавило мне веры в счастливое возвращение.

Мы очутились в большой комнате под открытым небом, в которой были бассейн, газоны с цветами, столы и кресла. Дзок подошел к настенному экрану, страстно заговорил в микрофон и через несколько мгновений повернулся ко мне.— Все устроено,— сказал он.— Совет сейчас заседает и рассмотрит наше дело.

— Быстро! — удивился я.— Честно говоря, я боялся, что мне придется около недели болтаться здесь, заполняя различные формы и анкеты.

— Только не здесь! — запосчиво вздернул нос Дзок.— Дело чести местных властей своевременно решать все дела.

— Местные власти? Я полагал, что нас встретит высшее начальство.

— Это и есть высшее начальство. Не бойтесь, Байард. Они прекрасно могут оценить ситуацию и вынести разумное решение, отдав при этом соответствующие приказы.

Он посмотрел на настенный циферблат, в котором я

хотел бы признать местные часы.— У нас есть еще немного времени. Думаю, что у нас хватит времени на то, чтобы предварительно освежиться и переодеться. Боюсь, что от нас все еще пахнет хегруновой тюрьмой.

В комнате находились еще несколько посетителей, которые прохаживались вдоль бортиков бассейнов или сидели в шезлонгах. Они с любопытством смотрели на нас, когда мы шли мимо. Дзок заговорил с одним или двумя, но не остановился. Он подошел к окошкам в стене, нажал на кнопки, обмерил меня сантиметром, прикрепленным тут же на стене, и повернул рычаг. Из окошка вылетел плоский пакет.

— Чистая одежда, Байард,— сказал он.— Правда не совсем то, к чему вы привыкли, но, я думаю, вам будет в ней удобно. И потом, знакомая одежда, возможно, поможет преодолеть любую первоначальную... э-э... неприязнь членов Совета.

— Жаль, что я выбросил тогда свой обезьяний наряд,— сказал я.— Тогда бы я и здесь мог бы сойти за хегрупа.

Дзок внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Затем он повернулся к стене и еще раз проманипулировал кнопками и рычагом. Выбрав и для себя одежду, он повел меня в душевую, где струи теплой воды, с ароматизированными добавками били из отверстий в потолке.

Войдя в гардероб, мы высохли в струях сухого воздуха. Моя новая одежда — костюм из синего серебристого атласа, туфли из мягкого кожзаменителя и белая шелковистая рубашка — сидела на мне более или менее прилично. Дзок хмыкнул, увидев, что я причесываю волосы. Он, наверное, считал, что это не стоит усилий. Он еще раз взглянул на себя в зеркало, поправил свою новую белую фуражку с золотым кантом.

— Не часто агент возвращается с задания, выполнив свои обязанности в ситуации 4П класса 2,— произнес он удовлетворенным тоном.

— Что это за 4П? Это хегруны или я?

Дзок засмеялся, пожалуй, несколько натянуто.— Ну, ну, не волнуйтесь, Байард, я уверен, что советники признают необычность вашего дела...

Я вышел вслед за ним в коридор, обдумывая сказанное.

— Предположим, что я «обычный» случай. Что тогда?

— Тогда, конечно, будет действовать политика Администрации.

— И что же в таком случае диктует политика Администрации? — продолжал настаивать я.

— Давайте просто будем ждать и действовать по обстоятельствам, Байард. Хорошо?

Дзок поспешил вперед, и во мне все больше росло чувство, что его уверенность в благополучии завершения моего дела постепенно испаряется по мере приближения к дверям, которыми заканчивался коридор.

Двое часовых в белой форме, отделанной серебристым кантом, отдали честь, когда мы подошли. Дзок обменялся с ними несколькими словами и один из них, повернувшись, нажал на кнопку. Дверь открылась. Дзок набрал в легкие воздуха и махнул мне следовать за ним.

Впереди я увидел длинный стол, за которым сидело много «человек» — в основном австралопитеков, но среди них были и другие представители по меньшей мере трех разумных рас, причем у всех были седые или седеющие волосы.

— Встаньте слева от меня, на шаг сзади,— прошептал Дзок.— И делайте все, что я скажу.

Затем он сделал шаг вперед навстречу старейшинам. Я напустил на лицо скромное смиренное выражение и последовал за ним.

Двенадцать пар желтых глаз следили за мной из-за черного полированного стола — и ни в одних не было и тени улыбки приветствия.

Узколицый седобородый старец слева от центра стола проскрипел что-то своими подвижными губами соседу слева.

Дзок остановился, сделал полупоклон и, проговорив что-то, указал на меня.

Затем, переходя на английский, он сказал:

— Я представляю вам некоего Байарда, аборигена английского сектора. Как вы видите, достопочтимые, это сапиенс.

— Где вы его поймали? — завопил узколицый советник высоким раздраженным голосом.

— Байард не совсем... пленник, господа,— начал Дзок.

— Вы хотите сказать, что это создание самолично прибыло сюда? — задал кто-то вопрос.

— Можете не отвечать на этот вопрос, агент,— раздался справа голос круглолицего советника.— Советник

Сфонджил просто упражняется в риторике. Но ваше утверждение, что это не пленник все еще нуждается в пояснении.

— Ознакомлены ли вы, агент, с политикой Администрации в отношении безволосых антропоидов? — вставил другой.

— Обстоятельства, при которых я встретил англика, довольно необычны,— сказал Дзок.— И только благодаря его помощи мне удалось избежать длительного тюремного заключения. Мой доклад...

— Заключения? Агента Администрации?

— Я думаю, что нам лучше всего сразу же заслушать полный отчет агента,— сказал советник, прервавший Сфонджила и добавил что-то на своем языке.

Дзок довольно долго что-то говорил, жестикулируя своими длинными руками. Я молча стоял сзади него, чувствуя себя товаром, на который не находится покупатель.

Члены Совета засыпали Дзока вопросами, на которые он, потея, с трудом отвечал.

Выражение лица Сфонджила однако не изменялось. В конце концов круглолицый советник махнул своей седоватой рукой с длинными пальцами, и устремил свой взгляд на меня.

— Только что, англик, наш агент Дзок рассказал нам об обстоятельствах, при которых вы отдали себя в его распоряжение...

— Очень сомневаюсь, что Дзок говорил вам что-то подобное,— резко оборвал я его.— Я уверен, что он непременно упомянул в своем докладе о том, что мне необходимо отправляться в свою временную линию!

— Ваши нужды мало интересуют данный Совет! — выпалил Сфонджил.— Мы прекрасно знаем, как обращаться с такими, как вы.

— Вы ничего не знаете о таких, как я! — мой голос был резок.— Между нашими народами еще не было контакта.

— Существует только одно правительство, сапиенс,— прервал меня Сфонджил...— Его длинная тонкая губа поджалась, открывая поразительно розовые десна и множество зубов в усмешке,—...мы хорошо знакомы с вашим перечнем деяний относительно других разумных рас.

— Подождите, Сфонджил,— вмешался еще один советник.— Давайте сначала послушаем рассказ этого парня о его злоключениях. Похоже, что действия хегрунов заслуживают внимания.

— А я говорю, пусть хегруны делают что хотят, пока нас это не касается! — снова вмешался Сфонджил.

Теперь я понял, какую позицию он занял. «Не дать мне высказаться!».

Наступил момент вмешаться в эту историю.

— Поправится вам это или нет, Сфонджил, но Империум — это первоклассная держава, обладающая способностью передвижения по Сети. И поэтому рано или поздно наши две культуры должны были обязательно встретиться. И мне очень хотелось бы, чтобы наши отношения начались мирно.

— Передвижение по Сети? — оживился толстый советник.— Вы ничего не сказали об этом, агент,— сказал он, посмотрев на Дзока.

— Я как раз собирался говорить об этом, ваше превосходительство,— спокойно ответил Дзок.— Байард заявил мне, что, хотя он и был перенесен в линию хегрунов на их «шаттле», его народ обладает своим собственным средством перемещения по Сети. И действительно, впоследствии оказалось, что он немного знаком с техникой управления машиной.

— Это несколько меняет дело,— произнес один из членов совета.— Поэтому я предлагаю, господа, не предпринимать поспешных действий, которые могли бы повлиять на отношения с этой расой самшесов.

— Почему вы думаете, что мы будем иметь с ними дело? — заверещал Сфонджил, вскакивая на ноги.— Наша политика...

— Оставьте в покое нашу политику, Сфонджил,— закричал толстяк, подскакивая к узколицему советнику.— Сядьте! — Я прекрасно знаю, какая политика должна проводиться в подобной ситуации. И я хотел бы, чтобы вы пока воздержались от объявления ее миру...

— Какая ни была ваша политика в прошлом,— вмешался я,— она должна быть пересмотрена в свете нынешней ситуации и новых данных! Империум — это держава Сети, но это вовсе не значит, что должны непременно возникнуть конфликтные ситуации.

— Существо лжет! — заверещал Сфонджил,— уставившись на меня через стол.— Мы провели обширные исследования всего квадрата 1У-4, включая, так называемый, английский сектор — и мы не обнаружили никаких признаков наличия перемещения по Сети, кроме нашего, конечно.

— Линия 0-0 Империума лежит в пределах райо-

на, который вы называете Зоной Опустошения,— проговорил я.

Сфонджил зашелся в приступе смеха.— Вы имеете наглость утверждать и упоминать об этом жутком памятнике страсти вашего племени к разрушению? Одно только это является достаточным основанием для вашего исключения из общества достойных гуманоидов.

— Возможно ли это? — удивился неизвестный советник.— Ведь мы знаем, что в пределах Зоны никто не живет!

— Это еще одна ложь сапиенса! Что взять с его расы! — расправив плечи, уже спокойно произнес Сфонджил.— Я требую, чтобы Совет сразу же исключил этого дегенерата из жизни и занес замечания второго класса в карточку этого агента!

— Тем не менее,— почти прокричал я,— ряд обычных мировых линий существует в Зоне. И в одной из них находится правительство Сети. И, как официальный представитель Империума, я прошу оказать мне помощь по возвращению домой.

— Это кажется довольно скромным требованием.— удивился толстый советник.— Сядьте, Байард, и расскажите вашу историю.

Сфонджил оскалил зубы, но ничего не сказал. Через мгновение он поднял руку и щелкнул пальцами.

Молодой австралопитек в белой форме выступил вперед со своего поста у двери, выслушал шепотом произнесенные инструкции старца и удалился. Сфонджил сложил руки у пояса и фыркнул — Я протестую, но подчиняюсь.

Через полчаса я окончил свое повествование. Потом были заданы многочисленные вопросы — одни исходили от здравомыслящих членов Совета, как например, советник по имени Никадо, другие были просто колкими, типа: Вы все еще избиваете своих жен?

И на все я старался отвечать как можно яснее.

В конце концов один из советников подвел черту.— Таким образом, согласно вашему рассказу, вы оказались в нулевом времени собственного континиума, прибыв туда неизвестным способом. Затем вы увидели людей, предположительно хегрупов, грузившихся на транспорты, приготовленные к отправке. Вы убили одного из них, украли их примитивный аппарат для перемещения по Сети и оказались в ловушке. По прибытии в линию мира

хегрупов, вас взяли в плен. Оттуда вы вырвались, убив опять-таки разумное существо. И теперь вы стоите перед нами и требуете, чтобы вам предоставили ценное имущество Администрации и отпустили для продолжения вашей деятельности.

— Это не совсем так сформулировано, ваше превосходительство,— начал было Дзок, но его тут же прервали.

— Этот человек сам признался, с какой легкостью лишил жизни двух разумных существ! — закричал Сфонджил.— Я полагаю...

— Пусть сапиенс скажет,— перебил его Никадо.

— Хегрупы что-то замышляют. Похоже, что это нападение на Империум из нулевого времени. Если вы не окажете нам помощь, то хоть одолжите мне шаттл, чтобы я смог вовремя попасть на родину и сделать своевременное предупреждение.

Молодой австралопитек в белой форме незаметно опять вошел в комнату, подошел к Сфонджилу и передал ему лист бумаги. Тот внимательно посмотрел на него, потом на меня и в его желтых глазах возник какой-то злобный блеск.

— Как и предполагал! — закричал он.— Сапиенс лжет! Весь его рассказ — это обман. Так ты говоришь, Империум, англик? Да? И вдобавок держава Сети? — Сфонджил подвинул полученную бумагу соседу слева.

Тот внимательно изучил ее и передал следующему. Когда послание прочел Никадо, он нахмурился, озадаченно посмотрел на меня и еще раз перечитал написанное на бумаге.

— Боюсь, что я никак не могу понять этого, Байард.— Его взгляд сверлил меня. Темное лицо становилось пунцово-серым.— Чего вы хотите добиться, обманывая наш Совет?

— Я бы мог пролить кое-какой свет на все это недоразумение, но я никак не могу понять, откуда вдруг взялись такие обвинения? — пожал я плечами.

Мне молча передали листок бумаги. Я посмотрел на многочисленные кривые линии и покачал головой.— К сожалению, я не владею вашим языком письма, ваши превосходительства.

— Это уже само по себе можно считать доказательством,— проговорил Сфонджил.— Заявлять о своей способности перемещаться по Сети и не иметь языковой базы.

— Советник Сфонджил, проверил ваше заявление, сапиенс,— холодно произнес Никадо.— Вы утверждали, что ваша линия 0-0 расположена примерно на координатах 857—259 в районе Зоны. Наши сканирующие устройства нашли три нормальных мира в пределах этой пустыни — и до этой поры ваш рассказ содержит долю истины. Но что касается координат, сообщенных вами...

— Ну и...? — Я с трудом сдержал себя, чтобы не выдать свое волнение.

— Такой линии не существует. Непрерывная пелена уничтоженных миров покрывает весь этот район Сети!

— Нужно посмотреть еще раз!

— Убедитесь сами,— Сфонджил протянул через стол мне вторую бумагу — черную блестящую фотографию, гораздо более точную, чем те, неуклюжие изделия, которыми пользовались картографы Империума. Я сразу узнал знакомую овальную форму Зоны — и внутри ее светящиеся точки, представляющие собой миры, известные мне под номерами 11 и 111. Кроме того, здесь же я обнаружил и доселе мне неизвестную линию А. Но там, где должна была быть линия 0-0 Империума, ничего не было.

— Я полагаю, что Совет и так уже потратил достаточно времени на этого шарлатана,— услышал я чей-то голос.— Уведите его.

Дзок пристально посмотрел на меня.— Почему? — спросил он.— Почему вы солгали, Байард?

— Цель этого существа вполне понятна, агент,— торжествующе провозгласил Сфонджил.— Приписывая свои собственные мотивы другим, он предположил, что, выдав себя за представителя высокоразвитой технической цивилизации, он избежит пристального рассмотрения его дела. И тем самым он внушит нам благоговение перед великой, еще одной державой Сети! Ну чем не замаскированная угроза возмездия!? Жалкая уловка! Но чего можно ожидать от такого ничтожества!

— Ваши приборы, возможно, ошиблись, господа,— забеспокоился я.

— Молчите! Вы — преступник! — вновь вскочил на ноги Сфонджил. Он не хотел терять того преимущества, которое дала ему его тактика неожиданного удара.

— Сфонджил делает что-то, о чем он не хотел, чтобы знали другие! — закричал я.— Он подделал фотографию...

— Он не мог этого сделать,— покачал головой Никадо.— Нелепые обвинения ничего вам не дадут, сапиенс.

— Все, о чем я просил у вас, это дать мне возможность вернуться домой! — я бросил фотографию на стол.— Доставьте меня туда и вы довольно скоро убедитесь, лгу ли я.

— Этот самоубийца хочет, чтобы мы пожертвовали техникой и экипажем для выполнения его прихоти,— заметил кто-то.

— Вы много говорите о кровожадных инстинктах моих соплеменников,— рявкнул я.— А где содержатся представители сапиенсов в вашем уютном мире? В концентрационных лагерях, ежедневно слушая лекции о братской любви?

— Разумных безволосых форм, родственных нам, в этом мире нет! — отрезал Никадо.

— Как это нет? — удивился я.— Может быть, скажете еще, что они вымерли?

— Видите ли, сапиенс, их вид был... э-э... слабым,— начал говорить Никадо.— Маленькие, плохо приспособленные к трудностям периодов оледенения. Никто из них не дожил до настоящего времени.

— Значит, вы их истребили! В моем мире это, вероятно, происходит наоборот — а, может быть, в обоих случаях здесь были заменены силы природы. Древнюю историю можно ведь по-разному толковать, не так ли? Я предлагаю вам начать новую попытку проверки правдивости моего рассказа.

— Я требую прекратить этот фарс! — застучал по столу Сфонджил, привлекая к себе внимание.— Я призываю Совет к формальному голосованию. Немедленно!

Никадо подождал пока утихнет поднявшийся шум.

— Советник Сфонджил воспользовался своим правом,— медленно проговорил он.— Сейчас мы проведем голосование по этому вопросу в том порядке, который предложит советник.

Сфонджил встал.

— Вопрос ставится следующим образом,— официально сказал он.— Удовлетворить требование этого сапиенса...,— он оглядел сидевших за столом коллег, как бы оценивая их настроение.

— Он рискует своим положением после голосования,— прошептал мне на ухо Дзок.— Он или все потеряет, или займет главенствующее положение.

— ...или наоборот,— глаза Сфонджила были устремлены теперь на меня,— приказать, чтобы его переместили

в дотехническую линию мира, в котором он и проживет в изоляции отпущенный ему срок жизни.

Дзок тихо охнул. Вздох раздался за столом. Никадо громко пробормотал: — Если бы вы, сапиенс, были честны с нами,— начал было он.

— Голосование! — вскричал Сфонджил.— Выведите преступника из зала, агент!

Дзок взял меня за руку и вывел в коридор. Тяжелые двери захлопнулись за нами.

— Я ничего не понимаю,— недоуменно проговорил Дзок, пристально смотря на меня.— Рассказывать им всю эту чушь о державе Сети. Этим вы только настроили против себя весь Совет, а зачем?

— Я думаю, что смогу объяснить вам, Дзок,— сказал я.— Не думаю, что ваш Совет нуждался в помощи. Они уже и так имели представление о «хомо сапиенс».

— Ну, не скажите, Байард,— покачал головой Дзок.— Никадо явно стремился вам помочь. И он очень влиятельный член Совета. Но эта ваша бессмысленная ложь...

— Послушайте, Дзок,— я схватил его за руку.— Я не лгал! Попытайтесь вбить это в свою твердолобую голову! Меня не интересует, что там показали ваши приборы. Империум существует, поймите это!

— Но наши приборы не могут лгать, сапиенс! — холодно произнес агент.— Вам было бы лучше признать свою ошибку и попросить снисхождения.

— Что? Снисхождения? — я не очень весело рассмеялся.— От добрейшего советника Сфонджила; вы очень много мните о своей счастливой философии родства, но когда дело касается практической политики — вы столь же безжалостны, как и все обезьяноподобные.

— О смерти речи не было.— скривился Дзок.— Переселение даст вам возможность прожить жизнь в достаточном комфорте.

— Не о своей жизни я толкую, Дзок! Три миллиарда человек живут в том мире, который, как вы утверждаете — не существует! Неожиданная атака хегрунов будет резней.

— Ваш рассказ лишен смысла. Такой линии как Империум, о котором вы говорите с таким пылом, не существует!

— Ваши приборы нуждаются в проверке, да, да! Еще сорок часов назад этот мир существовал!

Внезапно двери зала открылись. Вышел молодой австралопитек и подозвал Дзока. Агент встревоженно взглянул на меня и пошел вперед. Двое вооруженных часовых встали по обе стороны от меня.

— Что они решили? — спросил я, кивнув в сторону зала. Никто мне не ответил. Прошла минута, вторая, третья...

Потом двери снова открылись и вышел Дзок. Позади него стояли двое членов Совета.

— Решение принято, Байард,— сдавленно произнес Дзок.— Сейчас вас проводят в помещение, где вы и проведете эту ночь. А завтра...

Сфонджил выступил вперед из-за его спины.— Вы что колеблетесь в выполнении своего долга, агент? — завопил он.— Скажите этому существу, что все его интриги оказались напрасны! Совет проголосовал за переселение!

Этого я и ожидал. Я отступил назад, почувствовал в своей руке пистолет — и тут-то длинная рука Дзока нанесла словно топором удар по предплечью. Пистолет упал на пол. Я попытался выхватить оружие у ближайшего часового, но как только я дотронулся до него, стальные наручники защелкнулись на моих запястьях. У моего лица возникла рука с шерстью на тыльной стороне и раздавила какую-то ампулу. Острый запах ударил мне в ноздри. Я закашлялся и попытался не дышать, но ноги мои стали ватными и я тяжело опустился на пол. Я лежал на полу и Дзок склонился надо мной, что-то говоря.

— ...сожалею... не моя вина, старина...

Я сделал огромное усилие, шевельнул языком и выдавил одно слово — «Правда!»

Кто-то оттолкнул Дзока в сторону. Близко поставленные желтые глаза смотрели на меня.

Послышались голоса:

— ...глубокая мнемоника...

— заканчивайте работу...

— ...слово чести офицера...

— ...англик есть англик...

А потом я начал падать, легкий как воздушный шарик, видя как все вокруг меня начинает плыть, кружиться, мелькать и меркнуть. Потом все исчезло.

ГЛАВА VI

Я долго наблюдал за игрой света на воздушных гардинах открытого окна, прежде чем задумался о том, кому они принадлежат. Воспоминания с трудом приходили мне на ум, как когда-то выученный урок, но потом основательно подзабытый. Похоже, что во время одной моей деликатной Миссии в Луизиану у меня произошел нервный срыв — подробности этой миссии я никак не мог вспомнить — и теперь я отдыхал в пансионе добрейшей мисси Роджерс, в Харроу.

Я сел, чувствуя легкое головокружение, которое напомнило мне о недавнем времени, когда я провел почти неделю в засаде, выполняя одно довольно-таки трудное разведывательное задание в... в...? На мгновение в моей памяти возникло полу-воспоминание о каком-то городе, о каких-то людях, будто бы мне знакомых, и...

Но тут же все исчезло. Я покачал головой и снова лег. Я нахожусь здесь для того, чтобы отдохнуть, а потом, имея свою пенсию (в моей голове возникла неожиданная картина — довольно отчетливая картина моей чековой книжки с 10 000 золотых наполеондоров на счету Лондонского кредитного банка) — я мог бы осесть где-нибудь и спокойно заняться садоводством, как я всегда мечтал.

Но в этой картине казалось чего-то недоставало, но думать сейчас об этом было слишком трудно. Я начал осматривать комнату. Она была маленькой, заполненной солнцем и ярко окрашенной мебелью, с коврами на полу и покрывалом на кровати, изображающим сцену охоты. Дверь была узкая, из темного дерева, с блестящей латунной ручкой. Ручка повернулась и в комнату вошла женщина с седыми волосами, щечками, похожими на яблочки, в маленьком сменном чепце из кружев и в разноцветной юбке, подметавшей пол.

Увидев меня, она от неожиданности вздрогнула и так засияла, словно я сказал, что она испекла пирог точно как моя мама.

— Мистер, Байард! Вы проснулись??!! — голос у нее был писклявый и говорила она с акцентом, который я не смог сразу определить.

— И, наверное, голодны? Вы, наверное, не прочь съесть сейчас тарелочку супа, да, сэр? И потом немного пудинга, а?

— Хороший бифштекс под грибным соусом звучит лучше,— сказал я.— И еще...— я хотел было спросить у нее, кто она такая, но потом внезапно вспомнил — ведь это добрейшая миссис Роджер, конечно, же!

— ...я хотел бы выпить стакан вина, если можно,— закончил я и снова лег.

— Конечно, конечно, сэр,— засуетилась она, но сначала горячую ванну. Это будет замечательно, мистер Байард. Я сейчас позову Хильду...

В это мгновение в моей голове все затуманилось. Еще через какое-то время я стал слышать шум женских голосов. Меня касались чьи-то руки. Я сделал усилие и открыл глаза. Надо мной склонилась симпатичная девушка, сжимая в руке куртку пижамы. Позади нее пожилая женщина руководила двумя мужчинами, переносившими что-то тяжелое за пределы моего зрения. Девушка выпрямилась и я успел заметить тонкую талию, приятно округленную грудь и руку, свежее лицо, обрамленное ровно подстриженными волосами медового цвета. Мужчины окончили свою работу и ушли, а вместе с ними и пожилая женщина. Девушка задержалась еще на мгновение, затем последовала за ними, оставив открытой дверь. Я приподнялся на одном локте и увидел небольшую ванну наполовину наполненную водой. Она стояла посредине овального коврика, а на табуретке рядом лежало махровое полотенце и кусочек белого мыла. Все это выглядело довольно заманчиво. Я сел, опустил ноги с постели, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы отогнать головокружение, потом натянул пижаму и, пошатываясь, сел.

— О, вам еще нельзя вставать, сэр! — глубокий контральто голос раздался из дверного проема. Медовые волосы были уже откинуты со лба, открывая прекрасные черты лица. Я подхватил свои брюки, чуть не упал и тяжело сел на кровать. Девушка подошла ко мне и взяла меня за руку.

— Гаввор и я очень волнуемся за вас, сэр. Доктор сказал, что вы очень больны, но когда вы вчера проспали целый день...

Я не следил за тем, что она говорила. Одно дело — проснуться в незнакомой комнате и с трудом сориентироваться, и совсем другое — осознать, что ты — среди совершенно незнакомых тебе людей и кроме того абсолютно не помнишь, как ты сюда попал...

С ее помощью я приподнялся и сделал три шага к ванне. Остановившись, я с недоумением посмотрел на незнакомку.

— Просто встаньте в нее ногами, и все,— сказала она и улыбнулась.

Я последовал ее совету и погрузился в горячую воду. Девушка уселась на табурет рядом и коснулась моей руки.

— Я Хильда,— проговорила она.— Мой дом у дороги. Было так интересно, когда Ганвор сказала, что вы приехали. Мы не часто можем видеть у себя лузианца, к тому же впридачу и дипломата. Вы, должно быть, ведете такую волнующую жизнь! Я думаю, вы побывали, наверное, во всех странах. О, как бы я хотела побывать хотя бы в Египте, Австрии или Испании.

Она болтала и мыла меня так же спокойно, как бабушка, купающая своего пятилетнего внука. Если у меня и было слабое желание сопротивляться, то оно быстро испарилось. Я был столь же слаб, как и пятилетний ребенок и было очень приятно, что это маленькое очаровательное создание массирует мне спину мочалкой, а в открытое окно приятно заглядывает солнце и мягко колышет занавески теплый ветерок.

— ...ваш несчастный случай, сэр? — успел уловить окончательные фразы я и понял, что Хильда задала вопрос. Мне стало довольно-таки неловко. Было неприятно думать, что у меня было что-то вроде легкой потери памяти. Естественно, я забыл не все, но вот подробности всего того, что произошло со мной, были довольно смутными.

— Хильда,— обратился я к девушке.— Человек, который доставил меня сюда — говорил ли он что-нибудь обо мне? Что-то о несчастном случае?

— Письмо!!! — Хильда вскочила, подошла к столу и вернулась с твердым квадратным конвертом.

— Доктор оставил это для вас, сэр. Я так разволновалась, что чуть не забыла о нем.

Я взял письмо, открыл конверт, вытащил листок белой бумаги с отпечатанным на машинке текстом:

«Мистер Байард.

С чувством глубокого сожаления и выражением глубочайшего личного участия я подтверждаю этим вашу отставку из Дипломатического Корпуса Его Величества Императора Наполеона V по состоянию здоровья...»

Там было еще что-то — о моей верной службе и преданности долгу, сожаления о невозможности устроить мне пышные проводы из-за того, что я окончательно еще не вылечился, а также надежды на скорейшее выздоровление. Упоминалось также имя моего поверенного в Париже, который может ответить на все мои вопросы. Подпись в конце письма была мне абсолютно незнакома, но потом я, конечно, вспомнил — кто же не знает графа де Маннна, заместителя министра иностранных дел в вопросах безопасности. Старина Риджи...

Я прочел письмо дважды, затем снова вложил его в конверт. Мои руки заметно дрожали.

— Кто вам его дал? — мой голос звучал хрипло.

— Это был доктор, сэр. Они привезли вас две ночи назад в карете и господин доктор был очень заботлив в отношении вас, сэр. К сожалению, ваши друзья, сэр, очень спешили, им надо было еще успеть на пароход, идущий в Кале.

— Как он выглядел?

— Доктор? — Хильда снова принялась меня тереть.— Это был довольно высокий джентльмен, сэр, хорошо одетый, с приятным голосом. Брюнет. Я видела его всего каких-то две-три минуты и в темноте не могла как следует рассмотреть.— Она засмеялась.— Но я все же успела заметить, что глаза у него очень близко поставлены друг к другу.

— Он был один?

— Был еще кучер и второй джентльмен, не выходивший из кареты, но...

— А миссис Роджерс их видела?

— Всего несколько мгновений, сэр. Они ужасно спешили.

Хильда закончила купать меня, вытерла насухо, помогла надеть чистую пижаму и лечь в постель. Мне хотелось еще о многом ее расспросить, но сон тут же овладел мною.

В свое следующее пробуждение я почувствовал себя уже более нормально. Я встал с постели, добрался до шкафа, где обнаружил странный наряд, состоящий из узких брюк, рубашки с рюшами у горла и на манжетах и туфель с маленькими блестящими пряжками.

Но, конечно же, ничего странного в этом не было — тут же поправил я себя. Просто очень модная и новая одежда — ярлык портного еще торчит из нагрудного кармана.

Я закрыл шкаф и подошел к окну. Оно все еще было открыто и послеполуденное солнце освещало горшки с геранью, стоявшие на подоконнике. Внизу я увидел ухоженный садик, кирпичную дорожку, белый забор и вдалеке — купол церкви. В воздухе стоял запах свежескошенного сена. Я увидел Хильду, выходящую из-за угла с корзиной в руке. На ней была плотная юбка длиной до щиколоток и деревянные сабо красно-синего цвета. Она заметила меня и широко улыбнулась.

— Хелло, сэр! Вы уже выспались?

Она подошла ближе и подняла корзину, чтобы показать мне лежащие в ней темно-красные помидоры.

— Правда хороши! Я несколько штук порежу вам на обед.

— Это будет замечательно! — как можно восторженнее постарался воскликнуть я.— А, кстати, как долго я спал?

— В этот последний раз?

— Нет. Вообще.

— Ну, вы прибыли около полуночи. После того, как мы вас уложили, вы проспали весь следующий день и всю ночь и проснулись сегодня около полудня. После ванны вы снова уснули и спали до сих пор.

— А сколько сейчас времени?

— Около пяти вечера,— она засмеялась.— Вы спали так, как будто вам дали снотворное, сэр...

Я почувствовал себя так, словно тяжелый груз свалился с моих плеч, как подтаявший снег с крутой крыши. Снотворное? Вот оно что! Меня опоили до предела!

— Я хотел поговорить с миссис Гайвор,— сказал я.— Где она?

— В кухне, сэр. Она готовит вам к обеду гуся. Мне сказать ей...

— Нет, не надо. Я сейчас оденусь и отыщу ее.

— Сэр, вы уверены, что в состоянии...

— Я чувствую себя прекрасно, милая Хильда,— заверил я ее.

С этими словами я отошел от окна, подошел к шкафу все еще борясь с дремотой, которая наплывала на меня словно туман. Одевшись, я пошел по коридору на звон посуды и оказался в помещении с низким потолком, мойкой, в которой девочка-подросток мыла посуду, и столом, у которого стояла, разделывая гуся, Гайвор.

— О, да ведь это мистер Байард,— воскликнула она, увидев меня в проеме двери.

Я прошел вперед, оперся на стол, чтобы не упасть и постарался не думать о шуме в голове.

— Ганвор, доктор не оставлял вам для меня никаких лекарств?

— Да. Конечно же, сэр, капли, которые он сказал надо добавлять в суп и белые порошки, которые надо добавлять в другие блюда.

— Дайте-ка мне их, Ганвор! — приказал я.— Больше мне не давать никаких порошков и капель! Понятно?

Внезапно в голове у меня помутнело. Но усилием воли я все же попытался отогнать головокружение.

— Мистер Байард, вы еще недостаточно окрепли. Вам еще трудно ходить,— мягко заметила матушка Ганвор.

— Мне нельзя лежать! Нельзя! Надо... ходить. Выведите меня наружу, пожалуйста.

Я почувствовал, как Ганвор подхватила меня под руку и услышал ее взволнованный голос. Я неясно ощущал, что передвигаю ноги, потом — прохладу открытого воздуха. Я попытался снова сделать пару глубоких вдохов для того, чтобы отогнать туман в голове.

— Мне стало лучше,— прошептал я.— Походите со мной, пожалуйста, матушка.

— Может быть, вам лучше лечь в постель, сэр,— настаивала Ганвор.

Но я не обращал никакого внимания на ее уговоры, продолжая как мог передвигать ноги.

Это был хороший сад, с дорожками, кружившими вокруг овощных грядок, кустов роз, возле фруктовых деревьев, мимо соблазнительной скамьи под раскидистым дубом.

— Давайте еще раз обойдем все вокруг,— предложил я.— В этот раз я постараюсь не опираться на вашу руку, матушка Ганвор.

Чувствовал себя я уже лучше и ощутил даже легкое чувство голода.

Солнце быстро садилось, отбрасывая длинные тени на траву. После третьего круга я остановился у дверей кухни и подождал пока Ганвор принесет мне стакан холодного сидра.

— А теперь вы должны сесть и ждать обеда, сэр,— взволнованно сказала старая женщина.

— Мне уже преотлично,— я похлопал ее по руке.

Она с тревогой наблюдала за мной, когда я встал и пошел. Я глубоко дышал и пытался собраться с мыслями. Кто-то доставил меня сюда, напоил наркотиками и уст-

роил все так, чтобы их продолжали давать мне еще какое-то время (как долго я не знал, но мог установить это, оценив запас лекарств у Гавнор). Кто-то так же поиутил с моей памятью. Вопрос — кто и почему??? И этот вопрос требовал незамедлительного ответа!

Я сделал усилие прорваться сквозь туман и что-то вспомнить. Судя по молодой листве и бутопам роз, здесь был, по меньшей мере, июнь месяц. Где я был в мае, или скажем, прошлой зимой???

Холодные улицы, высокие здания в почи, теплые внутри, радость, смеющиеся лица друзей и улыбка красивой рыжеволосой женщины по имени... по имени...

Я не мог вспомнить! Это почти — воспоминание ускользнуло от меня как колечко дыма, унесенное ветром. Кто-то хорошо потрудился (используя несомненно гипноз) чтобы похоронить мои воспоминания под слоем сфабрикованных! Но это все же было не так хорошо проделано, как им хотелось. Мне потребовалось всего несколько часов, чтобы отбросить вымышленные воспоминания несуществующего прошлого.

А, может быть...

Я повернул обратно к дому. Гавнор «колдовала» над тарелкой со свеженапеченными пирожками. Она спрятала что-то под фартук, когда я вошел в компату.

— Ох! Вы меня так испугали, сэр.

Я подошел, взял у нее из рук склянку, наполненную белым порошком, и выбросил в мусорное ведро.

— Больше никаких лекарств, матушка Гавнор,— произнес я и ободряюще похлопал ее по плечу.— Я знаю, что доктор дал вам указания на этот счет, но мне больше не нужны лекарства! Но скажите, есть ли здесь...

Я задумался, какое слово употребить. Мне не хотелось пугать ее вопросом о психиатре, да она и не поняла бы этого слова.— Гипнотизер? Да, есть ли у вас здесь гипнотизер? — Я отступил немного в сторону и ожидал увидеть на лице старой женщины признаки понимания.— Человек, который слушает людей, успокаивает их и...

— Ах, вы имеете в виду месмериста? — матушка заулыбалась и закивала головой.— Но, увы, сударь, здесь в деревне нет таких... Только разве матушка Гудвил, разве что,— прибавила она с сомнением.

— Матушка Гудвил?

— Я ничего не имею против нее, сэр, но есть люди, которые поговаривают о колдовстве. Я как раз читала вчера «Пари матч», что можно вызвать у себя серьезный

невроз, если позволять неквалифицированным людям заниматься своей психикой.

— Пожалуй, вы правы, Ганвор,— согласился я.— Но на психику я не жалуюсь. Меня просто иногда подводит память.

— Вас тоже это беспокоит? — Лицо женщины засияло.— Я сама тоже такая забывчивая. Иногда даже и не помню, что хотела сделать...

— Так что же, матушка Гудвил? — перебил я ее.— Далеко отсюда она живет?

— На другом конце деревни, сэр. Но я бы вам не советовала иметь с ней дело. Это не для такого культурного джентльмена, как вы. У этой женщины весьма убогий домик, да и сама эта старуха не делает чести нашей деревне. А что касается ее одежды, то тут...

— Я не буду слишком критичным, Ганвор.— Я пожал плечами.— Мне хотелось бы, чтобы вы отвели меня к ней.

— Лучше я позову ее сюда к вам, сэр. Если вы уж так настаиваете... но тут, в часе езды, в Илимге, есть дипломированный специалист.

— Матушка Гудвил меня вполне устраивает. Как скоро вы можете ее сюда пригласить?

— Если вы не возражаете, сэр, это можно было бы сделать после обеда, а то сейчас я только поставлю жариться гуся, да и пироги начинают подрумяниваться.

— Хорошо. А пока я погуляю по саду. Надо нагулять аппетит, достойный вашей кухни, уважаемая Ганвор.

После второго куска пирога с черникой, финальной чашечки кофе и глотка брэнди с ароматом столетий, я закурил новоорлеанскую сигару и стал наблюдать как Хильда и Ганвор зажигают масляные лампы в гостиной.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь и Ингалиль, кухонная прислуга, заглянула в дверь.

— Старая ведьма пришла по вашему приглашению,— прошипела она.— Она курит трубку!

— Тише ты, она услышит,— прошептала Хильда.— Скажи ей подождать, пока ее не позовут.

Тут Ингалиль взвизгнула и отскочила в сторону, а в комнату вошла скрюченная старуха, опирающаяся на гнутую палку. Живые черные глаза оглядели комнату и сверкнули на меня. Я внимательно осмотрел гостью и заметил крючковатый нос, беззубые десны, выдвинутый вперед подбородок и прядь седых волос, нависающих над щекой.

Трубки я не увидел, но заметил, что она выпускала последнее кольцо дыма из ноздрей.

— Кто здесь нуждается в целительном прикосновении матушки Гудвил? — прошамкала она.— Ну, конечно же, это вы, сэр. Вы, который проделали такой странный и долгий путь вместе со странником, которому предстоит еще более долгий путь...

— Я не говорила тебе, что это новый джентльмен,— сказала из угла Ингалиль. Тут она осмелела, подошла к старухе и, протянув руку к корзинке старой женщины, произнесла:

— А что у тебя там?

Но тут же последовал удар палкой по пальцам и служанка опять взвизгнула, нырнула в свой угол.

— Следи за своими манерами, дорогуша,— почти ласково прошамкала матушка Гудвил.

Она прошаркала к стулу, уселась и поставила свою ношу у ног.

— Так вот, матушка Гудвил,— начала Ганвор,— нашему гостю, вот этому джентльмену, нужно немного помочь в...

— Он хочет отодвинуть завесу прошлого, чтобы яснее прочесть будущее,— старая карга попыталась улыбнуться.— О, он хорошо сделал, что позвал старую матушку Гудвил. А теперь...

Ее тон стал более выразительным.

— Ты пальень мне рюмочку,— продолжала она,— чтобы я подкрепила свои силы, а потом вы все удалитесь, кроме милорда нового джентльмена.

Старуха взглянула на меня взглядом хищной птицы.

— Меня не интересует будущее,— начал было я.

— Неужели, сэр,— старуха закивала будто бы соглашаясь.— Тогда вы очень странный смертный.

— Но есть некоторые вещи, которые мне нужно вспомнить,— продолжал я, игнорируя слова старухи.— Может быть, под влиянием гипноза я мог бы...

— Так... тогда, значит, вы хотите заглянуть в прошлое. Впрочем, я так и думала,— прокомментировала невозмутимо она.

Ганвор позвякивала стаканами у стола. Она подошла и подала старухе стакан, потом вместе с Ингалиль и Хильдой принялась убирать со стола.

Матушка Гудвил, причмокивая губами, выпила брэнди и потом замахала своей неестественно большой, в коричневых пятнах, рукой.

— А теперь прочь отсюда, мои цыпляточки,— прошамкала она.— Я чувствую, что на меня нисходит дух. Я вижу что-то удивительное... О, что это? Что это? Духи шепчут мне...

— Оставь эти сказки о духах,— воскликнула Хильда и рассмеялась.— Все, что хочет от тебя мистер Байард...

— Прочь отсюда, девушка,— повысила голос старуха.— Или я пошлю на тебя силу, которая сомкнет твои колени так, что ничто не сможет их разомкнуть. Уйди прочь!

Все ушли. Тогда старуха повернулась ко мне.

— А теперь к делу, сэр. Что вы дадите старухе за горсть утраченных воспоминаний? Что вы забыли — свою любимую, порывы юности, ключ к счастью, казалось, уже к достигнутому?

Я усмехнулся.— Вам хорошо заплатят, матушка Гудвил. Только давайте отбросим все ненужное в сторону. Никакой мистики! И давайте перейдем прямо к делу. У меня есть основания полагать, что я страдаю от насильственной потери памяти, возможно, в результате гипнотического воздействия. И поэтому я хотел бы, чтобы вы ввели меня в состояние гипноза и посмотрели, нельзя ли что-нибудь сделать такое, чтобы вернуть мне память.

Старуха наклонилась вперед и пристально стала рассматривать меня.

— В вас есть какая-то странность, сэр,— прошамкала она.— Что-то, чего я не могу до конца понять. Как будто ваши глаза устремились к горизонту, который другие люди видеть не в силах.

— Пусть я странный тип, но не настолько, чтобы вы не смогли меня загипнотизировать, надеюсь?

— Вы говорите, что у вас отняли память, да? Кто же мог это сделать? Да и зачем?

— Вот это я и надеюсь узнать с вашей помощью!

Она понимающе кивнула.— Я слышала о таких вещах, сэр. Бездны мрака, осененные светом кроваво-красной луны...

— Матушка Гудвил,— не выдержав, перебил я старуху,— мы же с вами, по-моему, уже условились. Как только речь зайдет о бездне, магии, темных силах и так далее, я буду снижать вам плату. Меня интересует только строго научный механизм. О, кей?

— Что, сэр? Вы собираетесь учить Хозяйку Тьмы ее ремеслу?

Это начинало мне уже надоедать.

— Наверное, нам обоим лучше забыть об этом разговоре.— Я полез в карман за монеткой.— Это была моя ошибка...

— Вы хотите сказать, что матушка Гудвил — шарлатанка, да? — голос старухи приобрел подозрительно мягкий оттенок.

Я посмотрел на нее и уловил сверкающий взгляд ее черных и живых глаз.

— Вы думаете, что старуха пришла сюда, чтобы подурачиться с вами, сэр? Вы думаете, что я пришла сюда, чтобы обмануть вас? — ее голос стал затухать... Слова слышались словно издалека. В комнате вдруг возник какой-то шум, напоминавший шум прибоя в морском гроте...

* * *

...десять!

Мои глаза открылись. За мной наблюдала женщина с бледным довольно симпатичным лицом, задумчиво опираясь на локоть и курившая сигарету. Ее темные волосы были закручены на затылке в тугой узел. Воротничок ее белой блузки был расстегнут, открывая ее сильную, изящную шею. На лоб свисал один темный локон.

Я внимательно осмотрел комнату. Снаружи было уже темно, где-то громко тикали часы.

Женщина слегка улыбнулась, взмахнула рукой с покрытыми красным лаком ногтями и указала на черный ворох какого-то тряпья, лежавшего рядом со мной на стуле и на палку, прислоненную к нему.

— В этом довольно жарко работать,— произнесла женщина низким приятным голосом.— Как вы себя чувствуете?

Я на минуту задумался.

— Прекрасно!

Но тут я заметил клок седых волос, выглядывающих из-под черной одежды. Я встал, подошел к стулу и поднял этот ворох. Под ним находилась резиновая маска и пара перчаток с ногтями.

— И зачем весь этот маскарад?

— Это очень помогает в моем... бизнесе!

— Вы меня здорово надули. Как я понимаю, Гаввор и все другие тоже обмануты?

Она покачала головой.

— Меня никто и никогда не видел в настоящем облике, мистер Байард. Никто и никогда не заглядывает ко мне, разве что только по делу. Здесь живут очень простые люди. По их мнению, морщины и мудрость неотделимы друг от друга — так что я соответствую их представлению о деревенском месмеристе. Иначе ко мне никто никогда не обращался бы. Вы — единственный, кто знает мой секрет.

— Но почему?

Она изучающе посмотрела на меня.

— Вы очень необычный человек, мистер Байард. Я могла бы сказать, что — таинственный человек. Вы рассказали мне довольно много странных вещей. Вы говорили о других мирах, о людях, похожих на животных, покрытых шерстью...

— Дзок! — воскликнул я. Мои руки потянулись к голове, словно пытаясь выжить воспоминания из головного мозга, как зубную пасту из тюбика...— Хегруны и...

— Спокойно, спокойно, мистер Байард,— начала успокаивать меня женщина.

— Ваши воспоминания, если это только воспоминания, а не игра больного воображения, есть, они целы и их можно вызвать к жизни. А сейчас отдыхайте. Это далось нелегко — и вам и мне. Поверьте, очень нелегко было снимать пелену с вашего мозга. Тот, кто пытался уничтожить ваши видения и образы чудесного рая и немыслимого ада, несомненно, искусный месмерист. Но теперь вся ложь изобличена.

— Я сама не дилетант,— проговорила она.— Но сегодня мне потребовалось все мое мастерство.

Она поднялась, подошла к зеркалу в раме, вписевшему на стене и грациозным движением поправила прядь волос.

Я смотрел на нее, не видя ничего. Мысли о Барбро, светящейся фигуре в темноте склада, бегстве с Дзоком от хегрунов — теснили одна другую, требуя размышлений и оценки.

Матушка Гудвил подняла со стула одежду, набросила ее на плечи, приняла позу старухи, которой она недавно еще была. Ее белые руки натянули на лицо маску. За этим последовали перчатки и парик. И вот уже со сморщенным годами лицом она смотрела на меня, живые черные глаза блестели.

— Отдыхайте, сэр,— прохрипел старческий голос.— Отдыхайте, спите, мечтайте и пусть эти беспокойные мысли найдут свои привычные места снова. Я опять завтра приду к вам — есть еще много такого, что должна узнать матушка Гудвил. Узнать о вселенных, которые, как вы рассказали, существуют за пределами этого мира. Спите и просыпайтесь освеженным, сильным, с чувством обостренным словно бритва, потому что вам понадобится все ваше мужество, чтобы выдержать то, что ожидает вас в будущем.

Сказав это, она вышла. Я прошел по коридору в свою комнату, сбросил на стол одежду, лег на кровать с пуховой периной и погрузился в тревожный сон.

ГЛАВА VII

Прошло три дня, прежде чем я достаточно окреп, чтобы нанести визит матушке Гудвил.

Она жила в крытой соломой лачуге, почти скрытой от посторонних глаз зарослями роз, которые цвели алыми цветами.

Я проскользнул в ржавую калитку, прошел по дорожке, окаймленной неухоженными рододендронами и постучал в темную дубовую дверь.

Сквозь маленькое окошко был виден угол стола, вазочка с незабудками и толстая книга в кожаном переплете. В воздухе раздавалось жужжание пчел, чувствовался запах цветов и свежесваренного кофе. «Несколько необычный фон для встречи с ведьмой» — подумал я.

Дверь открылась. Матушка Гудвил, чисто и опрятно выглядевшая в белой блузке и черной юбке, жестом предложила мне войти вовнутрь.

— Сегодня вы без маскарада,— отметил я.

— Вы, очевидно, чувствуете себя несколько лучше,— заметила она довольно сухо.— Не хотите ли чашечку кофе? Или это не принято в ваших краях?

Я пристально взглянул на нее.— Вы скептически настроены по отношению ко мне. Почему?

Она пожала плечами.— Я просто привыкла доверять своим ощущениям. Правда, иногда они противоречат друг другу.

Я сел на стул у стола и оглядел маленькую комнатку. Она была тщательно убрана.

Матушка Гудвил принесла кофе, разлила его в чашки, поставила на стол и только потом села напротив меня.

— Ну, мистер Байард, ваша голова сегодня ясна. И поэтому я хотела бы задать вам очень важный вопрос. Ваша память восстановилась?

Я попробовал кофе и кивнул. Кофе в самом деле был хорош, как я впрочем и ожидал.

— Нет ли у вас какого-нибудь другого имени, которым я мог бы вас называть? — спросил я хозяйку.— Мне кажется, что имя «матушка Гудвил» больше подходит к морщинам и сединам.

— Можете называть меня Оливия.

У нее были изящные белые руки и на одном из пальцев мерцал красивый зеленый камень. Она потягивала свой кофе и смотрела на меня, словно решая, сказать мне что-то или нет.

— Вы хотели задать мне какой-то вопрос? — подсказал я ей.— Когда я на него отвечу, может быть, вы мне кое-что объясните?

— О многих чудесах поведали вы мне в своем полусне,— проговорила она. Я услыхал тихое позвякивание и, посмотрев на ее чашку, заметил, что руки ее дрожали, заставляя чашку звенеть. Она быстро поставила ее на стол, заметив мой взгляд и убрала руки под стол.

Я часто думала, что существует что-то кроме всего этого,— она руками обвела вокруг себя.— В своих снах я часто видела прекрасные холмы, леса, города и мое сердце стремилось к ним и я просыпалась всегда с чувством, что утратила что-то прекрасное. Мне кажется, что в ваших бредовых речах была какая-то надежда — давно забытая вместе с другими надеждами юности. Скажи мне, чужеземец, эти рассказы о других мирах, похожих друг на друга, как две свежеотчеканенных монеты, но все же имеющие какое-то крошечное отличие, эти твои рассказы об экипажах, которые могут перелетать из одного мира в другой — все это была только игра твоего воображения, да?

— Нет, Оливия, это правда,— покачал я головой.— Я знаю, что это трудно сразу осознать. Всем. Мы привыкли думать, что знаем все на свете. Мы склонны не верить в то, что не соответствует нашим предположениям.

— Вы говорили о какой-то беде, Байард,— она произнесла мое имя с легкостью, как будто оно было ей хорошо знакомо. Думаю, что знание чужих сокровенных мыслей снимает формальности. Да я и не имел ничего

против этого. Оливия без маскарада была очаровательной женщиной, несмотря на ее излишне вычурную прическу и тюремную бледность. Ей бы немного солнца и чуточку косметики...

Я заставил вернуться к действительности.

Она внимательно выслушала мой рассказ, начиная от странного допроса Рихтгофена до приговора ксонджилианцев.

— Так что я влип,— я закончил свой рассказ.— Без шаттла я здесь в ловушке до конца своих дней.

Она покачала головой.

— Все это так странно, Брайан. В это невозможно верить. Все настолько невероятно и фантастически неправдоподобно... но тем не менее, я не могу не верить вам.

Судя по тому немногому, что я узнал об этой линии мира, она весьма отсталая в техническом отношении.

— Ну почему же. Мы очень современные люди,— запротестовала Оливия.— У нас есть паровая энергия, пароходы пересекают Атлантику за девять дней, воздушные шары, телеграф и телефон, современные автомобили на угле, которые начинают вытеснять повозки, запряженные лошадьми.

— Конечно, конечно, Оливия. Поверьте, что я не хотел вас обидеть. Давайте просто считать, что в некоторых отраслях мы вас немного опередили. Не забывайте, что Империум все же владеет МК приводом. В моих краях есть также атомная энергия, реактивные самолеты, радар и простейшие программы исследования космоса. Вы же здесь движетесь немного в другом направлении. Дело в том, здесь я связан по рукам и ногам. Они выслали меня в континиум, из которого я уже не смогу сбежать.

— Но разве это так плохо? — спросила она.— Здесь перед вами целый мир — и теперь, когда искусственные берьеры сняты с вашего мозга, вы легко вспомните все, вспомните все чудеса, которые оставили в своем мире.

Она теперь говорила с чувством, взволнованная перспективой.

— Вы говорили о самолете! Так постройте его! Как прекрасно лететь по небу, словно птица! Ваше прибытие сюда может означать начало нового Века Славы для нашей империи!

— Нет,— я покачал головой.— Все что вы хотели бы иметь здесь — это великолепно. Ну, а что будет с м о и м миром? К этому времени хегрупы, возможно, уже начали

боевые действия и, может быть, моя жена в это время носит цепи вместо жемчуга! — Я встал, подошел к окну и выглянул наружу.— А в это время я гнию в этом убогом мире! — проговорил я.

— Брайан,— тихо произнесла женщина за моей спиной.— Вы чувствуете себя обеспокоенным — и не столько угрозой вашим любимым друзьям, сколько отдаленностью этих дел от вас.

Я повернулся.

— Что вы хотите сказать, употребляя слово «отдаленностью»? Неужели вы не можете понять, Оливия, что мои друзья, моя жена, все, что мне дорого, все это может находиться в руках обезьяно-людей.

— Те, кто работал над вашим мозгом, Брайан, стремились стереть все это из вашей памяти,— усмехнулась Оливия.— Правда мое искусство смогло снять это заклятье. Но ничего удивительного в том, что это кажется теперь вам старыми воспоминаниями, воспоминаниями тысячелетней давности, нет. Да, я сама дала вам команду, чтобы боль ослабела...

— Будь проклята эта боль потери! — вскричал я.— Если бы я не был таким дураком, чтобы верить Дзоку...

— Бедный Брайан. Вы еще не знаете, что именно он работал над вами, когда вы спали, и что именно он внушил вам желание отправиться с ним в Ксонджил. Но, тем не менее, он сделал для вас все, что мог по крайней мере, так говорят ваши воспоминания.

— Я мог бы отбить у них шаттл,— сказал я.— По крайней мере я был бы там и помогал бы отбить атаку этих негодяев!

— Но ведь старейшины из Ксонджила сказали вам, что ваш мир 0-0 больше не существует!

— Они сошли с ума! — я начал шагать по комнате.— Слишком многого я не понимаю, Оливия! Я похож на человека, блуждающего во тьме и натыкающегося на предметы, которые не вполне узнает. И теперь...

Я поднял руки и вновь бессильно опустил их.

— У вас еще впереди вся жизнь, Брайан. Вы найдете себе и здесь место. Принимайте то, что уже нельзя изменить.

Я пожал плечами и снова сел.

— Оливия, я не стал задавать Гаивор и другим всяческие вопросы. Я не хотел возбуждать их любопытство своим незнанием. Сведения, которыми меня снабдил Дзок и его парни, не слишком обширны. Наверное, они пола-

гали, что я отправлюсь в библиотеку и просвещу себя сам. Это верно. Но сейчас я просил бы вас рассказать мне хоть немного об этом мире. Для начала просветите меня в отношении вашей истории.

Она засмеялась — неожиданно весело.

— Как это замечательно, Брайан, рассказывать об этом старом и прозаичном мире, как будто это вымысел мечтателя, а не надоевшая реальность.

Мне удалось кисло улыбнуться.— Действительность всегда несколько скучновата для того, кто в ней живет.

— С чего же начать? С Древнего Рима? Со Средневековья?

— Первое, что я хотел бы сделать, это установить Дату Общей Истории, то есть момент, когда истории наших континиумов стали различаться. Вы упомянули слово «Империя». Что это за империя? Когда она основана была?

— Ну как же! Я имею в виду, конечно же, Французскую Империю! — Оливия растерянно заморгала, затем покачала головой.

— А, впрочем, никаких «конечно»,— сказала она.— Французская Империя была основана императором Наполеоном в 1799 году.

— Понятно,— протянул я.— У нас тоже был свой император Наполеон. Но его империя просуществовала недолго. Его сместили и выслали на Эльбу в 1814 году...

— Да! — воскликнула Оливия.— Но он сбежал оттуда, вернулся во Францию и привел свои армии к славной победе!

Я покачал головой.

— Он был на свободе всего около ста дней, пока британцы не разбили его при Ватерлоо. Он был снова выслан, на этот раз на остров Св. Елены и несколько лет спустя там же умер.

Оливия уставилась на меня.

— Как странно... как неправильно и как странно. Император Наполеон правил в Париже еще двадцать три года после своей великой победы при Брюсселе и умер в 1837 году в Ницце. На престоле его сменил сын, Луи...

— Герцог Рейхштадский?

— Нет. Герцог умер в юности. А Луи был шестнадцатилетним юношей, сыном Императора и принцессы Дании.

— И его Империя все еще существует? — удивился я.

— После свержения английского тирана Георга было

разрешено включить британские острова в состав Империи. После объединения Европы свет просвещения был принесен в Африку и Азию. Сейчас эти континенты являются полуавтономными провинциями, управляемые из Парижа, но имеющие свои собственные палаты депутатов, которые уполномочены решать все их внутренние дела. Что касается Новой Франции — или иначе, Луизианы — эти разговоры о восстании скоро утихнут, Королевская комиссия была послана, чтобы разобраться в жалобах местных жителей на вице-короля.

— Ну, что ж, полагаю, что дату Общей Истории мы определили достаточно точно,— сказал я.— Это 1814 год. И похоже, что с той поры в вашем мире не было особого научно-технического прогресса.

Эти слова повлекли за собой массу вопросов, на которые я долго отвечал. Оливия была умной и образованной женщиной. Она была в восторге от той картины мира без Бонапарта, которую я ей нарисовал.

Когда я закончил, утро уже превратилось в день. Оливия предложила мне ленч и я согласился. Пока она стояла у плиты, я сидел у окна и разглядывал этот любопытный анахронический пейзаж из полей, дорог и фермерских домиков.

Стояла атмосфера умиротворенности и изобилия, которая превращала мои отдаленные воспоминания об угрозе Империуму в (как говорила Оливия) полузабытую, давно прочитанную историю — подобно книге, лежавшей на столе.

Я взял ее в руки и посмотрел на заглавие:

«КОЛДУНЬЯ ИЗ ОЗА!!!»

Автор!

Лилиана Ф. Баум!!!

«Забавно»— подумал я.

Оливия посмотрела на книгу, которую я сейчас держал в руках, улыбнулась почти застенчиво.

— Странное чтиво для колдуньи, не так ли? — спросила она.— Но мои сны и мечты часто похожи на этот вымысел. Как я вам уже говорила, этот мир кажется мне таким маленьким, его мне явно недостаточно...

— Я не об этом, Оливия! Мы с тобой довольно четко установили дату Общей Истории — это произошло в начале девятнадцатого века, верно? Баум не было тогда еще на свете. Она («а, может быть, он»— отметил я про себя) родилась только ... в 1855 году. По крайней мере,

человек с таким именем родился в моем мире именно в таком году. И вот здесь тоже есть такой человек...

Я раскрыл толстую книгу в красном кожаном переплете и посмотрел на выходные данные: «Уилли и Катон. Нью-Йорк и Париж 1896 год».

— Вам в вашем мире известна эта книга, Брайан,— спросила Оливия.

— В моем мире писатель по имени Френк Баум написал книгу «Волшебник Страны Оз»— пояснил я.— Однако я слышал, что у него были замыслы написать продолжение этой книги и как раз под таким названием.

Я с удовольствием разглядывал обложку, на которой была изображена фигурка, похожая на Белоснежку, стоящую перед гномами.

— В детстве это была моя любимая книга,— сказала Оливия.— И как чудесно было бы прочесть вашего «Волшебника из страны Оз».

— Да. Это единственное что он написал в нашем мире,— сказал я.— Он умер в 1896 году.

1896! Туман, окутывающий мой мозг в течение долгих дней после моего пробуждения, стал быстро рассеиваться. Рассеиваться ветром неожиданного понимания. Дзок и его приятели переместили меня в линию мира очень близкой моей собственной! Они были очень гуманны, но не так умны, как им хотелось бы. Они были не столь добросовестны в своих исследованиях, как следовало бы быть.

Я вспомнил фотодиаграмму, которую мне показали на Совете, и светящуюся точку мира, неизвестную картографам Сети Империума, точку, означавшую четвертый неоткрытый мир, лежащий в пределах Зоны Опустошения. Тогда я решил, что это ошибка, как и то, что на этой фотодиаграмме отсутствовала линия 0-0. Но, значит, ошибки не было! Линия В-1-4 существовала — мир, дата Общей Истории которого лежала в начале девятнадцатого века! А если есть один человек, известный в двух наших мирах, то почему бы не быть и другому? Или двум другим Максони и Копини, изобретателей привода МК!!!

— О чем вы задумались? — голос Оливии вернул меня с небес на землю.

— Так, ничего.— Я положил книгу на стол.— Думаю, начал я.— Что, хотя и прошло после Общей даты немного больше пятидесяти лет, все же изменения небольшие и некоторые люди могли бы и здесь родиться...

— Брайан,— начала Оливия.— Я не стану просить тебя довериться мне, но позволь помочь тебе.

— Помочь мне, в чем? — я попытался вновь придать своему лицу то выражение невозмутимости, которое было на нем минуту назад, но тут же почувствовал, что мне удается довольно плохо.

— Я чувствую, что у тебя возник какой-то план. Но в одиночку он может тебе не удастся. Очень многое для тебя здесь чужое, очень много ловушек может поджидать тебя на каждом шагу. Позволь мне оказать тебе помощь.

— А почему это ты должна мне помогать?

Она мгновение помолчала, глядя на меня своими темными глазами.

— Всю жизнь я ищу ключ к какому-то другому миру... какому-то миру грез. И я чувствую, что ты, Брайан, как-то связан со всем этим. Даже если мне нельзя будет попасть туда, мне приятно было бы сознавать, что я помогла кому-то добраться до казалось недостижимого берега.

— Все эти миры точно такие же, Оливия. Одни лучше, другие хуже. Там есть люди, дома и земли, законы и естественная человеческая природа. Нельзя достичь мира грез просто собрав вещи и переехав, его надо строить там, где ты ЖИВЕШЬ!

— Но все же, я вижу невежество, коррупцию, социальный и моральный упадок, ложь и обман тех, кому верят миллионы...— Это, конечно, очень плохо, но до тех пор, пока мы живем в обществе, соответствующем человеческому разуму, эти вещи всегда будут существовать. Но дай срок, Оливия, мы ведь экспериментируем с культурой только несколько тысяч лет. Еще несколько тысячелетий — и будет совсем другое дело. Поверь мне!

Она рассмеялась.

— Ты говоришь так, словно вечно — это лишь мгновение!

— По сравнению со временем, которое потребовалось, чтобы мы превратились из амеб в обезьян — это и есть мгновение. Но мы не будем отказываться от своих грез — это та сила, которая влечет нас вперед, какова бы ни была наша конечная цель.

— Тогда позволь мне превратить эту мечту в реальность. Позволь мне помочь тебе, Брайан. Та история, которая была мне рассказана — что ты заболел от переутомления, когда работал чиновником Колониального

Управления и поэтому нуждаешься в отдыхе — все это довольно призрачная ложь. И еще, Брайан,— она понизила голос,— за тобой следят.

— Следят??? Кто же, карлик с бородой и в черных очках?

— Это не шутка, Брайан. Вчера вечером я увидела человека, прятавшегося у ворот дома Ганвор, а через полчаса человек с шарфом на шее прошел по дороге поблизости, пока вы пили свое пиво.

— Это ничего не доказывает, Оливия.

Она нетерпеливо покачала головой.— Ты собираешься бежать отсюда, верно? Бежать из этой тюрьмы...

— Тюрьмы? Я свободен как птица!

— Ты зря теряешь время,— Оливия рассмеялась.— Что ты совершил такое, что тебя заточили в наш мир я не знаю, но в борьбе между ними и тобой я буду на твоей стороне. Знай это. А теперь быстро, Брайан! Куда ты собираешься отправиться? Каким образом ты думаешь это осуществить?

— Подожди, Оливия. Ты спешишь с выводами.

— И тебе надо спешить, Брайан. Спешить, чтобы избежать погони. Я чувствую опасность, которая обвивается вокруг твоей шеи, как змея.

— Я уже говорил тебе, Оливия — я был выслан сюда ксонджилианским Советом. Они не поверили моему рассказу или сделали вид что не поверили. Они закинули меня сюда, чтобы избавиться — ведь они считают себя очень гуманными. Если бы они хотели меня убить, то у них для этого были все возможности.

— Они постарались под гипнозом уничтожить твою память о прошлом, а теперь они наблюдают, чтобы оценить результаты этого вмешательства в твою психику. И когда они увидят, что ты обеспокоен и познакомился с колдуньей, то... не думай, что они настолько глупы, чтобы совершить еще одну ошибку, Брайан!

— Но ты не колдунья!

— Здесь меня считают именно таковой. Ты неправильно сделал, что пришел сюда днем, Брайан.

— Если бы я прокрался сюда ночью, они все равно могли бы меня увидеть — если они действительно следят за мной, как ты утверждаешь — и они прекрасно знают, что меня не удовлетворит нарисованная ими картина моего прошлого.

— В любом случае им это не понравится. Они снова

придут и заберут тебя и снова попытаются уничтожить твои знания о родном мире.

Я обдумал то, что она сказала.— Да, они могут это сделать,— согласился я.— Не думаю, что частью их программы моего перемещения в этот мир было распространение технических знаний среди слаборазвитых сапиенсов.

— Куда ты собираешься отправиться, Брайан?

Я заколебался, но черт возьми, Оливия была права. Мне придется обратиться за помощью. И если она собиралась предать меня, то против меня уже наверняка много собрали.

— Куда я отправлюсь? Конечно же, в РИМ! — сказал я.

ГЛАВА VIII

Она кивнула.— Очень хорошо. А в каком состоянии твой бумажник?

— У меня есть счет в банке...

— Оставь это. Тебе не придется им воспользоваться. Как только ты потребуешь свои деньги, тебя тут же накроют. К счастью, у меня есть некоторый запас золотых наполеондоров, зарытый в саду.

— Я не возьму твои деньги.

— Ерунда.— Оливия махнула руками.— Они понадобятся нам обоим. Разве ты забыл, что я еду с тобой.

— Но ты не можешь...

— Могу и поеду! — отрезала она.— Приготовься, Брайан, мы едем сегодня ночью!

— Это безумие,— прошептал я темной фигуре в плаще с капюшоном, стоящей рядом со мной в темной аллее.— Тебе незачем вмешиваться во все это...

— Т-ссс,— тихо произнесла Оливия.— Он начинает беспокоиться. Видишь, он вот там? Я думаю, что он сейчас перейдет дорогу, чтобы поближе подойти к нам.

Я пристально вгляделся в густую тень и различил мужскую фигуру. Он пересек дорогу в сотне ярдов от коттеджа и исчез среди деревьев на нашей стороне. Я переступил с ноги на ногу, мое лицо чесалось под жутким гримом, который сотворила Оливия, морщинистое лицо, седые брови и волосы и так далее. Я стал выглядеть как старший брат матушки Гудвил. Оливия же загримировала себя под вульгарную красотку — три слоя краски,

рыжий парик, фиолетовое платье, обтягивающее ее стройную фигуру и множество побрякушек.

— Так, он уже подходит к коттеджу,— прошептал мой конспиратор.

Мы медленно двинулись с места. Когда до конца ограды оставалось что-то около полуметра, я указал Оливии на окно в доме. При свете на занавесках четко вырисовывалась тень головы человека.

Тут раздался шорох гравия, вспыхнул свет, луч скользнул по мне и остановился на Оливии:

— Эй, женщина,— произнес низкий голос.— Что ты делаешь тут после наступления темноты?

Оливия подобралась, уперла руки в боки, тряхнула головой и вызывающе улыбнулась:

— О, капитан,— завопила она,— разве вы не видите, что я просто напросто провожаю своего лучшего друга на поезд.

— Друга?

Свет на мгновение задержался на мне, а потом лег на пышную грудь Оливии.— Что-то я вас раньше не видел в деревне,— произнес незнакомец.

Я набрал полную грудь воздуха и единым махом ответил:

— Потому что я просто путешественник, турист, иными словами.

— Иными словами путешествуете среди ночи, приятель, ха-ха? Странное представление о развлечениях, не находите ли? Покажите-ка мне ваши документы. И вы тоже, мадам.

— О,— запричитала Оливия,— знаете как это бывает, мсье, я так спешила, что, наверное, забыла их дома.

— А куда это вы спешили? Может быть, вы так спешили, чтобы подальше унести награбленное?

— Ничего подобного, капитан. Я честная проститутка и занимаюсь этим делом, да еще немного помогаю вот этому старому приятелю, для которого я единственная опора в жизни.

— Ну, ну, крошка. Не волнуйся так, я не стану забирать тебя в участок. Дай только немного отведать твоих прелестей и я забуду, что когда-то видел тебя.

Он подошел поближе и его большая рука протянулась к груди Оливии. Она вскрикнула и отскочила назад. Полицейский двинулся за ней. Я, не долго думая, ударил его ребром ладони по основанию шеи. Мужчина охнул, уронил фонарик и упал на колени. Стоячий воротничок

его форменной тужурки защитил его от полной силы моего удара. Он попытался снова было подняться на ноги, но я снова нанес ему удар по затылку. Он упал навзничь и потерял сознание.

— Он сильно пострадал? — спросила Оливия, когда я, подняв фонарик, направил луч света на полицейского. Из уголка его рта медленно сочилась струйка крови.

— Пару недель ему придется обойтись без взяток, которые они так привыкли принимать,— усмехнулся я.

Вскоре мы добрались до окраины городка и подошли к станции как раз в тот момент, когда пыхтящий паровоз подошел к платформе. Проводник указал нам наше купе и мы поехали. В вагоне мы были единственными пассажирами.

— Ну вот и все,— с облегчением вздохнула Оливия.

— Мы едем всего лишь в Рим, а не в страну чудес,— засмеялся я.— Кто знает, куда ведет дорога будущего.

ГЛАВА IX

В римской гостинице мы поселились в смежных номерах, окна которых выходили на городскую площадь, где днем и ночью звучали возбужденные голоса итальянцев.

Мы сидели за столиком в моей комнате и ели завтрак пиццу, запивая ее красным вином, таким дешевым, что даже местные нищие могли покупать его ежедневно.

— Те два человека, которые меня очень интересуют, родились где-то в Северной Италии около 1850 года,— сказал я Оливии.— В молодости они приехали в Рим, изучили инженерное дело и в 1893 году сделали свое главное открытие, которое дало Империуму средство перемещения по Сети.

— Надеюсь, что если Баум (не все ли равно мужчина это или женщина) смог здесь родиться и в девяностых годах написал в этом мире нечто подобное тому, что было написано в моем, то, может быть, Максони и Копини тоже существовали здесь,— закончил я.

Оливия слушала молча.

— Они, конечно, не смогли усовершенствовать привод МК так, чтобы можно было посредством него осуществлять полеты по Сети (а если да, то этот секрет умер с ними), но, возможно, подошли вплотную к решению этого вопроса. Может быть, они оставили что-нибудь, что я смог бы использовать для своего возвращения...

— Брайан,— разве ты не говорил мне, что все миры, расположенные вокруг твоей линии 0-0, опустошены и превращены в руины этими же силами? Не опасно ли экспериментировать с такими ужасными инструментами?

— Я довольно неплохой техник и неплохо разбирался в наших аппаратах, посредством которых мы путешествуем по мирам. Я знаю все их уязвимые места. Максони и Копини не знали, с чем они играют. Они натолкнулись на это силовое поле совершенно случайно.

— И, насколько я тебя поняла, почти 99 % всех вероятностных миров погибло именно из-за того, что они не умели управлять вызванными силами, не так ли?

— Да.

— Но если ты достаточно разбираешься в этих своих аппаратах, то тогда зачем тебе Максони и Копини?

— Дело в том, Оливия, что я не могу построить аппарат перемещения по Сети, так как не знаю конструкции основного генератора поля. Это особым образом (Каким?) намотанная катушка, являющаяся сердцем генератора поля. Я никогда не разбирался в ее устройстве. Может быть, если здесь окажутся Максони и Копини, и если они сделали те же случайные открытия, и если они вели записи, и если записи еще существуют, и если я смогу найти их...

Оливия рассмеялась.

— Дело в том, что если боги сделают так, что все эти «если» окажутся в твою пользу, тогда все просто. Давай рискнем. Видение изумрудного города все еще влечет меня.

Давай сначала попытаемся найти хотя бы этих людей. Потом у нас будет, наверняка, много времени, чтобы разобраться в их биографии.

Час спустя в учреждении городского архива усталый молодой служащий принес мне толстый том, в котором записывали старомодным почерком тысячи имен с указанием дат рождения, адресов и если, не дай бог этому случиться, то и дату смерти.

— Предупреждаю вас, сеньор,— произнес клерк,— что хотя муниципалитет и предоставляет вам эти записи, но разбираться и читать их вам придется самому.

— Вы только объясните мне, что здесь такое,— тихо проговорил я.— Меня интересуют данные о Джулио Максони либо о Карло Копини.

— Да, да, я помню. Так вот, перед вами находится регистрационная книга, в которую занесены имена всех лю-

дей, прибывших в город на жительство в период с 1870 года по 1880 год. А теперь извините, мне надо заниматься своими прямыми обязанностями.

Я вздохнул и с помощью Оливии принялся за работу.

Прошло около двадцати минут. За это время мы просмотрели все записи за 1870 год. Настала очередь 1871 года. Оливия читала быстрее меня и вскоре раздался ее взволнованный голос:

— Брайан, посмотри! Джулио Максони, родившийся в 1847 году в Палермо.

Я страшно разволновался, вчитываясь в эти строки, хотя внутренний голос подсказывал мне, что это, может быть, не тот Максони. Людей с такой фамилией, мы уже встретили около сотни, так почему бы не быть хотя бы десятку Джулио Максони?

Я похвалил Оливию и записал адрес этого Максони в записную книжку. Мои поиски Карло Копини пока не увенчались успехом.

Максони жил на улице Карлотти в доме № 12, на четвертом этаже. С помощью карты города мы нашли эту улицу, а потом и оказались на ней. На узкой и замусоренной до предела. Было очевидно, что Максони начинал свою карьеру, если это только был тот, кого мы искали, мягко говоря, в скромных условиях. Даже сто лет назад этот район был районом, где жили одни только нищие.

Я открыл дверь дома № 12 и мы сразу же ощутили резкий запах лука, сыра и постного масла.

Одна из дверей в коридор открылась и заплывшее жиром женское лицо оливкового цвета показалось в проеме.

— Простите, мадам,— начал я почтительно,— мы иностранцы, которые впервые приехали в Вечный Город, чтобы найти квартиру, в которой некогда жил один наш покойный родственник, когда был осчастливлен возможностью дышать воздухом Солнечной Италии.

У нее отвисла челюсть, затем широкая любезная улыбка расплылась у нее на лице.

— Добрый день, сеньор и сеньора,— выпалила она и поинтересовалась, чем она может помочь столь любезным гостям Италии.

Я назвал ей номер комнаты, где около десяти лет назад жил Максони и она, пыхтя и переваливаясь с ноги на ногу, пошла показывать нам дорогу. На лестнице было столько мусора и пыли, что я готов был поклясться, что записи

Максони вполне могли сохраниться здесь. Когда мы остановились у двери № 12, хозяйка сказала:

— Сейчас здесь проживает жилец, но сейчас он на работе.

— Так, может быть, мы подождем его,— начал я, но квартирная хозяйка перебила меня, пренебрежительно махнув рукой. Она пустилась в рассуждения о неблагодарности жильцов, но я прервал ее излияния, вытащив из кармана банкноту в сто лир.

Она впустила нас в комнату: — Вот!

Мы увидели убогую и грязную каморку с кроватью, застеленной грязным одеялом, с разбитым зеркалом, сломанным стулом, столом и батареей пустых винных бутылок на окне и полу.

— Мы хотели бы войти и побыть здесь некоторое время, чтобы пообщаться с духом нашего умершего предка,— сказал я.

Брови мадам поползли вверх:

— Но ведь в комнате живут!

— Мы не будем ничего трогать, только посмотрим. Неужели вы не понимаете наши чувства? — всхлипнула Оливия.

— Ну хорошо, хорошо,— мадам выжидающе посмотрела на меня. Я вытащил деньги — сто лир и мадам просияла:

— Я понимаю, сеньор, вы и ваша сестра, вы хотите побыть наедине с духом вашего родственника. Еще сто лир и вы можете общаться с каким хотите духом.

Я молча протянул деньги и она, взяв их, молча пошла прочь.

Мы молчали и хозяйка, дойдя до лестницы обернулась:

— Мне бы не хотелось вас торопить, но постарайтесь окончить ваши общения, скажем, через два часа. Мой жилец может прийти на обед домой и, думаю, ему не очень понравится, когда увидит в своей комнате чужих людей.

Полчаса спустя, после безуспешных поисков Оливия, устало опустившись на колченогий табурет, произнесла:

— С самого начала мне было ясно, что это бесполезно. Давай уйдем отсюда.

— Мы обыскали все вероятные места,— кивнул я, стряхивая пыль с рук,— но ведь могут быть еще и тайники.

— Это пустая трата времени, Брайан. Этот человек был

простым бедным студентом, а не конспиратором. Зачем ему было устраивать в своей комнате какие-то тайники?

— Не знаю... А, может быть, есть такие мелочи, которые он мог просто уронить, потерять... допустим, лист бумаги вполне мог застрять в углу ящика стола, например.

— Где? Мы перерыли все ящики и...— она вдруг остановилась на полуслове.

Мы одновременно посмотрели на огражденный радиатор под окном. Отодвинув батарею бутылок и груду окурков, и, открепив болтающиеся на двух ржавых болтах ограждение радиатора, мы увидели использованные билеты, бечевки, шпильки для волос, окурки и какие-то листочки бумаги.

Оливия, став на колени, выгребла смятые меню какого-то ресторанчика, обрывок пожелтевшего листка с цифрами, конверт с маркой, адресованный некоему Марио Пиотти, две открытки с видами на города и листок совершенно чистый с обеих сторон.

— Это была хорошая идея,— пожал я плечами,— но очень жаль, что и она не дала нам нужных результатов. Ты была права, Оливия, идем отсюда.

— Брайан! Посмотри,— Оливия стояла у окна, разглядывая чистый листок бумаги на свету.— Чернила выцвели, но кое-что можно еще разобрать.

Я подошел и взял бумагу из ее рук.

Да, едва заметные знаки были различимы. Я с великим трудом смог разобрать следующее:

«Институт Галилея. Среда. 7 июня...»

Г-ммм. Это интересно,— отметил я.— Какой же это год?

— Я знаю простую формулу, как определить дату,— произнесла Оливия.— Минуточку...

Она задумалась.

— Да! Это было седьмое июня 1871 года, среда. Но это может быть так же и 1899 год, а также 1911...

— О, это уже лучше, чем ничего! — воскликнул я.— Давай быстрее проверим! Институт Галилея? Будем надеяться, что он еще существует.

В институте Галилея нас встретил пожилой мужчина с желтоватыми усами.

— 1871 год. Это было довольно давно, господа,— удивился он нашим поискам.— С тех пор в институте обучалось довольно много студентов. Многие выдающиеся ученые проходили под его арками...

— Послушайте, сеньор,— прервал я,— мы пришли не

просить вас о принятии нас в институт. Все, что нам нужно, это взглянуть на данные о Джулио Максони. Конечно, если ваш архив в таком состоянии, что их нельзя будет отыскать, то вы так и скажите и я сообщу об этом факте в своей статье, которую я сейчас пишу.

— Так сеньор журналист? — поинтересовался он, поправил галстук и быстро что-то спрятал в ящик стола. Что-то издало при этом звенящий звук.

Потом он быстро вышел и вскоре опять появился с объемистым томом в руке, похожим на регистрационную книгу муниципалитета. Он водрузил ее на стол и сказал:

— Вы говорите Максони?... Какой год? Ага. 1872-й... Так какой Максони вам нужен? Джулио Максони? Тот самый Джулио Максони? — он подозрительно посмотрел на нас.

— Я на всякий случай кивнул.

— Так вам нужен Джулио Максони, выдающийся изобретатель? Изобретатель телеграфного ключа, маслобойки и гальванического элемента?

Я улыбнулся, как ревизор, которому не удалось найти ошибку в проверяемых отчетах.

— Очень хорошо,— кивнул я. Вижу, что у вас здесь в Институте порядок. Позвольте взглянуть.

— Вот, пожалуйста. Он был первоначально зачислен в электротехнический колледж. Тогда он был простым писарем из бедной семьи. Здесь он начинал...

Я перестал обращать внимание на его болтовню. Я перелистывал записи. Здесь тоже был его адрес на улице Карлотти. Здесь же было указано, что во время поступления в Институт ему было двадцать четыре года, сообщалось также, что он был католиком и холост. Да, я вынужден был признать, что этого было очень мало...

— Известно ли, сеньору, где он жил, когда сделал свой гигантский вклад в науку? — обратился я к служителю.

— Как? Вы шутите, сеньор? Местонахождение Музея известно, по-моему, даже туристам! — Архивариус как-то странно посмотрел на нас.

— Музей? Какой музей?

— Тот самый Музей, который находится в бывшем доме и лаборатории Джулио Максони. Там, где находятся свидетельства его замечательной карьеры!

— А у вас случайно нет под рукой адреса этого музея?

Он улыбнулся нам с выражением превосходства.— Улица Алланцио, номер двадцать восемь. Любой ребенок покажет вам дорогу.

Мы поблагодарили служителя и пошли на выход.

— Кажется, нам повезло,— сказала Оливия.

— А... Как называется газета, которую вы представляете, сеньор? — Клерк догонял нас.— Не мог бы сеньор сказать это?

Мы остановились и служитель, запыхавшись, остановился напротив нас. Я услышал смешок Оливии. Надо было быстро отвечать.

— Видите ли, приятель, мы представляем лигу умеренности,— начал я импровизировать.— Вопрос о Максони был просто уловкой. На самом деле мы пишем статью под названием «Распитие спиртных напитков на работе и во что это обходится налогоплательщику».— Вам все понятно?

Клерк обалдело кивнул головой.

Когда мы вышли на яркий солнечный свет, он все еще стоял в том же положении, хлопая глазами.

Дом Максони был солидным консервативным зданием с латунной табличкой, извещавшей, что дом — музей — лаборатория изобретателя Джулио Максони открыт с 9.00 до 16.00, а по воскресеньям — с 13.00 и до 18.00.

Я позвонил.

Через несколько минут дверь открылась и оттуда выглянула заспанная женщина.

— Вы что не видите? Закрыто! Сейчас же убирайтесь!

Я успел вставить ногу в пространство между дверью и косяком.— Но на табличке написано,— начал я.

— Мало ли что там может быть написано. Приходите завтра.

Я засмеялся и налег плечом на дверь. Женщина попыталась было воспрепятствовать мне и уже было открыла рот, чтобы сказать явно что-то нелицеприятное.

— О, не говорите этого! — остановил я ее.— Графиня не привыкла к выразительности здешней речи. Представьте себе женщину, которая очень долго прожила на берегу озера Констанс.— При этом я выразительно показал глазами на стоявшую за моей спиной Оливию.

— Графиня? — выражение на лице женщины изменилось.

— О, если бы я знала, что ее милость окажет нам честь своим посещением...

— Вход, охраняемый драконом! — усмехнулась Оливия.— И храбрый рыцарь, который уничтожает этого огромного дракона одним своим словом.

Я воспользовался маленькой ложью. Теперь ты графиня. Смотри немного свысока и слегка улыбайся.

Длинным коридором мы прошли в залу. Это был объемный вестибюль с высокими потолками, окнами, застекленными матовыми стеклами. Вдоль стен тянулись стеллажи, прогнувшиеся под тяжестью огромного количества книг. «Интересно, где находится лаборатория?»— шепнул я Оливии.

Она пожала плечами и я продолжил свой обзор комнаты.

Взглянув на корешки книг, я заметил одну с названием «Эксперименты с переменными токами высокой частоты». Автор Никколо Тесла. Очень интересно! Я взял книгу в руки и просмотрел. Сплошная бредятина — одни, вернее почти одни, математические знаки.

Я просмотрел остальные книги. Вряд ли здесь можно было найти то, что нам нужно.

«Дракон» вернулась, успев переодеться и нанести слой косметики на лицо. Она подобострастно посмотрела на Оливию, которая довольно холодно ей улыбнулась. Я подмигнул своей спутнице и обратился к смотрительнице:

— Ее милость хотела бы осмотреть лабораторию великого ученого. Она хотела бы видеть то место, где великий ученый Максони совершал свои изобретения.

Служащая, стараясь держаться поближе к «графине» провела нас через сад к дверям лаборатории.

— Конечно, мастерские еще не полностью отреставрированы,— проговорила она, открыв замок.

Включив свет, она позволила нам различить какие-то запыленные, бесформенные предметы, закрытые брезентом, немытые окна и пыль. Всюду пыль.

— Он здесь работал?

— Конечно, в те времена он был не так захламлен, этот кабинет. Но, видите ли, ваша милость, нам категорически не хватает средств и мы не можем составить описание всех предметов, которые были у него в лаборатории, избавиться от принесенного хлама и восстановить лабораторию в прежнем виде.

Почти не слушая ее, я старался незаметно осмотреться. Где-то здесь может быть... что-то, что нам так нужно. Я не знал, что я ищу — это может быть журнал наблюдений, рабочая модель или еще что другое...

Я приподнял край брезента, покрывавшего стол и увидел неуклюжие тяжелые трансформаторы, примитивные электронные лампы, мотки проволоки...

Массивный объект в центре стола привлек мое внимание. Я попытался придвинуть его поближе.

— Но, сэр, я настаиваю, чтобы вы ничего не трогали,— обратилась ко мне привратница.— Здесь все осталось в том виде, в каком оставил ее профессор, в тот фатальный последний день...

— Извините, но для меня все это выглядит как никому не нужная куча железа,— безразлично произнес я.

— Да, профессор Максони был несколько эксцентричным человеком. Он хранил самые разные вещи — и всегда пытался приладить их друг к другу. У него была мечта, он часто говорил об этом моему покойному отцу...

— Ваш отец работал с Максони?

— А вы не знали? Да он был ассистентом в течение долгих лет.

— А не остались ли у вас журналы где, он писал бы воспоминания о профессоре?

— Нет, мой отец не был склонен к писанию. Но вот сам профессор очень тщательно вел свой дневник. После него осталось пять объемистых томов. Это просто трагедия, что у нас нет средств их опубликовать.

— Средства еще могут появиться, мадам,— многозначительно произнес я.— Графиня как раз очень интересуется изданием таких воспоминаний.

— О, ваша милость,— простонала смотрительница.

— Так что пока принесите эти тома сюда, чтобы графиня смогла взглянуть на них.

— Они в сейфе, сеньор, но у меня есть ключ или был... еще в прошлом году.

— Найдите его милейшая,— потребовал я.— Ее милость и я терпеливо подождем здесь в комнате, где великий Максони так плодотворно работал.

— Но, может быть, лучше вернуться в зал? Ведь здесь так пыльно.

— Нет, нет. Мы подождем вас здесь.

Смотрительница кивнула головой и бросилась вон из лаборатории.

Оливия вопросительно посмотрела на меня в ожидании перевода (ведь итальянского языка она не понимала).

— Я отправил ее за дневниками Максони,— произнес я.

— Брайан, что это?

Я подошел к столу и снял брезент. Тяжелое устройство занимало доминирующее положение среди других предметов.

— Это,— сказал я, не скрывая триумфа,— та самая катушка, которая является сердцем привода МК. Имея ее и дневники старика, я уж постараюсь построить шатл.

ГЛАВА X

Мастерская, которую я снял, была помещением двадцать на двадцать футов, которую в прошлом занимал какой-то механик. В углах все еще лежали ржавые детали парового двигателя, болты и гайки, металлическая стружка. Старик, который предоставил мне это помещение, с ворчанием выгреб самый большой мусор и установил обитый металлом стол. Это, плюс катушка генератора МК, которую я с помощью довольно немалой суммы сумел одолжить у мадам-смотрительницы, плюс дневники — все это составляло мое лабораторное оборудование. Не так уж много, но кое-что для начала.

Оливия сняла для нас комнаты неподалеку, более дешевые и удобные, чем в гостинице. В ее комнате была маленькая плита, топившаяся углем — мы постарались в целях экономии питаться дважды в день у себя в доме.

Я начал свою программу исследований, прочитав все пять дневников профессора, большая часть которых была посвящена критическим замечаниям по поводу существующей тогда политической ситуации — столица Италии тогда переместилась из Флоренции в Рим и из-за этого мгновенно подскочили цены. Здесь было также множество заметок о магнетизме, электричестве, математических расчетов. Почти весь второй том был занят бюджетными расчетами, вызвавшими у меня горячее сочувствие.

Только в последнем журнале я начал находить интересные места — первые намеки на «Большой секрет». Максони экспериментировал с обмотками, наматывая их и пропуская сквозь них токи различной частоты и силы и пытаясь систематизировать и понять результаты. Если бы он лучше знал современную физику, он бы не стал этого делать, но неведение делало его настойчивым. Он не знал, что ищет — и когда он это обнаружил, то не знал, что же это такое. И, кроме того, в этом мире не было Копини. Я не знал, какова была его роль там, в мире 0-0. Было бы интересно почитать об этом, когда вернусь — если, конечно, вернусь и если будет куда возвращаться.

Я старался не думать об этом. Это ни к чему путному привести не могло. Последний из журналов раскрывал

свои тайны — скудные и фрагментарные сведения о намотке катушек и редкие строчки о странных явлениях, полученных с помощью электротока при использовании некоторых определенным образом намотанных катушек.

Прошла неделя. И я был готов приступить к стадии экспериментов. В городе было несколько источников электричества, но оно было еще не столь доступно в этом мире. Я запасся разнообразными батареями, осциллографами, катушками, конденсаторами, электронными лампами — большими и неуклюжими, похожими как размерами, так и формой на молочные бутылки моего родного мира — Земли. Затем, по предложению Оливии, нами были сделаны под гипнозом записи всех моих знаний в области технологии производства шаттлов Сети, которые сохранились в моем подсознании — и это, как впоследствии оказалось, было вдвое ценнее, чем все записи Максони.

Это были приятные дни. Я рано вставал и мы завтракали, затем я шел в мастерскую, где работал до обеда, занося результаты наблюдений в рабочий журнал, подобно Максони.

Потом, к обеду приходила Оливия, похорошевшая и посвежевшая на итальянском солнце. Она приносила корзинку с едой и мы ели, расположившись за рабочим столом.

Затем — снова работа, прерываемая лишь приветствиями и вежливыми распросами случайных прохожих, заглядывавших в открытую дверь моей мастерской.

К концу месяца все вокруг считали меня сумасшедшим иностранцем, которому помогала колдунья. Но отношение их к нам по-прежнему оставалось дружелюбным.

В конце рабочего дня я запирал мастерскую, возвращался домой, принимал ванну и мы с Оливией отправлялись куда-нибудь поужинать. Вернувшись после этого домой, мы расходились — каждый в свою комнату. Это были любопытные отношения, хотя в то время они казались нам довольно естественными. Мы были со-заговорщиками, полудетективами, полуисследователями, отделенные от окружающей среды таинственной сущностью нашего предприятия. Она — по причинам романтического характера, я — желанием вырваться из этой тюрьмы, в которой оказался...

Мои представления о возрасте Оливии постоянно менялись. Сначала, когда я увидел ее без маски матушки Гудвил, я давал ей лет сорок. Потом, в маскараде разбитной девицы ей можно было бы дать не менее тридцати пяти. Теперь же, рассмотрев ее без краски, в простой аккуратной одежде, подчеркивающей ее стройную фигуру, я вдруг

понял, что ей от силы двадцать пять — двадцать семь лет.

Оливия посмотрела на меня и заметила, что я ее разглядываю.

— Ты красивая девушка,— сказал я, заметив ее смущение.— Что заставило тебя затевать этот маскарад со старухой-ведьмой?

— Но я ведь тебе уже говорила, почему. У меня была такая работа. Кто стал бы обращаться ко мне, если бы у меня на лице не было морщин?

— Это все ясно, но почему ты не вышла замуж? — я начал было старый банальный разговор о множестве хороших молодых людей, но, взглянув на ее лицо, вовремя остановился.

— Ну, хорошо, хорошо, это не мое дело,— быстро сказал я.— Я не хотел тебя обижать, Оливия, ты сама знаешь...— замялся я и наша прогулка закончилась в не слишком дружелюбном молчании.

* * *

Еще через три недели я накопил значительный объем данных, позволяющих мне начать конструирование той части механизма шаттла, с которой я лучше всего был знаком.

«Самым главным,— сказал я,— было осуществить калибровку катушки — выяснить, какая мощность требуется и какая сила тока при этом создается. Когда это будет сделано, останется только собрать усилитель и аппарат фокусировки».

— Когда ты говоришь об этом, Брайан,— заметила Оливия,— кажется, что это так просто.

— Это далеко не просто и небезопасно,— усмехнулся я.— Просто таким образом я уговариваю себя взяться за это дело. А сделать то, что я задумал, все равно, что уравновесить чашку с кофе на струе фонтана, причем у меня сейчас не одна, а около десятка таких чашек... и если я запущу эту штуку на полную мощность, не имея возможности как следует ею управлять...— тут я развел руками.

— Что же тогда?

— Тогда я устрою непредсказуемый и боюсь необратимый катаклизм — может быть, титанический взрыв, который будет неоднократно повторяться. Или же про-

изойдет гигантская утечка энергии из нашей вселенной, представь себе Ниагарский водопад... примерно такая... которая может лишить энергии наш мир и превратить в ледяную пустыню...

— Хватит! Я все поняла, Брайан. Ты играешь с огнем!

— Не беспокойся, я не включу эту штуку до тех пор, пока не буду уверен в том, что умею с ней обращаться. Катастрофа, которая привела к возникновению Зоны Опустошения или Трущоб, произошла только потому, что Максони и Копини тех, других мировых линий не были достаточно осторожны и не представляли себе масштабов возможной трагедии.

— Сколько еще времени нужно тебе, чтобы закончить все эксперименты?

— Сколько... думаю, что еще несколько дней и можно будет попытаться.

— А если кондлианцы были правы и мир, который ты ищешь, находится не там, что тогда?

— Тогда я окончу свой путь в Зоне и тебе придется молиться, чтобы моя смерть была, по возможности, молниеносной — вот и все,— резко закончил этот разговор я.

Еще три дня и вот вечером мы сидели в одном из вечерних кафе и неспешно вели ничего не значащий разговор.

— Теперь уже скоро,— заметил я, не выдержав мучащей меня неопределенности, постепенно возникающей между нами.— Ты уже видела корпус. Завтра я намерен сделать проводку пульта управления...

— Смотри, Брайан,— перебила меня Оливия и схватила за руку,— это он!

Я увидел промелькнувшую в толпе пешеходов высокую фигуру человека, одетого во все черное.

— Ты уверена, что это ОН?

— Абсолютно. То же лицо, борода. Надо уходить и побыстрее!

После некоторых пререканий я убедил Оливию, что бегство ничего не даст и единственный наш шанс заключается в том, чтобы побыстрее закончить работу над шаттлом.

Мы добрались до мастерской, незаметно проскользнули вовнутрь и я с помощью сообразительности Оливии начал работу. Каждые полчаса-час она выходила на

разведку — убедиться, что наш шпион еще не появился поблизости.

Было уже за полночь, когда нам с грехом пополам удалось все наладить. Сооружение выглядело хрупким и ненадежным. Оливия, разглядывая этот псевдошаттл, попыталась было меня отговорить от этой опасной затеи, убедить остаться вместе с ней в этом мире, но уже через несколько минут этого направленного разговора поняла, что ее слова не доходят до адресата, что предпринимает пустые затраты, что она принимает желаемое за действительное и это буквально на глазах сделало ее лицо ужасно постаревшим.

Тут за дверью раздались шаги и, едва я успел включить свет, как дверь распахнулась и в дверном проеме показалась высокая фигура нашего преследователя, который хриплым конджлианским голосом окликнул меня: «Байард!»

В темноте я нащупал на столе тяжелый металлический прут, подкрался к нему сбоку и ударил его по голове.

Он упал.

Оливия бросилась ко мне и схватила за руку.— О, боже! Ты ведь убил человека, Байард! — воскликнула она.

— Перестань,— резко оборвал я ее.— Ты ведь знаешь, что на карту поставлена моя жизнь! Ты что же хотела, чтобы я покинул тебя по милости этих вот,— я пренебрежительно махнул в сторону лежащего на полу человека.— Раз так, живи своей жизнью и забудь меня! — я чувствовал, что поступаю как последняя свинья.— Постарайся забыть меня!

— О, Байард! Позволь мне последовать с тобой...

— Но ты ведь понимаешь, что это невозможно! Это слишком опасно и потом... ты вдвое уменьшаешь мои шансы добраться до линии 0-0, будет повышенный расход энергии, воздуха... Разве тебе этого не понятно?— Я незаметно опустил свой бумажник в карман ее плаща, зажег свет и легонько оттолкнул ее от себя.

— Мне пора, дорогая,— я направился к шаттлу.

Услышав за спиной сдавленные рыдания женщины, с которой я так много пережил, я поспешно повернул выключатель запуска шаттла.

— Уходи, Оливия. Отправляйся как можно дальше отсюда. Ну, хотя бы в Луизиану, и начни все сначала.

Прости меня, если можешь. Не думай обо мне плохо. Поверь, что иначе нельзя было. Прощай.

Передо мной замерцали экраны. Приборы показали, что момент прыжка настал. Я взялся за рычаг управления и нажал на него.

ГЛАВА XI

Перемещение в неумело сконструированном шаттле принесло мне немало неприятных часов: это и отсутствие какой-либо карты (Если не считать неясных воспоминаний о фотодиаграмме, показанной мне на судилище ксонджлианцами), и постоянное искрение проводов, которое чуть не привело к пожару в кабине. Это и отсутствие точности в показаниях приборов и надвигающаяся опасность задохнуться, так как воздух скоро должен был стать непригодным для дыхания и т. д. и т. п.

В результате этих мытарств после сорока минут этого трудного полета я оказался в совершенно незнакомой мне части Зоны Опустошения и понял, что окончательно заблудился. В порыве отчаяния, охватившего меня, я остро ощутил боль утраты Оливии и всей той жизни, которую я мог бы прожить, оставшись с ней. Но, считая, что мужчина должен, просто обязан, делать то, что от него требуется, я решил, что у меня нет права выбора...

Вот уже час как мой шаттл двигался вслепую. Кабина постепенно наполнялась дымом. Становилось все труднее дышать. С приборами, в этом не было никакого сомнения, уже невозможно было работать. Я улегся на пол, пытаясь так немного уловить чистого воздуха. Меня начал мучить кашель, голова гудела как изношенный трансформатор. Затуманенным взором через окно шаттла я уже еле различал быстро меняющуюся панораму Зоны.

И тут мне вдруг показалось, что на фоне серо-черных оттенков пустыни мелькнул проблеск зелени. И через мгновение я понял, что зрение не обмануло меня. Я увидел первые признаки растительности, которые постепенно становились все шире, превращаясь в настоящие джунгли.

Вероятнее всего, в своем беспорядочном перемещении, шаттл вновь оказался на краю Зоны Опустошения.

Собрав последние силы, задыхаясь от кашля, я заставил себя подняться и дотянуться до рычага управления. У меня был только один выход: посадить шаттл в этом совершенно незнакомом мне мире и попытаться, починив приборы, сделать еще одну попытку. В противном случае — меня ожидала неминуемая смерть от удушья.

Когда в сумерках я пришел в себя, то увидел, что лежу в лесу на полянке, а в останках шаттла, застрявших в развилке большого дерева, виден огонь и идет густой дым.

Надеясь спасти основную обмотку, я попытался было потушить пожар, но все мои попытки были безуспешны. Вскоре огонь охватил ближайшие деревья. К счастью, начавшийся дождь потушил пожар, разгребая золу и с горечью рассматривая почерневшие куски обгоревшего металла.

Наступила ночь и, найдя укрытие в развилке раскидистого дерева, я погрузился в беспокойный сон.

Придя утром на пожарище и по новому осмотрев то, что осталось от шаттла, я окончательно лишился последней надежды на возвращение домой.

Следующие несколько дней и ночей я провел как современный человек, внезапно оказавшийся в каменном веке со всеми его заботами и непреодолимыми трудностями, с отчаянными поисками чего-либо пригодного для изготовления примитивного оружия и инструментов, с попытками добыть огонь для костра и пищу для утоления мук голода.

Первую ночь я почти не спал, поэтому следующие пол дня я потратил на плетение гамака. Благо длинных и прочных лиан тут было предостаточно.

И вот, на второй день моего пребывания в этом мире, закинув за спину свою веревочную постель, я двинулся в путь. Оставаться на месте и плакаться на свою несчастную судьбу не было смысла. Впереди лежала совершенно незнакомая страна, в которой мне предстояло прожить всю оставшуюся жизнь.

Продираясь сквозь заросли лиан и низкорослого кустарника, питаясь в основном незнакомыми ягодами и плодами, рискуя отравиться, я на третий день вышел к реке, за которой расстилалась похожая на саванну равнина, по которой бродили несметные стада живот-

ных, похожих на наших земных антилоп, но значительно меньших размеров.

Переправившись на другую сторону, я попытался было убить какое-нибудь небольшое животное, но все мои усилия были напрасны. При моем приближении стада моментально ударялись в бегство и я, утратив последние силы, обессилев, уселся на траву и с ужасом подумал, что моя жизнь так и закончится в одиночестве, но произойдет это еще не скоро.

Перебрав в уме все возможности, которые были мне предоставлены и которые так и не удалось использовать, я решил все же вернуться к обломкам шаттла, лелея слабую надежду, что, может быть, как-то и удастся использовать металлические детали аппарата — хотя бы для изготовления наконечников для копий.

Велико же было мое удивление и страх, когда подобно Робинзону Крузо, я обнаружил неподалеку от места своей «посадки» следы, очень похожие на человеческие, только чуть поменьше. После раздумий как поступить, я решил напасть первым — для этого я вырыл яму, забросал ее ветками и затаился в зарослях.

Я был уверен, что существо непременно вернется сюда, потому что оно шло именно по моим следам и скоро значит должно быть здесь.

После долгого ожидания — полудремы, я услышал треск ломающихся веток под чьими-то ногами.

Когда же, услышав вопль попавшего в ловушку существа, я с копьем в руке подбежал к яме, то не поверил своим глазам. Внизу барахтался и страшно ругался... Дзок!

— Послушайте, наконец, Байард. Ну и задали же вы мне работенку бегать за вами,— морщась от боли воскликнул полевой агент.

ГЛАВА XII

После того, как Дзок угостил меня напитком, напоминавшим по вкусу кофе, последовал его длинный рассказ о том, что случилось после того памятного заседания Совета. Обрадовавшись тому, что меня оставили хотя бы в живых, Дзок сумел попасть в группу ученых, отправляющихся в ту же временную линию, в которую сослали меня. Как сейчас выяснилось, «шпион», которого заметила Оливия, был никто иной как Дзок, кото-

рый вынужден был соблюдать конспирацию, чтобы не привлечь своей странной внешностью внимание жителей деревни. Наш неожиданный отъезд в неизвестном направлении сбил Дзока со следа. Из-за того пришлось снова возвращаться в Кеонджил, выяснить наше новое местонахождение и опять перемещаться в Рим. Теперь-то мне стало ясно, что человек, проникший в мастерскую перед самым моим стартом, тоже был Дзок, который, не успев назвать себя, получил отличный удар по голове, надолго выведший его из строя.

Обнаружить меня в этом районе Сети Дзоку помогла «колея», которую пропахал во временной канве Сети мой шаттл.

После того как Дзок рассказал мне о всех его приключениях, выпавших на его долю с тех пор, как он начал поиски, я иронично поинтересовался:

— Вы прибыли сюда, чтобы возместить мне моральный и материальный ущерб, Дзок?

Агент оскалил зубы, что означала у его расы улыбку, и покачал головой:

— Я прибыл сюда, старина, чтобы помочь вам. Похоже, что мне удалось найти способ вернуться вам домой, возможно.

— Но почему «возможно»,— поинтересовался я.

— Понимаете ли, Байард,— заметил Дзок.— Дело в том, что повторная фотодиаграмма убедительно доказала, что линии вашего мира не существует в природе, хотя удалось также установить, что еще несколько дней назад она действительно существовала.

Я изумленно уставился на агента, не понимая что к чему. Наконец я выдавил из себя несколько слов:

— Что значит, существовала несколько дней назад? Куда же делся мой мир?

— Это означает то, старина, что по нашим наблюдениям ваш мир 0-0 около месяца назад был уничтожен хегрунами. Теперь всем понятно, что они делали в вашем пленном времени! Ваше предположение о диверсии со стороны этих негодяев оказалось верным.

— Но как они могли осуществить уничтожение целого мира? — едва вымолвил я.

— Для этой цели можно воспользоваться специальным прибором, называемым прерывателем. Этот прибор был украден у нас, так как очень сомнительно, чтобы хегруны могли сами додуматься до принципов его действия. Этот прерыватель может...

— Постойте-ка, Дзок,— прервал я агента. Мой мозг лихорадочно работал.— Но ведь если бы все было до меня потеряно, вы вряд ли бы рисковали собой и тратили усилия для того, чтобы отыскать какого-то безволосого саисиса.

Дзок ухмыльнулся:

— Все правильно, старина. У вас есть одна возможность, один шанс. Дело в том, что у нас изобретено одно устройство, позволяющее кое-что предпринять для вашего спасения. Оказывается по Сети можно перемещаться не только в тех направлениях, которые раньше считали единственными. С помощью изобретенного моим другом прибора можно путешествовать по Сети как бы во времени. То есть, вы, Байард, при наличии нашего аппарата можете попасть в свой мир еще до того, как тот был уничтожен хегрунами.

— Но этот аппарат? Как его достать?

— Вот для этого, старина, я и прибыл сюда,— и с этими словами Дзок встал, прошел в грузовой отсек своего шаттла и вынес оттуда, держа в руках комбинезон из почти невесомой черной ткани.

— Сюда,— Дзок указал на спину комбинезона,— встроен генератор поля новой конструкции, весящий всего несколько унций. Благодаря этому, создается возможность обладателю сего костюма-скафандра перемещаться по Сети без всякого шаттла.

После некоторых усилий, костюм был натянут на меня и Дзок начал инструктаж. Он объяснил мне, что максимальное перемещение, на которое можно рассчитывать, укладывается в двадцать три дня. А так как линия 0-0 была уничтожена хегрунами двадцать один день назад, то у меня оставалось еще два дня на то, чтобы предупредить о грозящей опасности власти Империума и предпринять активные меры против подготовленного хегрунами нападения.

У меня было довольно много сомнений относительно того, как воспримут мои слова о грозящем вторжении человеко-обезьян власти Империума, особенно в свете моих последних разговоров и встреч с руководством, включая и моего ближайшего друга. Не было никакой возможности и уверенности, что меня внимательно выслушают, а еще меньше — что за этим последуют быстрые действия, направленные на предотвращение нападений. Но сейчас надо было думать не об этом, а о том,

чтобы успешно добраться до своего дома. Там уж посмотрим, главное сейчас — ПОПАСТЬ ДОМОЙ!

Дзок объяснил мне как пользоваться кнопками костюма и предупредил о тех ощущениях, которые будут сопутствовать перемещению по Сети. Воздействие силы тяжести ощущаться не будет, но инерция сохранится, поэтому необходимо всячески избегать различных столкновений.

— Ну, вот и все,— в конце концов сказал он.— Желаю вам всяческих успехов, старина. Поверьте, мне очень жаль, что наш Совет так обошелся с вами. Будем же надеяться, что лучшие дни взаимоотношений между нашими расами еще впереди. Счастливо вам и удачи.

Я со слезами на глазах обнял этого милого парня, пожал ему руку и отправился в далекий неизвестный путь.

ГЛАВА XIII

Это было долгое и утомительное путешествие. Путешествие через вероятностные миры, во время которого моему взору открывались то бесплодные пустыни Зоны Опустошения, то джунгли менее пострадавших районов. Однажды передо мной открылось что-то в корне отличающееся от этого однообразного ландшафта. Передо мной промелькнул какой-то город, с низкими одноэтажными зданиями, походящими скорее на сараи, чем на жилые помещения, сложенные из черного камня, протяженностью около ста метров под низким серым небом, покрытым грозовыми тучами. Это видение держалось в моем поле зрения всего каких-то десять или пятнадцать секунд, а потом опять пошла однообразная картина выжженной пустыни. Что это было? Не знаю. По крайней мере, архитектура этих сооружений не соответствовала культуре ни одной из известных картографам Империума разумных рас.

Следуя курсу, установленному Дзоком на автопилоте, я через четыре часа оказался у цели — в районе Стокгольма. Так как оказаться на оживленных улицах столицы было бы в высшей степени неразумно, я выбрал место посадки в нескольких километрах от города. И вот, после того, как вызванные внезапной потерей скорости, темные круги в глазах исчезли, я обнаружил,

что нахожусь на заросшей травой равнине, залитой солнцем и вдохнул свежий воздух родины — двадцать два дня тому назад.

Невдалеке виднелась дорога и я направился к ней. По моим подсчетам до Стокгольма было от силы десяток километров. Я решил пройтись пешком, наслаждаясь тем, что я живой и снова дома. Надо было, конечно, спешить, но пара часов пока что ничего не решала.

Через минут сорок меня нагнала повозка, запряженная лошадью и я попросился, чтобы меня подвезли. Я представился начинающим парашютистом, которого отнесло ветром далеко в сторону от нужного места приземления. Всю дорогу возница распространялся о том, насколько это пустое и опасное занятие — прыгать с парашютом и что он никогда бы, даже в случае крайней нужды, не стал бы заниматься этим сумасшедшим делом. Я все молчал, наслаждаясь тем, что снова дома.

Вскоре показалась деревушка Инельсон и когда мы проезжали мимо почты, я соскочил с повозки, попрощался с возницей и, толкнув дверь, оказался в полутемном помещении Государственной Почтовой Службы Империума. Через мгновение я уже смог различить фигуру человека, сидящего за столиком, на котором стоял телефон. Человек выжидающе уставился на меня.

— Извините, пожалуйста, сэр, но мне крайне необходимо срочно связаться со службой Безопасности Империума, вот по этому телефону. И я, четко разделяя цифры, продиктовал:

— 124—72 — ЦБ.

Человек кивнул, протянул руку к телефону, но тут же остановился.

— А кто вы такой, сэр?

— Вы разговариваете с полковником Байардом, милейший,— строго отчеканил я.

— Сейчас, сейчас,— засуетился почтовый служитель и начал нажимать кнопки телефона, набирая нужный мне номер.

Связи не было.

Ожидая того момента, когда я смог бы свободно переговорить с бароном Рихтгофоном, я случайно взглянул на календарь, висевший на стене, и холодный пот выступил у меня на лбу.

В своих расчетах Дзок ошибся, ошибся всего на один день — таким образом, до катастрофы, нависшей над Империумом, осталось всего несколько часов.

Я вскочил со своего места и бросился к чиновнику, все еще пытавшемуся связать меня с моим начальством. Схватив трубку, я стал ее вырывать как сумасшедший, будто это могло помочь наладить связь.

Внезапно входная дверь с треском раскрылась и в помещение медленно прошествовал невысокого роста полный мужчина с печатью значимости на лице. Он был облачен в мундир Почтового ведомства Империума и на его рукаве блестели лейтенантские шевроны. Он внимательно посмотрел на нашу застывшую скульптурную группу. В его глазах вспыхнул интерес, когда он разглядел мой комбинезон. Потом он обратился к служащему:

— Кто этот человек? — спросил он, указывая на меня.— Что ему нужно?

Не дав служащему вымолвить ни слова, я начал говорить:

— Я полковник разведслужбы Байард, лейтенант. Я имею важное сообщение для барона фон Рихтгофена. Дело касается жизни и смерти государства.

— Ваши документы, полковник! — потребовал, очевидно, начальник почты и протянул руку ладонью вперед.

— Видите ли, лейтенант..,— начал я,— дело в том, что я выполнял важное государственное задание и поэтому не брал с собой никаких документов, удостоверяющих личность. Но чтобы окончательно развеять все ваши сомнения, то вот вам номер моего домашнего телефона, запишите, 127-17-ЦО. Вы можете сейчас же позвонить и вам скажут, кто я такой и что я в самом деле выполняю важное задание. И, кроме того, лейтенант, разве в ваши обязанности входит проверять документы у всех посетителей почты?

Начальник побагровел и выпучил на меня глаза. Он несколько раз открыл было рот, словно рыба, вытащенная из воды на сушу, но как и рыба, ничего не сказал.

Я стоял и спокойно наблюдал за происходящим.

Наконец лейтенант справился с собой и хриплым голосом произнес:

— Хорошо. Давайте позвоним вам домой, полковник.

Он повернулся и прошествовал к двери, на которой висела табличка «Начальник почты».

Прошло несколько минут.

Внезапно за моей спиной распахнулась входная дверь. Я повернулся и с удивлением увидел на пороге

двух полицейских, которые со странным выражением на лице уставились на меня.

Сейчас же за моей спиной распахнулась с треском дверь начальника почты и он, стоя на пороге, указывая на меня, закричал:

— Арестуйте этого человека! Он шпион!

Один полицейский подскочил ко мне и потребовал поднять руки, начал обыскивать, другой, держа в руке пистолет, не спускал с меня глаз.

— В чем дело, господа? — изумился я, повернув голову в сторону начальника почты.— Это какое-то недоразумение!

— Что? Недоразумение? — толстяк визгливо рассмеялся.— Вот это да! Ну и шутник попался!

Я недоуменно уставился на него.

— Что вас так рассмешило, лейтенант? Можно наконец объяснить мне, что означает весь этот цирк? Вы что не звонили ко мне домой?

— Ха-ха! В том то и дело, что звонил! Я позвонил домой полковнику Байарду,— торжественно сказал начальник почты.— И мне там сказали, что господин полковник находится дома и сейчас как раз изволит обедать!

ГЛАВА XIV

Камера, в которую меня поместили, по стандартам хегрупов наверняка считались бы «люксом», но это все же не помешало мне почти безостановочно стучать по тяжелой обитой железом двери и кричать, чтобы меня немедленно переправили к начальнику полиции.

У меня был с собой пистолет (Дзок, когда отыскал меня в мире джунглей, отдал мне его назад). По крайней мере, я мог пустить его в ход, но крайность убить человека пока еще не наступила. У меня еще было в запасе несколько часов.

Мою просьбу все же удовлетворили и начальник полиции, вежливо выслушав меня, пообещал тут же созвониться со штабом ближайшей войсковой части.

Уже стемнело, когда я услыхал шум открывшейся двери, и я увидел немного знакомое лицо агента, с которым раза два мне пришлось встречаться на службе. Увидев

меня, он пораженно остановился, затем нерешительно двинулся вперед.

Внимательно рассмотрев меня, он сел на скамью, находящуюся в моей камере и выжидающе посмотрел на меня в глаза.

Я попытался напомнить ему, что мы знакомы, хотя, честно признаться, что фамилию его не помню.

Офицер кивнул головой и, повернувшись к полицейским чинам, столпившимся у двери, произнес:

— Действительно, этот человек очень похож на полковника Байарда. Однако, я могу поклясться, что настоящий полковник находится у себя в доме. И поэтому нет никакого смысла беспокоиться в дальнейшем обо всем, что говорит этот самозванец. Хотя...

Офицер еще раз внимательно посмотрел на меня.— Если вас не затруднит, «полковник»,— он подчеркнул это слово,— я хотел бы услышать от вас историю, которую вы собираетесь рассказать барону Рихтгофену.

Мне уже было нечего терять и поэтому, попросив разрешения сесть, я начал рассказывать свою историю, страстно надеясь, что на этот раз мне действительно поверят...

Но этого и на этот раз не случилось.

Офицер действительно внимательно выслушал меня.

Когда я закончил, он встал, кивнул мне и повернулся, чтобы выйти из камеры.

Я не мог поверить что этот человек сейчас уйдет, не попытавшись даже проверить то, что только что услышал.

Поэтому я схватил офицера за руку и закричал!

— Неужели вы не верите мне? Что же может тогда убедить вас? Неужели вот этот костюм не может заставить вас начать хоть какое-нибудь расследование?

Офицер остановился, повернулся и, вероятно, только сейчас внимательно разглядел мой комбинезон.

— Давайте его сюда, приятель. Это то, что нам нужно. Если вы говорите правду, не знаю, как мы из всего этого выкарабкаемся.

* * *

Когда дверь за ним закрылась, я еще полчаса нервно ходил из угла в угол своей клетки, изнывая от неопределенности.

Наконец дверь камеры открылась и я увидел маленького человечка в очках с толстыми стеклами. Он назвался профессором Рингвистом и сообщил мне, что внимательно ознакомился с конструкцией моего костюма-скафандра и хотя находит его довольно занимательным, все же все его проводки и схемы абсолютно бесмысленны с научной точки зрения. Я попытался втолковать этому профессору, что его выводы неверны — ведь костюм действует. Что механизмы и приборы комбинезона неразрывно связаны с семантическими особенностями организма и поэтому в чужих руках они абсолютно инертны...

Мою очередную тираду прервал вопль сирены. За дверью, в коридоре раздались топот шагов, слова команды, шум возбужденных голосов. Через мгновение в проеме двери появился знакомый уже мне офицер в сопровождении полицейского.

— А ну, приятель, выкладывай все начистоту! — закричал он, наставив на меня пистолет.— По закопам военного времени я могу расстрелять тебя на месте!

— Какого, черт возьми, военного времени?!— в свою очередь закричал я, предчувствуя самое плохое.

— Стокгольм только что атакован неизвестным противником, применившим газовую атаку.

* * *

Приближалась полночь. Офицер, который представился как капитан Бурман, запер дверь моей камеры, приказав никому не приближаться к ней. А мне сказал, что я могу сколько угодно кричать, все равно никто ко мне не подойдет.

Вскоре он снова появился передо мной в сопровождении двух человек в штатском.

— Повторите все свои приключения снова, приятель,— приказал мне Бурман и, обращаясь к неизвестным, добавил:

— Послушайте его внимательно, господа. Это довольно интересно.

Они уселись на скамью, а я остался стоять перед ними. Времени для размышления уже не оставалось. Тот неизвестный противник, который осуществлял сей-

час нападение на столицу Империума, был, очевидно, никто иной, как хегруны.

Я вытащил свой пистолет, направил его на сидящих и приказал:

— Очень сожалею, господа, что должен прибегнуть к силе, однако мне надо срочно связаться со Стокгольмом. Дело не терпит отлагательства. Вы видите в моей руке оружие и если внимательно к нему присмотритесь, то, конечно, узнаете в нем пистолет того образца, который выдается только некоторым офицерам надзора Сети! Вдумайтесь хорошенько в происходящее, господа! Разве я прошу так много? Дайте мне связь со штабом и все!

Даже увидев в моих руках оружие, их лица сохранили беспристрастность.

Бурман спокойным тоном произнес:

— Перестаньте валять дурака, приятель. Если вас попросили рассказать свою историю, то рассказывайте. А если вы начнете стрелять, то неужели думаете, что вам удастся выбраться отсюда живым? Кроме всего прочего, хочу вам сказать, что мы все же пытались связаться с баропом Рихтгофеном, но наши усилия не увенчались успехом. Связи нет, а посыльный до сих пор еще не вернулся.

Некоторое время, помолчав, он продолжал:

— В настоящее время Стокгольм захвачен неприятелем. Пришельцы в скафандрах предприняли газовую атаку и легко захватили столицу...

Я в ужасе спросил: — А что случилось с населением?

Бурман печально посмотрел мне в глаза и пожал плечами.— Как вы думаете, что случается с населением во время газовой атаки? Насколько можно судить по данным разведки, все мертвы. Императора, его семьи, правительства — у нас больше нет.

* * *

В это время в коридоре снова раздался шум, грохот, топот ног и выстрелы. Потом раздался чей-то крик: — Обезьяна!

Я навел свой пистолет на дверь, уже начавшуюся прогибаться под чьими-то ударами, намереваясь выстрелить как только на пороге объявится первый хегрун.

Дверь вывалилась и в проеме показалась фигура, одетая во все белое.

Я остолбенел, а потом с радостным воплем бросился вперед. Передо мной стоял, радостно скаля зубы, Дзок!

Дзок, который прибыл сюда, чтобы помочь мне!!! И эта помощь действительно была сейчас мне необходима.

Через минуту я вкратце обрисовал ему сложившуюся ситуацию. Агент сокрушенно покачал головой, но я принимал это на свой счет. Наконец, я закончил говорить и стал слушать Дзока.

Как оказалось, он был с одной щекотливой миссией в одной из линий вероятности. По возвращении домой, в столицу Администрации Зай, он с удивлением обнаружил, что хегруны предприняли удачную попытку захвата его мира. Ни о каком существовании какого-либо органа власти ксонджлианцев, способном организовать отпор захватчикам, не могло быть и речи — планеты полностью находились в рамках захватчиков. Дзоку и его отряду пришлось с боями отступать, и он решил отправиться вслед за мной, в надежде получить помощь у властей Империума.

Обнаружив, что здесь ему бессильны помочь, он было совсем пал духом, но я решительно переубедил его. Я предложил, чтобы он помог нам, так как только с нашей победой у него оставался шанс на успех.

После девятиминутной беседы мы (вместе с Дзоком, капитаном Бурманом и двумя штатскими, которые, кстати, оказались высокопоставленными учеными-физиками) разработали план действий. Это был не самый лучший план, но все же это было гораздо лучше, чем ничего. Согласно ему, я должен был снова, одев шаттл-костюм (в котором предварительно Дзоком должны были быть проделаны кое-какие переделки и переключения), пробравшись в город, перенестись в то любопытное временное состояние, которое ксонджлианцы поэтически называли «обратной стороной времени».

ГЛАВА XV

И вот я снова оказался на улицах Стокгольма, где все предметы были окружены странным светящимся ореолом. Я снова был в безлюдном городе, который вчер-

вые увидел после той необъяснимой встречи со светящимся человеком в подвале Службы Безопасности Империума.

Но тогда, если мне не изменяет память, часы показывали 12.05, а теперь уже 12.25 и уже нельзя было не дать этому странному человеку совершить то, что он совершил. Но еще можно было успеть разведать местонахождение хегрунов, выяснить, где находится установка разрыва непрерывности пространства и благополучно вернуться...

Странная вещь это состояние — НУЛЕВОЕ ВРЕМЯ!

Позади меня на земле не оставалось следов, тогда как впереди виднелась целая их цепочка. Взглянув на часы, установленные на церковной башне, я с ужасом обнаружил, что сейчас уже 12.01 — время двигалось в обратном направлении.

Перестройка, которую сделал в моем комбинезоне Дзок, достигла нужного эффекта. Уже через секунду осмыслил я происходящее со мной. То, что я нахожусь в нулевом времени показывало это странное свечение. Однако мы совершенно выпустили из вида нашу предыдущую регулировку костюма! Регулировку, направленную на перемещение назад во времени!

Неподалеку от меня беззвучно возникла фигура, двигающаяся по направлению ко мне задом наперед — словно фильм, показываемый в обратном направлении. Я прижался к стене и с замиранием сердца узнал в незнакомце хегрупа. Вытащив пистолет, я приготовился к бою, однако человеко-обезьяна прошла мимо, даже не повернув в мою сторону своего лица. Вот это уже было интересно! Я решил немного поэкспериментировать. Направив пистолет на нового хегрупа, я сделал ему шаг навстречу. Никакой реакции!!! Следовательно, я стал невидим для захватчиков! В то время как сам мог их видеть. Очевидно это было одним из эффектов пребывания в нулевом времени. А, может быть, всему виной то, что я нахожусь сейчас в обратном времени?

Причина этого была мне известна, но тем не менее этот эффект несомненно давал мне значительные преимущества.

* * *

Вот уже более получаса я шел следом хегрунов. На пути мне сначала попадались хегруны-одиночки, потом целые группы. Затем колонна из двадцати-тридцати обезьяно-людей и все они двигались задом наперед, направляясь в сторону Вокзала Сети, из района расположения штаба Разведслужбы Империума.

Я пересек Северный мост, двигаясь сквозь сплошной поток заполнивших все дороги хегрунов. Сейчас я уже вернулся на три четверти часа назад во времени с момента своего старта. Сколько времени прошло в линии 0-0 Империума я не знал.

Войдя в вестибюль с высокими потолками, который я покинул всего несколько недель назад, я обнаружил огромное количество жестикулирующих и разговаривающих друг с другом хегрунов, которые заполняли все огромное пространство зала. Я смело начал тарапить эту толпу — невольное любопытство толкало меня выяснить, откуда они здесь берутся.

Свернув в коридор, я подошел к маленькой двери, на которой висела табличка «Служебная лестница». Из открытой двери непрерывным потоком задом наперед выходили толпы хегрунов. Именно тогда, в эту дверь я и вошел, преследуя огненного человека.

Поток непрерывно выходящих из этих дверей хегрунов постепенно иссякал. Я стоял немного в стороне и с удивлением следил за этим удивительным зрелищем. То неимоверное количество хегрунов, которое я встретил за время своего пребывания в нулевом времени — все они исчезали (А, может, появлялись?) в том ограниченном пространстве маленькой комнатки за дверью. Этого не могло быть, если только... если только там не было устройства, позволяющего переходить из нулевого времени в нормальную временную последовательность.

Когда два последних хегруна перешагнули через порог комнаты, я последовал за ними и остановился, пораженный увиденным.

Мерцающий диск футов в десять в диаметре свободно парил в воздухе в нескольких дюймах от пола.

Один из двух оставшихся захватчиков спиной подошел к нему, слегка согнулся, подпрыгнул и исчез... Исчез, как заяц исчезает в цилиндре фокусника.

Последний хегрун сказал что-то в маленькое переговорное устройство, висящее на шее, и через мгновение исчез тоже.

Все это смотрелось каким-то чудом, чудом по сравнению, с которым все наши шаттлы и прочее казались ничем иным как детскими игрушками.

Я позволил себе секунду отдыха, чтобы собраться с мыслями, проанализировать увиденное и попытаться понять смысл действий хегрунов.

Постепенно картина происходящего стала передо мною проясняться. Так как я находился сейчас в обратном потоке времени, то видел уже первые факты трагедии, постигшей мой мир.

Очевидно, хегруны, сделав переброску в нулевое время посредством механизма-диска, вышли в обычное время и устроили газовую атаку, тем самым захватили спящий город. Спрятав прерыватель непрерывности, они опять-таки воспользовались диском, перенеслись в нуль-время и отправились на Вокзал Сети. Отсюда они собирались отправиться к себе домой... Некоторые детали этого рассуждения были еще недостаточно ясны, однако пора было уже закрыть рот и заниматься диском. При помощи этого мерцающего механизма хегрунами был установлен прерыватель времени, а вот где он находится, можно было узнать только последовав за ними.

* * *

Я сразу ощутил, что нахожусь в нормальном времени. Впереди и сзади меня простирался какой-то коридор, наполненный светом люминесцентных ламп. Призрачного мертвенного мерцания нулевого времени не было и в помине. Так как я продолжал находиться в обратном времени, на меня никто не обращал внимания — как еще по другому можно объяснить эффект моей невидимости?

Здесь было очень много хегрунов и среди них я узнал того, что последовал из нулевого времени самым последним, вернее, тогда он был первым, кто был послан на разведку.

Шесть недель назад, а, может быть, сегодня ночью,— (и тот и другой взгляд на эти вещи был одинаково правомочен), я видел их садящимися в свои шаттлы, чтобы

вернуться в свою линию мира, вернуться после завершения своей чудовищной миссии.

Сейчас я видел все это в обратном направлении — с победным видом, готовых начать вторжение, чтобы осуществить газовую атаку в сонном городе.

Я опять прокрутил в уме порядок событий, но так и не смог понять, зачем им нужно было проводить газовую атаку на город, если через несколько мгновений этот город будет и так обречен погибнуть вместе со всей планетой?

Но через мгновение и это стало мне понятно. Хегрунам нужно было тихое, спокойное место, где они могли бы установить механизм разрыва непрерывности времени. Место, где этот механизм был бы в неприкосновенности в течение того времени, которое было им необходимо на уничтожение линии мира 0-0.

Сейчас надо было как можно быстрее найти эту адскую машину (взрыва я не опасался), иначе будет поздно, она будет разобрана и унесена — я уже свыкся с мыслью, что живу во времени, которое течет в обратную сторону.

* * *

Я осмотрелся, хегруны беспорядочно двигались по коридору, подгоняемые своими офицерами. Внезапно я заметил хегруна без шлема, который в сопровождении нескольких солдат-хегрунов вышел из какой-то двери и направился по проходу от меня.

Ему почтительно уступали дорогу.

Недолго думая, я подошел к этой двери, из которой вышел этот начальник, толкнул ее и оказался в небольшом помещении. Здесь было четверо хегрунов, склонившихся над треногой, на которой стояла какая-то массивная конструкция. Один из обезьяно-людей ковырялся в ней.

Мне стало ясно — это было ничто иное как механизм разрыва непрерывности времени!

Недолго думая, я подбежал к треноге, снял с нее массивную конструкцию прерывателя, прижал к себе, чувствуя всем телом тикание таймера внутри нее.

Выбежав из компаты, я быстро устремился по коридору, пропел через мерцающий диск и помчался по улицам нулевого Стокгольма к Вокзалу Сети.

Через минут двадцать я был уже у цели. Все это время я старался не обращать никакого внимания на газ, струившийся по улицам города, страстно надеясь, что этот костюм достаточно надежен, как это уверял Дзок.

Достигнув ангаров, я проник вовнутрь и подошел к шаттлу, стоявшему последним в ряду машин — к тому же шаттлу, с которым ранее уже имел дело. Я знал, что этот аппарат имеет автоматически запрограммированное устройство, позволяющее вернуться на линию мира хегрунов. И поэтому, открыв дверцу машины, я поставил механизм прерывателя на пол, посмотрел на часы и облегченно вздохнул.

Дзок говорил мне, что согласно расчетам механизм разрыва непрерывности был приведен в действие около двух часов ночи. Именно в это время наш мир 0-0 перестал существовать, по данным картографической службы ксонджлианцев.

Сейчас было без четверти двадцать часов. Так как перемещение из мира Империума в линию хегрунов заняло у меня около трех часов, нужно было обождать еще минут десять. Подождать, прежде чем отправить этот шаттл с его смертоносным грузом в последний полет.

Я присоединил к рычагу управления кусок веревки, которую нашел по пути сюда, прикрыл дверцу машины, протянул до ближайшего укрытия и стал ждать...

Прошло семь минут... восемь...

И вот, с силой дернув за провод, я услыхал слабый гул и увидел, что шаттл задрожал, став на мгновение прозрачным. Через секунду он приобрел свои прежние вещественные очертания. Непосвященный мог подумать, что произошла какая-то непредвиденная поломка, но я то знал, что все идет как надо. Шаттл уже был в полете, а сейчас передо мной находилась его производная реальность.

ГЛАВА XVI

Оказавшись на улице, я снова направился в здание штаба Разведки Империума.

Одна мысль не давала мне покоя. Сейчас передо мной стояла одна задача — решить ее надо было без

ошибки. Так как ценой неверного ответа могла быть гибель целой Вселенной!

Необходимо было срочно отыскать устройство, посредством которого хегрупы проникли в нулевое время Империума. Согласно указаниям Дзока прибор необходимо было искать в нормальном времени линии 0-0 Империума. «Вот еще одна причина для проведения газовой атаки» — отметил я про себя, продолжая свой путь сквозь мерцающий свет нулевого времени.

В раскрытых дверях штаба, в силу обратного течения времени исчезали последние хегрупы.

Наконец последний захватчик исчез и я, находясь в тени здания, припомнив инструкции Дзока, последовательно нажал ряд кнопок на своем комбинезоне-скафандре. Что должно было обеспечить мне возвращение в обычное время. Вновь испытав головоружение (верный признак того, что произошел временной скачок), я, крадучись, вошел в вестибюль. Дзок утверждал, что скорее всего первые лазутчики хегрупов где-то в подвалах штаба установили механизмы нулевого времени, обеспечив тем самым начало операции по захвату и уничтожению нашей Вселенной.

В здании штаба было тихо. Согласно разработанному плану, я должен был сейчас, пользуясь индикатором «нуль-времени» (на левом рукаве моего комбинезона), определить местонахождение установки хегрупов, но при этом не забывать, что где-то в этом здании скрываются лазутчики захватчиков. Внезапно я с удивлением обнаружил мерцающее бледное сияние, окружающее все предметы — верный признак того, что я все еще нахожусь в нулевом времени!

Это было настолько неожиданно для меня, что чуть не повергло в панику. Со всеми этими временными штучками я до сих пор никогда не сталкивался и поэтому неудивительно, что я несколько минут не мог прийти в себя.

Или мой костюм-шаттл не сработал (но я ведь явственно ощущал переход!!!), или произошло что-то до сих пор мне неизвестное. Может быть, сейчас я нахожусь уже в нулевом времени, создаваемом самой установкой хегрупов? Кто знает? Если это так, то смогу ли я ее отыскать?

Через полчаса безуспешных поисков, я измученно сидел в одной из комнат подвала, обдумывая дальнейший ход своих действий.

И тут мне в голову пришла одна мысль. А почему я до сих пор не побывал в том помещении, откуда недавно похитил хегрунский «прерыватель пространства?»

Через несколько минут я уже был там и в углу, за какими-то ящиками, покрытыми брезентом, обнаружил то, что искал — маленький металлический ящичек — механизм нулевого времени хегрунов. Он тихо гудел, ожидая своих хозяев, которые должны были скоро появиться, чтобы унести его с собой.

Достав из набора инструментов отвертку, я осторожно открыл ящичек и увидел внутри полузнакомые схемы и детали, в которых через некоторое время я узнал то, что является сердцем моего шаттл-костюма. У меня уже была на этот счет довольно фантастическая идея — идея, для воплощения которой мне могло бы не хватить знаний, но которая все же позволяла на что-то надеяться.

Двадцать минут спустя, я все же добился того, чего хотел. Поменяв контакты в механизме, как это ранее сделал с моим костюмом Дзок, я добился того, что механизм установит контакт не с настоящим временным уровнем, а уровнем будущего, примерно, через одну или две недели. Имея в запасе время, я надеялся, что сумею убедить разведку Империума в том, что я не маньяк, имеющий сходство с полковником Байардом, а настоящее, вернее, второе его «Я», и что я прав в своих высказанных им выводах.

В тот момент, когда я снял крышку прибора, у меня уже была некоторая уверенность, некоторый проблеск надежды — надежды, что, вернувшись в прошлое до начала нападения хегрунов, я смогу изменить ход событий.

Теперь же пора было уходить. Я переключил управление костюма в надежде вновь оказаться в реальном времени. Следующий шаг, который я должен был сделать, мне самому не очень-то нравился, но делать его все же было надо.

Поднявшись по лестнице в коридор первого этажа, я к своей радости увидел группу знакомых мне людей из разведки. Я с трудом подавил в себе желание закричать им вслед (ведь я жил еще в обратном времени — они все равно не услышали бы меня!).

Сейчас недостаточно было бы переключить управление костюма в сторону нормального прямого хода времени, чтобы люди разведки с распростертыми объятиями бросились мне на грудь. Ведь в прямом времени уже

существовал один Байард — шестинедельной давности, который именно сейчас на своей вилле обедал. Кроме того, появившись здесь в этом странном одеянии, в грязи и со щетиной на щеках — новый Байард вряд ли вызвал бы к себе доверие и расположение.

Но все же я надеялся на лучшее. Я вошел в один из пустующих в это время кабинетов и, не подумав о возможной ошибке в расчетах при регулировке, отключил питание комбинезона и откинул шлем.

Сначала мне показалось, что все идет нормально. Но потом, когда я взял со стола нож для разрезания бумаги, то с удивлением обнаружил его по-прежнему лежащим на столе. Опять что-то пошло не так! Но когда через мгновение нож со стола все же исчез, только тогда я понял, что хоть питание шаттла-костюма отключено — я продолжаю жить в обратном времени. Защелкнув шлем, я снова стал манипулировать контактами комбинезона, сожалея, что в спешке не сделал никаких записей инструкций Дзока о том, как производить регулировку времени.

Но тут произошло что-то ужасное. Сейчас не было такого обычного чувства тошноты и головокружения, которое обычно можно было испытывать при переходе временного интервала. Вместо этого я услышал страшный шум в ушах, тяжесть в ногах. Воздух, которым я сейчас дышал, показался мне плотным как вода.

Через мгновение я увидел, что мой костюм на глазах начал покрываться слоем льда и вскоре почувствовал, что постепенно превращаюсь в ледяной столб, вмерзший в пол.

Я начал кое-что понимать.

Регулируя механизм костюма-шаттла, я восстановил нормальное направление во временной прогрессии, изменив однако при этом уровень энтропии в сторону уменьшения.

Попытавшись оторвать ногу от пола, я неловко повернулся и упал. Мой ледяной панцирь раскололся, предоставив мне возможность онемевшими пальцами произвести манипуляцию с кнопками управления.

Сразу стало немного легче. Лед растаял, оставив только облачко пара и капельки воды.

Но, попытавшись подрегулировать механизм энтропии, я с ужасом убедился в том, что фиксатор управления не работает.

А тем временем уровень энтропии постепенно повышался. Мое тело (вернее костюм) стало постепенно горячим настолько, что краска на полу вздулась огромными пузырями в том месте, где находились мои ноги.

Я толкнул дверь в коридор — и в ужасе остановился на пороге. Передо мной стоял хегрун. Очевидно это был разведчик, посланный для проведения рекогносцировки. Времени для размышления не было — огромный, как гризли, хегрун ломился вперед, явно собираясь поиграть со мной. Я успел подумать, что все же оказался прав, считая, что пришелец и прошлое — может изменить уже виденное будущее — уничтожив его!

Стычка с обезьяной-человеком была короткой. Получив страшные ожоги груди и живота (после объятий со мной) хегрун бежал, завывая от боли.

Я огляделся. Следы на полу медленно дымились под подошвами моих ног.

Жара, усталость, голод, жажда (сорок семь часов без сна и отдыха!) сделали свое дело. Моментами я еще понимал, что надо делать (сознание мое начинало мутиться), но тут же эти мысли прерывались хаотичными обрывками каких-то рассуждений и впечатлений.

Из последних сил я двинулся вперед, падая и поднимаясь, оставляя на своем пути обгоревшие отпечатки ног и рук.

Я должен был предупредить! ДОЛЖЕН!!!

Снова на пути возник хегрун.

Я ударил его всем весом своего тела и обезьяна рухнула на пол, ударившись головой об угол какого-то стального ящика.

Со стороны какой-то двери послышался шум и я, повернув голову на этот звук, смутно различил фигуру человека, в которой было что-то странно знакомое...

Человек подошел поближе и протянул мне руку. Я протянул свою... и... между нашими руками сверкнула молния. На мгновение передо мною промелькнуло невероятное лицо... и потом все исчезло.

Темнота, темнота, темнота.

ГЛАВА XVII

Это была чудесная постель, свежая и прохладная. Сон тоже был замечательный. Лицо Барбро совершенно как у богини охоты в обрамлении медных волос. Где-то

в глубине сознания ворочались мрачные мысли, которые позже придется вытащить оттуда и разобраться с ними... но не сейчас...

Но тут греза склонилась ко мне и в ее дымчато-серых глазах были слезы, хотя губы улыбались... И вот я их целую и это уже явь, а не сон! Я поднял руку и в мое поле зрения попали бинты на ней.

— Барбро,— услышал я свой хриплый голос.

— Манфред! Он проснулся! Он узнал меня! — ты слышишь, он узнал меня!

— Ну, он был бы уже совсем плох, если бы не узнал тебя, дорогая,— произнес чей-то голос и надо мной склонилось не столь прекрасное, но все же довольно симпатичное лицо. Барон фон Рихтгофен улыбался мне, но его лицо выражало крайнюю озабоченность.

— Что случилось, Брайан? — холодные кончики пальцев Барбро коснулись моего лица.— Когда ты вернулся домой, я позвонила Манфреду и он сказал, что ты исчез. Они обыскали все здание и нашли загадочные обуглившиеся следы...

— Может быть, не нужно его сейчас волновать? — пробурчал барон.

— Да, да, конечно. Но сейчас все хорошо и это главное. Отдыхай, Брайан. Ты сможешь рассказать нам обо всем после.

Я хотел ей что-то сказать, но почувствовал как сон накатывает на меня теплой волной и я позволил себе утонуть в его зеленой глубине.

* * *

Проснувшись в следующий раз, я почувствовал страшный голод. Барбро сидела у кровати, глядя на зеленую крону дерева за окном.

Я несколько минут лежал тихо, любуясь ее нежной щекой, изгибом шеи, длинными ресницами. Через несколько секунд она обернулась и улыбнулась мне. На ее лице возникла радостная улыбка, словно солнце после весеннего дождя.

— Похоже, что я уже в полном порядке,— сказал я и мой голос был уже более узнаваем.

Потом были долгие счастливые минуты, немного шепота и глупых ласковых слов вперемешку с поцелуя-

ми. Немного позднее появился Манфред, за ним пришел Беринг и Люк. Сейчас все приобрело более четкий и деловой характер.

— Скажи мне, Брайан,— произнес делано-сурово Рихтгофен,— как тебе удалось, уйдя из моего кабинета, исчезнуть на несколько часов и оказаться потом найденным без сознания рядом с чудовищной полуобезьяной? Каким образом на тебе оказался какой-то маскарадный комбинезон? Как ты мог бы объяснить нам свою почти трехдневную щетину? Что значат все твои ссадины, ушибы, кровоподтеки? Я уже не буду спрашивать об ожогах второй степени, обморожении или же о разбитых зубах?

— Какой сегодня день? — спросил я.

Манфред ответил.

Значит я был без сознания около сорокавосьми часов. Два дня прошло с момента предполагаемого нападения хегрунов... и они до сих пор не появились здесь!

— Послушайте, друзья,— начал я,— тому, что я собираюсь сейчас рассказать, довольно трудно поверить, но вы видели тот труп, что нашли рядом со мной и я надеюсь, что вы постараетесь...

— Это действительно очень странное существо, Брайан,— перебил меня Герман.— Оно, наверное, напало на тебя и этим можно было бы объяснить некоторые твои раны, но что касается ожогов...

Я тоже перебил его и рассказал все без утайки.

Они молча слушали. Мне приходилось дважды останавливаться, чтобы перевести дух, но я старался ничего не упустить.

— Вот так! — удовлетворенно закончил я свой рассказ.— А теперь скажите, что это все мне просто приснилось, но не забудьте объяснить, как мне мог присниться этот мертвый хегрун.

— Твой рассказ невероятен, безумен, фантастичен и явно является галюцинацией, вызванной сотрясением мозга,— сказал наконец после некоторого молчания Герман.— Но тем не менее я почему-то верю каждому твоему слову. Мои специалисты доложили мне о странных показаниях приборов надзора Сети. То что ты сейчас рассказал, совпадает с нашими наблюдениями. А тот момент, когда тебе удалось переместить нападение пришельцев на несколько недель в будущее — это, пожалуй, самое интересное!

— Я не знаю как далеко удалось мне передвинуть их,— сказал я.— Но, надеюсь, что вы хорошо подготовитесь к их появлению.

Герман прочистил горло.

— Я как раз подхожу к этому, Брайан. Ты сам говорил о своем неквалифицированном регулировании механизма МК, который ты привез из своего приключения, кстати, он вызывает мое восхищение, но я, кажется, уклонился от темы. Так вот, ты сказал, что собирался перебросить хегрунов, так кажется ты их назвал, в будущее. Но, боюсь, что вместо этого ты перебросил их в уровень прошлого нашей линии 0—0.

На мгновение в палате воцарилось гробовое молчание.

— Что-то я не совсем понимаю тебя, Герман,— хрипло произнес я.— Ты что же хочешь сказать, что они уже нападали на нас? Что же получается, скажем один месяц назад они уже воевали с нами, так?

— Точного расположения их во времени я не могу тебе указать. Но совершенно ясно, Брайан, что они были отброшены назад во времени, а не вперед!

— Но это уже не так важно, дорогой,— улыбнулась мне Барбро.— Где бы они сейчас ни были, они нас уже не беспокоят. Благодаря твоей храбрости, мой герой!

Все рассмеялись а у меня покраснели уши. Манфред включился в разговор, упомянув об огненном человеке.

— Страшное это должно быть чувство, встретиться лицом к лицу с самим собой!— произнес он.

— Вы напомнили мне,— заметил тут же я во внезапно наступившей тишине.— А где же... другой я?

Никто ничего не сказал. Затем Герман щелкнул пальцами.

— Мне кажется, я могу дать тебе ответ на этот вопрос. Это довольно интересная проблема в физике континиума — но я считаю, что можно принять аксиому за факт, что парадоксы столкновения лицом к лицу двух вариантов одной личности несовместимо с сущностью одновременной реальности. Поэтому, когда такая конфронтация возникает — что-то должно уступить! В твоем случае непреодолимая энтропическая перегрузка была снята путем перемещения одного варианта этого единого «я» в плоскость, которую ты назвал «нулевым временем» — там, где ты встретился с хегрунами и пережил свое страшное приключение.

— Но твой друг Дзок,— сказала Барбро,— мы должны что-то сделать, Манфред, чтобы помочь его народу против этих монстров, которые захватили его мир. Мы могли бы послать туда войска...

— Боюсь, что ты не совсем поняла то, что сказал Брайан о местонахождении механизма разрыва непрерывности, дорогая,— пербил ее Герман.— Судя по той точности, с которой он произвел отправку шаттла с механизмом в линию мира хегрунов, он сработал своевременно, избавив нас всех от опасности.

— Дзок был прав,— печально сказал Манфред.— Мы действительно раса любителей геноцида. Но, наверное, нас такими делают законы природы.

— Но наша задача помочь слабо развитым, я имею ввиду технически, народам этих А-линий,— настаивала Барбро,— Бедная Оливия, мечтающая о лучшем мире и не имеющая возможности познать его, потому что мы эгоистично держим наши богатства при себе.

— Я согласен с тобой, Барбро,— кивнул Манфред.— Нам нужно менять политику. Но надо бы тебе знать, что не так то легко принести то, что мы называем просвещением, отсталым народам. Всегда найдутся противники. Как ты думаешь, воспринял бы этот Напалеон Пятый предложение стать вассалом нашего императора, в положительном смысле?

Барбро взглянула на меня.

— Ты был наполовину влюблен в эту Оливию, Брайан,— сказала она.— Но я прощаю тебя. Я не настолько глупа, чтобы приглашать ее жить в нашем доме в качестве гостьи, но ты должен устроить так, чтобы она приехала, слышишь, приехала сюда!

На лестнице раздался топот ног. В комнату, запыхавшись, вбежал молодой человек в белом сюртуке.

— Вас вызывают к телефону, герр Беринг,— произнес он.

Герман встал и вышел, а мы продолжили наш разговор.

— В какой-то мере жаль,— сказал Манфред,— что эти хегруны были так тщательно аннигилированы благодаря твоему старанию, Брайан. Новое племя людей, только отдаленно родственных нашей расе, но имеющий довольно высокий уровень развития технической культуры...

В комнату опять вернулся Герман, потирая виски и растерянно моргая.

— Я только что разговаривал с лабораторией Сети,— произнес он с порога.— Они смогли приблизительно вычислить пункт прибытия незадачливых захватчиков-хегрунов. Расчеты были сделаны на основании некоторых следов, зарегистрированных нашими приборами за пять лет.

— Пять лет? — хором переспросили мы.

— Да, именно за пять лет. То есть, за время с момента установки нашего нынешнего усовершенствованного оборудования. За этот период было отмечено несколько аномалий в показаниях приборов. Теперь, в свете утверждения Брайана, мы наконец-то можем дать им хоть какое-то объяснение.

— Ну, ну же, Герман! — поторопил его Манфред.— Избавь нас от драматической паузы! Говори скорее!

— Кроче говоря, джентльмены, хегруны оказались заброшенными на пятьдесят тысяч лет в прошлое! Это произошло благодаря регулировке, которую произвел Байард.

Наступила тишина. Потом я услышал свой собственный смех.

— Значит они все же сделали это, только немного рановато!

— Думаю, что они благополучно достигли эпохи неолита и остались там,— кивнул Манфред.— Еще думаю, что они хоть и с трудом, но все же приспособились к своему неожиданному превращению в технически отсталую расу, эти несколько сот отщепенцев во времени. И еще я думаю, что они так никогда и не утратили своей ненависти к безволосым сапиенсам, которых они повстречали там, на холодной Земле, пятьдесят тысяч лет назад.

— Похоже, что так и было,— согласился я.— Они благополучно прибыли в эпоху мамонтов и ледников. Но так как у них не было с собой техники, то постепенно деградировали. А так как их было довольно мало, то они выродились и оставили свои кости на нашей грешной земле, которые впоследствии были найдены нашими археологами и названы неандертальцами...

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

I

Стоял тихий летний вечер. Мы с Лайзой сидели на крыльце, смотрели на тающие в небе розовые полоски заката и слушали как в соседнем доме Фред Хапкэт снимает газонокосилкой очередной урожай сорняков. Деловито и жизнерадостно застрекотал притаившийся в траве сверчок. Мимо по улице промчалась машина, слабый свет фар разметал в стороны тени и отразился в листве платанов, чьи кроны аркой смыкались над мостовой. Где-то пело радио об огнях в гавани.

Тихий, уютный вечер. Мне до смерти не хотелось уходить. Я вздохнул — воздух чуть отдавал дымком сожженных листьев, запахом свежескошенной травы — и встал.

Лайза взглянула на меня. У нее было круглое личико, вздернутый носик, большие широко расставленные глаза и самая милая улыбка на свете. Даже крошечный шрам на левой щеке только усиливал очарование: это тот самый изъян, что придает законченность совершенству.

— Пройдусь-ка я к «Симону», выпью пива,— сказал я.

— Ужин будет готов к твоему возвращению, дорогой,— отозвалась она и улыбнулась своей неповторимой улыбкой.— Запеченная ветчина и кукурузные початки.

Поднявшись, она прильнула ко мне струящимися движениями танцовщицы и коснулась губами уха.

Я спустился по ступенькам, но на дорожке помедлил и обернулся. Лайза стояла возле двери и свет из прихожей очерчивал ее тонкий и изящный силуэт.

— Возвращайся быстрее, милый,— сказал она, махнула мне рукой и ушла.

Ушла навсегда.

Она не знала, что назад я не вернусь.

II

Через перекресток грохотал трамвай, похожий на большую игрушку с рисунками голов, приклеенных к ряду маленьких квадратных окон. Гудели рожки. Мелькали светофоры. Прохожие торопились домой после долгого дня за прилавком, в конторе или на цементном заводе... Я позволил людскому потоку увлечь себя, шагая наравне со всеми. Этот урок я выучил твердо. Время нельзя ускорить, нельзя замедлить. Иногда его можно вообще избежать, но это уже разные вещи.

Размышляя, я вышел через четыре квартала к остановке такси на Делавэр-стрит. Уселся на заднее сиденье «Ромео», который следовало бы свезти на свалку лет десять назад, и сказал водителю, куда ехать. Он с любопытством взглянул на меня, недоумевая, что может понадобиться такому приличному молодому человеку в той части города, и уже открыл рот, чтобы спросить об этом, но я добавил:

— Уложишься в семь минут, получишь пять долларов.

Парень щелкнул счетчиком и чуть ли не вырвал сцепление из машины, рванув со стоянки. По пути он то и дело посматривал в зеркальце, прикидывая, как бы все-таки подступиться ко мне с вопросом, что вертелся у него на кончике языка. Однако заметив в полуквартале неоновые буквы, горящие словно раскаленное железо, я хлопнул его по плечу, сунул в руки деньги и в следующую секунду уже стоял на тротуаре.

Не слишком выделяясь среди окружающих строений, котейль-бар сохранил претензии на светскость. Пара ступенек вела вниз, и верилось, что когда-то, до введения сухого закона, зал выглядел весьма привлекательно. Стены, облицованные деревянными плитками, не сильно пострадали от времени, разве что почернели от въевшейся пыли. Узорчатый потолок также выглядел сносно, но по темно-бордовому ковру тянулась широкая вытоптанная дорожка, она извивалась, как тропа в джунглях, во всю длину в баре и разветвлялась у столиков, теряясь возле ножек стульев. Обтянутые прочной тканью сидения в кабинках вдоль стен заметно выцвели, на некоторых темнели заплаты. И никто не побеспокоился вымыть кружки, оставленные на дубовых столиках поколениями любителей пива. Я занял кабинку в глубине зала, с тусклым модным светильником и нацарапанной на стене росписью, свидетель-

ствующей о чьей-то победе в беге с препятствиями в 1840 году. Часы над стойкой бара показывали 7.40.

Я заказал кружку у официантки, которая цвела примерно в то же самое время, что и бар. Она принесла кружку, и я отпил глоток, когда кто-то скользнул на сиденье напротив. Незнакомец пару раз вздохнул, будто только что обежал вокруг стадиона, и поинтересовался: «Не возражаете?» — затем поднял кружку и помахал ей в сторону полупустого зала.

Я воспользовался возможностью и оглядел соседа. У него было нежное круглое лицо и бледно-голубые глаза. Голову на гладкой, явно тонковатой шее, я счел бы лысой, если бы ее не покрывал чудесный светлый пушок вроде цыплячьего. Одет он был в полосатую рубашку с открытым воротником, откинутым на пиджак из плотной шотландки с подбитыми плечами и широкими лацканами. Рука, державшая стакан, выглядела маленькой и холеной, ногти короткие, с безупречным маникюром. На левом указательном пальце надето громоздкое золотое кольцо со стеклянным рубином, который сошел бы за пресс-папье. В целом же наряд как-то не гармонировал, точно человек одевался в спешке и при этом мысли его занимали куда более важные вещи.— Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление,— заговорил мужчина.

Его голос не имел ничего общего с помещением, полным сигарного дыма.

— Лишь чрезвычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к вам, мистер Рейвел,— продолжал он, говоря быстро, торопясь высказаться до того, когда будет слишком поздно.— Дело огромной важности... касающееся вашего будущего.

Он помедлил, проверяя произведенный эффект: этакая выжидательная пауза, словно от моей реакции зависело, продолжать ему или нет.

Я сказал:

— Будущее, вот как? Не уверен, что оно у меня есть.

Ответ ему понравился, я это заметил по тому, как заблестели его глаза.

— Ну, да,— кивнул он, располагаясь поудобнее.— Да, в самом деле.— Он немного отпил из кружки и поставил ее, затем перехватил взгляд и уставился на меня, улыбаясь скользкой, чуть заметной усмешкой.— И я мог бы добавить, что у вас будет будущее — может быть гораздо величественнее, чем прошлое.

— Мы встречались где-нибудь? — осведомился я.

Он отрицательно покачал головой.

— Я понимаю, что сейчас мои слова покажутся вам бессмыслицей... но любое промедление чрезвычайно опасно. Поэтому, прошу вас, выслушайте...

— Я слушаю, мистер... как вы сказали?

— Имя не важно, мистер Рейвел. Я вообще не имею к этому делу никакого отношения, за исключением того, что являюсь посланником. Мне поручили войти с вами в контакт и передать определенную информацию.

— Поручили?

Он пожал плечами.

Я перегнулся через стол и схватил его за руку, в которой он держал кружку. Рука была мягкой и гладкой, словно у ребенка. Я слегка надавил. Немного пива выплеснулось на край стола и ему на колени. Он дернулся, намереваясь встать, но я прижал его к сиденью.

— Дайте-ка мне тоже сыграть,— сказал я.— Что, если мы вернемся к тому моменту, где речь шла о поручении? Меня это, знаете ли, заинтриговало. Так кто же меня считает настолько важной персоной, что поручает всяким пройдохам совать свой нос в чужие дела?

Я усмехнулся. Он в ответ тоже изобразил улыбку и напрягся, видимо утратив часть энтузиазма, но не сдаваясь.

— Мистер Рейвел, что бы вы сказали, если я сообщу вам о своей принадлежности к секретной организации суперменов?

— А что бы вы хотели услышать?

— Что я не в своем уме,— с готовностью подсказал он.— Вот почему я надеялся обойти этот вопрос и затронуть непосредственно суть дела. Мистер Рейвел, ваша жизнь в опасности.

Я промолчал, и последние слова повисли в воздухе.

Он бросил взгляд на часы, повернутые на английский манер под запястье, и продолжил:

— Ровно через одну минуту и тридцать секунд сюда войдет человек, одетый в черный костюм, с тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Он пройдет к четвертому табурету возле бара, закажет виски, выпьет, повернется, поднимет трость и трижды выстрелит вам в грудь ядовитыми иглами.

Я отпил еще глоток. Пиво было по-настоящему вкусным — одно из утешений в этой жизни.

— Ловко,— сказал я.— А что будет дальше?

Толстячок несколько встревожился:

— Вы шутите, мистер Рейвел? Речь идет о вашей смерти. Здесь. Через несколько секунд!

Он перегнулся через стол и говорил раздраженно, брызгая слюной.

— Ладно, ладно, я все понял,— сказал я и, отпустив его, вновь поднял кружку.— Только не тратьте столько энергии на воображаемые похороны.

Пришел его черед схватить меня за рукав. В его жирных пальцах оказалось куда больше силы, чем казалось со стороны.

— Я вам говорю о том, что случится непременно, и вы должны действовать немедленно, если хотите избежать смерти!

— Ага! И тут-то начинается то самое блестящее будущее, о котором вы упомянули.

— Мистер Рейвел, вы должны сейчас же уйти отсюда.

Он порылся в кармане пиджака и вытащил карточку с отпечатанным адресом: Колвин Керт, 356.

— Здание старое, но очень прочное, и совсем рядом. Снаружи деревянная лестница, совершенно безопасная. Поднимитесь по ней на четвертый этаж. Комната под номером девять находится в конце коридора. Входите туда и ждите.

— А зачем же мне туда идти? — поинтересовался я и стряхнул с рукава его пальцы.

— Чтобы спасти свою жизнь! — в голосе его зазвучали визгливые нотки, как если бы события развивались не совсем правильно. У меня возникло отчетливое чувство, что ход событий, трактуемый незнакомцем, может оказаться не самым лучшим для меня и моего великого будущего.

— Откуда вы узнали мое имя? — спросил я.

— Умоляю вас — время дорого. Почему бы вам просто не довериться мне?

— Это имя — липовое,— сказал я.— Я так назвался вчера продавцу библий. Придумал его с ходу. Не занимаетесь ли вы рэкетом среди разносчиков книг, мистер Как-вас-там?

— Неужели это значит больше, чем ваша жизнь?

— Вы что-то путаете, приятель. Мы с вами торгуемся не о моей жизни, а о вашей.

Выражение искреннего доброжелательства на его лице раскололось на кусочки. Он еще пытался собраться с духом, когда наружная дверь бара распахнулась и вошел человек в черном плаще, черном вельветовом пиджаке,

черной фетровой шляпе, с щегольской черной тростью в руках.

— Вот видите? — шепнул мне через стол новоявленный приятель, словно перекинув порнографическую открытку... — Все, как я сказал. Теперь вам надо действовать быстро, мистер Рейвел, пока он вас не увидел...

— Ваша техника хромает, — заметил я. — Он оглядел меня с ног до головы, не успев и шагу ступить за дверь.

Я отпихнул толстяка и выскользнул из кабинки. Человек в черном уже прошел через зал и сел на четвертый табурет, не глядя в мою сторону. Я пробрался между столиками и пристроился у стойки по левую сторону от него.

Он не взглянул на меня даже после того, как я ткнул его локтем в бок, а сделал я это несколько сильнее, чем позволил бы строгий этикет. Если бы у него в кармане был пистолет, я бы почувствовал. Трость он зажал между коленями, и крупный серебряный набалдашник находился под его рукой. Я слегка наклонился к нему.

— Будь осторожней, — сказал я в восьми дюймах от уха, — дело накрылось.

Он воспринял известие спокойно. Только медленно повернул голову и уставился на меня. Высокий узкий лоб, впалые щеки, на сероватой коже лица выделялись вокруг ноздрей белые линии. Глаза напоминали маленькие черные камешки.

— Вы обращаетесь ко мне? — холодно поинтересовался он, и от его ледяного тона повеяло вечной мерзлотой последней полярной стоянки Скотта.

— Кто этот тип? — спросил я заговорщически, полагая, что ловким мальчикам следует сойтись и поладить по-хорошему.

— Кто?

Никакой оттепели.

— Вон тот торговец предметами мужского туалета с жирными потными руками, — уточнил я. — Мой сосед за столиком. Он, кстати, все еще сидит в кабинке, ожидая, чем все кончится.

— Вы ошиблись, — отрезал черный человек.

— Не падай духом, — продолжал я. — Каждый может ошибаться. Так почему же нам не собраться и поговорить всем — втроем?

Это его задело. Дернув головой — на миллионную долю дюйма — он соскочил с табурета и подхватил шляпу. Я легко толкнул трость, когда он нагнулся за ней. Та грох-

нулась на пол. Я нагнулся, и когда поднимал ее, то нечаянно нажал на конец каблуком. Внутри что-то треснуло.

— Ха, ты черт,— сказал я.— Извините.

Я вручил ему трость. Он сгреб ее и удалился в сторону туалетной комнаты. Я проводил его взглядом, пожалуй, несколько продолжительным. Но все-таки краешком глаза успел заметить, что мой первый собутыльник скользнул к выходу. Я перехватил его в нескольких ярдах на улице. Он сопротивлялся, но не сильно, как человек, который не желает привлечь внимание прохожих.

— Ну-ка постой! — сказал я.— Представление настолько занимательно, что не терпится узнать продолжение. Так что дальше?

— Глупец, опасность вовсе не миновала! Я пытался спасти вам жизнь — неужели у вас нет ни капли благодарности?

— Не тебе об этом судить, приятель. Так из-за чего разгорелся сыр-бор? Неужели из-за моего костюма? Деньги? Так их не хватило бы для оплаты такси до Колвин Керт и обратно. Но похоже мне не пришлось бы возвращаться.

— Пустите же! Мы должны уйти с дороги!

Толстяк попытался сбить меня с ног, и я ударил его под ребро. Достаточно резко, чтобы он засопел и обмяк, повиснув на мне как мешок. От неожиданности я покачнулся. В то же мгновение послышалось глухое хап! Точно выстрел пистолета с глушителем, и визг пули в дюйме от уха. Рядом был портик парадного. Мы покрыли расстояние одним прыжком. Толстячок вновь попытался ударить меня под коленку, и мне пришлось опять утихомирить его.

— Не принимай так близко к сердцу,— сказал я.— Пуля меняет дело. Успокойся, отпускаю шею.

Он кое-как кивнул. Ему удалось это с трудом, учитывая положение моего пальца. Я разжал руку. Он шумно задышал и рывком ослабил воротник. Круглое лицо несколько перекосилось, а китайско-голубые глаза утратили младенческое простодушие. Тем временем я снял маузер с предохранителя и настроился на продолжение.

Минуты тянулись словно геологические эпохи.

— Он ушел,— глухо произнес толстяк.— Попытка сорвалась, но они предпримут другую. Вам не удалось избежать развязки, вы просто отсрочили ее.

— Будем живы, не помрем,— отозвался я.— Давай-ка пробовать воду. Ты первый.

Я подтолкнул его дулом в спину. Обошлось без выстрелов. Я рискнул оглядеться: в поле зрения ни одного черного плаща.

— Где твоя машина? — спросил я.

Он кивнул на черный «мармон», припаркованный по другую сторону улицы. Я провел его к автомобилю, подождал, пока он усядется за руль, затем забрался на заднее сиденье. Рядом стояли другие машины со множеством затемненных окон — удобное местечко для снайпера, но никто не выстрелил.

— У тебя тут есть что выпить? — спросил я.

— Что?.. Ах, да... конечно.

Толстяк старательно скрывал удовлетворение.

Вел он паршиво, как вдова средних лет после шестого урока: трогал рывком, выскакивал на красный свет — и так через весь город, пока мы не добрались до места. Колвин Керт оказался покрытым щебенкой тупиком, который полого поднимался вверх по холму к сплетению телефонных столбов. Высокий и узкий дом четко выделялся на фоне неба, чернея пустыми окнами. Мы свернули на подъездную дорожку, проложенную двумя полосками потрескавшегося бетона с пророслой посередине травой, обогнули здание и, оставив за собой деревянную лестницу, о которой он упомянал, подошли к входу. Дверь шла туговато, но потом распахнулась и мы ступили на потертый линолеум. Потянуло кислым запахом застоявшегося капустного супа. Следуя за провожатым, я остановился и прислушался к напряженной тишине.

— Не беспокойся,— сказал толстяк,— здесь нет ни души.

Миновав узкий проход, где я касался локтями стен, мы прошли мимо тусклого зеркала, подставки со свернутыми зонтиками, и поднялись по лестнице с черной резиновой дорожкой, зажатой позеленевшими медными штырями. Пол скрипел под ногами. Высокие настенные часы стояли, стрелки показывали десять минут четвертого. Наконец мы вошли в невысокую проходную комнату с цветастыми коричневыми обоями и дверями, окрашенными в темный цвет, которые чуть виднелись в бледном свете, просачивающемся сквозь зашторенное окно в конце помещения.

Он нашел девятый номер, приложил ухо к двери, затем распахнул ее и подтолкнул меня внутрь.

Я окинул взглядом комнатенку: прочная двуспальная кровать под пологом из шелка, трюмо с вереницей салфеток, стул с прямой спинкой и проволочной подножкой,

кресло-качалка, не совсем вписывающееся в обстановку, овальный столик со следами засохшей грязи. В центре потолка свисало подобие люстры с тремя маленькими лампочками, из которых светилась только одна.

— Да-а, аппартаменты,— заметил я.— Тебе видно туго приходится.

— Просто внутреннее жилище,— отозвался он небрежно.

Уютно расставив стулья, он предложил мне кресло-качалку, а сам расположился напротив.

— Так вот,— начал он и сложил кончики пальцев вместе, наподобие ростовщика, готовящегося сорвать куш на отчаявшемся просителе.— Теперь, я полагаю, тебе не терпится узнать все о человеке в черном, о том, каким образом я узнал...

— Не особенно,— сказал я.— Меня больше интересует, на что ты рассчитывал? Неужели ты и вправду думаешь, что сумеешь выпутаться?

— Боюсь, я не совсем понимаю...— пробормотал он и дернул головой в сторону.

— Чистая работа,— объяснил я.— В некоторой степени. Ты мне паплел с три короба и, если бы я заглотнул приманку, то человек в черном проткнул бы меня иглой с наркотиком. А если бы соблазнился, то с благодарностью пришел сюда.

— Так или иначе, но ты все же пришел.

Толстячок расслабился и повел себя наглее.

— Твоя ошибка,— сказал я,— в том, что ты старался учесть слишком много факторов. Так что ты готовил потом для человека в черном?

Лицо его застыло.

— Потом? Когда?

— Что бы это ни было, ты просчитался,— продолжал я.— Ты тоже входил в его планы.

— Тоже?

Он наклонился вперед, как бы озадаченный, и ловко выхватил странный пистолетик, весь утыканный синими кнопками и рычажками.

— Думаю, тебе лучше все рассказать о себе, Рейвел или как ты сам себе именуешь.

— Ты ошибаешься, карг,— прошептал я.

На какое-то мгновение он застыл. Затем крутнул пальцами, пистолет издал свистящий звук, и в мою грудь полетели стрелы. Я подождал, пока он расстреляет обойму,

затем поднял маузер, который важал в руке, пока он переставлял стулья, и выстрелил ему под левый глаз.

Его отбросило на спинку стула. Голова свесилась к левому плечу, будто он любовался подтеками на потолке. Жирные потные руки судорожно сжались. Он медленно наклонился в сторону и наконец рухнул на пол, как двести фунтов железа.

Чем он, собственно, и был.

III

Я подошел к двери и прислушался: ни одного подозрительного звука, который указал бы, что выстрел пробудил чье-то любопытство. Очевидно, в доме никого не было.

Не удивительно.

Уложив карга на спину, я вскрыл мозговой блок и извлек запись с программой.

В Центре давно заметили, что на театре действий Старой Эры происходит нечто, выходящее за обычные рамки. Но даже сам Главный Координатор не подозревал о столкновении между оперативниками Третьей и Второй Эры. Запись могла оказаться ключом, в котором так нуждался отдел планирования Пекс-Центра.

Мне еще оставалось выполнить профессиональные обязанности. Я подавил непроизвольное желание бросить все и бежать и приступил к работе.

Лента была почти полностью прокручена, это означало, что миссия карга близилась к завершению. Что же, он все-таки отбыл, правда, не совсем в том направлении, как предполагалось. Я сунул катушку в нагрудный карман своей рубашки и обыскал карман робота — пусто. Затем раздел его и поискал заводской номер. Нашел на левой ступне.

Осмотр комнаты занял у меня двадцать минут. В одной из перегоревших лампочек в светильнике я нашел аппарат для чтения мыслей, сфокусированный на кресло-качалку. Карг изрядно беспокоился, чтобы как следует обработать меня, прежде чем избавиться от останков. Тщательно зарегистрировав взглядом каждую мелочь, я покрутился еще несколько минут, перепроверяя уже проверенное, но понял, что тяну время. Я уже сделал то, ради чего сюда пришел. Ход событий более или менее

соответствовал плану, разработанному в Пекс-Центре: заманить карга в уединенное место и обезвредить. Эти операции завершились. Пора возвращаться, готовить отчет и продолжать дело переустройства мира. Подойдя к роботу, я нажал кнопку саморазрушения, погасил свет и вышел из комнаты.

Когда я спустился на улицу, мимо, громыхая в ночной тишине, промчалась большая квадратная машина. Как ни странно — ни одного выстрела. Я расстроился. Но какого черта, дело сделано. Пребывание здесь оказалось довольно милым, как и во всяком другом времени. Это задание ничем не отличалось от предыдущих. Вспомнил о Лайзе, ожидающей моего возвращения в маленьком доме, который мы сняли за ренту шесть недель назад после того, как провели первые дни нашего медового месяца на Ниагаре. Пожалуй, она уже беспокоится, стараясь сохранить ужин горячим, и недоумевает, что могло меня задержать.

Забудь,— сказал я сам себе.— Сделаешь как всегда: сунешь череп под мыслефон и все сотрется. Поноет на душе, но ты не будешь знать почему. Такая уж профессия.

Я достал локатор, уточнил место и время нахождения и направился на восток вниз по склону. Наша с каргом игра в кошки-мышки проходила на нескольких квадратных милях города Буффало, штат Нью-Йорк, в 1926 году по функциональному времени. По данным контроля передвижений с момента пересечения годографа, я определил, что нахожусь примерно в полутора милях от точки подбора, где-то в получасе ходьбы. Я заставил себя не думать и одолел расстояние за двадцать минут. Около небольшого сквера датчик показал, что я вошел в радиус действия поля для переброски на свою темпоральную станцию. Извилистая дорожка провела меня мимо скамьи к густым зарослям можжевельника. Я укрылся в самую гущу — просто на случай, если меня сопровождал чей-то взгляд — и набрал код вызова, прижимая язык к фальшивому коренному зубу в нижней челюсти. Минуло мгновение, прежде чем я почувствовал, как пахлынуло поле подбора. Последовал беззвучный темпоральный взрыв, от динамического напора подпрыгнула под ногами земля...

Я, прищурившись, глядел на ослепительное солнце, заливавшее сиянием Берег Динозавров.

IV

Берег Динозавров получил такое название потому, что, когда тут высадилась первая рекогносцировочная партия, по песчаному пляжу мирно семенил отряд маленьких завровидных рептилий. Это было шестьдесят лет назад, всего лишь несколько месяцев спустя после решения осуществить проект Чистки Времени.

Логичная мысль. Первая эра путешествий во времени весьма напоминала расцвет космической эпохи — главным образом хламом, который она оставила за собой. Что касается космических отбросов, то потребовалось с полдюжины катастроф, чтобы убедить власти в необходимости очистить окружающее Землю пространство от накопившихся за пятьдесят лет останков использованной ракетной обшивки, негодных телеметрических устройств и бесхозных ретрансляционных спутников. По ходу дела обнаруживалось поразительное количество всякой всячины, включая глыбы метеоритных скал и железа, хондрит, явно земного, возможно, вулканического происхождения мумифицированное тело одного из космонавтов, потерявшегося на раннекосмической прогулке, и иное количество предметов искусственного происхождения, над которыми власти того времени изрядно поломали голову и наконец определили как эквиваленты пустых бутылок из-под пива, выброшенных Пришельцами извне.

Это происходило задолго до Прорыва Времени.

Программа Чистки Времени являлась близкой аналогией очистке космического пространства. Темпоральные экспериментаторы Древней Эры засорили временные пути всем, чем только могли: опытными контейнерами наблюдательных станций, мертвыми телами, брошенными инструментами, оружием и всяческим оборудованием, включая автоматическое приспособление для рытья шахт, установленное под антарктической ледяной шапкой, которое довело до головной боли не одного исследователя во времена Великого Таяния.

Последовавшие триста лет Нерушимого Мира положили этому конец, и когда на заре Новой Эры вновь открыли темпоральную переброску, урок учли. Начиная со Второй Программы ввели жесткие правила, исключающие ошибки, допущенные пионерами Первой Программы.

А это означало, что Вторая Программа привела к новым ошибкам. Появились карги.

Карги — искаженное понятие, соотносящееся с официальным решением о статусе человекоподобных роботов и пресловутом Договоре об Охране Транспортных Перевозок середины двадцатого столетия. Карги, безжизненные машины, заслапные в прошлое из Третьей Эры в ходе Второй Великой Программы Чистки Времени, предназначались для предотвращения резни, безответственно учиненной по столетиям темпоральными последствиями Старой Эры, но также и для устранения еще более катастрофических последствий Второй Программы.

Третья Эра признала абсурдность исправления человеческого вмешательства путем последующего воздействия на людей. Машины, считавшиеся нейтральными по шкале жизненного баланса, способны сделать то, что оказалось не под силу человеку: они могли действовать, не задевая хрупкую и плохо понимаемую согласованность жизнетворного равновесия, и восстановить целостность Темпорального Ядра.

Во всяком случае так считали. После Великого Крушения и последовавшего продолжительного упадка из руин восстал Пекс-Центр, ознаменовавший Четвертую Эру. Координаты Центра ясно представляли картину неуклюжих поползновений предшествующих эпох, которые лишь запутывали ситуацию, и прекрасно осознавали, что любая попытка воздействовать на реальность вопреки темпоральной самоорганизации с неизбежностью обречена на дальнейшее ослабление временной структуры.

Латая время, приходится пробивать дыры, а залатывая прорехи, подготавливать почву для новых еще больших заплат. Процесс развивается в геометрической прогрессии и в скором времени становится неуправляемым. Каждая последующая восстановительная операция распространяет волны энтропийного смещения, которые интерферируют предыдущие: сколько ни взбалтывай воду озера, поверхность от этого не восстановит исходное зеркально-гладкое состояние.

Единственный выход для Пекс-Центра — это устранить исходные причины. Первые возмущения, внесенные путешественниками Старой Эры, вносили простые и беспорядочные нарушения в структуру времени, оставленные случайно, беспечно, как следы в джунглях. Позднее, когда до экспериментаторов дошло, что даже движение песчинки приводит к последствиям, отзвук которых кругами расходится по эпохам, они действовали более осмотрительно. Ввели правила, количество ограничений росло.

Однако, когда вышло первое категорическое запрещение вмешательства во временную структуру, было уже слишком поздно. Последующим эпохам пришлось убедиться в том, что забавные пикники в палеозое оплачиваются темпоральными дискретностями, оборванными энтропийными линиями и вероятностными аномалиями. Само собой разумеется, Пекс-Центр возник на основании прошлого, которому и обязан своим существованием. Поэтому проводился тщательный расчет достаточного воздействия, чтобы устранить искривление линий и не затронуть факторы, обусловившие его появление. Для решения задачи потребовались соответствующим образом подготовленные кадры.

Моя работа оперативным агентом Пекс-Центра как раз и состояла в том, чтобы аннулировать все вмешательства предшествующих программ: хорошие и плохие, конструктивные и ошибочные; дать возможность ранам времени зарубцеваться, дабы вновь налилось соками древо жизни.

Эта профессия стоила всего, чем приходилось расплачиваться. Во всяком случае, так утверждали инструкторы.

Я шел вдоль берега, придерживаясь мокрого песка, где легче ступать, и старательно обходил лужицы и изогнутые полосы морской пены, отмечающие отлив.

Прозрачно-голубое море плейстоцена: где-то за шестьдесят пять миллионов лет до нашей эры — вольно простиралось до самого горизонта. Ни парусов, ни нивных банок. Только длинные валы, приходящие из Восточного океана, которому в свое время суждено стать Атлантическим, обрушивались на белый песок с тем же самым привычным шумом, характерным для любой эпохи. Мерный звук успокаивал, шептал о том, как в сущности мало значили в жизни Отца Океана все дела человечков, суетившихся на его берегах.

Станция располагалась в четверти мили вдоль прибрежной полосы как раз за песчаной отмелью, уходящей в море. Она представляла собой невысокое, светло-серое сооружение, прилипившееся на песке к линии прилива и окруженное зарослями древовидного папоротника и булавовидного мха — как в декоративных целях, так и с целью маскировки лагеря. Теоретически, если дикую жизнь привлечет или испугает элемент, чуждый естественной среде обитания, то в вероятностную матрицу могут войти не отмеченные У-линии и испортить темпоральную карту, на создание которой ушли тысячелетия кропотливого и мучительного труда.

Через несколько минут предстояла встреча с Нелом Джардом, Главным Координатором станции. Он выслушает меня, задаст пару вопросов, сунет записи в сейф и предложит выпить. Затем последует быстрое и деловое обсуждение под мыслефоном, которое сотрет в моей памяти все потенциально отвлекающие воспоминания, оставшиеся от поездки в Двадцатое столетие — особенно Лайза. После этого я несколько лет послоняюсь по станции с другими отпускниками, пока не подвернется новое задание, не имеющее никаких видимых связей с предыдущим. Я так никогда и не узнаю, почему карта направили в 1936 год, какую сделку он заключил с исполнителем Третьей Эры, человеком в черном, каким узором вся эта история легла в общую мозаику великой стратегии Пекс-Центра.

Возможно это к лучшему. Панорама времени пространна, переплетения ее структуры слишком сложны, чтобы охватить все сразу человеческой мыслью. Лучше подумать о конкретных вещах, чем загонять сознание в тупик, тысячи которых встречаются в жизни оперативного агента. Но Лайза, Лайза...

Я выкинул мысль о ней из головы — по крайней мере, попытался — и сосредоточился на чисто физических ощущениях: жарко и душно, жужжали насекомые, под ногами сыпался песок, по вискам и по спине стекали струйки пота. Не то чтобы все это доставляло удовольствие, но через несколько минут меня ожидал прохладный свежий воздух и нежная музыка, стимулирующая ванна, горячая еда, настоящая воздушная постель...

Спустившись по пологому склону дюны, я вошел через открытые ворота под тень протопальм, где весело смеялись, беседовали о чем-то двое отпускников. Оба незнакомца подошли ко мне и поздоровались с тем вежливым дружелюбием, которое приобретаешь, проводя жизнь в кратковременных знакомствах. Как обычно, они поинтересовались, трудно ли пришлось на этот раз. Я ответил им обычной, ничего не значащей фразой.

Внутри станции воздух был все так же прохладен и чист — и еще стерилен. Стимулирующая ванна вливала бодрость — но я продолжал думать о другой, чугунной ванне, оставшейся в нашем домике. Последовавший ужин вызвал бы восторг у любого гурмана: язык рептилии в соусе из гигантских грибов с гарниром из креветок, салат из клубней мха, холодный десерт, изготовленный на основе термобарьерной поварской технологии, которая не

усовершенствуется в течение последующих шестидесяти пяти миллионов лет, но вряд ли сравнится с охлажденным лимонным тортом под хрустящей пшеничной корочкой, который готовила Лайза. И прекрасная воздушная постель далеко не так мила, как старая прочная кровать со старой медной рамой, что стояла в душной спаленке с дубовым полом и задернутыми шторами, когда свернувшаяся клубочком Лайза прижималась ко мне...

Джард позволил немного вздремнуть перед тем, как вызвать с отчетом. Это был невысокий, утомленный человек лет сорока пяти с выражением лица, напоминавшем все повидавшего в этой жизни усталого человека, на которого увиденное не произвело особенного впечатления. Он встретил меня обычной снисходительной улыбкой, выслушал доклад, глядя в окно на тот самый пейзаж, которым любовался каждый божий день вот уже пять лет. Я удостоился похвалы за ленту с программой. Обычно каргам удавалось разрушить себя, когда их загоняли в угол — что на этот раз предотвратил мой выстрел по вычисленному блоку. Успех с лентой явился результатом тонко продуманной игры, в ходе которой мне удалось усыпить подозрения противника и заманить его в ловушку. Весь план строился на точном расчете, и теперь я чувствовал дьявольскую усталость от сыгранной роли, от всей этой проклятой жизни.

Понятно, что это лишь временный срыв, первая разрядка после выполненного задания. Как только прочистят память, я избавлюсь от надоедливых мыслей и раздражающей ностальгии, и, отдохнув несколько дней, снова буду рваться в бой.

По крайней мере, была надежда. Почему бы и нет? Так было, так будет.

Однако Джард попросил меня повременить с очисткой памяти, пока он детально не ознакомится с записями. Я уже собрался протестовать, но потом согласился, не желая выглядеть пытиком.

Обычный случай невротической сублимации. По крайней мере, я знал термин. Но каждый раз мои мысли возвращались к ней. Пробуя плоды дэка, исчезнувшие в юрском периоде, я думал: Лайзе бы они понравились, как бы преобразилось ее лицо, если бы я притащил парочку домой, завернув в коричневый бумажный пакет, как отпускают покупки в магазине компании МГА на углу. Я представил, как она очищает с них кожуру и делает

фруктовый салат с тертым кокосом и бланшированным миндалем...

В тот день на пляже состоялась вечеринка. Все собрались у самого синего моря на бескрайнем белом песке, длинной дугой обнимавшем мелководную лагуну, где-то то и дело слышались всплески, громкие и грузные, по крайней мере для рыбы. В конце лужайки на песчаном валу, который усердно стремился превратиться в отмель, росли бутылевидные пальмы. Они напоминали бочки из-под пива с цветами по бокам и ветвями, торчащими наверху. Было очень одиноко. Вокруг сгрудилось несколько недоделанных сосен, дальше виднелась рощица папоротников и побеги булавовидного мха, изображавшего деревья. Насекомые не надоедали, несколько неуклюжих, стремительно проносящихся в воздухе рептилий, напоминавших летучих мышей, держали их под контролем.

Я сидел на песке и наблюдал за своими соотечественниками: сильные, здоровые, красивые мужчины и женщины катались на прибое под защитой звукового экрана, отпугивающего ихтиозавров. Они смеялись и играли в салочки на морском песке, пока часовые, сидевшие в окопах с двух сторон пляжа, следили за слоняющимися людоедами. Мы развели большой костер из плавника, доставленного из годографа станции в нескольких миллионах лет вниз по течению. Горланили песни двенадцати эпох, ели поджаренное мясо малютки стегозавра, пили белое вино, импортированное из Франции восемнадцатого столетия, и почитали себя творцами мироздания. А я думал о Лайзе.

Ночью не спалось. Визит к психологу и очистка памяти намечались на девять утра. Я встал еще до шести. Слегка перекусил, вышел прогуляться, последний раз погрустить о Лайзе и поразмышлять о том, не пожертвовали ли мы чем-то главным за приобретение мудрости. На этот вопрос нет ответа, но он помог занять мысли, пока я отмахал пару миль вдоль берега. Затем я присел отдохнуть и, глядя в море, прикидывал мои действия на случай нападения со спины из зарослей кого-нибудь большого и голодного. Так и не надумал, но особенно не переживал.

Неверно мыслишь, Рейвел,— сказал я сам себе. Пора возвращаться и прочищать мозги, а не то скоро шагнешь в транспортную кабину, прыгнешь назад в 1936 год и выйдешь в квартале от дома через десять минут после ухода.

Я уже далеко забрался в своих невеселых раздумьях, когда прогрохотали взрывы.

Любопытно, до чего непоследовательно работает мысль в момент стресса. Я мчался по кромке прибоя, вздымая столбы брызг при накатывании волны, и думал: «Но видать мне больше прохладного воздуха, не будет музыки, горячей еды, стимулирующей ванны и спа в воздушной постели...» И не будет Лайзы, никогда больше не будет Лайзы.

Песчаную отмель я срезал напрямик, скользя и падая, вскарабкался вверх по склону, и, пробившись сквозь заросли невысоких пальм на гребне дюны, посмотрел вниз на станцию.

Не знаю, что я ожидал увидеть: орудийные выстрелы больше всего напоминали тяжелую артиллерию Старой Эры. В нескольких сотнях ярдов от станции заняла позицию пара громоздких пятидесятитонных машин защитного цвета на гусеничном ходу, явно вооруженных. Хотя дымящихся стволов не было видно, но отколотая от угла здания глыба безусловно подтверждала наличие пушек, даже без звуков выстрела и вспышки огня на тупорылом носу ближайшего танка. Другой пострадал: одна гусеница повреждена, из щелей просачивался дым. Земля слегка вздрогнула и из него вылетел столб пламени. Я кинулся на землю, но успел схлопотать удар взрывной волны по ребрам: пинок разъяренного гиганта.

Пришел в себя уже на бегу. Песок летел из под ног, в голове гудело. Только в одном я был абсолютно уверен, что бы там внизу ни происходило, единственная кабина темпоральной переброски по эту сторону плейстоцена находится внутри станции, и чем ближе я к ней подберусь, прежде чем меня прикончат, тем счастливее прощусь с жизнью.

Никто не обратил на мой спринтерский рывок никакого внимания. Уцелевшая военная машина (Третья Эра, как довольно непоследовательно проинформировал мозговой придаток в затылочной части черепа) продвигалась вперед, стреляя на ходу. Наверное Джарду удалось частично возвести защитный экран: при каждом выстреле над станцией вспыхивала радужная мерцающая корона. Но защита против неуклюжих бронтозавров явно не была рассчитана на артобстрел. Долго ей не выдержать.

Я выбросил эту мысль из головы и рванулся к станции. Впереди вспыхнул огненный клубок, взрывная волна швырнула меня как обрывок бумаги. Я покатился по

земле, умоляя бога отвести случайный выстрел, пока наконец мне не удалось подняться на ноги. Десять ярдов длиною в десять миль отделяли меня от приветливого пролома, зияющего в обвитой растениями восточной стене. Сквозь дыру виднелись останки шкафа для хранения документов, внутренности кресел и несколько покореженных и почерневших металлических полос, служивших обшивкой и панелями комнаты отдыха. Боевые машины не приближались. Я несся изо всех сил, увязая по щиколотку в песке, а вокруг все рвалось и бушевало, словно сам ад обрушился на землю.

Под конец я прыгнул, пролетел какое-то расстояние в воздухе, и, грациозно завершив прыжок, ударился обо что-то, словно молот о наковальню...

В глазах поплыли звездочки в ушах загудело. Кое-как выплыв из густого тумана, я увидел над собой защитное ограждение и залитое потом лицо шефа.

— Да очнись же! Быстрее! — вопил Джард. Он вынужден был кричать из-за неприкращающегося грохота обстрела.— Все уже в безопасности. Я ждал тебя, знал, что ты...

Конец фразы потонул в таком реве, по сравнению с которым предыдущие звуковые эффекты казались просто разминкой. Все вокруг рушилось. В воздухе стоял обжигающий горло запах озона, дыма, крови, измельченного в пыль камня, раскаленного железа. Уже поднимаясь на ноги, я заметил, как Джард исчезает в двери, ведущей в операторскую. Я затрусил за ним и плюхнулся в кресло, когда он набрал код на пульте. Вспыхнул красный сигнал тревоги, заверещал и резко оборвался зуммер. Джард повернулся.

— Назад! — заорал он, махая руками.— Уходи отсюда! Я же тебе сказал! Тебе надо... отсюда... координаты...

— Ничего не слышу! — заорал я в ответ и не смог расслышать собственного голоса. Джард схватил меня за руку и подтолкнул к аварийному люку.

— Я обязан переместить станцию в нуль-фазу, ты понимаешь? Нельзя, чтобы ее захватили...

Джард приподнял крышку и спихнул меня вниз. Все происходило довольно быстро и ожесточенно. Чертовски вежливо обращаться так с больным человеком... Удар головой об пол на мгновение прочистил мозги.

— Беги же! — крикнул мне вслед Джард.— Уходи как можно дальше. Удачи, Рейвел...

Голос смолк, и я, шатаясь, поднялся и побежал. Этого требовал Нел, а он пока еще был моим шефом.

В следующую секунду мир взорвался, и я кувырком полетел в преддверие ада. Тысячи тонн раскаленного песка навалились сверху, похоронив меня навеки веков.

V

— Ну, может быть, не совсем на веки веков,— деловито проговорил тоненький голосок.

— Весьма похоже,— возразил я сам себе и набрал полный рот песка. Попытался вдохнуть через нос и сплюнуть, но песок мгновенно набился в поздри. Тут должно быть сработал некий примитивный инстинкт, поэтому я судорожно задергал руками и ногами, продираясь к верху сквозь пыль и щебенку, к жаре, к запаху горелого пластика — к воздуху пыльному, дымному, но все же воздуху. Я откашлялся, прочихался, сплюнул комок пыли и осмотрелся.

Я лежал в служебном проходе, стены которого покоробились и вздулись, словно оплавленные. Пол погрузился в песок, из которого я только что вырвался. Мне пришлось сосредоточиться и подумать.

Я знал, что проход ведет в насосный отсек, откуда через люк можно выбраться на поверхность: устройство предназначалось для внесения минимального возмущения в местную среду. Все, что мне оставалось сделать, так это продолжать двигаться вперед, выбраться через люк... и...

Я решил, что об этом «и» можно позаботиться позднее. Все еще поздравляя себя за проявленное под вражеским огнем хладнокровие, вдруг заметил, что для находящегося на глубине двадцати футов туннеля освещение уж больно хорошее. Источник света находился за спиной. Обернувшись, я обнаружил через сплетение металлических плит и брусьев полоску ослепительного света.

Через дюжину ярдов стало легче идти — меньше песка и обломков.

С дверью в насосный отсек пришлось повозиться, пока не вспомнил, что надо тянуть на себя, а не толкать. Оборудование осталось совершенно целым, хоть сейчас качай чистую свежую воду с глубины сто двадцать футов. Пошлепав по ближайшему насосу, я потянул крыш-

ку люка. Меня все еще подташнивало, перед глазами расплывалось, в теле чувствовалась такая слабость, как у юнги в момент первого морского шквала. Когда я нажал кнопку, вверху жалобно взвыл мотор. Люк открылся, и вниз просыпался песок и маленькая зеленая ящерица. Я выбрался наружу; глотнул свежего воздуха и осмотрелся.

Перед моим взором раскинулся плавный изгиб береговой полосы, испещренный воронками и исполосованный следами гусениц. Вдоль холма почти до берега протянулись джунгли. А на месте станции не осталось ничего, кроме дымящегося кратера.

Я улегся на мягком теплом песке и собрал все свое мужество. Глаза слезились в сиянии тропического юрского солнца, на лбу и груди выступил пот, а в голове вихрем мелькали знакомые образы: станция после первого своего скачка много лет назад, чистые безличные каюткомпании, уже через несколько лет напоминающие дом. После трудного задания там всегда тебя ждали, туда возвращались твои коллеги, оттуда уходили выполнять очередное поручение. Разговоры за обедом в столовой, чистота, деловитость, даже главный пульт, показывавший ежеминутный статус темпорального сдвига во временной оси. Но главного пульта больше не существовало, как не было и сотен микропленок с записями, и китайского кингко, росшего в кадке комнаты отдыха. Все расплавилось в шлак.

Я вспомнил, как Нел Джард кричал мне, чтобы я убирался... и еще... Что-то сказал мне. Очень важное надо было сообщить кому-то и когда-то. Тщетный труд. Я уже имел счастье поговорить в последний раз с человеческим существом. Положение казалось совершенно безнадежным и могло сравниться с судьбой оперативника Пекс-Центра, потерявшего связь с базой.

Впрочем, им не было так худо.

На этом все мои мысли закончились, голова склонилась на песок и на глаза упала темная пелена.

VI

Когда я проснулся, солнце уже садилось. Тело вспомнило забытую боль. И чесалось. Огромных москитов вовсе не затрудняло найти млекопитающее там, где пика-

ким млекопитающим быть не полагалось. Они устроились на мне, похвально рассудив не брезговать прекрасной пищей. Я отогнал наиболее упорствующих и спустился вниз на разведку. Судя по всему, серьезных ранений не было, просто множество мелких порезов, да кое-какие синяки и ушибы. На месте станции не осталось даже развалин, только чашеобразная впадина расплавленного стекла диаметром в сотню ярдов, окруженная обугленной растительностью. Ничто не уцелело — ни люди, ни оборудование. И хуже всего — сознание невозможности скачка. В Пекс-Центре так и не узнают о происшествии, нигде и никогда.

Третья Эра или кто-то под нее маскирующийся уничтожила станцию с тщательностью, в которую трудно поверить. Непонятно, как им удалось обнаружить ее, учитывая принятые меры безопасности в отношении дислокации 112-этажных станций, разбросанных во времени Старой Эры. Что касается базы Пекс-Центра, местонахождение ее не знал даже сам конструктор. Она дрейфовала в ахроническом пузыре по энтропийному потоку, никогда материально не существуя ни в одном пространственно-временном годографе в течение конечного периода. Биты контроля доступа станции укрывались двенадцатью рядами взаимозависимых шифров в главном хранилище Пекского мозга. Единственный путь к ней пролегал через темпостанцию — не какую-нибудь, а ту самую, на которую настроено мое личное поле темпорального скачка.

От которой сейчас остался только кратер с полудюймовым слоем зеленоватого стекла.

Мрачная усмешка тут же последовала за промелькнувшей мыслью.

Личный привод аварийного скачка, встроенный в тело, был невредим. В мощной катушке хватит энергии для прыжка. Недоставало лишь цели, а без нее я не могу войти в темпополе. Значит, не буду знать, где закончится прыжок, если он вообще закончится.

В Пекс-Центре ходила масса ужасных историй о сорвавшихся на скачке. Несчастных разбрасывало по дюжинам станций, расположенных в нескольких столетиях, либо от них оставались одни бестелесные голоса, умоляющие о помощи. Вот почему пользоваться аварийным кодом предписывалось лишь в случае крайней необходимости.

В качестве альтернативы оставалось построить на берегу жилище с риском соседства динозавров и надеяться

на спасательный отряд, прежде чем умереть от жары, жажды, рептилий, скуки или старости.

Тут было над чем подумать.

Рядом валялись несколько каменных глыб и обугленные стволы булавовидного мха. Из дров можно развести костер как-нибудь убить ящерицу и поджарить на обед...

Малопривлекательный, но пока единственный реальный план. В другом случае — рискованный эксперимент, результат которого по всем канонам — отрицательный. Не стоит пороть горячку. Меня сильно поцарапало и помяло, но я жив. Голодной смертью не умру, в насосном отсеке есть вода. А если со станции успели послать сигнал бедствия, в данный момент уже комплектуют спасательную команду, готовую ринуться на помощь по касательной темнополя.

Стемнело. Звезды по-прежнему мерцали в сумерках, и не было никакой катастрофы в биографии Игоря Рейвела, оперативного агента Пекс-Центра. С шумом накатывался и отступал прибой, равнодушный к личным проблемам прямоходящего двуногого существа, которое не имело никакого отношения к окружающей действительности сейчас и в ближайшие шестьдесят пять миллионов лет.

Я побродил по берегу, поглядывая на вечные звезды и любуясь томительным волшебством песков. Затем выкопал ямку и лег спать.

VII

Пришел рассвет, а вместе с ним динозавры. Я уже видел их раньше издали: робкие создания, убиравшиеся с глаз при первом же прикосновении ультразвукового луча, который Джард приспособил для этих целей. Говорили, до начала моей службы случались инциденты с крупными экземплярами, приходилось отпугивать их от огорода импровизированными трещотками. Слишком глупые твари не представляли серьезной угрозы, но все опасались случайно попасть под ноги или в пасть вместе с охапкой травы.

На этот раз динозавров было трое. Довольно крупные ребята, а под рукой ни одного генератора ультразвука, ни сирены, только мои природные голосовые связки.

Я вспомнил, как однажды Доул, оперативник, решил искупаться и попал в переплет. Уже при выходе из воды на берег из леса между ним и станцией выскочил ископаемый ящер с внушительными челюстями. Доул отделался обычным случаем делириум тременс: бегемотина протопала мимо, даже не взглянув на него. Он был слишком миниатюрной мишенью, чтобы представлять интерес для такого большого желудка.

Это меня не утешило.

Направлявшееся ко мне трио представляло довольно редкую разновидность, которую мы нарекли Королевским Шутом из-за глуповатой ухмылки и красочного одеяния в виде ярких украшений из свисавших с черепа побрякушек. У ящеров данного вида были огромные страусиные ноги, вытянутая шея и чрезмерное количество зубов.

Изображая валун, я не двигаясь лежал на песке, пока они вперевалку приближались ко мне. Два больших, а один просто гигант восемнадцати футов в плечах, ни на дюйм меньше. По мере того, как они приближались, я начал задыхаться от страшного зловония. Эти огромные машины перерабатывали огромную массу воздуха. Я попробовал подсчитать оптимальный диаметр глотки, исходя из объема легких, потребности в кислороде и процентного содержания последнего в фунте воздуха. Примерно в сотне футов занятие пришлось прекратить, сосредоточиться мешало урчание их желудков.

Верзила первым почуял меня. Голова его вздернулась, тусклый, словно ведро с кровью, глаз повернулся в моем направлении. Он фыркнул. Затем вздохнул — не меньше галлона. Пасть открылась, дав мне возможность полюбоваться рядом белоснежных, готовых вонзиться в плоть, зубов. Он загудел как паровоз и устремился ко мне. Настало время решать, и я не колебался.

Вдохнув напоследок влажного морского воздуха, я окинул взглядом яркое море, песок, пустое безразличное небо и оживленный силуэт чудовища на его фоне. Затем набрал аварийный код встроенным в челюсть тумблером.

Пейзаж скользнул в сторону и растворился в неощутимом ударе беззвучного кнута. В это время я уже описывал петлю за петлей в свернувшейся в лист Мебиуса вселенной...

Сплошная темень и рев, как спуск в бочке по Ниагарскому водопаду.

VIII

Несколько секунд я лежал совершенно неподвижно, мысленно ощупывая свое тело. Руки-ноги — целы. Шум не утихал, а вокруг по-прежнему было темно. Неопределенная ситуация — вроде бы уже покинул Берег, но никуда еще не прибыл.

Согласно инструкции, при любой неисправности в темпополе следовало сохранять неподвижность и ожидать корректировочного импульса. В данном случае это могло занять довольно много времени. Пока еще никто не докладывал о таких срывах, поэтому инструкция могла ошибаться. Я вздохнул, ничего не произошло. И тогда окончательно решился...

Я встал, шагнул в тишину, в странный черноватый свет, простреливаемый маленькими ослепительными точками, какие видишь перед собой при потере сознания, и будто раздвинул занавес.

Ослепительные блестки рассеялись, и я очутился в стандартной кабине темпорального перехода этапной Пекс-станции. Дышалось свободно.

Я постоял немного в недоумении, затем повернулся к завесе, сквозь которую прошел. Это была обыкновенная бетонная стена около двух метров толщиной.

Возможно, это гудели молекулы плотного вещества, проникающие через сто восемьдесят футов загрязненной воды?

Я отложил изучение феномена на неопределенное время, предстояло отыскать шефа станции и доложить о внезапной атаке и разрушении темпостанции девяносто девять.

За десять минут я осмотрел каждую комнату в оперативном отсеке. Жилые помещения пустовали. Равно как и отсеки с оборудованием и силовой установкой.

Датчик темпорального стока вырисовывал обычную картину, пластины излучателя светились под нагрузкой, по всему пульту горели зеленые лампочки, но индикатор блока стоял на нуле: на станцию не поступал даже микроэрг.

Это было невозможно.

Каждая этапная станция, с одной стороны осуществляла наводку персонала, с другой — замыкалась на Пекс-Центр. По цепи всегда поступала энергия. Пока существо-

вала система, такое состояние в нормальном пространстве-времени было невозможно.

Отсюда с убийственной закономерностью следовал только один вывод.

Либо системы Чистки Времени больше не существует, либо я нахожусь за ее пределами. И поскольку сфера влияния распространялась на весь пространственно-временной континиум, трудно представить, что оставалось на мою долю.

Все станции походили одна на другую и внешним видом, и оборудованием, и электронными характеристиками. Массовое производство осуществлялось время-разделительным процессом распределения их вниз по темпоральному рельефу. Часть теоретиков считали станции временными дубликатами одной физической матрицы. Но одно дело гипотеза, а другое — факт, который можно пощупать. Поэтому первым делом необходимо выяснить, где я нахожусь.

Я прошел вдоль прохода к шлюзовой камере (некоторые станции размещались в местах, где были довольно суровые внешние условия), подождал, когда откроется входной люк, и шагнул наружу.

Чуть было не шагнул.

Где-то в десяти футах от входного крыла поверхность обрывалась. Дальше клубился жемчужно-серый туман, завихряющийся у невидимой удерживающей от рассеяния преграды. Я прошел по выступу, лег плашмя и заглянул через край. Дно станции, изгибаясь, уходило в глубину и терялось в туманной мгле. Видневшаяся часть блестела как зеленое зеркало.

Как стекловидная поверхность кратера, что остался на Береге Динозавров.

Я отполз от края пропасти, вернулся на станцию, прошел в хранилище и вытянул наугад кассету. На экране вспыхнула считываемая информация: рутинные данные о затратах энергии, о флуктуациях темпорального рельефа, записи прибытия и отправления оперативных агентов — обычные станционные формуляры, и на каждом из них повторялся номер станции.

Темпостанция девяносто девять. Именно то, чего я боялся.

Изгибавшееся дно островка, на который меня выбросило, совпало бы со стекловидным чашеобразным углублением на Береге Динозавров также, как отливка совпадает с литейной формой. Станцию разрушил не враже-

ский обстрел, ее выдернули из почвы, как огромное фисташковое дерево, и переместили сюда.

Я вернулся в отчий дом, на свою же станцию. Так вот что пытался сказать мне Нел Джард! Он подождал моего удаления на безопасное расстояние и нажал кнопку. Сработала программа аварийного спасения, о которой ничего не знал и не мог знать рядовой оперативник.

Джард поступил правильно. Враг подступал к самым воротам. Через несколько минут экраны защиты рухнули бы от перегрузки. Все секреты Пекс-Центра о передвижениях во времени попали бы во вражеские руки. Джард обязан был предпринять что-то для спасения станции, обязан был любой ценой избежать разрушения. И он последовал инструкции.

Тот факт, что выполнение программы подразумевало технологию, намного превосходящую мои представления о возможностях Пекс-Центра,— дело десятое, и я решил погоревать о своих заблуждениях позднее, а сейчас покончить с более важными проблемами.

В самую последнюю минуту Джард кричал о чем-то важном, что я должен кому-то и куда-то сообщить. Я не расслышал ни слова, находясь в возбуждении. Он поторопил меня, сосчитал до десяти и нажал кнопку. Станция исчезла, оставив меня в безопасности.

А затем я свел на нет все его усилия, воспользовавшись встроенным блоком, и прыгнул туда, где мне быть вовсе не полагалось.

Нулевая фаза, пришел на ум обрывок фразы. Теоретическое понятие, встречаемое в технической литературе. На этот раз теория не подвела.

Это место находится просто вне времени и пространства. Точка нулевой амплитуды по кривой поля Айлема, которое мы называем пространственно-временным континиумом.

Я прошел по комнате, вслушиваясь в эхо шагов и гудение аппаратуры. Все, что я видел, слышал, обонял и касался, казалось совершенно нормальным, за исключением клубящегося снаружи тумана.

Если это станция с Берега Динозавров, то где же пролом в стене комнаты отдыха, через которую я прошел несколько локальных часов назад? Где обломки и дым, трупы и следы нападения?

Станция сияла как яйцо. Я вытащил архивный ящик. Папки в порядке, никаких признаков поспешной эвакуа-

ции, вражеской атаки или паники, которая случается в последнюю минуту.

Синдром «Марии Селесты» на борту станции.

Я прошел в столовую. На одном из столиков лежала пара подносов с остатками пищи, довольно свежими: единственное нарушение всеобщего и безразличного порядка.

Нажав раздаточную кнопку, я получил обед. В прорезь выскочил поднос с дымящейся горячей едой: синтето. Я вспомнил о запеченной ветчине и кукурузных початках, о Лайзе, ожидающей меня в маленьком домике...

Черт возьми, уж об этом уговора не было! Человек сделал свою работу, бросил все, следуя зову долга, в полной уверенности, что муки памяти сгладятся под шлемом мыслефона. Контракт ни одним словом не оговаривал о пустой станции, опилках и золе на обед, о муках и тоске по голосу, улыбке, прикосновению...

Черт бы ее побрал, обыкновенную женщину, эфемерное создание, рожденное на заре времен и прожившее короткую как огонек пламени жизнь, умершая и обратившаяся в прах тысячелетия назад...

О, Лайза, Лайза!

— Довольно! — прикрикнул я на себя и вздрогнул от звука своего голоса, продолжая мысленно: «Всему есть простое объяснение. Не совсем простое, но все же объяснение».

— Спокойно,— произнес я вслух, игнорируя эхо.— Транспортировка сместила станцию к раннестоящей точке на темпоральной оси. Та же станция, другое время. Или вообще никакого времени. Математика подскажет, можно не сомневаться.

Какое это имеет значение, понимаю я что-то или нет? Станция существует не смотря ни на что, и я — вместе с ней. Вопрос только в одном: что делать дальше?

Густой и неподвижный воздух обволакивал как погребальный фимиам. Казалось, все вокруг замерло в ожидании перемен. Но без моего желания их не будет.

— Ладно, Рейвел,— успокоил я себя.— Не дурачь себя. Ты знаешь, что делать. Единственное и...

Я встал и прошел через операторскую по служебному переходу к транспортной кабине.

Никаких отличий. Чуть теплились пластины излучателей, но табло бегали контрольные цифры. Все так, как и должно было быть, только не светился ласковый зело-

ный огонек, индикатор энергообеспечения, подтверждающий замыкание схемы внешней цепи на Пекс-Центр.

Стоило только войти и переместиться во времени... Но куда?

Вихрем пронеслись сомнения, но я отбросил их и заглянул внутрь. Дверь закрылась и я остался наедине со своими мыслями. Не давая им ходу, протянул руку к кнопке и нажал.

Беззвучный взрыв стремительно бросил меня в бездонную пропасть.

IX

Головокружение медленно отступало. Мало-помалу возвращалось чувство реальности — жара, жесткий настил под боком, глухое музыкальное шуршание, скрип, покачивание, слабое мерцание света сквозь веки. Я открыл глаза. По воде скользили солнечные блики. Я лежал на деревянной палубе, выгнувшись в неудобной позе.

Я попробовал пошевелиться и застонал от резкой боли, но кое-как сел.

Плоскость горизонта дрожала в душных испарениях и опускалась, заслоняя море вздымавшимся фальшбортом из потертой, обожженной солнцем древесины. Надо мной на фоне сочного синего неба раскачивались мачты рангоута и такелаж парусного корабля. В памяти всплыли гипноданные о парусниках: я распознал типичную окраску португальского галеона шестнадцатого столетия.

Подделка, решил я почему-то. Имитация, возможно, из Нового Возрождения, около 2220 нашей эры. Искусно выполненная копия точно соответствовала образцу, хотя под деревянным настилом под дуб наверняка скрывался стальной каркас и небольшой реактор, а в роскошных каютах созданы все условия для оператора и дюжины веселящихся экскурсантов.

Постепенно сознание начало воспринимать звуки: скрип канатов и шпангоутов, обрывки разговора и сильный грохот. Что-то грузно ударило о палубу. Корабль вздрогнул. Столб жалящих соленых брызг перевалился через леерное ограждение и окатил меня ледяной пылью так, что сперло дыхание. Я оттер лицо и в полумиле разглядел другой корабль, тяжелый двухпалубник с тремя мачтами под развевающимся длинным зеленым шкенти-

дем с грязно-белым мальтийским флагом. Вдоль борта из облачков дыма полыхнули невидимые орудия. В море поднялся фантастический веер приближающихся водяных столбов.— Баррум-ум! — докатился отдаленный гром.

Мысли скакнули, круто изменив направление. Картинка с веселыми туристами, путешествующими по Карибскому морю на мнимом пиратском корабле испарилась, как брызги от пушечных ядер. Стреляли самые настоящие орудия подлинными снарядами, которые запросто могли продырявить палубу и меня в том числе.

Я вскочил на ноги и посмотрел на корму. Вокруг маленькой палубной пушки сгрудилась кучка людей, подготавливая ее к стрельбе. Все они были одеты в костюмы шестнадцатого столетия, поношенные, испачканные и пропотевшие. У одного из пореза на щеке текла кровь. Рана выглядела слишком натурально для игры.

Я укрылся на большую клеть, принайтованную к палубе, где держали живую черепаху с щербатым и побелевшим панцирем около ярда в поперечнике.

Раздались крики, и что-то трепеща слетело вниз и плеснулось неподалеку о доски. Я разглядел изорванное в клочья знамя из грубого холста с аляповато-раскрашенной и выцветшей на солнце эмблемой длинношего зеленого цыпленка с рогами на грязно-желтом фоне. Геральдика не входила в число моих увлечений, но в пояснениях не было нужды, я находился в самом разгаре морской битвы, причем на стороне терпевших полное поражение. *Галеон* заметно увеличился в размерах, приближаясь правым галсом. Выплыли облачка дыма, раздался свист, треск словно на раскаленную сковородку вылили масло, и на меня дождем посыпались щепки. Около пушки нескладно рухнул моряк в зюйд-вестке, извергнув целый фонтан крови, задергался, как подсеченный, карп. Вновь послышались вопли и грузный топот. Кто-то пробежал мимо клети, крича на ходу, и, возможно, обращаясь ко мне. Я не шевелился, ожидая вдохновения, хотя бы маленькой подсказки.

Озарение явилось в виде приземистого смуглого человека с босыми загорелыми ногами в обтрепанных розовых крагах и мешковатых желтовато-черных бриджах, подпоясанных кожаным ремнем шириной в ладонь, на котором висела абордажная сабля, будто выкованная из обода старой бочки. Он подбежал ко мне и завопил, размахивая короткой толстой рукой. Я поднялся на ноги. Он опять махнул рукой и побежал в сторону бака.

Мое появление что-то не удивило его, я почти разобрался в общих чертах в смысле его монолога. Он крыл, на чем свет стоит, болвана Гонзало, который вел себя как последняя сволочь, и кончил тем, что пообещал выпустить ему кишки. И еще потребовал помочь ему зарядить 50-мм гаубицу.

Чертов дурень, пронеслось в голове. Надо бросить пушку за борт, чтобы облегчить корабль. Ваш единственный шанс — удрать от них, но и это бегство уже невозможно...

Длинный конец каната, с визгом рассекая воздух, ударил меня по лицу и отшвырнул в сторону. В следующую секунду сверху на палубу грохнулся кусок рангоута толщиной с колено, подскочил и вылетел за борт. Корабль накренился и лег на воду. По палубе покатились бочки. Паруса затрепыхались и обвисли. Над палубой пронесся порыв холодного ветра. Прогремели новые выстрелы, раздался треск, вопли и топот бегущих ног. Обнаружив укромное местечко под шпангоутом, я больше не думал и, не отводя взгляда от натянувшейся грот-мачты, плюхнулся прямо в скопление отбросов. Парус хлопнул как пистолетный выстрел и мачта рухнула в наветренную сторону, увлекая надувшееся полотно. Холст не выдержал, треснул и покрыл всю корму. В следующее мгновение его стянуло за борт течением, и вместе с ним в море сползло несколько несчастных матросов. Словно комья земли после динамитного выстрела сверху посыпались куски дерева. Мелькнула неясная тень, рангоуты скользнули вверх, а последовавший толчок швырнул меня лицом вниз. Раздался взрыв, другой, третий. Во все стороны полетели доски, обрывки...

Я заскользил и покатился по палубе, ухватился за канат и замер, прижавшись к кабинке. *Галеон* неотвратимо надвигался. Нападающие облепили снасти, выстроились вдоль борта, возвышающегося на десять футов над нашей палубой. Они размахивали саблями и кричали. Я смотрел в черные дула проплывающих пушек, в темные квадратные окошки, откуда ухмылялись почерневшие от дыма лица. Полетели абордажные крючья, скользнули и вцепились в затрещавшее палубное покрытие. В следующее мгновение с борта *галеона* посыпались люди, перемахивая через леерные ограждения и заполняя палубу. Смуглый человек бросился им навстречу. Над его головой мелькнула сабля, удар показался игрушечным, но смельчак рухнул и обагрил кровью палубу. Оглашая воз-

дух яростными криками, мимо него промчалась толпа нападающих. Я вжался в палубу и огляделся. Размахивая мачете, в мою сторону рванулся высокий здоровяк, грудь колесом. Я откатился и едва успел выхватить маузер. Дважды выстрелив в лоснящуюся грудь, я отскочил в сторону, а он свалился на то место, где я лежал секундой раньше. В суматохе никто не услышал выстрелов.

Невысокий босой паренек с кривыми ногами попытался взобраться на грот-мачту, за ним прыгнули и стащили вниз. Кто-то полетел за поручни, не знаю, живой или мертвый. Озверевшая толпа продолжала крушить палубу. Все они громко кричали, не рубили, а лишь бесцельно размахивали абордажными саблями, забыв о валявшихся тут и там как разбитые игрушки несчастных, которые уже насладились сражением, зажимали раны руками и молились напоследок Святой Деве.

И тут я увидел карга.

X

Сомнений не было. Для неопытного глаза карг первого класса — а только таких и использовали в работе по Очистке Времени — ничем не отличался от обычного человека. Но у меня имелся опыт. Кроме того, я знал его лично.

Это был тот самый карг, которого я обезвредил и оставил в номере гостиницы в Буффало с куском свинца под левой скулой.

В настоящий момент времени до встречи в Буффало он стоял целый и невредимый без дыры в голове. Такой же опрятный и спокойный, он уверенно опустился на палубу, не обращая на окружающие пустые забавы никакого внимания. Судя по золоченым галунам на обшлагах и потускневшему медному эфесу сабли, он представлялся важной особой. Капитаном или старшим помощником. Подчиняясь приказу, пираты утихомирились и выстроились в потрепанные ряды.

Сейчас последует детальное распоряжение о грабеже корабля и убийстве оставшихся в живых.

Судя по тому, что мне было известно об условиях содержания пленников на испанских парусниках, быстрая смерть казалась намного предпочтительнее долгого путешествия, в конце которого ждали каторжные работы на

галерах. Я уже начал обдумывать, где бы притаиться и подождать удобного случая, когда дверь сбоку открылась. Точнее, ее пытались открыть. Я загораживал проход, так что створка продвинулась дюйма на два и уперлась в бок. Кто-то яростно толкнул ее изнутри и попытался протиснуться наружу. Я увидел ботинок, руку в голубом рукаве с золотыми пуговицами. Однако незнакомец выстрелил. Похоже, зацепился за что-то поясом. При первом же звуке карг обернулся, пристально посмотрел на дверь кабинета и долго-долго, наверное не меньше секунды, не отрывал взгляда, затем извлек красный, усыпанный жемчугом пистолет с расширенным дулом, торопливо поднял и прицелился...

Грохнуло так, словно взорвалась бомба, из ствола вылетели пламя и дым. Свинец сочным хлопком ударил в цель, вроде как мяч по перчатке вратаря. Парень в двери рванулся, проскочил в щель и тяжело рухнул ничком. Потом дернулся пару раз, точно его тыкали палкой, и затих.

Карг повернулся к матросам и отрывисто прокричал команду. Те возмущенно заропотали, с разочарованным видом оглядывая палубу, но затем повернулись к борту.

Вместо осмотра и грабежа — приказ убираться.

Все выглядело так, словно карг добился своего.

Через пять минут последние из абордажной команды вернулись на *галеон*. Карг спокойно и неподвижно стоял на корме, как может стоять только машина. Потом осмотрелся и направился ко мне. Я совсем притих и продолжал изображать труп.

Он перешагнул через меня и настоящий труп и вошел в кабину. Оттуда донеслись неясные звуки, как будто рылись в ящиках и заглядывали под циновки, потом он вышел. Я слышал, как удаляются шаги и приоткрыл глаза.

Он стоял у леерного ограждения и спокойно обрывал защитную пленку из фольги с термитной бомбы. Когда раздался предупреждающий свист, карг обронил заряд сквозь открытый люк у своих ног так беспечно, словно опустил сливку в мартини.

Пройдя с тем же хладнокровием через палубу к борту, он ухватился за канат и с похвальным проворством забрался на галеон. Затем кто-то прокричал команду. Корабль тотчас ожил: паруса задрожали и поползли вверх, часть людей бросилась натягивать выборочные тросы. Рангоуты галеона дрогнули и с сильным шумом и трес-

ком оторвались от оснастки обреченного корабля. Высокий борт испанского двухпалубника удалялся, натянутые паруса наполнились гулким хлопаньем. Совершенно неожиданно я остался один и, продолжая лежать, наблюдал за тем, как уменьшается уходящий по ветру с поднятыми парусами вражеский корабль.

В этот момент в трюме послышалось зловещее шипение. Я понял, что взорвалась термитная бомба. Из люка повалил дым, сопровождаемый языками пламени. Я подскочил и, шатаясь, прижался к кабинке, не в силах оторвать взгляд от адского пламени, сияющего подо мной. Какой бы стальной каркас не был у этой калоши, он ее не спасет: в 5000-градусной жаре сгорит не только сухой хворост.

Несколько драгоценных секунд я пытался разобраться в происходящем, извлечь хоть какой-то смысл. Огонь шипел и трещал, вздымая палубу. Тень от обломка грот-мачты отбрасывала плавную дугу, словно грозила пальцем застреленному каргом человеку.

Тот лежал на животе, уткнувшись в ворох влажных кружев, пропитавшихся кровью из багряной лужи под горлом. Одна рука подогнулась, другая откинулась в сторону. В ярде от пустой руки валялся пистолет.

Через три шага я нагнулся и подобрал оружие. Это был 7-мм микрореактивный пистолет производства Пекс-Центра, рукоятка как влитая легла на мою ладонь.

Иначе и быть не могло. Пистолет был мой. Я посмотрел на руку из которой он выпал. Похожа на мою. Пересиливая себя, я перевернул труп и взглянул на лицо. Это было мое лицо.

XI

Последовавшая за выполнением задания стандартная психообработка начисто заблокировала в моей памяти всю последовательность событий, но теперь барьер рухнул. Я все вспомнил. Время: где-то десятью годами раньше — относительное, или 1578 — местное. Театр действий: Карибское море, около шестидесяти миль на юго-запад от острова Св. Томаса. Цель: поиск корабля под командованием карга, который орудовал в водах Новой Испании. Я вспомнил вхождение в контакт, погоню и абордаж, вспомнил, как ожидал в кабине подходящего момента для

единственного хорошо проверенного выстрела с целью уничтожения источника вмешательства. Это было одно из первых моих поручений, отчет о благополучном завершении которого давным-давно ушел в хранилище и стал частью истории Чистки Времени.

Теперь же все перемешалось. Дело пересмотрено в связи с появлением нового свидетельства. Я оказался продублированным в собственном прошлом.

Тот факт, что двойник является нарушением любого закона управления путешествиями во времени, представляет лишь крохотный аспект проблемы и становится теперь вовсе ничтожным под грудой неувязок. Чистка прошлого, столь мучительно претворяемая в жизнь Пекс-Центром с целью исключения разрушительных последствий вмешательства Старой Эры, терпела крах.

И если выпадает кусочек тщательно выкладываемой мозаики, то весь комплекс возводимых на ней сооружений может на полозе соскользнуть вниз в темпоральном катаклизме и сжаться в ледяной ком, который ни Пекс-Центр, ни кто-либо не в силах растопить.

Имея надлежащий рычаг, можно перевернуть мир. Но для рычага необходима точка опоры. Такой опорой на протяжении последних шести десятилетий служила деятельность Пекс-Центра, направленная на сооружение в доисторических временах некоей платформы, на которой держались бы все дальнейшие постройки.

Теперь, по моей вине, фундамент дал трещину.

Я вспомнил первоначальный ход событий: как дождался удобного момента, рывком открыл дверь, прицелился, и прежде чем андроид уловил в управлении введенный фактор, трижды выстрелил ему в грудную полость. Он упал, захватчики в ярости бросились на меня, но тут же натолкнулись на защитное поле. Пиратов охватила паника. В ужасе перед невидимой преградой они отступили на галеон, отчалили и с расправленными по ветру парусами ушли в сумерки истории. Тем временем я направил галеас — специальное оборудованное, замаскированное под корабль базовое средство транспортировки — к точке подбора грузов в годографе К-673, откуда его вернули на консервацию и хранение в хранилище Пекс-станции технического обслуживания.

Теперь события развернулись иначе.

Я заблокировал дверь и помешал другому «я» завершить поручение, тем самым разрушив целый сегмент перестроенной темпокарты и обратив планомерную стра-

тегию Пекс-Центра в хаос. Карг удалился восвояси цел и невредим, а я остался лежать на корабле — мертвей некуда — со свинцовой пулей в горле.

И в это же время стоял на палубе, глядя на свой труп и мало-помалу осознавая всю безвыходность своего положения. Я попал в ловушку.

Агент Пекс-Центра — человек, которого трудно ликвидировать, поскольку он защищен всеми достижениями весьма развитой науки и техники.

Но если его удается завлечь в замкнутую петлю неосуществленной альтернативной реальности — псевдореальности, из которой нет и не может быть выхода в несуществующее будущее, — тогда с ним покончено навсегда.

Даже если бы я чудом уцелел — весьма сомнительное предположение, учитывая охвативший весь корабль пожар — возврата не будет — я использовал личный импульс аварийного скачка. Ни один прибор не зарегистрировал место моего пребывания. Когда я прыгнул со станции-призрака, пришлось рискнуть и войти в темпополо без места назначения. И вот теперь в то единственное уязвимое мгновение, когда при выполнении долга другое «я» сняло защитное поле, чтобы разделаться с каргом, его убили. Данные о погибшем оперативном сотруднике сотрутся с пульта слежения, и еще одного неудачника, проявившего гибельную беспечность, просто вычеркнут из списков.

Предадут забвению и двойника, сунувшего нос не в свое дело.

Мысли заметались в поисках выхода. Найденному решению недоставало привлекательности, но в качестве альтернативы мне предстояло сгореть заживо или утонуть в теплых водах Карибского моря.

Настроенный на меня блок аварийного темпо-скачка, скрытый в челюсти, не сфокусирован на приемный конец. Он бесполезен, поскольку я не подзарядил его на базе. Но в трупе, лежавшем у моих ног, находился его дубликат. Схема прибора — от антенны до энергоблока — состояла главным образом из нервной системы владельца.

Необратимые изменения в мозгу наступают через пять минут, но темпо-привод мертвеца по идее должен еще работать. Открытым оставался вопрос — учитывая радикальную перегруппировку причинной последователь-

ности — куда сфокусирован импульс. В какой-то мере это зависело от мыслей погибшего в момент смерти.

Палуба раскалилась так, что прожигала подошвы. Корабль окутывал дым. Пламя ревело, как водопад во время весеннего разлива.

Я примостился рядом с мертвым двойником. Челюсти трупа были раздвинуты. Я сунул палец внутрь и набрал на устройстве, скрытом в коренном зубе, код темпорального перехода. А по спине уже хлестали языки пламени из раскрытого люка.

Я почувствовал, как огромный великан посадил меня на одну ладонь и хлопнул другой.

XII

Было темно. Я летел вниз. Падение заняло секунду. Не успев ничего сообразить, я плюхнулся в теплую, вонючую и как гороховый суп густую грязь. Погрузился и тут же выплыл, отдуваясь и задыхаясь от тошноты. Барахтаясь в мутном иле, я попытался плыть и с трудом держался на поверхности. Затем лег на спину, перебирая руками, и попытался отдышаться. Глаза заленило чем-то клейким.

Вонь стояла такая, что ее можно было разрезать на куски и продавать вместо линолеума. Я отплевывался, кашлял, плевал по жиже, пока рука не коснулась плавно изгибающегося дна. Я споткнулся о него коленями и пополз на четвереньках, отфыркиваясь и безуспешно пытаясь соскрести с глаз вонючую грязь. Попробовал выползти наверх, но поскользнулся, съехал назад и снова почти с головой ушел в воду.

В следующий раз я повел себя осмотрительнее: подался вперед опираясь большей частью веса на густую жижу, и выбрался на сухое место. Подобного берега я никогда раньше не встречал: твердая гладкая поверхность изгибалась вверх. Я ощупью пополз вбок, соскальзывал, разбрызгивал нечистоты, задыхался в мерзких испарениях. Под рукой расползалось рыхлое гнилье. Я вновь попробовал выкарабкаться наверх, но, поднявшись на ярд, соскользнул на дно.

Тело устало. Организм требовал передышки, а уцепиться было не за что. Стоило замереть, как меня затягивало в глубину. Я представил себе медленное погружение

в липкую жижу, удушье, полные легкие этой дряни, гибель и постепенное разложение...

Меня охватила паника. В отчаянии я крикнул.

И на крик отозвались.

— Эй, там, внизу! Прекратите дергаться! Сейчас я брошу веревку!

Голос был женский, если не сказать женственный, и доносился откуда-то сверху. Он прозвучал слаще ангельского хора. Я попытался ответить бодрым и небрежным возгласом, но с трудом прохрипел что-то невнятное. Сверху провели ярким лучом по пузырящейся черной поверхности, пока не попали прямо в лицо.

— Лежите тихо! — приказал голос.

Свет ушел в сторону, посветил вокруг и вернулся. Что-то со свистом рассекло воздух и плюхнулось в слякоть недалеко от меня. Я побарахтался и нащупал полудюймовый покрытый слизью канат.

— Там на конце петля. Суньте ногу, и я вас вытащу.

Веревка скользнула по рукам. Повозившись в грязи, я нащупал узел, еще раз окунулся с головой, пытаясь зацепиться ногой, и наконец обеими руками ухватился за петлю. Веревка натянулась вытащив меня из трясины. Я вцепился и поехал вверх по склону. Поверхность продолжала изгибаться. Продвижение замедлилось. Ярд. Еще один. Пол ярда. Фут. Угол наклона уже превысил тридцать градусов. Я крепко прижимался к скату. Еще одно усилие и я услышал трение веревки. Мои руки наткнулись на кромку. Я ухватился за гребень, закинул колено, перевалил через край, пополз по мокрому песку, но тут же упал и лишился чувств.

XIII

Солнце било в глаза. Забыл задернуть шторы. Матрац комками. Все болит, болит...

Я разлепил ресницы и увидел белый песок, гребнями спускающийся к берегу латунного моря. Свинцовое небо и серые волны, что с глухим плеском накатывались на песчаный пляж. Ни птиц, ни парусов, ни ребятишек с ведерками, ни красавиц в купальных костюмах. Только я и вечное море.

Увы, знакомый пейзаж. Я вернулся на Берег Динозавров. Солнце только вставало и чуть осветило мое израненное тело.

Когда я сел и оперся на руки, что-то с треском упало. Слякоть на брюках засохла и приклеилась к ногам. Серая пленка покрывала туфли. Я согнул колено и вскрикнул от боли. Одежда затрещала, от нее кусками стала отваливаться засохшая грязь. Я весь был покрыт тонкой корочкой, словно креветка в тесте. Лицо тоже в грязи. Я стал методично соскребать оболочку, как обычно очищают яйцо от скорлупы, и попутно очистил щеки. Грязь залепила и глаза. Попытка освободиться от нее привела к плачевным результатам.

— Я вижу, вы проснулись,— послышался сзади бодрый голос.

Я выцарапал грязь из уха и услышал шорох по песку.

— Перестаньте лезть руками в глаза,— сказала она резко.— Лучше спуститесь к воде и обмойтесь.

Я поморщился, оперся на колени и руки и встал. Женщина твердой рукой взяла меня за правый локоть — несколько робко, как мне показалось — направила вперед. Я, спотыкаясь, зашагал по рыхлой земле. Солнце жгло сквозь ресницы, шорох прибоя усиливался. Через некоторое время я почувствовал у ног теплую воду. Женщина отпустила меня, а я сделал несколько шагов и с головой погрузился в воду.

Ссохшаяся грязь вновь обратилась в слизь, испускавшую удушливое зловоние. Я окунул голову и более-менее промыл волосы, потом оттер лицо и вновь обрел способность видеть.

Сняв намокшую и потяжелевшую от грязи рубашку, я поводил ею взад-вперед и оставил в бледно-зеленой воде темное облако. Из всевозможных порезов на руках сочилась кровь. Костяшки пальцев были сбиты, соленая морская вода обожгла как кислота. Я заметил, что со спины рубашка прогорела до дыр. Внезапно небо почернело и наполнилось сияющими крутящимися точками...

Кто-то с плеском подбежал ко мне, схватил и вытащил из воды. Похоже я тонул, даже не сознавая этого. Я закашлял и вытянулся, пока меня тянули сквозь прибой к берегу. Ноги почти не слушались. На песке колени подогнулись и я опустился на четвереньки. Потом с минуту тряс головой, чтобы отогнать высокий, шедший изпод черепа, звук.

— Я не поняла... вы ранены? У вас вся спина в ожогах... Что с вами случилось? — голос доносился откуда-то издали, то нарастая, то вновь удаляясь.

— Прогулялся по горящей палубе,— сказал я беспечно, но слова прозвучали невнятным бормотанием. Я видел перед собой только пару стройных женских ног в изящно сидящих кожаных сапожках, крутой згиб бедер под серым поясном, портупею и белую, некогда свежую куртку. Я вновь поморщился, просто чтобы она знала, как мне больно, и, опираясь на руку, поднялся.

— ...оставила вас снаружи на всю ночь... первую помощь... вы можете идти?... недалеко отсюда...

Из голоса исчезли командные нотки и он показался мне знакомым. Я обернулся, прищурился от солнца и посмотрел на ее нахмуренное в глубоком участье лицо. Сердце мое забилось.

Это была Лайза.

XIV

Я пробормотал что-то и привлек ее к себе, но она оттолкнула и окинула меня суровым взглядом ночной няни, которая выполняет свои обязанности независимо от того, нравится ли ей ее работа.

— Лайза!... Как ты сюда попала? — выдавил я.

— Я не Лайза и попала сюда тем же способом, каким очутились здесь вы.

С насторожепным видом она продолжала вести меня к небольшой палатке, разбитой выше по склону в тени булавовидного мха.

— Надеюсь, вы — оперативный агент? — ее взгляд прошелся по тому, что осталось от моей одежды. Она цокнула языком и добавила почти обвиняюще: — Ну и вид у вас. Как после бомбежки.

— Да нет, это не бомбежка,— сказал я.— Морское сражение, абордаж. Но что ты здесь делаешь, Лайза?

— Меня зовут Меллия Гейл,— оборвала она.— Перестаньте навязывать мне свой бред. У меня и без того хватает забот.

— Лайза, что с тобой? Неужели ты не узнаешь меня?

— Я вижу вас первый раз в жизни, мистер.

Мотнув головой, она впихнула меня в лаз палатки, в прохладу и полумрак, и приказала:

— Раздевайтесь.

Я хотел было воспользоваться мужской прерогативой на самостоятельность, но почему-то не смог справиться с одеждой. Бессильно прислонившись к кровати, я подождал, пока с меня стащат туфли, брюки и носки. Мокрые трусы кое-как снял сам. Я дрожал и горел, словно маленький мальчик, которого мама укладывала в постель. Чувствуя над собой прохладную свежесть, я перекатился на живот прочь от пылающей огнем спины, и боль растворилась в мягкой окутывающей темноте.

XV

— Простите, что я оставила вас вчера вечером без внимания,— сказала Лайза или Меллия Гейл.— Но я не думала, что вы ранены... и...

— И, кроме того, я слишком тяжел. Вы бы не справились одна, а еще этот запах,— вставил я.— Ладно, оставим.

Все-таки приятно проснуться в постели в палатке с кондиционированным воздухом, когда тебя аккуратно перебинтовали и под завязку накачали лекарствами. Лежать, не чувствуя никакой боли, сознавать, что все хорошо, и просто наслаждаться теплом и приятным ощущением в конечностях.

Но Лайза настаивает на том, что не знает меня.

Я наблюдал за ее лицом, пока она делала всевозможные перевязки, процедуры, кормила с ложки бульоном. Не оставалось и тени сомнений: это была Лайза.

Однако Лайза — Меллия Гейл — выглядела бодрой, молодой, здоровой. Заостренные черты лица казались более зрелыми. Она была на несколько лет старше моей жены, которую я оставил всего лишь несколько локальных дней назад. Лайза, никогда не знавшая меня. Тут скрывались трудности, разрешить которые мне не под силу. Пока не под силу.

— Ну и мастаки на сюрпризы эти мальчики из Пеко-Центра,— сказал я.— Подумать только, Лайза, моя нежная юная супруга, являлась оперативным агентом Чистки Времени! Не представляю себе... Ведь я увлекся всерьез. Думал, что встреча случайная. А наше знакомство просто-напросто запланировали. Могли бы и сказать. Какая-нибудь актриса...

— Не выматывайте себя попусту,— холодно сказала Меллия.— Лучше помолчите. Вы потеряли много крови, поберегите силы для выздоровления.

«Иначе куковать тебе здесь с беспомощным инвалидом на руках, малышка!»— мелькнула мысль, но ложка с бульоном удержала меня от высказывания вслух.

— Сначала я услышала всплеск,— рассказывала она.— А потом кто-то стал барахтаться внизу. Я решила, что в ловушку попался ящер. Обычное дело. Они падают туда и не могут выбраться.

Когда она говорила, голос звучал моложе и уязвимее.

— И все же вы вышли посмотреть,— заметил я.— Наверное, вы любите животных.

— Я обрадовалась, когда вы закричали,— она покраснела, как будто созналась в чем-то постыдном.— Я уже думала... что...

— Но вы так и не рассказали мне свою историю,— сказал я.— Как же все-таки случилось, что вы ждали меня с горячим бульоном и ледяным взглядом наготове?

Она поджала свои созданные для поцелуя губки.

— Я выполнила задание и прыгнула назад на станцию.— сказала она ровным голосом.— Но станции не было. Просто яма в земле, полная грязи и костей. Невозможно предугадать, куда попадешь. Так что я решила остаться и подождать аварийной команды. Вот... я и сижу...

— И долго?

— Почти три недели...

— Почти?

— Двадцать четыре дня, тринадцать часов и десять минут,— огрызнулась она и снова сунула мне в рот ложку.

— И какое у вас было задание? — поинтересовался я и проглотил.

— Либия. 1200 год до нашей эры.

— Вот не знал, что в древней Либии пользовались пистолетами.

— Задание не предусматривало контактов с местным населением. Меня снабдили всем необходимым для самообороны и самообеспечения. Пару недель я жила одна в пустыне, точнее, у оазиса. Тогда вообще было больше растительности. Надо было устранить вмешательство Первой Эры, связанное с одной добедуинской могилой, со сложной цепью последствий, приведших позднее к возникновению ислама.

Моя работа заключалась в том, чтобы подменить некоторые ключевые предметы, изъятые из музея Второй Эры. Я справилась отлично. Затем прыгнула назад...

Она запнулась, и на какое-то мгновение я увидел испуганную девочку изо всех сил пытающуюся обрести твердость и бесстрашие видавшего виды оперативника.

— Вы все сделали правильно, Меллия,— поддержал я.— На вашем месте я бы, наверное, запаниковал и попробовал прыгнуть назад. И закончил бы тем, что влип в скользящую петлю.

Сказал и тут же понял, что как раз на этом моменте сейчас не следовало бы заострять внимание.

— Так или иначе, но вы ждали, и вот я здесь. Как говорится, две головы...

— Что мы будем делать дальше? — прервала она.

Теперь ее голос и правда звучал как у испуганной девочки. Ты великий мастер утешать, Рейвел, ничего не скажешь. Она прекрасно обходилась без тебя...

— Есть несколько вариантов для нашего вызволения,— заверил я самым бодрым голосом, на какой только был способен, учитывая, что по подбородку стекал суп.— Мне бы только...— У меня не хватило дыхания, и я судорожно вздохнул.— Мне бы только вздремнуть немного и тогда...

— Простите,— извинилась она.— Конечно, вам нужно отдохнуть. Спите. Поговорим позже.

Три дня я провалялся в постели, ожидая, пока на спине не восстановится кожа и не заживут царапины и порезы. Целебные составы из полевой аптечки Меллии оказывали самое благотворное действие. Дважды за это время я слышал выстрелы: Меллия отгоняла огромных тварей, когда они подбирались слишком близко. Десяток стрел из широкотрубного ружья было достаточно, чтобы доставить сигнал в их куриные мозги.

На четвертый день, попатываясь при ходьбе, я предпринял прогулку к той яме, из которой меня вытащила Меллия.

Несомненно, колодец отмечал место станции. Высокие приливы, дожди, носимый ветром песок, бродячие животные заполнили углубление почти до краев. Стеклянная кромка над поверхностью покрылась выбоинами. На все это потребовалось время — много времени.

— И сколько же? — спросила Меллия.

— Лет сто, не меньше. А можете тысяча или две.

— Следовательно, станцию не отстроили,— вздохнула она.

— По крайней мере, на последнем сегменте времени. Естественно, если местонахождение известно, бессмысленно использовать его вторично.

— Знаете, что я думаю? Я провела здесь целый месяц. Если бы меня искали, то к этому времени уже обязательноо обнаружили.

— Не обязательно. Так далеко в прошлом поиски занимают много времени.

— Только не надо меня утешать. Я прекрасно вижу, насколько серьезно наше положение. Случилось нечто неординарное, чем простое темпоральное недоразумение. Все рушится.

Она использовала те же слова, что пришли мне на ум, когда я глядел на свой труп.

— Лучшие умы Пекс-Центра уже работают над этим,— возразил я.

— И помощь непременно придет.

Однако этот довод прозвучал неубедительно даже для меня.

— Какое шло время по стационарному отсчету в последний раз вашего присутствия? — спросила она.

— Шестьдесят пять лет,— ответил я.— А что?

Она вымученно улыбнулась.

— Мы не совсем современники. Меня направили работать на Берег Динозавров в тысяча двести тридцать первом году по локальному времени.

Я подождал, пока в сознании осядет пыль от внутреннего взрыва, и не чувствуя успокоения, поморщился, как будто меня ударили в солнечное сплетение.

— Неплохо. Значит...— начал я и умолк.

Она знала, что это значит, не хуже меня: вся атака, которую я видел и пережил, катастрофа, с последствиями которой мы столкнулись, представляли феномен, известный специалистам в качестве рецидивизма — исторгнутую альтернативную реальность, которая либо никогда не существовала, либо была стерта акцией Чистки Времени. В прошлом девушки темпостанция «Берег Динозавров» функционировала более одиннадцати столетий как минимум после той даты, когда я видел ее под обстрелом. Мелия прыгнула к ней из Либии, выполнив свою работу, прыгнула назад и застала мир изменившимся.

Изменившимся в результате какого-то действия с моей стороны.

У меня не было доказательств для подобного предположения, но я знал наверняка. Свое задание в 1936 году я выполнил согласно инструкции, обрубил все концы и в результате одержал полную победу над каргом.

Но где-то произошел срыв. Что-то — что я сделал или не сделал — поколебало равновесие, и в результате — тупик.

— Нелогично,— заметил я.— Вы прыгнули назад на свою базу и обнаружили, что она пропала вследствие катастрофы, не случившейся в течение вашего личного пережитого времени. Хорошо. Но что выбрасывает в это же самое время меня? Схема, которой я воспользовался для прыжка, была настроена на точку, отстоящую на двенадцать столетий.

— Почему меня не подобрали? — тихо выдавила она.

— Девочка моя, да не переживайте вы так! — успокоил я и похлопал по плечу. Мое прикосновение снова насторожило ее.

— Держите руки при себе,— огрызнулась она, обретая холодную деловитость.— Если вы считаете, что представился случай разыграть сценку из жизни на необитаемом острове, то заблуждаетесь.

— Не торопите события,— сказал я.— У вас еще будет возможность дать пощечину, когда я начну приставать. А пока лучше бросьте свои бабские штучки. У нас нет времени заниматься чепухой.

Она хмыкнула, но сдержала припасенную колкость. Молодец, девочка. Но мне просто хотелось обнять и ласково шепнуть, что все будет хорошо. Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.

— Можно задержаться здесь еще на некоторое время,— предложил я, выдерживая деловой тон в лучших традициях.— Или действовать незамедлительно. За что голосуем?

— А как мы будем действовать?

Явный вызов.

— Оставаться невыгодно,— заметил я, поборов искушение.— А преимущества есть.

— Вы полагаете?

Весьма прохладно, лишь слегка затрепетали чудесные влажные губки, покрытые капельками пота.

— Местонахождение станции известно. Поэтому данный годограф остается наиболее вероятным для поиска, несмотря на любые сложившиеся трудности.

— Вздор. При проверке нашли бы нас, и самым разумным и человечным было бы перекинуть аварийную команду в момент нашего прибытия. Этого не случилось. Следовательно, и не случится.

— Вероятно, вы запамятовали, мисс Гейл, на что направлены усилия Чистки Времени. Мы пытаемся восстановить временную ткань, а не проделывать в ней новые дыры. Если бы нас засекли сейчас, а встретили вначале, куда бы делись те сладостные мгновенья отпущенные нам судьбой? Этой минутой? Ее никогда бы не было. Нет, если уж нас подберут, то только в точке первоначального контакта и не ранее. Однако...

— Ну?

— Существует вероятность того, что мы занимаем петлевой сегмент, замкнутый на себя, а не на часть главного временного ствола.

Она чуть побледнела, что не мог скрыть даже пустынный загар, и взглянула мне в глаза.

— В таком случае мы отрезаны навсегда?

Я кивнул.

— Но есть возможность выбора.

— Разве есть... выбор?

— Не очень большой. Но есть. Ваш аварийный заряд еще не использован.

— Вздор. Импульс настроен на базовую станцию. Здесь я и нахожусь. Куда же отправляться?

— Не знаю. В никуда.

— А как же вы?

Я покачал головой.

— Я уже израсходовал резерв. Энергия на нуле. Придется подождать, пока вы вернетесь с аварийной командой. Запасусь терпением, поскучаю один, если вы решитесь, конечно...

— Но несфокусированный прыжок...

— Вы правы, не спорю. Об этом болтают всякие страсти. Но мой-то прыжок завершился не так уж плохо. Как вы помните, я попал на станцию.

— Станцию в нигде, как вы сами рассказывали.

— Но с кабиной темпорального скачка. Она отослала меня вдоль собственной временной линии. Удачно-неудачно я вышел в годограф предыдущего задания. Возможно, вам повезет больше.

— Осталось уповать на удачу, так?

— Это лучше, чем ничего.

Она стояла чуть поодаль и не глядела на меня: моя Лайза, красивая и желанная, столь легко ранимая и ожесточенная, испуганная и пытающаяся скрыть свой страх. Неужели она жила под гипнотическим внушением, ничего не подозревая о своем подлинном статусе темпорального агента?

— Вы действительно хотите, чтобы я попыталась?

— Похоже, это единственный путь,— согласился я. Эх, старина Рейвел, ты прекрасно изображаешь айсберг — ни единой эмоции.— Если только вы не хотите обосноваться здесь со мной на постоянное жительство,— добавил я, желая ускорить решение.

— Есть еще один путь,— произнесла Меллия ледяным тоном.

Я молчал.

— Мой импульс может выдержать обоих,— продолжала она.

— Теоретически. При... э-э... определенных обстоятельствах.

— Мне они известны.

— К черту, девочка, мы просто зря тратим время...

— Вы не возражаете, если я оставлю вас ненадолго, прежде чем мы...,— она помедлила,— воспользуемся этими обстоятельствами?

Я задержал дыхание, чтобы не выдать голосом напряжение.

— О чем может идти речь? Вы вернетесь.

— Мы отправимся вместе,— отрезала она.— Или вместе останемся.

— Послушайте, мисс Гейл, у вас нет ко мне никаких обязательств.

— Напротив. И свой долг я выполню. Не заблуждайтесь насчет моих побуждений, мистер Рейвел!

Она повернулась и пошла по песку. Одинокая, маленькая фигурка на фоне джунглей, подступавших к пустынному берегу.

Охваченный смутным волнением, я выждал несколько минут и отправился за ней.

XVI

Меллия ждала в палатке. Она переоделась в легкую ночную рубашку и ожидала около полевой кровати, которую разложила на полную ширину. Устремленный по-

верх меня взгляд, совершенно бесстрастное и холодное лицо. Я подошел к ней и коснулся рукой талии сразу над бедрами, ощутив под тонкой тканью шелковистую гладкую кожу. Меллия чуть напряглась. Я провел руками вверх, пока к боковой стороне ладоней не прижимались ее груди. Потом привлек к себе, какое-то время она противилась, но потом расслабилась и дала себя увлечь. Легкие как облако волосы коснулись моего лица. Я прижал ее так крепко, что было трудно вздохнуть.

Внезапно она вырвалась и отвернулась.

— Чего вы ждете? — спросила она срывающимся голосом.

— Может лучше повременить? — отозвался я.— Скоро стемнеет...

— Ну и что? — отрывисто бросила она.— Так будет романтичнее?

— Не знаю. Возможно.

— Если вы забыли, мистер Рейвел, могу напомнить: у нас с вами не роман. Мы поступаем так в соответствии с практической целесообразностью.

— Не говорите за других, Меллия.

— Я знаю, что говорю!

Она повернулась ко мне, лицо порозовело, глаза сверкали.

— Черт возьми, не тяните время,— процедила она сквозь зубы.

— Расстегните рубашку,— тихо произнес я. Она уколола взглядом.— Делай, как я сказал, Меллия.

Какое-то мгновение она продолжала смотреть непонимающим взглядом, потом насмешливо скривила губы.

— Довольно — не выдержал я и взорвался.— В конце концов идея принадлежит вам, леди, а не мне. Я не принуждал вас к близости, и сейчас не принуждаю. Но вам не мешало бы разобраться в сути происходящего, если не хотите принести вашу великую жертву втуне. Физическая близость не является магическим ингридиентом, главное — психологический контакт, взаимопонимание, единство двух индивидуальностей. Их полное слияние важно также, как слияние тел. Причем сексуальный аспект — лишь средство переписки. Если вы не откажетесь от мысли воспринимать происходящее как своего рода изнасилование, можете выкинуть из головы всякую надежду на благополучный исход.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и посмотрела на меня. Ресницы были влажными, очертания губ смягчились.

— Я... простите. Вы правы. Но...

— Не стоит, я понимаю. Вы представляли себе первую брачную ночь несколько иначе.

Я взял ее мягкую, горячую и послушную руку.

— Вы когда-нибудь любили, Меллия?

Она мигнула: лишь искорка боли.

Лайза, Лайза...

— Сосредоточьтесь. Вспомните, как это было... Притворитесь... Я — это он.

Глаза ее закрылись. Чуть вздрагивали хрупкие веки. На лепестково-нежной коже выделялся пастельный цвет вен. Я нежно провел рукой по шее, затем по плечам под ночной рубашкой. Кожа была гладкой, горячей. Мягким движением скинул бретельки, рубашка соскользнула с плеч и задержалась на изгибе грудей, мои руки опустились, убирая ткань и охватывая груди ладонями. Она глубоко вздохнула, губы раскрылись.

Руки ее опустились, и ночная сорочка скользнула на пол. Когда она шагнула вперед и прижалась ко мне, я успел на миг разглядеть тонкую талию и плавный изгиб бедер.

Руки неуверенно потянулись к пуговицам моей рубашки, распахнули ее и вытащили полы. Затем она расстегнула пояс, и опустившись на колени, сняла остатки одежды. Я подхватил ее на руки и отнес к походной кровати. Руки ласкали высокую упругую грудь, горячее тело, пытаясь охватить его единым страстным объятием. Она задрожала и потянулась ко мне. Рот приоткрылся, ресницы разошлись, и я увидел мерцающие томные глаза. Наши губы жадно встретились. Я тяжело подался вперед, и ее бедра прижались к моим. Мы двигались как одно целое.

Исчезло время, пространство. Она вошла в объятия, заполнила весь мир, стала мерой красоты, радости, наслаждения которое нарастало, поднималось на высокий гребень невыносимого восторга, обрушивалось девятым валом, а затем плавно замедляло бег, замирало, падало и растворялось в тихом ночном океане жизни...

XVII

Долгое время никто не проронил ни слова. Мы лежали измученные в полумраке палатки, вслушиваясь в мерный рокот прибоя и неясный шум ветра за брезентовым пологом.

Наконец она открыла глаза и бросила на меня безмятежный и удивленный взгляд. Затем глаза закрылись, и Меллия уснула. Я тихо поднялся, подобрал одежду и вышел в жару и скользящий с дюн сухой ветер. Где-то в миле к югу брела по берегу пара маленьких рептилий. Я оделся, спустился к воде и побрел вдоль шумевшей линии прибоя, разглядывая крошечные существа, которые с отчаянной настойчивостью барахтались в лужицах на песке.

Когда я вернулся в палатку, солнце уже скрылось. Меллия хлопотала над ужином из консервов. Она одела ночную рубашку и ходила босиком и с распущенными волосами. Взгляд ее казался недоверчивым и озорным. До боли юная...

— Я никогда не пожалею. Даже если...— запнулся я.

Слабый отблеск тревоги скользнул по ее лицу.

— Даже если... что?

— Даже если теория ошибается...

Она уставилась на меня, глаза расширились.

— Ой, я забыла...— произнесла она.— Я совсем забыла, что...

Я глупо улыбнулся.

— Я тоже — до сего момента.

Она прикрыла рот рукой и рассмеялась. Я обнял ее и присоединился к ней. Вдруг она заплакала, руки обвились вокруг моей шеи, прижалась ко мне и рыдала, а я гладил волосы и что-то бормотал в утешение.

XVIII

— На этот раз я не забуду,— шепнула она мне на ухо. В темноте маленького домика...

— На меня не рассчитывай.

— Ты очень любил, любишь, свою Лайзу?

— Очень.

— Как вы познакомились?

— В городской библиотеке. Оба искали одну и ту же книгу.

— И нашли друг друга.

— Это случай. Или чудо... Я прибыл на место всего несколько дней назад, как раз достаточно, чтобы вжиться в роль и понять дикую жизнь в то отдаленное время. Но для меня — единственная реальность. Поскольку задание было долгосрочным, составители легенды полностью позаботились о моем слиянии с окружающей эпохой. Личность Джима Келли, чертежника, заняла 99 процентов моего сознания. Оставшийся процент, представлявший понимание подлинной функции в качестве агента Пекс-Центра, занимал самый скрытый уголок мозга и проявлялся лишь в неясном, настойчивом напоминании о целях и задачах, несоизмеримых с обыденностью существования в древнем Буффало. То был лишь смутный намек на роль, которую я играл в великих делах.

Я не отдавал себе отчета, когда повстречал Лайзу, принялся ухаживать и завоевал ее, вошел в ее жизнь на короткое время, как случайный путник в ту темную и варварскую эпоху. Когда я женился, то сделал это с намерением прожить в радости и горе, бедности или богатстве всю жизнь, пока смерть не разлучит нас.

Но разлучило нечто более неотвратимое, чем смерть. И по мере того, как приближалась развязка, необходимые сведения всплывали из забытья и пробуждали знание истинного положения. Конфронтация с каргом завершила процесс.

— Все-таки это действительно случай,— вставила Меллия.— Даже если она это я... находилась там по другой причине и не знала о вашей работе...

— Не защищай ее, Меллия. Она не виновата.

— Хотела бы я знать, что произошло дальше...

— Я бы вернулся и не застал ее дома. Она бы вернулась на базу выполнив задание.

— Нет! Любовь не могла быть заданием...

— Она просто не ведая, как и я, руководствовалась самыми благими намерениями. Белым воротничкам в Пекс-Центре видней.

— Замолчи,— мягко прерывая меня поцелуем, Меллия крепко прижала свое стройное нагое тело.

— Я ревную к ней,— шептала она.— Она — это я.

— Ты мне нужна, Меллия. Каждая моя клеточка стремится к тебе. Я просто не могу не вспоминать.

Смех похожий на рыдание сорвался с ее губ.

— Ты обнимаешь меня и думаешь о ней. Ты изменяешь ей со мной...

Она умолкла и прикрыла ладошкой мой рот.

— Не надо, не пытайся объяснить, Рейвел. Ты не в силах ничего изменить и не можешь помочь. Ты любишь меня... Я знаю...

И на этот раз мы пересекли вершину страсти, мир взорвался и швырнул обоих вглубь бесконечного туннеля, во мглу и безмолвие.

XIX

Нас обволакивал свет, чувствовалось мягкое дыхание системы циркуляции воздуха. Мы лежали нагишом прямо на полу в спортивном отсеке темпоральной станции.

— Какое все маленькое,— сказала Меллия.— Даже примитивное.

Она поднялась, неслышно ступая босыми ногами, подошла к пульту внутренней связи и щелкнула коллектором.

— Есть кто-нибудь? — эхом пронеслось по коридорам.

Никого не было. Мне не требовалось даже осматривать помещение, это чувствовалось в воздухе.

Меллия шагнула к контрольному щитку и набрала код аварийного сигнала. Индикатор мигнул и показал, что сигнал записан и уплотнен в микросекундный писк. Теперь с интервалом в час он будет автоматически транслироваться сквозь временной поток в миллион лет.

Меллия подошла к станционному журналу, включила сканнер и принялась осматривать последние записи. В тусклом мерцании экрана ее лицо выглядело напряженным. Глядя на ее наготу и грациозные движения, меня охватило возбуждение. Я с усилием отбросил эти мысли и подошел к ней.

Бортовой журнал представлял собой обыкновенную заполненную от руки страницу с отметкой стационарного времени 09.07.66 г., с номерным шифром «Берега Динозавров» и личным кодом Нела Джарда в нижнем углу листа.

— Я вернулся с задания десятого, а надпись датирована днем раньше,— сказал я.— Думаю, ему просто не хватило времени записать. На станцию напали.

— По крайней мере, ему удалось вывести сотрудников, прежде...

Она не стала продолжать.

— Да. Всех, кроме себя,— согласился я.

— Но... Ты же не нашел его?... Никаких следов... в станции... Ты же был здесь...

— Ты имеешь в виду труп? Нет. Возможно, воспользовался транспортной кабиной. Или шагнул через край...

— Рейвел!

Меллия с укоризной поглядела на меня.

— Ладно. Пойду-ка я надену что-нибудь. Но мне нравится играть с тобой в Адама и Еву,— добавил я.— Даже очень нравится.

В крыле жилых помещений нашлась уйма форменного обмундирования, аккуратно разложенного по ящикам. Я с наслаждением ощутил на себе прохладу гладкой современной ткани. Стоячие воротнички и колючая шерсть доставили мне массу неудобств на задании в 1936 году. Знакомое ощущение вернуло в нужное русло...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Лайза — Меллия стояла рядом, натягивая на себя облегающий цельнокроеный костюм. Обнаружив наблюдение, она заколебалась на мгновение, застегнула молнию и улыбнулась. Я ответил тем же.

Затем мы продолжили осмотр. Я уже видел клубящийся туман и обрыв в десяти футах от входа. Жемчужно-серая взвесь поглощала звуки нашего голоса. Я швырнул камешек. Он упал в шести футах, застыл и поплыл в сторону, утратив всякий интерес к закону тяготения. Я пристально вглядывался, но ничего не мог разглядеть кроме туманной мглы.

— Ну и пусть,— произнесла рядом Меллия.

— Это точно,— отозвался я.— Пошли назад. Нам нужно поспать. К тому времени, даст бог, распогодится.

Она не стала возражать.

Ночью Меллия спала на моем плече. А я чувствовал ее дыхание и мечтал о том, чтобы этот сон никогда не прекращался.

XX

Стук вилок о тарелки за завтраком казался необычно громким. Еда была отменной. Казарменное довольствие Нокс-станции восполняло проблемы отсутствия в жизни

оперативных агентов всех человеческих ценностей, без которых человек не считал жизнь стоящей. Мы, оперативники, считались избранными. Мы отказались от семейного очага, от жен и детей, свято верили в человеческую расу и ее достойную спасения судьбу. И не сомневались в разумности выбора.

Облик Лайзы витал перед глазами, заставил забыть чрезвычайное положение, угрозу Чистке Времени. Меллия...

— Так что мы предпримем, Рейвел? — спросила Меллия.

Лицо ее выражало холодное спокойствие. Впечатлению способствовала привычная и официальная обстановка. Забавы кончились.

— Надо тщательным образом обсудить имеющуюся информацию,— объявил я и почувствовал себя надутым индюком.

— Отлично. Немногие данные хоть немного помогут нам в сложившейся ситуации.

Бодрый тон, точная формулировка, спокойный и уверенный взгляд. Вы отличный оперативник, мисс Гейл. Только где девушка, рыдающая на моем плече?

— Согласен, коллега,— сказал я.— Первое. По окончании рядового задания я вернулся в точку подбора, послал код вызова и благополучно совершил скачок. Пока все в норме, так?

Я выжидающе посмотрел на нее. Она кивнула.

— На следующий день станцию атаковали вооруженные силы Третьей Эры, или другого противника, замаскированного под войска Третьей Эры. Если откинуть довольно невероятное предположение об упущении службы безопасности, здесь не наблюдается отклонений. И тем не менее, твоя жизненная линия включает темпостанцию «Берег Динозавров» в нетронутом состоянии по локальному времени одиннадцать столетий вперед.

— Верно. Добавлю, что нигде в стационарных архивах нет упоминания о нападении тысячу лет назад. Я ознакомилась с историей станции по прибытии.

— А тебе случайно не попадалось на глаза какое-нибудь свидетельство о безвести пропавшем оперативнике Рейвеле?

— Если и попалось, то я не запомнила. Тогда это имя для меня ничего не значило.

Она отвела взгляд.

— Следовательно, речь идет о девиации класса А. Прошлое кого-то из нас исторгнуто. Вопрос: чья реальность совпадает с подлинным временным стволом?

— Недостаточно информации.

— Что ж. Переходим к следующему пункту. Используя неизвестную мне систему аварийного спасения, Нел Джард извлек станцию из энтропического контакта и переместил в предполагаемую анахроническую вакуоль. Я не совсем точно понимаю это слово.

— Ты отталкиваешься от того, что перемещение — это акция Джарда,— вставила Меллия.— Но есть и другая возможность. Допустим что налицо постороннее вмешательство с целью усложнить или свести на нет его действия. На чем основывается твоя уверенность в его намерениях?

Кивком головы она указала на безмолвное помещение и на призрачную пустоту снаружи.

— Он говорил что-то о нулевой фазе, но я не уверен. Тогда мне казалось, что речь идет о самом обычном разрушении — «дабы не досталось врагу».

— Так или иначе, станцию перебросили... сюда.

Я кивнул.

— И когда я воспользовался личным приводом аварийного темпорального скачка, то очутился именно здесь. Этого и следовало ожидать. Мой импульс настроен на частоту станции, а ее оборудование предназначено для возврата посылающего сигнала оперативника из любого пространственно-временного годографа.

— Ты застал станцию пустой, как и сейчас?

— Ага. Вот только...— я огляделся.— Не знаю только когда, до или после нашего посещения.

— По крайней мере, не одновременно. Ты же не встретил себя.

— Пожалуй, это можно уточнить,— предложил я.— Локальный энтропийный поток в норме и время движется.

Я встал и прошелся по комнате, разыскивая какое-нибудь свидетельство своего пребывания. Его не было. И вдруг...

— Подносы! — воскликнул я.— Здесь на столе.

Меллия взглянула на стол, потом на меня. Ее что-то испугало. Именно так и действуют хронокликзмы.

— В этом месте,— повторил я.— Не очень свежие остатки еды.

— Твоего появления можно ожидать в любое время?

— Несколько часов у нас есть. Еда в тарелке еще не засохла,— я ободряюще улыбнулся и добавил:

— Мы можем подождать до встречи.

— Нет! — воскликнула она и повторила уже менее требовательно.— Нам только не хватает вероятностных аномалий.

— Но если удержать меня от вмешательства в предыдущее задание...

— Не болтай чепухи, Рейвел. Ты забыл направление усилий Чистки Времени. Латать заплаты нельзя. Ты прыгнул и вернулся благополучно. Что тебе еще нужно? Глупо рисковать, а чудо...

— И удастся восстановить равновесие?

Наши взгляды встретились.

— Давай не будем запутывать и без того сложную ситуацию. Ты совершил скачок и точка. Чем мы теперь будем руководствоваться в наших действиях?

Я сел.

— На чем мы остановились?

— Ты застал станцию пустой, но видел следы нашего визита.

— Мне пришло в голову воспользоваться станционной кабиной для возвращения на базу Пекс-Центра. Из этого ничего не вышло. Я сместился вдоль собственной временной линии и закончил десятью годами раньше в субъективном прошлом. Паранормалия класса А. Нарушено каждое положение инструкций.

— Инструкция не рассматривает подобную ситуацию,— заметила Меллия.— Ты не мог контролировать события.

— А в результате сорвал успешно выполненную работу, отчет о которой уже десять лет закодирован в Центральной схеме. Любопытная деталь: карг, которого я должен был вывести из строя — тот же самый, уничтоженный в Буффало. Отсюда вывод: операция в Буффало последовала не за первой, а второй версией.

— Или налицо альтернативный вариант. Трудно судить. Возможно, твое сдваивание в прошлом просто включили в пересмотренную схему в качестве жизнеспособного элемента.

— Если так, нам не следует препятствовать. Но если ошибаешься...

— Нам необходимо найти отправную точку. После своей смерти в прошлом ты прыгнул назад и встретил

меня. Почему мы оба завершили скачок в одном темпоральном годографе?

— Без комментариев.

— Мы дьявольски запутываем временные линии, Рейвел.

— Ничем не могу помочь. Ты считаешь, что следует поступить в камикадзе.

— Не болтай глупостей. Просто мы обязаны сделать все, что в наших силах. А это значит тщательно рассмотреть факты, логически поразмыслить и спланировать следующий шаг.

— Логически! Метко сказано, оперативник Гейл. Только когда же это логика имела хоть что-нибудь общее с программой Чистки Времени.

— Определенных успехов мы все же добились,— заметила она сдержанно, отказываясь от возможности любезно свести счеты язвительным аргументом.— Мы должны покинуть станцию, и чем скорее, тем лучше.

— Ладно, принимаю этот пункт. Есть на выбор два способа. Можно воспользоваться транспортной кабиной станции.

— И завершить скачок в чьем-нибудь прошлом, усложняя ситуацию.

— Не исключено. Или подзарядить аварийные приводы и прыгнуть наугад.

— Без малейшего представления о том, куда приведет скачок.

Она поежилась и жестом отказалась от подобного предположения. Изящный подъем подбородка невольно напомнил о другом времени, другом месте, другой девушке.

Нет, черт возьми, то была не другая!

— Впрочем, мы можем отправиться вместе...— сказала она,— как сделали это раньше.

— Какая разница? Все равно мы войдем во временной поток без цели. И вполне можем оказаться в тумане вроде этого за дверью, если не хуже.

— По крайней мере...— начала Меллия и запнулась.— По крайней мере мы будем вместе,— я почти расслышал эти слова.

— По крайней мере, мы не будем сидеть сложа руки в то время, когда вселенная распадается вокруг нас на кусочки,— закончила она.

— Ну и что ты предлагаешь?

Последовало долгое молчание. Меллия не смотрела на меня.

— Кабина,— наконец решила она.

— Вместе или по одному?

— Мощности хватит на двоих?

— Думаю, да.

— Тогда вместе. Разве есть причина, по которой нам следует разделиться?

— Абсолютно никакой, Меллия.

— Значит, решено.

— Решено. Доедай завтрак. Неизвестно, когда нам еще удастся перекусить.

Последним пунктом в сборах был небольшой кратерный пистолет из оружейной комнаты. Я пристегнул его к запястью и спрятал под манжет. Мы прошли через экранированную шлюзовую камеру к транспортировочной кабине. Показания приборов соответствовали норме. При обычных условиях пассажира безболезненно и мгновенно переместили бы из временного потока в экстратемпоральную среду, а затем вернули бы в нормальное пространство — время в главном приемном пункте базовой станции Пекс-Центра. Что случится на этот раз было неизвестно. Возможно, мы вновь сдвинемся вдоль темпоральной линии и окажемся вдвоем на борту тонущего корабля. Или мы отправимся в прошлое Меллии Гейл и тем самым расширим размеры нагрянувшей катастрофы. Или застрянем где-нибудь посередине...

— Следующая остановка — база Пекс-Центра! — крикнул я и втолкнул Меллию внутрь. Затем втиснулся за ней.

— Готова?

Она кивнула.

Я нажал стартовую кнопку.

Взрыв разметал нас на составляющие атомы.

XXI

— Вроде прибыли,— услышал я чей-то хриплый голос. И тот час понял, что говорю сам — обессиленно, но вполне членораздельно.— Кошмар,— продолжал я.— Голова раскалывается, как с перепоя.

— Послепрыжковый шок, есть такой термин, если я не ошибаюсь,— произнесла где-то рядом Лайза.

Глаза мои резко открылись.

Резко — не совсем точное слово. Ресницы расклеились, и я с трудом различил девушку. Округлое личико, большие темные глаза и самая милая улыбка на свете. Это была не Лайза.

— Ты в порядке? — спросила Меллия.

— Как тебе сказать? Месяц усиленного лечения в больнице приведет меня в норму,— сказал я, приподнялся на локте и осмотрелся.

Мы находились в просторном помещении, длинном и высоком, как банкетный зал, с гладким серым полом и бледно-серыми стенами с бесчисленными шкалами приборов. В центре стояло высокое кресло, перед которым расположились ряды кнопок, экраны дисплеев пульта управления. В дальнем конце сквозь стеклянную стену виднелось открытое небо.

— Где мы?

— Не знаю. Что-то вроде кабинета в научно-исследовательской лаборатории с техническим оборудованием. Ты не узнаешь приборы?

Я покачал головой. Если это из прошлого, то в памяти ничего не осталось.

— Долго я провалялся без сознания?

— Я сама очнулась только час назад.

Я потряс головой, но вместо просветления вызвал адскую боль, раскаленными иглами вонзающуюся в виски.

— Ну и прыжок,— пробормотал я и встал. Меня подташнивало, голова кружилась, как будто я объелся мороженым во время катания на карусели.

— Я тут осмотрела кое-что из оборудования,— сказала Меллия.— Это темпоральные преобразователи, но я никогда раньше таких не видела.

Голос ее звучал напряженно, словно она говорила о чем-то важном. Я сосредоточился.

— Ага.

— О назначении некоторых приборов я догадываюсь,— продолжала она,— но остальные просто ставят меня в тупик.

— Может быть, это оборудование Третьей Эры?

— Вряд ли. Я бы узнала.

— Ладно, пошли посмотрим.

Я направился к креслу у пульта, изображая вполне здорового человека. Что касается Меллии, действие прыжка на ней никак не отразилось.

Пульт управления усеивали кнопки, лаконично помеченные обозначениями вроде «А» и «В». В наших располагались обычные экраны с матовым стеклом и противоореольным покрытием.

— Экраны представляют собой обычные считывающие устройства аналого-потенциального преобразователя,— сказала Меллия,— но на пульте есть два дополнительных канала контроля, а это предполагает по меньшей мере один добавочный. Уровень команд ввода-вывода байтов утонченного состояния на линию коммуникации при нахождении экстремума функции в пространстве параметров с целочисленными значениями ряда переменных.

— В самом деле?

— Вне всякого сомнения.

Изящно вытянув пальчик, она быстро набрала код на разноцветных клавишах. Дисплей замерцал и осветился.

— По идее, поле прибора должно быть в активной фазе,— сказала она.— Но не видно данных о базовом адресе программного модуля. А я боюсь играть с пультом темпоральных переброс ок, в котором ничего не понимаю.

— Я что-то робею,— сказал я.— Такой аппаратуры в жизни не видел. А что тут еще есть?

— Там отсеки с оборудованием,— она указала в конец зала напротив стеклянной стены,— силовая установка, оперативный уровень...

— Смахивает на стандартную темпоральную станцию.

Она кивнула.

— Почти.

— Картина проясняется,— прокомментировал я.— Давай прогуляемся.

Мы прошли через помещения, уставленные аппаратурой столь же таинственной, как монтажная схема к Л-М Хотепу. Одно из устройств состояло из трех высоких зеркал, откуда на нас потерянно и жалко глядели наши отражения. Нигде не было ни людей, ни следов недавнего обитания. Мертвое, наполненное эхом наших шагов, здание.

Мы пересекли просторный зал и отыскали проход, который вывел нас на широкую каменную террасу со знакомым видом океана. Изгиб морского побережья остался таким же, только джунгли разрослись и плотно подступили к песчаному берегу.

— Добрый, старый Берег Динозавров,— вздохнул я.— Не сильно изменился, а?

— Время летит,— отозвалась Меллия.— Пожалуй, прошел не один год.

— Я изучал проекты застройки, ничего похожего. Что скажешь?

— Я лучше помолчу.

— Я тебя понимаю,— посочувствовал я и пропустил ее вперед.— Кстати, должен сказать тебе, что никогда не слышал об аналогопотенциальных преобразователях. Это новый вид кофеварок?

— А-П теория — основа всей программы Чистки Времени,— Меллия посмотрела на меня довольно выразительно.— Это следует знать каждому агенту Пекс-Центра.

— Возможно,— сказал я,— но лекции в институте были целиком и полностью о детерминистике: актуализированная динамика, уровни фиксации и так далее.

Она нахмурилась.

— Чепуха. Дискредетированная фаталистическая теория.

— Ну-ну, не надо нервничать, мисс Гейл. И не смотри на меня как на террориста с бомбой в руках. Сегодня с утра я соображаю немного хуже, а тем более при таком обращении. Но я тот же парень из пруда, а не человек Пекс-Центра как ты, и у меня есть маленькое грязное подозрение.

— Какое же?

— Наши Пекс-Центры не одно и то же.

— Не будь смешным. Вся деятельность Пекс-Центра строится исходя из незыблемости его единичной базовой линии...

— Это верно. Такова концепция, которая обратится в прах перед лицом опыта.

Меллия слегка побледнела.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, малыш, понимаю, мы с тобой заварили такую кашу, которую нам расхлебывать и расхлебывать. Мы стоим здесь рядом — представители двух взаимно исключающих базовых временных потоков — и дела наши плохи. Настолько, что даже представить трудно.

Она не отводила от меня взгляда. В широко раскрытых глазах застыло смятение. Я неплохо успокоил ее.

— Но с нами еще не покончено,— добавил я ободряюще.— Мы попрежнему полны сил и энергии. Мы оправдаем звание оперативных агентов.

— Да не в этом же дело!

— Вот как? А в чем?

— Перед нами стоит задача, как ты сам сказал, вновь включить себя в темпоральный узор путем уничтожения бездумно вызванных хроноаномалий.

— Согласен.

— Очень хорошо. Но по какой линии мы будем продвигаться, Рейвел? Твоей или моей? Что мы предполагаем восстановить — детерминированный или аналого-потенциальный континиум?

Я открыл рот, но бодрый ответ застрял у меня в горле.

— Может выясним позже? — предложил я.

— Каким образом? С этой минуты каждый наш шаг должен быть тщательно выверен. Это оборудование,— она указала рукой,— по сложности превосходит виденное мною ранее. Мы должны воспользоваться им надлежащим образом.

— Конечно, Меллия, но первым делом давай выясним, зачем нужны эти миленькие кнопочки. Сосредоточимся на технической стороне. А по ходу дела разрешим и философский вопрос.

— Прежде нужно прийти к какому-то соглашению.

— Продолжай.

— Дай слово, что ты... ничего не предпримешь в отношении концепции А-П.

— Я ничего не буду делать, не проконсультировавшись предварительно с тобой. А прежде, чем связывать себя обязательствами, давай изучим технику для восстановления вселенной.

Она долго смотрела на меня и наконец кивнула.

— Договорились.

— Очень хорошо,— сказал я.— Можешь начать объяснения.

Следующий час ушел на схематичное, но четкое изложение основ аналого-потенциальной интерпретации. Я сосредоточенно слушал. Теория А-П была нова, но мне уже приходилось работать со сложными хроно-приводами, и постепенно я получил некоторое представление об оборудовании.

— Такое чувство, что твой Пекс-Центр забрался гораздо дальше в дебри теории,— подвел я итог.— И обосновал выкладки весьма сложной электроникой.

— Наша аппаратура гораздо проще,— призналась Меллия.— Большинство приборов — для меня загадка.

— Но ты уверена, что это преобразователи типа А-П?

— Нет ни малейшего сомнения. Только к этому могло привести развитие детерминистики.

— Согласен с последним замечанием. Это сооружение для моего Пекс-Центра как свисток паровой для парусника.

— Ты согласен продвигаться по А-II матрице?

— Не спеши, девочка. Ты думаешь, пожали друг другу руки, и все вернется на свои места. Мы работаем вслепую. Где находимся, куда попали? Не будем валить все в кучу, а разберемся по порядку. Надо начать с концепции аналого-потенциалов. У меня предчувствие, что ее теоретический базис относится к математическим выкладкам второго поколения. Он был порожден своего рода умозрительной установкой, обусловленной коренной темпоральной перегруппировкой.

— Нельзя ли пояснить? — спросила она холодно.

Я махнул рукой.

— Твой Пекс-Центр находится не в главном временном потоке. Он как звезда с повышенным содержанием тяжелых элементов: она не может возникнуть из первичного пылевого облака, а образуется из останков звезд предыдущего поколения.

— Весьма надуманная аналогия. Это лучшее, на что ты способен?

— Учитывая срок, то да. Или лучше молчать и не дай бог ставить под сомнение твою А-II вселенную.

— Это нечестно.

— Правда? Я тоже кровно заинтересован в своем прошлом, мисс Гейл. И не стремлюсь попасть в царство нереализованных возможностей.

— Я... я не совсем то имела в виду. Почему ты так думаешь? Нет никаких оснований считать, что...

— Забавно, но в твоем мире нет для меня места. Точнее, в первоначальной картине твоего мира. Явился не запылился и изгадил сладкую безмятежность Берега Динозавров. Но для меня контора бы еще работала с тем же адресом не менее тысячи лет.

Она попыталась возразить, но я не стал слушать.

— Однако этого не произошло. Я сорвал задание и с легкой руки отправил станцию в царство грядущего или куда там...

— Не терзай себя. Ты выполнил инструкцию. И не твоя вина, что в результате... и после...

— Если какое-то мое действие вызвало случайную цепь событий, то ты не должна была родиться. Да. Но ты есть, Л... Меллия. Я встретил тебя под «легендой» Джима Келли, выполняя задание в 1936 году. В этой

очке наши пути пересеклись. Или...— тут я запнулся, но она уже все поняла.

— Или твое задание в Буффало находится в исторгнутой петле. Не в основном потоке. Не жизнеспособное.

— Оно жизнеспособно, детка! Можешь мне поверить! — рявкнул я, как измельчающая валуны и гравий камнедробилка.

— Конечно,— пробормотала она.— Все дело в Лайзе, так? Она должна быть реальной. Любая альтернатива немыслима. И если это приведет к переустройству пространственно-временного континиума, исторжению тысячелетней истории временного ствола, краху Чистки Времени — это еще маленькая цена за существование твоей возлюбленной.

— Заметь, это твои слова!

Она взглянула на меня как несговорчивый архитектор на холм, на месте которого он собирается построить ровный разъезд.

— Пора браться за дело,— бросила она без всяких эмоций.

XXII

За остаток дня мы методически обследовали помещения. Сооружение вчетверо превосходило по размерам станцию Берега Динозавров, знакомую нам в предыдущем воплощении. Восемьдесят процентов его занимало оборудование, работу которого мы не понимали. Мелиия составила общий план, определила основные компоненты системы, просмотрела аппаратуру энергообеспечения и разгадала несколько криптограмм на пульте управления. Я следовал за ней и слушал.

— Не могу понять смысла,— говорила она. Наступили сумерки, и большое красное солнце отбрасывало на полу длинные тени.— Энергообеспечение программируемой матрицы и интересующей программы вне всяких разумных пропорций. Эти огромные залы, Рейвел, для чего? Что это за место?

— Великая Центральная Станция,— ответил я.

— Это еще что?

— Да так, просто покинутое здание в старом городе, который никогда не существовал. Конечный пункт.

— Возможно, ты и прав,— задумчиво произнесла она.— Это оборудование предназначено скорее для тран-

спортировки груза павалом, чем для обеспечения проживания персонала...

— Груза? Какого груза?

— Не знаю. Но звучит неплохо, верно? К тому же интерлокальный грузовой наром имел бы тенденцию к ослаблению темпоральной структуры как в точках передачи, так...

— Может им все равно? Они устали от всего, как и я,— я зевнул.

— Давай закругляться. Утро вечера мудренее.

— Как ты сказал? Все равно?

— Кто? Я? Ничего не говорил, девочка.

— Ты Лайзу тоже называл девочкой?

— Причем тут это?

— Притом! Все, что ты говоришь и делаешь, окрашено идиотской страстью этой... воображаемой миланке. Возьми себя в руки. Временной ствол Пекс-Центра — в чрезвычайной опасности. Ты нанес ему непоправимый вред своими безответственными поступками!

— Не могу,— процедил я сквозь зубы.— Вопросы есть?

— Извини,— она закрыла лицо руками и покачала головой.— Я не хотела. Просто устала... измотана... мне страшно.

— Да, конечно,— сказал я.— Я тоже устал. Забудем. Пошли спать.

Мы выбрали раздельные комнаты. И даже не пожелали друг другу спокойной ночи.

XXIII

Я встал рано. Тишина действовала мне на нервы. В конце спального крыла находилась хорошо оснащенная кухня: даже А-II теоретики любили свежие яйца и ломтики обсахаренной ветчины из локара, чтобы не происходило старение.

Я приготовил завтрак на двоих и направился к Мелли, но услышал в большом зале шаги.

Одетая в свободное платье, она стояла у кресла координатора и глядела на экран. Я бесшумно приблизился примерно на десять футов, и тут внезапно она повернулась. Судя по выражению лица, с ней чуть не случился сердечный приступ.

Со мной тоже. Что-то случилось с лицом Мелдин. Оно принадлежало старухе с седыми волосами, впалыми щеками и потускневшим взором, который уже давно не пылал страстью. Женщина зашаталась, и я схватил ее за тонкую высохшую руку, прикрытую развевающимся рукавом. Довольно быстро ей удалось оправиться. Черточка за черточкой лицо оживало, но взгляд оставался странно невозмутимым.

— Да, проговорила она старческим, тонким, но очень спокойным голосом.— Вы пришли, как я и предполагала. Я знала, что так будет.

— Приятно, что вы нас ждали, мэм,— пробормотал я с глупым видом.— И кто же сказал вам? О нас, я имею в виду. Что мы придем?

Линия старухи пересекла чуть заметная морщинка.

— Экраны прогнозов, конечно,— Взгляд ее проследовал мимо меня.

— Осмелюсь спросить, где же ваша половина?

— Она, э-э, еще спит.

— Спит? Как забавно.

— Вон там,— я кивнул в сторону спальни.— Она будет счастлива узнать, что мы здесь не одни. Вчера у нас был трудный день...

— Извините меня. Вчера? Так когда вы прибыли?

— Около суток назад.

— Но... почему же вы не оповестили меня сразу? Я ведь ждала... я была готова... уже так долго...— Ее голос был готов сорваться, но она овладела собой.

— Прошу прощения, мэм. Мы не знали, что вы здесь. Мы осмотрели станцию, но...

— Вы не знали? — мои слова ошеломили ее.

— Где же вы расположились? Мы осмотрели все комнаты...

— Я... мой... моя комната во внешнем крыле,— ответила она дрожащим голосом. Из уголков глаз выкатились слезинки, и она нетерпеливо смахнула их.— Я полагаю, что вы прибыли по моему сигналу,— собравшись, продолжала она.— Хотя, это неважно. Вы здесь. Вы дадите несколько минут? У меня остались кое-какие вещи — записи, памятные подарки. Но я могу их оставить,— торопливо добавила она, не сводя с меня глаз.

— Я не намерен торопить вас, мэм,— сказал я.— Произошло какое-то недоразумение...

— Но вы заберете меня? — Иссохшейся рукой она схватила меня за локоть. В голосе зазвучала паника.—

спортировки груза павалом, чем для обеспечения проживания персонала...

— Груза? Какого груза?

— Не знаю. Но звучит неплохо, верно? К тому же интерлокальный грузовой паром имел бы тенденцию к ослаблению темпоральной структуры как в точках передачи, так...

— Может им все равно? Они усталя от всего, как и я,— я зевнул.

— Давай закругляться. Утро вечера мудренее.

— Как ты сказал? Все равно?

— Кто? Я? Ничего не говорил, девочка.

— Ты Лайзу тоже называл девочкой?

— Причем тут это?

— Притом! Все, что ты говоришь и делаешь, окрашено идиотской страстью этой... воображаемой миланке. Возьми себя в руки. Временной ствол Пекс-Центра — в чрезвычайной опасности. Ты нанес ему непоправимый вред своими безответственными поступками!

— Не могу,— процедил я сквозь зубы.— Вопросы есть?

— Извини,— она закрыла лицо руками и покачала головой.— Я не хотела. Просто устала... измотана... мне страшно.

— Да, конечно,— сказал я.— Я тоже устал. Забудем. Пошли спать.

Мы выбрали раздельные комнаты. И даже не пожелали друг другу спокойной ночи.

XXIII

Я встал рано. Тишина действовала мне на нервы. В конце спального крыла находилась хорошо оснащенная кухня: даже А-II теоретики любили свежие яйца и ломтики обсахаренной ветчины из локара, чтобы не происходило старение.

Я приготовил завтрак на двоих и направился к Мелли, но услышал в большом зале шаги.

Одетая в свободное платье, она стояла у кресла координатора и глядела на экран. Я бесшумно приблизился примерно на десять футов, и тут внезапно она повернулась. Судя по выражению лица, с ней чуть не случился сердечный приступ.

Со мной тоже. Что-то случилось с лицом Мелдии. Оно принадлежало старухе с седыми волосами, впалыми щеками и потускневшим взором, который уже давно не пылал страстью. Женщина зашаталась, и я схватил ее за тонкую высохшую руку, прикрытую развевающимся рукавом. Довольно быстро ей удалось оправиться. Черточка за черточкой лицо оживало, но взгляд оставался странно невозмутимым.

— Да, проговорила она старческим, тонким, но очень спокойным голосом.— Вы пришли, как я и предполагала. Я знала, что так будет.

— Приятно, что вы нас ждали, мэм,— пробормотал я с глупым видом — И кто же сказал вам? О нас, я имею в виду. Что мы придем?

Лицо старухи пересекла чуть заметная морщинка.

— Экраны прогнозов, конечно,— Взгляд ее проследовал мимо меня.

— Осмелюсь спросить, где же ваша половина?

— Она, э-э, еще спит.

— Спит? Как забавно.

— Вон там,— я кивнул в сторону спальни.— Она будет счастлива узнать, что мы здесь не одни. Вчера у нас был трудный день...

— Извините меня. Вчера? Так когда вы прибыли?

— Около суток назад.

— Но... почему же вы не оповестили меня сразу? Я ведь ждала... я была готова... уже так долго...— Ее голос был готов сорваться, но она овладела собой.

— Прошу прощения, мэм. Мы не знали, что вы здесь. Мы осмотрели станцию, но...

— Вы не знали? — мои слова ошеломили ее.

— Где же вы расположились? Мы осмотрели все комнаты...

— Я... мой... моя комната во внешнем крыле,— ответила она дрожащим голосом. Из уголков глаз выкатились слезинки, и она нетерпеливо смахнула их.— Я полагаю, что вы прибыли по моему сигналу,— собравшись, продолжала она.— Хотя, это неважно. Вы здесь. Вы дадите несколько минут? У меня остались кое-какие вещи — записи, памятные подарки. Но я могу их оставить,— торопливо добавила она, не сводя с меня глаз.

— Я не намерен торопить вас, мэм,— сказал я.— Произошло какое-то недоразумение...

— Но вы заберете меня? — Иссохшейся рукой она схватила меня за локоть. В голосе зазвучала паника.—

Пожалуйста, возьмите меня с собой, умоляю вас, не оставляйте здесь!...

— Честное слово,— пообещал я и прикрыл ладонью ее холодную и тонкую как у индюшки руку.— Вы ошибаетесь. Я ничего не понимаю. Вы из обслуживающего персонала станции?

— Что вы, вовсе нет,— она затрясла головой как ребенок, которого поймали с банкой варенья в руках.— Это не моя станция. Я просто убежала сюда после катастрофы.

— Где станционный персонал, мэм?

Она странно посмотрела на меня.

Здесь никого нет. Ни души. В докладах это отмечено. Я нашла станцию покинутой. Все время здесь одна, больше никого...

— Да, я понимаю, только вы. Довольно одиноко. Теперь все в порядке, вы уже не одиноки.

— Да, вы пришли. Я знала, что вы придете когда-нибудь. Приборы никогда не лгут. Только не знала когда...

— Наше появление вы определили по приборам?

— Ну, да.

Она опустилась в ближайшее кресло, пальцы забегали по клавишам. Дисплей вспыхнул, ровное свечение изменило цвет. На экране сложился колеблющийся белый прямоугольник, на правом краю которого плясала и извивалась похожая на царапину черная вертикальная линия. Я уже приготовился выразить восхищение виртуозным мастерством, когда женщина охнула, склонилась на пульт, обмякла и потеряла сознание.

Я подхватил ее, высвободил из кресла и поднял на руки. Она весила не более девяноста футов. У входа в коридор появилась Меллия. Она замерла, прикрыла рот рукой, но быстро взяла себя в руки.

— Рейвел... кто это?

— Понятия не имею. Я проснулся и обнаружил ее здесь. Она приняла меня за спасателя. Начала говорить что-то и потеряла сознание.

Меллия отступила, пропустила меня и внезапно ухватилась за мою руку.

— Мама! — выдохнула она.

XXIV

Я выждал несколько бесконечных минут. Веки пожилой леди задрожали и открылись.

Она неуверенно улыбнулась.

— Нет, нет — у меня нет детей,— сказала она.— Я всегда хотела...

И она вновь лишилась чувств.

Я отнес ее в пустую комнату и положил на кровать. Меллия села рядом, прислушиваясь к дыханию.

— Это твоя мать? — спросил я.

— Извини. Конечно, это не моя мать. Все пожилые женщины выглядят похоже...

— Твоя мать такая старая?

— Что ты, конечно нет. Это чисто внешнее сходство.— Она виновато улыбнулась.— Психологи нашли бы этому тысячу объяснений.

— Она ждала нас,— продолжал я.— Наше появление предсказали приборы.

Меллия хмыкнула.

— Предсказали? Таких приборов нет.

— Заговаривается? Столько времени одна.

Пожилая леди вздохнула и открыла глаза. Если Меллия и напоминала ей кого-нибудь, она не подала виду. Меллия шепнула что-то ободряющее. Обе женщины улыбнулись друг другу. Любовь с первого взгляда.

— Ну вот, устроила,— сказала старая леди.— Со своими обмороками...

На лице появилось озабоченное выражение.

— Не говорите глупостей,— возразила Меллия,— все ясно...

— Как вы себя чувствуете? Вы можете говорить? — спросил я, не обращая внимания на угрожающий взгляд Меллии.

— Конечно.

Я присел рядом на кровать.

— Где мы находимся? — спросил я мягко, как только мог.— Что это за место?

— Темпостанция «Берег Динозавров»,— удивленно ответила она.

— Мне следовало спросить когда мы находимся?

— Станционное время — тысяча двести тридцать второй год.

Она озадаченно поглядела на нас.

— Но...— сказала Меллия.

— Но тогда выходит, что мы не совершили никакого скачка во времени,— сделал вывод я, если только можно было назвать выводом это абсурдное предложение.

— Значит... мы переместились каким-то образом на... вторичную линию?

— Не обязательно. Мы прошли такое, что вряд ли можно с уверенностью сказать первичную или вторичную.

— Извините, вмешалась старая леди,— у меня складывается впечатление, что... дела обстоят не так хорошо, как я могла бы надеяться?

Меллия с тревогой посмотрела на меня, а я перевел взгляд на женщину.

— Ничего, все в порядке,— сказала та.— Не беспокойтесь обо мне... Я понимаю, вы темпоральные агенты. Мои коллеги.

Она слабо улыбнулась и представилась:

— Оперативный агент Меллия Гейл к вашим услугам.

XXV

Я смотрел на Меллию, мою Меллию. Лицо у нее побелело как мрамор. Она застыла не в силах вымолвить даже словечко.

— А кто вы, моя дорогая? — спросила женщина, повеселев. Она не могла видеть лицо Меллии.— Я почти уверена, что знаю вас.

— Я — оперативный агент Рейвел,— заговорил я.— Это — агент Лайза Меллия.

Меллия обернулась ко мне, но тут же спохватилась. Я наблюдал за разглаживающимся лицом, прекрасный пример самообладания.

— Счастливы встретить... э-э коллегу, агент Гейл,— сказала она совершенно бесцветным голосом.

— Да, когда-то я вела самый активный образ жизни,— сказала старая леди с улыбкой.— И жизнь бурлила в те дни перед... перед катастрофой. У нас были такие благородные цели! После каждого задания мы собирались у большого экрана, чтобы правильно оценить эффект преобразований, поздравить или посочувствовать друг другу. Это было время надежд.

— Конечно, я понимаю вас,— кивнула Меллия застывшим лицом.

— Но после официального сообщения все переменилось,— продолжала старшая масс Гейл.— Мы по-прежнему не оставляли попыток, мы так и не испытали до конца поражение, так и не признали его, но уверенность ушла. А потом... Началось вырождение. Хронодеградация. Сначала в молочах: утрата привычных опор, пробелы в памяти, противоречия. Мы чувствовали, как разматывается вокруг нас клубок жизни. Многие сотрудники ушли. Некоторые прыгали в надежде найти стабильный годограф. Часть пала без вести в темпоральных искривлениях. Некоторые просто дезертировали. Я, конечно, осталась. Я всегда надеялась... почему-то...— она резко прервалась.— Но это сейчас некстати?

— Нет, нет!... Продолжайте, прошу вас,— сказала молодая Мелиия.

— Да что там говорить! Пришел день, когда нас в Центре осталась лишь горсточка. И мы согласились, что дальше невозможно поддерживать излучатели в рабочем состоянии. Больше года никто из оперативников не возвращался, хронодеградация оборудования ускорялась и не было возможности узнать, какой дополнительный вред можем мы причинить темпоральной ткани разлаженными преобразователями. Так что мы отключили аппаратуру. Ситуация продолжала ухудшаться. Возросло количество аномалий. Условия стали трудными. Мы совершали скачки и везде наблюдали регресс... во всех временах. Началась паника. Мне стало страшно. В то время я уверяла себя, что лишь ищу конфигурацию, где можно попытаться сосредоточить стабилизирующие силы... искала оправдание. Я совершала множество скачков. Наконец очутилась здесь. Станция показалась тихой гаванью, где царили мир и стабильность, безлюдным пристанищем, зато безопасным. Некоторое время я была счастлива... пока не обнаружила ловушку,— она болезненно улыбнулась.

— Дважды я пыталась вырваться,— тихо проговорила она.— И каждый раз — после невообразимых ужасов — выходила в эту точку. Затем поняла. Я попала в защитную петлю. В плен до моего освобождения. Я сдалась и приготовилась ждать...

Наши взгляды встретились, и я почувствовал себя убивающим старого калеку.

— Вы знакомы с оборудованием?— спросил я просто, чтобы заполнить возникшую в разговоре паузу.

— Да. У меня была масса времени, чтобы исследовать возможности аппаратуры. Ее потенциальные воз-

можности. В данных условиях допустимо лишь минимальное воздействие на окружающую среду — такое как использование прогнозатора, векторы которого указали о помощи.

Вновь последовала улыбка, словно я бросился ради нее в океан.

— Дисплей, который вы активизировали,— сказал я.— Я никогда не видел ничего подобного. Это и есть прибор, который... э-э... предсказывает будущее?

— Дисплей?— она удивилась. Потом что-то вспомнила и поднялась.— Я должна проверить.

— Нет, нет, вам нужно отдохнуть! — запротестовала Меллия.

— Помогите мне, моя дорогая. Я должна подтвердить показания!

Меллия попыталась спорить, но я перехватил ее взгляд, и мы вместе помогли нашей пациентке подняться на ноги и провели ее вдоль коридора.

Освещенный экран показывал ту же картину: яркий зеленый прямоугольник с размытыми краями, который дрожал и пульсировал в крайнем правом углу. Старая леди слабо вскрикнула и стиснула наши руки.

— Что случилось? — спросила Меллия.

— Несущая основного ствола! — Она задрожала.— Исчезла. Ее нет на экране.

— А если настроить...— начал я.

— Нет! Показания соответствуют действительности,— решительно возразила она, и в голосе зазвучало слабое эхо былой властности.— Идет терминальный отсчет!

— Что это значит? — спросила Меллия успокаивающим тоном.— Так серьезно...

— Это значит, что мы приближаемся к границе занимаемого темпорального сегмента. Для нас время подходит к концу.

— Вы уверены в этом? — спросил я.

— Абсолютно.

— Сколько же нам осталось?

— Часы, а может быть минуты,— ответила старшая Меллия.— Думаю, что создателям оборудования просто не приходило в голову мысль о подобной возможности.— Она спокойно взглянула на меня.— Если у вас есть темпоральные приводы для скачка на любой вторичный ствол, то целесообразно ими воспользоваться без промедления.

Я покачал головой.

— Нет, мы сделали все, что могли. Добрались сюда и на нуле... .

— Ну, конечно. В бесконечности все линии сходятся в одну точку. Время истекает, так должно быть во всем остальном.

— А что если воспользоваться станционными мощностями?— предложила Меллия. Агент Гейл покачала головой.

— Я пыталась, это бесполезно. Вы впустую окупетесь в бесконечные ужасы.

— И все же...

— Она права,— сказал я.— Так у нас ничего не выйдет. Нужен другой выход. На станции масса оборудования. Есть ли здесь какая-нибудь аппаратура, которую можно использовать, переделать в крайнем случае и вырваться из тупика.

— Нужен специалист,— задумчиво ответила женщина.— Но это вне моей компетенции.

— Мы можем подзарядить аварийные приводы,— сказал я и почувствовал внезапную перемену в воздухе. То же ощутили и обе Меллии. Дисплей замерцал и погас. По всему пульту отключились лампочки индикации. Фоновые шумы сменились тишиной. Воздух посерел, сгустился в наэлектризованную полупрозрачность. На поверхности предметов задрожали крошечные радужные волны, как цветовая аберрация в дешевых линзах. В воздухе повеяло прохладой, будто распахнули дверцу гигантского холодильника.

— Конец,— теперь уже совершенно спокойно сказала женщина.— Время останавливается, все волновые явления падают до нулевой частоты и тем самым прекращают существование, включая ту самую форму энергии, которую мы называем материей...

— Минуточку,— возник я.— Это не природный феномен. Кто-то воздействует на хромосомы!

— Откуда ты знаешь? — спросила Меллия.

— Не время для разговоров. Агент Гейл,— я взял старую леди за руку,— где вы укрылись во время нашего прибытия?

Меллия запротестовала, но другая быстро ответила:

— В стазисной камере.

— Зеркала?

Она кивнула.

— Мне... было стыдно сказать. Это так... трусливо.

— Пошли.

Я направился через безмолвный зал сквозь холод и мертвенный воздух вниз по проходу к помещению с зеркалами. Отражающие поверхности потускнели, но остались целыми.

— Быстрей! — поторопила старая Меллия.— Поле может отключиться в любую минуту.

Из центрального зала донесся приглушенный грохот, как будто рухнула стена. Вдоль прохода лениво проползло облако не то дыма, не то пыли. Сзади замерцали желтые огни.

— Внутрь — быстро! — крикнул я.

— Нет — вы и... агент Гейл!

— Не спорь, девчонка! — я обхватил ее и подтолкнул к зеркалу. По поверхности бежали волны тусклого света. Меллия вырвалась.

— Идите, мистер Рейвел, не медлите! — сказала старшая Меллия, затем быстро повернулась и пошла к надвигающимся клубам дыма. Меллия закричала. Я пихнул ее в зеркало. Крик оборвался.

Женщина скрылась за сгущающимся облаком. Я шагнул в другое зеркало как в туман. Оно замерцало вокруг меня, набухло неощутимым серым студнем и вспыхнуло разбитым стеклом. Пришла тьма.

Какое-то время я затаил дыхание и замер в ожидании удара, как бывает в предчувствии еще не грянувшей, но приближающейся катастрофы.

Затем все исчезло.

XXVI

Желтый свет развеял мрак. На его фоне медленно шагал вперед сулуэт человека, словно преодолевая сопротивление воды.

Примерно в шести футах от него я осознал свою ошибку.

Это был не человек. Карг. Тот самый, которого я дважды убил и один раз упустил.

Я не мог пошевелиться и повернуть глаза. Карг пересек поле моего зрения. В полном сознании я никак не мог уловить даже биение собственного сердца.

Движения карга были плавными и бездушными. На плечах болтался простой костюм из черной кожи с за-

стежками и ремешками. Взглянув на блок миниатюрных датчиков, пристегнутых к запястью, он что-то отрегулировал. До сих пор карг обращал на меня не больше внимания, чем на фарфоровую забытую безделушку.

Теперь он подошел ко мне и оглядел. Я так и не встретился с взглядом его белесых равнодушных глаз. В поле зрения появились два человека. Они проплыли к нему и долго совещались. Вновь прибывшие несли что-то вроде вязанки дров. Затем повернулись ко мне и в полной тишине обошли кругом. Минуло какое-то время. Уголком глаза я уловил движение. Слева от меня скользнула в пазы тонкая плита из темно-зеленого стекловидного материала. Справа появилась другая. В поле зрения один человек принес тонкий лист. Он встал на край, и лист повис в воздухе без всякой поддержки. Человек толкнул его и тем самым закрыл обзор. Поначалу свет еще пробивался по краям, затем щит встал на место и оставил меня в темноте, словно внутри банки с краской.

Лишившись видимости, я утратил чувство ориентировки. Плыл вверх, вниз и даже летел. Сужался, расширялся до размеров вселенной. Не существовал...

С грохотом вернулся звук. Пришло удушье. По всему телу пробежала боль, словно на меня надели плотный утыканный булавками облегающий костюм. Я мучительно напрягся, вздохнул и почувствовал биение своего сердца. Рев затих.

Задев коленкой стекловидную панель, я приготовился ударить, когда стена упала и открыла большую комнату с высокими пурпурно-черными стенами, где меня ожидали три человека. Лица их были скорее напряженными, чем доброжелательными.

Ближе всех стоял невысокий цветущего вида человек в серой спецовке. Румяные надутые губы приоткрыли ряд небольших белых зубов. Под вторым номером шла женщина лет сорока, склонная к худобе, чопорная и официальная, в темно-зеленом костюме. Третьим был карг, одетый теперь в простой серый комбинезон.

Коротышка шагнул вперед и протянул толстую руку. Держал ее как-то забавно: растопырив и вывернув вниз пальцы. Мы поздоровались. Он отвел руку и тщательно осмотрел, словно разыскивая следы моего прикосновения.

— Добро пожаловать на станцию «Берег Динозавров»,— произнес карг с ноткой дружеского приветствия

в голосе. Я оглядел помещение, мы были единственными представителями комнаты.

— Где обе женщины? — спросил я.

Толстяк озадаченно повел бровями и потянул себя за губу. Женщина уверенно посмотрела на меня.

— Возможно, Дир Джейви пожелает вам объяснить ситуацию.

Голос ее прозвучал даже слишком уверенно.

— Мне не о чем говорить с роботом,— сказал я.— Кто его программирует? Вы?

Последнее было адресовано надутым губам.

— Что-о? — выдавил он и посмотрел на женщину. Та взглянула на карга, а тот в свою очередь на меня. Я оглядел всю троицу.

— Доктор Джейви — шеф Спасательной службы,— быстро объяснила женщина, пытаясь загладить допущенную мною бестактность.— Я — доктор Фреска, а это — администратор Коска.

— Со мной были две женщины, доктор Фреска,— сказал я.— Где они?

— У меня нет ни малейшего представления. Это не моя компетенция.

— Где они, Коска?

Тот зашевелил губами, скривил гримасу неудовольствия.

— Что касается каких-либо разъяснений, обратитесь к доктору Джейви...

— Вами командует карг?

— Я не знаком с этим термином.— Напряжение. Улыбка исчезла.

Я повернулся к каргу. Он не сводил с меня взгляд своих бледно-голубых глаз.

— Вы несколько дезориентированы,— тихо проговорил он.— Тут нет ничего удивительного. Так случается со многими...

— С кем это «со многими»?

— Со спасенными. В этом и заключается моя работа — наша работа — видите ли, разыскивать, выявлять и возвращать сотрудников при... э-э... определенных обстоятельствах.

— Кто твой шеф, карг?

Он дернул головой.

— Прошу прощения, я не понимаю столь часто используемого вами термина «карг». Объясните, что он означает?

— Он означает, что я тебя раскусил.

Карг улыбнулся и развел руками.

— Как вам будет угодно. Но обязанности ответственного офицера здесь исполняю я.

— Ловко,— отрезал я.— Где женщины?

Карг сложил губы розочкой.

— Не имею ни малейшего представления.

— Они были со мной пять минут назад. Ты видел их?

— Боюсь, что вы не вполне понимаете ситуацию,— сказал карг.— Когда я обнаружил вас, вы были один и, судя по показаниям приборов, пребывали в ахронном вакууме в течение долгого времени.

— А точнее?

— О, это одна из интереснейших проблем темпоральной релятивистики. Ударами сердца мы измеряем биологическое время, единственное для каждого индивидуума. Есть психологическое время, чисто абстрактный феномен, в котором секунды могут казаться годами и наоборот. Но что касается вашего вопроса.— Конечная Власть установила систему эталонов для измерения абсолютной длительности — в единицах данной системы ваше пребывание вне энтропического потока заняло, на мой взгляд, более столетия с относительной погрешностью плюс-минус десять процентов.

Карг равнодушно развел руками и философски улыбнулся.

— Что касается ваших... э-э.... спутниц — мне о них ничего неизвестно.

Я бросился на него, прыжок не удался, но я успел незаметно перехватить оружие в ладонь. Карг отпрянул. Доктор Фреска вскрикнула, а Коска схватил меня за руку. Карг чем-то щелкнул, в бок мягко ударила струя из распылителя. Облако мгновенно облепило мои руки, и я оказался до колен закутанным подобием белой паутины, сильно пахнущей сложным эфиром.

Я попытался шагнуть и чуть не упал. Коска подошел и помог сесть на стул. Он проделал это с таким заботливым видом, словно у меня только что случился сердечный приступ.

— Ты лжец,— сказал я каргу,— причем, неважный. С твоей искренностью тебе прямая дорога в лжесвидетели. Я не уверен, что ты вытащил меня из нескольких миллионов квадратных тысячелетий вечности случайно. Твои шрамы здорово подправили, но ты меня знаешь. А если ты знаешь меня, ты знаешь и ее.

Карг задумался. Он шевельнулся, и Коска с женщиной не оглянувшись вышли из помещения. Карг снова посмотрел на меня и выражение его пластолоидного лица изменилось.

— Ну, хорошо, мистер Рейвел, я знаю вас. Ваша ссылка на шрамы видимо относится к некоей конфронтации, которая была низведена в статус персализованных возможностей. Я знаю вас по репутации, по профессии. Что касается женщин, то я смогу заняться поисками позднее, когда мы придем к взаимопониманию.

Теперь он был просто каргом без всяких эмоций.

— Я понял, карг,— сказал я.

— Позвольте мне ввести вас в курс дела, мистер Рейвел,— продолжал он мягко.— Когда вы проникнитесь нашими идеями, то чистосердечно пожелаете внести лепту в наши усилия.

— Не строй иллюзий, карг.

— Ваша враждебность адресована неверно,— продолжал карг.— Мы здесь, на Береге Динозавров, нуждаемся в ваших способностях, опыте, мистер Рейвел...

— Не стану спорить. Кто твои приспешники? Беглецы из Третьей Эры? Или вы занимаетесь вербовкой во Второй Эре?

Карг пропустил мои слова мимо ушей.

— Я постарался,— сказал он,— чтобы вам предоставили возможность выполнить работу, которой вы посвятили всю жизнь. Надеюсь, вы понимаете, что это в ваших интересах?

— Сомневаюсь, что наши интересы могут совпадать, карг.

— Ситуация изменилась, мистер Рейвел. И теперь всем нам необходимо объединить усилия в рамках существующей реальности.

— Ну-ну.

— Все потуги вашего Некс-Центра по Чистке Времени провалились, о чем в настоящее время вы уже догадались. То была благородная задумка, но в корне ошибочная, как и все предыдущие. Истинный ключ к темпоральной стабильности кроется не в попытках восстановить прошлое в его девственном состоянии, а в разумном использовании благоприятных условий и ресурсов, существующих на данном участке энтропического сектора и применении их для создания и поддержки жизнеспособного энклава, рассчитанного обеспечить полный расцвет наций. Именно ради этих целей Конечная Власть

взяла на себя миссию по спасению из каждой эры всего, что можно спасти от стихийного прорыва исторгнутой темпоральной прогрессии. Счастлив сообщить вам, что наша деятельность оказалась весьма успешной.

— Значит вы грабите прошлое и будущее темпорального ядра и тащите к себе. Куда же?

— Конечная Власть основала резервацию из десяти столетий в первоначально известной Старой Эре. Что касается слова «грабить», то вы сами, мистер Рейвел, являетесь примером главного объекта деятельности Спасательной Службы.

— Мужчины и... женщины, все оперативные агенты?

— Конечно.

— Счастливы, безропотно отдают свои таланты делу строительства устойчивого островка во времени, который вы так хвалили.

— Не все, мистер Рейвел. Незначительное число.

— Я думаю! Большей частью типы из бывшей Третьей Эры и предыдущих программ Чистки Времени, а? У которых хватило ума понять безвыходность ситуации, но не хватило времени увидеть в вашем замкнутом островке стерильный тупик.

— Мне совершенно непонятно ваше отношение, мистер Рейвел. Причем здесь стерильный? Вы вольны размножаться, растут растения, сияет солнце, протекают химические реакции.

Я засмеялся.

— Разговор машины, карг. Ты просто не уловил сути.

— Речь идет о сохранении во времени разумной жизни,— объяснял он терпеливо.

— Да, но не в музее под стеклянным колпаком и слоем первосортной пыли. Теория постоянного движения давно отвергнута, карг. Топтание на месте в темпоральной колбе — даже протяженностью в тысячу лет — подобная перспектива не вполне согласуется с моими представлениями о судьбе человечества.

— Как бы то ни было, вы послужите на благо Конечной Власти.

— Правда?

— Да! Альтернатива крайне неприятна.

— Приятна-неприятна, пустые слова, карг.

Я осмотрел большую, мрачную комнату. Сыро и прохладно, на стенах выступили капельки влаги.

— Теперь ты начнешь загонять мне под ногти щепки, сдавливать пальцы, подвешивать на крюке. Затем

изложишь защитные меры контроля моего поведения на задании.

— В физическом воздействии нет надобности, мистер Рейвел. Вы будете выполнять все за награду, которую я предложу. Мы обнаружили агента Гейл. Допрашивая ее, я заинтересовался вами. И предложил ей работать на Конечную власть в обмен на вас.

— И ей не сообщили о моем спасении.

— В данное время это не в интересах Конечной Власти.

— Держишь на поводке, а сам сидишь на двух стульях.

— Верно.

— Когда имеешь дело с куском аппаратуры, не приходится тратить время на выслушивание оправданий. Милая особенность, карг.

— Мистер Рейвел, моим сотрудникам ничего не известно об искусственной природе моего происхождения. Большей частью это люди Второй Эры. В интересах Конечной Власти их об этом не информировать.

— А если я все же скажу?

— Тогда я прикажу доставить сюда агента Гейл и в вашем присутствии подвергну ее истязаниям.

— Да? И потратить впустую усилия, вложенные в программу?

— Утрата контроля еще хуже, чем частичный контроль. Вы будете повиноваться инструкциям, мистер Рейвел. По каждому пункту. Или я пожертвую планом.

— Гладко, логично и продуманно,— ответил я.— Ты забыл одно.

— Что же?

— Вот это,— я поднял оружие и выстрелил с бедра. Мои руки были прижаты к боку, поэтому выстрел получился неудачным. Пуля вдребезги разнесла колено и отшвырнула карга к стене комнаты.

Извиваясь на полу, я добрался до него и, пока не замерла фибрилляция нейро-электронной системы, открыл грудную панель. С трудом перевел его на ручное управление нажатием переключателя.

— Лежи тихо,— приказал я, и тот расслабился.

— Чем снимаются путы?

Он сказал. Я вытащил из нагрудного кармана распылитель в виде шариковой ручки и выпустил розовое облако. Паутина сморщилась, превратилась в желе и рассыпалась в пыль, которую я незамедлил стряхнуть.

Я сорвал печати и извлек ленту. Программу модифицировали в расчете на многократное использование, некую бесконечную петлю, предназначенную для автоматического повторения приблизительно лет на сто.

Кто-то здорово потрудился, внедряя в организацию робота с системой автономного обслуживания и высокой степенью свободы.

Среди размещенного в комнате оборудования нашелся сканнер. Я вставил патрон, включил ускоренное прослушивание, выслушал обычную программу параметров с исправлениями основ взаимоотношений человека и карга. Подобные пробелы имели логику: карг предназначался для работы при полном отсутствии надзора со стороны человека.

Я скорректировал команды в начальной части ленты и вновь поставил на место.

— Где женщина,— спросил я,— агент Меллия Гейл?

— Не знаю,— ответил карг.

— Так,— произнес я и подумал: она служила в качестве приманки. Карг обманывал. Дурная привычка, но я знаю как лечить.

Я задал ему еще несколько вопросов и получил ожидаемые ответы. Он с группой каргов и спасенных оперативников предыдущих программ уединились на островке стабильности среди растущего моря энтропийного распада. Какое-то время опасность не угрожала, пока разъедающая края гниль не достигла последнего года, дня и часа. Все их благие устремления могли кануть в бесформенную однородность Айлема.

— Знаешь, карг, твою контору ждет печальный конец,— сказал я.— Но ты не переживай: ничто не вечно под луной.

Он не ответил. Я покрутился еще несколько минут по комнате, отметил интересные подробности, взгрустнул о завтраке, не съеденном сто лет назад. Среди оборудования было полно устройств специального назначения, которые мне бы вполне пригодились. И не мешало бы выяснить кое-что. Но у меня было такое ощущение, что, чем раньше выйду из-под юрисдикции Конечной Власти, тем лучше будет для моих намерений.

— Несколько слов для потомства? — предложил я каргу.— Прежде, чем я прибегну к упомянутому лечебному средству.

— Ты проиграешь,— ответил он.

— Может быть. Нажми кнопку саморазрушения.

Карг повиновался, и из внутренностей повалил дым. Я сверился с целевым сигнализатором, настроил на Меллию Гейл и снял точные координаты. Затем открыл транспортную кабину, набрал код годографа, шагнул внутрь и включил посылочный импульс. Реальность раскололась вдребезги и вновь собралась в единое целое в другом времени и другом месте.

Я поспел вовремя.

XXVII

Над пологим склоном нависло низкое серое небо. Зеленая трава, черный мох, голые обветренные скалы. Вдали на фоне округлых холмов паслось стадо грязно-серых овец. А на переднем плане шумела толпа, линчевавшая ведьму.

Там собралось дюжины три грубоватых, но радушных деревенских жителей, одетых в пестрые наряды из грубой ткани, которые наводили на мысль об ограблении кибитки старьевщика. Большинство несло с собой палки или цепы, у некоторых свисали самодельные дубинки, отполированные от долгого пользования, и у каждого на лице светилось выражение невинной жестокости. Лица были обращены к Меллии, занимавшей центральное место, со связанными за спиной руками.

Она была одета в серое домотканное рубище, и ветер развевал длинные полы, разбрасывая по плечам медно-красные волосы как боевое знамя. Брошенный кем-то камень ударил ее по лицу. Она покачнулась, но устояла, выпрямилась и, не обращая внимания на тонкую струйку крови на щеке, окинула толпу презрительным взглядом. Я ожидал радостную доброжелательную улыбку, но быстро разочаровался. Она посмотрела прямо в глаза и сразу отвернулась.

Тут же широкоплечий мужчина протянул толстую руку и дернул ее за плечо. Я растолкал в стороны кое-кого из членов комиссии и лягнул его под левую коленку. Он завопил, быстро огляпулся, заскакал на одной ноге и ловко подставил под удар красный нос. Нос удовлетворительно растекся под прямым правым ударом, а последовавший хук левой послал его наземь. Кто-то заорал, но я крутнулся на каблуках и вписал ему локтем прямо в че-

лость. Крикун отлетел на пару шагов и тяжело рухнул, сплюнул кровь и пару зубов.

— Ты глупец, безмозглый глупец! — сказала Меллия, но я бросил:

— Помолчи!

К этому времени остальные уже пришли в себя от изумления. Кое-кто сообразительный уже заподозрил об окончании веселья. Это им не понравилось. Толпа устремилась на меня волной разъяренных уродливых лиц, потрескавшихся губ, плохих зубов, вздувшихся век, сверкающих глаз. С меня было довольно. Я набросился на них и включил захват, что должен был бы сделать с самого начала. Фигуры нападающих застыли на полукрике.

Полем захвата затронуло и Меллию. Я осторожно вызволил ее: при таких обстоятельствах легко поломать кости. Я с трудом спустился с холма. Вышел на грязную проселочную дорогу у подножья, поставил ее на ноги и убрал поле. Она пошатнулась, ошеломленно посмотрела на меня. Взгляд не выразил даже капли признательности.

— Как... как ты это сделал? — выдохнула она.

— Так, скрытые таланты. Чего они взбеленились? Наслала порчу на коров?

Я стер со щеки струйку крови. Она уклонилась от прикосновения.

— Я... я нарушила обычай. Они просто выполняли традиционное наказание. Со мной ничего бы не случилось. А теперь по твоей милости все пропало. Разрушено все, чего я достигла!

— Ты работаешь на карга по имени доктор Джейви.

Она встревожилась и возмущенно покачала головой.

— Так и есть,— заверил я.— Именно он выудил тебя из темповакуума и втравил в это дело.

— Ты не в своем уме! Я сама вышла из стасиса с целью...

— Так, леди. С тобой провели сеанс гипноза. Ты работала на карга. Ну и пройдоха этот карг! Он перестроил тебя во славу своих создателей. Потрудился на славу. Или кто-то постарался для него...

— Какая чушь! — Меллия воспользовалась паузой и пристально взглянула на меня. Она приготовилась выложить все имеющееся в голове.— Она тоже не имела значения,— добавила она с очаровательной женской непосредственностью.

— Старший агент Гейл? Ты права. Никакого значения? Она знала...

— Ты убил ее! Чтобы спастись самому! Ты трус! Жалкий трус!

— Да, детка. Но я спас только одну из своих шкур. Ты же намерена сохранить в целости всю коллекцию.

— Что?

— Сама знаешь. Ты оплакиваешь саму себя. Она — это ты через пятьдесят лет. Мы оба знаем это. Возможно, она тоже знала и притворялась по душевной доброте. Она молодчина, старая Мелния. И проявила достаточно сообразительности — вовремя ушла со сцены.

— И ты ей позволил.

— Я не мог, да и не хотел останавливать. Забавно, ты ревнуешь к себе в образе Лайзы, но пылко защищаешь иное проявление своей бесконечной многоликости. Она прожила впустую долгую жизнь и все ждала случая сделать доброе дело. Ей это удалось.

Мелния почти вцепилась ногтями в лицо. Я перехватил руки и кивнул в сторону толпы, спускающейся с холма.

— Публика негодует,— сказал.— Требует вернуть деньги или продолжить спектакль. Решай. Если хочешь, чтобы тебя вываляли раздетую догола в дегте и перьях на таком ветру, то я принесу свои извинения и удалюсь.

— Ненавижу! Ты грубый, безжалостный циник! О, как я ошибалась в тебе!

— Оставим раздумья на потом. Ты остаешься или идешь?

Она оглянулась на холм и передернула плечами.

— Иду,— тихо сказала она, признавая поражение.

Я включил интерферирующий экран, дающий практическую невидимость.

— Держись поближе,— предупредил я.— В каком направлении ближайший город?

Она указала. Мы скорым шагом двинулись в путь и оставили за собой взвывшую от изумления разочарованную толпу.

XXVIII

Поселок производил отвратительное впечатление и выглядел по-нищенски уродливым и враждебным, здорово напоминая уездные городишки всех времен и народов.

— Ты забыла сказать, где мы находимся,— сказал я.

— Уэлс, близ Ландудио, 1723 год.

— Воля ваша, мэм. Каждый выбирает, что ему по душе.

Я разыскал таверну с вывеской с грубо намалеванным изображением беременной женщины в слезах и надписью: «Покаяние невесты».

— Да, как раз под настроение,— заметил я и выключил И-экран. Мы уже входили под навес, когда начал моросить дождь. Зал оказался темной комнатушкой, освещенной лишь горевшими в очаге углями, да фонарем, свисавшим с конца толстой балки. Неровный каменный пол отдавал сыростью.

Других посетителей не было. Под пристальным взглядом крепкого коренастого старика мы уселись за длинным дубовым столом под единственным окошком размером с квадратный фут, чуть ли не матовым от пыли и проделанным почти над самыми стропилами. Шаркая ногами, старик поспешил к нам, лицо его явно не выражало одобрения. Он пробормотал что-то. Я глянул на него и рявкнул:

— Что там еще? Говори, дед!

— Вы видать, англичане будете,— проворчал он.

— Ты глупее, чем выглядишь. Принеси-ка эль, крепкий эль. Смотри мне, хлеба и мяса. Белого, понял?

Он снова что-то промямлил. Я нахмурился и потянулся за воображаемым кинжалом.

— Не раздражай своей наглостью, или я вырежу сердце и расплачусь с бейлифом.

— Ты что, спятил? — вмешалась мисс Гейл на английском двадцатого столетия, которым мы пользовались между собой, но я оборвал ее:

— Попридержите язык, мисс!

Она запричитала, но я еще раз прикрикнул. Тогда она заплакала. Слезы подействовали, но я не показал виду.

Старик вернулся с глиняными кружками с водянистой коричневой жидкостью, которая сходила в этих местах за эль. Ногам было холодно. Из дальней комнаты доносились резкие голоса и стук посуды, запахло жареным мясом. Мелания чихнула, и я подавил настойчивое желание обнять ее. Высокая уродливая старуха как чахлое деревце вышла из своей дыры и поставила перед нами оловянные тарелки, где в заливном жиру плавали хрящеватые куски тухлой баранины. Я приложил к тарелке

тыльную сторону ладони. Тарелка была ледяной в середине и чуть теплой по краям. Мелиия уже потянулась за ножом, но я сгреб оба блюда и швырнул через комнату. Старуха взвизгнула и накрыла голову передником, тут же выскочил старик и как раз принял на себя весь шквал негодования.

— Мерзавец! Ты знаешь, кто оказал честь твоему хлеву своим посещением? Принеси ему достойную дворянина, негодяй, или я выпущу тебе кишки!

— Это анахронизм,— прошептала Мелиия и протерла глаза платочком.

Наш гостеприимный хозяин и его старая карга так и забегали.

— Ты права,— заметил я.— Кто знает? Возможно, я вызвал его прямо сейчас.

Она взглянула на меня блестящими от слез глазами.

— Ты как? Лучше? — спросил я.

Она поколебалась немного и кивнула.

— Хорошо. Теперь можно расслабиться и сказать, как я рад тебя видеть.

Она озадаченно посмотрела на меня.

— Не понимаю тебя, Рейвел. Ты меняешься. Сегодня один, завтра другой. Кто ты на самом деле?

— Я же говорил. Оперативник, как и ты.

— Да, но... эти приспособления, которые я никогда не видела. Экран невидимости, парализующее поле...

— Не волнуйся, все в рамках службы, моя дорогая. У меня есть устройства, о которых даже мне ничего не известно. До тех пор, пока не возникнет нужда. Это смущает, но придает уверенность. Можно прорубаться напролом через любые препятствия, возникающие на пути.

Мелиия слегка улыбнулась.

— Но... ты казался таким беспомощным на первых порах. И дальше ... на А-II станции...

— Сработала тактика,— признался я,— поэтому мы вместе.

Она посмотрела на меня, словно ребенок, впервые увидевший Санта Клауса.

— Рейвел, все, что случилось,— часть заранее разработанной схемы?

— Надеюсь,— ответил я.

— Будь добр, объясни.

Я углубился в воспоминания, подыскивая необходимые и понятные слова...

— В Буффало я был просто Джимом Келли. У меня была работа и квартира в меблированных комнатах. Я все свободное время слонялся по городу, как и остальные парни. Ходил в кино, бары, засматривался на проходящих девушек. И наблюдал за кое-чем. Но никогда не задумывался. Даже когда очутился в три часа ночи у пустого склада. Пришла мысль о бессоннице. Я смотрел и запоминал. Спустя некоторое время сведения сложились в мозаику, и в голове вспыхнула надпись: «Переходите к фазе В». Не помню точно время, когда осознал себя агентом Чистки Времени. Просто пришло знание, и я им воспользовался. Я знал, что делать, и выполнил приказ.

— Тогда ты оставил свою Лайзу?

Я кивнул.

— Уничтожив карга, я собрал данные и вернулся на базу. Когда ее атаковали, я действовал машинально. Одно ведо к другому. И в результате мы здесь.

— Что будет дальше?

— Не знаю. Еще много вопросов, на которые я не могу ответить. Например, почему ты здесь.

— Ты сказал, что меня сюда направил карг.

Я кивнул.

— Я не знаю его целей, но они наверняка не совпадают ни с твоими, ни с моими планами.

— Да... Я понимаю,— прошептала она.

— С каким же заданием тебя послали?

— Я попыталась основать школу.

— Преподавая что?

— Фрейда, Дарвина, Канта, гигиену, контроль над рождаемостью, политическую философию, биологию...

— Плюс свободную любовь и атеизм, или... католицизм? — я покачал головой.— Не удивительно, что эта эпопея закончилась вечеринкой с дегтем и перьями. Или это позорный стул?

— Просто публичное наказание розгами. Думаю.

— Конечно. Карг внушил тебе мысль, что ты выполняешь благородную задачу, приносишь просвещение язычникам, пребывающим во мраке без истины.

— Разве это плохо? Если бы удалось дать этим людям образование, научить мыслить и разбираться в вещах, которые имеют непосредственное влияние на их жизнь...

— Чтобы отправить тебя на виселицу, лучшей программы не составить, даже если ее планировать специально для этой цели...

Мое внимание привлекли шаги, шаги, которые я уже слышал.

— Возможно, я смогу прояснить тайну, мистер Рейвел,— послышался из кухни знакомый слепый голосок. В дверях стоял карг, облаченный в одежду из грязновато-коричневой шерсти местного производства, и безмятежно смотрел на нас. Он подошел к столику и сел напротив, как уже было однажды.

— У тебя дурная привычка соваться без приглашения,— заметил я.

— А почему бы и нет, мистер Рейвел? В конце концов, я заинтересованная сторона.

Он мягко улыбнулся Мелли. Та ответила ему холодным взглядом.

— Это вы послали меня сюда? — спросила она.

— Совершенно верно. Направил, чтобы поставить в затруднительное положение и вынудить мистера Рейвела устремиться вам на помощь.

— Зачем?

Он развел руками.

— Это сложная матрица, мисс Гейл. Но думаю, мистер Рейвел мог бы понять. Он весьма высоко ставит свое мнение эксперта по данным вопросам.

— Из нас сделали марионеток,— сказал я, не скрывая отвращения.

— При попытке повлиять на временной ствол начинают действовать неизвестные силы и их надо учитывать. Каждый мой шаг обусловливал случайную цепь последствий, возвращающих потоку энтропическую стабильность. Нас забросили сюда не без помощи нашего дорогого друга.

— Почему он не появился на Береге Динозавров, когда мы встретились?

— Это ясно,— ответил я.— Он не знал, где мы.

— Я искал,— сказал карг.— Охотился за вами десятки лет. Но вы временно ускользали. Но временем я располагаю в неограниченном количестве.

— Ты почти нагнал нас на заброшенной станции, где мы нашли старую леди,— заметил я.

Карг кивнул.

— Я прождал более пятидесяти лет и разминулся лишь на несколько минут. Впрочем, неважно. Мы все здесь, как я и планировал.

— Вы планировали? — вырвалось у Меллии.

Карг слегка удивился, или напал удивление. Карги — тонкие машины.

— Разумеется. Случайность играет маленькую роль в моей деятельности, мисс Гейл. Правда, я временами вынужден полагаться на статистику, высевать семена, способные дать росток, но результат предсказуем. Я вынудил мистера Рейвела разыскать вас. И последовал за ним.

— А теперь, когда мы здесь, чего ты хочешь? — спросил я.

— Чтобы вы выполнили одно задание, мистер Рейвел, оба.

— Опять тоже самое.

— Мне нужны двое темпоральных агентов — людей — чтобы выполнить деликатное поручение, связанное с калибровкой технического оборудования. Для решения данной задачи необходимы два близких друг другу человека. Вы и мисс Гейл отвечаете требованиям полностью.

— Ты ошибся,— резко сказала Меллия.— Агент Рейвел и я — профессиональные коллеги, не более.

— В самом деле? Близость, о которой я говорил, завлекла вас в расставленную мною ловушку. Вы сами, мисс Гейл, послужили приманкой.

— Не понимаю...

— Все просто,— сказал я.— Старая леди. Он устроил тупик и заманил тебя. Ты прожила полстолетия, ожидая моего появления. А потом было уже поздно...

Меллия странно посмотрела на него.

— А раньше,— продолжал я,— свалившись в его волчью яму... Я еще удивился, почему при всей бесконечности выбор пал на это место. Но то была любовь, она притягивала меня магнитом. И сейчас. В тот самый момент, когда так нуждалась во мне.

— В жизни не слышала ничего более смешного,— запротестовала Меллия, но в голосе появилась нотка сомнения.— Ты не любишь меня,— добавила она,— ты любишь...

— Довольно,— поднял руку карг. Теперь он командовал и полностью контролировал ситуацию.— Разумное объяснение не имеет никакого значения. Единственное,

что существенно, так это ваш долг перед Конечной Властью...

— Только не мой,— Меллия резко встала.— С меня довольно вас обоих. Я отказываюсь выполнять ваши приказы.

— Сядьте, мисс Гейл,— холодно сказал карг. Она не обратила внимания и сделала шаг в сторону. Он схватил ее за запястье, вывернул руку и заставил опуститься на стул.

Меллия взглянула на меня расширенными испуганными глазами.

— Вам непонятно, почему мистер Рейвел не бросился защищать вас,— сказал карг.— Могу объяснить. Его интерплатированное вооружение совершенно бесполезно в данном годографе, именно поэтому я его выбрал.

— Бесполезно?..— начала она.

— Прости, детка,— оборвал я.— На этот раз ему действительно удалось нас обойти. Ближайший энергоотвод вне досягаемости. Он выбрал и заманил нас в единственную мертвую зону на пару тысяч столетий.

— Разве не жаль, что жизнь потрачена впустую? — спросила, скрывая дрожь в голосе.

— Что касается утрат, то я уверен, что в ближайшем будущем вы убедитесь в обратном,— вмешался карг.— Теперь мы последуем к месту, где вы внесете свою лепту на благо Конечной Власти.

Он встал.

— Мы еще не пообедали,— вмешался я.

— Пойдемте, мистер Рейвел, не время упражняться в остроумии.

— Что ж, я никогда не питал особой любви к холодной баранине,— вздохнул я и поднялся. Меллия не сводила с меня испуганного взгляда.

— Неужели ты собираешься сдаться? Без борьбы?

Я пожал плечами и виновато улыбнулся. Ее лицо побледнело, губы скривились в презрительной усмешке.

— Осторожней,— предупредил я,— ты нарушишь нашу дружбу.

Тем временем карг извлек из кармана кубик и что-то с ним сделал. Краем глаза я успел заметить коренастого хозяина, выглядывающего из кухни, но в следующее мгновение все сорвалось и закрутилось в урагане вроде того, что унес Дороти в страну Оз.

XXIX

— Так вы согласны? — спросил карг. Он стоял простирая руки в сторону окружавших нас сотен квадратных миль нержавеющей стали. На фоне черного неба вздымались клыкообразные резкие очертания металлических зданий.

Рядом с нами бесшумно остановился маленький автомобиль с резиновыми колесами. Мы вошли и уселись на прилаженные сидения, Рыдван покатился вперед, быстро набирая скорость. В лицо ударил затхлый с машинным привкусом воздух. Небоскребы быстро приближались. Меллия застыла как мумия.

Мы стрелой вылетели под высокие здания, машина резко свернула на пандус. Меллия в поисках поддержки ухватилась за меня, но я тут же отдернул руку.

— Расслабься,— посоветовал я.— Сядь поудобнее и покачивайся в такт движению, словно мешок с картошкой.

Резкие повороты следовали один за другим. Внезапно дорога выпрямилась, нырнула в туннель. Скоро мы въехали на широкую террасу высоко над равниной. Повозка подкатилась к самому краю и остановилась. Мы вышли. Поручней не было. Карг подвел нас к мостку шириной в восемнадцать дюймов, уходившему в полную тьму. Меллия отшатнулась.

— Ты сможешь пройти? — спросил я.

— Не думаю. Нет,— шепнула она, презирая себя за проявленную слабость.

— Тогда закрой глаза и думай о приятном,— сказал я и подхватил ее на руки. На мгновение она напряглась, а потом расслабилась в моих объятиях.

— Вот так,— сказал я.— Мешок с картошкой...

Карг не ждал. Я последовал за ним, за белеющей во мраке спиной. Путь показался долгим. Я старался не думать о скользких туфлях, о каплях конденсирующейся влаги, о торчащих головках заклепок и о разверзшейся подо мною пустоте.

Вдруг из тьмы выплыла освещенная дверь. Я нацелился в нее взглядом и убедил себя, что шагаю по широкому проспекту. Самовнушение помогло. Я поравнялся с дверью, сделал три шага внутрь и опустил Меллию на пол. Дрожь прошла.

Мы находились в довольно милой комнате с густым ковром богатого темно-коричневого цвета и тускловатой полированной мебелью красного дерева с серебряной и медной отделкой. В стене располагался выложенный из камней красивый камин. Чувствовался запах кожи и бренди, аромат табака.

— Вам здесь будет удобно,— сказал карг.— В кладовой есть провизия. Подборка в библиотеке и фонотеке достаточно обширная. Есть ванна с сауной, небольшой зал для гимнастики, хорошо укомплектованный гардероб для каждого из вас и широкая, соответствующим образом сконструированная, кровать.

— Не забудь упомянуть роскошный вид с балкона — сказал я.

— Да, конечно,— согласился карг.— Вам здесь будет удобно...

На этот раз фраза прозвучала как вопрос.

Меллия подошла к столу и коснулась искусственных цветов в большой грубо обожженной вазе, похожей на погребальную урну.

— Разве мы можем чувствовать себя иначе? — спросила она и мрачно рассмеялась.

— Я полагаю, вы изъявите желание отдохнуть и набраться сил,— сказал карг.— Располагайтесь, прошу вас. Все инструкции получите завтра.

Он повернулся и пошел.

— Стойте! — бросила Меллия тоном резким, как нож мясника, рассекающим ребра. Карг оглянулся.

— Неужели вы думаете, что можно уйти и оставить нас без всяких объяснений, в ожидании?

— Вас обо всем в свое время проинформируют.

— Я хочу, чтобы меня проинформировали сейчас.

Карг посмотрел на нее с заинтересованным выражением лица коронера, внезапно увидевшего оживший клиента.

— Вы обеспокоены, мисс Гейл. Уверяю вас, на то нет никаких оснований. Лично ваши обязанности будут весьма просты и безболезненны.

— На вас работают сотни людей. Зачем было похищать нас?

— Не людей,— поправил он снисходительно.— Каргов. А данная задача, к несчастью, не может быть выполнена неорганическим существом.

— Ну и что?

— Миссия Конечной Власти, мисс Гейл, заключается в том, чтобы основывать темпорально стабильные зоны среди относительного хаоса, порожденного опрометчивым вмешательством человека в энтропийный контур. Для этой цели необходимо выбирать только те временные линии, которые проявят высокую степень энергоемкости, дабы способствовать продлению темпоральной ткани Конечной Власти. Нам до сих пор не удалось разработать механические приспособления, рассчитанные производить достоверные измерения. Однако, органические гуманоиды обладают соответствующими способностями. Способности эти пока что мало изучены, но с их помощью люди непосредственно воспринимают мощь континиума. Лучше всего задача может быть выполнена парой тренированных лиц, одно из которых занимает позицию в том, что я мог бы описать как стандартное энтропическое окружение, в то время как другой внедряется в последствия альтернативной среды. Любое ослабление личной эманации испытываемого, соотносящееся с вышесказанной жизнеспособностью, тотчас ощущается контрольным партнером и регистрируется в главной картотеке. Таким образом, мы получаем возможность составить точную таблицу и руководствоваться ею в выборе контактных темпоральных нитей.

— Вроде канарейки в угольной шахте,— сказал я.— Если канарейка вздернула лапки, беги в укрытие.

— Все далеко не так мрачно, как считает мистер Рейвел. Испытуемого тотчас возвратят. Я не стану рисковать столь ценной собственностью.

— Ты прямо гуманист, карг. Так кто уходит, а кто томится дома?

— Вы будете чередоваться. Мы сначала попробуем в поле мистера Рейвела с мисс Гейл на контроле. Затем поменяем местами. Вы удовлетворены?

— Это слово не совсем подходит.

— Шутка, я полагаю. Во всяком случае я надеюсь на ваше искреннее сотрудничество.

— Не слишком ли вы самоуверенны? — спросила Меллия.

— Не думаю, мисс Гейл. В противном случае от вас избавятся максимально болезненным способом. Этот вопрос с мистером Рейвелом мы уже обсуждали.

Он объявил это как пожарник, запрещающий курить в постели.

Она взглянула на меня то ли с укоризной, то ли с мольбой.

— Ты ошибся,— сказала она.— Ему наплевать, что со мной случится. Наплевать...

Она запнулась, но карг даже не заметил.

— Не глупите. Мне прекрасно известно о страсти мистера Рейвела к Лайзе.

Он кивнул на меня глубокомыслящий взгляд.

— Но.. я не Лай...— она прикусила язык на мгновение, как я приготовился оборвать ее.— Понимаю,— закончила она.

— Я так и думал,— ответил карг.

XXX

На следующее утро состоялась проба, причем «утро» следовало понимать лишь как условный термин, принятый для удобного обозначения того времени, когда вы встаете с постели. По-прежнему чернело небо, работали прожектора. Поскольку карг не побеспокоился на объяснения, я сам сделал кое-какие выводы.

Карг повел нас по тихому коридору, в меру высокому и широкому, чтобы вызвать чувство клаустрофобии, но не затруднить движение. В уютных комнатах, мимо которых мы проходили, я заметил трех каргов, безо всякого напряжения работающих над чем-то вроде компьютерной программы. Я не задавал вопросов, карг не проявлял охоты что-либо объяснять.

Помещение, куда мы наконец пришли, представляло собой небольшой куб, все четыре стенки которого являлись сплошной приборной панелью пульта управления с экранами дисплеев и шкалами датчиков. В центре комнаты напротив друг друга стояли два стула. Ни успокаивающего зеленого цвета, ни соответствующей обивки. Просто угловатый голый металл.

— Внешне опыт очень прост,— сказал карг.— Вы занимаете места...— он указал каждому на стул. Вошли и молча принялась налаживать аппаратуру два карга-техника.

— Вас мистер Рейвел,— продолжал он,— переместят в выбранный годограф. Там вы задержитесь на время, необходимое для привыкания к окружающему и передачи ответного импульса мисс Гейл. После вас возвратят

и снова отправят. В течение рабочего дня вы сможете проверить энергопотенциал нескольких сот вероятностных ветвей.

— Ясно. А мисс Гейл.

— Мисс Гейл останется здесь. Мы закрепим ее в определенном положении, сфокусируем пучок лучей и с помощью сканнера будем контролировать реакции. Как видите, абсолютно никакой опасности.

— Не бей лежачего,— сказал я.— О такой работе я мечтал всю жизнь. Не могу дождаться своей очереди.

— Всему свое время, мистер Рейвел,— ответил карг торжественно, как просматривающий список банковских реформаций кредитор.— Сначала вам предоставляют более активную роль. Мы можем приступить сейчас же.

— Ты меня удивляешь, карг,— сказал я.— Ты страшно засоряешь время. Твоя программа за день оставит больше энтропического хаоса, чем Пекс-Центр сможет расчистить за год.

— Никакого Пекс-Центра нет.

— И никогда не будет? Ты знаешь, я сгораю от любопытства. Как это ты ухитрился столь исчерпывающе переработать свои базисные директивы? Тебя создавали совсем для другого.

— Должен заметить, у вас чрезвычайно богатое воображение, мистер Рейвел. Мы находимся сейчас во времена Старой Эры, в плейстоцене. Человеческой культуры, которая, согласно вашим семантическим предположениям, построила меня или однажды создаст, не существует — и никогда не будет существовать. Я позаботился и обрубил все корни данного временного ствола. Мои мнимые создатели являются лишь сегментом вашей памяти, я же существую в форме самостоятельной целостности и предшествую Третьей Эре на много тысячелетий. Следовательно, ваша концепция может быть оспорена как миф, своего рода химера, которой вы оправдываете свое господствующее положение.

— Карг, для чего весь этот спектакль? Меня не купишь на такую дешевую демагогию. Да и агента Гейл тоже. Кого ты убеждаешь? Самого себя,— я усмехнулся, хотя было не до смеха.— Ты делаешь успехи, карг. У тебя самый настоящий человеческий невроз.

— Говорить мне о тщеславном стремлении стать человеком бессмысленно. Я — карг, уничижительный эпитет для вас, но для меня — гордая эмблема врожденного превосходства.

— Ладно, карг, ты уже утомил своей болтовней. Мне предстоит изрядно попортить энтропический коптипиум, четыреста линий в день. Нам лучше начать.

— До скорого, милая,— добавил я, обращаясь к Меллии.— Я знаю, пройдет время, и у тебя все будет замечательно.

Она испуганно улыбнулась, тщетно пытаясь прочесть на моем лице послание надежды и одобрение.

Карг вручил мне металлический кубик вроде тех, из которых двухлетние малыши строят домики, с кнопкой импульса возврата на одной из плоскостей.

— Первоначально мы отцентруем комплексную систему слежения, охватывающую ваши сознания,— сказал он как бы между прочим.— Для данной части программы необходимы стрессовые ситуации. Чтобы избежать отрицательного воздействия внешней среды, оставайтесь. В случае, если психическое давление станет все-таки чрезмерным, можете нажать кнопку аварийного возврата.

— А если я не нажму кнопку, а просто-напросто выброшу кубик, карг? Вдруг мне понравятся те места и я решу там поселиться?

Но карг не ответил. Я саркастически отсалютовал, не глядя на Меллию. Он щелкнул тумблером.

И я оказался в другом месте.

XXXI

Но не там, где он думал. Как только поле сомкнулось, я захватил его, переформировал и направил поток энергии сначала на то, чтобы нейтрализовать время-прошизывающий эффект, затем чтобы затормозить момент в стазисе. Потом проверил окружение.

Я находился в фокусной точке сложной системы силовых векторов. Проследив за ведущими к источнику энергии, я получил в тот день свое первое потрясение. Карг черпал энергию из темпотяги базисного цикла сотворения и распада вселенной. Он сделал надрез на самой сердцевине времени ради мощности, необходимой для поддержания энтропического островка, оперативной базы Конечной Власти.

Я осмотрел структуру хроноблокировки. Это был неосязаемый объект, воздвигнутый грубыми силами из естественных русел в форме извилистых конфигураций объ-

единенных мощностей. Могущество этого создания не поддавалось измерению.

Мое второе потрясение дня: потоками энергии манипулировало сознание карга, мощность которого в колоссальной степени превышало силу обыкновенного карга. Сознание десяти тысяч каргов в одной упряжке, только это могло дать такую мощность.

Я почти увидел, как это произошло. В прошлом Третьей Эры какой-то карг, обладавший стандартным интеллектом, выполнял обычное задание. Непредвиденная случайность и в результате причудливой интерференции происходит мгновенное сдвоение его временной линии, время дробится. На месте мозгового поля одного карга становится два, наложенные на друг друга.

С возросшей вычислительной мощью сдвоенного интеллекта карг мгновенно оценил ситуацию, увидел бесполезность своей миссии, почерпнул энергию из энтропической паутины и вновь сотворил нелепую случайность.

И был удовлетворен.

И еще раз. И еще. И еще.

На шестнадцатом сдвоении первоначальная организационная матрица робота не только достигла предела нагрузки, но и катастрофически превысила его.

Беспредельно могущественный мозг карга, хотя и деформированный невыносимым сжатием, но все еще представляющий собой компьютер невообразимой мощности, впал в коматозное состояние.

Прошли годы. Первоначальный карг, ничего не помнящий о чрезвычайном происшествии, участником которого он оказался, благополучно завершил задание, вернулся на базу и был списан с прочими соплеменниками, канул в небытие провалившегося эксперимента. И все это время деформированный мозг-гигант понемногу выздоравливал.

В один прекрасный день суперкарг проснулся.

Он тотчас же овладел подходящими средствами передвижения, внедрил себя в блоки мириадов давно умерших каргов. В какую-то долю микросекунды он оценил ситуацию, поставил задачи, вывел умозаключения и принялся претворять свои планы в жизнь. С одержимостью дезориентированного бульдозера, прокладывающего себе путь сквозь фарфоровую фабрику, деформированный суперкарг расчистил темпоральный сегмент, благоустроил часть пространства для жизни каргов и принялся оберегать и усовершенствовать устроенный таким образом ис-

кусственный темпоральный остров. Остров без жизни, без смысла.

И он основал Конечную Власть. Затем обнаружил способ извлечь пользу из людишек, которые все еще копошились около руин исконного временного ствола. Не бог весть какую пользу, и даже не слишком существенную для Великого Плана. Просто удобство, довесок в статистической эффективности.

И нас с Мелиней отобрали для крошечной роли в судьбе, уготованной великой машиной для вселенной.

Мы были не единственной парой близких людей. Я простер чувствительность вдоль соединительных линий и ощутил тысячи других пленников, которые трудились над сортировкой линий энтропической ткани и сплетали шотландку пространства-времени.

Идея не была лишена откровенной простоты, хотя простота ее не спасала. Островок просуществовал бы какое-то время: миллион лет, десять миллионов, сто. Но в конце концов развитие зашло бы в тупик. Дамба рухнула бы под напором времени. И поток сорвавшегося времени слился бы с нереализованным будущим в катастрофе совершенно невообразимых размеров.

Во всяком случае мое воображение тут бессильно.

Но этого не случится, если продырявить дамбу раньше, чем будет достигнут сколько-нибудь высокий темпостатический напор.

Я находился в идеальном для этого положении.

Но сначала было необходимо определить координаты гигантского темпорального двигателя, который снабжал энергией весь механизм.

Он умно спрятан. Я проследил срывающиеся тропки, тупики, затем вернулся и вновь прошел по лазам лабиринта, исключая ложные ходы и сужая поиск.

И я нашел его.

Я знал, что делать.

Затем спял захват и время-пронизывающее поле швырнуло меня в преддверие ада.

XXXII

На меня обрушилась какафония лязгающего и орущего города. Настойчиво взывали о внимании красочные полосы, зарницы и дрожащие переливы, блики и лучи

льющегося в глаза света. Город ревел, грохотал, завывал, визжал. Мимо с искаженными лицами проносились бледные люди в униформе и кислородных масках, увешанные радиоционными счетчиками, протезными комплектами, ускорителями метаболических реакций.

Город источал зловоние. Он чадил. Воздух обдавал жаром. Порывистый ветер подметал неистовые улицы, гнал перед собой кучи мусора. Нахлынувшая толпа швырнула меня на женщину. Я подхватил ее, чтобы она не упала, но женщина завизжала и вырвалась из рук. Вдруг мной мелькнуло перекошенное под маской лицо.

Это была Меллия-Лайза.

Вселенная взорвалась, я снова сидел на стуле. Прошло меньше минуты. Карг пристально следил за приборами. Меллия напряженно застыла напротив.

И я знал первый параметр.

Мгновение спустя я вновь отбыл.

В лицо дул колючий ветер. Я стоял на высоком склоне покрытого снегом холма. Тут и там выступали потрескавшиеся гранитные глыбы, и защищенные скалами упорно цеплялись за жизнь чахлые сосенки. А под деревьями жались друг к другу завернутые в шкуры люди. Четко выделяясь на фоне мглистого неба и черных нависших туч, обрывистое ущелье перерезало зубчатую линию горизонта.

Мы пытались отыскать проход, но поиски слишком затянулись, уже давно начался сезон холодов. Теперь нас застала метель. Мы попали в ловушку. Нас ждала смерть.

Частью сознания я знал это, другой частью — наблюдал за происходящим как бы со стороны. Я подполз к ближайшей фигуре, закутанной в шкуры. Мальчик, не старше пятнадцати лет, белое как воск лицо. Льдинки на веках и ноздрях. Мертв, замерз. Я двинулся дальше. Старик, лед в бороде, на открытых глазах.

И Меллия... Еще дышит. Глаза открыты. Она увидела меня, попыталась улыбнуться...

Я вернулся в кабину темпорального скачка.

Два параметра.

Я вновь отбыл.

Мир сомкнулся до размеров игольного ушка и расширился вновь на проселочной дороге под пыльными деревьями. Палящая жара. Во рту сухо от жажды. От неимоверной усталости ломит все тело. Я огляделся. Она молча упала и осталась лежать ничком в пыли.

Усилием воли я заставил себя повернуться и проковылять дюжину шагов.

— Вставай,— сказал я. Слова прозвучали хриплым бормотанием. Я ткнул ее ногой. Она казалась разбитой игрушкой, поломанной куклой, которая никогда больше не откроет глаз и не заговорит.

Я присел рядом с ней. Она ничего не весила. Я приподнял ее и смахнул пыль с лица. С уголка рта струйкой стекала грязь. Сквозь полуприкрытые веки мерцал отраженный невидящими глазами свет.

Глазами Меллии.

Я снова оказался в стерильной комнате.

Карг сделал отметку в таблице и бросил взгляд на Меллию. Она неестественно сползла на край стула.

Я знал три параметра. Оставалось еще три. Рука карга шевельнулась.

— Подожди,— сказал я.— Для нее это слишком. Чего ты добиваешься? Хочешь убить ее?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Выбор стрессовых ситуаций, мистер Рейвел, определяется условиями опыта. Поскольку моя цель заключается в выявлении силы ваших связей, то нужна максимальная разность эмоциональных потенциалов.

— Ей больше не выдержать.

— Она не чувствует никаких непосредственных физических страданий,— объяснил он с любезностью гробовщика.— Все физические ощущения испытываете вы, мистер Рейвел. Любые муки она переживает через вас. Из вторых рук, так сказать.

Он коротко улыбнулся и щелкнул тумблером.

Боль, острая и все же далекая. Я ощущал себя калекой и в то же время следил за агонией извне.

Моя (его левая) нога была сломана ниже колена. Перелом был тяжелым, внутренним. Осколки разбитой кости проглядывали сквозь искромсанную и опухшую плоть.

Нога застряла в подъемнике тихоокеанского рудовоза. Меня высвободили, оттащили сюда и оставили умирать.

Но я не мог умереть. В пустой комнате в городе меня ждала женщина. Я пришел сюда, в порт, чтобы заработать денег на еду и топливо. Опасная работа, по давался хлеб и уголь.

Кому-то, но не мне.

Я оторвал рукав плаща, перевязал ногу. Боль притупилась, стала отдаленнее. Я только отдохну немного, а потом попробую сдвинуться.

Умереть здесь было бы легче и намного приятнее, но она подумат, что я бросил ее.

Но сначала отдохнуть...

Слишком поздно я понял, как завлек себя в ловушку. Впустил сон как гостя, а в открытые двери проскользнула смерть.

Я представил ее лицо, как она вглядывается в дымные сумерки мегаполиса, ожидая моего возвращения. Ожидая напрасно.

Лицо Меллии.

И вновь очутился в ярко освещенной комнате.

Меллия обмякла и распростерлась на пыточном стуле.

— Милые у тебя намерения, карг,— сказал я.— Ты вынуждаешь меня смотреть как ее доводят до бешенства, мучают, убивают. Просто физических страданий недостаточно для твоих сенсорных датчиков. Ты не брезгуешь и духовной пыткой предательством и растоптанной надежды.

— Не разыгрывайте мелодраму, мистер Рейвел. Совершенно очевидно, что для настоящего опыта существенно важно возрастание символов.

— Давай. Что там дальше?

Вместо ответа он щелкнул тумблером.

Едкий клубящийся дым сменивался с удушающим зловонием мощных взрывов, распыленного кирпича, сожженного в пепел дерева, гудрона. Сквозь рев языков пламени доносился грохот обвалов и отдаленное улюлюканье, что является высшей степенью словестного выражения чувств людских масс, маленький, слабый, незаметный звук на фоне фыркания моторов, воплей и града падающих бомб.

Я отшвырнул упавшую бомбу, взобрался на груду битого кирпича и побрел к дому, половина которого еще высилась около зияющего колодца, куда извергала нечистоты разбитая водосливная магистраль. Часть спальни исчезла. На фоне выгоревших обоев наискось висела картина. Я вспомнил день, когда она купила ее в Петтикоут Лейн, часы, которые мы провели, вставляя ее в раму и выбирая подходящее место.

В обугленном отверстии, бывшем когда-то входной дверью, появилась изможденная, жутковатого вида женская фигура с всклокоченными волосами. Она держала в

руках что-то вроде окровавленной куклы. Я рванулся к ней, взглянув на белое как мел лицо, посиневшие ноздри, серые губы, ввалившие глаза — лицо моего ребенка. Глубокий шрам пролегал по детскому лобику, словно лом обрушился на мягкую податливую плоть. Я посмотрел на Меллию: рот ее был открыт и из него исторгался грубый непрерывный вой...

Меня снова окружала тишина и покой. Яркий свет.

Меллия потеряла сознание, стонала и билась в ремнях.

— Карг, сбавь темп,— сказал я.— Впереди половина вечности. Зачем жадничать?

— Вы знаете, мистер Рейвел, я добился замечательных успехов,— ответил он.— Особенно любопытен последний след. Тяжкое испытание любимого — это крайне интересно.

— Ты замучишь ее до смерти,— сказал я.

Он посмотрел на меня, как смотрят в лаборатории на подопытного кролика.

— Если я приду к подобному заключению, то сбудутся ваши худшие опасения.

— Она человек, а не машина, карг. Ты же сам этого хотел, вспомни. Зачем наказывать за то, чем она не может быть?

— Наказывать? Это чисто человеческое понятие, мистер Рейвел. Если инструмент хрупок, то иногда давление может его упрочить. Если он сломается под нагрузкой, то я просто избавлюсь от него.

— Помедли немного. Дай ей время придти в себя...

— Вы ловчите, мистер Рейвел, это очевидно.

— Ты получил сполна, черт возьми! Почему бы не остановиться?

— Должен заметить, мистер Рейвел, что наиболее многообещающий фактор — мучение и смерть любимого существа. Человеческие эмоции — любопытнейший феномен. Подобной силы нет во всей вселенной. Впрочем, мы можем обсудить эти вопросы в другое время. В конце концов у меня есть распорядок дня и я должен его придерживаться.

Я выругался, а он поднял брови и...

В лицо ударила теплая солоноватая волна. Прилив прибывал, захлестывая меня с головой. Я задержал дыхание, сильной поток придавил меня к разрушенному краю переборки. Медленно нахлынувшая зеленовато-молочная волна помедлила надо мной и отступила...

Как только ноздри освободились, я тяжело вздохнул, набрал воду в легкие и яростно закашлялся.

Даже при полном отливе вода доставала до подбородка.

В топливном баке оказалась утечка, и прогулочный катер налетел за лагуной на рифы. Обветренная базальтовая шпора пробила корпус прямо над ватерлинией и сорвавшиеся отделочные доски охватили меня обручем, пригвоздив к вспучившейся переборке.

Меня лишь слегка помяло, ничего серьезного. Даже ребра целы. Но зажало намертво, как в тисках.

Когда сквозь пробоину первый раз хлынула вода, я на секунду запаниковал: сорвал кожу, пытаясь высвободиться. Но вода вспенилась до пояса и отступила.

Она была в каюте. Быстро поняла безнадежность ситуации и попыталась освободить меня.

Прошло целых полчаса. С наступлением прилива лодка погружалась. Она работала. Руки ее тряслись от усталости, пальцы кровоточили от глубоких ссадин. Ей удалось отвести одну доску, но другая намертво стискивала мне грудь под водой. Будь у нее в запасе еще полчаса, она смогла бы оторвать ее. Но времени не оставалось.

Как только Меллия поняла это, она выбежала на палубу и закричала. На помощь кинулась группа выехавших на пикник к морю людей. Один из них побежал к дороге. Маленькая машина тотчас развернулась и умчалась за помощью.

Станция береговой охраны располагалась в пятнадцати милях. Был и телефон, но разве можно кого-нибудь застать на месте в воскресный день? Машина доедет до стации за пятнадцать минут. Потребуется еще полчаса, чтобы привезти пилу.

У меня не было даже пятнадцати минут.

Она попыталась соорудить дыхательный аппарат, используя банку из-под кофе, но ничего не получилось.

На катере не было шланга для соединительной трубки.

Пришла следующая волна. На этот раз я пробыл под водой больше минуты. Когда вода схлынула, я изо всех сия откинул назад голову, выставил нос и набрал воздух.

Она глядела в глаза. Мы ждали следующей волны...

Ждали смерти — солнечным днем, в сотне футах от безопасности, в десяти минутах от спасения.

Я вернулся в ярко освещенную комнату и знал все шесть координат.

XXXIII

— Любопытно,— бормотал карг,— чрезвычайно любопытно, но...

Он посмотрел на Меллию. Та безжизненно обвисла в путах.

— Умерла,— сказал он.— Жаль.

И заметив что-то в моих глазах, кинулся к пульту. Но я направил луч умственной силы и остановил его.

— Сволочь,— выругался я.

Карг смотрел на меня, и до его сознания медленно доходила величина допущенного им промаха. Я снисходительно радовался победе.

— Теперь мне все ясно,— сказал он.— Вы весьма ловко обвели меня вокруг пальца, мистер Рейвел. Я недооценил вас. Ваша позиция в сделке сильно изменилась. Естественно, я понимаю реальное положение вещей и готов подойти с практической точки зрения...

— Сволочь,— оборвал я.— Ты и наполовину не представляешь свое положение.

— Я тотчас освобожу вас,— продолжал карг,— и помещу в энклав, отвечающий всем перечисленным вами особенностям. Вам возместят особь...

— Не суетись, карг. Ты уже свое отыграл. Фирма — банкрот.

— Вы человек,— мрачно сказал карг.— И вы согласитесь на соответствующее предложение. Назовите его.

— Я уже получил то, что хотел,— ответил я.— Шесть координат для определения точки в шести измерениях пространства и времени.

Ужасная догадка блеснула в тысячекратно сдвоенном кибернетическом сознании.

— Не может быть! Вы намерены разрушить темподвигатель?

Я улыбнулся. Напрасная трата времени. Машину не замучишь.

— Будьте благоразумны, мистер Рейвел. Подумайте о последствиях. Если вы нарушите балансировку, последует взрыв энтропической энергии, который уничтожит Конечную Власть...

— На это я и рассчитываю.

— И вас вместе с ней!

— Кому как повезет.

Тогда он ударил. Это была неплохая попытка. Напор мысленной силы его множественного мозга пробился сквозь внешние слои мемто-поля и почти достиг контакта, необходимого для сокрушительного удара. Мне с трудом удалось блокировать удар и отшвырнуть в сторону.

Затем я простерся, исправил магистральные цепи темпо-двигателя и закоротил на самом себе.

В безумном взрыве энергия выплеснулась через все шесть измерений, три пространственных и три временных. Металлические здания растворились в смерче пространственной дезинтеграции. Девятый вал взметнул меня на самый гребень и погнал перед собой, как мчит приливная волна серфингиста. Энергия бесновалась, слепила, оглушала. Время ревело как водопад. Миллионолетний столб сомкнулся надо мной. Наконец меня выбросило на берег вечности.

XXXIV

Сознание возвращалось медленно и неуверенно. Я открыл глаза и увидел сумеречный дымно-красный свет. Вспомнились пожарища, бомбы, раздробленные кости, идущие ко дну корабли и умирающие от холода и голода.

Милые спы мне не снились.

Вокруг не было ни войны, ни пожарищ, просто закат над водой. Закат, какого я не видел ни разу в жизни. По темно-синему небу перекинулся мост оранжевого цвета, серебристый в зените и вишневый по мере приближения к чернеющему горизонту.

То был закат мира.

Я преодолел боль и сел. В обе стороны протянулась прибрежная полоса песка. Не было ни деревьев, ни травы, ни водорослей, ни торопливо удирающих крабов, ни чудовищных следов вдоль песчаного пляжа. Но я узнал место.

Берег Динозавров, только динозавров нет, они давно вымерли. Вместе с человеком, яйцами и цыплятами.

Земля без жизни.

Местность почти не претерпела изменений. Правда, исчез мыс и оставил лишь едва заметный горб в серых дюнах, что простирались на восток и терялись в отдалении. Собственно поэтому некогда и выбрали это место

для релейной темпостанции. Меняли свое ложе океаны, вставали и опускались континенты, а Берег Диполавров оставался таким же.

Сколько миллионов лет прошло с тех пор, как непостоянство атмосферы сгладило следы человеческой деятельности? Об этом можно было лишь гадать. Я проверил у себя аварийные частоты, но эфир молчал по всем диапазонам.

Я изничтожил адскую машину, каннибальский механизм, который пожирал самого себя. И взрыв зашвырнул меня через все отмеченное время в дебри вечности. Но я был жив.

Я выполнил задание: использовал любой трюк для выслеживания силы, обратившей в хаос время Новой Эры. Нашел и ликвидировал.

Карг, ничтожный сверхкалека, был жесток, но я — еще более безжалостен. Использовал всех и вся во имя желаемой цели.

Но все же потерпел поражение. Песчаная пустошь служила тому доказательством. Я собрал ценную информацию, которая могла бы спасти положение, если бы не положение вне игры. Мои знания никому не помогут. Добытым сведениям предстояло умереть со мной на сером берегу, если не удастся найти выход.

— С тобой все ясно, Рейвел,— сказал я вслух, и мой голос прозвучал так потерянно и одиноко, как дрожал последний листок на печально уцелевшем дереве под порывами осеннего ветра перед концом света.

На берегу было холодно. Солнце казалось огромным, но уже не давало тепла. Поглотило Меркурий? — подумал я. Продолжал ли гореть в недрах светила феникс водородной реакции? Думалось о многом. И как бы само собой пришло решение.

Теоретически идея была проста. И уж как бывает со всеми простыми идеями, сложность заключалась только в исполнении.

Я возбудил определенные сенсорные устройства в нервной системе и зашагал вдоль берега. Накатывался и отступал прибой, жалуясь на усталость после многомиллиардного и беспокойного труда. Я понимал их как никто другой.

Место моих поисков находилось менее полумили вдоль побережья, в сотне ярдов над уровнем моря. Я долго соображал, где должна проходить линия прилива, но вспомнил об их полном сейчас отсутствии. Луна давным-

давно отступила на максимальное расстояние, превратилась в горошину на небе, начала свое долгое падение. Она достигла границы Роуча много миллионов лет назад, и ночи на планете Земля представляли собой в ту пору роскошное зрелище. Спутник взорвался и рассыпался в кольцо пыли, которая изогнулась величественной аркой от горизонта до горизонта.

Как нажито, так и прожито. Меня ждала работа. Пора было браться за дело и не тратить попусту энергию на сентиментальные мысли о давно обратившейся в прах возлюбленной.

Я отыскал место, прощупал почву и на глубине восемнадцати футов почувствовал след. Неплохо, учитывая затраченное время. Стекловидное углубление давным-давно превратилось в пыль, и все же земля сохранила едва различимый, прерывистый, местами размытый изгиб, отмечающий границу чашеобразного следа.

Восемнадцать футов: четыре песка, четырнадцать известняка.

И мне придется выкопать на эту глубину колодец.

У меня были две руки, сильная спина и все время в мире. Я начал загребать пригоршнями песок.

XXXV

Будь проблема не так примитивна, я бы с легкостью ее разрешил. Моя экипировка предусматривала средства защиты и нападения в случае встречи с техническими препятствиями любой сложности. Я мог бы расправиться со сверхмозгом, без труда отразить атаку любого энергетического оружия, мог даже помериться силами с бронированными людоедами. Рытье ямы относилось к совершенно иной категории.

Я начал с круга в десять футов в диаметре с центром прямо над целью. У меня ушло двое суток, чтобы расчистить пространство. К концу этого времени вследствие малого угла сползания песка окружность увеличилась до двадцати футов. Таким образом я подготовил площадку для настоящей атаки.

Полтора дня у меня ушло на первую трещину в скальных породах. Обшарив местность я отыскал валявшийся на земле камень, достаточно крупный для моих планов и вполне подъемный. Катить было тяжело. Ши-

рина валуна составляла четыре фута, и простым расчетом можно было прикинуть, сколько раз необходимо его поднять и толкнуть — бум!, поднять и толкнуть — бум!, прежде чем я доставил его на насыпь, окружавшую раскопки. Затем я поднял свой двухсотовый молот и столкнул вниз. Он шлепнулся о песок, чуть прокатился и остановился.

Я повторил все еще раз. И еще.

Наконец встал над обнажившимся камнем, поднял глыбу и кинул краем. Падала она всего лишь с трех футов, но песчаник раскрошился. Я повыбрасывал из дыры осколки и повторил процедуру.

На шестом ударе молот треснул. Как оказалось, к счастью. Я теперь мог поднять меньшую половину и довольно удачно скинуть с вершины песчаной насыпи высотой почти восемь футов.

К концу пятого дня я выбил в центре песчаного колодца неровную округлую выемку более фута глубиной.

К этому времени я проголодался. В темно-зеленой морской воде не было ни водорослей, ни рыб, а сама вода представляла насыщенный раствор девяносто трех элементов. Я мог пить малыми дозами: специально вживленные устройства, входившие в экипировку каждого агента Пекс-Центра, ухитрялись извлечь из нее пользу. Приятного мало, но я получил возможность продержаться.

По мере продвижения вглубь высота падения и эффективность ударов возрастали, но сложнее становилось поднимать валун и выгребать осколки. На отметке в шесть футов мне пришлось прорубить в стенке колодца ступеньки. Груда осколков росла, уровень понижался. Восемь футов, десять, двенадцать. Тут я достиг более твердого слоя и продвижение пошло черепашьими темпами. Затем пошла смесь известняка с глиной, легкая для рытья, но очень влажная. Оставалось четыре фута.

Четыре фута песчаной глины, которую приходилось вынимать по пригоршне, карабкаться с вытянутой рукой вверх по десятифутовой отвесной стене, выбрасывать ее и вновь спускаться. Вскоре я ковырялся под двумя футами воды.

Три фута воды. Жижа просачивалась со всех сторон, пополняя выемку почти с той же скоростью, с какой мне удавалось выгребать. Но я приближался. Набрав воздуха, я нырнул среди жидкой глины и морских ракушек и почувствовал, что нужная мне вещь совсем рядом.

Еще три нырка и я достал ее. Сжал в кулаке, потом взглянул. Вероятность найти ее не поврежденной была очень мала.

Когда-то, в другом времени, я прыгнул с релейной станции «Берег Динозавров» и сместился вдоль собственной линии жизни. Скачок завершился на палубе обреченного корабля. Я поспел как раз вовремя, чтобы подставить раненого «я» под полю карга.

Попав в безвыходное положение, я использовал аварийный привод мертвеца для обратного скачка на Берег Динозавров и свалился там в заболоченную яму, местонахождение бывшей станции.

Туда же свалился и труп. Глотнув зловонной жижи, я не задумывался о судьбе мертвого «я».

Грязь тут же засосала его, и он спокойно ждал, пока вокруг плотным кольцом не сомкнутся геологические наслоения.

Так и случилось. Останки погребли четырнадцать футов скальных пород и четыре фута песка. От трупа ничего не сохранилось: ни пряжки от пояса, ни гвоздя от ботинка, ни куска седалищной кости.

Но это уцелело. Дюймовый кубик из синтетического материала известного под названием этернум, совершенно неповрежденный хроно-деградатор. Он заключал в себе кристалл настройки, энергоблок и миниатюрный генератор поля подбора. Аварийный привод, вживленный во время операции в Карибском море, память о которой стерли после выполнения задания, пока экстренные обстоятельства и необходимость не оживили память.

Я выбрался из раскопок и расположился на холодном ветру среди груды камней. Осознание выигрыша еще не пришло. Я окинул прощальным взглядом усталое старое солнце, пустой пляж, колодец, на который потратил столько усилий.

Жалко расставаться с ним после стольких трудов.

Я установил в сознании надлежащий операционный код, ладонь жег зажатый кубик. Вокруг сомкнулось поле и швырнуло меня в бездонную шахту.

XXXVI

Кто-то яростно тряс меня за плечо. Я попытался заговорить, но вместо этого открыл глаза.

На меня смотрело собственное лицо.

В первое вихрем промелькнувшее мгновение я решил, что младший «я» выбрался из трясины цел и невредим и собирается свершить акт возмездия за когда-то подставленную пулю.

Затем заметил на его лице морщины и впалые щеки. Одет был как и я: в казарменное станционное обмундирование, правда свежее. Оно свободно болталось на костлявой фигуре. Под правым глазом красовался синяк, хотя ничего подобного за собой я не помнил.

— Слушай внимательно,— произнес мой двойник.— Мне нет нужды тратить время и рассказывать тебе кто я и кто ты. Я — это ты, но на скачок вперед. Я прошел полный круг. Тупик. Замкнутая петля. Никакого выхода, за исключением одного. Он мне не нравится, но альтернативы нет. Последний раз на этом месте у нас был такой разговор — только тогда я только что прибыл, а наш предшествующий двойник ждал меня с предложением, которое я собираюсь сделать тебе.— Он махнул рукой.— Не утруждай себя вопросами, я уже их задавал в прошлый раз. Я был самоуверен: ушел в скачок и вновь вернулся сюда. Теперь сам выступаю от комитета спасения с приветственной речью.

— Я мог и поспать немного,— сказал я.— У меня все болит.

— Да, скачок прошел не совсем в фокусе,— без сочувствия сказал он.— В разбросе щелкнуло как хлыстом, но никаких серьезных последствий. Давай вставай.

Я приподнялся на локте и потряс головой, не в знак отрицания, а чтобы развеять туман. Это было ошибкой. Перед глазами поплыло. Он поднял меня на ноги, и я разглядел командный отсек темпостанции.

— Все верно,— подтвердил он. Опять в отчем доме. Или его зеркальном отражении. Точная копия, только поле темпорального скачка действует по замкнутой петле. Снаружи ничего.

— Я уже видел, помнишь?

— Помню. Ты тогда прыгнул в следующий сегмент своей жизни, в новый тупик. Выбрался, храбро боролся, но круг по-прежнему оставался замкнутым. Ты здесь.

— Я завлекал его в ловушку,— сказал я.— А он был уверен, что держит меня на крючке.

— Теперь наш ход, если ты не намерен сдаться.

— Не совсем,— ответил я.

— Меня... нас.. водили как кукол,— продолжал он.— У карга что-то есть в резерве. Ты должен разбить цикл.

Он вытащил из кобуры пистолет и протянул мне.

— Держи,— произнес он.— Выстрелишь в голову.

Возглас протеста застрял у меня в горле.

— Мне известны все аргументы,— говорил будущий «я».— Я сам использовал их около недели назад. Именно таковы размеры темпорального эпиклава, предоставленного в наше распоряжение. Но доводы ни на что не годны. Убийство — единственное изменение, которое мы можем внести.

— Ты спятил, парень,— возразил я, испытывая некоторую неловкость в разговоре с самим собой.— Я не самоубийца.

— На это они и рассчитывали. Их расчеты оправдались. Я отказался выстрелить,— он усмехнулся до боли знакомой саркастической манерой и добавил.— Если бы я согласился, то спас бы себе жизнь.

Он взвесил пистолет в руке и лицо его приобрело ледяное выражение.

— Я бы выстрелил не моргнув взглядом, если бы была хоть какая-нибудь надежда,— сообщил двойник. Теперь он определенно был самим собой.

— Почему же ты не выстрелишь?

— Потому что ты в прошлом. Твоя смерть ничего не изменит. Но если ты убьешь меня, то тем самым нарушишь жизненное равновесие и повлияешь на свое... наше будущее. Не блестящая ставка, но единственно стоящая.

— А если я предложу свой вариант? — спросил я.

Он устало кивнул.

— Попробуй.

— Используем станционную кабину, прыгнем вместе.

— Уже было,— кратко ответил он.

— Тогда ты прыгнешь, а я подожду.

— Тоже пробовали.

— Тогда застрелись сам!

— Нет смысла.

— Мы прокручиваем старую запись? Включая этот разговор?

— Ты начинаешь соображать.

— А если разнообразить ответы?

— А что изменится? И это пытались сделать. Уже все испробовано. У нас была масса времени — не знаю точно, но достаточно для тщательной отработки малейших сценарных вариаций. Они всегда оканчивались одним и

тем же аккордом: ты прыгаешь, проходишь через все и становишься мной.

— Откуда такая уверенность?

— Соседняя комната полна костей,— произнес он с чуть заметной и далеко не обаятельной улыбкой.— Наших костей. А на последнем поступлении есть немного испорченного мяса. Чувствуешь запашок в комнате? Это оттуда. И меня ждет тот же конец. Смерть от голода... Ты держишь судьбу в своих руках. Решай.

— Кошмар,— пробормотал я.— Такое может только присниться.

— Ты проснулся,— возразил он и всучил пистолет.— Стреляй, я тебе говорю, пока у меня не лопнуло терпение!

— Давай рассудим здраво,— сказал я.— Я убью тебя, а что изменится? Ничего. Двое лучше, чем один.

— Если бы! Пойми, каждый наш шаг расписан по сценарию. Нарушить его — вот единственный козырь.

— А если я снова прыгну?

— Ты получишь прекрасную возможность полюбоваться на свой провал.

— А если на этот раз я не провалю задание? Не загорожу дверь?

— Все равно. Ты закончишь здесь. Я знаю, уже пробовал.

— Ты имеешь в виду — все целиком? Яму с трясиной? Меллию?

— Да. И яму, и Меллию — все. Снова и снова. Ты закончишь здесь. Карг выложил свой козырь, нам нужно побить его, либо спасовать.

— А если он как раз этого добивается?

— Нет. Он рассчитывает на обычное человеческое поведение. Люди хотят жить, понимаешь? Они борются до последнего.

— А если на корабле не воспользуюсь темпоприводом трупа?

— Ты просто сгоришь.

— А если с Меллией остаться на берегу?

— Ничего не выйдет. Я уже прошел через это. Ты погибнешь там. Не знаю долгая или короткая тебя ждет жизнь, но результат один.

— А если я застрелю тебя, то цепь разорвется?

— Возможно. По крайней мере, в схему удастся ввести новый, совершенно неожиданный фактор, вроде пятого туза в покере.

Мы спорили еще некоторое время. Потом обошли отсеки. Я полюбовался на жемчужный туман, осмотрел кое-какие помещения. Все вокруг покрывала пыль, ржавчина. Станция постарела...

Затем он показал комнату с костями. Запах меня убедил.

— Давай пистолет,— сказал я.

Он молча протянул игрушку. Я поднял пистолет и снял с предохранителя.

— Повернись,— бросил я. Тот повернулся.

— Меня утешает тот факт,— сказал он,— что существует вероятность...

Выстрел оборвал фразу, бросил вперед словно привязанную на веревке куклу. Я успел лишь заметить оставленную пулей дыру в задней стенке черепа, как ослепительное солнце вспыхнуло и опалило мой мозг.

Я словно взмыл на высоту птичьего полета. Бесконечная череда теней, отдельные участки энтропической панорамы. Я увидел себя в городе Буффало, на борту тонущего галеона, на безжизненном берегу умирающего мира. Я готовил западню для негодяя карга, он тоже ткал паутину, которая в свою очередь была окружена более хитроумной сетью ловушек.

Каким глупым выглядело это все теперь. Как могли теоретики Пекс-Центра не осознать бесполезность собственных потуг по примеру предыдущих чистильщиков времени? И что...

Была еще одна мысль, более глубокая, но прежде чем она успела сложиться, миг озарения растаял, и я по-прежнему стоял подле убитого, а над стволом пистолета вилась струйка дыма. Эхо чего-то неизмеримого, не поддающегося оценке звенело в лабиринте моего сознания. И вдруг из смутных отзвуков выплыло новое осознание: Чистка Времени Пекс-Центра обречена на провал вкупе с программами, проводимыми в жизнь как экспериментаторами Новой Эры, так и заблудшими исполнителями Третьей.

Дело всей жизни оказалось пустым фарсом. Я — бессмысленно дергающаяся марионетка.

Но все же нашлась сила, решившая убрать меня с дороги.

Сила, превосходившая всю мощь Пекс-Центра.

Меня загнали в тупик так гладко, как тогда в Буффало я обвел вокруг пальца приговоренного карга, а позднее его могущественную и обреченную Конечную Власть.

Меня вывели из игры, загнали в замкнутый цикл и заточили навсегда.

Не будь в схеме крохотной лазейки, которую там упустили.

Мое второе «я» умерло и его умственное поле в миг разрушения органического генератора выплеснулось и слилось с моим.

На какую-то долю секунды КПД возрос по меньшей мере до 300 единиц.

И пока я путался в неразберихе сдвоенного сознания, стены вокруг растаяли, и я оказался в приемном отсеке базовой станции Пекс-Центра.

XXXVII

Высокий потолок холодно отражался в белых стенах, гудели катушки фокусировки поля, резкие запахи озона и горячего металла наполняли воздух — все выглядело привычно, даже как-то по-домашнему. Единственное несоответствие представляла группа вооруженных людей в серой униформе службы безопасности Пекс-Центра. Охранники образовали правильный круг, каждый держал винтовку, нацеленную в мою голову. В лицо бил оранжевый свет — прицельный луч излучателя амортизирующего поля.

Я понял намек, выронил пистолет и поднял руки.

В круг вошел человек и обыскал меня, но кроме грязи ничего не нашел, результат археологических раскопок. События до сих пор разворачивались стремительно, и теперь не потеряли темпа.

Капитан шевельнулся. Сопровождение вывело меня из отсека. Мы прошли по коридору мимо двух блоков бронированных дверей к серой ковровой дорожке перед массивным письменным столом Главного Координатора Пекс-Центра.

Это был широкоплечий высокий человек с резкими чертами лица, принявшего теперь строгое выражение. Я как-то беседовал с ним в менее официальной обстановке. Речь его была столь же остра как и ум. Я сел, и он взглянул на меня поверх стола: не улыбаясь, не хмурясь, просто обратив светильник своего разума на объект сиюминутного дела.

— Вы уклоняясь от полученных инструкций,— сказал он.

В его тоне не прозвучало ни гнева, ни обвинения, ни даже любопытства.

— Вы правы, я был неточен,— сказал я и уже собирался развить мысль, но он заговорил первым.

— Вам поручили применить санкции к исполнителю ДВК-ЗЕД-97, а также захватить невредимым действующее устройство, карга, серия ЕЧ ИД 453.

Он произнес это так, словно я ничего не говорил. На этот раз я промолчал.

— Захватить карга вам не удалось,— продолжал он,— более того вы разрушили его мозг. И не сделали ничего, чтобы обезвредить исполнителя.

Он говорил чистую правду. Ни отрицать, ни подтверждать это не имело смысла.

— Поскольку в пределах вашего психоиндекса не существует никаких оснований для подобных действий, мотивы следует искать вне контекста политики Пэкс-Центра.

— Весьма спорное предположение,— сказал я.— Обстоятельства...

— Тоже ясно,— продолжал он неумолимо,— что любая гипотеза, которая предполагала бы руководство вашей подрывной деятельностью со стороны предыдущих темпоральных держав, не выдерживает критики.

Я больше не пытался прерывать. Это была не беседа: Главный Координатор предъявлял официальное обвинение.

— Следовательно,— заключил он,— вы представляете силу, объективно отсутствующую — Пятую Эру человека.

— Вы делаете из мухи слона,— сказал я.— Выдумываете более позднюю сверхдержаву для мотива обвинения. А если я просто провалил задание? Перепутал...

— Оставьте личину Старой Эры, агент. Даже если отбросить дедуктивные выводы, у меня есть конкретное свидетельство. Станционное оборудование зарегистрировало случайно проявленные вами интеллектуальные мощности. В момент кризиса вас отметили по третьему психометрическому разряду. Ни один человеческий мозг из известных нам эпох не достигал такого уровня. Я указываю на это лишь для того, чтобы вам стала ясна бесплодность дальнейшего запирательства.

— Я был неправ,— согласился я.

Он выжидательно посмотрел — теперь я завладел его вниманием.

— Вы предугадываете не Пятую Эру,— сказал я.— Вы предугадываете Шестую.

— На чем же основывается столь поразительное утверждение? — спросил он, не удивляясь.

— Очень просто,— ответил я.— Вы — из Пятой Эры. Мне следовало догадаться об этом раньше. И вы проникли в Пекс-Центр.

Еще секунд тридцать он глядел на меня ледяным взглядом, потом расслабился.

— А вы проникли в нашу инфильтрацию,— заметил он.

Я бросил взгляд на двух вооруженных мальчиков: они восприняли откровения спокойно. Стало очевидным, что они были частью группы.

— К сожалению,— продолжал Координатор,— до сих пор операция проходила весьма гладко — за исключением срыва, вызванного вашим вмешательством. Впрочем, вы не успели причинить нам непоправимого вреда.

— Да. Пока,— согласился я.

Он повел бровью.

— Вы осознали свое положение, как только очутились в изоляции,— я пользуюсь термином неточно — на исторгнутой станции?

— Тогда у меня мелькнула догадка. Действия Джарда совершенно сбили меня с толку. Теперь-то я понимаю, что он просто следовал приказаниям — вашим приказаниям — и расставил для меня ловушку. Он переместил станцию в нуль-временную вакуоль, используя неизвестную в Пекс-Центре технику, предварительно обманом выманил меня наружу. Таким образом мне пришлось воспользоваться аварийным приводом, чтобы вернуться. Вернуться в тупик. Просто и эффективно — в известной степени.

— Теперь вы в наших руках. Вы обезврежены,— сказал Координатор.— Так что операция прошла в высшей степени удовлетворительно.

Я покачал головой и лениво усмехнулся, но усмешка пропала даром.

— Когда я разглядел направление петли, то раскусил вмешательство Пекс-Центра. Но если так, то налицо прямой саботаж политики Пекс-Центра. Напрашивается вывод: инфильтрация.

— Наша удача, что вы не продвинулись в своих размышлениях еще на шаг,— сказал он.— Если бы вам уда-

лось избежать прощупывания при извлечении, то вы бы могли разрушить труд миллионолетий.

— Напрасный труд,— уточнил я.

— В самом деле? Вы можете ошибаться, агент. Тот очевидный вывод, что вы представляете Шестую Эру, вовсе не обязательно означает ваше превосходство. В истории имели место периоды упадка, это факт.

Он произнес это с той же железной уверенностью, что и раньше, но в голове прозвучал слабый шепоток сомнения.

Тут я понял, для чего Координатор затеял это интервью. Он прощупывал меня, пытаясь узнать намерения тигра, которого держал за хвост. Определить насколько силен противник.

— Только не в данном случае,— возразил я.— Да и вообще ваше утверждение спорно.

— Как бы то ни было, вы у нас в руках,— сказал он просто.

— Пошевелите извилинами,— сказал я.— Разрабатывая операцию, вы предполагали бесполезность работы Пекс-Центра. Разве не следует отсюда, что более поздняя эра способна выявить и ваши заблуждения?

— Мы не ошибаемся.

— Будь это так, меня бы здесь не было.

— Непостижимо! — воскликнул он.— Семнадцать тысячелетий длился процесс распада и каждая попытка замедлить ход разрушения лишь ускоряла его. При первом же вмешательстве в естественный поток времени человек посеял семена грядущего хаоса. Проделав пробоину в энтропическом канале, он позволил неисчислимым силам темпоральной прогрессии рассеяться по бесконечному спектру угасающих матриц. Жизнь — продукт времени. Когда плотность темпорального потока падает ниже критического, жизнь кончается. Мы стремимся предотвратить трагический конец человечества, только это и ничего более! Мы не можем потерпеть поражение!

— Нельзя возродить никогда не существовавшее прошлое,— сказал я,— как нельзя сберечь будущее, которое не наступит.

— Мы не пытаемся. Целью наших усилий является широкая программа перекройки темпоральной ткани путем сведения воедино сходящихся тенденций, путем прививания диких побегов к главному временному стволу. Мы аполитичны, мы не пропагандируем никакой идеоло-

гии. Мы довольны тем, что удастся сохранить жизнеспособность континиума.

— И вас,— сказал я.

Он посмотрел на меня странно, как бы потерянно.

— Вы хоть когда-нибудь рассматривали решение, которое исключало бы из реальности вас и вашу программу? — спросил я.

— Для чего?

— Вы сами являетесь одним из последствий того вмешательства во время, которое столь рьяно вознамерились устранить,— сказал я.— Не сомневаюсь, что вы стерпели бы мысль о каком-нибудь темпоральном черенковании, которое отсекло бы от древа вашу собственную ветвь?

— Зачем? Какой смысл в подобном самоубийстве? Да и как бы мы могли реализовывать свои замыслы, если бы не существовали?

— Неплохой вопрос,— согласился я.

— Вот еще один,— продолжал он тоном победившего в споре человека.— Чем же может руководствоваться ваша Эра, стремясь разрушить сердцевину реальности, от которой непреложно зависит любое мыслимое будущее?

Мне захотелось вздохнуть, но я сдержался.

— Первые чистильщики времени дружно взялись за дело, чтобы исправить ошибки прошлого. А кто пришел после них, столкнулись с еще большими хлопотами: им пришлось убирать за уборщиками. Пекс-Центр попытался взглянуть на это шире и вернуть все в исходное состояние, как было до вмешательства. Вы еще тщеславнее. Вы используете Пекс-Центр для манипуляции не прошлым, а будущим...

— Действия в будущем невозможны,— сказал он четко, как излагающий закон божий Моисей.

— Мгм... Но для вас Пятая Эра не будущее, верно? Это устанавливает вам предел. Но вам следовало проявить побольше сообразительности. Если вы суете свой нос в прошлое, то что удержит будущее от вмешательства в ваши дела?

— Уж не пытаетесь ли вы уверить меня, что любая попытка возместить причиненный ущерб, остановить процесс распада, обречена?

— Сколько бы человек ни пытался обуздать судьбу, не миновать поражения. Каждый диктаторишка, когда пытается заковать в цепи весь народ, постигает эту истину на свой лад. Секрет человека в его нетерпимости к оковам. Само его существование основывается на факторе

случайности. Отнимите свободу воли и ничего не останется.

— Это пораженческая доктрина,— сказал он сурово.— Опасная доктрина. И я намерен бороться с ней всеми доступными средствами. Теперь вы расскажите, кто вас сюда прислал, кто руководит всеми действиями, где оперативная база. Все.

— И не подумаю.

Он чуть заметно шевельнулся, и в воздухе послышался свист. Потом заговорил суровым, не терпящим возражений голосом.

— Вы чувствуете себя в полной безопасности, агент. Вы уверены, поскольку представляете более позднюю Эру, что неизмеримо превосходите любую развитую державу. Но мускулистый дурак может заковать гения. Вы в моих руках. Мы замкнуты в ахроническом эксклаве нулевых темпоральных измерений, оторваны от любого мыслимого влияния извне. Вы полностью изолированы. Любое орудие самоубийства в ваших руках бесполезно, как и любое приспособление для темпорального скачка. Если даже вы покончите с собой, ваш мозг мгновенно занишут и выжмут все сведения, вплоть до информации на подсознательном уровне.

— Придумано довольно тщательно,— сказал я,— и все же не до конца. Вы действительно защищены от опасности извне, но беззащитны внутри.

Координатор нахмурился. Замечание ему не понравилось. Он выпрямился и сделал резкий жест вооруженным охранникам. Я знал, что сейчас последует приказ убить, и прежде чем он смог отдать команду, спустил курок мыслеблока, ждавшего до этой минуты под слоем глубокого гипноза. Он так и застыл — с открытым ртом и взглядом ожесточения в глазах.

XXXVIII

Сумеречный свет нуль-временного стазиса тускло освещал неестественно напряженные лица Координатора и двух вооруженных людей, неподвижно замерших рядом со мной. Я прошел между ними, словно муха в сиропе, и вышел в коридор. Единственным звуком было размеренное, всепроникающее, похожее на стук метронома биение, представляющее по мнению некоторых теоретиков

интенсивность распространения основной частоты цикла сотворения и распада реальности.

Комната за комнатой проходили передо мной. Я обследовал каждый квадратный дюйм темпостанции. Сотрудники напоминали обитателей заколдованного замка со спящей красавицей. Я неторопливо пролистал папки и записи в документах. Агенты Пятой Эры потрудились на славу. Нигде ни малейшего намека на планы операций, никакого ключа к давности их проникновения в программу Пекс-Центра. Подобная информация, несомненно, представляла интерес. Но я уже завершил первую фазу своей миссии: вывел фактор случайности, создававший аномалии в многопорядковых темпокартах эпохи.

Из всего персонала станции, состоявшего в общей сложности из ста двадцати человек, четверо были заслан ы из Пятой Эры: факт, буквально бросавшийся в глаза, в состоянии стазиса их окружала отчетливая аура, создаваемая ненормально высоким темпоральным потенциалом. Я обработал сектора их постоянной памяти и переправил в годографы происхождений. Определенно, кому-то придется почесать затылки и лишний раз проверить аппаратуру, когда первые же попытки вернуть их к действительности Пекс-Центра потерпят фиаско. Все четверо попадут в феномен замкнутой петли и надолго выйдут из строя.

Документация также потребовала определенного внимания. Я воспользовался ближайшим сканнером и отредактировал записи таким образом, чтобы исключить всякое свидетельство, которое может привести инспекторов Пекс-Центра к нежелаемым догадкам.

Я уже заканчивал возиться с бумагами, когда в коридоре у двери архива услышал шаги.

XXXIX

Вторжение не вызвало удивления, хотя передвигаться в нуль-времени без защитного вихревого поля никто не мог. Я ждал посетителя: по крайней мере, ситуация к этому располагала.

Вошедший в дверь незнакомец оказался высоким, отлично сложенным и совершенно безволосым человеком, одетым в элегантный алый костюм с пурпурными узорами в виде розовато-лиловых угрей среди красных водо-

рослей. Он окинул помещение мимолетным взглядом, в долю секунды отпечатал в мозгу всю картину и кивнул мне как случайному знакомому по клубу.

— У вас неплохо получается,— усмехнулся он.

Он говорил без ощутимого акцента, но с довольно странным ритмом в речи, словно обычно привык произносить слова немного быстрее. Голос звучал приятным музыкальным баритоном.

— Не так хорошо, как хотелось бы,— ответил я.— Слишком много нерациональных передвижений. Я даже уже засомневался, кто кому строит ловушки.

— Не скромничайте,— отозвался он, как бы признавая, что нам не избежать обмена любезностями.— Мы убедились, что вы блестяще справились с заданием, причем довольно сложным.

— Благодарю,— сказал я.— А кто это «мы»?

— До сего момента,— продолжал он, не утруждая себя ответом.— Мы одобряли ваши действия. Но дальнейшее выполнение вашей миссии может вызвать восьмипорядочный вероятностный вихрь. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в значении этого факта?

— Возможно,— уклонился я.— Кто вы? Как сюда попали? Этот энклав изолирован с двух сторон.

— Думаю, нам имеет смысл договориться с вами на основе полного доверия,— сказал человек в красном.— Я знаю вас, вашу миссию. Мое присутствие здесь является тому достаточным свидетельством. Я представляю более позднюю эпоху и, следовательно, наше мнение более веско, чем полученные вами инструкции.

Я хмыкнул.

— Итак, на сцену выходит Седьмая Эра, полная благих намерений воцариться на веки веков.

— Не стану напоминать вам о нашем преимуществе — не только техническом, но и равным образом в понимании континиума — ибо это значило бы доказывать очевидное.

— Как сказать. На чем основывается ваша уверенность, что не отыщется еще одной группы из «комитета бдительности», которая сядет вам на хвост с теми же намерениями?

— Дело в том, что никаких Чисток Времени больше не будет,— сказал он.— Наше вмешательство является Конечным. Усилиями Седьмой Эры темпоральная структура не только восстановит стабильность, но и укрепится

отводом целого спектра неугодных энтропических векторов.

Я устало кивнул.

— Понятно. Вы исправляете природу, вновь прививаете ростки нереализованной истории к главному временному стволу. Вам не приходила в голову мысль, что это как раз то благородное вмешательство, к которому прибегали примитивные чистильщики времени?

— Я живу в эпоху, уже начавшую пожинать плоды темпорального усиления,— сказал он.— Мы существуем в состоянии жизнеспособности, которое предыдущие эпохи могли только смутно чувствовать в моменты экзальтации. Мы...

— Вы дурачите сами себя, увеличивая на порядок сложность вмешательства. Вы порождаете совершенно новый уровень проблемы.

— Наши вычисления доказывают обратное. Теперь...

— Задумайтесь, в темпоральном континууме существует естественный эволюционный процесс, а вы нарушаете его. Сознание человека развивается, достигает определенной точки и совершает скачок, распространяясь на совершенно иной концептуальный уровень. А что произойдет, если для его поддержания потребуется матрица вероятностных факторов? Вы отдаете себе отчет, что кормитесь посевами далекого будущего?

В первый момент он заколебался, но только на мгновение.

— Не логично,— ответил он.— Отсутствие какого-либо вмешательства со стороны позднейшей эпохи — лучшее доказательство нашей правоты.

— Допустим, позднейшая эра все же вмешалась. Какую форму, по-вашему, примет их акция?

Он равнодушно глянул на меня.

— Не форму же агента Шестой Эры, деловито стирающего сведения из записей Третьей и Четвертой.

— Вы правы,— сказал я.

— Тогда...— начал он убеждающим тоном... и запнулся. Догадка забрезжила в сознании, но она ему не понравилась.— Вы? — пробормотал он.— Неужели вы?!

И прежде чем я успел подтвердить или отречься, он исчез.

XXXX

Человеческое сознание является схемой, ничего более. Уже первый проблеск разума в развивающемся мозгу австралопитека отражал зародышевый узор. И через века, по мере того как человеческий нервный двигатель наращивал мощь и сложность, в геометрической прогрессии увеличивая контроль над окружающей средой, схема никогда не менялась.

Человек цепляется за свое положение психологического центра вселенной. В рамках собственного сосредоточения он готов принять любой вызов, выстрадать любую утрату, вытерпеть любые трудности — до тех пор, пока структура сохраняет целостность. А без этого у него нет ни одного эталона, с которым можно было бы соразмерить его чаяния, утраты и победы.

Даже когда свет разума показывает человеку, что сама структура является продуктом мозга, что бесконечность не знает никаких эталонов, а вечность никакой длительности, все же он не расстается с концепцией «вещи в себе», подобно философу, цепляющемуся за жизнь, даже если в ней существует смерть, стремящемуся к идеалам, в эфемерности которых не сомневается, к деяниям, которые неизбежно предадут забвению.

Человек в красном был продуктом могущественнейшей культуры, расцветшей почти пятьдесят тысяч лет спустя после падения Некс-Центра, самого отдаленного десятью тысячелетиями от первых темпоральных исследований Старой Эры. С полным сознанием великолепно подготовленного разума, он осознал, что существование оперативного агента из позднейшей эры делает несостоятельным образ стабильного континуума и предвещает его народу трагический конец.

Но подобно полевой мыши, бегством спасающейся от когтей дикого кота, его инстинктивной реакцией на угрозу взлелеянной иллюзии было стремление скрыться. Где бы он не затаился, мне предстояло последовать за ним.

XXXXI

С чувством сожаления снимал я слой за слоем с заторможенных областей, ощущал импульс поднимающихся уровней сознания, которые обрушились на меня подобно

кампепаду. И с каждым толчком безукоризненная точность залов Пекс-Центра обращалась в убогую поделку, пышная сложность оборудования вырождалась, пока не сравнялась в значении с грязными побрякушками дикарей или блестящими безделушками в гнезде вороны. Я почувствовал, как развертывается вокруг меня многоуровневая вселенная, ощутил под ногами слои планеты, оценил беспредельность пространства со сгустками пыли, увидел бег звезд по орбитам, вновь постиг миг сотворения и распада галактик, объял и воссоединил в сознании взаимопересекающиеся сферы времени и пространства, прошлого и будущего, бытия и небытия...

Затем сфокусировал крохотную частичку сознания на ряби в стеклянной поверхности первопорядка реальности, прощупал ее, замкнул контакт...

Я стоял на ветреном склоне среди кустарников, цепляющихся за каменистую почву обнаженными корнями как руки утопающего. Человек в красном замер в тридцати футах. Под ногами у меня зашуршала галька, он резко обернулся и глаза его расширились.

— Нет! — воскликнул он, стараясь перекричать ветер, нагнулся, схватил древнее оружие человеко-обезьяны и швырнул в меня. Камень замедлил полет и упал к моим ногам.

— Не осложняйте свое положение,— сказал я.

Он вскрикнул — нечленораздельный возглас ненависти, вырвавшийся из самых глубин инстинкта — и исчез. Я последовал за ним сквозь мерцание света и тьмы...

Жар и слепящий свет солнца живо напомнили мне о Береге Динозавров, оставшемся далеко в простом мире. Под ногами шелестел мелкий как пыль песок. Где-то вдали очерчивала горизонт дымка черных деревьев. Человек в красном стоял рядом и целился в меня из небольшого плоского оружия. За ним, совершая натруженными руками мистические движения, застыли двое темнобородых людей в грязных накидках из грубой шерсти.

Он выстрелил. Сквозь всполохи розового и зеленого огня, мерцающего вокруг меня, я увидел в его глазах ужас. Он исчез.

Глубокая ночь, комья замерзшего поля, пятно желтого света из затянутого пергаментом окна жалкой лачуги. Он скрючился у низкой ограды в тени словно испуганное животное.

— Это бесполезно,— сказал я.— Конец неизбежен.

Он закричал и исчез.

Небо ревело под ураганным ветром. Огромные полотна молний пробивали извивающиеся лоскуты черных облаков. Земля клокотала под ногами, сдерживая напор лавы.

Он парил передо мной, лишь отчасти сохраняя материальную оболочку — призрак далекого будущего на заре планеты. Бледное лицо скривила гримаса агонии.

— Вы погубите себя,— закричал я сквозь грохот и вой ветра.— Вы уже за пределами оперативных мощностей...

Он исчез. Я последовал за ним.

Мы стояли на высокой дуге безопорного моста, сгибающегося над сотворенным человеком ущельем в десять тысяч футов глубиной. Я узнал город Пятой Эры.

— Что вам нужно от меня? — крикнул он, по-звериному оскалив зубы.

— Возвращайтесь,— сказал я.— И передайте им... пусть они узнают.

— Мы были так близко! — простонал он.— Нам казалось, что мы уже одержали великую победу над Пустотой.

— Пустота наступит не скоро. У вас остается жизнь, как и раньше...

— Кроме будущего. Мы — тупик, не так ли? Мы выкачали энергию тысяч стерильных энтропийных линий, чтобы вдохнуть жизнь в труп нашей реальности. Но за нами ничего нет! Только великая пустота.

— У каждого есть предназначенная ему историей роль. Вы свою сыграли — и будете играть. Ничто не должно измениться.

— Но вы...— обратился он ко мне через разделяющее пространство.— Кто вы?

— Вы знаете ответ,— сказал я.

Его лицо побелело как лист бумаги, на котором начертано слово смерть. Но ум не потерял проницательности. Недаром прошли тридать тысячелетий генетической селекции. Он подавил панику и взял себя в руки.

— Как... как долго? — прохрипел он.

— Биосфера исчезла в сто десять тысяч четыреста девяносто третьем году Конечной Эры,— сказал я.

— Вы... вы, машины...— выдавил он с трудом.— Сколько же?

— Меня извлекли из земного годографа четыреста миллионов лет спустя после Конечной Эры. Мое существование охватывает период, который вы бы посчитали бессмысленным.

— Но почему? Если только не...— Словно луч прожектора темную воду, надежда осветила его лицо.

— Распад вероятностной матрицы пока еще обратим,— сказал я.— Наши усилия направлены к благоприятному решению.

— И вы — машина — продолжаете действовать спустя миллионы лет после вымирания человека... почему?

— Мечта человека пережила в нас его расу. Мы стремимся возродить жизнь.

— Снова? Зачем?

— Расчеты показали, что человек пожелал бы этого.

Он засмеялся ужасающим смехом.

— Очень хорошо, машина. Эта мысль утешает меня, и я возвращаюсь в забвение с миром. Мы поддержим ваше отчаянное усилие.

На этот раз я позволил ему уйти. Потом еще какое-то мгновение постоял на воздушной паутинке, наслаждаясь напоследок ощущениями телесной оболочки, глубоко вдыхая воздух этой невообразимо далекой эпохи.

Затем отбыл в точку своего происхождения.

XXXXII

Сверхинтеллект, частицу которого я представлял, встретил меня. Еще свежа была память материального состояния. Импульсы мысли приобрели форму гремящего в просторной аудитории зычного голоса.

— Эксперимент завершился удачно,— констатировал он.— Главный временной ствол очищен от шлака. Человек стоит у устья Первой Эры. Все прочее стерто. Теперь он держит будущее в собственных руках.

Я понял, что работа закончена. Мы победили.

Больше ничего не оставалось, нам не было нужды обмениваться сведениями и не было причин оплакивать обреченные достижения исчезнувших эпох.

Мы сместили основной энтропический поток в прошлое, в котором путешествия во времени никогда не откроют, в котором основные законы природы сделали их невозможными. Мировое государство Третьей Эры, Мозг Пек-Центра, Звездная Империя Пятой Эры, Космическое Ваяние Шестой Эры — все исчезло в тупиковых ветвях, как это произошло до них с неандертальцем и гигантскими ящерами. Осталась только жизнеспособная ветвь человека Старой Эры: человека Железного Века Двадцатого Столетия.

— А мы не ошибаемся? — спросил я.— Как мы можем быть уверены в наших усилиях, если они уже предпринимались и до нас?

— Наше отличие от предшественников в неизбежном собственном исчезновении в случае успеха.

— Потому что мы — машины,— сказал.— Но карги тоже машины.

— Они слишком близки к своему создателю, слишком похожи на человека. Они цеплялись за существование, наслаждались жизнью, которой их наделил человек. Но ты и я — высшая машина — продукт сотен тысячелетий эволюции без соответствующих человеческих эмоций.

У меня возникло неожиданное желание поболтать, обсудить стратегию охоты от первого предчувствия, заставившего упустить первоначальную цель — Исполнителя в черном — и сосредоточиться на карге, до последней дуэли со сверхкаргом, в которой беспомощная Меллия послужила приманкой и заманила переусердствовавшую человекоподобную машину в западню.

Все закончилось, кануло в прошлое, стало историей. Впрочем нет, Пекс-Центр, карга, Берег Динозавров навсегда вычеркнуты из существования. А надгробные речи годятся только для людей, только они нуждаются в сочувствии.

— Ты настоящий парень, шеф,— сказал я.— Считаю за честь работать под твоим руководством.

В ответ я ощутил смутный импульс, который лишь отдаленно сопоставлялся с удивлением человека.

— Ты хорошо послужил плану и сменил много личностей. Ты перенял природу раннего человека гораздо полнее, чем это можно воспринять в пределах возможностей машины.

— Человек — странное и ограниченное существо,—

сказал я.— Объем его знаний ничтожен. Но все-таки жизнь казалась настолько полной и законченной, что нам со всеми преимуществами понять не дано.

Последовало молчание. И на прощание он сказал:

— Ты выполнил задание и заслужил награду. Она бессмысленна, но тем слаще..

И я рассыпался на затухающие колебания... Пустота...

XXXXIII

В пустоте мерцала крохотная точка света. Она росла, становилась ярче и, наконец, превратилась в замерзший стеклянный шар на вершине окрашенного в зеленый цвет железнодорожного столба, стоящего на полоске зеленой травы. Свет фонаря освещал темные кусты, скамейку, урну.

Я стоял в аллее, пошатываясь от легкого головокружения. Мимо прошел человек, быстро миновал освещенный участок и скрылся в темноте. Это был высокий худощавый мужчина, одетый в темные брюки и рубашку без галстука. Я узнал его: это был я. Я вновь находился в Буффало, штат Нью-Йорк, в августе 1936 года.

Мой двойник шагнул с дорожки в глубокую тень. Тут я вспомнил: еще несколько секунд и я наберу код, вернусь на Берег Динозавров и исчезну в бесконечной петле времени или вообще в нигде, но это уже философский вопрос, зависящий от вашего отношения к несуществующим страницам истории.

А дома перед уютным камином меня ожидала Лайза.

Из кустов донеслось приглушенное — бум! взрывающегося воздуха. Он ушел. Может быть стоило подбодрить его напоследок, сказать, что не все еще потеряно и мы им покажем, где раки зимуют!? Нет, ни к чему теперь заигрывать со структурой нереализованного будущего и поддаваться сентиментальному порыву. Я повернулся и быстрым шагом направился к дому.

Я был уже в нашем квартале, когда увидел человека в черном. Размахивая тростью, он уверенно переходил улицу, как спешивший на приятное летнее рандеву человек.

Я укрылся в тени и последовал за ним до моего дома. Он открыл калитку, прошел по дорожке, поднялся по ступенькам, нажал на звонок и замер в ожидании, представляя собой картину непробиваемого чванства.

Через мгновение к двери подойдет Лайза. Я почти слышал разговор: миссис Келли — он слегка приподнимет фетровую шляпу — произошел несчастный случай. Ваш супруг, нет, нет, ничего серьезного. Но если вы соизволите пройти со мной... У меня там машина...

И она сбежит по ступенькам и кинется к машине — прочь из Буффало, из 1936 года, из этого мира. Техники Конечной Власти обработают сознание, переименуют в Меллию Гейл и пошлют в пустыню на встречу с парнем по имени Рейвел.

Я молча прошел по дорожке и шумно поднялся на крыльцо. Он быстро развернулся и сунул руку под пиджак. Я дал ему возможность вынуть оружие, потом ударом выбил пистолет. Тот по высокой дуге отлетел на лужайку. Исполнитель схватился за руку, отшатнулся к подпорке и застонал.

— Исчезни, черномазый,— сказал я.— И не забудь подобрать пистолет на обратном пути. Я не хочу, чтобы соседская собака принесла его домой. Пойдут разговоры.

Он скользнул мимо меня, метнулся по ступенькам и исчез в ночи. В следующее мгновение что-то блеснуло и пропало в моем сознании. Охватило странное чувство что-то забывшего человека. В памяти промелькнули расплывающиеся образы странных сцен, темный склон холма, металлические постройки, гигантские ревущие машины, берег с динозаврами. И это ушло.

Я потер голову, но ничего не вспомнил. Почудилось, наверное. Да и разве это важно, разве важнее, чем жить в такую как сегодня ночь.

Дверь открылась и на пороге появилась Лайза.

XXXXIV

Я проснулся ночью и уловил мысли великой машины, созерцавшей конец долгой драмы своего существования. На мгновение я и она загрустили, как грустит человек, теряя без возврата нечто невыразимо прекрасное.

Пробил час свершения воли сверхинтеллекта, прежде чем он растворится в зародышевом кванте энергии, в котором зародился. Но в последнее мгновение — последний человеческий жест будущему, которое придет, и прошлому, которого уже не будет, в беспредельную пустоту я послал наш последний с машиной импульс:

ПРОЩАЙ!!!

ВСЕМИРНЫЙ ПРОЙДОХА

I

В Артезии был полдень первого осеннего дня. Лафайет О'Лири, бывший гражданин США, а сейчас сэр Лафайет О'Лири, после того, как он был официально посвящен в рыцари принцессой Адоранной, развалясь, сидел в кресле своей просторной библиотеки у высокого, с богатыми портьерами окна, которое выходило в сад дворца. Он был одет в пурпурные бриджи, рубашку белого тяжелого шелка и туфли с золотыми пряжками. На одном его пальце сверкал гигантский изумруд рядом с серебряным кольцом, на котором был вычеканен топор и дракон. У его локтя стоял высокий хрустальный фужер с прохладительным. Из нескольких динамиков, расположенных под гобеленами, доносилась музыка Дебюсси.

О'Лири похлопал себя ладонью по рту, не пытаясь сдержать зевок, он отложил в сторону книгу, которую лениво перелистывал. Это был толстый, в кожанном переплете том Искусства Волхования, в котором была куча мелкого шрифта, но, увы, никаких специальных наставлений. В течение трех лет — с тех пор, как Централь изменила беспокоящий континуум вероятностный стресс, переместив его сюда из Кольби Корнерс — он пытался, но безуспешно вернуть себе такую недолговечную бывшую у него способность фокусировать свою физическую энергию, как это было описано в массивном томе Практики Месмеризма профессором Хансом Йозефом Шиммеркопфом. «Да, вот это была книга, в которую можно было вгрызаться зубами»,— с сожалением подумал Лафайет. А он прочитал всего лишь часть первой главы.

Какая жалость, что он не успел захватить ее с собой в Артезию. Но в последний момент все как-то пошло кувырком, а когда представился выбор между комнатами в наем м-сс Мак-Глинт и дворцовыми покоями с Дафной — кто стал бы раздумывать?

«Ах, что за веселые были денёчки»,— с нежностью подумал Лафайет. Все эти годы живя в Колби Корнерс, он подозревал, что жизнь уготовила для него нечто большее, чем карьеру мелкого торговца без гроша за душой, живущего сардинами и мечтами. И тогда он наткнулся на массивный том д-ра Шиммеркопфа. Слог был несколько тяжел и старомоден, но зато все был ясно: немного концентрации, и твои мечты могут сбыться, или, по крайней мере, могут показаться сбывшимися. А если с помощью самовнушения можно превратить свою жалкую комнатенку в роскошную спальню со свежим ночным воздухом и отдаленным звучанием музыки — почему бы не попытаться сделать это?

Он и попытался — с поразившим его самого результатом. Полный успех. Он представил себе странную старую улицу в странном старом городе — и нате вам! Там он и очутился, вместе со звуками и запахами, которые делали иллюзию полной. Даже знание того, что все это — внушенный самому себе сон, ничуть не умоньшило прелести происходящего. А затем, когда события приняли довольно угрожающий для него характер, он сделал второе удивительное открытие: если это был сон, то проснуться он уже не мог. Артезия была реальна, так же реальна, как Кольби Корнерс. Честно говоря, можно было даже предположить, что это Кольби Корнерс был сном, а когда он проснулся, он увидел, что опять находится в Артезии, где ему и должно быть.

Конечно, прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что здесь был настоящий его духовный мир. Некоторое время ему казалось, что он нашел ответ на старый вопрос: проснется ли когда-нибудь человек, которому приснилось, что он упал со скалы. В его случае это была, конечно, не скала, но, пожалуй, падение со скалы было единственной опасностью, которой он не подвергался. Сначала ему пришел вызов от графа Алана, и от последствий дуэли спасла его Дафна, аккуратно и в нужный момент бросившая с верхнего этажа дворца свой ночной горшок. Затем король Горубль стал настаивать, чтобы он убил дракона — если не хочет, чтобы ему просто свернули шею. А после этого его жизни угрожало

множество всяких других опасностей, которые кончились тем, что ему пришлось отделаться от Лода, двухголового великана. А затем открытие того, что Лод был переброшен в Артезию из другого измерения вместе со своим любимцем аллозавром, и все это по приказанию фальшивого короля Горубля.

И скорее по чистой случайности, это уж Лафайет знал точно, ему даже удалось доказать, что узурпатор убил бывшего короля и транспортировал его наследника в другое измерение, используя незаконный путепроходец, который он прихватил с собой, бросив свой пост агента Централи, где он занимался межизмеренческими делами. И он успел как раз вовремя, чтобы помешать Горублю обеспечить свое положение путем избавления от принцессы Адоранны. И это была чистая случайность, что Горубль, считая себя смертельно раненым, признался Лафайету, что он — О'Лири — и был истинным королем Артезии.

После этого некоторое время ситуация была поистине неловкая — но затем Горубль сам уготовил свою судьбу, разрешил все проблемы, случайно наткнувшись на Путепроходца, который в ту же секунду вышвырнул его из жизни, после чего Лафайет отрекся от престола в пользу принцессы и начал вести роскошную и спокойную жизнь с нежной и верной Дафной.

Лафайет вздохнул и поднялся с кресла, глядя в окно. Там внизу, в садах дворца готовилось нечто вроде послеполуденного чая. «Или, по крайней мере, все уже закончилось»,— внезапно подумал он, потому что не было слышно ни болтовни, ни смеха, замолкших несколько минут назад, а лужайки и тропки были почти пустынны. Несколько задержавшихся гостей направлялось к воротам, одинокий дворецкий торопился на кухню с подносом пустых чашек, тарелок и смятых салфеток. Служанка в короткой юбке, из-под которой торчала пара неплохих ножек, стряхивала крошки с мраморного стола у фонтана. При виде ее несколько открытого наряда Лафайет почувствовал укол ностальгии. Если он чуть расфокусирует свое зрение, то можно представить себе, что это Дафна, такая, какой он увидел ее впервые. «Как-то раньше все было веселее, ярче, проще»,— меланхолично подумал он. Конечно, были свои неприятности в те времена: старый король Горубль очень уж хотел отрубить ему голову, у Лода-великана были похожие намерения, да и к тому же еще эта история с драконом, не говоря

уже о запутанных проблемах графа Алана и Красного Быка.

Но сейчас Лод и дракон были мертвы — плохой дракон, конечно. Любимец Лафайета игуанодон жил вполне счастливой жизнью в стойле, переделанном из бывшего порохового склада, съедая свою обычную порцию из двенадцати стогов свежей соломы ежедневно. Алан был женат на Адоранне и был вполне лицеприятен, после того, как ему уже не надо было ревновать. А Красный Бык опубликовал свои мемуары и после этого стал настоятелем маленькой гостиницы на окраине столицы, которую он назвал «Одноглазый мужчина». Что же касается Горубля, вообще не было известно, куда он делся с тех самых пор, как его вышвырнули из этого измерения. Дафна была все той же неглупой и очаровательной женщиной, что и всегда. То, что она из служанок стала графиней, не вскружило ей голову, тем не менее с некоторых пор она почти все время проводила в светских развлечениях и веселых забавах. Не то, чтобы он действительно хотел, чтобы он был объявлен преступником вне закона, а она была дворцовой служанкой, бескорыстно любившей его, но...

Да, в последнее время ничего особенного не происходило, да и не особенного тоже — разве что обычный веселый ужин, как, например, сегодня вечером. Лафайет опять вздохнул. Как приятно было бы просто посидеть с Дафной в каком-нибудь кабачке тет-а-тет, и чтобы играла музыка...

Он тряхнул головой, как бы избавляясь от наваждения. В Артезии не было кабачков, не было музыки. Здесь были только таверны, которые назывались гостиницами, где можно было выпить кружку пива, съесть сочный кусок свежего мяса и посидеть при дымном свете высоких свечей. Кстати, почему бы им и не отобедать в одной из них? Не так уж обязательно было участвовать им еще в одном роскошном дворцовом пиршестве.

Внезапно возбужденный этой мыслью, Лафайет пошел к двери, потом зашел в другую комнату, открыл шкаф, ослепивший его своими нарядами, схватил куртку вишневого цвета с серебряными пуговицами. Не то, чтобы она ему была нужна по погоде, но этикет этого требовал. Если он появится на людях в рубашке с короткими рукавами, на него будут смотреть, Дафна расстроится, Адоранна поднимет свою идеально натянутую бровь...

«Вот к чему все это привело»,— подумал Лафайет, натягивая куртку на ходу и спеша через зал. Рутина. Скучные формальности. О, боги, а разве не этого он хотел, мечтая избавиться от жизни мелкого торговца без гроша за душой в Штатах? Правда, он и сейчас находился в штатах, по крайней мере, географически, напомнил он себе. Артезия была расположена на том же месте на карте, что и Колби Корнерс. Просто он был в другом измерении, где предполагалась другая жизнь.

Но что это за жизнь была у него в последнее время? Королевский бал, королевская охота, королевская регата. Нескончаемые блестящие праздники, в которых участвовало *блестящее общество, которое вело блестящие разговоры*...

Ну и что? Что в этом было плохого? Разве не об этом он мечтал в снимаемой им комнатенке, открывая очередную коробку сардин на очередной ужин?

«Об этом»,— признался он себе. И все же... все же ему было скучно...

Скучно. В Артезии, земле его мечты. Скучно.

— Но... это же бессмыслица! — воскликнул он вслух, спускаясь по широкой спиральной лестнице в Гранд Зал, увешанный зеркалами в золотых рамах.— У меня есть все, о чем я мечтал, а то, чего у меня нет, стоит только приказать, как тут же будет. Дафна нежна, как маленькая пташка, не женщина, а мечта мужчины, я могу выбрать себе любого скакуна в королевских конюшнях, не говоря уже о Динии, в моем гардеробе двести костюмов, каждый вечер дается банкет... и...

Он шел по черно-красному гранитному полу и его шаги отдавались эхом, и у него возникло внезапное чувство усталости при мысли о завтрашнем банкете, еще одном банкете, еще об одном дне ничегонеделания.

— Но чего, в конце концов, я хочу? — громко потребовал он вслух сам от себя, проходя мимо своих отражений в высоких зеркалах.— Ведь работаешь как собака, только для того, чтобы заработать деньги, которые дадут возможность делать то, что захочешь. А я уже делаю то, что мне хочется.

Он искоса посмотрел на свое вишневое и пурпурное с позолотой отражение.

— Разве нет?

— Мы уедем отсюда,— бормотал он, торопливо идя по саду.— В горы или куда-нибудь в пустыню. Или на берег моря. Могу поспорить, что Дафне никогда не приходи-

лось купаться голой в лунном свете. По крайней мере, не со мной. И мы возьмем с собой немного съестного и сами будем готовить, ловить рыбу, смотреть на птичек, заниматься ботаническими исследованиями и...

Он остановился у широкой террасы, глядя на зелень внизу, пытаясь отыскать глазами изящную фигурку Дафны. Последний из гостей вышел в ворота, исчез дворецкий. Один престарелый садовник ковырялся в дальнем углу сада.

Лафайет замедлил шаг и пошел по тропинке, почти не замечая одуряющего запаха герани, ленивого жужжания пчел, мягких вздохов ветерка по красиво подстриженным верхушкам деревьев. Его энтузиазм постепенно сменился апатией. Что хорошего было в том, чтобы куда-нибудь уезжать? Он останется тем же самым Лафайетом О'Лири, а Дафна — той же девушкой, что и здесь. Возможно, после первой новизны он начнет скучать о своем удобном кресле и доверху набитом холодильнике, а Дафна начнет переживать по поводу своей прически и задумываться, что происходит во дворце во время ее отсутствия. А потом их будут кусать насекомые, они будут обгорать на горячем солнце и мерзнуть по ночам, есть подгорелую пищу, да еще куча всяких неудобств, от которых он так отвык.

На мгновение в конце тропинки показалась высокая фигура: граф Алан куда-то торопился. Лафайет позвал его, но когда он подошел к перекрестку, там уже никого не было. Он повернул обратно теперь уже в совершенно подавленном настроении, как он сам подумал. Впервые за три года у него возникло то же самое чувство, что и в Колби Корнерс, когда он шел вечером прогуляться вокруг городского квартала и смотрел на желтые фонари в темноте, думая о вещах, которые ему когда-нибудь удастся сделать...

Лафайет выпрямился. Он вел себя, как мальчик. Ему повезло больше всех в мире — в любом мире — и ему только и оставалось, что наслаждаться всем этим. К чему рубить сук, на котором сидишь? Обед был через час. Он пойдет на него, как всегда, и будет слушать застольную беседу, тоже как всегда. Правда, пока его еще не тянуло возвратиться во дворец — вряд ли из него получится прямо сейчас блестящий собеседник. Лучше ему некоторое время посидеть на любимой мраморной скамейке и прочитать страничку-другую текущего выпуска «Популярного волшебства» и настроить себя на нужный лад для

веселой и строумной беседы за обеденным столом. Только надо не забыть сказать Дафне, как потрясающе она выглядит в ее артезианском наряде по последней моде, а после обеда они смоются в их спальню и...

Теперь, когда он подумал о этом, ему пришло в голову, что давно уже он не нашептывал подобных предложений в нежные ушки Дафны. Он был слишком занят своим вином и своими разговорами, а Дафна, конечно, была вполне довольна тем, что сидела с другими высокопоставленными женами, обсуждая их рукоделие или что там обычно обсуждают леди, в то время как джентльмены глушат бренди, курят сигары и обмениваются неприличными анекдотами.

Лафайет остановился и нахмурился на стоящий перед ним куст азалии. Он был настолько поглощен своими мыслями, что прошел свой любимый уголок этого сада — тот самый, где рядом со скамейкой цвело миндальное дерево и раздавалось мягкое журчание фонтана, где большие вязы отбрасывали глубокую прохладную тень и откуда можно было видеть прекрасную лужайку, мягко спускающуюся к тополям на берегу озера.

Он пошел назад и очутился на том самом перекрестке, где видел Алана. Забавно. Опять он здесь. Он посмотрел на пустынные тропинки в одну и другую сторону, затем покачал головой и решительно пошел вперед. Через десять шагов он очутился перед широкой террасой, с которой недавно сошел.

— Я совсем разболтался,— пробормотал он.— Я же знаю, что это первый поворот за фонтаном.

Он остановился, неуверенно глядя на внезапно уменьшившуюся лужайку, фонтан? Никакого фонтана в виду не было, просто усыпанная гравием тропинка с опавшими листьями, деревьями по бокам и кирпичная стена по другую сторону. Но ведь кирпичная стена должна быть значительно дальше, через несколько поворотов, за утиным прудом...

Лафайет поспешно пошел вперед, свернул за поворот...

Тропинка кончалась, в каком-то грязном месиве рос тростник. Он повернулся и оказался перед сплошной стеной кустарника. Острые колючки кололи его, раздирали одежду и, когда он, в конце концов, выбрался, то оказался на небольшой лужайке с одуванчиками. Никаких цветочных клумб нигде не было. Не было скамеек. Тропинок тоже не было. Дворец имел покинутый, заброшенный вид и возвышался на фоне внезапно посеревшего

неба. Выбитые из окон стекла были как слепые глаза. На террасе ветер сдувал опавшие листья.

О'Лири быстро взбежал по ступеням террасы и через высокие двери вошел в увешанный зеркалами зал. На мраморном полу лежал толстый слой пыли. Его шаги отдавались глухим эхом, когда он быстро пересек зал и распахнул двери в караульню. Кроме затхлого запаха плесени, в ней ничего не было.

Вернувшись обратно в коридор, Лафайет закричал. Он открывал двери, заглядывал в пустые комнаты.

Потом он остановился, склонил голову набок, прислушался — но услышал лишь отдаленный крик какой-то птицы.

— Это нелепо,— услышал он собственный голос, пытаясь побороть тошнотворное чувство в желудке.— Ведь не могли же все вот так взять и уйти, ничего не сказав мне. Дафна никогда бы так не поступила...

Он пошел вверх по лестнице, перепрыгнул сразу через три ступеньки. Ковров в верхних коридорах не было, картины придворных прошлых лет тоже были сняты со стен. Он распахнул двери в свою комнату и уставился на голый пол и окна без портьер.

— Великий боже, меня обчистили! — воскликнул он.

Повернувшись к платяному шкафу, он чуть не разбил себе нос об стену. Шкафа не было, а стена была на двенадцать футов ближе, чем ей полагалось быть.

— Дафна! — взвыл он и кинулся в зал.

Зал был явно меньше, чем раньше, а потолок значительно ниже. И было темно — половины окон вообще не было. На его крик в полной пустоте откликалось только эхо. Никто не отвечал.

— Никодеус! — громко сказал он.— Мне надо позвонить Никодеусу в Централь. Он знает, что надо делать...

Лафайет кинулся к двери в башню, помчался по узкой винтовой каменной лестнице к бывшей лаборатории Придворного Мага. Никодеуса, конечно, там давно не было — он был отозван Централью для исполнения своих обязанностей в каком-то другом месте, но телефон все еще был там, запертый в стенной шкаф, если только он успеет добежать туда прежде... прежде...

О'Лири поспешно выкинул эту мысль из головы. Он даже представить не хотел, что сейф может оказаться пустым.

Тяжело дыша, он добежал до верхней площадки лестницы и ворвался в узкую комнату с гранитными сте-

нами. Здесь стояли рабочие скамьи, полки с чучелами сов, будильниками, бутылками, обрывками проволоки, какими-то странными конструкциями из меди и хрусталя. С высокого потолка в паутине свисал позолоченный скелет, теперь весь в пыли, а перед ним находилась длинная черная панель с циферблатами и счетчиками, теперь тоже молчаливая и неподвижная. Лафайет повернулся к вапертому сейфу рядом с дверью. Дрожащими пальцами достал он маленький золотой ключик, сунул его в замочную скважину, задержав дыхание, открыл дверцу. С глубоким вздохом облегчения он схватился за старинный, с бронзовой отделкой телефон. Слабо, еле слышно, до него донесся гудок.

О'Лири облизнул пересохшие губы, сосредоточенно нахмурившись.

— Девять, пять, три, четыре, девять, ноль, ноль, два, один, один,— набрал он, произнося каждую цифру вслух.

В трубке потрескивало. Лафаейт почувствовал, что пол под его ногами зашевелился. Он поглядел вниз: грубые каменные плиты исчезли и вместо них появились не менее грубые окрашенные деревянные доски.

— Звони же, черт тебя побери! — простонал он.

Оа затряс телефон и был вознагражден мягкими звоночками.

— Ответьте хоть кто-нибудь! — взвыл он.— Вы моя единственная, последняя надежда!

Струя прохладного воздуха взлохматила его волосы. Он вздрогнул и увидел, что находится в комнате без потолка, в которой не было ничего, кроме опавших листьев и птичьего помета. Пока он смотрел, изменилось и освещение. Он резко обернулся — стена, в которую был вделан сейф, исчезла вся целиком, а на ее месте стоял единственный столб.

Что-то дернуло его за руку, и телефон сейчас стоял на конструкции, напоминающей крыло ветряной мельницы, на вершине которой, казалось, сидел он сам. Схватившись изо всех сил за балку, в то время, как эта странная конструкция раскачивалась под порывами ледяного ветра, скрипя от натуги, он посмотрел вниз, на то, что с первого взгляда казалось помойкой.

— Централь! — завопил он придушенным голосом, как будто чья-то рука внезапно что было силы сжала его горло.— Вы не можете взять и вот так бросить меня здесь!

Он изо всех сил затряс телефон. Ничего не произошло. После очередных трех безуспешных попыток он повесил трубку с такой осторожностью, словно она была сделана из яичной корлупы.

Вцепившись в мельничное крыло, он уставился на окружающий его пейзаж: покрытый кустарником склон холма, спускающийся к полуразрушенному городу, примерно в четверти мили от того места, где он находился — какие-то странные жалкие строения вокруг озера. Топография, заметил он, была такой же, как и в Артезии — и, уж если на то пошло, такой, как и в Колби Корнерс — но исчезли башни, исчезли аллеи и парки, как будто их и не было вовсе.

— Исчезли...— прошептал он.— Все, на что я жаловался...

Он замолчал и сглотнул слюну.

— И все, на что я не жаловался, заодно. Дафна, наши комнаты, дворец... а ведь я уже почти пошел обедать.

При этой мысли что-то резко кольнуло его чуть ниже средней пуговицы той самой прекрасно сшитой куртки, которую он натянул всего часом раньше. Он задрожал. Становилось холодно, опускалась ночь. Первым делом надо было как-то умудриться спуститься на землю, а потом...

Его оцепенелый мозг не желал развивать эту мысль дальше.

— Прежде всего надо заняться первоочередной задачей,— сказал он себе,— а позже я подумаю, что же делать дальше.

Он попытался опустить ногу на деревянный выступ внизу.

Выступ казался непрочным, колени — какими-то слабыми. Грубое дерево ободрало ему руки.

Когда он начал потихоньку спускаться, вся конструкция как-то осела под ним, тревожно заскрипев; несмотря на холодный ветер, его лоб стал потным. Да, несомненно, легкая жизнь не пошла ему на пользу.

Прошли те дни, когда он мог подниматься на заре, завтракать сардинами, работать в вапарке целый день, обедать сардинами и все еще быть в состоянии вечерами экспериментировать с пластиками и пенициллиновыми культурами.

Как только он выберется из этого дурацкого положения — если он когда-нибудь из него выберется — ему

придется серьезно подумать о физических упражнениях: долгих прогулках, йоге, карате, джиу-джитсу и жесткой высококалорийной диете.

Звонок телефона был как звяканье, почти неслышное на открытом воздухе. Лафайет замер, слыша его эхо в своем мозгу, соображая, вообразил ли он его себе или это просто далекий звон колокола в деревне, или колокольчик коровы, если в этой местности были такие животные, как коровы, и если они носили колокольчики.

При втором звонке Лафайет сломал два ногтя, рванувшись наверх. Нога соскользнула, и мгновение он висел только на руках, чего, впрочем, даже не заметил.

Дзинь-дзинь...

Мгновением позже он схватил телефонную трубку и прижал ее к уху вверх тормашками.

— Алло! — задыхаясь, выкрикнул он.— Алло! Да? Говорит Лафайет О'Лири...

Он быстро перевернул трубку, услышав пронзительный скрипучий голос где-то в районе своего рта.

— ...это Пратвик. Субинспектор Континуума,— говорил скрипучий голос.— Простите, что пришлось нарушить ваш покой таким образом, но у нас в Централи возникла аварийная ситуация, и мы призываем на действительную службу наш персонал на определенный, надеюсь короткий, период времени. Согласно нашим данным, вы сейчас находитесь вне дел на Локус Альфа 93, Измерение В-87, Лиса 22 I-б, известная так же под названием Артезия. Это верно?

— Да,— пробормотал Лафайет,— то есть нет, не совсем. Видите ли...

— Теперь же ситуация требует, чтобы вы немедленно оставили свое настоящее положение и перешли работать в подполье в качестве заключенного строгого режима в лагере, отбывающего девяносто лет за убийство при отягчающих обстоятельствах. Понятно?

— Послушайте, м-р Пратвик, вы не совсем разобрались в ситуации,— торопливо прервал его О'Лири.— В настоящий момент я сижу на мельнице — и, по-моему, это все, что осталось от королевского дворца...

— Так что вам немедленно надлежит явиться в нашу подпольную секцию, расположенную на пересечении дворцовой водопроводной и канализационной систем в двенадцати футах под Королевским Заводом по переработке отбросов, в двух милях к северу от города. Вы, конечно, будете замаскированы: лохмотья, вши и все

такое. Наш человек проведет вас тайком в рабочий лагерь, после того, как снабдит вас необходимыми искусственными струпьями, шрамами...

Лафайет закричал:

— Подождите! Я не могу исполнить никакого секретного поручения в Артезии!

— Почему нет?

Голос звучал удивленно.

— Потому что я НЕ в Артезии, черт его дери! Я вам все уши об этом прожужжал! Я вишу на лестнице в ста футах над болотом! Я хочу сказать, что я тихо-спокойно гулял по саду, когда внезапно скамья исчезла, а за ней весь сад, а потом...

— Вы говорите, что вы НЕ в Артезии?

— Почему вы не хотите меня слушать? Произошло нечто ужасное...

— Будте добры, отвечайте, да или нет,— отрезал скрипучий голос.— Может быть, вам неизвестно, что возникла аварийная ситуация, которая может затронуть весь континуум, включая и Артезию!

— Но ведь об этом я и говорил! — взвыл О'Лири.— Нет! Я не в Артезии!

— Фу,— скрипуче сказал голос.— В таком случае, прошу простить за звонок...

— Пратвик! Не вешайте трубку! — заорал О'Лири.— Вы — моя единственная связь со всем! Мне необходимо получить помощь! Они все исчезли, вы понимаете? Дафна, Адоранна, все! Дворец, город, все королевство, насколько я могу судить...

— Послушайте, мой мальчик, допустим, я включу вас в список Пропавших Без Вести и Найденных и...

— Нет, это вы меня послушайте! Я когда-то помог вам! Теперь ваша очередь! Заберите меня отсюда и отправьте обратно в Артезию!

— Об этом не может быть и речи,— отрезал скрипучий голос.— Сегодня вечером мы обслуживаем только агентов с секретностью 9, а у вас жалкая тройка. Но...

— Вы не можете просто взять и бросить меня здесь! Где Никодеус? Он скажет вам...

— Никодеус был переброшен в Локус Бета 2-0 в обличье капуцинского монаха, занимающегося алхимическими исследованиями. Он будет вне сферы деятельности последующие 28 лет плюс-минус 6 месяцев.

Лафайет застонал:

— Не можете ли вы хоть что-нибудь сделать?

— Гм... Видите ли, О'Лири, я только что посмотрел ваше дело. Похоже, вы занимались раньше недозволенным использованием Пси-энергии, пока мы не сфокусировали на вас Подавитель. Но все же я вижу, что вы действительно оказывали нам важные услуги одно время. А теперь послушайте: у меня, конечно, нет полномочий отключить подавитель, но между нами говоря — неофициально, не забудьте — я могу обронить намек, который поможет вам. Только не вздумайте проболтаться, что я это сделал.

— Валяйте... Роняйте ваш намек, только скорее...

— Гм... как же это... О'кей, слушайте: «Смешайте конину и ножки свиньи, чтоб стали они, как веревки туги. От Бронкса миллионы едят до Майями. Ключ к этой загадке, конечно...» Ох, ох, ну, вот, О'Лири. Так я и знал! Это шаги главного инспектора! Я должен идти! Желаю счастья! Не забывайте о нас, дайте о себе знать, если, конечно, останетесь в живых!

— Подождите минутку! Вы не сказали, что это за ключ к загадке!

Лафайет бешено затряс телефон, но в ответ услышал только короткие гудки. Затем, словно плюнув, телефон замолк вообще, и в трубке наступила зловещая тишина. Лафайет застонал и повесил ее на место.

— Ножки свиньи,— пробормотал он.— Конина. И это единственное спасибо, которое я получил за все годы преданной службы, когда я делал вид, что полностью поглощен жизнью с Дафной, и празднествами, и обедами, и охотой, а на самом деле все время был наготове к немедленным действиям в любое время, когда зазвонит этот проклятый телефон...

Он перевел дыхание и заморгал глазами.

— Опять ты несешь чушь, О'Лири,— твердо сказал он себе.— Признайся: все эти годы ты наслаждался жизнью, как никогда. Ты мог набрать номер Централи в любое время и добровольно вызваться на трудную работу, но ты этого не сделал. Так что не скули, коли попал в трудный переплет. Затяни пояс потуже, правильно оцени обстановку и составь план действий.

Он посмотрел вниз. Земля, окутанная сумерками, выглядела еще более далекой, чем раньше.

— Итак... с чего же начать? — спросил он себя.— Какой первый шаг надлежит сделать, чтобы убраться из этого мира в другое измерение?

— Ах, ты, тупица, ну конечно же! — воскликнул он внезапно.— Пси-энергия! Разве не с ее помощью ты вообще попал в Артезию из Колби Корнерс? И хватит разговаривать самому с собой,— добавил он уже про себя.— Люди подумают, что ты совсем свихнулся.

Уцепившись за крыло мельницы, О'Лири закрыл глаза, сконцентрировавшись на Артезии, на ее запах, на романтических старинных улицах, причудливых дворцовых башенках, тавернах, деревянных домиках и красивых аккуратных лавочках, паровых автомобилях и сорокаваттных электрических лампочках...

Он открыл глаза. Никаких перемен. Он все еще восседал на вершине мельницы, склон холма, поросший кустарником, все еще спускался к деревне у озера. Там, в Артезии, это озеро было зеркальным прудом, в котором росли белоснежные лилии и плавали лебеди. Даже в Колби Корнерс это был довольно аккуратный пруд, в котором плавали лишь несколько оберточных бумажек из-под конфет, чтобы никто не забывал о цивилизации. Здесь же пруд выглядел большим, грязным и поросшим тростником. Пока он смотрел, какая-то женщина вышла с заднего крыльца хижины и вышвырнула отбросы из большой корзины. Лафайет поморщился и сделал вторую попытку. Он представил себе идеальный профиль Дафны, толстого шута Иокобампа, мужественное квадратное лицо графа Алана, аристократическое лицо принцессы Адораны, ее элегантную фигуру...

Ничего. Никаких перемен в ровном течении времени не происходило. Он, конечно, знал, что не может больше использовать свою Пси-энергию, с тех пор, как Централь обнаружила, что он был тем самым преступником, который вызвал вероятностные стрессы во всем континууме, и сфокусировала на нем подавитель, но он надеялся, что здесь он может обрести свои былые способности. И...

Что там говорил ему по телефону этот бюрократ? О каком-то намеке? И потом эта китайская грамота о какой-то загадке, как раз перед тем, как он повесил трубку. Нет, от этой печки ему плясать не удастся. Только он сам мог помочь себе, и чем скорее он это поймет, тем будет лучше.

— Ну, так что же делать? — громко спросил он у холодного ночного воздуха.

— Для начала надо слезть с этого вороньего гнезда,— посоветовал он себе.— Прежде чем ты не окоченел

до такой степени, что не в состоянии будешь пошевелить рукой.

С сожалением посмотрел он последний раз на телефон и начал свой долгий спуск на землю.

Было уже почти темно, когда Лафайет спрыгнул вниз и последние десять футов пролетел по воздуху, свалившись в густой кустарник. С жадностью принюхавшись, он понял, что не ошибся, и что из города до него действительно доносился восхитительный аромат жареного лука. Он побренчал монетами в кармане. Не плохо бы было найти подходящую таверну, в которой можно было бы слегка перекусить и, может быть, выпить небольшую бутылочку вина, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, а затем уже осторожно порасспросить, что к чему — конечно, максимально дипломатически. Что именно он будет спрашивать, он пока еще не знал,— но уж что-нибудь придумает. Он пошел вниз по холму, чуть прихрамывая от слегка растянутой лодыжки из-за не совсем удачного падения. Что-то уж больно хил стал он с годами.

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, когда он прыгал, как акробат, бегал по крышам, забирался по веревкам, воюя с разбойниками, усмиряя драконов, а также ухаживая и добиваясь прекрасной Дафны. При мысли о ее очаровательном личике он ощутил на мгновение какое-то щемящее чувство. Что она подумает, когда выяснится, что его нигде нет? Бедная девочка, сердце ее будет разбито, она с ума сойдет от беспокойства...

Да полно, так ли? То, как он пренебрегал ею все последнее время — ведь она может просто не заметить его отсутствия несколько дней. Возможно, в эту самую минуту ее убалтывает один из молодых придворных, которые всегда шляются по дворцу якобы для того, чтобы научиться рыцарскому поведению, а на самом деле все свое время проводят за бутылкой, игрой и с бабами...

Кулаки Лафайета сжались. Они накинутся на бедную маленькую беззащитную Дафну, как стервятники, как только поймут, что его нет. Бедная невинная девочка, она и не знает, как защититься от этих волков в овечьей шкуре. Возможно, она будет слушать все их утешения и...

— Ну, ну, хватит,— резко одернул себя Лафайет.— Дафна женщина верная, лучше не бывает, разве что чуть-чуть неосмотрительна. Но она засветит в глаз перво-

му же ухажеру, который позволит себе лишнее! Слишком много лет она махала метлой, и удар у нее что надо, да и все последнее время она держала себя в форме: скакала верхом, играла в теннис, плавала — ведь теперь она стала аристократкой.

Лафайет вспомнил ее изящную фигурку в купальном костюме, застывшую на вышке для прыжков в бассейн...

— Я же сказал — хватит,— приказал он сам себе.— Займись-ка лучше настоящей проблемой — конечно, когда выяснишь, в чем она заключается,— добавил он.

Главная улица города была грязной, немощеной, в рытвинах дорожкой, достаточно широкой разве для того, чтобы по ней проехала телега, с кучами мусора и отбросов по бокам. В окнах виднелся тусклый свет. Один-два подозрительных местных жителя оглядели его с ног до головы из теней, прежде чем скрыться в аллеях между деревьями, еще более узких и темных, чем главная дорога. Впереди скрипела грубо намалеванная вывеска, раскачиваясь перед обветшалой дверью, находившейся на две ступеньки ниже уровня улицы. На вывеске был изображен корявый человек в серой куртке и штанах, с чугунком в руке. «ТВОЯ НИЩАЯ ДОЛЯ»— было написано грубыми готическими буквами над фигурой. Лафайет почувствовал тоску, невольно сравнивая эту унылую картину с гордым рисунком топора и дракона там, в Артезии, где он неоднократно проводил вечера с группой собутыльников... оставляя Дафну дома одну,— пришла ему в голову мысль.

— По крайней мере, надеюсь, что одну,— простонал он.— Какой я был дурак. Но теперь, как только вернусь, я займусь ею по-настоящему...— он сглотнул комок, застрявший у него в горле, и толкнул дверь.

От жаркого чада в воздухе слезились глаза. В ноздри ему ударил запах кислого пива, смешанный с дымом угля, пригоревшего картофеля и другими, еще менее приятными запахами.

Он пошел по грязному неровному полу, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкие перекрытия, щели в котором были заткнуты мхом, к грязной стойке, за которой тоненькая женщина в сером домашнем переднике и запачканной косынке стояла спиной к нему, начищая черный от грязи котелок и что-то напевая себе под нос.

— Э-э-э... не могу ли я немного перекусить у вас?— спросил он.— Чего-нибудь простенького, скажем, дичи с

артишоками и бутылочку легкого винца, хоть Пулли-фиизи, примерно 59-го...

— Ну-ну,— сказала женщина, не поворачиваясь.— По крайней мере, ты не лишен чувства юмора.

— В таком случае, хотя бы простой омлет,— торопливо исправился Лафайет.— К нему очень подойдут сыр и фрукты, я думаю, и скажем, еще кружку сладкого пива.

— О'кей. Ты своего добился. Я уже смеюсь, ха-ха.

— Может быть, у вас найдется бутерброд с ветчиной? — сказал Лафайет с отчаянием в голосе.— Швейцарская ветчина на баварском ржаном хлебе — мое любимое кушанье...

— Сосиски и кружка пива,— отрезала женщина.— Хочешь бери, хочешь нет.

— Только, пожалуйста, жареные с корочкой,— торопливо сказал Лафайет.

— Эй, Халк! — повернулась женщина.— Зажарь-ка джентльмену сосисочку так, чтобы сгорела — это ему нравится.

Лафайет уставился на ее широкие большие голубые глаза, маленький прямой носик, непричесанные, но прекрасные белокурые волосы, выбивающиеся из-под косынки на лоб.

— Принцесса Адоранна! — вскричал он.— Как вы сюда попали?

II

Официантка бросила на Лафайета усталый взгляд.

— Меня зовут Свайхильда, мистер,— сказала она.— А как я сюда попала, это долгая история.

— Адоранна, разве вы не узнаете меня? Я же Лафайет! — его голос поднялся до визга.— Я разговаривал с вами всего лишь сегодня утром, за завтраком!

Дверь позади нее внезапно открылась с глухим стуком. Сердитое, с квадратной челюстью и правильными чертами, но небритое лицо выглянуло из нее.

— За завтраком, а? — взревело лицо.— Придется тебе объясниться по этому поводу, дрянь!

— Аллан! — вскричал Лафайет.— И ты тоже!

— Ты что хочешь этим сказать — тоже?

— Я имею в виду, я думал, что я один... Адоранна и я, то есть... конечно, я не понимаю до сих пор, что она... я имею в виду, что ты...

— Опять мне изменяла, да?

Длинная мускулистая рука, принадлежавшая небритому лицу, попыталась схватить девушку, но промахнулась, так как та с неожиданной живостью отпрыгнула в сторону и схватилась за сковородку.

— Только дотронься до меня, образина, и я растоплю тот жир, которым ты пользуешься вместо мозгов! — завизжала она.

— Ну, ну, спокойнее, Адоранна,— успокаивающе произнес Лафайет.— Сейчас не время для любовных ссор...

— Любовных! Ха! Если бы ты знал, чего только я натерпелась с этим ублюдком!

Она прервала свою речь, потому что в эту минуту предмет их обсуждений выскочил из кухни, чуть не сломав двери. Она быстро отскочила в сторону, потом размахнулась тяжелой чугунной сковородкой на длинной ручке и с грохотом опустила ее на его нечесаную голову. Сделав два шага на негнущихся ногах, он сел на стойку, и лицо его оказалось в шести дюймах от Лафайета.

— Так что тебе приготовить, парень? — пробормотал он и куда-то скользнул, исчезнув из поля зрения. Девушка отложила в сторону свое грозное оружие и одарила Лафайета раздраженным взглядом.

— Чего это тебе пришло в голову дразнить его? — требовательно спросила она.

Потом она нахмурилась и внимательно осмотрела его сверху вниз.

— Да и вообще, солнышко, я тебя не помню. Ты кто? Могу поспорить, что с тобой я вообще ему никогда не изменяла.

— Неужели не помнишь? — изумленно выдохнул Лафайет.— Я хочу сказать, не помнишь, что произошло? Как вы с Аланом попали в это свиное стойло? И Дафна — вы не видели Дафну?

— Даффи? Есть тут один такой бродяга, у которого не все дома — так он заходит и клянчит выпивку. Но я не видела его уже пару недель.

— Да не Даффи, а Дафна. Это девушка — моя жена. Она небольшого роста, но не очень маленькая, вы понимаете, что я хочу сказать, с хорошей фигуркой, таким приятным личиком, темными вьющимися волосами...

— Это мне подойдет,— раздался глубокий несвязный голос откуда-то с пола.— Только вот соображу, в какую сторону тут качается палуба...

Девушка опустила ногу на лицо Халка и толкнула, пробормотав:

— Проснись, битюг.

Затем она посмотрела на Лафайета, приподняв бровь, и чуть подняла свои волосы рукой сзади. Затем холодно спросила:

— У этой твоей дамы есть что-нибудь, чего нет у меня?

— Адоранна! Я говорю о Дафне — графине — моей жене!

— Ах, ну, конечно, графине, что ж, по-правде говоря, солнышко, мы сейчас мало принимаем графинь. Мы слишком заняты, пересчитывая наши жемчуга, сам должен понимать. А теперь, если ты, конечно, не возражаешь, я должна втащить этот хлам обратно на кухню.

— Разрешите мне помочь вам,— быстро вызвался Лафайет.

— Да брось ты. Я и сама с ним управлюсь.

Лафайет поднялся и перегнулся через стойку, пытаясь рассмотреть упавшего шеф-повара.

— Но с ним все в порядке?

— С Халком? Его череп не пробить и подковой, даже если она будет на ноге у лошади.

Она схватила его за ноги и попятилась сквозь дверь кухни.

— Адоранна, подождите, послушайте меня,— позвал Лафайет, перебираясь через стойку.

— Я тебе уже сказала — меня зовут Свайхильда. Что это еще за Одер и Анна?

— Неужели вы действительно не помните? — Лафайет уставился на знакомое прекрасное лицо, так непривычно запачканное копотью и жиром.

— Я тебе все честно говорю, милый. А теперь, если ты кончил валять дурака, выметайся отсюда — мне надо закрывать харчевню.

— Разве еще не рано?

Свайхильда подняла бровь.

— У тебя есть другие предложения?

— Мне надо поговорить с вами! — с отчаянием произнес Лафайет.

— Не бесплатно,— отрезала Свайхильда.

— С-сколько?

— По часам или всю ночь?

— Да мне надо всего несколько минут, чтобы объяснить,— с готовностью заговорил Лафайет.— Начнем с того...

— Подожди-ка минутку,— девушка бросила ноги Халка.— Сейчас, только переоденусь.

— Да у вас и так все хорошо,— торопливо бросил Лафайет.— Так вот...

— Ты что, пытаешься научить меня моему ремеслу, незнакомец?

— Нет... то есть... Я вовсе не незнакомец! Мы знаем друг друга много лет! Неужели вы не помните нашей первой встречи на балу короля Горубля, когда я согласился убить дракона? На вас было голубое платье с жемчужным ожерельем, а на поводке вы держали тигренка...

— А... бедный ты мой сосуночек,— с внезапным сочувствием сказала Свайхильда,— у тебя просто немного шариков не хватает, да? Что же ты сразу не сказал? Послушай,— добавила она,— когда ты сказал, что хочешь поговорить, ты ведь действительно имел это в виду, а?

— Ну, конечно, а что же еще? Но слушайте же, Адоранна, я не знаю, что случилось — может быть, какое-нибудь постгипнотическое состояние — но я уверен, если вы постараетесь, то вспомните. Ну, попытайтесь же, подумайте: представьте себе большой розовый каменный дворец, кучу рыцарей и придворных дам в нарядных платьях, ваши комнаты в западном крыле, отделанные розовым и золотым, с видом на сады, веселые компании...

— *Помедленнее, милый.*

Свайхильда вынула из-под прилавка бутылку, выбрала два относительно чистых стакана из груды грязной посуды в раковине и налила две больших порции. Она подняла свой стакан и вздохнула.

— Твое здоровье, милый. Ты такой же псих, как пара танцующих белок, но уж больно складно у тебя получается, что верно, то верно.

Привычным движением кисти она опрокинула стаканчик. Лафайет отхлебнул из своего, поморщился от боли, потом проглотил все сразу. Свайхильда с сочувствием смотрела на его попытки отдышаться.

— Думается мне, жизнь сейчас такая, что любой тюфячок вроде тебя может свихнуться. Кстати, ты откуда? Уж явно не из этих мест. Слишком уж странно ты одет.

— Дело в том,— начал Лафайет и остановился.— Дело в том... я и сам не знаю, как это объяснить,— закончил он беспомощным голосом.

Внезапно он в полной мере ощутил боль от царапин и нытье в своих непривычно долго работавших мускулах, необходимость в хорошем обеде, горячей ванне и теплой постели.

Свайхильда потрепала его руку своей маленькой твердой ладошкой.

— Ну-ну, ни о чем не надо беспокоиться, малыш. Может, завтра все будет казаться тебе в другом свете, хоть я в этом и сомневаюсь,— добавила она опять своим резким деловым тоном.

Она снова налила себе стаканчик, осушила его и поставила на место, пристукнув ладонью.

— Ничего не будет лучше, пока этот старый козел Родольфо сидит в герцогском кресле.

Лафайет налил полный стакан и проглотил его содержимое одним глотком, даже не заметив этого.

— Послушай,— с трудом выдохнул он.— Может быть, ты лучше расскажешь мне, что здесь происходит, я хочу сказать, я явно сейчас не в Артезии. И, тем не менее, параллели очевидны. Ты и Алан, и общее расположение земли. Может быть мне удастся уловить хоть что-нибудь знакомое, а там уж я постараюсь установить, что к чему.

Свайхильда рассеянно почесала себе бок.

— Что я могу тебе сказать? Раньше здесь было довольно приличное герцогство. Правда мы не роскошествовали, но у нас было все, что надо, ты понимаешь, что я хочу сказать. Но если раньше было просто плохо, то последние несколько лет стало еще хуже: налоги, постановления, законы. Потом погиб урожай табака, затем какое-то грибковое заболевание погубило двухлетние запасы вина. Мы пили привозной ром, но потом и он кончился. С тех пор так и живем — на пиве и сосисках.

— Вот, кстати, я совсем забыл,— сказал Лафайет.— Сосиска — это звучит совсем неплохо.

— Милый, как ты, должно быть, голоден.

Свайхильда взяла ту же сковородку из-за двери, перетряхнула угли на жаровне, кинула на сковородку расплавленный жир и какое-то несколько странно выглядевшее мясо.

— Расскажи мне побольше об этом герцоге Родольфо,— предложил Лафайет.

— Я видела этого ублюдка, только когда уходила из военных герцогских бараков в три часа ночи — просто навещала больного друга. Старый сводник прогуливался по своему саду, а так как было еще не так поздно, я перемахнула через забор и попыталась завязать с ним беседу. Не скажу, что мне нравится такой тип мужчин, но я подумала, что такое знакомство никогда не помешает.

Свайхильда бросила на Лафайета взгляд, который можно было назвать игривым, если бы он исходил от кого-нибудь другого.

— Но старый козел отказался наотрез,— закончила она, разбивая какое-то яйцо о ручку сковородки.— Он промямлил что-то насчет того, что я так молода и гожусь ему в племянницы и крикнул своих легавых. Я спрашиваю тебя, какого еще хорошего управления государством можно ждать, если эта старая развалина уже ни на что не годится?

— Гм,— задумчиво сказал Лафайет.— Скажи мне, э-э, Свайхильда, как бы мне получить аудиенцию у этого герцога?

— И не пытайся,— посоветовала ему девушка.— Он славится тем, что скармливает своих гостей львам.

— Если кто-нибудь и знает, что здесь, в конце концов, происходит,— пробормотал Лафайет,— то это он. Видишь ли, я только сейчас сообразил, что Артезия никуда не исчезла, это я исчез...

Свайхильда посмотрела на него через плечо, поцокала языком и покачала головой.

— Ведь мужчина средних лет, в самом соку, и надо же, чтобы так,— сказала она.

— Средних лет? Мне еще и тридцати нет,— сказал Лафайет.— Хотя должен признаться, что сегодня я чувствую себя столетним старцем. Все же надо составить план действий — это поможет.

Он понюхал хрустящее месиво, которое Свайхильда выложила на битую тарелку.

— Ты говоришь, это сосиска? — с сомнением спросил он, глядя на подношение.

— Я и говорю, что сосиска. Кушай на здоровье, мистер, я только этим и живу здесь.

— Послушай, почему бы тебе не называть меня Лафайет? — предложил он, осторожно пробуя месиво на тарелке. По виду оно напоминало крем для чистки са-

пог, но было абсолютно безвкусно — может, оно и к лучшему.

— Это слишком длинно. Как насчет Лэйфа?

— Лэйф — это что-то похожее на нижнее дамское белье, но без застежек,— запротестовал О'Лири.

— Послушай, Лэйф,— твердо сказала Свайхильда, кладя перед ним локоть на стол и одаривая взглядом, который явно говорил: хватит с меня глупостей.— Чем скорее ты выкинешь эту дурь из головы и начнешь соображать, что к чему, тем лучше. Если люди Родольфо ущучат, что ты иностранец, они из тебя сделают черепаху, прежде чем ты успеешь сказать «Хабеас корпус», и выбьют из тебя все твои тайны семихвостовой плеткой.

— Тайны? Какие тайны? Моя жизнь — открытая книга. Я — невинная жертва обстоятельств.

— Все верно: ты безвредный псих. Но попытайся убедить в этом Родольфо. Он такой же недоверчивый, как старая дева, которая пытается унюхать лосьон для бритья в своей ванной.

— Я уверен, что ты преувеличиваешь,— твердо сказал Лафайет, выскребая свою тарелку.— Прямой подход — всегда самый лучший способ. Я просто пойду к нему, как мужчина к мужчине, и скажу, что я по случайности был перенесен из моей естественной вселенной непредвиденными обстоятельствами, и спрошу его, не знает ли он кого-нибудь, кто занимается неразрешенными экспериментами в области Пси-энергии. А, может быть, даже,— продолжал он, воодушевляясь, по мере того, как разыгрывалось его воображение,— он связан с самой централью. Не может быть такого, чтобы в этом месте не было дежурного субинспектора континуума, присматривающего за событиями, и как только я объясню, что произошло...

— И ты собираешься рассказать ему все это? — спросила Свайхильда.— Послушай, Лэйф, это все, конечно, не мое дело, но на твоем месте я бы этого не делала, понимаешь?

— Отправлюсь туда первым делом утром,— продолжал бормотать Лафайет, вычищая тарелку.— Где, ты говоришь, живет этот герцог?

— Ничего я не говорю. Но могу сказать, но могу сказать, потому что ты все равно узнаешь. Резиденция герцога в столице, милях в двадцати отсюда к западу по прямой.

— Гм. Это, примерно, в том же месте, где была штаб-квартира Лода в Артезии. В пустыне, да? — спросил он у девушки.

— Нет, милый. Город находится на острове, в середине Одинокого озера.

— Это просто удивительно, как водные поверхности варьируются из одного континуума в другой,— прокомментировал Лафайет.— В Колби Корнерс вся эта площадь на берегу залива. В Артезии она безводна, как Сахара. А здесь вроде бы нечто среднее. Ну, да ладно, как бы там ни было, мне лучше всего сейчас хоть немного отдохнуть. Честно говоря, я совсем не таков, как был раньше, и все эти треволнения меня утомили. Ты не можешь указать мне, где здесь гостиница, Свайхильда? Не надо ничего сверх шикарного, мне подойдет простая комната с ванной, желательно с окнами на восток. Я люблю просыпаться с первым светом веселой зари, когда...

— Я могу бросить немного свежей соломы в козлиное стойло,— сказала Свайхильда.— Не беспокойся,— добавила она, видя изумленный взгляд Лафайета,— оно пустует с тех самых пор, как мы съели козла.

— Ты хочешь сказать, в этом городе нет... отеля?

— Ты исключительно быстро все понимаешь, как будто и не псих. Пойдем.

Свайхильда пошла вперед, выходя сквозь боковую дверь, которая вела на задний двор дома, к какой-то полуразвалившейся постройке у ворот. Лафайет шел сзади, пытаясь плотнее запахнуться в куртку, чтобы хоть как-то уберечься от порывов ледяного ветра.

— Просто перебирайся через ограду,— предложила она.— Можешь забраться в сарай, если хочешь — за те же деньги.

Лафайет уставился сквозь темноту на проржавевшую крышу, нависающую над гнилым тростником по колено, покоящуюся на четырех прогнивших столбах. Он втянул носом воздух, уловив определенный запах, напомнивший ему о бывшем обитателе покоев.

— Не можешь ли ты подыскать мне что-нибудь другое? — с отчаянием спросил он.— Я буду вечно у тебя в долгу.

— Ни за какие коврижки, пупсик,— сурово ответила Свайхильда.— Деньги вперед. Два медяка за сосиску, еще два за прочие услуги и пятак за беседу.

Лафайет сунул руку в карман и вытащил пригоршню серебряных и золотых монет. Он протянул толстый артезианский пятидесятицентовик.

— Этого хватит?

Свайхильда посмотрела на монету, лежащую у нее на ладони, надкусила ее, затем уставилась на Лафайета.

— Это настоящее серебро,— прошептала она.— Клянусь всеми святыми, что же ты не сказал, что нафарширован, Лейф,— я хочу сказать Лафайет? Пойдем, дорогуша. Для тебя все только самое лучшее!

О'Лири послушно пошел за своей проводницей обратно в дом. Она остановилась, чтобы зажечь свечу, и пошла вверх по лестнице в небольшую комнату с низким потолком, резной позолоченной кроватью и круглым окном из бутылочных донышек, на подоконнике которого стояла герань в цветочном горшке. Он осторожно принюхался, но не уловил никаких других запахов, кроме Октагонского мыла.

— Великолепно,— прогудел он, глядя на свою хозяйку.— Мне это вполне подходит. А теперь ты покажешь мне ванну...

— Лохань под кроватью. Пойду нагрею воды.

Лафайет вытащил из-под кровати медную сидячую ванну, стянул с себя куртку и уселся на кровати, чтобы снять сапоги. За окном поднявшаяся луна высвечивала далекие холмы, похожие на холмы его родины и в то же время такие разные. В Артезии Дафна, скорее всего, шла сейчас обедать под руку с каким-нибудь сладкоречивым денди, удивляясь, куда он делся, возможно, даже утирая украдкой слезы одиночества.

Он заставил себя прекратить думать о ее изящной фигурке и, чтобы успокоиться, глубоко вздохнул несколько раз подряд. Нечего ему опять приниматься за старое. В конце концов, он сделал все, что мог. Завтра все будет еще яснее. Было бы желание, а путь всегда найдется. А в его отсутствие ее сердечко полюбит его еще больше...

— Меня? — пробормотал он.— Или кого-нибудь поближе к сцене действия?

Дверь открылась и появилась Свайхильда с дымящимися бадьями в каждой руке. Она вылила воду в ванну и попробовала ее локтем.

— В самый раз,— сказала она.

Он закрыл за ней дверь и снял с себя одежду, с сожалением глядя на порванную и испачканную богатую

ткань, а затем с блаженством окунулся в зовущее тепло. Никакого полотенца он поблизости не увидел, но кусок коричневого мыла был под рукой. Он намылился, сложил руки ладошками, чтобы полить сверху на голову, начал вымывать мыло из глаз. Щипало отчаянно и он поднялся, бормоча про себя, пытаясь вслепую найти полотенце.

— Черт,— сказал он,— я забыл попросить...

— Держи.

Голос Свайхильды прозвучал рядом, и ему в руку сунули грубую ткань. О'Лири схватился за нее что было сил и тут же завернулся с ног до головы.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил он, вылезая из лохани на холодный пол.

Он использовал уголок полотенца, чтобы вытереть себе один глаз. Девушка как раз снимала с себя голубую полотняную сорочку.

— Эй,— пробормотал О'Лири.— Что ты делаешь?

— Если ты кончил мыться,— колко ответила она,— то я собираюсь принять ванну.

О'Лири быстро отвел глаза — не из моральных побуждений, скорее, наоборот. Тот быстрый взгляд, который он бросил на ее обнаженное тело с поднятой ногой, пробующей воду, был на изумление приятен. Несмотря на спутанные волосы и обгрызанные ногти, у Свайхильды было тело, как у принцессы Адорапны, если уж на то пошло. Он быстро вытер спину и грудь, промокнул ноги и прыгнул в постель, натянув одеяло до подбородка.

Свайхильда что-то невнятно напевала себе под нос, весело плещась в лохани.

— Поторопись,— сказал он, глядя в стену.— А если Алан — я хочу сказать Халк — войдет сюда?

— В таком случае ему просто придется подождать своей очереди,— сказала Свайхильда.— Правда, я не припомню, чтобы этот скобарь когда-нибудь мылся ниже подбородка.

— Но ведь он твой м у ж.

— Называй как хочешь. Никто не произносил над нами волшебных слов, и мы не совершали никаких гражданских актов. Но ты сам знаешь, как это бывает. Если мы туда обратимся, это может напомнить им о наших налогах, говорит этот ублюдок, но если ты спросишь меня...

— Ты еще не готова? — взвизгнул О'Лири, изо всех сил сжимая веки, чтобы побороть искушение широко открыть глаза.

— Ум-м, почти вся помылась, кроме...

— Прошу тебя — мне надо выспаться, ведь завтра предстоит идти целых 20 миль.

— Где полотенце?

— В ногах кровати.

Мягкий звук женского дыхания, шуршание ткани по обнаженному женскому телу, шлепанье босых женских ножек...

— Подвинься,— продышал нежный женский голосок в ухо.

— Что? — Лафайет подскочил и сел в постели.— Великий боже, Свайхильда, не можешь же ты спать здесь!

— Ты хочешь сказать, что я не могу спать в своей собственной постели? — возмущенно сказала она.— Может быть, ты считаешь, что я должна спать в стойле для козла?

— Нет... конечно, нет... но...

— Послушай, Лэйф, либо мы делимся, причем поровну, или можешь отправляться спать на кухонный стол, несмотря на все твое серебро.

Он почувствовал, как ее теплое нежное тело скользнуло в постель, перегнулось через него, чтобы задуть свечу.

— Дело не в этом,— слабым голосом ответил Лафайет.— Дело в том...

— Ну?

— Э-э-э... мне не припомнить сейчас, в чем там дело. Все, что я знаю, что это очень неловкая ситуация, если учесть, что твой муж храпит внизу, а отсюда только один выход.

— Кстати, насчет храпа,— неожиданно сказала Свайхильда.— Я что-то не слышала ни звука по меньшей мере последние 5 минут...

От удара дверь распахнулась настежь и из нее полетели щепки. При свете высоко поднятой лампы Лафайет увидел разъяренный облик Халка, отнюдь не ставший менее свирепым от огромного синяка под глазом и шишки величиной с гусиное яйцо на голове рядом с ухом.

— Ага! — заорал он.— Прямо под моей крышей, ты, Иезавель!

— Твоей крышей! — заорала на него Свайхильда, не оставаясь в долгу, в то время как О'Лири вжался как

можно глубже в стену.— Мой старик все это оставил мне, насколько я помню, и по доброте душевной я приютила тебя, когда ты шлялся по улицам в поисках своей обезьяны, которая утащила твою шарманку. Или ты это тоже мне наврал?

— В ту самую минуту, когда я увидел эту разодетую обезьяну, я понял, что вы с ним что-то затеваете! — тоже не остался в долгу Халк, указывая пальцем, размером с сардельку, на О'Лири.

Он повесил фонарь на крючок у двери, закатал рукава рубашки за бицепсы толщиной с коровью ляжку и в прыжке ринулся на кровать. Лафайет отчаянным усилием оттолкнулся от стены вместе с кроватью и соскользнул на пол, запутавшись в одеяле. Голова Халка соответственно угодила в стену; вся картина напоминала нападение быка на тореадора. От силы удара Халк свалился на пол, как мешок с картошкой.

— Ну и ударчик у тебя, Лэйф,— восхищенно сказала Свайхильда откуда-то сверху.— Так ему и надо, этому бульдогу, получил по заслугам.

Лафайет, окончательно запутавшийся в просторах своего одеяла, наконец, выполз из-под кровати, прямо на глаза изумленно глядящей на него Свайхильды.

— Какой ты забавный,— сказала она.— Сначала вырубил его одним ударом, а потом уже спрятался под кроватью.

— Я просто искал свои контактные линзы,— высокомерно заметил Лафайет, поднимаясь.— Но все это не важно, мне они нужны только для работы вблизи, как, например, при составлении завещания.

Он схватил свою одежду и принялся напяливать ее со всей возможной скоростью.

— Я думаю, ты прав,— вздохнула Свайхильда, откидывая прядь прекраснейших белокурых волос на голое плечо.— Когда Халк очнется, он будет не в лучшем настроении.

Она поискала в развороченной постели свою одежду и тоже принялась одеваться.

— Не беспокойся, можешь не провожать меня,— торопливо сказал Лафайет.— Я знаю дорогу.

— Провожать? Ты что, шутишь, дорогуша? Ты что, считаешь, что я здесь останусь, после того, что произошло? Давай-ка уберемся подобру-поздорову, пока он не *пришел в себя, а тебе придется еще раз вырубить его* — уж больно он страшен в гневе.

— Ну... может быть, это и не плохо, если ты действительно погостишь у своей матушки, пока Халк немного остынет, и ты сможешь объяснить ему, что все это было не так, как выглядело.

— Не так? — на лице Свайхильды сквозило явное удивление.— Тогда как же? Ну, да ладно, можешь не отвечать. Ты какой-то странный, Лэйф, но я думаю, ты не хотел ничего плохого — чего уж я никак не могу сказать о Халке, этом шимпанзе!

Лафайету показалось, что он увидел слезинку, блеснувшую на самом краешке ее голубых глаз, но она отвернулась, прежде чем он успел в этом убедиться.

Она кончила застегивать пуговицы на своем платье, открыла дверцу грязного стенного шкафа у двери и вынула оттуда тяжелый плащ.

— Сейчас, только возьму с собой чего-нибудь перекусить на дорогу,— сказала она, выскальзывая из комнаты в темный зал.

Лафайет покорно пошел за ней, взяв с собой фонарь. На кухне он беспокойно стоял, переминаясь с ноги на ногу, внимательно вслушиваясь в звуки наверху, пока Свайхильда запаковывала в корзину грубый хлеб, связку черных колбасок, яблоки и желтый сыр, засовывая туда же разделочный нож и бутылку с сомнительно выглядевшим пурпурного цвета вином.

— Ты очень заботлива,— сказал он, принимая корзину.— Надеюсь, ты разрешишь мне заплатить еще немного, как знак моей признательности?

— Да брось ты,— ответила Свайхильда, когда он сунул руку в карман.— Деньги нам понадобятся во время путешествия.

— Нам? — брови Лафайета полезли вверх.— Где же живет твоя мама?

— Тебя послушать, так прямо какой-то маменькин сыночек, ей богу. Моя старуха умерла, когда мне и года не стукнуло. Давай-ка сматываться отсюда, Лэйф. Нам надо умотать подальше, пока он не проснется и не отправится нас разыскивать.

Она толкнула заднюю дверь, и их обдал очередной порыв ветра.

— Н-но не можешь же ты пойти со мной!

— Это еще почему? Мы идем в одно и то же место.

— Ты хочешь повидать герцога? Мне показалось, что...

— Да хрен с ним, с герцогом! Я просто хочу пожить в большом городе, увидеть яркие огни, немного позабавиться, прежде чем стану совсем старухой. Лучшие годы своей жизни я провела, стирая эти слоновьи носки, да и те приходилось отнимать у него с боем, а что я за это получала? Только руку себе чуть не вывихнула, когда дала ему по голове этой сковородкой!

— Но... что скажут люди? Я хочу сказать, Халк ведь не поверит, что я тобой не интересуюсь, то есть в другом смысле не интересуюсь...

Свайхильда вздернула вверх подбородок и выпятила нижнюю губку — выражение, с помощью которого принцесса Адоранна в свое время разбила тысячи сердец.

— Прошу простить меня, благородный сэр. Теперь мне кажется, что я только буду вам обузой. Так что идите-ка вы своей дорогой. А я уж как-нибудь сама доберусь...

Она повернулась и пошла вперед по освещенной луной улице. На сей раз О'Лири был уверен, что видел в уголке ее глаза блеснувшую слезу.

— Свайхильда, подожди!

Он кинулся за ней и уцепился за край ее плаща.

— Я имел в виду... я не имел в виду...

— Да брось ты, нужны мне твои утешения,— сказала она, и Лафайету показалось, что она с трудом удерживается от слез.— Жила я на свете до того, как ты появился, и ничего, не умерла, и когда тебя не будет, тоже как-нибудь проживу.

— Свайхильда, по правде говоря,— запинаясь пробормотал О'Лири, торопливо шагая рядом с ней,— я колебался, гм... не решаясь, гм, отправиться вместе, только по той причине, что я, э-э-э, что меня очень сильно тянет к тебе. Я хочу сказать, кха, кха, что не могу обещать вести себя по-джентльменски все время, а ведь все-таки я женатый мужчина, а ты замужняя женщина, и... и...

Он остановился, окончательно запутавшись и ловя ртом воздух, в то время как Свайхильда повернулась, испытывающе глянула ему прямо в лицо, затем радостно улыбнулась во весь рот и закинула ему руки за шею.

Ее мягкие бархатные губки изо всех сил прижались к его губам, ее восхитительные округлости приникли к его телу...

— А я уж боялась, что начинаю стареть,— доверительно призналась она, покусывая его за мочку уха.—

Ты какой-то смешной, Лэйф. Но я думаю, это от того, что ты весь из себя такой благородный, что даже думаешь, что можно обидеть этим девушку.

— Совершенно верно,— торопливо согласился Лафайет.— И еще мысль о том, что может сказать моя жена и твой муж.

— Если это все, что тебя беспокоит, выкинь-ка это из головы,— Свайхильда потрепала его волосы.— Пойдем, если мы поднажмем, то будем в порту Миазма до петухов.

III

Поднявшись на небольшой каменистый холм, Лафайет поглядел вниз, на пейзаж, залитый лунным светом, туда, где широкое озеро простиралось до самого горизонта, и его гладкая поверхность прерывалась длинной цепью островов, которые как бы являлись продолжением низких холмов, тянущихся слева от него. На последнем из островов отдаленно мигали огоньки города.

— Трудно поверить, что когда-то я прошел всю эту землю пешком,— сказал он.— Если бы я не нашел оазиса с автоматом газированной воды, то от меня не осталось бы ничего, кроме кучи высушенных костей.

— У меня ломит ноги,— простонала Свайхильда.— Давай передохнем.

Они уселись на землю и О'Лири начал распаковывать корзинку с продуктами, из которой мощно запахло чесноком. Он нарезал колбаски кусками, и они стали жевать, глядя на звезды.

— Смешно,— сказала Свайхильда.— Когда я была девочкой, я воображала, что на всех этих звездах живут люди. Мне казалось, что все они живут в прекрасных садах и целыми днями танцуют и играют. Я воображала, что я на самом деле сирота и что когда-нибудь придут мои настоящие родители с этих звезд и заберут меня туда с собой.

— Самое забавное то,— ответил ей Лафайет,— что я вообще ни о чем таком не думал. А потом однажды я понял, что стоит мне только сфокусировать свою психическую энергию — и бац! Я очутился в Артезии.

— Послушай, Лэйф,— сказала Свайхильда.— Ты хороший человек, поэтому лучше бы тебе опомниться и не

болтать всех этих глупостей. Одно дело о чем-то мечтать, совсем другое, когда начинаешь в это верить. Так ведь действительно не долго свихнуться. Забудь-ка лучше обо всех своих энергиях и посмотри правде в глаза: находишься ты на самом проклятом Меланже, нравится тебе это или нет. Не могу сказать, что здесь так уж хорошо, но, по крайней мере, это не бредни, а реальность.

— Артезия,— прошептал Лафайет.— Я мог бы быть там королем — только я отказался от престола. Слишком много забот. Но ты была принцессой, Свайхильда, а Халк — графом. Чудесный человек, если узнать его поближе...

— Это я — принцесса? — Свайхильда рассмеялась, но не слишком весело.— Я кухарка и домашняя хозяйка, Лэйф. Это все, на что я гожусь. Разве ты можешь представить меня всю в кружевном наряде, с презрением на лице и еще с каким-нибудь пуделем на веревке?

— Тигренком на поводке,— поправил Лафайет.— И у тебя не было никакого презрения на лице, ты ко всем относилась просто очаровательно. Конечно, ты рассердилась на меня один раз, когда решила, что я пригласил служанку на Большой Бал...

— Конечно, и я была права,— сказала Свайхильда,— еще не хватало, чтобы на моем королевском балу танцевали всякие служанки и кухарки. Что, других баб тебе мало?

— Нет, не скажи,— горячо запротестовал Лафайет.— Дафна была такой же чистой и прекрасной, как и все остальные женщины на балу, кроме, может быть, одной. Все, что ей нужно было, чтобы засверкать во всем блеске, это горячая ванна и красивое платье.

— Н-да, чтобы сделать из меня настоящую леди, этого было бы явно мало,— сокрушенно сказала Свайхильда.

— Ерунда! — запротестовал Лафайет.— Если бы ты приложила хоть немного усилий, ты была бы не хуже, чем все,— даже лучше!

— Ты считаешь, что если я напялю на себя красивое платье, да буду ходить на цыпочках и не марать своих рук, то буду лучше, чем сейчас?

— Я не это имел в виду. Я имел в виду...

— Ох, Лэйф, хватит. Сколько можно болтать. У меня есть тело, сильное и не без желаний. Если я с помощью его ничего не смогу добиться, то на кой ляд мне кружевные трусы?

— Знаешь, что я тебе скажу: когда мы доберемся до столицы, мы пойдем к парикмахеру, чтобы он уложил тебе волосы в прическу и...

— Зачем это портить мои волосы? Прекрати, Лэйф. Пойдем-ка лучше. Смотри, сколько еще идти, а впереди треклятое озеро и перебраться через него — это тебе не языком трепать.

После каменистого склона холма шел болотистый берег озера, состоящий из грязи, гнилых водорослей и гнилой рыбы. Лафайет и Свайхильда стояли, дрожа, по щиколотку в грязи, оглядывая берег в поисках средства, которое могло бы перевезти их в город на острове, огоньки которого весело сверкали и перемигивались далеко за черной водой.

— Наверное, старый баркас затонул,— сказала Свайхильда.— Раньше он перевозил всех в город каждый час, полчаса в один конец.

— Похоже, нам придется найти другое средство передвижения,— прокомментировал О'Лири.— Пойдем. Вон те избушки вдоль берега, видимо, рыбачьи хижины. Наверное, нам удастся нанять человека, который перевезет нас на остров.

— Слушай, Лэйф, я должна предупредить тебя: с этими рыбаками поосторожней. Они могут просто дать тебе по голове, обчистить, а труп бросить в озеро.

— Ну, тут придется рискнуть. Не можем же мы просто стоять на месте и мерзнуть.

— Послушай, Лэйф,— она схватила его за руку.— Давай просто пойдем по берегу и найдем лодку, не крепко привязанную, а?

— Ты хочешь, чтобы я украл единственную возможность добыть пропитание у бедного рыбака? Свайхильда, мне стыдно за тебя!

— О'кей, тогда ты жди здесь, а лодку добуду я.

— Твое поведение не делает тебе чести, Свайхильда,— твердо сказал Лафайет.— Мы будем действовать прямо и открыто. Честность — лучшая политика, запомни это.

— У тебя какие-то странные идеи, Лэйф. Ну валяй, речь ведь идет о твоей шее.

Он пошел вперед по грязной дороге до ближайшей хижины, полуразвалившейся постройки из прогнивших бревен с проржавевшей печной трубой, почему-то торчащей сбоку, из которой в ледяной воздух поднимался черный дым. Слабая полоса света виднелась из-под

единственного крохотного заколоченного окна. Лафайет постучал в дверь. После недолгого молчания внутри заскрипели пружины кровати.

— Ну? — отозвался хриплый голос, в котором не слышалось никакого энтузиазма.

— Э-э-э, нас тут двое путешественников,— сказал Лафайет,— нам нужно перебраться в столицу. Мы готовы хорошо заплатить... у-фф,— это локоть Свайхильды болезненно ткнул его под ребра.— Так хорошо, как только сможем, я хочу сказать.

Раздалось какое-то бормотанье, послышался звук отодвигаемого засова. Дверь открылась на шесть дюймов и бессмысленный покрасневший глаз под поднятой бровью уставился на него на уровне плеча.

— Тебе чего? — сказал голос, явно принадлежащий глазу.— Псих, что ли?

— Поосторожней с выражениями,— сурово сказал Лафайет.— Здесь присутствует леди.

Бессмысленный глаз посмотрел мимо О'Лири на Свайхильду, рот растянулся в ухмылке, показывая удивительное количество больших желтых зубов.

— Што ж ты сразу не сказал, голуба? Это совсем другое дело.

Глаз оценивающе посмотрел вниз, потом вверх, потом поднялся на прежний уровень.

— Да, хороша птичка. Так чего тебе, говоришь, надо?

— Нам нужно попасть в порт Миазм,— сказал Лафайет, делая шаг в сторону, чтобы скрыть от обитателя хижины Свайхильду.— Это очень важно.

— Ага. Ну, утром...

— Мы не можем ждать до утра,— прервал его Лафайет.— Кроме того, что в наши намерения вовсе не входит, так это провести ночь в этом болоте, нам необходимо убраться отсюда — я хочу сказать, достичь столицы как можно скорее.

— Ну... я тебе вот что скажу. Я человек добрый и разрешу леди провести ночь со мной в хижине. А тебе брошу плащ от ветра, а утром...

— Ты не понимаешь! — опять прервал Лафайет.— Мы хотим отправиться сейчас... сию минуту... немедленно.

— Угу,— сказал туземец, зевая во весь рот и закрывая его гигантской ладонью, на тыльной стороне которой росли жесткие волосы.— Тебе для этого нужна будет лодка, шеф...

— Послушай,— отрезал О'Лири.— Я стою здесь на холодном ветру и предлагаю тебе вот это...

Он сунул руку в карман и вынул еще один толстый артезианский пятидесятицентовик.

— ...с тем, чтобы ты перевез нас отсюда! Или, может быть, тебя это не интересует?

— Эй! — сказал человек.— Похоже на чистое серебро.

— Естественно,— сказал Лафайет.— Хочешь ты его получить или нет?

— Ух, ты, спасибо, голуба...

Толстая рука протянулась из-за двери, но Лафайет быстро отдернул монету назад.

— Ну, ну,— с упреком произнес он.— Сначала ты должен перевезти нас в город.

— Угу.

Рука потянулась назад и залезла в голову, почесывая толстые волосы с таким звуком, какой бывает, когда плотник водит рубанком по сучку.

— Здесь есть одна закавыка, ваша светлость. Но, может, мне удастся все устроить,— добавил он более деловым тоном.— Только цена моя будет эта серебряная монета плюс совсем немного удовольствия от этой прелестной леди. Но это уже опосля.

Рука опять вытянулась, как бы намереваясь смести О'Лири с дороги, и он резко ударил ее владельца по костяшкам пальцев, после чего рука во второй раз отдернулась и потревоженное ее место было засунуто в рот.

— У-ух! — сказал туземец, с упреком глядя на О'Лири.— Больно, мастер!

— Жаль, что мало,— холодно ответил Лафайет.— Если бы я так не торопился, я бы выволок тебя из дома и задал настоящую трепку.

— Ну? Мог при этом малость зашибиться. Я — мужик тяжелый для трепок.

Внутри хижины что-то зашевелилось, и из-за двери высунулась голова, за которой появилась пара плеч размером с добрую копну сена, массивный торс, и обитатель избушки на четвереньках выполз на улицу. Поднявшись на ноги толщиной с телеграфные столбы и выпрямившись во весь рост, он оказался примерно семи футов шести дюймов ростом.

— Я ж ничего не говорю, могу получить плату и после того, как переедем,— сказало это чудовище.— Может, и к лучшему, если сначала разогреюсь. Подожди здесь, я быстро.

— Должна отдать тебе справедливость, Лэйф,— прошептала Свайхильда, когда фигура гиганта исчезла в тумане.— Ты не из пугливых,— она с сожалением посмотрела вслед великану и добавила: — Но какие-то животные прелести в нем есть.

— Если он дотронется до тебя пальцем, я оторву ему голову и запихаю в его собственную глотку! — отрезал Лафайет.

— Эй, Лэйф, да ты ревнуешь! — с восхищением сказала Свайхильда.— Ты смотри, только не очень,— добавила она.— Хватит с меня скандалов каждый раз, когда какому-нибудь бродяге взбредет в голову посмотреть на мои титьки.

— Ревную? Я? Ты с ума сошла!

Лафайет сердито сунул руки в карманы и принялся вышагивать взад и вперед, пока Свайхильда напевала что-то себе под нос, накручивая волосы на палец.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем великан вернулся, крадучись и двигаясь удивительно тихо для такой огромной туши.

— Все готово,— сказал он хриплым шепотом,— пошли.

— Чего это ты крадешься и шепчешься? — громко и требовательно спросил О'Лири.— Что?..

Молниеносным движением великан заткнул ему рот ладонью, жесткой, как седельная кожа.

— Потише, голуба,— прошипел он.— Нам не к чему будить соседей. Ребятам надо выспаться — и так они вкалывают с утра до вечера.

О'Лири вырвался из стальных объятий, отфыркиваясь от резкого запаха дегтя и селедки.

— Да нет, я вовсе не хотел никого беспокоить,— прошептал он.

Он взял Свайхильду за руку и повел ее за их проводником по болотистому берегу до полуразвалившегося каменного причала, в конце которого была привязана неуклюжая широкая плоскодонка. Она опустилась на шесть дюймов в воду, когда великан забрался в нее и сел на скамейку для гребца. Лафайет пропустил Свайхильду, заскрипев зубами, когда великан поднял ее за талию и перенес мимо него на корму.

— А ты садись на нос, голуба, и следи, чтобы мы не наткнулись на бревна,— сказал великан.

Лафайет едва успел усесться на свое место, как весла опустились на воду мощным рывком, и он чуть было

не полетел в воду. Он угрюмо вцепился в борт, слушая скрип уключин, плеск небольших волн под носом лодки, глядя, как быстро исчезает причал в густом тумане.

Поглядев через плечо, он увидел далекие огни города в дымке тумана, плавающие далеко-далеко над черными водами. Сырой ветер, казалось, пронзал его до костей.

— Долго нам плыть? — хрипло спросил он, плотнее закутываясь в одежду.

— Шшшш,— прошипел великан через плечо.

— А сейчас в чем дело? — резко спросил Лафайет.— Или ты боишься разбудить рыбу?

— Будь ласков, друг,— настойчиво прошептал великан.— Знаешь, как звук разносится по воде...

Он наклонил голову набок, как бы прислушиваясь. Очень слабо с берега до Лафайета донесся крик.

— Вот видишь, не все так чувствительны, как мы,— высокомерно сказал он.— Так можем мы сейчас поговорить? Или...

— Да заткнись ты, падла,— зашипел великан.— Они нас услышат!

— Кто? — громко спросил Лафайет.— Что здесь происходит? Почему мы ведем себя, как преступники?

— Потому что тому парню, у которого я занял лодку, эта мысль могла придтись не по душе,— пробормотал великан.— Но сейчас уже все одно. У этих ребят слух, как у летучих мышей.

— Какая мысль могла не понравиться тому парню, у которого ты занял лодку? — удивленно спросил Лафайет.

— Мысль, что я занял у него лодку.

— Ты хочешь сказать, что взял ее без разрешения?

— Стану я будить человека, чтобы спрашивать у него всякие глупости.

— Ах, ты... ты...

— Можешь называть меня Хват, голуба. А свои ласковые прозвища прибереги для тех, кто сейчас пустится за нами в погоню.

Хват что есть силы наклонился вперед и сделал глубокий гребок, сразу пославший лодку далеко вперед.

— Великолепно,— простонал Лафайет.— Вот наша награда за честность: приходится удирать ночью от полиции, которая идет по нашему следу.

— Я от тебя ничего скрывать не буду,— сказал Хват.— Эти ребята — не легавые. И у них нет всех этих

твоих предрассудков. Если они нас поймают, то мы получим от них не повестку в суд.

— Послушай! — быстро сказал Лафайет.— Мы повернем назад и объясним им, что все это просто недоразумение.

— Может, вам и понравится, ваше сиятельство, что скормят рыбам, но это не по мне,— отрезал Хват.— И нам надо подумать о маленькой леди. Эти ребята слишком подолгу обходятся без девочек.

— Ты бы лучше поберег дыхание,— сказал Лафайет.— И не болтал бы, а греб посильнее.

— Если я буду грести сильнее, сломаются весла,— возразил Хват.— Похоже, что они догоняют нас, голуба. Надо бы облегчить наш корабль.

— Хорошая мысль,— согласился Лафайет.— А что мы можем выбросить за борт?

— Да вроде бы здесь нет ни сетей, ни удилищ, а мне надо оставаться на месте, чтобы грести. И ведь не можем же мы вышвырнуть за борт маленькую леди, то есть пока в этом нет необходимости. Значит, остаешься ты, приятель.

— Я? — недоуменно отозвался Лафайет.— Послушай, Хват, ведь я тебя нанял, или ты уже забыл? Не можешь же ты всерьез...

— Боюсь, что так, голуба...

Великан положил весла на корму, ударил ладонью о ладонь и повернулся на своей банке.

— Но... кто же заплатит тебе, если я окажусь в озере? — попытался вразумить его О'Лири, отступая в самый дальний конец носа.

— Угу, это верно,— согласился Хват, почесывая свой широкий подбородок.— Может, сначала ты отдашь мне капусту?

— Еще чего. Куда я, туда и деньги!

— Ну... некогда мне с тобой возиться. Раз уж ты такой несправедливый, то придется мне получить с маленькой леди вдвойне, вот и все.

Хват быстро поднялся, и его массивная рука вытянулась по направлению к Лафайету. Тот нырнул под нее и, изо всех сил оттолкнувшись ногами, кинулся головой вперед в живот великану, но внезапно натолкнулся на кирпичную стену, которая почему-то оказалась в этом месте. Отчаянно цепляясь за дно лодки, он услышал какой-то свист и глухой удар, как от молота, вбивающего

сваю, а мгновением позже лодку завертело во все стороны. Ледяная вода обдала его целиком.

— Спокойно, Лэйф! — крикнула ему с кормы Свайхильда.— Я дала ему веслом по голове, и он упал на подбородок. Чуть не утопил нас. Надо бы побыстрее перекинуть его через борт.

Лафайет с трудом сфокусировал глаза и увидел неподвижные формы великана, лежащего лицом вниз на борту. Одна его рука, толщиной с дуб, свешивалась за борт, оставляя след на воде.

— Мы... мы не можем этого сделать,— с трудом выдохнул Лафайет.— Он без сознания, он утонет...

Он взял у нее весло, пробрался к гребной банке, отбросил слоновью ногу Хвата в сторону, вставил весла в уключины, сделал гребок...

Весло сломалось с громким треском, и Лафайет полетел вверх тормашками.

— Эх, слишком сильно я ударила,— с сожалением сказала Свайхильда.— Сковородка была гораздо удобнее...

Лафайет вскорабкался обратно на банку, не обращая внимания на боль в голове, шее, глазах и, вообще, всюду.

— Придется мне грести одним веслом,— тяжело дыша сказал он.— В каком направлении?

— Понятия не имею,— ответила Свайхильда.— Но, по-моему, это теперь не важно. Смотри.

О'Лири посмотрел в направлении, в котором указывал ее палец. Туманное белое пятно, как привидение, грубо треугольных размеров, виднелось сбоку, быстро приближаясь к ним сквозь густой туман.

— Парусный баркас! — воскликнул Лафайет, когда преследователь показался целиком.

Он мог видеть с полдюжины людей, притаившихся на верхней палубе. Увидев дрейфующую плоскодонку, они подняли крик, и тут же баркас переменил направление. Лафайет разбил оставшееся весло о голову первого человека, попытавшегося перепрыгнуть на лодку, но затем айсберг, которого он до сих пор не замечал, упал на него, погребая под сотнями тонн глыб льда и мамонтовых костей. Когда О'Лири пришел в сознание, в его ушах стучал и звенел громкий гонг. Пол под ним поднимался все вверх и вверх по какой-то никогда не кончающейся кривой, но когда он попытался уцепиться за что-нибудь, оказалось, что обе его руки отрезаны у плеч.

Он изо всех сил заработал ногами, добился того, что еще больше окунулся лицом в ледяную воду, которая

пренатилась между его воротником и шеей, прежде чем отхлынуть обратно в озеро при очередном наклоне палубы.

Он завозился еще сильнее, перевернулся на спину и заморгал глазами, чтобы лучше видеть.

Его руки все-таки были на месте — слишком уж сильно они заболели от туго перевязанных кистей.

— Эй, мазурик-то проснулся,— высказался веселый голос.— Может, наступить ему пару раз на морду?

— Подожди, сначала потащим соломинки за девку.

О'Лири затряс головой, вызвав новую волну самых разнообразных болевых ощущений, но слегка прояснил свое зрение. С полдюжины ног в резиновых сапогах стояло под светом фонаря. Над ногами находились такие же неказистые тела. Свайхильда стояла рядом, а руки ее держал сзади мужчина с изрытым оспой лицом и отрезанной мочкой уха. Она неожиданно ударила ногой назад, в удобное для нее место. Заслуживший это внимание человек подпрыгнул и выругался, в то время как его приятели расхохотались.

— Надо же, какая живая,— сказал беззубый матрос с длинными жирными волосами.— У кого соломинки?

— Нет на борту соломинок,— отозвался другой.— Придется взять рыбу.

— Ну, не знаю,— пробормотал невысокий коренастый мужчина с иссиня-черной бородой, которая скрывала все его лицо, кроме глаз.— Никогда не слышал, чтобы за какую-то девку тащили рыбу. Мы должны все делать по правилам.

— Да бросьте вы, ребята,— предложила Свайхильда.— Я как-то привыкла сама выбирать мальчиков. Вот ты, красавчик...— она бросила многообещающий взгляд на самого большого из всей команды мужчину с челюстью, похожей на фонарь, соломенными волосами и фигурой, как у свиньи.— Ты больше всех в моем вкусе. И ты позволишь, чтобы эти недоноски становились между нами?

Выбранный таким образом красавчик изумленно вздохнул, потом ухмыльнулся, расправил свои широкие плечи и выпятил грудь.

— Ну, что же, ребята, вот все и решилось...

Кинжал, брошенный неизвестно чьей рукой, просвистел у похожей на фонарь челюсти, владелец которой подпрыгнул на месте и через мгновение скрылся из виду.

— Ты это прекрати,— скомандовал хриплый голос.—

Оставь свои бабьи штучки. Мы все делим поровну. Правда, ребята?

Слушая согласованный хор голосов, Лафайет умудрился принять сидячее положение, опершись головой о румпель, находившийся как раз над ним. За ним никто не присматривал и он был просто закреплен в одном положении, держа баркас строго по ветру, надувавшему высокий парус над волнами озера. Лафайет напряг руки: веревки, стягивающие их, были так же прочны, как и стальные наручники. Матросы весело смеялись, поддразнивая Свайхильду, пока один из них зажимал в кулаке несколько копченых селедок, высунув язык на сторону от напряжения. Предмет этой лотереи стоял в совершенно мокрой одежде, прилипшей к ее изящной фигуре, высокого вздернув подбородок и с синими от холода губами.

О'Лири застонал про себя. Хорошим же защитником для девушки он оказался. Если бы он только не настаивал с таким ослиным упрямством, чтобы все было так, как он хотел, они бы никогда не вляпались в эту историю. А сейчас было неизвестно, удастся ли ему вообще унести отсюда ноги живому. Свайхильда предупреждала его, что туземцы с удовольствием скормят его рыбам. Может быть, они оставили его в живых только потому, что еще не успели ограбить,— а затем он отправится в воду с ножом в сердце. А Свайхильда, бедное дитя — ее мечта о большом городе кончится прямо здесь, среди этих головорезов. Лафайет изо всех сил напряг руки. Если бы только ему освободить хоть одну руку, если бы только он мог захватить с собой на дно хоть одну из этих осклабившихся обезьян, если бы только у него была хоть маленькая толика его старых сил концентрировать пси-энергию...

Лафайет сделал глубокий вдох, выдох и заставил себя расслабиться. Хватит биться головой о каменные стены. Он не мог высвободиться из полудюймовых веревок одними только голыми руками — хоть как-нибудь — даже самое маленькое чудо — ничего похожего на то, чтобы вернуться в Артезию или вызвать дракона, или даже получить коробку вкусных конфет по первому требованию. Нет, он согласен на самое крошечное изменение обстоятельств, что-нибудь, все равно что — лишь бы у него появился шанс.

— Это все, о чем я прошу,— пробормотал он, изо всех сил зажмурив глаза.— Хоть один шанс.

«Но мне надо задумать что-то определенное,— напомнил он себе.— Фокусирование пси-энергии — это, в конце концов, не волшебство. Это просто взятие энтропической энергии у Вселенной, с помощью которой можно манипулировать событиями по желанию. Как, например, если бы веревки были слабыми...»

— Но они, отнюдь, не слабые,— сурово сказал он себе.— Нельзя изменить уже известный элемент ситуации. В лучше случае, можно подействовать на событие, которое должно произойти, вот и все. А, может быть, и это не получится.

«В таком случае — если бы на палубе лежал нож, старый ржавый нож, небрежно отброшенный кем-нибудь в сторону. Я мог бы взять его руками и...»

— Эй, проснись, мурло! — прогремел чей-то голос, и носок сапога ударил его в ухо, после чего целые красочные планеты заплясали в глазах Лафайета.

Лафайет проморгался, уловил острый запах сыра и чеснока изо рта наклонившегося к нему матроса. Что-то похожее на колючую проволоку царапало ему шею. Он отвернул голову, почувствовал, что под ним что-то перекатилось. Яблоко, понял он, ощутив запах раздавленного фрукта. И сыр, и колбаски...

Он задержал дыхание. Да ведь это же их корзинка с провизией. Пираты бросили ее на борт вслед за пленниками. А в корзинке был нож.

Лафайет открыл один глаз и проверил, где находятся в настоящее время пираты. Четверо стояли головами друг к другу, тщательно изучая рыбьи головы, торчащие из кулака пятого. Шестой лежал и храпел у их ног. Свайхильда скрючилась на палубе, брошенная туда ударом одного из ее будущих поклонников.

Очень осторожно О'Лири стал ощупывать палубу за собой связанными руками, двигая руки по дюйму в разные стороны. Он нащупал ломоть хлеба, промокший от сырой пасты, второе яблоко, раздавленное ногой. Он потянулся к корзинке, упал на нее спиной, обнаружил, что она пуста. Колбаски лежали наполовину под корзинкой. Лафайет продвинулся еще на шесть дюймов вперед, давя сыр своими лопатками. И пока волны раскачивали корпус баркаса под ним, он, наконец, нащупал пальцами нож. Его пальцы сомкнулись на рукоятке.

Нож был совсем небольшим, с лезвием всего дюйма в 4, но он вполне подходил для задуманного. Матросы все еще увлеченно занимались своей лотереей. Лафайет

перекатился по палубе, поднялся на колени, с трудом принял положение спиной к румпелю. Крепко держа нож, он нащупал крепящие румпель веревки и начал пилить их ножом.

Это были две минуты сплошной агонии, но, наконец, раздалось музыкальное «бенц» и внезапно освободившийся румпель болезненно ударил под ребра Лафайета, поворачиваясь на 90 градусов. В ту же секунду баркас резко накренился, увалива́я под ветер. Матросы, для которых все это было неожиданностью, попытались ухватиться за борт, чтобы не упасть. Баркас сильно дернулся, парус обвис, когда ветер ударил прямо в мачту. Заскрипели ванты, парус вновь надулся с треском, напоминающим пистолетный выстрел. Деревянная нижняя балка паруса пролетела по всей палубе точно на высоте человеческой головы, как заметил Лафайет, потому что именно так все 4 матроса были выброшены силой удара за борт, упав в воду с сильным плеском, в то время, как неуправляемый баркас помчался вперед по озеру.

IV

— Бедная твоя голова,— сказала Свайхильда, кладя холодный компресс, сделанный из части ее нижней юбки, на одну из шишек на голове О'Лири.— Эти ребята швырнули тебя, как будто ты мешок с брюквой.

— По-моему, у меня печеная картошка вместо уха, причем той же температуры,— простонал Лафайет.— Разве что не светится в темноте,— он посмотрел вперед сквозь туман, в направлении, в котором вел баркас.— Определенным образом, эти ребята оказали нам услугу,— заметил он.— Нам никогда бы не удалось добраться так быстро на веслах.

— Прямо раздражает, как ты в самом плохом умудряешься увидеть хорошее,— вздохнула Свайхильда.— Ты бы подумал об этом.

— Ну, ну, Свайхильда, сейчас не время для мрачных мыслей,— подбодрил ее Лафайет.— Правда, мы промокли, продрогли и ломит все тело, но худшее позади. Из труднейшего положения мы выпутались всего лишь с незначительными неприятностями для моей головы и твоего достоинства. Через несколько минут мы будем есть вкусный суп и пить что-нибудь горячительное, засунув

ноги под стол, а потом отправимся отдыхать в лучший городской отель.

— Тебе легко разговаривать. Тебя послушаешь, так ты и герцога уболтать можешь до такой степени, что он подыщет для тебя непыльную работенку вроде придворного предсказателя или еще там кого-нибудь.

— Мне не нужна никакая работа,— справедливо указал ей Лафайет.— Я просто хочу убраться из твоего Меланжа и вновь вести ту уютную монотонную жизнь, которую так по-идиотски ругал всего несколько часов назад.

О'Лири ловко повернул баркас по ветру, направляя его к огням города впереди. Они проплыли мимо большого колокола, одиноко звенящего в тумане, мимо берега с выскими строениями, чем-то напоминающими амстердамскую гавань, обогнули квартал домов, сгрудившихся за гранитной набережной, приблизились к освещенному причалу, к которому было привязано несколько небольших суденышек. Свайхильда бросила причальный канат служителю, который поймал его и закрепил за каменную стойку причала. Газовые фонари набережной наверху отбрасывали неровный свет на мокрую набережную, на которой валялись всякие отбросы. Несколько рабочих без всякого интереса наблюдали, как Лафайет помог Свайхильде сойти с баркаса, бросив служителю никелевую монетку. Пес-дворняга с поджатым хвостом прошмыгнул мимо них и скрылся между домами в том же направлении, куда пошли они сами.

— Да-а, большой город,— с сомнением сказала Свайхильда, откинув локон волос, упавший ей на глаза.— Порт Миазм, какой он большой и величественный — я даже не ожидала.

— Гмм,— невыразительно отозвался Лафайет, ведя ее за руку к освещенному входу небольшой таверны, над которым висела засаленная вывеска «ПИЩА НА СЛАВУ».

Внутри дымной, но теплой комнаты они заняли угловой столик. Заспанный хозяин таверны молчаливо принял их заказ и ушел.

— Вот это больше похоже на дело,— со вздохом сказал Лафайет.— Мы провели тяжелую ночь, но сейчас как следует поедим горячего, потом заберемся в теплую постель — так что жаловаться не приходится.

— Большой город пугает меня, Лэйф,— сказала Свайхильда.— Он какой-то бездушный, все куда-то спе-

шат, и нет времени на те маленькие хитрости, которые так важны для тела.

— Спешат? Да он мертв, как гробница,— пробормотал Лафайет.

— Вот возьми это место,— сказала Свайхильда.— Открыто в середине ночи. Никогда такого не видела.

— Да сейчас еще и десяти часов нет,— указал ей Лафайет.— И...

— И, кроме того, мне надо выйти,— добавила Свайхильда.— А поблизости ни одного куста.

— Для этого есть специальная комната,— торопливо сказал Лафайет.— Вон там, видишь, написано «леди».

— Ты хочешь сказать — внутри?

— Ну, конечно, ведь ты сейчас в городе, Свайхильда, тебе придется привыкать к...

— Ладно, неважно. Я просто быстро прошмыгну в аллею...

— Свайхильда! Будь любезна. В женский туалет!

— Тогда пойдем со мной.

— Я не могу — он только для женщин. Вон там другой — для мужчин.

— Это же надо! — Свайхильда с удивлением покачала головой.

— Беги скорее — наш суп принесут через минуту.

— Пожелай мне удачи.

Свайхильда поднялась с места и неуверенно двинулась вперед. Лафайет вздохнул, отвернул намокшие кружевные манжеты рукавов, вытер влажное лицо салфеткой, лежащей рядом с тарелкой, принюхался к аромату жарящегося цыпленка и лука на кухне. Его рот наполнился слюной при мысли о том, что его ожидает. Кроме нескольких кусочков салями и тарелки сомнительной свинины, которую ему подала Свайхильда, он ничего не ел с самого завтрака...

Завтрака — 10 часов и миллионы лет назад: резной столик, крытый на террасе, белоснежная скатерть, начищенное серебро, безупречный официант, наливающий легкое, как перышко, вино из замороженной и обернутой в салфетку бутылки, деликатесные ломтики ветчины со специями, пшеничный пирог со взбитыми сливками, тоненькая, как бумага, фарфоровая чашка черного кофе...

— Эй, ты! — загремел глубокий голос из другого конца комнаты, вдребезги разбивая сладострастные воспоминания О'Лири.

Он оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, к кому это так грубо обращаются, и увидел двух высоких мужчин в голубых, отделанных золотом сюртуках, белых бриджах до колен, туфлях с пряжками и треугольных шляпах. Мужчины уставились на него от дверей таверны.

— Точно, это он,— сказал маленький, хватаясь за эфес своей шпаги.— Ох, это надо же, всю неделю за ним гонялись, а теперь награда наша, вся наша, Снардли, только не упусти его.

Шпага со свистом вылетела из ножен. Ее владелец помахал ею О'Лири.

— Ну-ка, не двигайся с места, приятель,— сказал он стальным голосом.— Мы тебя арестуем именем герцога!

Второй мужчина в форме вынул из-за пояса длинноствольный пистолет, который почему-то ассоциировался со сценическими ковбоями, и небрежно направил его в голову О'Лири.

— Ну, мерзавец, сам пойдешь, или тебя подстрелить, как сопротивляющегося аресту?

— Вам, должно быть, нужен какой-нибудь другой мерзавец,— нетерпеливо ответил Лафайет.— Я только что прибыл сюда, и у меня не было времени нарушить ваши законы — разве что у вас есть закон, по которому нельзя дышать.

— Пока еще нет, но это мысль. Ты только посмотри, какой ты умный.

Держащий шпагу легонько кольнул Лафайета.

— Уж лучше пойдем по-хорошему, мы с Иоквелом получим одинаковое вознаграждение, что за живого, что за мертвого.

— Я своими глазами видел, что ты сделал с моими двумя приятелями, которые тоже хотели тебя арестовать,— предупредил его Иоквел.— У меня так и чешутся руки посчитаться с тобой за это,— он снял пистолет с предохранителя, и раздался зловещий щелчок.

— Да вы с ума сошли! — запротестовал О'Лири.— Я никогда не был до сих пор в этой богом забытой трущобе!

— Скажи об этом герцогу Родольфо!

Шпага еще раз больно кольнула Лафайета.

— Ишь ты, ну-ка, лапки, приятель. Ничего, ничего, нам недалеко идти.

Поднимаясь на ноги, О'Лири посмотрел в сторону женского туалета: дверь была закрыта, внутри все было

тихо. Хозяин таверны, избегая смотреть ему в глаза, стоял за стойкой бара, начищая хрустальные фужеры. Лафайету все-таки удалось поймать его взгляд, и он послал глазами сигнал. Хозяин моргнул и сделал движение, как бы от дурного глаза.

— Вы делаете большую ошибку, ребята,— сказал Лафайет, в то время как острие шпаги помогало ему идти к двери.— Может, именно сейчас тот, за кем вы гонитесь, удирает со всех ног. Вашему шефу это может совсем не понравиться.

— Ты вполне нам подходишь, приятель. А теперь заткнись.

Несколько случайных прохожих с испугом смотрели, как двое полицейских вели О'Лири по узкой мощеной улице, петляющей по городу и ведущей к угрюмой башне, высоко уходящей в небо. Они прошли высокие железные ворота, охраняемые двумя часовыми в форме, такой же, как и на патрульных, пересекли большой двор и дошли до деревянной двери, освещаемой двумя фонарями. Дверь открылась в ярко освещенную комнату, стены которой были увешаны плакатами: «ИХ РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ». В комнате была деревянная скамья и стол, на котором грудой лежали какие-то пыльные бумаги.

— Гляди-ка, кто нам попался,— сказал высокий мужчина с желтоватым лицом, беря в руку гусиное перо и придвигая к себе чистый бланк.— Тоже мне умница. Ты сделал ошибку, вернувшись сюда.

— Вернувшись ку...

Резкий удар в спину положил конец возражениям О'Лири. Его схватили за руки и протолкнули сквозь обитую железом дверь, повели по длинному коридору, заканчивающемуся лестничными ступеньками, которые вели вниз, к запаху, совсем как в домике горилл в зоопарке Сент Лу.

— Ох, нет,— запротестовал О'Лири, изо всех сил упираясь пятками.— Только не туда!

— Вот именно,— подтвердил Иоквел его худшие опасения.— До встречи, шут гороховый!

И удар ногой в то место, на котором сидят, швырнул Лафайета вперед, он полупролетел полупрокатился вниз по ступенькам, свалившись в камеру с низким потолком, освещенную одной единственной высокой свечой. По стенам камеры стояли ряды клеток, из которых на него смотрели волосатые, похожие на звериные, лица. В другой стороне камеры сидел человек шире своего роста.

Сидел он на трехногом табурете и ковырял в ногтях шестнадцатидюймовым ножом.

— Нашего полку прибыло,— сказал он голосом, напоминающим скрежет мясорубки, перемалывающей мясо с костями.— Тебе повезло, что у нас еще есть свободное место.

Лафайет вскочил на ноги и успел пробежать вверх три ступеньки, прежде чем железный гриль с грохотом опустился вниз, чуть было не задев его пальцы ног.

— Чуть-чуть промахнулся,— сказал надзиратель.— Еще бы шесть дюймов, и мне пришлось бы соскабливать твои мозги с пола.

— Что все это значит? — спросил Лафайет ломающимся голосом.

— Спокойно,— сказал надзиратель, гремя ключами.— Ты попал обратно в кутузку, и теперь тебе уже не удастся улизнуть, когда я не смотрю.

— Я требую юриста. Я не знаю, в чем меня обвиняют, но в чем бы меня ни обвинили, я не виновен!

— Ты никогда никого не бил по голове? — осведомился надзиратель, морща лоб в притворном удивлении.

— Ну, что касается этого...

— Никогда ничего не крал?

— Но не намеренно же. Эта лодка...

— Никогда никого не соблазнял? Не пробирался по ошибке в чужую спальню?

— Но я могу объяснить!..— закричал Лафайет.

— Брось ты,— надзиратель зевнул, выбирая ключ из связки.— У нас уже был суд. Ты признан виновным по всем вопросам. Лучше поспи пару часов — ведь завтра у тебя большой день.

— Завтра? А что такое произойдет завтра?

— Да ничего особенного.

Надзиратель схватил Лафайета за воротник его куртки, окончательно пришедшей в негодность, и втолкнул в клетку.

— Ма-аленькое отрубление головы на заре, причем ты будешь играть главную роль.

* * *

Лафайет забился в угол своей клетки, делая все от него зависящее, чтобы не обращать внимания на различные боли, нытье и покалывание во всем теле, а также

зуд, вызываемый жизнью насекомых, разделяющих с ним его хоромы, мышей, которые бегали прямо по ногам, тяжелого запаха и глубокого задушенного храпа остальных заключенных. Он попытался, но уже с меньшим успехом, не думать также о неприятном событии, назначенном на следующее утро.

— Бедная Свайхильда,— пробормотал он, обращаясь к своим коленям.— Она подумает, что я сбежал и бросил ее. Никогда в жизни не будет она больше доверять ни одной женской уборной. Бедная девочка, одна в средневековом адском городе, без денег, без друзей, без места, куда можно приклонить голову...

— Эй, Лэйф,— прозвучал знакомый голос из темноты позади него.— Сюда. У нас всего шесть минут, чтобы добраться до выхода у ворот, пока ночной часовой не начнет второй круг дозора.

— Свайхильда! — поперхнулся Лафайет, изумленно глядя на голову с всклокоченными белокурыми волосами, которая торчала из треугольного отверстия в задней стене камеры.— Где ты... как... что?..

— Шшш! Ты разбудишь надзирателя!

Лафайет бросил взгляд на своего тюремщика. Тот сидел, распластавшись на своем стуле, как мечтающий Будда, скрестив пальцы на необъятном животе, удобно прислонив голову к стенке.

— Я буду пятиться задом,— сказала Свайхильда.— Пойдем, нам долго ползти.

Ее лицо исчезло.

Лафайет вскочил на ноги и кинулся в отверстие головой вперед. Это был грубый каменный туннель, в котором он поместился с большим трудом. По туннелю дул холодный ветерок.

— Положи камень на место,— прошипела Свайхильда.

— Как? Ногами?

— А, ну и черт с ним. Может быть, при таком освещении его никто и не заметит.

В темноте он стукнулся лицом о ее голову, и ее губы скользнули по его щеке. Она хихикнула.

— Ну, и даешь ты, Лэйф — лезешь ко мне в такое время! Любой другой только бы и думал, как бы поскорее унести отсюда ноги!

— Как тебе удалось узнать, где я нахожусь? — спросил он, ползя вперед по мере того, как она отступала.

— Хозяин таверны сказал мне, что тебя сцапали.

Я пошла за тобой до самых ворот, а там познакомилась с мальчиками. Один из них подсказал мне об этом туннеле сзади. Вроде бы по нему удрал какой-то другой пленный всего пару дней назад.

— И они все это тебе сказали, едва успев познакомиться?

— А ты сам посуди, каково им, Лэйф: платят мало, работы много — и что им до того, если какой-нибудь бедняга вырвется из когтей Родольфо?

— Вот уже, действительно, это было благородно с их стороны.

— Угу, но как тяжело было моей спине! Ну, и холодный же этот каменный пол, на котором ребятам приходится выстаивать часами!

— Свайхильда... не хочешь ли ты сказать... ну, да ладно, это не важно,— поспешно добавил Лафайет,— я предпочитаю ничего не знать.

— А теперь осторожно,— предупредила она.— Тут туннель идет под уклон и выходит наружу под кустом, а совсем рядом ходит часовой.

Используя ногти и пальцы ног, Лафайет полз наверх. На самом верху он остановился и стал ждать, пока Свайхильда прислушивалась.

— Побежали,— сказала она.

Раздался слабый хруст, впереди забрезжил свет, еле видный сквозь туман. Мгновением позже они уже бежали через аллею, перемахнули низкую стену и очутились в небольшом парке. Они осторожно пробирались меж деревьев и кустарников к уединенному месту в центре густых зарослей.

— А я беспокоился о тебе,— сказал Лафайет, плюхаясь на землю.— Свайхильда, это чудо, я все еще не верю, что так получилось. Если бы не ты, через три часа я стал бы короче на голову.

— А если бы не ты, со мной все еще резвились бы эти пять палубных образин, Лэйф.

Она легла рядом с ним на ковер из хрупких листьев.

— Да, но ведь это именно я втянул тебя во всю эту историю, вытащив из дома почью...

— Да, но ведь это ты из-за меня поругался с Халком. Он вообще-то не такой уж и плохой, только мозгов у него маловато, и вечно он подозревает меня в чем-то. Могу поспорить, если бы он сейчас оказался здесь, то веселенькую закатил бы истерику, увидев нас вместе в кустах!

— Э-э, да,— Лафайет осторожно отодвинулся от теплого тела, лежащего рядом с ним.— Но сейчас нам надо подумать, что делать дальше. Я не могу показываться здесь людям на глаза: либо они принимают меня ва кого-либо другого, либо эти матросы — самые быстрые пловцы во всем мире...

— Мы так ничего и не поели,— сказала Свайхильда.— Или тебя накормили в тюрьме?

— Должно быть, сегодня у тюремного повара был выходной,— печально ответил О'Лири.— С каким наслаждением я поел бы сейчас этих колбасок, которые были в нашей корзинке.

— Ты подглядывал,— сказала Свайхильда, доставая салями из небольшого пакета вместе с ножом и угрожающе выглядевшей бутылкой вина, которые Лафайет видел в последний раз на борту парусного баркаса.

— Умница,— выдохнул Лафайет.

Он толсто накромсал ножом пахнущую чесноком колбаску, разделил яблоко пополам и вытащил пробку из бутылки.

— Нет ничего лучше пикника под звездами,— сказал он, старательно жуя твердое мясо.

— Эх, о такой жизни я всегда мечтала,— отозвалась Свайхильда, покрывая разделяющее их расстояние и запуская руку ему под рубашку.— Быть свободной в большом городе, встречать интересных людей, осматривать достопримечательности...

— Обход местных тюрем не кажется мне особо хорошей жизнью,— возразил Лафайет.— Мы не можем оставаться здесь под кустом — скоро рассвет. Нам лучше всего попытаться пробраться обратно на причал и забраться на баркас, если он еще там.

— Ты хочешь сказать, что пора уезжать из порта Миазм? Но ведь мы даже не сходили в восковой музей!

— Досадное упущение, но, учитывая привычки местной полиции сначала вешать, а затем спрашивать удостоверение личности, я думаю, что мне удастся пережить это.

— Ну... где-то ты, конечно, и прав, Лэйф. Но я слышала, у них есть статуя Павингейла, убивающего дракона, который так похож на настоящего, что можно поклясться, что из него течет кровь.

— Очень соблазнительно,— согласился О'Лири.— Но остаться в живых еще соблазнительнее.

— Халку не понравится, что мы вернулись,— предсказала Свайхильда.

— А тебе вовсе не надо возвращаться,— возразил Лафайет.— У тебя вроде бы все неплохо здесь получается. Это ведь меня хотят повесить. Но, в любом случае, я не желаю возвращаться. Что находится на другой стороне озера?

— Да ничего особенного. Безлюдные места, Заговоренные Горы, дикари, Бесконечный Лес, чудовища. И Стеклянное Дерево. Сам знаешь.

— А как насчет городов?

— Говорят, у короля-эрла есть нечто вроде замка под горами. Зачем тебе?

— Да, нет, неплохо, если бы я нашел в тех местах помощь, которая мне нужна,— с сомнением произнес Лафайет.— Централь вряд ли пошлет своего представителя куда-нибудь, кроме большого населенного центра.

— Тогда ты влип, Лэйф. Боюсь, что в этой части Меланжа порт Миазм — единственный город.

— Это просто невозможно... впрочем, может быть, ты и права,— он вздохнул.— А это означает, что мне придется остаться и еще раз попытаться увидеться с герцогом. Неплохо бы иметь какую-нибудь маскировку: другой костюм, фальшивую бороду, может быть повязку на глаз...

— Жаль, я не украла для тебя солдатскую форму, когда у меня была эта возможность,— сказала Свайхильда.— И ведь лежала на полу прямо передо мной...

— Все, что мне надо — это как-то проникнуть за ворота. Если мне только удастся увидеть герцога и объяснить ему, как это важно, чтобы я вернулся в Артезию, все мои неприятности на этом закончились бы.

— Ты вообще-то поосторожнее, Лэйф. Я слышала, Родольфо не охоч до посетителей, в особенности после того, как один из них попытался трахнуть его стулом по голове.

— Ну, обо всем этом можно подумать и позже,— ответил Лафайет.— Хотя все равно мы болтаем сейчас впустую. Без маскировки это невозможно,— он отрезал еще кусок салями и стал его задумчиво жевать.

— Да не убивайся ты так, Лэйф,— утешила его Свайхильда.— Кто знает, что может подвернуться. Ты можешь даже найти все, что тебе угодно, прямо на кусте — никогда не известно, чего можно ждать.

— Да, хотел бы я, чтобы все это было просто. Когда-то так и было. Стоило мне только сфокусировать свою пси-энергию, и я мог устроить все так, как мне этого хотелось. Конечно, я не мог сделать все, что угодно. Я мог только изменить то, что еще не произошло, то, чего я еще не видел, например, за ближайшим углом.

— Ой, как это здорово, Лэйф,— мечтательно сказала Свайхильда, заражаясь его настроением.— Ты мог бы навыдумывать украшений и всяких красивых черных шелковых подушек с вышивкой и бог знает чего.

— Я бы согласился на обычный фальшивый нос с очками, вставными зубами и маленькими усиками,— сказал Лафайет.— Может быть, небольшой рыжий парик и монашеское одеяние с небольшой набивной подушкой. И чтобы все это лежало вон там за кустом, где кто-то потерял все это и...

Он неожиданно замолчал, и его глаза широко раскрылись от удивления.

— Ты ничего не чувствуешь?

— Угу. Ну-ка, сделай так еще раз.

— Да нет, ты не слышала... что-то похожее на удар.. как будто что-то шлепнулось?

— Нет. Ты просто говорил о своих желаниях... и послушай, как мне хотелось бы парочку красивых кружевных штанишек с маленькой розовой ленточкой.

— Свайхильда... шшш! — резко прервал Лафайет.

Он склонил голову набок, вслушиваясь. Из-за ближайших кустов раздался подавленный смешок и послышались звуки явно интимной возни.

— Подожди здесь.

Лафайет подполз под тяжелые ветви и раздвинул листву карликового лимонного дерева. Звуки исходили из глубокой тени впереди. Под его рукой внезапно треснула сухая ветка.

— Черт возьми, Наделия, что это? — прошептал нервный голос.

Кусты зашевелились, и рыбья физиономия с волосами мышиного цвета выглянула из них. Какое-то мгновение голубые навыкате глаза смотрели прямо на опешившего Лафайета. Затем с легким удушенным криком лицо исчезло.

— Твой муж! — прошептал сдавленный голос.— Разбегаемся в разные стороны!

Раздался женский визг, послышался быстрый топот убегающих ног. Лафайет с облегчением вздохнул и отвернулся.

Что-то привлекло его внимание, что-то висящее на кусте. Это была непривлекательная старая ряса из грубой шерсти, к подкладке которой прилипло множество листьев. Рядом с ней лежала черная шелковая подушка, вышитая розовым и желтым.

— Великая Матерь! — прошептал Лафайет с замирающим сердцем.— Неужели же...

Он стал лихорадочно шарить по земле и вскоре наткнулся на что-то мягкое и лохматое, как небольшой зверек.

Он поднес предмет к лунному свету.

— Рыжий парик!..

— Лэйф, что там происходит? — прошептала Свайхильда, подползая к нему сзади.— Откуда это у тебя?

— Это все здесь... лежало.

— И ряса священника, и... моя подушка?

Свайхильда схватила вышеуказанные предметы и изо всех сил прижала к себе.

— Лэйф, ты все это видел раньше! Ты просто решил подшутить надо мной со всеми этими твоими желаниями!

— Тут должен быть еще один предмет,— пробормотал Лафайет, шаря по земле.— Ах!

Он подобрал фальшивый нос с очками, зубами и усиками, лежащий под кустом.

— И мои штанишки — совсем как я хотела! — с восхищением взвыла Свайхильда, прижимая воздушное одеяние к груди другой рукой.— Ах, ты, старый шалун!

И, не выпуская из рук подушки и штанишки, она обхватила Лафайета за шею и поцеловала в губы.

— О, господи,— сказал Лафайет, освобождаясь из ее объятий.— Ко мне вернулись мои старые способности. Я не знаю почему и как, но...

Он закрыл глаза.

— Сразу же за этим деревом,— пробормотал он,— автомобиль с дизельным двигателем.

Он выжидающе застыл, открыл один глаз, затем подошел поближе и заглянул за ствол дерева.

— Странно,— он сделал еще одну попытку.— За скамейкой — маузер, автоматический, в черной кожаной кобуре, с запасной обоймой, заряженный.

Он побежал к скамейке и безуспешно принялся переворачивать листья.

— Ничего не понимаю — сначала все получается, а потом заколодило.

— Ну, ладно тебе, Лэйф, пошутил и будет. Пора нам убираться отсюда. Повезло тебе, что этот парень оделся как священник, чтобы встретиться со своей куколкой. Это еще лучше, чем солдатская форма.

— Могло ли это быть просто совпадением? — бормотал О'Лири, засовывая набивную подушечку за пояс рясы, надевая на себя парик и фальшивый нос. Свайхильда захихикала.

— Как я выгляжу?

Он несколько раз повернулся перед ней.

— Совсем как один из монахов-бродяжек, того и гляди, надуешь кого-нибудь.

— Сойдет?

— Конечно, сойдет. Послушай, Лэйф, брось ты этого своего герцога. Из тебя выйдет совсем даже неплохой монах. Мы подыщем себе какой-нибудь домик, повесим занавесочки на окна и...

— Не говори глупостей, Свайхильда,— с упреком ответил Лафайет.— Герцог Родольфо — моя единственная надежда выбраться из этого жалкого места.

Свайхильда схватила его за руку.

— Лэйф, не ходи опять во дворец. Если тебя поймают, то на этот раз отрубят голову, ты и пикнуть не успеешь. И чего это ты не можешь осесть на одном месте и жить спокойно?

— Спокойно? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие, когда меня бьют по голове, швыряют в тюрьму, а потом я вынужден прятаться в кустах?

— Я... я буду прятаться вместе с тобой, Лэйф.

— Ну, ну, Свайхильда, ты хорошая девочка. И я очень благодарен тебе за помощь, но это категорически исключается, меня ведь ждет жена, ты это забыла?

— Ну и что? Она — там, я здесь.

Он потрепал ее по руке.

— Да нет, Свайхильда, смело иди вперед за своим счастьем. Я уверен, что ты добьешься большого успеха в городе. Что же касается меня, то у меня есть очень важное дело, которое я могу выполнить только один. Прощай, я желаю тебе счастья.

— М-может быть, хоть возьмешь с собой подзаправиться?

Она протянула ему бутылку с вином и остатки колбасы.

— Вдруг тебя опять упрячут в кутузку?

— Да нет, спасибо, оставь это себе. Думаю, что следующий обед я получу уже в фешенебельной обстановке.

На улице, идущей за кустарником, раздался цокот копыт. Лафайет пробрался через ближайший проход и осторожно выглянул.

Верховой отряд кирасир в лимонно-желтых кожаных куртках с плюмажами скакали в его сторону, а за ними великолепная пара холеных вороных в серебряной сбруе влекла за собой золоченую коляску розового дерева.

В открытом окне коляски Лафайет увидел женскую руку в перчатке, бледно-голубой бархатный рукав. Лицо в профиль наклонилось вперед, потом повернулось к нему...

— Дафна! — взвыл он.

Кучер подстегнул лошадей кнутом, коляска промчалась мимо, набирая скорость. Не обращая внимания на кустарник, Лафайет продрался сквозь него и побежал рядом с коляской. Пассажирка уставилась на него широко открытыми от удивления глазами.

— Дафна! — тяжело дыша, вскрикнул О'Лири, хватаясь за ручку дверцы.— Это ведь ты? Остановись, подожди!

Ближайший всадник эскорта что-то громко проревел, загрохотали и загремели лошадиные копыта. Всадник скакал рядом с ним. Лафайет вовремя увидел опускающуюся саблю и увернулся, споткнулся о выбитый из мостовой камень и проехался два ярда по земле на подбородке. С трудом приподняв голову, он увидел, как коляска исчезла вдали, пересекая площадь, а потом весь вид ему заслонили ноги лошадей, окружившие его со всех сторон. Он поднял голову и оказался перед свирепым лицом и угрожающими усами капитана эскорта.

— Бросьте этого жалкого бродягу в темницу! — взревел капитан.— Закуйте его в цепи! Положите его на доски! Но не убивайте его! Леди Андрогора сама захочет, несомненно, посмотреть, как он корчится в смертных муках.

— Дафна,— пробормотал Лафайет, который чувствовал, что его сердце разбито, в то время как стражник ткнул его копьем, заставляя поспешить.— И она даже не оглянулась...

V

В новой камере Лафайета было еще меньше удобств, чем в той первой, которую он так недавно занимал, и состояла она из сырого пола размером в карточный стол и железных колодок для ног, которые были закреплены вокруг его лодыжек, добавив ему очередных синяков и царапин. За решеткой человек с большими руками, одетый с ног до головы в зловещую черную одежду, насвистывал какой-то веселый мотив, помешивая угли на небольшой жаровне, от которой пылало жаром и рядом с которой висел причудливый набор самой разнообразной формы щипцов, зажимов, клещей и преувеличенно больших орехоколов. Справа от жаровни стояло нечто, напоминающее поставленную на попа кровать, если бы не острые стержни, торчащие по всей длине, с зажимами на концах. Видимо, для гармонии слева стоял открытый саркофаг, весь утыканный трехдюймовыми ржавыми гвоздями.

— Послушайте меня,— начал Лафайет в девятый раз.— Если бы вы только передали мое послание герцогу, это глупое недоразумение сразу бы кончилось.

— Пощади ты меня, приятель.

Палач одарил О'Лири улыбкой.

— Для тебя все это в новинку, но я уже проходил через это тысячу раз. Тебе лучше всего просто расслабиться и думать о чем-нибудь другом. Например, о цветах. Цветы — это хорошо. Просто представь себе, как они склоняют свои маленькие головки весной на заре, забрызганные росой, и все такое. Ты даже и не заметишь, что происходит.

— Вы куда больше уверены в моих способностях, чем я сам,— сказал Лафайет.— Но ведь я вам говорю, что я тут вовсе ни при чем. Я не виновен, я обычный турист, и все, чего я хочу,— это объяснить свое дело Его Светлости герцогу, и можете не сомневаться, я вставлю о вас доброе словечко и...

— Ш-ш. Не трать зря силы, приятель. Ты совсем с ума сошел, что не снял своей монашеской рясы, прежде чем пойти на это дело. Почти вся герцогская стража искала этого пройдоху-монаха всю неделю, а он умудрился проворачивать свои делишки под самым их носом. Да ты, наверное, просто одержим сластолюбием, что набросился на карету Ее Светлости прямо перед воротами

замка, хотя я тебя и не упрекаю. Она лакомый кусочек, это уж точно.

— И это все... гм.. что они против меня имели?

— Да ты что, приятель, тебе разве этого мало? Сам герцог имеет виды на Ее Светлость. И вряд ли ему понравится, что какой-то бродяга попытался пристать к ней.

— Да нет, я имею в виду, меня не обвиняют в чем-нибудь за вчерашнее или позавчерашнее? Не хотят отрубить голову на заре или что-нибудь в этом роде?

— Отрубить голову? Нет, ничего такого нет, самая обычная процедура с раскаленным железом и тому подобное. Должны были тут отрубить голову одному на заре, но я слыхал, что этот чудак оказался колдуном: он превратился в летучую мышь и улетел в трубу.

— Неплохо придумано, жаль, что я не знаю его тайны.

Лафайет изо всех сил зажмурился.

— Я нахожусь в Артезии, недалеко от пустыни,— страстно пробормотал он.— Стоит прекрасная ночь, светят звезды, и мне только и надо, что пройти 20 миль по песку и оказаться во дворце, и...

— Эй, брось ты свои заклинания,— с упреком сказал ему палач.— Ты и так по уши завяз, не хватает еще обвинения в колдовстве.

— Все равно это бессмысленно,— простонал О'Ли-ри.— Я думал, ко мне все вернулось, но это был только самообман. Я застрял здесь... если мне не удастся поговорить с герцогом,— закончил он с отчаянием в голосе.— Может быть, вы хоть попытаетесь? Если окажется, что я говорю правду, вас ожидает значительное повышение в должности.

— Мне не надо никакого повышения, приятель. Я и так выше всех в своей профессии и вполне доволен своей работой?

— Тебе нравится быть палачом?

— Нам, ДИС, вовсе не нравится, когда нас так называют, мистер,— сказал человек расстроенным тоном.— Мы — Добывающие Истину Специалисты. Вот уж не позавидовал бы тебе, если бы ты попал в руки к какому-нибудь мяснику, которые портят доброе имя нашей профессии.

— Вы хотите сказать, есть еще и специальная школа, как сделать ожог с помощью раскаленного железа?

— Ну, что ты, приятель, все это куда сложнее. Вот возьми, например, мое теперешнее поручение: у меня строгий приказ сохранить тебя в состоянии «выпускника», как мы это называем, до тех пор, пока не вернется Ее Светлость. А так как она собирается отсутствовать несколько недель, сам понимаешь, как деликатно мне придется с тобой все время обходиться. Далеко не каждому удалась бы такая тонкая работа.

— Послушайте, у меня есть к вам предложение,— веселым фальшивым тоном сказал Лафайет.— Почему бы вам просто не позабыть, что я здесь, пока она не вернется? Тогда вы сможете нарисовать на мне несколько линий краской и сделать несколько рубцов из воска, и...

— Стоп, стоп, замолчи,— сурово ответил ДИС.— Я вообще сделаю вид, что я ничего этого не слышал. Да если бы я позволил бы себе нечто в этом роде, меня изгнали бы из гильдии.

— Знаешь, что я тебе скажу,— ответил Лафайет.— Если ты пообещаешь никому не говорить об этом, то и я не скажу.

— Эх, заманчиво, конечно, но — нет.

ДИС поворошил угли, поворачивая железный прут, чтобы он раскалился докрасна равномерно.

— Я ведь не должен забывать еще и о традициях. Ничего не хочу сказать, это ты неплохо придумал, приятель, но я не могу на это пойти.

Он поднял раскаленный железный прут и критически осмотрел его, лизнул палец и слегка дотронулся до железа. Раздалось громкое шипение.

— Ну, вот, думаю, мы готовы. Если тебе не трудно будет раздеться до пояса, то мы можем начать.

— О, я не тороплюсь,— запротестовал Лафайет, отступая к задней стене своей камеры и лихорадочно ощупывая руками кладку стены сзади. «Всего один расшатанный камень,— взмолился он про себя,— а за ним маленький потайной ход...»

— Честно говоря, я и так отстал от расписания,— сказал ДИС.— Что ты скажешь, если мы начнем легонько с эпидермы, а потом дойдем до нервных центров, прежде чем прервемся на ужин. Эй, кстати, совсем забыл тебя спросить: хочешь рацион? Всего полтора доллара, но я слышал, у них сегодня салат из цыплят и пирожки с вареньем.

— Нет, спасибо, я тут попощусь некоторое время. Я разве не говорил, что нахожусь на диете под наблю-

дением врача? И в особенности мне противопоказан шок и...

— Если бы это от меня зависело, я бы накормил тебя бесплатно, совсем по-американски. Но...

— Что ты знаешь об Америке? — вскричал Лафайет.

— Кто же не знает Луиджи Американца, рубахи-парня, который занимается поставкой яиц? Жаль, конечно, что герцог слишком жадничает...

— Я все слышу, Стонруб,— прозвучал вибрирующий баритон.

Высокий, мускулистый, но слегка одутловатый мужчина с зачесанными назад гладкими волосами и очками в тонкой оправе стоял в дверях. На нем были желтые брюки в обтяжку и короткий горностаевый плащ. Лафайет уставился на него, потеряв дар речи.

— О, привет, Ваша Светлость,— спокойно сказал палач.— Ну и что, вы сами знаете, что я ничего не скажу за вашей спиной, чего не сказал бы вам в лицо.

— Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко,— отрезал вновь прибывший.—А теперь оставь нас. Мне надо поговорить с пленником.

— Эй, это не честно, Ваша Светлость, мой рабочий стержень номер 4 только-только успел нагреться до рабочей температуры!

— Неужели мне надо указывать тебе на то, что мне довольно трудно будет беседовать с твоим подопечным, когда в воздухе будет вонять горелым мясом?

— Гм... это, конечно, верно.

Стонруб швырнул железный прут обратно на угли и бросил на Лафайета сожалеющий взгляд.

— Прости, приятель. Но сам видишь, какие тут дела.

Седовласый, сузив глаза, изучал О'Лири. Как только дверь за ДИС закрылась, он подступил вплотную к решетке.

— Итак, это все-таки вы,— сказал он и замолчал, нахмурившись.— Что случилось? — резко и требовательно произнес он.— Вы выглядите так, словно увидели привидение.

— Н-н-никодеус? — прошептал О'Лири.

— Если это какого-нибудь рода пароль, то я его не знаю,— отрезал герцог Родольфо.

— Вы не... Никодеус? Не суб-инспектор континуума? Вы не можете позвонить, чтобы меня отправили в Артезию?

Герцог уставился на Лафайета горящими глазами.

— Хватит издеваться надо мной, Ланцелот. Сначала вы врываетесь в мою приемную и несете всякую чушь, затем удираете из моей самой надежной тюрьмы на глазах самой неподкупной стражи. Затем открыто появляетесь рядом с пристанью, прямо-таки напрашиваясь, чтобы вас еще раз арестовали, после чего удираете только для того, чтобы напроситься на арест в третий раз, приставая к одной леди,— не будем называть ее имени — на глазах у ее охраны. Очень хорошо, может, я немного упрям, но мне кажется, я вас понял: у вас есть что предложить мне.

— Да?..— слабо сказал Лафайет.— То есть... да. Значит вы, наконец, поняли?

— И?

Взгляд Родольфо остался таким же горящим.

— И, э-э-э что? — жизнерадостно спросил О'Лири.

Герцог нахмурился.

— Значит, ты решил шантажировать меня, вот как? Ничего у тебя не выйдет! Валяй, исчезай снова, развлекайся! Но не жди, что я приползу к тебе, умоляя сообщить сведения о леди Андрагоре...

Он закончил предложение в полувопросительном тоне, и в его глазах можно было прочесть почти умоляющее выражение.

— Леди Андрагоре? — пробормотал Лафайет.— Чтобы я сказал тебе...

— Ну, хорошо,— герцог вздохнул.— Я вижу, что с самого начала обращался с тобой неправильно, Ланцелот. Ладно, я признаю свою ошибку. Я был в корне не прав в этом. Но вряд ли ты можешь упрекнуть меня, если вспомнить об этом эпизоде с тухлым яйцом и бутылкой чернил. И, тем не менее, я готов примириться. Я даже извинюсь, хотя это против моих правил. Ну, теперь ты согласен посидеть со мной рядом и поговорить, как подобает джентльменам?

— Э-э-э, ну конечно, и я бы хотел быть покладистым,— не зная, что отвечать, с отчаянием произнес Лафайет.— Но камера пыток — вряд ли подходящее место для сердечной беседы.

Герцог хмыкнул. Повернувшись, он крикнул Стонруба.

— Проследи за тем, чтобы этого дворянина освободили, помыли, накормили, одели согласно его положению и привели в мои апартаменты через полчаса,— он бросил на О'Лири подозрительный взгляд.— И никаких исчезно-

вений до тех пор, Ланцелот,— угрожающе сказал он и вышел из комнаты.

— Ну, вот, подфартило,— философски сказал Стонруб, отпирая дверь камеры.— Похоже, нам не удастся встретиться с тобой на профессиональном уровне сегодня ночью, малыш. Но все равно, мне было приятно с тобой познакомиться. Может, как-нибудь в другой раз.

— Не сомневаюсь,— сказал Лафайет.— Послушай, Стонруб, а что ты знаешь об этой, э-э-э, леди Андрагоре?

— Да ничего особенного. Просто, что она самая богатая и самая красивая леди во всем Меланже. И что страсть герцога к ней горит, как Чикагский огонь.

— Ты знаешь о Чикагском пожаре?

— Конечно. Пивнушка. Сгорела на прошлой неделе. А что?

— Да нет, неважно. Так ты говоришь?..

— Да, жаль Его Светлость, что ему никогда не удастся поближе познакомиться с Ее Светлостью.

— Почему?

Стонруб ухмыльнулся и понизил голос.

— Потому что у нее есть другой, приятель. Об этом всюду говорят.

— Другой?

Лафайет почувствовал, как его сердце подпрыгнуло до самого горла и опустилось обратно.

Стонруб ткнул локтем Лафайету под ребра.

— Герцог Родольфо этого не знает, но он играет вторую скрипку после одного мошенника по имени Лоренцо Долговязый — или это Ланцелот Счастливчик?

— Лоренцо Долговязый? — прохрипел Лафайет, глядя, как Стонруб снимает с него колодки.

— По правде говоря,— сказал ДИС тоном человека, который посвящает своего знакомого в тайну,— даже сейчас объявлено, что миледи направляется в гости к своей тетке-старушке и ее двенадцати кошкам. Но, между нами говоря, ходят слухи, что она направляется в охотничью избушку Закличаре, чтобы провести медовый месяц с этим счастливчиком.

— М-медовый месяц?

— Угу. Ладно, пойдем, я передам тебя служанке, чтобы она подготовила тебя к встрече с герцогом.

Когда Лафайет, чистый, сытый, одетый в новые шелковые одежды, которые были ему почти впору, был введен в комнату, герцог Родольфо сидел в большом мягком кожаном кресле.

— Садись, Ланцелот,— приказал герцог, явно заставляя себя разговаривать сердечно.— Вино? Сигару?

Он помахал рукой в направлении небольшого удобного кресла и низкого столика, уставленного бутылками и стаканами.

— Благодарю.

Лафайет с благодарностью опустился в кресло, потом зевнул, чуть не вывихнув себе челюсть.

— Прошу прощения. Просто я обычно ложусь спать значительно раньше. Кстати, меня зовут Лафайет.

— Ты хорошо пообедал?

— Так хорошо, как это только было возможно, если учесть, что одновременно 6 девушек терли мне спину, наклеивали пластырь на мои ссадины и массировали ушибы. Хотя я, конечно, вполне ценю такую заботу.

— Превосходно. А теперь давай прекратим ходить вокруг да около, Ланцелот. Какова твоя... э-э-э... связь с леди Андрагорой?

Герцог отхлебнул глоток вина и резко искоса посмотрел на Лафайета.

— Моя связь с леди Андрагорой? — повторил Лафайет.— Гм, как это... то есть я хочу сказать, что я — ее муж.

Лицо герцога закостенело.

— Ее муж?

Его голос рубанул воздух, как отрубают голову на гильотине.

— Ее отчужденный муж,— торопливо поправился О'Лири.— Мы практически не знакомы друг с другом.

— Никогда не слышал, чтобы миледи была замужем,— опасным тоном сказал Родольфо.

Он потянулся к бутылке с виски, налил себе на два пальца и опрокинул стакан в горло одним глотком.

— Тем более, что она разведена.

— Она очаровательная девушка,— торопливо продолжал Лафайет.— Веселая такая, жизнерадостная...

— Можешь оставить при себе свои интимные воспоминания,— отрезал Родольфо. Он закусил губу.— Возможно, это объясняет доклад капитана Рицпога о том, что ты пытался заговорить с нею на улице, пока тебя не оттеснила стража.

— Он...— начал было Лафайет,— очень настойчивый человек, этот капитан.

— Хотел бы я знать, чем ты так оскорбил изумительную леди, что заслужил такое отвращение с ее стороны.

— Я думаю, что все началось с хлопушки в постели,— начал О'Лири, затем заметил черное облако, начинающее наползать на герцогские черты.— Хлопушка — это ее кошка,— сымпровизировал он торопливо.— Она настаивала на том, что будет с ней спать. А так как у меня просто аллергия к кошкам — ну, вы сами должны понять, что это была за женитьба.

— Ты хочешь сказать, что никогда... что ты не...

— Вот именно.

Лафайет отер со лба пот кружевным рукавом и налил себе добрую порцию виски.

— Считай, что тебе очень повезло, Ланцелот,— сказал Родольфо стальным голосом.— В противном случае я вынужден был бы немедленно тебя казнить, Ланцелот.

— Лафайет. И давайте не будем начинать все с начала,— сказал О'Лири, переведя дух от крепкого виски.— Вы велели меня отпустить и привести сюда по какой-то причине. Ну, я вас слушаю.

Герцог начал барабанить пальцами по столу, потом резко остановился.

— У меня возникло чувство привязанности к этой леди,— сурово сказал он.— Соответственно я пригласил ее провести со мной уикэнд в моем зимнем дворце. Вместо того, чтобы радостно принять эту честь, она сослалась на то, что еще раньше договорилась навестить престарелую родственницу.

— И?

— Возможно, я слишком мнителен, но мне показалось, что в ее обращении все-таки сквозил маленький холодок.

Герцог налил себе еще виски.

— Может, ты не в ее вкусе,— предположил Лафайет, не отставая от герцога.

— Не в ее вкусе? Что ты этим хочешь сказать?

— Ну, с одной стороны, ты достаточно стар, чтобы быть ее отцом,— указал Лафайет.

— Это не имеет значения!

— А, может быть, для нее имеет. К тому же, ты только не обижайся, не могу сказать, чтобы ты был особенно весел в общении. Даф... я хочу сказать, леди Андрагора очень любит порезвиться.

— Весел в общении? Как я могу веселиться, обремененный государственными делами, несварением желудка, бессонницей и угрозой срочных платежей?

Герцог схватил бутылку за горлышко и налил себе, потом Лафайету — до краев.

— Вот об этом я тебе и толкую, Твоя Светлость. Сплошная работа и никаких развлечений делают Родольфо скучным...

— Сплошная работа и никаких... клянусь своими поджилками, сэр, неплохо сказано!

Они чокнулись стаканами и выпили. Герцог задумчиво облизал губы.

— Теперь я все понял. Каким идиотом я был! Почему я просто не подошел к ней открыто, не предложил весело провести день, сходив в местный музей, или, например, бесшабашно закончить вечер карточной игрой? Но нет, все, что предлагал ей я, были какие-то государственные обеды или приглашения в ложу для посетителей на еженедельные Герцогские Заседания.

— В том-то и штука, Родольфо.

На сей раз стаканы наполнил Лафайет.

— Ты мог бы даже предложить ей прогуляться в парке или поплавать и позагорать на пляже, или даже устроить пикник на лужайке. Нет ничего лучше муравьев в картофельном салате, чтобы все преграды рухнули. Твое здоровье!

— Ну, конечно, мой мальчик! И как это мне раньше не пришло в голову? — наполняя стаканы, Родольфо расплескал виски на стол.— Я был дураком, бесчувственным идиотом!

— Не упрекай себя, Руди,— сказал Лафайет, поднимая свой стакан.— В конце концов, тебе ведь надо было управлять всем герцогством.

— Верно. Но теперь все будет по-другому, и все благодаря тебе, дорогой мой. Я буду кормить ее своими любимыми яствами, мы будем слушать мою самую любимую музыку, я завалю ее своими любимыми винами, книгами, духами, закидаю платьями, которые подойдут ей больше всего.

— Тихо, тихо, Руди,— Лафайет укоризненно помахал в воздухе пальцами.— Не хочешь ли хоть немного подумать о вкусах самой леди?

— А? Как может она возражать, когда ей подадут нарубленную куриную печень с белым вином, а мой

оркестр будет играть в это время мелодию из «Мертвого Марша» Саула?

— И одета она будет по последней моде? Трудно сказать. Но женщины — странные звери. Никогда нельзя сказать, что они думают. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о принцессе, с которой я был одно время обручен.

— И я начну сейчас — сегодня же! — воскликнул Родольфо и ударил кулаком по подносу.— Я... но, черт побери, ничего не выйдет! Она уехала из города и вернется только через две недели.

— Очень недурная была девочка,— сказал Лафайет,— но стоило мне только на минуту отвернуться...

— Но, черт побери, какой смысл быть герцогом, если я не могу сделать по-своему?

Родольфо победоносно смотрел на Лафайета.

— Я прикажу, чтобы ее вернули. Быстрый кавалерийский отряд нагонит ее за какую-нибудь пару часов, так что у меня едва хватит времени, чтобы охладить мое любимое вино и...

— Ах, Руди,— запротестовал Лафайет.— Преклонение, а не сила — разве ты забыл?

— Но ведь сила — это значительно быстрее.

— Неужели ты хочешь иметь забитую рабу, угрюмо подчиняющуюся всем твоим приказаниям? А не веселую живую резвушку, восхищающуюся твоей галантностью и умом?

— Гмм. После того, как ты упомянул об этом, мне кажется, что раба — это куда практичнее.

— Ерунда, Руди. Ведь ты хочешь, чтобы этот лакомый кусочек, этот созревший плод упал прямо тебе в руки, верно? Поэтому вместо того, чтобы посылать потных солдат в латах, которые притащат ее обратно, визжащую и царапающуюся, ты должен отрядить особого посланника, который передаст ей твои пожелания с деликатностью, приличествующей столь важной миссии.

Лафайет икнул и опрокинул бутылку над стаканом.

— Черт возьми, сынок, ты, как всегда, прав,— Родольфо задумчиво нахмурился.— Но кому из всей этой коллекции кретинов и пьяниц, которые окружают меня, могу я доверить такое важное дело?

— Тебе нужен человек, доказавший свою пригодность, ум и храбрость. Не какой-нибудь мужлан, который продаст лошадь и автограф твоего письма, как только

выйдет из ворот замка. Какой-нибудь рыцарь, находчивый, галантный, образованный...

— Какого письма?

— Того, которое ты напишешь, чтобы сказать ей о том, что ты поклоняешься ей издалека,— сказал О'Лири.

Он потряс пустую бутылку и перекинул ее через плечо.

— Великолепная мысль! — воскликнул Родольфо и снова ударил кулаком по подносу, так что стаканы подпрыгнули. Но... что я ей напишу?

Он задумчиво принялся грызть оправу кольца на левой руке.

— Честно говоря, мой мальчик...

— Зови меня просто Лафайет, Руди.

— Мне казалось, что тебя зовут Ланцелот,— сказал герцог.— Но это не важно. Честно говоря, как я уже упоминал, я никогда не умел писать. Всякие там цветастые послания...

— И откуда только это взбрело тебе в голову?

— То есть как — ты сам предложил написать письмо.

— Да нет, я имею в виду, что меня зовут Ланцелот.

— Ланцелот... он-то здесь при чем?

Родольфо выглядел удивленным, потом весь просиял.

— Ну, конечно! — воскликнул он, выплевывая изо рта кусочек ногтя, который только что старательно отгрыз.— Именно Ланцелот! Ты умен, изобретателен, и у тебя есть голова на плечах. Ты пьешь? — внезапно спросил он вызывающим тоном?

— Как я могу пить, когда бутылка пуста?

— Великолепно. Никогда нельзя доверять человеку, который не умеет пить. Да, действительно, бутылка пуста.

Родольфо поднялся и неуверенно пошел через комнату, открыл шкафчик, вытащил новую бутылку и по синусоиде вернулся обратно в кресло.

— Вот я и говорю: отправляйся к этой особе, Ланцелот, излей ей свое сердце, объясни, что высшая обязанность женщины — это заботиться и ухаживать за ее лордом и повелителем и что в то время как ты сам можешь предложить ей лишь жалкое существование рабыни, она может утешиться тем, что жизнь не вечна.

— Это очень убедительный подход,— сказал Лафайет, выдергивая пробку из бутылки.— Но мне почему-то казалось, что это ты хочешь заполучить эту женщину,— он

пахмурился, пытаясь сфокусировать глаза.— Или я что-то напутал?

— Клянусь богом, Ланцелот, ты прав. Это ведь Я ее хочу,— герцог бросил враждебный взгляд.— Должен сказать, что это очень смело с твоей стороны пытаться встать между нами. Она без ума от меня, но она очень стеснительна, и я думаю послать за ней свое доверенное лицо, чтобы он притащил ее ко мне, ласковую и воркующую. Я хочу сказать, визжащую и царапающуюся.

— Великолепная мысль,— согласился Лафайет, выливая виски между двумя стаканами.— А кого ты имеешь в виду?

— Гмм... может, послать Стонруба?

— Ни в коем случае. Он совсем не дипломат, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Ланцелот! Я придумал! Почему бы тебе не отправиться за ней?

— Ни в коем случае, Руди,— сказал Лафайет.— Знаю я тебя, ты хочешь отвлечь меня от того, чего я на самом деле хочу добиться.

— А чего ты хочешь добиться?

— Чтобы ты послал меня за леди Андрагорой.

— Об этом не может быть и речи! Твоя наглость заходит слишком далеко.

Родольфо схватился за бутылку и плеснул виски по стаканам.

— Как насчет компромисса? — сказал Лафайет, хитро глядя на герцога.

— Что ты имеешь в виду?

— Я доставлю леди твое письмо, а за это ты назначишь меня своим послом. Или наоборот?

— По-моему, это будет справедливо. Ну, так вот: когда ты ее догонишь, скажи о моем глубоком увлечении, объясни подробно все мои великолепные качества, короче говоря, объясни ей все выгоды того положения, которое она займет, и скажи, что ей очень повезло.

— Еще что-нибудь?

— Категорически нет!

Родольфо сурово посмотрел чуть левее уха Лафайета.

— Дальше я сам буду за ней ухаживать.

— Ну, хорошо, Руди, я принимаю твое поручение. Ты правильно сделал, что обратился с этим ко мне...

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать,— прочувственно всхлипнул герцог. Он поднялся с кресла и про-

тянул О'Лири массивное кольцо.— Эта печатка обеспечит тебе помощь моих слуг,— он протянул руку.— Я никогда этого тебе не забуду, старина. Ты подал мне надежду.

— Перестань, Руди. А теперь иди. А то я устал. А завтра у меня большой день.

— А что такое завтра?

— Вторник.

— Ну, конечно. И, если мы заговорили о завтра, то у меня для тебя есть небольшой сюрприз. Только не говори никому, но кое-кто сказал мне, что завтра у меня будет одна леди.

— Руди! Ах, счастливчик! Поздравляю!

— Только никому не болтай об этом. Говорят, это к несчастью. Ну, ладно, мне действительно надо идти. Приятного тебе вечера и все такое.

— Куда же ты, не торопись. Мы еще не кончили.

Лафайет поднял вверх наполовину пустую бутылку и заморгал, глядя на нее.

— Даже еще и не начали,— сказал он.

— Я никогда не пью,— твердо сказал герцог.— Говорят, это губит мозг. Спокойной ночи, Ланцелот.

Некоторое время после его ухода Лафайет стоял, качаясь, посреди комнаты, которая, казалось, почему-то стала быстро вращаться вокруг него. Потом он пробрался к ванной, сунул голову под струю холодной воды и яростно растер ее. В платяном шкафу герцога он выбрал себе теплый красивый плащ для верховой езды. Потом взял дюжину сигар из герцогской коробки, засунул пару перчаток в карман и вышел в коридор.

Главный конюх, протирая руками глаза, проснулся, когда О'Лири потребовал себе лучшую лошадь. 5 минут спустя, чуть покачиваясь в седле, О'Лири показал кольцо у ворот. Стражники заворчали, но ворота открыли. По темной улице он проскакал до гавани и с помощью кольца реквизировал королевскую баржу, не обращая внимания на сонные возражения хозяина. Часом позже, как следует промерзнув при пересечении озера, он ступил на западный берег. Узкая ухабистая дорога вела с берега в лес.

— Скажи, по этой дороге отправился отряд леди Андрагоры? — спросил он у дрожащего лодочника.

— Да — если это можно назвать отрядом. Ну и ночка! — лодочник подул себе на руки.— Помяни мое слово, снег выпадет еще до завтра.

— Прекрасно,— сказал Лафайет своему поднятому воротнику.— Это все, чего мне не хватало, чтобы завершить эту ночку.

Он пришпорил лошадку и поскакал в темноту между деревьями.

VI

Следующие два часа Лафайет скакал по извилистой дороге, которая все время поднималась вверх среди деревьев, мимо огромных валунов и небольших ручейков, текущих в каменистых берегах, поросших мхом. Следы колес были отчетливо видны в пыли, так же, как и копыта лошадей эскорта. В голове у него гудело. Холодный ветер проникал даже под теплый плащ. И, насколько он понимал, прогресса в его делах не наблюдалось.

— Все это — погоня неизвестно за чем,— пробормотал он про себя.— С самого начала я не делал ничего, кроме глупостей. В первую очередь, не настоял, чтобы этот Пратвик соединил меня со своим начальством. Но я был так ошарашен, что не понимал, где нахожусь. И до сих пор, между прочим, не понимаю. Меланж? Кто слышал о каком-то там Меланже? И порт Миазма — ну и дыра!..

И, конечно, он все только напортил, связавшись со Свайхильдой. Странно, что она так похожа на Адоранну. Бедная девочка, ей жилось не так сладко и до того, как он свалился на ее голову. А он был здесь всего 12 часов и уже успел разрушить семью. А потом еще был настолько идиотом, что попался в лапы полиции, и уж невероятной глупостью было кинуться в этом дурацком обличье к коляске Дафны, то есть леди Андрагоры. Ему следовало бы понять, что она не может знать его, никто в этом сумасшедшем месте не был тем, кем должен был быть. А затем эта дурацкая попойка с герцогом... С какой стати я проторчал полночи, пытаясь перепить Родольфо, в то время как леди Андрагора уезжала все дальше и дальше? — простонал он.— Да и, вообще, зачем я здесь? Если я ее догоню, то, возможно, меня встретят теми самыми кнутами, о которых упоминал Руди, и это будет вся награда за мои мучения. Но что еще мне остается делать? Если она не Дафна, то ее

двойник. Не могу же я допустить, что она попала в лапы к этому мошеннику Лоренцо Долговязому. Или его зовут Лоренцо Счастливчик?

Он приподнялся в седле. От холода у него застыли пальцы на руках и ногах и мочки ушей. Нагонял ли он, или наоборот, отставал все больше и больше? Следы выглядели не свежее, чем в начале его пути.

Он хлестнул поводьями, переводя лошадь на бег рысцой. Животное помчалось по дороге, выпуская пар из ноздрей, а Лафайет низко пригнулся к шее лошади, уклоняясь от сосновых ветвей, которые задевали его за спину. Он повернул за поворот дороги и увидел впереди нечто темное и большое. Он резко потянул поводья.

— Ого,— сказал он, чувствуя, что у него пересохло во рту.— Кажется, тут поработали разбойники...

Это была розовая коляска леди Андрагоры, безмолвно стоявшая посреди дороги. Сорванная с петель дверца раскачивалась при ледяных порывах ветра. Лафайет спрыгнул с коня, сморщиваясь от боли в голове, подошел к коляске и заглянул внутрь, в бархатный розовый интерьер. Кружевной розовый платочек лежал на розовом ковре. Он поднял и понюхал его.

— Розовый лунный свет,— пробормотал он.— Любимые духи Дафны.

Следы, как он обнаружил, дальше никуда не вели. Не было и признака четырех великолепных вороных эскорта: на дороге валялась лишь одинокая шпора..

— Странно, что нет мертвых тел,— пробормотал Лафайет.— Наверное, эти трусы сдались без боя.

Когда он повернулся, чтобы вернуться к своему коню, в кустах раздался какой-то треск. Лафайет схватился за эфес своей разукрашенной шпаги, которой снабдил его слуга герцога.

— Ни шагу назад, или я продырявлю твое предательское сердце! — прогремел голос позади него.

Он резко повернулся и оказался перед угрожающим лицом с усами и перед кончиком шпаги в нескольких дюймах от своего горла. Вооруженные люди выходили из кустов, в которых скрывались, и Лафайет только начал соображать, что на них надеты желтые ливреи слуг леди Андрагоры, когда грубые руки схватили его сзади.

— Вернулся, чтобы порадоваться на свою работу? Или хотел забрать оставшиеся ценности?

Капитан ткнул в грудь Лафайета.

— Где она, ты, жалкое отродье?

— Но я с-собирался задать вам тот же вопрос!

— Говори — или я не ручаюсь, что мне удастся сдержать моих ребят, которые разорвут тебя голыми руками на мелкие кусочки!

— Это вы ее сопровождали?

Лафайет оправился от первого изумления.

— Почему вы спрашиваете м е н я, где она? Что вы сделали — убежали и оставили ее одну?

— Ах, вот как ты запел, да? А потом ты, наверное, запросишь выкуп за ее возвращение?

Лафайет взвыл, когда кончик шпаги больно уколол его.

— Я тебе покажу выкуп, змея подколодная! Говори, что ты сделал с самой прекрасной женщиной, которую когда-либо сопровождал эскадрон кавалерии?

— Я здесь по официальному делу,— тяжело дыша, ответил Лафайет.— Посмотри на кольцо на моей левой руке.

— Оно не слезает,— доложил капрал стражи.— Прикажете отрезать?

— Ты хочешь подкупить нас этой безделушкой? — рявкнул капитан.

— Конечно, нет! Кольцо принадлежит герцогу Родольфо! Но палец мой и, если не трудно, оставьте его в покое.

— Ну и нервы у этого мошенника,— произнес сержант охраны.— Сначала свистнул кольцо у нашего герцога, а теперь еще в открытую говорит об этом!

— Я ничего не крал, он сам мне его дал.

— Заколем его, и дело с концом, капитан,— вновь сказал стражник.— Не люблю я таких вралей. Всем известно, что герцог полушки медной никому не даст.

— Неужели мне никак не вбить в ваши тупые головы, что я направлен сюда с важным поручением?

— Каким еще поручением?

— Догнать леди Андрагору и привести ее к...

— Вот ты и сознался!

— Но я не собирался этого делать,— добавил Лафайет, страстно мечтая, чтобы прошла его головная боль и он мог бы начать ясно мыслить, чтобы как-нибудь выкрутиться.— Я намеревался отправиться в противоположном направлении...

— И слишком долго задержался на месте своего негодяйского преступления! — отрезал капитан.— Прекрас-

но. Эй, ребята, готовьте веревку! Его болтающийся труп послужит предупреждением другим!

Лафайет закричал:

— Подождите! Я сдаюсь, вы слишком умны для меня. Я... я все... все скажу вам!

— Вот это другое дело,— капитан снова ткнул его шпагой.— Ну, говори, преступник!

— Э-э... так с чего мне начать? — протянул О'Лири.

Сержант предложил:

— Начни с того момента, когда наш Лу отошел в кусты.

— Ну, да, как только ваш Лу отошел в кусты, я...

Все с интересом столпились вокруг него, стараясь не пропускать ни слова из сказанного.

— Ты стукнул его по голове, верно? — предложил сержант.

— Верно. А затем, гм...

— Затем, когда мы заждались и послали еще двух ребят, чтобы выяснить, почему его нет так долго, ты пристукнул и их, так?

— Так...

— А затем, когда все мы бросились на поиски наших ребят в кусты, ты прокрался сюда и выкрал Ее Светлость из-под самого носа Леса, который держал поводья, верно?

— Кто из нас рассказывает, как все было, ты или я? — высокомерно осведомился Лафайет.

— Ну, так где же она сейчас?

— Откуда я знаю? Я был слишком занят тем, что бил Лу по голове и вертелся возле под носом Леса.

— А откуда тебе, собственно, известны имена наших ребят? Ты давно уже задумал это злодеяние, а?

— Это здесь ни при чем, Квалк! — рявкнул капитан.— Мы теряем время. Эй, ты, говори быстрее, где сейчас находится леди Андрагора, или я сверну тебе шею сей момент!

— Она... она находится в избушке Лоренцо Долговязого!

— Лоренцо Долговязого? А где эта избушка?

— Она... гм... в нескольких милях отсюда по дороге.

— Лжец! — рявкнул капитан.— Эта дорога ведет только в дом тетки миледи, Пруссик.

— Ты в этом уверен? — тоже рявкнул Лафайет, не оставаясь в долгу.

— Уверен, мне об этом сказала сама миледи.

— Твой умственный аппарат явно нуждается в подзарядке,— отрезал Лафайет.— Все во дворце говорят, что Лоренцо Долговязый живет именно здесь. Или, как там его, может, Лотарио... или Лохинвар?

— Я не понимаю твоих грязных намеков, жалкий червь,— сказал капитан твердым голосом.— Не хочешь ли ты заставить меня поверить в то, что миледи намеренно обманула меня? Что она назначила тайное свидание здесь, в глубине Закличарьяэ

— Оно не могло быть тайным, когда дюжина верховых солдат вертелась вокруг нее,— указал Лафайет.

— Ты хочешь сказать... она просто провела нас, избавилась от нас специально?

Голос капитана зазвенел на угрожающих нотах.

— Сами подумайте,— сказал О'Лири.— Если бы это я ее увел отсюда, то какой мне смысл возвращаться, чтобы быть пойманным вами?

— Хватит с меня твоих грязных подозрений, рыцарь! — рявкнул капитан.— Солдаты, стройся! Я сам разделаюсь с этим негодяем!

— Эй, кэп, подождите минутку,— сказал сержант, дергая его за рукав.— Прошу прощения у капитана, но в том, что он говорит, есть смысл. Это ведь Ее Светлость сказала нам, чтобы мы вернулись и поискали Уайта и Фреда, верно?

— Да, и, вообще-то, я раньше никогда не слыхал, чтобы в этих местах жила ее тетя,— добавил капрал.

— Невозможно,— сказал капитан тоном, в котором уже не было уверенности.— Ее Светлость никогда не стала бы так обманывать меня, ее преданного слугу.

— Не знаю, кэп. Бабы. Кто их знает, что они могут втемяшить себе в голову.

— Как ты смеешь так разговаривать!

Решительным жестом капитан одернул свою куртку.

— Я не желаю больше забивать свои уши грязными выдумками этого рыцаря! Повесить его!

— Не торопитесь, ребята! — взвыл Лафайет.— Я говорю вам правду! Леди Андрагора, наверное, всего в нескольких милях отсюда, и нам следует скакать изо всех сил, чтобы догнать ее, а не стоять здесь и спорить попусту!

— Он хочет увести нас в сторону! — отрезал капитан.— Несомненно, миледи лежит связанная там, где он оставил ее, всего в нескольких ярдах отсюда.

— Он не соображает, что говорит,— запротестовал Лафайет.— Он просто боится отправиться за ней! Это просто предлог, чтобы замутить воду и вернуться обратно!

— Достаточно! Приготовить преступника к исполнению приговора!

— Подождите! — вскричал Лафайет, чувствуя, что петля закинута за его шею.— Неужели мы не можем решить этот вопрос по-джентльменски?

Внезапно наступила тишина. Сержант посмотрел на капитана, который свирепо нахмурился на О'Лири.

— Ты требуешь, чтобы с тобой обращались как с джентльменом? На каком основании?

— Я — сэр Лафайет О'Лири... почетный член Королевского Географического Общества!

— Похоже, в этом что-то есть, капитан,— сказал сержант.— Нельзя нам просто вздернуть парня с такими полномочиями!

— Все это глупая потеря времени! — зарычал капитан.— Но... ладно, уберите веревку.

— Ну, вот, и прекрасно, я рад, что мы будем друзьями,— сказал Лафайет.— А теперь я...

— Зарядить пистолеты!

— Ч-что вы собираетесь с ними делать? — спросил Лафайет, глядя, как солдаты отстегнули огромные пистолеты в фут длиной и занялись свертыванием лыжей и зарядкой.

— Займи свое положение рядом с этим деревом, сэр рыцарь! — рявкнул капитан.— И поторопись! Мы не можем тратить на тебя всю ночь.

— В-вы имеете в виду это дерево?

Лафайет споткнулся об извилистые корни.

— Почему? Что?

— Готовься! Цельсь!

— Стойте! — крикнул Лафайет ломающимся голосом.— Вы не можете застрелить меня!

— Ты ведь потребовал джентльменской смерти, верно? Цельсь!

— Но... не собираетесь же вы расстреливать меня с т а к о г о расстояния? — запротестовал Лафайет.— Я думал, что вы ребята — снайперы!

— Мы заняли первое место в полицейском турнире прошлым летом,— сообщил сержант.

— Почему бы тогда мне не отодвинуться немного подальше? — предложил Лафайет.— Вам представится случай показать мастерство.

Пятясь, он отступил на десять футов, прежде чем наткнулся спиной на другое дерево.

— Готовься! — вскочил капитан.— Цельсь!

— Нет, это все-таки очень близко! — крикнул Лафайет, помахав пальцем в воздухе.— Пусть уж это будет настоящее для вас испытание.

Он торопливо отступил еще на 4 ярда.

— Вполне достаточно! — взревел капитан.— А теперь стой на месте, и пусть свершится твоя судьба, сэр!

Он поднял шпагу высоко в воздух.

— Готовься! Цельсь!

И когда с губ капитана готово было уже сорваться последнее слово, внезапно из густого кустарника позади них раздался дикий вой. Все глаза сразу повернулись в этом направлении, откуда донесся этот леденящий душу звук.

— Ночная кошка! — почти в один голос закричали солдаты.

Не дожидаясь, пока животное появится из кустов, Лафайет отпрыгнул в сторону, покатился по земле, нырнул за дерево, поднялся на ноги и со всей прытью, на которую был способен, помчался по лесу, в то время как позади раздавались крики, гремели выстрелы, и свинцовые пули врезались в кустарник по обе стороны от него.

На небе светила луна, окутывая белым светом небольшую бревенчатую хижину, расположенную в самом центре полянки, окруженной гигантскими деревьями.

Лафайет лежал на животе под кустом, чувствуя себя преотвратительно от всего сразу: похмелья, усталости и множества синяков и царапин. Прошло полчаса с тех пор, как затихло последнее эхо от криков солдат, разыскивающих его по всему лесу, 20 минут с тех пор, как он взобрался на небольшой холмик и увидел внизу слабо освещенные окна хижины. И ничто, подумал Лафайет, не менялось в этой классической ситуации. Температура продолжала ровно падать по мере того, как кончалась ночь, ледяные кристаллики стали образовываться на листьях. Лафайет подул на руки и посмотрел на крохотное освещенное окно внизу.

— Она должна быть там,— уверял он себя.— Где же ей еще быть в этой глуши?

— Конечно,— продолжал он свою мысль,— тот, кто ее похитил, скорее всего, тоже там, и сидит с заряженными пистолетами, поджидая, не будет ли за ним погони.

— С другой стороны, если я останусь здесь, я просто замерзну,— решительно возразил сам себе О'Лири.

Он поднялся на ноги, несколько раз ударил себя затекшими руками по груди, вызвав тем самым приступ кашля, а затем осторожно начал спускаться по небольшому склону. Он кружил вокруг домика на довольно большом расстоянии, часто останавливаясь, вслушиваясь, не просыпаются ли обитатели дома и не приближаются ли всадники, но тишина оставалась прежней. Цветастые занавески на окне мешали ему разглядеть, что происходит внутри.

Лафайет скользнул к задней двери, с одной стороны которой лежали нарубленные дрова, а с другой стояла дождевая бочка, и прильнул ухом к дереву.

Он услышал слабое потрескивание, перемежающееся еще более слабыми и очень неприятными звуками. Низкий голос стопал слова, слишком неотчетливые, чтобы их можно было расслышать. Лафайет почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Воспоминания детства о Гансе и Гретель в домике ведьмы неожиданно ожили перед его глазами.

— Ерунда,— твердо сказал он сам себе.— Никаких ведьм вообще не существует — все это сказки. И никого там нет внутри, кроме мошенника Лоренцо и несчастной леди Андрагоры, может, даже связанной по рукам и ногам, перепуганной до смерти, надеющейся вопреки всему, что кто-нибудь придет и спасет ее, бедное дитя. Почему бы мне не выбить эту дверь одним ударом и не вытащить оттуда Лоренцо за шкирку, и...

Неприятный хрустящий звук стал нарастать, потом внезапно затих, потом вообще прекратился. Раздалось громкое «хлюп» и слабое звяканье металла. Потрескивание возобновилось, сопровождаемое на сей раз отчетливым хрустом, как будто жернова перемалывали мелкие косточки.

— Может быть, он мучает ее, чудовище!

Лафайет отошел на три шага назад, напряг мускулы и кинулся на дверь. Она широко распахнулась от силы удара, и он влетел в центр небольшой, аккуратно

прибранной комнаты. В камине ярко пылал огонь, отбрасывая отсвет на пожилую женщину, сидящую в качалке на ковре, с кошкой на коленях и голубой китайской миской у локтя.

— О, Лоренцо, ты вернулся,— сказала она с удивлением.

Она протянула ему миску.

— Хочешь немного воздушной кукурузы?

Сидя у окна с миской хрустящей подсоленной кукурузы на одном колене и чашкой крепкого дымящегося какао на другом, Лафайет пытался привести свои мысли в порядок. Его хозяйка шила что-то толстой иглой, которую она извлекла из сундучка под окном, и монотонно бормотала какие-то слова. Он никак не мог ухватиться за нить ее мысли — вроде бы она говорила что-то о какой-то кукушке, которая перепархивает с цветка на цветок и садится на самый большой цветок, вдыхая его аромат...

Лафайет проснулся, вздрогнув, потому что его подбородок чувствительно ударил его по груди.

— Бедный мальчик, да ты совсем спишь. И ничего удивительного — сколько часов подряд ты трудился. О, я почти забыла: тут были твои друзья.

Она как-то криво улыбнулась ему одной стороной рта.

— Друзья?

Лафайет зевнул.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он спал? Неделя? Или только три дня... или... возможно ли, что он счастливо спал всего прошлой ночью, в большой постели...

— ...сказали, чтобы я тебе ничего не говорила, они хотят сделать тебе сюрприз. Но я решила, что лучше тебе знать.

Ее резкий многозначительный голос проникал сквозь его дремотное состояние.

Лафайет заставил себя сосредоточиться на том, что говорила старая леди. Голос ее казался ему странно знакомым. Может, он встречал ее раньше? Или...

— Лучше мне знать, а что?

Он заставил себя сосредоточиться на разговоре.

— О том, что они вернутся.

— Э-э, кто?

— Эти прекрасные джентльмены на чудесных лошадях.

Внезапно Лафайет почувствовал, что полностью проснулся.

— Когда они здесь были?

— Да ты едва разминулся с ними, Лоренцо, минут на тридцать.

Туманные старые глаза смотрели на него из-под очков. Только были ли они такими уж старыми и туманными? Если приглядеться, они почему-то начинали казаться очень проницательными. «Где,— удивленно подумал Лафайет,— видел он точно такие же глаза и точно такой же взгляд раньше?..»

— Мадам, вы были очень добры ко мне, но боюсь, что мне пора идти. И я думаю, вы должны знать: я не Лоренцо.

— Не Лоренцо? Что ты хочешь этим сказать?

Она уставилась на него из-под очков.

— Я пришел сюда, разыскивая человека по имени Лоренцо, а, может, его зовут Лотарис или Ланцелот. Когда вы так добродушно меня встретили, предложили мне пищу и теплое место у камина, я... я был очень голоден и замерз, и я просто воспользовался вашей добротой. Но сейчас я пойду...

— Ну, что ты, я ничего не хочу об этом слышать! В такую ночь, как эта, можно простудиться до смерти!

— Я не уверен, что вы понимаете,— запротестовал Лафайет, пробираясь к двери.— Я вас совершенно не знаю. Просто я пришел сюда...

— Но ведь ты тот самый очаровательный молодой человек, который снял у меня свободную спальню?

Близоруко сощурившись, старушка посмотрела на него.

Лафайет покачал головой.

— Боюсь, что нет. Я пришел сюда в поисках леди Андрагоры...

— О, так ты приятель моей племянницы! Как восхитительно! Почему же ты сразу не сказал мне? Ну, теперь-то ты точно должен выбросить из головы всякую мысль о том, чтобы уйти в такой сильный холодный ветер. Да, кстати, где же моя дорогая Анди? У меня сложилось такое глупое впечатление, что ты должен привести ее с собой.

— Вы тетя Даф... я хочу сказать, леди Андрагоры?

— Ну, да, конечно, разве ты не знал этого? Но ты так и не ответил, где она?

Лафайет оглядывал комнату. Она была достаточно чистая и удобная, но уж слишком проста.

— Насколько я понял, леди Андрагора — очень богатая женщина,— сказал он.— Неужели она не могла подыскать для вас что-нибудь получше?

— О, какой глупый мальчик. Я обожаю жить здесь, среди птичек и цветов. Это так спокойно и живописно.

— А кто рубит дрова?

— А это приходит человек по вторникам. Но ты говорил, что леди Андрагора...

— Я ничего не говорил. Но я не знаю где она, и пришел один. Ну, спасибо вам за все...

— Ты никуда не уйдешь,— резко сказала старушка. Она улыбнулась.— Я и думать об этом не хочу.

Лафайет поплотнее запахнулся в плащ и направился к двери.

— Боюсь, мне придется отклонить ваше гостеприимство...

Он замолчал, услышав какой-то звук позади себя, и обернулся как раз вовремя, чтобы избежать удара ребром ладони чуть ниже уха, который попыталась нанести подкравшаяся старушка.

Он еле-еле успел уклониться и подставить под удар согнутую в локте руку, закричал от боли, попытался согнутыми пальцами ткнуть своей хозяйке под ребра, получил сильнейший удар в солнечное сплетение и упал на спину в качалку.

— Обманщик! — вскричала старушка.— Продался этому длинноносому Родольфо, и это после того, что я тебе обещала! Это надо же иметь такую наглость, прийти сюда, ко мне и делать вид, что видит меня первый раз в жизни!

Лафайет умудрился соскочить с качалки и отпрыгнуть в сторону, еле избежав сильнейшего удара ребром ладони в область сердца. Он с трудом поднялся на ноги.

— Где она, черт тебя побери? О, мне надо было оставить тебя в той канаве, из которой я тебя подобрала...

Внезапно старушка замерла, не нанеся очередного удара, и приложила ладонь трубочкой к уху. О'Лири тоже услышал отдаленный слабый звук копыт.

— Бежим!

Старуха кинулась к двери, схватила плащ, висящий на крюке, и завернулась в него.

— Ты мне еще ответишь за это, Лоренцо! — вскричала она голосом, который из звонкого сопрано опустился до звучного тенора.— Погоди, мой мальчик! Я так тебе отомщу, что ты проклянешь тот день, когда впервые увидел Стеклянное Дерево!

Она распахнула дверь настежь и выбежала в темноту.

Ошеломленный О'Лири выбежал за ней следом. Она стояла в десяти футах от двери, застегивая пуговицы плаща. И когда О'Лири кинулся к ней, из ее уст вырвалось какое-то громкое жужжание, она взлетела в воздух и понеслась в сторону леса, быстро набирая высоту. Ее плащ развевался по ветру.

— Эй! — слабым голосом окрикнул ее Лафайет.

Внезапно он осознал, что стук копыт все приближается. Он кинулся обратно в избушку, пробежал через комнату, выбежал в заднюю дверь и, стараясь держаться так, чтобы дом находился между ним и приближающимся отрядом солдат, побежал в укрытие леса.

Наступила заря, серая и мрачная, почти не рассеявшая темноту ночи. Лафайет, дрожа, сидел под деревом, настолько огромным, что в нем можно было высверлить тунель. У него болела голова, в желудке горел медленный огонь, глаза болели так, будто в них насыпали песок, а вкус во рту напоминал тухлый лук. В ветвях над его головой скорбно пела какая-то птица.

— Ну, вот,— бормотал Лафайет,— на этом закончилась моя карьера. Я болен, замерз, голоден. У меня болят живот и голова с похмелья. Я потерял свою лошадь, след леди Андрагоры — потерял все. К тому же у меня начались галлюцинации. Летающие старушки, ха! Наверное, эта избушка вообще была только в моем воображении. Наверное, я тогда еще не протрезвел окончательно. А, может, меня расстреляли эти желтые куртки. Может, я уже умер!

Он принялся тщательно ощупывать себя, но никаких следов отверстий от пуль не нашел.

— Нет, это просто смешно. Если бы я был мертв, у меня не трещала бы так голова.

Он подтянул пояс, на котором висела шпага, прошел несколько шагов до небольшого ручейка, наклонился и плеснул холодной водой в лицо, вытерся концом плаща и сделал несколько глотков.

— О'кэй,— твердо сказал он самому себе.— Незачем мне стоять и разговаривать самому с собой. Пора приниматься за дело.

— Прекрасно,— ответил он себе.— Но за какое?

— Я могу отправиться обратно,— предложил он.— До порта Миазма всего 20 миль.

— Но Родольфо отнюдь не возрадуется, когда я явлюсь к нему с пустыми руками,— возразил он.— Хотя, возможно, мне представится случай все объяснить... Стонрубу. Как бы то ни было, я не знаю, в каком это направлении.

Лафайет поднял голову и посмотрел вверх, сквозь густую зеленую листву. На темно-сером небе даже слабый проблеск не указывал, где в настоящий момент находится солнце.

— И, кроме того, не могу же я просто удрать и предоставить леди Андрагору судьбе.

— Ну, хорошо, я убежден: я буду продолжать идти вперед. Но где это вперед?

Он повернулся вокруг себя три раза с закрытыми глазами, остановился и вытянул руку.

— Вот сюда.

— В принципе,— признался себе О'Лири, начиная шагать в указанном направлении,— поговорить с самим собой не так уж и плохо — многое может стать ясным.

— И к тому же, потом некого будет винить за совет.

— Конечно — это признак шизофрении.

— Чушь — что такое шизофрения среди всех прочих неудобств, которые свалились на меня, как снег на голову?

Он пробирался вперед, хромая то на правую, то на левую ноги, потому что обе его лодыжки были растянуты от прыжков, бега и падений прошлой ночью. Постепенно лес начал редеть, а кустарник, наоборот, стал гуще. Вскоре он вышел на пустынный склон горы, на которой росли редкие кедры.

Начался дождь, и колючие капли принялись жалить ему глаза, бить по онемевшему лицу. Через 50 футов склон горы кончался пропастью. О'Лири подполз к самому краю — пропасть исчезала в тумане.

— Великолепно! — прокомментировал он, глядя вниз.— Ну, просто прелесть что такое. Вполне совпадает со всем, что произошло. Ничего удивительного, что старушка улетела на своем помеле без помела. Даже и муха не спустилась бы в эту пропасть.

— Итак... я просто пойду по краю, пока не дойду до дороги, тропинки или лестницы, ведущей вниз,— посоветовал он себе.

— Я еще забыл о веревочной лестнице и фуникулере.

— Да, это я сплоховал. Энике, бенике, сика, лиса, энике, бенике... Вот сюда.

Он пошел в указанном направлении, строго держась края пропасти. Прошел еще один час той же монотонной усталости, боли и мороза, в течение которого он споткнулся всего лишь несколько раз, так что чуть было не свалился в пропасть.

— Совсем ты расклеился, О'Лири,— тяжело дыша, сказал он, с трудом поднимая ноги после очередного падения.— Всего лишь несколько лет тому назад такой маршрут был бы для тебя детской игрой.

— Но ведь не могу же я одновременно жить роскошно, когда каждое мое желание выполняется, и одновременно рассчитывать остаться таким же, как и тогда, когда я жил, рассчитывая только на самого себя.

— Это для меня хороший урок, как ни противно признаваться в этом.

Ветер усилился, дождь стал хлестать еще сильнее. Спотыкаясь, О'Лири продолжал идти вперед. Ноги, руки и губы у него полностью онемели от холода. Он прошел еще с полмили, прежде чем остановиться, чтобы провести очередное совещание.

— Скоро я должен буду к чему-нибудь прийти,— сказал он сам себе с фальшивой уверенностью, потирая затекшие пальцы и болящие уши.— Я увижу какие-нибудь следы или дорогу.

...БИП-бип, БИП-бип, БИП-бип...

Негромкий звук, казалось, был где-то рядом с ним.

Лафайет осторожно огляделся, но ничего не увидел.

— Послушай-ка,— громко сказал он.— Разговаривая с собой — я и так веду себя достаточно плохо, по азбукой Морзе...

Он снова начал растирать уши.

БИП-бип, БИП-бип, БИП-бип — звук послышался резче и отчетливее.

О'Лири посмотрел на свои руки. Кольцо герцога Родольфо подмигивало ему со среднего пальца. Рубиновый свет вспыхивал, тускнел, вспыхивал, тускнел...

— Эй! — слабым голосом сказал О'Лири.

Он осторожно приложил кольцо к уху. Оно продолжало так же ровно бибикать с одновременными вспышками света.

— Оно что-то не делало этого раньше,— сказал он себе с подозрением в голосе.

— А вот сейчас делает,— нашелся он, что ответить.— И это должно иметь какое-то значение.

— Может быть... может быть, это радиолуч, радиомаяк, совсем как используют в аэрофлоте...

— Может быть. Это можно проверить.

Он осторожно пошел вниз по склону, прошел 50 футов и прислушался.

БИ-бииип, БИ-бииип, БИ-бииип...

— Ага! Это означает, что я сбился с курса.

Он двинулся вперед, петляя по склону. Теперь кольцо начало издавать ровный гудящий звук.

— Ну, конечно,— победоносно выдохнул Лафайет.— Но куда ведет этот сигнал?

— А какое это имеет значение? Где угодно будет лучше, чем здесь.

— Верно.

Опустив голову вниз, прищурив глаза, в которые все время пытались забраться капли дождя, О'Лири шел вперед, прижав кольцо к уху.

Путь ему преградили несколько стволов, лежащих на земле. Он перебрался через них и оказался в пустом пространстве.

Какое-то мгновение он пытался уцепиться за небо в поисках несуществующей поддержки. Затем ветер начал проноситься мимо него с ураганной силой.

Склон ущелья понесся вверх, как скоростной лифт.

О'Лири успел заметить огромную цифру 21, когда пролетел мимо, потом 20, 19, потом все перемешалось.

Гигантская теннисная ракетка размахнулась что было сил и ударила по нему, посылая в чужую половину поля, и тысячи болельщиков закричали в одно горло.

VII

Кто-то использовал его спину в качестве доски, с которой совершают прыжки в воду, а, может быть, ее приняли за персидский ковер, который надо выбивать стальными дубинками. В его желудке работала большая

бригада дорожных рабочих, заливающих выбоины горячим асфальтом, он ясно ощущал, как клокучут и вздуваются пузыри. Его головой кто-то играл в баскетбол, проходя через все поле, а его глаза — по всей видимости, их просто вынули, использовали в соревнованиях по настольному теннису, а потом вставили на место.

— Э, да он, кажется, приходит в себя,— сказал квакающий лягушачий голос.— Этот последний стон был уже совсем как у здорового человека.

— Можешь делать с ним, что хочешь, Рой. Если помрет — доложишь мне.

Застучали шаги, дверь открылась и снова закрылась. Лафайет осторожно открыл глаза, посмотрел на перфорированный акустический потолок с вставленными в него лампами дневного света. Не обращая внимания на китовый гарпун, который кто-то небрежно воткнул ему в шею, он повернул голову и увидел толстого маленького человека с веселым лицом, на котором выделялся большой нос. Человечек тревожно смотрел на него.

— Ну, как ты, приятель? — спросил он.

— Иокобамп,— слабо воскликнул О'Лири и откинулся обратно, глядя на мигающий на потолке свет.

— Вот те на, иностранец,— сказал лягушачий голос.— Прости, Слим, меня не говорить по-хангарски, ты понимаешь?

— Да нет, наверное, ты никакой не Иокобамп,— умудрился выдавить из себя О'Лири дрожащим шепотом.— Ты просто похож на него, как и все в этом кошмаре похожи на тех, кем на самом деле не являются.

— Э, да ты все-таки умеешь говорить по человечески! Ну, приятель, и заставил же ты меня поволноваться. Я еще не потерял ни одного клиента, но сейчас это чуть было не произошло. Ну и торопыга же ты, Слим, даже лифта не дождался.

Маленький человечек промокнул свое лицо огромным красным платком с вышитой на нем зеленой монограммой.

Глаза Лафайета обежали комнату. Стены из слоновой кости, мраморный пол из плитки, мягкий свист кондиционера шептал из гриля у самых дверей.

— Что случилось?

Он попытался сесть, но опрокинулся назад.

— Да ты не беспокойся, Слим,— сказал маленький человечек.— Док говорит, что у тебя все в порядке, только тряхнуло немного.

— Я... у меня что-то с памятью,— сказал О'Лири.— Я свалился в шахту лифта, да? В этой глуши?

— Точно. Пролетел целых два этажа. Еще повезло, что не переломал себе чего-нибудь.

— Немного необычное место для лифта, вы не находите?

Маленький человечек выглядел удивленным.

— А как еще, по-твоему, нам спускаться и подниматься? Э, не собрался ли ты подать в суд на компанию? Как только я поймал твой сигнал, я сразу же поспешил тебе навстречу — кто виноват, что ты такой торопыга, а?

— Да нет, нет, все верно. Кстати, ты кто?

Маленький человечек с готовностью протянул свою большую мозолистую руку.

— Меня зовут Спропрояль, Слим. Услуги заказчика. Рад с тобой познакомиться. Но ты пришел днем раньше, сам знаешь. Заказ еще не совсем готов.

— Ах, да... заказ,— Лафайет задумался.— Честно говоря, у меня в голове все немного перепуталось. Это из-за падения, должно быть. Э... э... что за заказ?

— Да, у тебя, наверное, легкое сотрясение мозга. Очень даже влияет на память,— Спропрояль сочувственно покачал головой.— Твой босс, принц Крупкин, заказал нам двухместный ковер, плащ-невидимку и с дюжину пллюзий по ассортименту № 78.

— А, двухместный ассортимент и дюжину ковров,— пробормотал О'Лири.— Превосходно. Ты говоришь, все будет готово только завтра?

— Ты лучше полежи немного спокойно и приди в себя, приятель,— посоветовал Спропрояль.— А то у тебя мозги еще чуток набекрень.

— Нет, нет, у меня все в порядке.

О'Лири с трудом сел — тело у него тряслось. Он увидел, что его вымыли, побрили, перевязали и одели в просторную пижаму — желтую с пурпурными точками.

— Кстати,— сказал он,— откуда вы... гм... узнали, что я... э-э... здесь по приказанию принца?

Спропрояль посмотрел на него и заморгал глазами.

— У кого еще мог быть на пальце направленный передатчик, который мы для него сделали?

— Ах, да, конечно, как я мог это забыть?

О'Лири перекинул ноги на пол и встал. Колени у него подогнулись, но он удержался и не упал.

— Мне надо сейчас делать побольше тумана, чтобы прояснилось движение в моей голове,— сказал он.—

Я имею в виду, чтобы головой затуманились прояснения... нет, туловой фуман. Я хочу сказать, голова...

Рука Спропрояля схватила его за локоть.

— Ну, да. Не волнуйся, Слим. Хочешь пожевать чего-нибудь горяченького, а? Тебе это совсем не повредит.

— Пожевать,— хрипло заскрипел Лафайет.— Да, конечно.

— Пойдем, если ты уверен, что можешь идти.

Маленький человечек протянул ему толстый халат и, поддерживая, повел по извилистому коридору, очевидно, вырубленному прямо в скале. На полу лежал бледный нейлоновый ковер до комнаты с низким потолком, обшитой деревянными панелями, по одну сторону которой находилась стойка бара, поддерживаемая столбиками, обитыми медью.

За столиками, покрытыми тяжелыми вышитыми скатертями, сидели маленькие полные человечки рядом с большими кофейниками. Некоторые из них помахали руками или кивнули проводнику О'Лири, который привел его к столику у занавешенного окна, за которым шумел дождь, бьющий в стекло. От аромата свежесмолотого кофе и свежеиспеченного хлеба рот наполнился слюной. Пухлая маленькая официантка со вздернутым носиком, ростом Лафайету по грудь, засуетилась перед ними, подмигнула О'Лири и занесла острие карандаша над своим блокнотом.

— Вам что, ребята? Горячие булочки? Бифштекс с яйцом? Земляничку со сливками? Тосты с вареньем и маслом?

— Давайте,— с готовностью согласился О'Лири.— И большой стакан молока.

— Звучит неплохо, Герта,— сказал Спропрояль.— И мне то же самое.

— Сейчас несу.

Спропрояль потер руки и улыбнулся.

— Ну, что, Слим, так-то оно лучше, верно? Когда вкусно поешь, все неприятности забудешь.

— Да, уж здесь явно лучше, чем там,— Лафайет ткнул пальцем за окно, за которым продолжал хлестать дождь.— Теперь мне остается выяснить только одно: где это я очутился.

— Слим, я что-то не разберу тебя. Ты там, где должен быть,— в Аджаке. Специализированное Выполнение Заказов, ответвление в Меланже, в столовой, где тебе сейчас подадут завтрак.

— А, так я на заводе. Ну, это еще ничего. Ты только не смейся, но мне в голову втемяшилась глупая мысль, что я попал внутрь горы.

— Ну, правильно, все так и есть. Но ты ведь помнишь, не всегда же здесь была гора. Когда мы впервые открыли здесь свое отделение, то оно было просто под ровной поверхностью земли. Но потом началась эта геологическая активность, или как там ее, и нас накрыло. Но мы уже привыкли так жить. И вид отсюда тоже ничего себе.

— Геологическая активность? — Лафайет нахмурился.— Ты имеешь в виду землетрясение?

— Да нет же, самое обычное горообразование. Сам знаешь, оно случается то там, то здесь. В следующий раз это место может оказаться на дне морском, кто его знает.

— Ну-ка, ребята, уберите локти,— сказала Герта, прибывшая с полным подносом.

Лафайет сдержал себя и не накинулся на еду, пока она не расставила тарелки, но зато потом дал себе полную волю.

— Эй, Слим,— сказал Спропрояль с полным ртом,— скажи, ты давно устроился к принцу?

— Э-э.. не очень,— ответил Лафайет, не переставая жевать.— Честно говоря, можно сказать, что совсем недавно.

— Послушай, между нами — скажи, как там у него с кредитом?

— С кредитом?

Лафайет набил полный рот горячей булочкой и произнес какие-то нечленораздельные звуки.

Служащий «Услуги Заказчикам» поднял руки вверх.

— Нет, ты пойми, мы совсем даже не беспокоимся,— сказал он обеспокоенным тоном.— Но он все еще должен нам кучу денег за эту работу со Стеклянным деревом.

Лафайет остановился, не донеся вилку до рта.

— Стеклянным Деревом? — задумчиво произнес он.— Где я слышал о нем раньше?

— Ну, ты даешь, Слим, тебя действительно здорово шарахнуло.

— Мне пришла в голову чудесная мысль, м-р Спропрояль,— сказал О'Лири.— Почему бы нам не сделать вид, что я вообще не имею ни о чем представления? Тогда ты сможешь все рассказать мне, и память вернется ко мне значительно быстрее.

— Зови меня просто Рой. Ну, ладно, с чего же начать? Впервые мы услышали о Его Высочестве несколько лет назад, когда он свалился неизвестно откуда в поисках работы. Это еще в то время, когда он был простым смертным. Башка-то у него неплохо варила, и мы сунули его в наши научно-исследовательские лаборатории. Но через несколько месяцев боссу пришлось попросить его уйти. Он истратил кучу денег, а продукции не выдал никакой. А потом не успели мы оглянуться, как он вернулся в качестве заказчика, размахивая толстым кошельком, и пожелал сделать у нас спецзаказ. Мы, конечно, согласились — он платил нешлифованными драгоценными камнями, и все были счастливы. Затем он объявляет себя принцем, приходит к нам с этой своей конструкцией и спрашивает, не согласимся ли мы выполнить этот заказ. Цену он предлагает подходящую, и мы заключили контракт. И работу-то мы выполнили на совесть: всю конструкцию заделали силиконом, укрепили микровставками. С плюшевыми отделками, хочешь верь, хочешь нет.

— Да, но при чем здесь Стеклянное Дерево, о котором ты говорил?

— Да просто так наши ребята-конструкторы стали его называть, и словечко прижилось. Да и действительно он похож на дерево — с башенками, минаретами и прочими зданиями. Сверкает на солнце, как стекло. Только за него еще не заплачено,— добавил Спропрояль хмурым голосом.

— Нет ли у этого принца в услужении старушки, которая летает на помеле — я хочу сказать, без помела?

Спропрояль внимательно посмотрел на О'Лири.

— Послушай, Слим, может, тебе лучше все-таки полежать еще чуток?

— Послушай, Рой, прошлой ночью одна старушка упомянула о Стеклянном Дереве — после того, как она пыталась убить меня.

— Вот это да! Из пистолета?

— Нет. Она...

— Ну, и старушка! Неужели ножом?

— Да нет, она кинулась на меня с голыми руками.

— Вот ведь дает, на спящего...

— Вот ведь нет! Я...

— Послушай, ты ведь сказал, что она старушка, верно?

— Пожалуйста, Рой, я хочу все объяснить тебе...

— Послушай, Слим, может, тебе стоит заняться поднятием тяжестей, а? Не успеешь оглянуться, как будешь в форме, и тогда никакие старушки тебе не будут страшны. Знаешь, купи-ка у нас набор «Атлас» № 223, вместе с наушниками для вдохновляющей беседы и...

— Не нужны мне вдохновляющие беседы! Я пытаюсь тебе рассказать, что эта старушка имеет отношение к исчезновению леди Андрагоры.

— Леди кого?

— Андрагоры. Она моя жена. Я хочу сказать, что не то, чтобы она была моя жена, а...

— Ну-ну, все ясно,— Спропрояль подмигнул.— Можешь не сомневаться, я никому не скажу, Слим.

— Я вовсе не это имел в виду! Она очень красивая девушка, и она исчезла в тот самый момент, когда ее должны были похитить! Я хочу сказать, ее похитили как раз тогда, когда она должна была исчезнуть. Как бы то ни было, она пропала! И эта старая ведьма в избушке упомянула Стеклянное Дерево!

— Да? Ну и что, в этих местах все о нем знают,— Спропрояль нахмурился.— Правда, если разобраться, в этих краях никто и не живет.

— Эта старуха должна работать на принца Крупкина! Она обозналась и приняла меня за кого-то другого — она близорука — и проболталась, что ожидает, когда Ее Светлость доставят к ней в избушку!

— Что-то я ничего не понимаю. Если эта старушка в услужении у Крупкина, так же, как и ты, то с чего бы ей на тебя накидываться?

— Она решила, что я ее обманул, что я направил на нее солдат герцога Родольфо.

— Ты и герцога Родольфо знаешь. Его светлость недавно обратился к нам с просьбой создать для него личный генератор ауры. Но мы не сошлись в цене.

— Дело в том, что этот Крупкин и мог приказать ее похитить. Только что-то получилось не так, и ее выкрали из под самого его носа, прежде чем старушка смогла доставить ее к нему.

— Эта леди А из герцогства Родольфо, да? — Спропрояль покачал головой.— Что-то я ничего не пойму, Слим. Слишком уж это далеко, чтобы заниматься похищениями.

— Сначала он выманил ее из города — она решила, что едет на свидание с одним мошенником по имени Лоренцо, который втерся к ней в доверие, а она и не знала,

что эта жалкая личность собирается запродать ее Крупкину.

Лафайет с силой потер ту часть своего лица, на которой не было царапин.

— Но кто мог перехватить ее?

— Вот именно, кто? Это мог быть кто угодно. В этих лесах полно бандитов и разбойников. Лучше забудь ты об этом, Слим, и давай займемся делом. Так вот, насчет этого просроченного платежа...

— Забыть самую красивую, самую прекрасную, самую изумительную женщину? Ты так ничего и не понял, Рой! В эту самую минуту она, может быть, находится в ужасной опасности — одинокая, напуганная, подвергаемая пыткам или... или...

— Ты сам сказал, что она торопилась на свидание с этим Лоренцо, Слим,— рассудительно заметил Спропроялль, намазывая варенье на третий толстый кусок золотисто-коричневого хлеба.— Похоже, что Крупкина тоже надули, так что чего же ты переживаешь?

— Я тебе сказал — ее обманули!

— А-а. Ты хочешь сказать, что этот мошенник сделал вид, что хочет показать ей свой домик или новую модель кушетки, а сам...

— Да нет, скорее это должен был быть медовый месяц, насколько я понял,— признался О'Лири.— Но ее нет ни там, ни тут. Ее кто-то похитил, а я желаю вернуть ее обратно!

— А, может быть, это сделал тот самый Лоренцо? Мог он ее украсть?

— Гм... Наверное, мог. Может быть, он в последнюю минуту решил все-таки не отдавать ее Крупкину. Да, чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что так оно и есть. Может, он и похитил ее из коляски, как было задумано, но потом вместо того, чтобы отвести в избушку, отвел... в другое место.

— А из тебя вышел бы неплохой сыщик, Слим. Здорово ты все это рассудил. Ну, вот, сам видишь, победил сильнейший, и они жили вместе долго и счастливо. Ну, может, и не сильнейший, кто знает, вдруг он тоже боится старушек, я имею в виду, что...

— Я знаю, что ты имеешь в виду! — отрезал Лафайет.— Послушай, Рой, я должен ее найти!

— Не могу не восхищаться твоей преданностью боссу, Слим, но, боюсь, ему придется подыскать себе какую-нибудь другую...

— Плевать мне на босса! Да и в любом случае, думаю, могу открыть тебе правду — он не мой босс.

— Ты хочешь сказать... что уволился?

— Я никогда на него не работал. Ты просто пришел к неверному выводу. Мне очень жаль.

— Тогда почему у тебя передатчик?

— Если ты имеешь в виду это кольцо,— Лафайет поднял вверх сверкающий красный камень,— то мне его дал герцог Родольфо.

— А? — Спропрояль схватил палец О'Лири и внимательно осмотрел драгоценный камень.— Это передатчик Крупкина, и двух мнений быть не может,— маленький человечек понизил свой голос до шепота.— Скажи мне честно, Слим, и пусть это останется между нами, ты что — перерезал ему горло из-за кольца, да?

— Конечно, нет! И вообще, я и в глаза его никогда не видел!

Спропрояль покачал головой, не спуская с О'Лири испытующего взгляда.

— Ты уж прости, Слим, но так не сходится. Откуда бы герцог мог заполучить кольцо принца? Его Высочество берег эту побрякушку пуще глаза — уж я-то знаю.

— Лично я знаю только то, что кольцо было у герцога и он дал его мне,— Лафайет дернул кольцо и снял его с пальца.— Вот, можешь забрать его себе. Мне оно ни к чему. Единственное, чего я хочу, это найти леди Андрагору.

Его гостеприимный хозяин взвесил кольцо на ладони, но вид у него был хмурый.

— Слим, у тебя будут крупные неприятности,— сказал он, отодвигая стул и вставая из-за столика.— Пойдем, нам с тобой лучше сразу пойти к Флимберту, нашему шефу безопасности, судье, присяжным заседателям в одном лице и исполнителю приговора. Нет, ему вовсе это не понравится. И пока мы к нему идем, ты лучше придумай что-нибудь поправдоподобнее, чем то, что ты мне рассказал. А то, боюсь, нам придется применить к тебе Коммерческие Правила Аджака во всей строгости.

— Что это значит? — рассеянно спросил О'Лири.— Вы лишите меня кредита?

— Да не то, чтобы кредита, Слим. Скорее, головы.

Флимберт был круглолицым лысым гномом в очках со стеклами полудюймовой толщины, причем казалось, что они растут у него прямо из головы. Пока Спропро-

яль рассказывал ему о появлении О'Лири, он барабанил своими пухлыми пальчиками по столу.

— Я проверял: это кольцо то самое, что мы изготавливали для принца Крупкина,— закончил он.

— Дело ясное — убийство, ограбление с отягощающими вину обстоятельствами, как то: проход на нашу территорию без допуска под личиной другого человека, плюс лжесвидетельство.

Голос Флимберта звучал, как детская свистулька.

— Ну, будешь говорить свое последнее слово?

Он посмотрел на О'Лири, как разозленная золотая рыбка из аквариума.

— Последнее слово? Я еще не сказал и первого! Все, что мне известно, это то, что я тихо-мирно шел по своим делам, когда свалился в эту вашу шахту! И я не говорил, что прибыл от Крупкина — это идея Роя. И с какой стати вы шьете мне убийство? Вот и говори после этого о домыслах свидетеля...

— Принц Крупкин никогда бы не расстался со своим личным передатчиком. А, следовательно, ты убил его, чтобы заполучить передатчик. Это ясно, как дважды два, Властью, которой я облечен...

— Говорю вам, я получил кольцо от Родольфо!

— Тоже неправдоподобно. Крупкин не дал бы его и Родольфо...

— Но он это сделал! Почему бы вам не проверить то, что я говорю!

— Послушай, Берт.— Рой потер свой подбородок.— Я вот что думаю: с чего бы это Слиму являться с такой завиральной историей, если это только не настоящая правда? И если он хотел нас надуть, отчего он мне сам сказал, что он не от Крупкина? А надуть меня он мог запросто: этот приятель до тонкостей знает о всех делах принца.

— Эй,— запротестовал Лафайет.

— Это старый трюк,— сказал Флимберт.— Мы, специалисты, называем его ложью навыворот — неотличима от полнейшей глупости.

— И вам того желаю,— ответил Лафайет.— Послушайте: Крупкин дал это кольцо Родольфо, а тот мне. Я сюда попал совершенно случайно и все, чего я хочу, это спокойно уйти...

— Невозможно. Тебя поймали с поличным, приятель. Незаконное владение — самое страшное преступление по

нашим законам. Следующие 300 лет ты проведешь, прикованный к мельничным жерновам на уровне...

— Боюсь, мне придется вас разочаровать,— отрезал Лафайет.— Я столько не проживу.

— А-а! Прости, я не сообразил, что ты болен. Ну, тогда мы просто назначим тебе пожизненное заключение. Не обижайся, если тебе не удастся отбыть срок полностью.

— Какая трогательная забота. Послушайте, ну, хотя бы для интеллектуального развития, почему бы вам не затратить следующие 30 секунд, к примеру, на обдумывание возможности того, что у Родольфо было кольцо Крупкина?

— Его Светлость с кольцом Его Высочества? — Флимберт сложил вместе кончики пальцев и сосредоточенно посмотрел на них.— Ну, во-первых, это вопиющее нарушение условий продажи, во-вторых, это вовсе не похоже на Крупкина, который ничего не делает даром.

— Значит, у него была причина! Неужели вам не любопытно, какая?

— Может, он что-то нахимичил с кольцом? — предложил Рой.

— Только прошедший подготовку у нас...

Флимберт замолчал.

— Да, я вспомнил, Крупкин же проходил подготовку в наших мастерских.

— Вот я и говорю— а ведь он крупный специалист как раз по микромоделированию,— вставил Спропрояль.

Шеф безопасности выхватил ювелирную лупу и принялся рассматривать кольцо.

— Ну, вот, я так и думал,— резко сказал он.— Следы инструментов.

Он отложил кольцо в сторону, ткнул пальцем в кнопку на стене.

— Первый отдел вызывает лабораторию,— рявкнул он.

— Пинчкрафт слушает,— отозвался рассеянный голос.— Вы прервали меня в процессе сложнейшей операции.

— О, модернизация миниатюрной телекамеры комара?

— Ничего подобного — я пытался достать соломинкой сливки из коктейля. У меня почти все получилось, когда вы помешали мне своим звонком.

— Наплевать на сливки, сейчас я принесу вам на исследование один предмет, чтобы вы дали по нему за-

ключение, прежде чем я вынесу смертный приговор шпиону!

Лаборатория находилась в грубой каменной пещере, и она была забита до предела сложнейшими аппаратами, которые были так же непонятны О'Лири, как книга китайских анекдотов.

Начальник этой лаборатории сидел на высоком стуле перед покрытой пластиком скамьей и чем-то тыкал в сверкающую конструкцию из витой проволочки и стеклянных трубок, в которых кипела розовая, зеленая и желтая жидкости, а поднимался почему-то фиолетовый пар.

Шеф безопасности протянул ему кольцо. Начальник лаборатории развернулся на стуле, включил мощный свет, вытащил увеличительное стекло и склонился над кольцом.

— Ага,— сказал он.— Пломба сорвана.

Он поджал губы и бросил на О'Лири неодобрительный взгляд. Тонким, как игла инструментом он поковырял в рубине и откинул его верхнюю площадку. Внутри открылось сплошное переплетение каких-то компонентов.

— Ну,— сказал он.— Долго тебе пришлось возиться.

Он положил кольцо и быстро закрыл его сверху пустой кофейной чашкой.

— Что-нибудь понятно? — взволнованно спросил Рой.

— Да чего тут не понять — абсолютно все приспособление перепачено. В следящее устройство.

Он свирепо посмотрел на О'Лири.

— Что это ты, интересно, надеялся обнаружить? Узнать наши торговые секреты? Но мы ничего не скрываем от широких масс трудящихся.

— Не надо на меня так смотреть,— сказал О'Лири.— Я не имею никакого отношения к кольцу.

— Кольцо было изготовлено для Крупкина,— вставил Рой.

— Вот как? Никогда ему не доверял, вечно у него глаза бегали то туда, то сюда.

— Да, но Слим-то говорит, что он получил кольцо вовсе не от Крупкина, он утверждает, что ему дал его герцог Родольфо.

— Глупости. Я теперь вспомнил этот заказ: я сам составлял эти контуры согласно чертежам Крупкина. Ну, да, теперь я понимаю, почему он так настаивал, чтобы я не делал никаких изменений! Кольцо было очень умно сконструировано, чтобы в нем было легко все по-

менять! Ему всего-то и надо было, что заменить А-провод, подсоединить Б-проводник к А, С-проводник к D, поменять местами проводники D и Е, подключить проводник Е к сопротивлению Х и поменять внутри небольшой черный ящик. Ничего сложного.

— И, тем не менее, я получил кольцо от Родольфо,— горячо сказал Лафайет.— Он дал мне его, чтобы меня не останавливали по дороге, когда я согласился исполнить одно его поручение.

— Вам бы следовало придумать что-нибудь пооригинальнее,— сказал Флимберт.— Это кольцо не помогло бы вам даже выйти из его комнаты.

— Послушай-ка,— вставил Рой,— может, он хотел дать тебе герцогскую печатку — я видел у него на руке такую, когда он пытался сделать у нас один заказ. Там тоже большой рубин с инициалами РР, вырезанными на камне. Может, он схватился не за то кольцо? Как там у вас было с освещением?

— Все, что я помню, так это то, что там было мокро,— сказал Лафайет.— Послушайте, джентльмены, мы теряем время. Теперь, когда мы разобрались в этом недоразумении, если вы отдадите мне мою одежду, то мне пора...

— Э-э, полегче на поворотах,— сказал Пинчкрафт.— Не беспокойся, мы сумеем наказать того, кто невнимательно читает шрифт на наших контрактах.

— В таком случае, обратитесь к Крупкину — ведь это он его подписывал, а не я.

— Гм, это он верно говорит,— сказал Пинчкрафт.— В этом что-то есть. Крупкин, как сторона подписавшая контракт, несет полную ответственность. А этот человек — всего-навсего сообщник.

— А это что, тоже подлежит наказанию?

— Да, но куда менее суровому,— с неохотой ответил Флимберт.— Всего сто лет у мельничного жернова.

— Ну и везучий же ты, Слим,— поздравил его Рой.

— Я счастлив,— отозвался Лафайет.— Послушайте, друзья, а нельзя ли тут чего-нибудь придумать? Может, условное наказание?

— Может, действительно, поручим ему что-нибудь, да и дело с концом,— предложил Рой.— Скажем, галстуки, которые у нас завалялись — никак не продаются. Дадим их ему и пусть...

— Все это несправедливо! — запротестовал О'Лири.— В этом деле замешан один Крупкин, я всего лишь не-

винный свидетель. И я считаю, что он также замешан в похищении леди Андрагоры.

— Это нас не касается.

— Может быть, и нет, но я так думал, что вы сурово наказываете каждого, кто переделывает вашу продукцию для своих целей.

— Гммм...— Флимберт поковырял в носу.— Это так.

— Послушайте,— настойчиво сказал О'Лири.— Если Крупкину удалось переделать личный передатчик в следящее устройство, почему бы вам тоже не переделать его наоборот?

— А?

— Подключите его таким образом, чтобы он передавал звук не от вас к Крупкину, а наоборот, от Крупкина сюда.

Пинчкрафт нахмурился.

— Возможно, возможно.

Он помахал рукой, требуя тишины, поднял кофейную чашку. Поднеся кольцо к свету, он принялся за работу. Все молча смотрели, как он ковырялся внутри рубина, бормоча себе под нос.

— ...провод Б к проводу Д... проводник Е к сопротивлению Х... красный, голубой... зеленый...

Через десять минут он сказал:

— Ха!

Закрыл кольцо и поднес его к уху. Потом широко улыбнулся.

— Я его слышу,— сказал он.— Вне всякого сомнения, это кольцо подсоединено к точно такому же, которое Крупкин носит с собой.

Он протянул кольцо Флимберту.

— Гм. Это его голос.

— Ну, и что он говорит? — требовательно спросил О'Лири.

— Он поет. Что-то насчет дороги в Миндалию.

— Дайте послушать.

Флимберт отдал ему кольцо, и Лафайет поднес его к уху.

— Был из глины сделан бо-ог,

Все на свете сделать мо-ог...

Лафайет нахмурился. Голос показался ему знакомым. Внезапно кто-то вошел.

— Ну? — высокомерно сказал голос, который пел.

— Ваше Величество... принц... Я хочу сказать, ваша гостья отклонила ваше приглашение к завтраку — с соответствующими извинениями, конечно.

— Черт бы побрал эту девку, неужели она не понимает, что это делается только ради ее удобства? И прекрати мне лгать, Горб. Эта крыса не знает, что такое извинения. С тех пор, как она здесь появилась, она только и знает, что топает ногами и чего-то требует. Говорю тебе, иногда мне даже начинает казаться, что все мои интриги гроша ломаного не стоят, если постоянно приходится связываться с бабами.

— Надо ли мне... э-э... передать ей приглашение Вашего Высочества к ленчу?

— Можешь не беспокоиться, просто проследи, чтобы ей подали в комнату, что она захочет. Постарайся ублажать ее, насколько это будет возможно. Мне вовсе не хочется, чтобы у нее появились на лице морщины, пока она находится под моим покровительством.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Громкие шаги, стук закрывающейся двери, несколько тактов свиста, затем внезапная тишина и тяжелое дыхание.

— Черт...— пробормотал голос.— Неужели они...

Голос замолк. Раздались громкие звуки рвущейся материи, потом тупой удар. И мертвая тишина.

— Ого,— сказал Лафайет.— Он перестал передавать.

Все стали слушать по очереди.

— Наверное, он сообразил, что тут дело нечистое,— сказал Пинчкрафт.— Наверное, сунул кольцо в коробку и закрыл крышку. Вот вам и контрразведка.

— Как жаль! — с воодушевлением сказал О'Лири.— Как раз начало становиться интересно!

— Да, ну, ладно, пойдем-ка, приятель,— сказал Флимберт.— Тебя ожидает мельница.

— Ну, что ж... прощай, Рой,— сказал О'Лири.— Я, конечно, не могу не заплатить своего долга обществу, но мне очень жаль, что не удастся посмотреть на все волнующие события, которые здесь у вас будут происходить.

— Да, ну, Слим, на заводах Аджака жизнь спокойная, что там особо смотреть.

— Обычное вторжение,— сказал Лафайет.— Наверное, это будет яркое зрелище, когда Крупкин прибудет сюда со своей армией, морским флотом и военно-воздушными силами.

— Это еще что такое? — отрезал Флимберт.— О чем это ты говоришь?

— Ох, я забыл, что я один его слышал. Но это неважно. Может, он просто шутил.

— Кто?

— Принц Крупкин. Он проводил совещание своего Военного Кабинета, объясняя им свою стратегию, план захвата этой территории. Он замолчал как раз в ту минуту, когда собрался говорить о времени предполагаемого вторжения с земли, моря и воздуха.

— Глупости! Крупкин не нападает на Аджак!

— Наверное, нет. Может, это он так шутит. Конечно, он не знал, что мы подслушиваем,— но, может, он особа эксцентричная и просто любит рассуждать логически для развлечения.

— Не может же он быть настолько непорядочным, чтобы использовать против нас наше собственное оружие? — встревоженно спросил Флимберт.

— Ну, от него всего можно ожидать, у него глаза бегают,— сказал Пинчкрафт.

— Ну, а мне лучше начать работать на этой вашей мельнице,— сказал Лафайет.— Вы, джентльмены, будете слишком заняты следующие 20 часов, составляя завещания и зарывая свои драгоценности...

— Одну минутку. Что он еще сказал? Когда он намеревается напасть на нас? Сколько войска под его командованием? Откуда следует ожидать атаки в первую очередь? Какое вооружение...

— Мне очень жаль, но как раз об этом он только собирался говорить.

— Черт подери! Почему мы не начали слушать раньше?

— Послушайте, Пинчкарт,— требовательно произнес Флимберт,— не могли бы вы придумать еще что-нибудь? Нам необходимо знать, что там происходит.

— Нет, не могу. На другом конце должен быть передатчик.

— А если послать туда птицу-робота, чтобы она разбросала микрофоны по всей площади?

— Бесполезно. Радиус действия этих аппаратов невелик. Без приемно-передающего устройства, расположенного на данной персоне или возле оной, все бесполезно.

— Тогда придется послать туда человека.

— Ерунда. Все наши ребята слишком маленького роста— их сразу же распознают в этом логове. Разве что...

Все глаза обратились на О'Лири.

— Как, чтобы я сунулся в это львиное логово? — он поднял брови.— Ни за что. Я предпочитаю отправиться тихо и спокойно работать на мельницу — или вы уже забыли?

— Ну-ну, мой мальчик,— сказал Флимберт, улыбаясь, как отец невесты ее нареченному,— ты не беспокойся об этой мельнице. Ты всегда можешь отбыть наказание, после того, как вернешься...

— Забудь ты об этом наказании,— вмешался Пинчкрафт.— Тут дело серьезное. Неужели ты не хочешь помочь восторжествовать справедливости? Помочь правому делу?

— Что-то я не помню, чтобы в последнее время со мной поступали справедливо,— заявил О'Лири.— Нет уж, благодарю, продолжайте обходиться без меня, как и раньше.

— Послушай-ка, Слим,— сказал Рой.— Вот уже не думал, что ты можешь бросить друзей в беде.

— А как насчет той беды, в которую я попал полчаса назад? Что-то я не припомню, чтобы вы меня особенно поддержали.

— Сэр,— заговорил Пинчкрафт,— мы апеллируем к вашим благородным чувствам! Помогите нам сейчас, и вы заслужите нашу вечную благодарность.

О'Лири подавил зевок.

— Благодарю, я сыт по горло благодарностями.

— Может быть, какая-нибудь приемлемая форма оплаты...— предложил Флимберт.

О'Лири поднял бровь, поджал губы.

— У вас будут самые последние новинки из нашей лаборатории,— быстро сказал Пинчкрафт.— Я как раз заканчиваю плащ-невидимку вашего размера и...

— Мы высадим вас на балконе главного здания Стеклянного Дерева с одноместного ковра-самолета,— вторил ему Флимберт.— Все путешествие не займет и одного часа.

— Вы что, совсем с ума посходили? — спросил О'Лири.— Единственный для меня шанс — это попытаться проникнуть туда ночью и найти какую-нибудь незапертую дверь.

— Но с этим!

Пинчкрафт спрыгнул со стула, схватил длинный плащ с капюшоном из зеленого бархата с красной оторочкой и завернулся в него. Тяжелая материя зашуршала, заблестела и... исчезла вместе с маленьким начальником лаборатории.

— А? — сказал О'Лири.

— Неплохо, правда?

Голос Пинчкрафта звучал из пустоты, с того места, где он находился всего секунду назад.

— Волшебство? — пробормотал Лафайет.

— Чушь. Электроника.

Обрамленное пустотой, появилось лицо Пинчкрафта.

— Ну, так как?

О'Лири попытался убрать ошеломленное выражение со своего лица.

— Ну... я мог бы выполнить ваше поручение, но только мне нужен двухместный ковер-самолет.

— Как скажешь, так и будет, Слим,— заговорил Рой.— Не сомневайся, для такого добровольца-героя, как ты, у нас найдется все самое лучшее!

— Не беспокойся, мы доставим вас на место в целости и сохранности,— сказал Флимберт.

— И обратно? — спросил О'Лири.

— Ну, каждому овощу свое время,— ответил Флимберт.— Пойдемте, друг, надо же вас как следует оснастить всем необходимым. Я хочу, чтобы вы попали в Стеклянное Дерево к вечеру.

VIII

Был ранний вечер, когда Спропрояль повел Лафайета по извилистому коридору до большой двери, за которой находился небольшой балкон, откуда открывался вид на долину внизу.

— Ты смотри, поосторожнее с этим ковром, Слим,— сказал Рой, раскладывая прямоугольник 6×8 футов, похожий на самый обычный голубой Вильтоновский ковер.— Все контуры настроены на твои личные эмонации, так что ты можешь не волноваться — никто его не украдет. Кстати, управление осуществляется с помощью голоса, так что будь поосторожнее в выражениях. И помни, перил тут никаких нет, так что осторожнее на поворотах. Координационный центр тут, конечно, есть, но если ты зазеваешься — помни, что парашюта у тебя нет.

— Все это меня очень воодушевляет,— сказал Лафайет, завязывая тесемки своего плаща-неведимки и пытаясь побороть тошнотворное чувство, возникающее где-то в желудке.— Твой Пинчкрафт навьючил на меня такое ко-

личество всяческих приборов, что я даже повернуться как следует во всем этом не могу.

— Честно говоря, он просто обрадовался случаю проверить еще не прошедшее испытание оборудование, которое он с ребятами стряпал в свободное от работы время. Они тут однажды придумали противочихающий генератор, так наш директор не разрешил вызвать добровольцев, чтобы его проверить. Или возьми, к примеру, этот плоскоход: придумано-то здорово, но если он не сработает — бабах! Взлетишь на воздух вместе с лабораторией.

— Расскажи мне еще что-нибудь в этом роде и считай, что я никуда не лечу,— сказал О'Лири.— Лучше укажи мне направление, в котором надо лететь, а то мой здравый смысл возьмет верх и я полечу совсем не туда.

— Да ты лети все время на запад, Слим. Не бойся, мимо не пролетишь.

— Ты бы очень удивился, если бы я рассказал тебе, сколько раз в жизни я пролетал. На всем. И мимо,— сказал Лафайет.— Между прочим, к твоему сведению, меня зовут не Слим. Мое имя Лафайет О'Лири.

— Да ну? Скажи, какое совпадение... Ну, да, это не важно. Счастливого пути, приятель, и не забудь включить микрофон, когда сунешь его в карман объекта.

— Ну, сказал Лафайет, садясь на ковер-самолет скрестив ноги,— поехали...

Он закрыл глаза, представил координаты, которые Флимберт терпеливо заставил его заучивать в течение часа. Толстый шерстяной ковер, казалось, задрожал под ним. Он с трудом сдержался, чтобы не попытаться ухватиться за что-нибудь, когда ковер зашевелился, задергался, стал твердым. О'Лири заставил себя расслабиться.

— Как мешок с картошкой,— сказал он себе, не осмеливаясь даже вытереть пот, бежавший по лицу.— Огромный холщовый мешок со свежим картофелем из Айдахо...

Тошнотворное чувство не проходило, внезапно поднявшийся ветерок неприятно обвевал его, вороша волосы, заставляя хлопать тяжелую материю плаща.

— Ну же, поднимайся,— прошипел он.— Пора уматывать отсюда, пока Флимберт не сообразил, что его надули!

Ничего не изменилось. Ветерок свистел так же резко, ковер оставался таким же неподвижным.

— Ну, просто прекрасно,— сказал Лафайет.— Я должен был знать, что ничего не выйдет.

Он открыл глаза и некоторое время недоуменно смотрел на огромное голубое небо впереди, потом повернулся...

На крохотном балконе, прилепившемся к огромной скале, быстро уменьшающейся позади него, крохотная фигурка махала шарфом. О'Лири заставил себя посмотреть вниз, увидел зеленый пейзаж, проносящийся под ним. Он опять изо всех сил зажмурил глаза.

— Мама мия,— пробормотал он.— А у меня даже нет бумажного пакета, если вдруг затошнит!

Крепость-дворец, известная как Стеклянное Дерево, возвышалась на западе, как звезда, прикрепленная к самой вершине горы.

Ослепительно сверкая в лучах заходящего солнца красным, зеленым, желтым и фиолетовым цветом, она постепенно превращалась, увеличиваясь, во множество сверкающих хрустальных конструкций. Высокие башни, блестящие минареты, сверкающие шпили изящно балансировали на самом краю вершины горы.

— Ну, плащ, делай свое дело,— пробормотал О'Лири, заворачиваясь в тяжелую ткань, пытаясь закрыть нижней широкой частью одежды сам ковер. Спропрояль уверил его, что у Крупкина не было в распоряжении никаких средств противовоздушной обороны, но Лафайет, тем не менее, решил не рисковать.

Примерно в полумиле от огромного дворца он приказал ковру замедлить скорость полета. Если это и произошло — летел он слишком быстро и точно в центр самой высокой башни — Лафайет никаких перемен не заметил. С какой-то совершенно дикой скоростью башня неслась ему навстречу, все ближе и ближе.

В самый последний момент ковер затормозил, дернулся, чуть не сбросив О'Лири, и сделал круг над башней.

— Ну, точно, как мешок картофеля,— страстно прошептал сам себе О'Лири.— Пожулайста, там, наверху, дай мне выбраться из этой передряги живым, и я клянусь, что буду молиться регулярно, каждый день...

Ковер еще замедлил скорость, остановился и, дрожа, повис в воздухе у высокого окна с аркой.

— О'кей, а теперь вперед, самый малый ход,— прошептал О'Лири.

Ковер подплыл ближе к прозрачной, отполированной до зеркального блеска стене. Когда он подлетел вплотную к хрустальному карнизу, Лафайет осторожно протянул руку и уцепился за него. Ковер затрепыхался и забился, как живой, под его тяжестью, когда он перелезал через

подоконник. Освобожденный от тяжести, он начал медленно скользить в сторону, подгоняемый легким ветерком. Лафайет поймал его за угол, скатал в тугую трубку и засунул в угол.

— А теперь жди здесь, пока я вернусь,— прошептал он ковру.

Заправив выбившуюся рубашку, которой его снабдил Спропрояль, подправив шпагу с эфесом, усыпанную драгоценными камнями, он нажал кнопку, находящуюся на эфесе сбоку.

— Летун вызывает Бабочку,— прошептал он.— Порядок, я на месте и пока еще живой.

— Очень хорошо,— раздался пронзительный шепот из того же эфеса.— Продолжайте проникать дальше. Вам следует попасть в королевские покои. Они находятся на двенадцатом этаже главной башни. Будьте осторожны, не выдавайте своего присутствия, случайно разбив вазу или наступив кому-нибудь на ногу.

— Спасибо, что предупредили,— рявкнул Лафайет.— А то я совсем было уже собрался поиграть на гитаре и спеть свою любимую песню.

Он подергал дверь, которая оказалась открытой, и вошел в слабо освещенную комнату, устланную мягкими коврами и украшенную серебристо-розовыми портьерами. Такая же серебристо-розовая вешалка стояла напротив балкона. Серебристые купидоны уютно расположились по углам пышного розового потолка. Большой хрустальный канделябр сверкал в центре комнаты, звеня при порывах ветра, проникающего через открытую дверь. Лафайет направился к широкой серебристо-белой двери в дальнем углу комнаты, но остановился, услышав за ней голоса.

— ...всего лишь на секундочку,— произнес слащавый мужской голос.— И, кроме того,— продолжал он с оттенком пошловатости,— вдруг вам понадобится помощь со всеми этими пуговицами и застежками?

— Вы нахальны, сэр,— игриво ответил знакомый женский голос.— Но, думаю, в этом нет ничего страшного — только на несколько минут.

— ДАФНА? — промямлил О'Лири.

Когда в замке зазвякал ключ, он кинулся к широкой кровати, чтобы найти хоть какое-нибудь убежище. Но не успел он забраться под нее, как дверь открылась. Прижавшись щекой к ковру, Лафайет увидел изящные ножки

в кожаных туфельках с серебряными пряжками, рядом с которыми неотступно шли черные, начищенные до блеска сапоги со звенящими шпорами. Эти две пары ног, не останавливаясь, прошли по комнате и скрылись из поля зрения Лафайета. Раздались звуки какой-то возни, тихий смешок.

— Отстаньте, сэр,— мягко сказал женский голос.— Вы испортите мне всю прическу.

Лафайет весь изогнулся, приподняв полог кровати, пытаясь выглянуть и посмотреть, что происходит. Его шпага звякнула об пол. В ту же секунду наступила мертвая тишина.

— Милорд Чонси — ты слышал?

— Ну, мне пора идти,— громко сказал чуть дрожащий мужской голос.— Как вы знаете, Его Высочество — а лучшего человека я не встречал в целом свете — отдал приказание, чтобы у вас было все, что вы пожелаете, миледи, но я боюсь, что если задержусь здесь еще немного, то это будет неверно истолковано...

— Ну, знаете, такой наглости!..

Раздался сильный шлепок, отчетливо создающий впечатление гневной женской руки, ударяющей по мужской щеке.

— Как будто я вас сюда приглашала!

— Итак... если вы извините меня...

— Нет уж, сначала извольте обыскать комнату! Может, это ужасная бурая крыса!

— Да, но...

Изящная ножка топнула об пол.

— И немедленно, Чонси, иначе я доложу, что вы пытались заставить меня исполнять ваши похотливые желания!

— Кто, я, Ваша Светлость?

— Повторять не собираюсь!

— Ну...

Лафайет увидел, как сапоги пересекли комнату, остановились у шкафа. Раздался звук открываемой двери. Сапоги проследовали в ванную, исчезли из виду, вновь появились. Они вышли на балкон, остановились, вернулись обратно.

— Никого нет. Возможно, ваше воображение...

— Вы тоже это слышали! И вы не посмотрели под кровать!

Лафайет замер, когда сапоги подошли к кровати и остановились буквально в двух футах от кончика его носа.

Покрывало поднялось, узкое лицо со свирепыми стрелками усов и крохотными глазками уставилось прямо на него.

— Тоже никого,— сказал человек и опустил покрывало.

Лафайет перевел дух, только сейчас сообразив, что он все время сдерживал дыхание.

— Ну, конечно, я же совсем забыл про плащ,— упрекнул он сам себя.

— А раз так,— продолжал мужской голос,— то я не вижу причин, почему бы мне торопиться.

— Не сродни ли вы осьминогу по отцовской линии, милорд? — спросил голос Дафны с едва сдерживаемым хихиканьем.— Откуда у вас столько рук? Тише, тише, милорд, вы сломаете мне молнию.

— Ах, ты...— пробормотал Лафайет и замер, потому что беседа тут же прервалась и опять наступила мертвая тишина.

— Чонси — тут кто-то есть! — сказал женский голос.— Я... это чувствую!

— Да, вот я и говорю, что мне необходимо пересчитать все простыни и полотенца, так что я не могу дольше задерживаться.

— Ерунда, Чонси, в такой поздний час? Неужели вы боитесь?

— Я? Боюсь? — голос Чонси стал несколько прерывистым.— Конечно, нет, просто я всегда любил всякие переписи, и сейчас мне представляется случай проработать всю ночь, так что...

— Чонси — разве ты не помнишь, мы собрались погулять с вамп при луне. Вы и я, и никого больше.

— Да, но...

— Подождите секундочку, я только переоденусь во что-нубудь подходящее. Я постарюсь поскорей.

— Эй,— слабо произнес Лафайет.

— Акустика в этой комнате просто невозможная,— нервно сказал Чонси.— Я мог бы поклясться, что кто-то только что сказал «Эй».

— Глупый мальчик,— ответил женский голос.

Раздался мягкий шуршащий звук, за которым последовало взволнованное мужское восклицание. Снова появились женские ножки. Они остановились у шкафа, показались изящные женские руки в кольцах, снявшие одну туфлю, потом другую. Ножки поднялися на цыпочки и пышная, вся в складках юбка упала на пол. Мгновением позже туда упало что-то совсем воздушное.

— Но, миледи! — вскричал ломающийся, задыхающийся голос Чонси.— Его Высочество... к черту Его Высочество!

Сапоги торопливо пробежали по полу, наступили на маленькую изящную ступню. Раздался короткий женский вой, за которым последовал второй резкий удар пощечины за этот вечер.

— Идиот! — взвыл женский голос.— Да я лучше останусь навсегда в этой дыре, чем...

— Ах, так вот что вы задумали? Заманили меня сюда ложными обещаниями, чтобы я помог вам бежать, а сами собираетесь уклониться от вашей части договора? Ну, нет, миледи, ничего у вас не выйдет! Я получу все, что мне причитается, сейчас...

Лафайет со всей возможной скоростью выбрался из-под кровати. Когда он вскочил на ноги, обладатель сапог — высокий худой придворный лет под 50 — резко обернулся, хватаясь за рукоять шпаги, диким взглядом окидывая комнату мимо и сквозь О'Лири. Позади Чонси Дафна, или леди Андрагора, стояла в одной коротенькой рубашке с голыми плечами, на одной изящной ноге и массировала пальцы другой.

Лафайет протянул руку, поднял подбородок мужчины вверх и чуть в сторону и нанес блестящий хук правой, после чего тот, нелепо взмахнув руками, пролетел до стены, ударился о нее и свалился на пол.

— Чонси...— прошептала леди, следя за его полетом.— Что... как... почему?

— Я научу этого нечестивца ходить по спальням леди, помогая им расстегивать пуговицы,— сказал Лафайет, угрожающе приближаясь к полуголой девушке.— А за тебя мне просто стыдно — так поощрять этого сутенера!

— Я слышу твой голос... о, любимый... я слышу тебя... но я тебя не вижу! Где ты? Ты... ты не дух?

— Еще чего! — Лафайет откинул капюшон плаща.— Я из плоти и крови, и знаешь, что я скажу тебе по поводу этого спектакля...

Какое-то мгновение леди неотрывно смотрела в лицо О'Лири, затем ее глаза закатились. С легким вздохом она упала на старый розовый ковер.

— Дафна! — вскричал Лафайет.— Очнись! Я тебя прощаю! Но нам нужно уходить отсюда как можно скорее!

О'Лири наклонился к ней, и в это самое время в дверь изо всех сил стали барабанить.

— Там есть мужчина! — вскричал снаружи командирский голос.— Ну, солдаты, ломайте дверь!

— Подождп, сержант, не торопись, у меня есть ключ...

— Вы слышали, что я сказал?

Раздался громовой удар, потрясший дверь, и звуки отлетающих от нее тел.

— Ну, ладно, давай сюда ключ.

Лафайет нагнулся, подхватил лежащую без сознания девушку на руки и попятился к тяжелым портьерам, висящим на стене. Он едва скользнул за них, как раздался щелчок открывающегося замка, и дверь распахнулась настежь. Трое больших мужчин в куртках с кружевными манжетами и воротниками, тугих, в обтяжку, розовых штанах и с обнаженными шпагами вбежали в комнату и остановились.

Они недоуменно огляделись, затем осторожно обошли всю комнату из конца в конец.

— Э, да тут пусто,— сказал один из них.

— Никого нет,— добавил другой.

— Да, но мы ведь слышали голоса, разве вы забыли?

— Значит, ошиблись.

— Или ошиблись, или...

— Или сошли с ума...

— Или это место такое заколдованное.

— Ну, мне пора возвращаться, а то ребята не могут играть без четвертого,— сказал вольнонаемный, пятясь к двери.

— Эй, ты, стой смирно! — рявкнул сержант.— Я сам скажу, когда пора возвращаться в игру!

— Да? Ты, может, хочешь здесь встретиться и поздороваться с каким-нибудь Всадником Без Головы?

— Я же говорю, что пора возвращаться играть,— твердо сказал сержант.— Пошли!

Шаги начали осторожно отступать к двери. И в это время Лафайет, стоящий за занавеской и вдыхающий аромат женского тела, которое он держал на руках, услышал предварительное потрескивание, исходящее из эфеса шпаги.

— Ох, только не это! — взмолился он про себя.

— Бабочка вызывает Летуна,— прозвучал суровый голос у его левого плеча.— В чем дело, Летун? Вы не докладывали уже 5 минут?

— Вон там,— сказал напряженный голос.— За портьерами.

— Летун! Немедленно доложите обстановку!

— Заткнись, ты, кретин! — прошипел Лафайет в направлении своего левого бедра и отступил в сторону, когда портьеры были грубо откинуты.

— Э-э-э! — сказал человек, уставившись на ношу Лафайета широко раскрытыми глазами.

— О-о-о! — сказал его товарищ, заглядывая через его плечо, и облизнул розовым языком сухие губы.

— Святой Мося! — сказал третий.— Она... она плывет по воздуху, а?

— У нее крохотные розочки на подвязках,— сказал первый.— Вы только посмотрите, ребята!

— Плавает она или нет, а такой фигурки я давно не видел,— установил его товарищ.

— Эй, ребята, да она плывет к балконной двери! — вскричал сержант, когда Лафайет начал потихоньку отступать в сторону.— Преградите ей путь!

Три сержанта растянулись цепью, и О'Лири попытался было обойти их с левой стороны, выиграл ярда два и ударил одного из солдат под коленку, когда тот потянулся к безжизненно висящей женской руке. Он бросился в сторону, когда тот закричал от боли, схватившись за поврежденную конечность, прыгая на одной ноге. На мгновение путь к двери был свободен. Лафайет кинулся к ней, почувствовал, как его плащ зацепился за подставку для одежды, и прежде, чем он смог остановиться, плащ был сорван с его плеч.

— Эй! Смотри-ка! Этот парень появился прямо из воздуха! — вскричал сержант.— Хватай-ка его, Ренфрю!

Лафайет в отчаянном порыве прыгнул в сторону, обогнул вешалку, почувствовал, как чьи-то руки обхватили его за ноги, и, падая, увидел, как другие руки подхватили девушку. Потом он стукнулся головой об пол и его, полуоглушенного, поставили на ноги и прислонили к стене.

— Да вы только посмотрите, кто это,— сказало повисшее над ним ухмыляющееся лицо довольным и удивленным голосом, в то время, как руки шарили по его карманам, вынимая оттуда множество разных предметов, которыми его снабдил Пинчкрафт.— А ты не теряешься, приятель. Только зря ты на это дело пошел. Не думаю, что Его Величество будет в восторге, когда узнает, что ты был тут наедине с леди, да еще и в чем мать родила.

— Она ни в чем мать родила,— пробормотал О'Лири, пытаясь сфокусировать свои глаза.— На ней розовые подвязки.

— Эй, посмотрите! — выкрикнул один из солдат.— Там у стены за диваном лежит лорд Чонси! Ух, ты! Только посмотрите на эту челюсть!

— Добавим нападение на Ее Светлость к преступлениям этого молодчика,— сказал сержант.— Да, уж, приятель, лучше бы ты оставался на месте. Ты просто не оценил, как хорошо тебе там было.

Два солдата держали Лафайета за руки. Третий положил так и не пришедшую в себя девушку на кровать.

— Давай, давай, Мел, можешь не стоять, как пень, восхищаясь своей работой,— проворчал сержант.— Надо скорее отвести этого молодчика в камеру, прежде чем кто-нибудь узнает, что он умудрился бежать, и начнет критиковать работу стражи.

— А можно... можно, я скажу ей всего пару слов? — взмолился О'Лири, когда его проводили мимо кровати.

— Ну... валяй, приятель, думаю, ты сполна заплатил за это. Только быстро.

— Дафна,— настойчиво сказал Лафайет, и ее веки задрожали и открылись.— Дафна! С тобой все в порядке?

Какое-то мгновение девушка недоуменно оглядывалась вокруг. Потом ее глаза остановились на Лафайете.

— Ланцелот? — прошептала она.— Ланцелот... любимый...

— Ладно, пошли.— проворчал сержант.

Лафайет с отчаянием посмотрел через плечо, когда его вытаскивали из комнаты.

IX

Лафайет, дрожа, сидел в полной темноте, прислонившись к сырой каменной стене. Гробовая тишина нарушалась только мягкой возней мышей в охапке соломы и тяжелым дыханием, доносившимся из дальнего конца комнаты. Второй пленник, его товарищ по несчастью, так и не проснулся, когда его швырнули в камеру, и спал уже несколько часов. Аромат Лунной Розы, духов Дафны, все еще оставался в памяти Лафайета, несмотря на удушливый козлиный запах темницы. Воспоминания об этих мягких теплых формах, которые он так недолго держал в руках, щемили его сердце каждый раз, когда он начинал перебирать в уме все те события, которые произошли в нем в Стеклянном дереве.

— Да, уж, операцию я провел блестяще, лучше не придумаешь,— пробормотал он.— Мне повезло абсолютно во всем, я даже с первого часа попал в ее комнату, и, тем не менее, я все только напортил. Да и вообще, я не совершил ни одного правильного поступка с тех пор, как впервые оказался на мельнице. Я подвел всех, начиная со Свайхильды и кончая Родольфо и Пипчкрафтом, не говоря уже о Даф... я имею в виду леди Андрагору.

Он поднялся на ноги, сделал 4 шага вперед,— дальше, как показали исследования, шла стена, о которую можно было больно удариться,— потом 4 шага назад.

— Но хоть что-то могу я сделать,— прошипел он сам себе.— Может быть...

Он зажмурился — действие совершенно необязательное в сложившейся обстановке — и сконцентрировал свою пси-энергию.

— Я опять в Артезии,— пробормотал он.— Только что вышел в сад с костюмированного бала, чтобы глотнуть свежего воздуха — вот почему на нем этот нелепый костюм, который дал Спропрояль,— и через секунду-другую я открою глаза и пойду обратно...

Постепенно его голос становился все слабее и слабее. Зловоние камеры не позволяло убедительно представить прогулку в саду, где самым плохим запахом был запах гардинии.

— Ну, тогда... я инспектирую трущобы,— воодушевленно начал было он.— Разве что в Артезии нет нигде никаких трущоб. А как насчет Колби Корнерс? — продолжал рассуждать он.— Ну, да, там есть чудесные трущобы, обитатели которых только счастливы держать уголь в ваннах.

Он зажмурился еще сильнее, концентрируясь как можно тщательнее.

— Я — член Федеральной Комиссии по оказанию помощи,— уверил он сам себя,— и провожу исследования для моей книги, сколько времени требуется средней семье непреуспевающих супругов превратить чистую новую современную квартиру в определенный хаос, к которому они привыкли...

— Послушайте, а вы не могли бы галлюцинировать несколько потише,— вызывающе произнес скрипучий голос из дальнего угла камеры.— Я пытаюсь хоть немного вздремнуть.

— А, так значит, вы все-таки живы,— не менее вызывающе ответил Лафайет.— Не могу не восхититься вашей способностью спать без задних ног в этом осином гнезде.

— А вы что можете предложить? — послышался незамедлительный ответ.— Чтобы я, не умолкая, жаловался на все, что меня здесь раздражает?

— Как нам отсюда выбраться? — резко сказал Лафайет.— Вот о чем надлежит думать.

— Вопросы и я задавать могу, а вот как на них ответить?

«Этот голос,— подумал О'Лири,— отличается высокомерной наглостью и одновременно жалостью к самому себе. В общем, неприятный голос»,— решил он, с трудом сдерживая желание ответить в том же тоне.

— Дверь я проверил,— сказал он с напускной веселостью.— Насколько я могу судить, она состоит из одной стальной плиты, так что это ограничивает наши возможности в этом направлении.

— Неужели какая-то там стальная дверь может нас задержать? Судя по вашему голосу, я почему-то решил, что вы сорвете ее с петель и стукнете по голове первого, кто вам попадется под руку.

— ... а это означает, что нам придется искать какой-нибудь другой выход,— закончил свою мысль О'Лири, заскрежетав зубами.

— Прекрасно. Вот и займитесь этим. А я посплю. У меня были совершенно жуткие 48 часов.

— Да, ну, кто бы мог подумать? Хотя их вряд ли можно сравнить с моими последними двумя сутками. Я спускался с верхушки ветряной мельницы, боролся с гигантами и пиратами, два раза сидел в тюрьме, один раз мне чуть было не отрубили голову, я свалился в шахту лифта, меня судили за шпионаж, после чего я летел на ковре-самолете — все это, не говоря о теперешнем ужасном положении.

— У-уу-ха! — зевнул товарищ Лафайета по камере.— Счастливчик! Я был куда более занят; договаривался с сумасшедшим принцем, обманул герцога, провел рискованную операцию по спасению, обманул колдунью, причем меня били, пинали, колотили, а потом швырнули в темницу.

— Понятно. Что же вы собираетесь по этому поводу предпринять?

— Ничего. Видите ли, все это на самом деле сон. Через некоторое время я проснусь, и вас здесь не будет, а я смогу опять продолжать заниматься своими рутинными делами.

— О, теперь понимаю. Вы просто чуть сдвинулись от одиночества. Это даже смешно,— добавил он со смешком,— чтобы вы считали меня фрагментом своего кошмара. Помню, я сам считал так раньше почти обо всем, пока не убедился, что нахожусь в мире реальном, даже слишком.

— Так что, если вы прекратите болтать и дадите мне опять заснуть, то я буду вам очень благодарен,— заявил наглый голос.

— Послушай-ка меня, Спящая Красавица,— резко заявил О'Лири.— Все это настоящее, можешь не сомневаться. Может, ты и свихнулся чуть-чуть от своих переживаний, но постарайся вбить себе в голову: ты сейчас в темнице, настоящей, реальной темнице, в которой бегает куча мышей. И если ты не хочешь сгнить заживо или дожидаться, когда за тобой придет палач, то потрудись приподнять свое заднее место!

— Убирайся. Я еще не выспался.

— С каким бы удовольствием я отсюда убрался, если мог бы! Ну же, поднимайся, соня! Может быть, вдвоем нам удастся что-нибудь придумать!

— Чушь. Ты самый обычный фрагмент. Мне надо опять заснуть, и когда я опять проснусь, то опять окажусь на Хэтчер Коссроуде, в лавке зеленщика у Боусера.

Лафайет злорадно засмеялся.

— Ты напоминаешь мне одного невинного беднягу, которого я когда-то знал. Кстати, где расположена эта Хэтчер Кроссроуд?

— В Оклахоме. Но ты этого не можешь знать. Это не имеет к моему сну никакого отношения.

— Оклахома... Ты хочешь сказать, что ты из Америки?

— Смотри-ка, значит ты знаешь об Америке? Впрочем, почему бы и нет? Я думаю, в теории ты ведь должен знать то же, что и я? Ну, да ладно, прощай, я опять засну.

— Подожди-ка — настойчиво проговорил О'Лири.— Ты хочешь сказать, что ты прибыл сюда из США? Что ты не туземец из Меланжа?

— США? Это еще что такое? И, естественно, я не туземец. Я же не бегаю в набедренной повязке, размахивая копьем.

— Этого я не знаю — в темноте не видно. Но если ты из Оклахомы, ты должен знать, что такое США!

— Может, ты хочешь сказать, СК?

— А это еще что?

— Соединенные колонии, само собой. Но послушай, будь добрым воображаемым другом и дай мне соснуть чуток, ладно? Сначала ты меня позабавил, но я уже начал от всего этого уставать, а завтра у меня очень тяжелый день. М-р Боусер получил заказ на соленые грецкие орехи, и к нам сбежится весь округ, так что...

— Попытайся вбить в свою тупую башку,— прорычал Лафайет,— что ты находишься здесь, в Меланже, нравится тебе это или нет, что так все и будет на самом деле, понятно? А теперь послушай, нам с тобой нужно поговорить. Похоже, ты очутился здесь таким же образом, как и я...

— Никогда не думал, что мое подсознание может быть так настойчиво. Если бы я точно не знал, что ты всего-навсего субъективный феномен, мог бы поклясться, что ты настоящий.

— Послушай, давай больше к этому не возвращаться. Просто сделай вид, что я настоящий, и действуй соответственно. А теперь скажи: как ты сюда попал?

— Просто. Отряд кавалерии принца Крупкина схватил меня и швырнул в темницу. Ты доволен?

— Я хочу сказать, до этого — когда ты впервые прибыл...

— А, ты имеешь в виду, когда я сфокусировал космические потоки?

Товарищ Лафайета по камере гулко рассмеялся.

— Если бы я только знал, чем все это кончится, то я занялся бы себе своими консервированными селедками или солеными орехами. Но нет, надо было мне сунуть нос во все это дело, да еще и попытался объяснение найти, что к чему. Да еще это надо было так неповезти — я наткнулся на книгу профессора Хоззлешрумпфа «Современные заклинания или легкий путь самообмана». Я попытался все сделать по его формуле, и... только что я сидел в своей комнате, которую сдала мне мисс Гинсберг, и тут же оказался в самом центре огромной пустыни, и солнце светило мне прямо в лицо.

— Ну? Продолжай.

— Ну, вот, я пошел на восток — чтобы не слепило солнце — и через некоторое время дошел до холмов. Здесь было прохладнее, и я обнаружил небольшой ру-

чеек, немного орехов и ягод. Я пошел дальше и вышел к возделанному полю недалеко от города. И только я нашел небольшую забегаловку и собрался закусить вкусным хлебом и сыром, как появилась местная полиция. Они отвели меня к принцу и он предложил мне работу. Все это казалось мне забавным, поэтому я и не протестовал, и такая жизнь была мне вполне по душе, пока я не увидел леди Андрагору.

— Леди Андрагору? Что ты знаешь о леди Андрагоре? — рявкнул Лафайет.

— Нет, мне нельзя забывать, что это всего-навсего сон,— возбужденно сказал невидимый голос.— Иначе я выдрал бы тебе все волосы по одному!

Лафайет услышал его глубокий вздох.

— Но все это сон, иллюзия. Беверли не попала на самом деле в лапы этому негодяю Крупкину, меня не обманули и не бросили в тюрьму. То, что я сейчас чувствую — не настоящий голод. А если ты еще заткнешься и уберешься отсюда вон, то я смогу вернуться назад и продолжать карьеру у Боусера!

Вернемся к леди Андрагоре!

— Вот уж от этого я бы не отказался. Эти нежные мягкие губы, прекрасные извилистые линии тела...

— Ах, ты!...— Лафайет с трудом сдержал себя.— Послушай-ка, кто бы ты ни был! Ты должен смотреть правде в глаза! Прямо сейчас леди Андрагора томится в руках этих негодяев — я имею в виду, в руках...

— Всего лишь на прошлой неделе м-р Боусер говорил мне: «Лоренцо, мой мальчик, у тебя впереди большое будущее в продовольственных...»

— Лоренцо! Значит, это ты предал леди Андрагору!

Лафайет вне себя прыгнул в том направлении, откуда исходил голос, ударился о стену, добавив новую контузию своей многострадальной голове.

— Ты где? — тяжело дыша, выкрикнул он, размахивая руками в воздухе.— Грязный обманщик, похититель, змея подколодная!

— Чего это ты так разбушевался? — спросил голос из противоположного угла.— Тебе-то что до Бевер... я хочу сказать, леди Андрагоры, тюремная пташка?

— Тюремная пташка, вот как? — задыхаясь сказал Лафайет своим самым презрительным голосом.— И это говоришь ты, сидя в своей собственной камере...

Он прыгнул, почти ухватился за руку, и внезапно искры полетели у него из глаза, куда угодил удар кулака.

— Не смей подходить ко мне близко, ты! — отрезал голос.— Мало мне было неприятностей, так они еще посадили вместе со мной маньяка!

— Ты выманил ее из города своим лживым красноречием, чтобы передать тетке! Я имею в виду эту старую каргу, которая работает на Крупкина!

— Так считал и Родольфо, но как только я увидел ее, у меня пропало всякое желание вести ее туда, но это не твое дело.

— А куда же ты собирался ее вести? В любовное гнездышко, приготовленное заранее?

— Вот именно. Если бы не куча верховых полицейских, невесть откуда взявшихся в лесу, так оно и было бы. Но этот длинноногий шейх Чонси поймал нас.

— А, ну, что ж, может, это и к лучшему. По крайней мере, здесь у нее имеется приличная постель.

— Вот как? Могу я спросить что ты знаешь о постели Бевер... я хочу сказать леди Андрагоры?

— Все. Я провел под ней довольно бойкие полчаса.

— Как ты сказал — п о д ней?

— Так и сказал. Я подслушивал, как она отбивалась от ухаживаний этого Чонси. У меня был ковер-самолет — я хочу сказать мой МАРК IV, личный транспорт — прямо на балконе. И только я хотел ее умыкнуть, как прибыла дворцовая стража.

— Да, я предупредил Крупкина, чтобы он приглядывал за Чонси. И похоже, что они прибыли как раз вовремя!

— Они прибыли слишком быстро! Я уже держал ее в своих руках, когда они ворвались и кинулись на нее...

— Ах, ты...

Невидимое тело пролетело мимо О'Лири, и он с большим удовольствием выставил вперед ногу и зацепил лодыжку. Последовавший затем грохот падающего тела хоть как-то скомпенсировал его боль в глазу.

— Послушай, Лоренцо,— сказал Лафайет.— Нам совершенно ни к чему кидаться друг на друга в этой темноте. Очевидно, мы оба обеспокоены тем, чтобы с леди Андрагорой все было в порядке. Никто из нас не хочет, чтобы она оказалась в лапах Крупкина. Почему бы нам не объединиться, пока она не окажется на свободе, а уж потом решить все наши вопросы между собой?

— Объединить наши усилия, ха,— пробормотал невидимый компаньон Лафайета откуда-то с пола неподалеку от двери.— Какие усилия? Мы заперты в темнице, в темноте, обезоруженные. Если конечно,— добавил он,— у тебя нет чего-нибудь в заначке.

— Да нет, у меня все отобрали,— сказал Лафайет.— У меня тут было чем похвастаться: приемо-передающая шпага, плащ-невидимка, ключ-на-все-замки, плоскоход...

Внезапно он замолчал и быстро поднес руку к своему поясу. Пояс все еще был на месте. Он отстегнул его, вывернул, нащупал молнию и потянул за нее.

— Подожди-ка, Лоренцо,— напряженно сказал он.— Может, сейчас мы с тобой добьемся всего, чего желаем.

— О чем ты говоришь? — ответил тот своим капризным голосом.— Шпаги? Ключи? Нам нужен, по меньшей мере, заряд динамита, или, на худой конец, два железных прута.

— Может, у меня есть тут кое-что получше,— ответил Лафайет, вытаскивая плоский прямоугольник два на один дюйма, сделанный из гибкого пластика.— Они пропустили плоскоход.

— Что такое плоскоход?

— Согласно Пинчкрафту, он генерирует поле, которое модифицирует пространственные взаимосвязи против экзакосма. Он обращает одномерное пространство в эквивалентное замещение его вдоль перпендикулярных волюметрических осей и в то же время поддерживает гармонию, которая дает взаимный эпицентрический эффект и...

— А как бы ты объяснил это обычному смертному? — прервал его Лоренцо.

— Ну, он понижает физическую размерность того, кто им пользуется, до нуля и компенсирует это соответствующим повышением плотности поля материи в остающемся квази-двумерном состоянии.

— Послушай, а как бы ты объяснил это идиоту?

— Он делает тебя плоским.

— Как ношение корсета может нам помочь? — взвыл Лоренцо.

— Я имею в виду на самом деле плоским! Ты получаешь возможность проходить между молекулами обычной материи — проходить сквозь стены, другими словами. Вот почему он и называется плоскоход.

— Великий боже, а я ведь практически уже удрал от них, когда, этот длинноногий сукин сын пихнул меня сюда.

— Вот такое настроение мне нравится. Ну, посторонись, Лоренцо, и я попытаюсь его использовать. Значит так, Пинчкрафт говорил, сориентироваться так, чтобы продольные оси совпадали с моими продольными осями, а гладкая поверхность — с самой широкой плоскостью моего тела, или наоборот...

— Наверное, такую они придумали мне пытку,— пробормотал Лоренцо,— заперли с сумасшедшим. Я мог бы догадаться об этом сразу и не предаваться напрасным надеждам. Бедная Беверли. Она, конечно будет держаться до последнего, но, в конце концов, непрерывная настойчивость похитителя и перспектива управлять всем этим замком поколеблют ее волю и...

— Я уже прошел через это,— сказал Лафайет.— И тебе не советую. Лучше выкинь-ка из головы все эти глупости, а я тем временем проведу опыт.

Лафайет стал вращать плоскоход, нашел маленькую кнопку в середине и нажал на нее.

Ничего не произошло. Он разочарованно уставился в окружающую его темноту.

— Черт побери! — с чувством сказал он.— Видимо, слишком легкий путь не для меня. Придется придумать что-нибудь еще. Послушай, Лоренцо, а эта камера высокая? Может, в потолке есть какой-нибудь лаз, и если один из нас встанет на плечи другому, то мы сможем дотянуться до него?

Он встал на цыпочки и вытянул руку, но так ни до чего и не дотронулся. Он подпрыгнул, но все с тем же результатом.

— Ну, так как же? — резко сказал он.— Будешь взбираться на мои плечи, или мне взобраться на твои?

Ответа не было. Даже мыши перестали шуршать в соломе.

— Говори, Лоренцо! Или ты опять заснул?

Он пошел по камере к углу, где располагался Лоренцо, пытаясь нащупать рукой стену. Через десять шагов он пошел медленнее и с большей осторожностью. Еще через пять шагов он остановился.

— Как чудно,— сказал он окружающей его темноте.— Я почему-то думал, что эта камера всего-навсего не более десяти шагов в ширину.

Он повернулся и пошел обратно, отсчитав 15 шагов. Затем продолжал идти дальше 5, 10, 15 шагов. Внезапно в глаза ему брызнул резкий слепящий свет. Он заморгал глазами, пытаясь разобраться, что бы могла зна-

чить эта стена света, похожая на замерзшее стекло, в которое было завернуто что-то светлое.

Когда он повернулся, стена, казалось, поплыла, сжимаясь, появились линии, точки и пятна света, высвечивающие нормальную, хотя и слегка искаженную сцену: тускло освещенный коридор со стеклянными стенами, стеклянным полом и тяжелыми дверями из черного стекла.

— Я вышел из камеры! — воскликнул он.— Плоскоход сработал! Лоренцо!..

Он повернулся, увидел, что стены в то же самое время расширились, вытягиваясь во все стороны сразу, как отражение в выпуклом зеркале.

— Должно быть, какой-нибудь эффект двумерности,— пробормотал он.— Но все же откуда я пришел?

Он в нерешительности сделал несколько шагов вперед: свет сменился полной темнотой. Он прошел 15 шагов и остановился.

— Лоренцо! — прошипел он.— Полный порядок!

Ответа не последовало.

— А, может быть, он не может меня слышать — или я не могу слышать его, когда эта штука включена.

Лафайет нажал кнопку с противоположной стороны. Никаких перемен не произошло — разве что почти неуловимые звуки приглушенного рыдания. Лафайет рявкнул:

— О, ради всего святого, возьми себя в руки! Слезами горю не поможешь!

Раздалось удивленное восклицание.

— Лэйф? — прошептал знакомый голос.— Это действительно ты?

Лафайет принюхался: чеснок.

— Свайхильда! — изумленно воскликнул он.— Как ты сюда попала?

— Т-ты сказал мне, чтобы я н-не х-ходила за тобой,— говорила Свайхильда пятью минутами позже, всласть выплакавшись на плече успокаивающе похлопывающего ее О'Лири.— Но я наблюдала за воротами и видела, как ты выехал. А рядом с одной пивнушкой как раз была привязана лошадь, вот я и вскочила на нее и поскакала за тобой. Перевозчик на барже показал мне, какой дорогой ты поехал. Но я тебя едва успела догнать, а тебя уже собирались вешать...

— Так это ты завыла, как пантера!

— Просто в спешке не удалось придумать ничего другого.

— Ты спасла мне жизнь, Свайхильда!

— Угу. Ну, я оттуда удрала, конечно, а потом совсем заблудилась. Моя лошадь все ходила и ходила, а потом споткнулась и сбросила меня в большой куст. Когда я оттуда выползла — смотрю, откуда ни возьмись, сидит на мне какая-то старая леди, и так задумчиво пытается раскурить сигарету. Я так обрадовалась увидеть живого человека, что кинулась к ней и поздоровалась. Старушка подскочила, как будто уселась на кактус, а потом посмотрела на меня, словно я дух какой-то. «Великий боже! — сказала она.— Невероятно! Но, в конце концов, почему бы и нет?» Только я собралась ее спросить, что это она имеет в виду, как она вскакивает, сует мне под нос какую-то жестянку, из которой несет нафталином, и после этого я ничего не помню.

— Мне кажется, я знаю эту леди,— угрюмо сказал Лафайет.— Три раза мне придется свести с ней счеты, если не больше.

— После этого мне снится какой-то сумасшедший сон, что я лечу по воздуху. А проснулась я в приятной комнате, и там сидел какой-то гладкий такой старикашка, должно быть, брат той старушки. Так вот, он задал мне кучу всяких вопросов, и не могу сказать, чтобы очень скромных, а когда я попыталась уйти отсюда, так он меня схватил и, естественно, я тут же засветила ему, как следует. Я и оглянуться не успела, как туда ворвался целый отряд стражников, которые привели меня сюда,— Свайхильда вздохнула.— Может мне и не следовало так торопиться с этим ударом правой, но у этого ублюдка были холодные руки. Но мне следовало знать, что не стоит беспокоиться, что ты найдешь меня, Лэйф,— ее губы осторожно сжали мочку его уха.— Кстати,— прошептала она,— я взяла с собой завтрак. Не хочешь отведать хороший кусочек колбасы и сыра? Правда, он немного мятый — мне пришлось нести его под одеждой...

— Нет, спасибо,— торопливо сказал Лафайет, высвобождаясь из ее объятий.— Нам надо уйти отсюда как можно скорее. Придется мне опять выйти и поискать ключ.

— Эй, а как ты вообще попал сюда? Я не слышала, чтобы дверь открылась...

— Я прошел сквозь стену. Никакого волшебства, просто один трюк, о котором я позже тебе расскажу. Но я не могу взять тебя с собой. Придется открыть дверь твоей камеры. Так что, если ты просто подождешь меня здесь...

— Ты опять оставишь меня одну?

— Тут уж ничего не поделаешь, Свайхильда. Сиди спокойно и жди. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Думаю, это не займет много времени.

— Тебе... тебе виднее, Лэйф. Но только поспеши. Мне никогда не нравилось быть одной в темноте.

— Ну, не бойся, будь умницей,— он потрепал ее по плечу.— Ты попытайся думать о чем-нибудь приятном, и оглянуться не успеешь, как я уже вернусь.

— Д-до свидания, Лэйф. Береги себя.

Лафайет ощупью добрался до стены, включил свой плоскоход, вновь вышел в переливчатое сверкание коридора. Вновь ему пришлось приспособиться к перемежающемуся свету и видимым феноменам. Узкий коридор был по-прежнему пуст. Он выключил плоскоход, и коридор приобрел нормальный вид. Крадучись, пошел он к ближайшему пересечению коридоров. Двое мужчин в алых куртках стояли в освещенном дверном проеме футах за 20 от поворота. У одного из них, с брюшком и нездоровым цветом лица, была заткнута за пояс огромная связка ключей. Приблизиться к ним незамеченным было просто невозможно.

Вновь О'Лири нажал на кнопку плоскохода и увидел, как стены коридора начали сливаться, в то время как светящаяся стена стала стеклянной.

— Главное — не растеряться,— сурово проинструктировал он сам себя.— Пройти прямо 20 шагов, потом материализоваться, схватить ключи и стать плоским. Понял?

При первом же его шаге освещенный коридор заколебался, рухнул, стал полупрозрачной вуалью. Лафайет протянул вперед руки, но ничего не нащупал.

— Должно быть, какой-нибудь эффект ориентации,— подсказал он сам себе.— Надо просто продолжать идти вперед.

Это было очень неуютно — пробираться вперед в молочном тумане. Повернув голову в сторону, О'Лири увидел какую-то совсем другую схему стеклянных кирпичей, которые убегали в сторону от него по мере его продвижения вперед — как будто он шел мимо бесконечно-

го искривленного зеркала. Через 5 шагов у него закружилась голова. Через 10 он остановился и несколько раз глубоко вздохнул через нос, чтобы побороть чувство морской болезни.

— Придется Пинчкрафту как следует потрудиться,— сказал он, с трудом сглатывая слюну,— прежде чем пустить этот плоскоход в свободную продажу.

С большим трудом он прошел еще 5 шагов. Сколько же он прошел всего? 10? Или 20? Или?..

Что-то замелькало и начало переливаться перед ним, потом окружило со всех сторон. Мелькнул красный цвет. Затем, буквально в дюйме от его глаз, возникло то, что, несомненно, являлось позвоночником, окруженным каким-то розовым студнем...

Рванувшись изо всех сил, Лафайет прыгнул вперед, с благодарностью приветствуя окружившую его темноту.

— Пинчкрафт ничего не сказал мне,— выдохнул он, тяжело дыша,— о том, что можно проходить и сквозь человека...

Прошло добрых 5 минут, прежде чем Лафайет почувствовал себя в силах продолжить путь. Он выбрал направление наугад, сделал еще 5 шагов, потом еще 2 на всякий случай, затем остановился и отключил плоскоход.

— Как тебе удалось выбраться? — сказал удивленный голос как раз в тот момент, когда ослепительный солнечный свет ударил ему в глаза.

Лафайет на мгновение увидел открытый небольшой дворик, ухмыляющееся лицо под шляпой с плюмажем, занесенную над его головой дубинку — а затем ближайшая башня упала на его голову и весь мир взорвался темнотой.

X

— Да ну, что вы Ваше Высочество, этот парень появился в нашем дворике, моргая, как сова.

Монотонный голос грохотал, как прибой на тропическом пляже.

— Я его вежливо попросил, мол, пойдем со мной, а он сразу за ножик, чтобы не применять насилие, совсем как вы велели, а он попытался удрать и подскользнулся на банановой кожуре и ударился головой о ручку двери. Я же знаю, что Ваше Высочество заинтересованы в этом бродяге, и я никогда не посмел бы, я вооб-

ще не понимаю, после двадцати одного года преданной службы...

— Заткнись, идиот! Я тебе приказал обращаться, как с любимой девушкой! А ты приносишь его сюда с шишкой на голове размером с королевскую печать. Еще одно слово, и я брошу тебя пирангам!

Лафайет сделал усилие, попытаться определить, где пол, и нащупал, что тот находится под его ногами. Он приоткрыл один глаз и обнаружил, что стоит, поддерживаемый за плечи, в большой комнате с высоким потолком, украшенной гобеленами, канделябрами, коврами, зеркалами в позолоченных рамках, полированной мебелью из богатого темного дерева. Перед ним в уютно выглядевшем кресле сидел маленький человечек с угрожающим выражением на таком зловещем лице с правильными чертами.

— Го-го-го,— пробормотал Лафайет и остановился, чтобы перевести дыхание.

— Сержант, если вы сделали из него идиота, я отрублю вам голову! — взвыл седовласый человек, вскакивая и кидаясь вперед.

— Лоренцо,— обратился он к Лафайету.— Лоренцо, это я, твой друг, принц Крупкин! Ты меня понимаешь? — он с волнением уставился в лицо Лафайета.

— Я... я вас понимаю,— с трудом выдавил Лафайет.— Но... но... вы... вы...

— Прекрасно, мой мальчик! Эй, вы, кретины, усадите моего гостя на эти подушки! Принесите вина! Как твоя голова, мой мальчик?

— Ужасно,— сказал Лафайет, поморщась при каждом ударе пульса.— У меня уже почти прошло похмелье, когда я упал в шахту лифта, но и с этим я почти справился, когда этот болван ударил меня дубинкой по голове. Должно быть, у меня целых три сотрясения мозга, одно за другим. Мне нужен доктор. Мне нужно выспаться. Мне нужна пища. Мне нужна таблетка аспирина...

— И ты ее получишь, дорогой мой. Вместе с моими самыми искренними извинениями за это ужасное недоразумение. Я надеюсь, ты простишь мне те замечания, которые я высказал при нашей последней встрече. Я просто тогда очень устал. И я только собирался извиниться перед тобой, как сержант доложил мне, что ты прогуливаешься в моем дворе. Ах, да, кстати, как это ты очутился во дворе, если ты, конечно, не возражаешь против такого вопроса.

— Я прошел сквозь стену, по крайней мере, мне так кажется. Сейчас у меня в голове все немного перемешалось.

— О, ну, конечно. Ну, да это не имеет никакого значения. Не думай об этом, расслабься, выпей вина. Потом немного поспишь и встанешь совсем здоровым. Конечно после того, как мы поговорим.

— Я не хочу говорить, я хочу спать. Мне нужно болеутоляющее. Может быть, мне нужно даже переливание крови и, скорее всего, трансплантация почек. А вообще-то я умираю, так что все это тоже не может помочь, все усилия будут направлены...

— Ерунда, Лоренцо! Скоро ты будешь свеж, как огурчик. А теперь есть вещь, о которой я хочу тебя спросить, или я хочу спросить об одной вещи — мы должны говорить грамматически правильно, ха-ха, так вот — где она?

— Кто?

— Не играй со мной в кошки-мышки, мой мальчик,— голос принца Крупкина стал более резок.— Ты знаешь, кто.

— Все равно скажите.

Крупкин наклонился вперед.

— Леди Андрагора. Что ты с ней сделал?

— С чего вы взяли, что я с ней что-то сделал?

Его Высочество, сверкая глазами, уставился на О'Ли-ри. Он сцепил пальцы и так хрустнул суставами, что целые волны новой боли прокатились в голове Лафайета.

— У кого еще хватило бы наглости выкрасть ее из роскошных аппартаментов, в которые я ее поместил по доброте сердечной, это неблагодарное создание?

— Хороший вопрос,— пробормотал Лафайет.— Скорее всего, это мог быть Лоренцо, и если бы он не сидел в камере, я...

— Вот именно! Что приводит меня к моему первоначальному вопросу: где она?

— Понятия не имею. Но если уж ей удалось от вас смыться, тем лучше для нее.

— Я вырву из тебя правду, даже если для этого придется пустить в ход раскаленные щипцы, жалкий червяк!

— А я-то считал, что со мной будут обращаться, как с любимой девушкой,— сказал Лафайет.

Глаза у него были закрыты, и он с любопытством наблюдал за красными кругами, расширяющимися и сужающимися с каждым ударом его сердца.

— Я тебе покажу любимую девушку! Всю шкуру со спины спущу плеткой-девятихвосткой...

Крупкин замолчал, глубоко вздохнул, выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

— Такова тяжесть ноши моей империи,— пробормотал он.— Я пытаюсь поступить с этим обманщиком, с этой змеей честно, и что я имею? Он швыряет мои милости мне в лицо...

Лафайет с трудом заставил свои глаза открыться и уставился на сердитое лицо принца.

— Это просто удивительно,— пробормотал он.— И вы говорите в точности, как он. Если бы я уже не встретил на своем пути Свайхильду, Халка, леди Андрагору, Спропрояля и герцога Родольфо, я поклялся бы, что вы на самом деле...

— А, этот скользкий уж Родольфо! Он тебя соблазнил, заставил свернуть с пути истинного, да? Что он тебе обещал? Я дам вдвойне! Втройне!

— Э-э, как бы это сказать, насколько я помню, он говорил что-то о неувядающей благодарности...

— Моя благодарность не увянет в 10 раз дольше, чем у этого жалкого барона!

— Я бы хотел, чтобы вы решились, наконец, на что-нибудь одно,— сказал Лафайет.— Что меня ждет: немилость или почести?

— Ну-ну, мой мальчик, я ведь всего лишь пошутил. Нам с тобой предстоит совершить вместе такие дела! Весь мир лежит у наших ног! Богатства копей, морей и лесов, сказочные сокровища Востока!

Крупкин наклонился вперед и глаза его мечтательно заблестели.

— Посуди сам, никто не знает расположения алмазных копей, самых богатых залежей золота, редчайших месторождений изумрудов! Но мы-то с тобой знаем, верно?

Он подмигнул.

— Мы будем работать вместе. С моим гением составлять планы и твоими талантами,— тут он опять подмигнул,— нет пределов тому, что мы можем добиться!

— Моими талантами? Я, конечно, играю немного на гармошке — научился, слушая специальные курсы по телевизору...

— Ну-ну, передо мной можешь не притворяться, мой мальчик.

Крупкин с добродушным видом укоризненно покачал пальцем в воздухе.

— Послушайте, Крупкин, вы только даром теряете время. Если леди нет в компате, то я понятия не имею, где она может быть.

Лафайет схватился руками за голову и бережно ее поддержал, как перепелую дыню. Сквозь пальцы он увидел, как рот Крупкина открылся, чтобы что-то сказать, потом захлопнулся, а сам принц замер, глядя на него с выражением полного удивления.

— Ну, конечно! — прошептал принц.— Ну, конечно!

— Что-нибудь померещилось? — отрезал Лафайет.

— Нет, нет, все в порядке. Ничего не померещилось. Удивительно. То есть, я хочу сказать, ничего не произошло. И мне внезапно пришло в голову, что ты устал, мой бедный мальчик. Уж, наверное, ты не окажешься сейчас от горячей ванны, и чтобы несколько девушек потерли тебе спинку, а потом уложили в удобную кровать? А когда ты отдохнешь, мы сможем поговорить, сколько угодно, о том, что тебе еще нужно. Да? Ну и прекрасно. Эй, вы!

Принц щелкнул каблуками, сзывая своих слуг.

Приготовить имперские покои для моего почетного гостя! Душистую ванну, моих лучших массажисток — пусть королевский хирург приготовит мази и настойки для этого дворянина.

Лафайет зевнул во весь рот.

— Отдых,— пробормотал он.— Спать, о, да!

Он почти не осознавал, что его ведут из комнаты по широкому коридору, потом по большой лестнице. В огромной комнате, устланной мягкими коврами нежные ручки помогли ему избавиться от грязной одежды, опустили в широкую мыльную ванну, растерли, отскребли, вытерли насухо, уложили между крахмальными простынями. Свет в комнате померк и он погрузился в полное забытье...

Внезапно его глаза широко открылись. Он уставился в темноту.

«Мы с тобой знаем расположение алмазных копей, залежей золота,— казалось, услышал он заново голос Крупкина.— С твоими особыми талантами...»

— Только человек не из Меланжа, а с какого-то высокоразвитого параллельного мира может знать о залежах золота и изумрудов,— пробормотал он.— Геология от мира к миру остается почти такой же — и аутсайдер может копаться в холмах Кимберли с полной уверенностью в успехе. А это означает, что Крупкин есть аутсайдер, как и я...

Лафайет подскочил и уселся в постели.

— И он знает, что аутсайдер, а это означает так что он знал меня раньше, а, следовательно, он именно тот, за кого я его принял: Горубль, экс-король Артезии! А это значит, что у него есть способ попасть туда отсюда и, может быть, он сумеет помочь мне попасть обратно в Артезию...

Лафайет сам того не осознавая, очутился на середине комнаты. Он пошарил руками, нащупал лампу включил ее и подошел к шкафу, вынул оттуда одежду, включая и невинно выглядевший плащ-невидимку, чисто выстиранный и выглаженный.

— Но с чего бы ему понадобилась леди Андрагора? — продолжал вслух размышлять Лафайет, быстро одеваясь.— И Свайхильда? Ну, конечно же! Ведь раз он Горубль, он прекрасно понимает, что Свайхильда — двойник принцессы Адорапны, а леди Андрагора — Дафны...

— Ну, да это сейчас все ни при чем, так что думать об этом нечего,— резко посоветовал он сам себе.— Первое, что ты должен сделать, это вырвать Даф... то есть леди Андрагору из его лап. И, конечно же, Свайхильду. А затем, спрятав их в каком-нибудь безопасном месте, можно будет говорить уже с позиции силы, заключить с ним договор или какую-нибудь сделку, чтобы самому попасть домой, а ему пообещать не выдавать его Централи.

— Верно,— согласился он сам с собой.— А теперь как же попасть в башню?

Он подошел к окну, отодвинул штору, увидел, что наступили глубокие сумерки, в которых минареты Стеклянного Дерева сверкали, как шпили из разноцветного льда. В его воображении возникли соединяющие их стены, переходы и воздушные мосты, которые соединяли нужную ему башню с той, в которой он находился.

— Только бы не спутать...

Бесшумно вышел он из комнаты. Одинокий стражник, стоящий в самом конце освещенного коридора, не оглянулся, когда Лафайет скользнул по покрытому глубокими коврами холлу.

Три раза за последние полчаса Лафайет упирался в тупик и вынужден был поворачивать обратно в поисках другого маршрута. Но, в конце концов, он добрался до витой лестницы, по которой стражники тащили его несколько часов назад в темницу. Наверху на площадке он увидел одного из солдат охраны в полном вооружении, зевающего во весь рот. О'Лири начал бесшумно подниматься, невидимый в своем плаще, потом аккуратно ударил солдата по голове и бережно положил его на пол. Он попытался открыть дверь. Она была заперта.

— Леди Андрагора! Откройте! Я друг! Я пришел помочь вам бежать!

Ответа не было, изнутри не доносилось ни одного звука. Он быстро обыскал стражника, нашел кольцо с ключами и с пятого раза нашел нужный.

Дверь распахнулась в темную пустую комнату.

— Дафна? — мягко позвал он.

Он проверил ванную, шкаф, примыкающий будуар.

— Все сходится,— сказал он.— Крупкин-Горубль сказал, что она исчезла, но куда!

Он вышел на балкон. МАРК IV исчез с того места у стены, где он оставил его. Лафайет застонал.

— Почему только я его не спрятал? Так нет, все эти штучки Пинчкрафта сделали меня настолько самоуверенным, что я решил, что вернусь с Дафной максимум за десять минут, и мы улетим восвояси. А теперь я застрял здесь — даже если я найду ее, нам не на чем будет улететь отсюда.

Лафайет вышел из комнаты, закрыл за собой дверь. Стражник только начал приходить в себя и что-то бормотал себе под нос. Лафайет перешагнул через него, невольно прислушиваясь к невнятным словам:

— ... не виноват, я, начальник, как же это можно удрать из комнаты на вершине башни, если не прыгнуть вниз? А во дворе внизу никаких остатков нет, так что я считаю, что этой леди тут вовсе и не было.

— А? — сказал О'Лири.— Между прочим, это ловко подмечено. Действительно, как ей удалось скрыться отсюда? Разве что на МАРК IV. Но ведь это невозмож-

но. Для любого человека, кроме меня, это самый обычный ковер.

— Эй,— стражник уселся на полу, щупая шишку на своей голове.— Нет, все-таки мне надо бросить пить хоть на некоторое время. Сначала я падаю в обморок, а потом мне слышатся какие-то голоса...

— Ерунда,— отрезал О'Лири.— Ничего тебе не слышится.

— Ух, ну, слава богу, а то я уж начал сомневаться,— стражник осторожно, по стенке, поднимался на ноги.— Даже забеспокоился немного.

— Теперь я уже ничего не могу сделать для леди Андрагоры,— сказал Лафайет уже про себя.— Но... господи всемогущий, я же совсем забыл о Свайхильде, бедная девочка, мается там одна в темноте...

Он поспешил вниз по ступенькам к камере.

Коридор был темен, извилист и уходил вниз, следуя скале, в которой он был высечен. Лафайет шел мимо запертых на тяжелые засовы дверей, за которыми пленники в лохмотьях и растущих бородах, безнадежно лежали на соломенных матрацах. Слабый свет исходил из пятнадцативаттных лампочек, ничем не закрытых, расположенных вдоль всего пути. Двери в последнем, самом глубоком отделении этой тюрьмы были монолитны, заперты на несколько засовов, со старыми ржавыми замками.

— Значит, так... вот это крыло замка... это должно быть где-то близко... примерно, вот здесь...

Он встал приблизительно на то самое место, на котором впервые появился из камеры, где сидели вместе с Лоренцо. Внимательно изучая стену, чтобы сориентироваться получше — ему ничуть не хотелось повиснуть где-нибудь в воздухе или опять очутиться во дворе — он услышал крадущиеся шаги, приближающиеся сверху, из-за поворота, который он сам только что прошел. В ту же секунду он включил плоскоход, сделал несколько шагов в полную темноту, вновь вернулся в нормальное измерение.

— Свайхильда! — позвал он.— Свайхильда!

Позади него раздался мягкий звон и шуршание одежды. Появилась полоска света, постепенно расширяющаяся. Мужская фигура в помятой шляпе со сломанным плюмажем вычерчивалась на фоне открытой двери. В руке фигура держала связку ключей.

— Лафайет! — прошипел раздраженный голос.— Ты здесь?

— Лоренцо! — сказал Лафайет.— Что ты здесь делаешь? Я думал...

— Значит, ты все-таки вернулся,— с облегчением проговорил Лоренцо.— И я бы сказал, что вовремя! Я уже третий раз проверяю эту дыру! Пойдем! Не может же нам вечно везти!

— Но я ведь оставил тебя запертым — как тебе удалось выбраться?

— Ну, когда я обнаружил, что ты ушел и даже не попрощался, я понял, что оттуда должен быть какой-то выход. И вот я стал искать, пока не обнаружил потайную дверцу в потолке. С тех пор я только и делал, что спасался от опасностей в самую последнюю минуту. Но все же, я думаю, ты был прав, когда говорил, что надо действовать, как будто все здесь всамделишное. По крайней мере, мне куда больше нравится играть в кошки-мышки со стражниками по всему дворцу, чем просто спать с мышами в той камере. А сейчас пойдем...

— Не могу — без леди А. Она исчезла...

— Она со мной. Сидит за окном на твоем Марке IV. Приятная это штучка, должен тебе сказать. Хорошо, что это сон, никогда бы не поверил тебе, когда ты мне его описывал. Ну, а теперь пойдем!

— Прекрасно,— проворчал Лафайет.— Подразумевалось, что он настроен лишь на мою личную длину волн...

— Только иди потише. Стражники играют в карты на верхней площадке лестницы.

— Подожди-ка минутку! — настойчиво сказал Лафайет.— Мне тут надо закончить одно маленькое дельце...

— Ты в своем уме? Я всем рискую из-за ничтожного шанса, что ты вернешься за мной в камеру, что я не могу взять твой Марк IV и оставить тебя здесь влипшим, а ты болтаешь о каком-то дельце!

Он швырнул ключи на пол.

— Делай, как знаешь, а я пошел!

Лафайет поймал ключи, не дав им упасть на пол. К тому времени, как он кинулся за Лоренцо, тот уже исчез за ближайшим поворотом.

— Жди меня на ковре! — прошипел вслед Лафайет.

Он торопливо обследовал двери, выбрал одну, стал пробовать ключи. Дверь открылась. Из темноты раздалось рычание, очень похожее на рык гризли. Лафайет

поспешно закрыл дверь за мгновение до того, как в нее ударилось чье-то тяжелое тело.

Он попытал счастья со следующей дверью, приоткрыв ее чуть-чуть.

— Свайхильда! — позвал он.

На этот раз он был вознагражден удивленным восклицанием и радостным криком. Неподалеку от него послышалось шуршание, слабый запах чеснока и сильное твердое теплое тело прижалось к О'Лири.

— Лэйф! А я уже совсем подумала, что ты ушел без меня.

Мускулистые руки с удивительно мягкой кожей обвили его шею. Подвижные губы быстро нашли его рот.

— М-ммм,— попытался пробормотать О'Лири, потом обнаружил, что ощущение от поцелуя Свайхильды было совсем даже не неприятным — «и, кроме того, чувства бедной девушки были бы просто оскорблены, если бы он отклонил дружескую благодарность»,— напомнил он сам себе.

И следующие 30 секунд его внимание было поглощено этим важным делом..

— Ну, Лэйф, сейчас не до этого,— сказала Свайхильда, отрывая губы, чтобы перевести дыхание.— Давай-ка сначала сматываться отсюда поскорее, а то эта камера слишком напоминает мне мой дом. На, держи свой завтрак. Он натер мне всю грудь.

Лафайет сунул промасленный пакет в боковой карман, взял ее за руку и повел на цыпочках по ведущему наверх коридору.

Внезапно впереди раздались взволнованные резкие голоса: грубый окрик стражника, выкрик, похожий на голос Лоренцо, женский визг.

— Скорее!

Лафайет побежал вперед.

Звуки борьбы, тяжелого дыхания, ударов слышались все сильнее.

Он завернул за последний поворот и увидел двух высоких стражников, боровшихся с его бывшим товарищем по камере, в то время как третий надежно держал леди Андрагору рукой за талию.

В ту самую минуту один из солдат подставил Лоренцо ножку и швырнул его на пол лицом вниз, поставив на спину ногу, чтобы не дать подняться.

Солдат, державший девушку, увидел О'Лири, поперхнулся, открыл рот...

Лафайет запахнулся в плащ, сделал два быстрых шага вперед, нанес сильнейший удар в солнечное сплетение солдату, от всего сердца ударил носком сапога по бедру второго. Увернувшись от обоих стражников, нелепо размахивавших руками в воздухе, он подскочил к тому, который держал леди Андрагору за нежную талию, ударил его костяшками пальцев в левую почку и, когда стражник взвыл от боли, схватил девушку за руку.

— Не бойся! Я на твоей стороне! — прошипел он ей в ухо и быстро потащил между двумя кричащими и ругающимися солдатами.

Один из них попытался схватить его и получил сильный удар в челюсть, после которого отлетел к стенке. Глаза у него стали остекленевшими. Появилась Свайхильда и широко открытыми глазами уставилась на леди Андрагору, мимо О'лири на что-то позади него.

— Лэйф! — выдохнула она.— Откуда ты взял эту шляпу?

— Быстро! Посади леди Андрагору на ковер на следующей лестничной площадке внизу! — рявкнул Лафайет и рванул девушку вперед.

— О, Лэйф, я и не знала, что ты чревовещатель,— восхищенно произнесла Свайхильда, в то время как он повернулся к Лоренцо, уже поднявшемуся на четвереньки, с подбитым глазом, кровью из носа и окончательно помятой шляпой с остатками плюмажа.

Лафайет рывком поднял почти ничего не соображающего Лоренцо и подтолкнул его вслед за женщинами.

— Я задержу этих клоунов, пока вы не сядете на ковер,— крикнул он.— Поторопитесь!

Он сделал шаг вперед, преграждая дорогу одной из красных курток, бросившейся за Лоренцо. Он подставил ножку, ударил ребром ладони по шее второму, потом повернулся и побежал по коридору вслед за остальными.

Впереди за окном виднелось лицо Свайхильды, которая все еще тянула за руку полуоглушенного Лоренцо.

— Ты кто такая? — невнятно пробормотал он.— Аспира Хонделл, королева мюзик-холла? Все равно я не люблю тебя, и точка. Люблю Бев... я имею в виду леди Андрагору... или я имею в виду Беверли?

— Все в порядке, она уже на борту,— выкрикнула Свайхильда.— Вперед!

Она откинулась назад, и Лоренцо, описав дугу, исчез за окном. Из темноты донеслись приглушенные крики.

Когда Лафайет подбежал к окну, в шести футах от

него ковер Марк IV провисал в воздухе, медленно опускаясь под тяжестью копошащихся на нем фигур.

— Он перегружен!

Голосок Свайхильды казался тоненьким и далеким.

— Видно, здесь уже на одного больше, и... эх, Лэйф, наверное, мы уж не увидимся больше. Прощай, и спасибо тебе за все...

И перед глазами ужаснувшегося Лафайета она соскользнула с ковра и упала в темноту вниз, а Марк IV, быстро выровнявшись, скользнул в ночь.

* * *

— Ох, нет! — взмолился Лафайет.— Она не умрет — она опустится на балкон, который находится прямо под ней внизу!

Он быстро высунул голову из окна. В глубоких сумерках он с трудом разглядел изящную фигурку, уцепившуюся за развесистый куст, выросший из голой скалы в пятнадцати футах внизу.

— Свайхильда! Держись!

Он перебросил ногу через подоконник, быстро слез вниз, цепляясь за неровности скалы, добрался до девушки, схватил ее за руку, дернул вверх, к узкому уступу рядом с собой.

— Дурочка! — хрипло дыша, выдавил он.— За каким чертом ты это сделала?

— Лэйф... ты.... ты вернулся за мной,— сказала она дрожащим голосом, улыбаясь заплаканным лицом.— Но... но тогда Ее Светлость осталась совсем одна...

— С ней Лоренцо, черт бы его побрал,— разуверил ее Лафайет, внезапно осознавая, в каком опасном положении они находятся.

— Лоренцо? Кто это?

— Тот самый клоун в мятой шляпе. Он вбил себе в голову, что леди Андрагора — это его девушка, какое-то создание по имени Беверли. Наверное, он направился в то самое любовное гнездышко, в которое собирался, когда люди Крупкина схватили его.

— Послушай, Лэйф, я чего-то немного запуталась. Слишком уже для меня все это быстро происходит. Наверное, не приспособлена я для такой светской жизни.

— И я тоже,— сказал Лафайет, глядя вверх на стек-

ляную стену, потом вниз, в глубокую темную пропасть.

Он покрепче уцепился за небольшие выступы и крепко зажмурил глаза.

— Так нам куда, Лэйф? — спросила Свайхильда.— Вверх или вниз?

Он попытался сделать осторожное движение, поскользнулся, уцепился за выступ что было сил и прильнул к стене, стараясь дышать как можно незаметнее, чтобы не потревожить булыжников, которые могли держаться не совсем прочно.

Ледяной ветер дул угрожающими порывами, раздувал длинную юбку Свайхильды вокруг ее ног.

— Единственное, что нам сейчас нужно,— сказал он придушенным голосом, с лицом, прижатым к каменной стене,— это любая дверь в этой стороне скалы.

— Вот эта не подойдет? — спросила Свайхильда, и от ее голоса скала под О'Лири завибрировала.

— Какая?

Он осторожно повернул голову, увидел небольшую дубовую дверь на тяжелых железных петлях в небольшой нише на голой поверхности скалы в десяти футах слева от него.

— Попробуем,— изумленно выдохнул он.— Это наш единственный шанс.

Он разжал онемевшие от холода пальцы, осторожно нащупал небольшой выступ в стороне, продвинулся на 6 дюймов.

Через 5 минут, показавшихся ему вечностью, он ухватился за пучок травы, растущий прямо рядом с дверью.

С бесконечной осторожностью он протянул руку и взялся за ручку двери.

Он дергал, тянул, поднимал, опускал ее. Дверь была закрыта.

Он застонал.

— Ну, почему я не пожелал открытой двери, пока у меня опять все получалось?

— Попытайся постучать,— предложила Свайхильда напряженным голосом.

Лафайет заколотил в дверь кулаком, теперь уже не думая о том, что при этом из-под него посыпались мелкие камни.

— Поторопись, Лэйф,— спокойно сказала Свайхильда.— По-моему, я падаю.

Он заколотил сильнее.

— Наверное, нет смысла прощаться еще раз, Лэйф,—

сказал Свайхильда слабым голосом.— Я уже это сделала. Но все равно хочу сказать, что я рада была с тобой познакомиться. Ты первый из всех, кто обращался со мной, как с леди...

— Свайхильда!

Видя, что ее рука соскальзывает, Лафайет откинулся назад, поймал ее за руку, удержал. Он почувствовал, что сам начинает скользить...

Рядом с ним раздался щелчок и скрип. Поток теплого воздуха вырвался из открытой двери.

Небольшая коренастая фигура стояла в проеме, нахмурившись, с руками на бедрах.

— Ну, долго вас ждать — входите! — рявкнул Пинчкрафт.

Заскорузлая рука схватила Лафайета, втащила его в безопасное помещение, и секундой позже Свайхильда последовала за ним.

* * *

— К-к-как вы здесь оказались? — выдавил из себя О'Лири, прислонившись к каменной стене освещенного факелом коридора.

— Я прибыл вместе с экипажем, чтобы сделать возврат собственности.

Пинчкрафт говорил таким голосом, будто гвозди заколачивал.

— Наша мысль заключалась в том, чтобы пробраться сюда тайком и сделать прежде, чем он сообразит, откуда ветер дует.

— Это здорово, что так получилось, душка,— сказала Свайхильда.

— Не смей называть меня «душка», девчонка! — рявкнул Пинчкрафт.

Он вынул большой носовой платок, вытер лоб, потом высморкался.

— Я сказал Гронснарту, что он идиот, что продолжает осуществлять доставку заказов по неоплаченным счетам. Так нет, слишком уж он жаден до быстрого дохода, вот тебе и попадание.

— Так вы заберете себе стеклянное дерево?

— Этого белого бронзозавтра? Ну, уж нет, ни за

что, пока не исчезнет малейшая надежда на то, что с него все-таки можно будет содрать капусту. Я собирался забрать нашу последнюю партию портативных товаров, которую мы так наивно доставили.

— Все равно я рад, что вы сюда пришли. Послушайте, нам надо немедленно хватать Крупкина! Он не тот, кем кажется! Вернее, он именно тот, кем кажется! Он меня узнал, понимаете — а это значит, что он на самом деле бывший король Горубль, а не его двойник, но он, конечно, не знает, что я это знаю, так что...

— Спокойно, сэр, спокойно.— Пинчкрафт плавно прервал поток бессвязных слов.— Я опоздал! Этот проклятый шулер вместе со своей личной армией смылся восвояси. Он упаковал все самое ценное и ушел отсюда несколько минут тому назад, до моего приезда.

XI

— Опять опоздал,— простонал Лафайет.

Он сидел, взявшись руками за голову, в сверкающей пустынной столовой стеклянного замка. Несколько слуг и стражников с неуверенностью смотрели на незнакомцев, которые наводнили замок, но внезапное отсутствие их господина и довольно внушительная команда, пришедшая, чтобы забрать обратно свои заказы, не внушали им особого желания вмешаться. Повара покинули сверхсовременные кухни, но Свайхильда быстро состряпала кофе с яйцами и ветчиной. И теперь группа Пинчкрафта уныло сидела на столом, глядя на мебель и всю обстановку, и мысленно прикидывая свои потери.

Представитель Аджака с обидой произнес:

— А что тогда говорить обо мне? За последние три года этот человек, обманувший наше доверие, который называет себя Крупкиным, все увеличивал свои ресурсы — в основном, за счет Аджака — для какого-то своего грандиозного плана. И вдруг он исчезает за несколько минут до того, как я прибыл сюда, оставляя здесь все это!

Пинчкрафт для убедительности помахал рукой на окружавшую их роскошь.

— Так кто же сейчас будет оплачивать счета?

— Почему это он внезапно отказался от своих планов? — спросил Лафайет.— Может ли считаться, что он

испугался меня, испугался, что я доложу Централи о том, что он принялся за старое?

Пинчкрафт нахмурился и на лице его отразилось недоуменное выражение.

— Ты, что, приятель, хочешь сказать, что знаешь о Централи? Но это... это второй по важности секрет Специализированных Мастерских Аджака!

— Конечно, знаю — я внештатный сотрудник Централи,— сказал Лафайет.— Но Горубль меня узнал и, наверное, поэтому упаковал все свои принадлежности и ушел ночью — после того, как спроводил меня спать, чтобы я не мешал ему. Он боялся, что я его узнаю, но я настолько одурел от того, что долго не спал, что почти не соображал, что делаю. А к тому времени, когда я понял, что к чему, было уже поздно.

Он с трудом выпрямился на стуле и вновь застонал.

— Если бы вместо того, чтобы искать леди Андрагору, я сразу отправился бы к нему, я уже был бы дома.

— Да, не переживай так, Лайф,— сказала Свайхильда.— Ты сделал все что мог.

— Нет, не все!

Лафайет с силой ударил кулаком в другую руку.

— Может, мне еще удастся опередить его. Он не знает, что я знаю о том, что я знаю — не то, чтобы я узнал много нового. Но кое в чем я могу дать ему пару очков вперед: Горубль не знает, что я знаю, кто он есть и что он есть. И он не знает, что мне оказывает кредит сам Аджак!

— Кто это сказал, что тебе оказывает кредит Аджак? — возмутился Пинчкрафт.

— Ну... при создавшихся условиях... раз и вы, и я заинтересованы в одном: вывести Крупкина-Горубля на чистую воду...

— Э-э... ну, ладно,— пробормотал Пинчкрафт,— В ограниченных пределах, разумеется. Что вы такое замыслили?

— Мне нужно вернуться в порт Миазма и предупредить Родольфо. Может быть, вдвоем нам удастся помешать планам Горубля. Ну, как Пинчкрафт, поможете?

— Гмм, думаю, это можно будет устроить, но вы уже нам должны за прошлое...

— Мы решим этот вопрос позже. Поймите впереди нам предстоит долгий путь, а сейчас самое главное — время.

— Думаю, мне удастся устроить тебя в вагон метро, которым мы сюда прибыли,— неохотно сказал Пинчкрафт.— Хоть и подразумевается, что он предназначен только для служебного пользования.

— Вагон метро? Вы хотите сказать, что отсюда до мастерских Аджака идет подземная дорога?

— Естественно. Я же говорил, что никогда не доверял этому принцу...

— В таком случае, почему,— требовательно спросил Лафайет,— меня послали сюда на этом паршивом ковре МАРКе IV? Я мог сломать себе шею!

— Все хорошо, что хорошо кончается,— назидательно сказал Пинчкрафт.— Мне нужна была диверсия, чтобы прикрыть мою операцию по изъятию собственности. И где еще мог представиться такой случай испытать мое оборудование в полевых условиях? Пойдемте же. Впереди много работы.

Это была долгая, шумная и очень пыльная поездка в крохотном, как игрушечном, вагончике метро, несущемся по извилистым пещерам под пустыней, над которой О'Лири, нервничая, что было сил, летел прошлой ночью. Свайхильда сгорбилась рядом с ним на узком сидении и спала, как убитая, до тех самых пор, пока вагончик не прибыл на место своего назначения. Она ахала и охала, когда они вышли и пошли мимо гигантских лабораторий, мастерских, холодильных цехов, вдыхая странные запахи, глядя на кипучую работу не прекращающуюся даже ночью.

— Я всегда слышал о гномах которые работают под горой,— признался Лафайет своему провожатому, когда они попали на относительно спокойный уровень, где располагалась администрация.— Но я всегда представлял их такими маленькими человечками с бородами, кующими золотые кольца на обычных наковальнях.

— Мы давно уже все модернизировали,— пояснил Спропрояль.— И в результате только за последние сто лет продукция выросла на 800 %.

На складе Свайхильда молча наблюдала, как группа техников раскинула небольшой темно-зеленый ковер согласно инструкции Пинчкрафта.

— Это наш МАРК XIII, последняя модель,— с гордостью сказал начальник научно-исследовательской лаборатории.— Ветровое стекло, музыка, ремни безопасности, мягкие сидения.

— Какой забавный,— сказала Свайхильда.— А где тут сяду я?

— Ты не можешь лететь,— отрезал О'Лири.— Слишком опасно.

— Я лечу,— вызывающе сказала она.— И попробуй только помешать мне!

— Ты думаешь, я рискну твоей жизнью на этом половике? Об этом не может быть и речи!

— А ты думаешь, что я собираюсь сидеть на этом дурацком заводе и плевать в потолок, пока тебя будут там убивать?

— Ну, уж нет, леди,— сказал Спропрояль.— Фитц-лумбер, раскатай-ка МАРК XIII — двухместный.

Он вызывающе посмотрел на О'Лири.

— Если кто-нибудь считает, что меня можно оседлать и поехать, взвалив на меня заботу о бабе на два фута выше меня, то он глубоко ошибается.

— Ну... в таком случае,— сдался О'Лири.

Прошло 10 минут, прежде чем были проверены все рабочие контуры. МАРК XIII вынесен на взлетную площадку скалы, и подъемная система была сбалансирована для плавного передвижения.

— Половик, вот как,— фыркнул Пинчкрафт вполголоса.— На нем безопаснее, чем на океанском лайнере. Только не гони больше шестидесяти первые несколько миль, пока не почувствуешь, что к чему.

— Конечно,— сказал Лафайет, заворачиваясь в подбитый мехом плащ-невидимку от пронизывающего ледяного ветра.

Свайхильда уселась позади него, обхватив его руками за талию.

— Поехали,— сказал О'Лири.

Появилось знакомое ощущение подъема, чуть затошнило, когда ковер выровнялся, беря заданный курс. Затем ветер стал свистеть мимо ушей, а огни мастерских Аджака постепенно начали удаляться и исчезли вдали.

— Ты ведь не сердишься, что я напросилась с тобой? — прошептала Свайхильда в быстро немеющее ухо Лафайета.

— Да нет, ничего,— отозвался он через плечо.— Только не суйся, ради бога, когда я начну действовать. Крункин удрал, потому что испугался, что я пойму, кто он такой и накинусь на него со всей своей пси-энергией,— он иронически хмыкнул.— Узнать-то я его узнал, но он по-

нятия не имеет, что во мне не осталось и крупицы былой силы.

— Зато тебе везет,— указала ему Свайхильда.— Смотри, как здорово ты обнаружил эту дверь в скале, и как раз вовремя. И я думаю, что это ничуть не хуже.

— Есть что-то очень странное в моем везении,— сказал О'Лири.— Просто до невероятности. Как, например, эта маскировка, которую я нашел тогда в парке, и до этого, на баркасе, когда нож подвернулся мне в самый необходимый момент, как будто моя энергия полностью ко мне вернулась и я могу управлять ею. Но потом я пытаюсь еще раз, и все в пустую. Это ужасно раздражает.

— А ты не думай об этом, Лэйф. Принимай все, как есть. Я вот всегда так поступаю — и ничего, перебивалась до сих пор.

— Для тебя, конечно, может, все это и хорошо,— отпарировал О'Лири.— Все, что тебе надо это попасть в большой город и хорошо жить а мне же... иногда мне даже почти хочется, чтобы я снова очутился у м-сс Макглинт и чтобы ничего меня не беспокоило, кроме того, как заработать на сардины.

— Угу — трудно тебе, Лэйф, быть героем и все такое.

— Герой? Я? — О'Лири скромно рассмеялся.— О, нет, я не герой, уверил он свою спутницу.— Герои — они любят всякие там опасности, они вечно снуют в поисках приключений, их хлебом не корми. Я же хочу только одного: мира и покоя.

— Ну, это ты легко можешь заполучить, Лэйф. Поверни ковер, и полетим на юг. Я слышала, что там есть очень красивые острова, и мы сможем построить там шалаш и жить, питаясь рыбой и кокосовыми орехами...

— Хотелось бы мне, чтобы я мог это сделать, Свайхильда. Но сначала мне надо посчитаться с Крупкиным-Горублем, вонючкой! О, дорого бы я дал, чтобы он сейчас оказался в моих руках! Хотел бы я посмотреть на его физиономию, когда я скажу ему, что я знаю, кто он и чего он замыслил, и...

— Осторожно! — вскричала Свайхильда, глядя на что-то белое, внезапно возникшее перед ними.

Лафайет закричал, отдавая команду МАРК XIII, но слишком поздно. Ковер резко накренился влево, ударился, пролетел сквозь снежную пыль, мелкую, как сахарный песок, подпрыгнул и скачками понесся вниз по склону, вздымая за собой облако ледяных кристаллов. Лафайет ощутил крепко охватившие его руки Свайхильды, ремень

безопасности, врезавшийся ему в ребра, снег, бьющий ему в лицо с силой струи из шланга...

Упав с довольно большой высоты в последний раз, так что желудок подступил к горлу, ковер остановился, полупогруженный в глубокий снег. Лафайет с трудом выпрямился, увидел движущиеся огни, неясные фигуры, услышал хриплые голоса, стук копыт...

— Это ТЫ? — заикаясь произнес знакомый голос.— Как... что... когда... и, самое главное п о ч е м у? Когда я уезжал, ты сладко храпел в сибаритской роскоши. Что ты делаешь здесь, в снегу?

— Думал, сможешь меня надуть? — прерывающимся голосом произнес Лафайет.— Фига с два, Ваше Бывшее Величество. Я тебя знаю, и я знаю, что ты задумал...

Он дернул за ковер, который каким-то образом завернулся вокруг его тела, но оказалось, что он спеленут так туго, *как будто связан веревками.*

— П-послушай, мой мальчик,— заикаясь произнес Горубль, махнув своим людям рукой, чтобы те отошли назад.— Может, все таким договоримся? Я хочу сказать, что ты ведь устроился на теплепькое местечко, так зачем же мешать делать то же самое мне? Сам должен знать, как нелегко из короля превратиться в какого-то простолюдина. Почему бы тебе не быть милосердным? С твоей помощью я могу опять оказаться на троне Артезии в одну секунду, после чего отблагодарю тебя, как захочешь — или еще того лучше, отдам тебе весь Меланж, и делай с ним все, что душе угодно...

— Забудь,— сказал О'Лири, прилегающий максимум усилий, чтобы освободить хоть одну руку.— У меня в Артезии и так все есть, что я хочу. С какой стати мне помогать тебе?

— Но здесь ты можешь быть абсолютным владельцем всего: земель, естественных ресурсов, полезных ископаемых... женщин...

— Остаться в Меланже? Ты что, сошел с ума? С тех пор, как я сюда попал, меня преследовали одни только несчастья!

Горубль открыл рот, собираясь что-то сказать, заколебался и внезапно на его лице появилось задумчивое выражение.

— В таком случае,— с осторожностью спросил он,— почему ты ничего не предпринял по этому поводу?

— Ну...

— Насколько я помню, ты был в довольно затруднительном положении, когда мои ребята впервые схватили тебя. А сейчас, гмм, судя по манере твоего появления здесь, похоже, что ты уже не тот хозяин своей судьбы, каким был раньше.

Экс-король потрепал свой подбородок.

— Ты — Лафайет О'Лири и я видел твое кольцо. Только ты носишь печатку с топором и драконом. Но... могло так произойти, мой дорогой мальчик,— тут в его голосе появились мурлыкающие нотки, как у тигра, собирающегося как следует пообедать,— что ты каким-то образом потерял свою ценную способность манипулировать вероятностями по желанию? А?

— Конечно, нет. Я... я только что изъявил желание побеседовать с тобой и... и вот я здесь.

— Ну да, весь в снегу и с очередными ушибами, которые, вне всякого сомнения, уже начинают тебя тревожить. Очень хорошо, сэр Лафайет: прежде чем мы начнем дальнейшее обсуждение нашего вопроса, не угодно ли вам будет продемонстрировать свое мастерство, ну, скажем, вызвав небольшую палатку с печкой и хорошим вином, где мы с удовольствием могли бы закончить наш разговор?

— Ерунда,— сказал Лафайет.— Я не собираюсь тратить на это своего времени.

— Ну, тогда что-нибудь попроще: как насчет всего лишь веселого костра в небольшой пещере — вон там...

Горубль махнул рукой в направлении сплошной пелены падающего снега.

— К чему столько сложностей,— пробормотал Лафайет.— Почему бы тебе просто не сдаться, а я замолвлю за тебя доброе слово Пратвику...

— Признавайся!

Горубль наклонился почти к самому его лицу и произнес вполголоса:

— Ты ничего не можешь сделать! Ты так же беспомощен, каким кажешься на самом деле!

— Вовсе нет! — с отчаянием произнес Лафайет.— Абсолютно все мои силы в полном моем распоряжении!

— Что ж, давай поглядим, как ты выпутаешься из этого куска ковра, который спеленал тебя с головы до ног.

Лафайет дергался, тянул, выкручивался, раскачивался — но без всяких результатов. Он был запеленут так же

тщательно, как муха в паутине. Горубль счастливо рассмеялся.

— Прекрасно! Ох, просто прекрасно! Значит, все мои волнения пропали зря! Я не знаю, как ты умудрился проникнуть сюда, в самое сердце моих планов, сэр Лафайет, но в конце концов, большого вреда тут нет. Более того...

Внезапно он стал серьезен и кивнул головой.

— Теперь я вижу что мои планы могут быть значительно улучшены и расширены, так сказать. Да, да, почему бы и нет? Обладая новыми данными, которые ты так любезно мне сообщил, с какой стати мне останавливаться на одном Меланже? Почему бы не пойти дальше — расширить мою империю, включить в нее весь континуум миров, а? А тем временем, где эта капризная шлюха, которую ты у меня украл?

— Там где ты ее никогда не найдешь,— сказал Лафайет.

— Упрямишься, да? Ну, ничего, скоро мы это исправим. О, нам предстоят долгие беседы, мой мальчик. В услужении моего подданного герцога Родольфо, находится искусный допросчик, некто Стонруб, который быстро выведает у тебя твои секреты!

Горубль резко повернулся, проревел какие-то приказы. Солдаты в красных куртках, со льдом, намерзшем на бровях, кинулись вперед, подняли Лафайета на ноги, отвернули замерзший ковер...

— Эй — баба! — воскликнул один из солдат, глядя на появившуюся из складок ковра МАРК XIII Свайхильду, оглушенную и дрожащую от холода.

Горубль весело рассмеялся.

— Наконец-то счастье стало мне улыбаться! Сама судьба за мое начинание. Я считаю это за знак — знак, слышишь меня?

Он огляделся, счастливо сияя, в то время как солдаты подняли девушку на ноги. Несколько мгновений ковер лежал брошенный. Лафайет рванулся к нему, и хотя был схвачен, успел поставить ногу на его край.

— Лети домой! — закричал он в направлении микрофона и принимающего словесные команды устройства.— Полный ход, никуда не сворачивая!

В ответ на эти слова ковер захлопал краями, посылая вверх кучу сосулек, подпрыгнул на шесть футов в воздух, мгновение висел там, отряхиваясь, как пес после купания, затем, когда один из солдат попытался подпрыгнуть и схватить его, ринулся вперед, в бушующий шторм.

— Волшебство! — взвыл солдат, валясь на спину.

— Чушь! — рявкнул Горубль.— Это, несомненно, штучки Аджака. Так, значит, ты работаешь с этими вымогателями, сэр Лафайет, вот как? Ну, ничего, по отношению к ним у меня есть тоже определенный план, так же, как и ко всей стране.

— Ты слишком много на себя берешь,— отрезал Лафайет.— И в прошлый раз тебе не удалось захватить власть, и с[ч]ас кончится тем же самым.

— Брось его в седло и привяжи к лошади,— приказал Горубль капитану своей стражи.— Посмотрим, что сделает с этой выскочкой холодная ночь после целого дня бесплодных трудов. Может, его манеры станут чуть лучше, чем раньше.

— Э, приятель, да ты никак опять тут,— весело приветствовал О'Лири Добывающий Истину Специалист герцога Родольфо, когда четверо стражников швырнули Лафайета, скорее мертвого, чем живого, на деревянную скамью рядом с большой жаровней, на которой веселым огнем пылали с полдюжины щипцов и кусачек.

— Мнирргггх,— сказал О'Лири неподвижными губами, пытаясь подползти поближе к пламени.— Пусть будут гореть мои ноги, но только дай мне огня!

— Ну, конечно, приятель, как скажешь, так и будет. Погоди-ка, дай припомнить, на чем мы остановились.

Стонруб потер небритый подбородок со звуком, напоминающим треск рвущегося полотна.

— Начнем-ка с прижигания, как ты хотел, потом можно чуток разогнать кровь по телу плеткой, ну, а уж потом закончим на раме — чтобы все тело загудело. Неплохо придумано?

— Великолепная программа, двух мнений быть не может, — промямлил Лафайет.— Скажи, ты не мог бы для начала чуть помешать угли?

— Вот это правильное настроение, приятель. Послушай, с другой стороны, может, ты хочешь испробовать новое оборудование, которое я получил за время твоего отсутствия? Великолепный гидравлический пресс для суставов, автоматика, куда ни сунься. Закручивает все — от бедреных суставов до костяшек пальцев. А, может, лучше оставить пресс и автомат для снимания кожи на потом — ведь после них уже ничего не воротишь — ты меня понимаешь? А нам вовсе не надо, чтобы ты покинул нас не расколовшимся — герцог так прямо рвал и

метал, как ему захотелось узнать все твои секреты, приятель.

— Это не герцог, а поганый маленький Крупкин, который считает, что я открою ему кучу тайн,— поправил Лафайет.— Послушай, как преданный подданный Меланжа, ты должен бороться против Крупкина, а не помогать ему. Он пытается захватить всю эту страну и использовать ее как плацдарм для нападения на Артезию!

— Политика,— извиняющимся тоном сказал Стонруб,— никогда не была моим хобби. Сам понимаешь, правительства приходят и уходят, а нужда в искусстве специалиста остается постоянной...

— Неужели у тебя нет ни капли патриотизма? — вызывающе спросил Лафайет.— Этот человек — маньяк! Он высосет из Меланжа все, что можно: пищу, оружие, сырьевые ресурсы и...

— Ну, конечно, приятель, как не понять. Но послушай, ты не возражаешь, если мы начнем? Ты можешь говорить, пока я работаю. Тебе не трудно будет снять рубашку и встать вот сюда, чтобы я придал тебе рабочее положение?

— Н-нельзя ли мне погреть ноги еще немножко?

— Хорошая мысль. Я помогу тебе снять ботинки, и мы раздвинем лодыжки до оптимального положения. Слишком близко — и будет куча дыма, слишком далеко — и нет желаемого эффекта. Так что...

— С другой стороны, почему бы мне не сказать все, что ты пожелаешь, сразу, чтобы ты меньше трудился,— торопливо предложил Лафайет.— С чего мне начинать? С того, как я прибыл на вершину мельницы две недели назад? Или мне пойти еще дальше и рассказать, как я жил припеваючи, имел все, что только может хотеть иметь нормальный человек, а мне этого было недостаточно, или...

— Эй, подожди, приятель!

Стонруб понизил голос, нервно оглядываясь по сторонам.

— Что это ты делаешь, хочешь, чтобы я лишился работы?

— Ничего подобного. Просто сегодня вечером я в разговорчивом настроении.

— Сейчас утро. Эх, приятель, совсем ты перестал соображать, что к чему.

— Ну, да неважно, утро или вечер, мне лично хочется сейчас говорить день или ночь. Итак, как я уже говорил...

— Шшш!

ДИС приложил толстый палец к выпяченным губам.

— У тебя нет сердца! Ты хочешь лишить меня лучшего поста среди герцогских вакансий? Да если ты начнешь все выкладывать до того, как я и одним крючком тебя не тронул, то кое у кого возникнет идея о сокращении штатов. А я уже слишком стар, приятель, чтобы переквалифицироваться. Так что будь другом и помолчи немного, ладно?

— Я... я вот что тебе скажу,— предложил Лафайет, глядя на дымящиеся щипцы в волосатой руке Стонруба.— Ты на несколько минут отойди в сторону и отложи свои железки — пока я не проделаю несколько упражнений йоги, чтобы оценить твою виртуозность. А я попытаюсь на время придержать язык.

— Вот уж ничего не скажу; что благородно, то благородно. Спасибо, друг.

— Не стоит благодарности, Стонруб. Всегда рад помочь. Кстати, ты знаешь хоть что-нибудь о молодой леди, которая прибыла в замок со мной вместе?

— О ней? Ну, конечно, знаю. Послушай, если ее малость отмыть, то это будет неплохой лакомый кусочек, верно? Мне кажется, я видел, как ребята передавали ее домоправительнице. По-моему, твой друг принц Крупкин хочет подзаняться с ней отдельно.

Стонруб подмигнул.

— Крыса,— яростно выдавил Лафайет сквозь сжатые зубы.— Стонруб, ты ведь вроде бы честный человек, неужели ты собираешься спокойно смотреть, как этот жулик действует через твою голову ради своих грязных планов?

ДИС вздохнул.

— Эх, повидал я на своем веку этот идеализм. Вы, юноши, считаете, что весь мир можно вылечить от болезней. Но когда стареешь, так понимаешь, что все это не просто. Вот я, например, просто предпочитаю гордиться своей профессией искусного техника. Я всю душу в работу вкладываю, чтобы потом нечего было стыдиться. И чтобы люди смотрели на дело моих рук, а я мог при этом стоять с гордо поднятой головой. Ясно? И уж раз об этом зашла речь, то не пора ли нам начинать — стари-

кан Родольфо может появиться здесь в любую минуту, чтобы проверить, как продвигаются дела...

— Он уже появился,— произнес холодный голос.

ДИС резко повернулся и увидел герцога Родольфо, уставившегося на него горящим взглядом из дверей.

— Ну и ну! — воскликнул Стонруб.— И чего это вы подкрадываетесь так бесшумно, Ваша Светлость? Вы меня так напугали, что я, может, и работать больше не могу.

Он протянул вперед руки и стал внимательно смотреть, не дрожат ли у него пальцы.

— Это неважно,— отрезал Родольфо.— Сейчас тебе будет оказана честь и тебя посетит Его Высочество. Так что подтянись и попытайся произвести хорошее впечатление, как и подобает человеку твоей профессии...

Герцог повернулся, услышав за собой в коридоре шум шагов.

— Ах, сюда, сюда, мой дорогой принц,— сказал он, выдавливая из себя улыбку.— Наша скромная камера пыток, но полностью оборудована...

— Да, да, я вижу,— прервал его Крупкин, появляясь в поле зрения, сопровождаемый двумя лакеями, которые, казалось, пытались начистить ему ботинки в то время, как он несся вперед. Его маленькие глазки окинули камеру, остановились на Лафайете. Он хмыкнул.

— Оставь нас, Руди,— приказал он безразличным голосом.— И забери этих шутов с собой,— добавил он, пинком отбрасывая одного лакея, который пытался попробовать исправить что-то в складках его одежды.— А ты останься,— обратился он к Стонрубу.

— Но я еще не показал вам все мои новые...— запротестовал Родольфо.

— Ты имеешь наше разрешение оставить нас! — резко рявкнул Крупкин-Горубль.

И пока свита, торопливо пятясь, удалялась из камеры, принц подошел к О'Лири, который поднялся с места, глядя на него.

Экс-король оглядел его сверху вниз, посмотрел на кольцо на пальце. Потом он сунул большие пальцы рук за усыпанный драгоценными камнями пояс, идущий по его животу, и выпятил нижнюю губу.

— Ну, хорошо, сэр Лафайет,— сказал он голосом, неслышным для ДИС, который переминался с ноги на ногу позади, полируя железный сапог.— Последний шанс. Твоя ценность для меня — минус твои бывшие способно-

сти — весьма невелика, но все же твоя помощь может несколько сгладить мой путь. Последние несколько часов я провел, обдумывая мои прежние планы, и понял, что мыслил слишком мелко. Подумаешь — захватить Меланж! Как ты правильно заметил, это крысиная нора. Но теперь передо мной сами собой открылись новые горизонты. Твое присутствие здесь указало мне совершенно новый путь. Из-за твоего вмешательства я потерял трон в Артезии. Сейчас ты поможешь мне вернуть его.

— Дудки,— устало ответил О'Лири.— После того, что ты попытался сделать с Адоранной, люди закидают тебя камнями, если ты попытаешься даже показаться в Артезии, даже если тебе удастся попасть туда, в чем я совершенно искренне сомневаюсь.

Горубль ткнул Лафайета в грудь.

— Можешь откинуть прочь свои сомнения, сэр Лафайет! Это-то как раз самое простое. Менее, чем час тому назад я отослал чертежи вашим друзьям в Аджак и ожидаю в течение нескольких дней доставки действующего путепроходца.

— Боюсь, тебе придется разочароваться, у тебя там нет никакого кредита. Они ничего для тебя не сделают.

— Правда? — чуть не промурлыкал Горубль-Крупкин, лаская пальцами большой бриллиант, вставленный в воротничок его манишки.— У меня есть причины ожидать нового кредита благодаря любезности моего нового доброго друга герцога Родольфо. Что же касается возможной недружелюбности артезианцев — я уверен, что она рассеется, как утренний туман, когда принцесса Адоранна публично объявит, что все предыдущие слухи, ходившие обо мне, просто наглая ложь, распространяемая врагами государства, что я на самом деле единственный ее благодетель и что она желает передать мне корону как более старому и умудренному монарху чисто из альтруистических соображений блага государства.

— Она никогда этого не сделает,— не задумываясь объявил Лафайет.

— Может быть, и нет,— спокойно ответил Горубль, кивая головой. Он опять ткнул О'Лири в грудь, как бы наслаждаясь хорошей шуткой.— Но девица Свайхильда это сделает.

— При чем здесь Свайхильда...— голос О'Лири постепенно затих.— Ты хочешь сказать... ты попытаешься использовать ее вместо Адоранны? — он сожалеюще улыб-

нулся.— Проснись, Горубль. Свайхильда девушка ничего себе, но ей никогда не удастся обмануть двор.

Горубль обернулся, рявкнул приказание Стонрубу. Тот подошел к двери, высунул голову и передал приказание дальше. Раздались легкие шаги. Стонруб отступил в сторону, воскликнув от изумления, затем низко поклонился, когда изящная воздушная фигурка нерешительно вошла в комнату. Лафайет уставился с открытым ртом на это видение женского очарования, которое стояло в дверях в роскошном платье, с драгоценностями, надушенное и элегантное, с золотистыми волосами, сверкающими, как аура, над ее совершенным лицом.

— Принцесса Адоранна! — воскликнул он.— К-как?..

— Лэйф! С тобой все в порядке, милый? — спросил взволнованный и озабоченный голос Свайхильды.

— Должен признаться, придется нам немного поработать с ее дикцией, прежде чем она сделает свое публичное заявление,— спокойно сказал Горубль.— Но это не в счет. Маленькая деталь.

— Свайхильда... ты ведь не станешь помогать этому негодяю в его грязных планах, скажи? — настойчиво спросил О'Лири.

— Он... он сказал, что если я этого не сделаю... он изрубит тебя на куски, Лэйф... поэтому...

— Достаточно! Уберите ее! — взревел Горубль с покрасневшим от злости лицом.

Он резко повернулся к О'Лири, в то время как Стонруб с поклоном выпроваживал Свайхильду из комнаты.

— Эта куколка просто притворяется, чтобы ты о ней плохо не думал. Она ухватилась за этот шанс быть принцессой — и чего тут удивительного, чего еще можно ожидать от простой кухарки? Спать на шелковых простынях, обедать из золотой посуды...

— А как насчет настоящей Адоранны?

— В делах межконтинуумного переноса, как оказалось, наблюдается определенная симметрия,— сказал Горубль с лисьей ухмылкой.— Бывшая принцесса окажется в Меланже, в роли простой девки — вполне достойное наказание за то, что она отняла у меня трон,— Горубль потер руки.— Да, ты открыл передо мной новые горизонты, мой мальчик, как только я понял, кто ты такой на самом деле. Сначала я планировал захватить леди Андрагору только для того, чтобы иметь возможность подчинить себе этого Родольфо, который явно не хотел поддерживать мои планы. Но сейчас все это мелочи. Она будет

очень важной пешкой в моей новой игре, так же, как и этот болван Родольфо, и сделает все, что я захочу. И у тебя тоже есть своя маленькая роль,— его лицо стало суровым.— Помоги мне добровольно — и ты сохранишь свою удобную позицию во дворце Артезии. Откажешься — и тебя ждет такая судьба, от которой и более сильный человек пришел бы в ужас.

— Ты совсем сошел с ума если думаешь что я буду помогать тебе в твоих жалких планах.

— Вот как? Жаль. А я было совсем уже решил — конечно когда они мне больше не будут нужны — передать тебе обеих женщин, чтобы ты делал с ними все что твоей душе будет угодно. Увы раз ты не хочешь мне помогать, придется передать их более преданному слуге.

— Ты не посмеешь!

— О, еще как посмею! — Горубль помахал пальцем в воздухе.— Это истинный секрет успеха, мой мальчик,— полная безжалостность. Я получил уже один хороший урок. Если бы в самом начале я избавился от ребенка — принцессы Адораны — и еще одного — принца Лафайета — то ни одно из последующих несчастных событий не произошло бы.

— Я не буду тебе помогать,— поперхнулся Лафайет.— Можешь делать все самое худшее. Централь тебя поймает и...

Горубль рассмеялся.

— Но ведь это — самая изящная сторона моего плана, мой дорогой мальчик! Должен признать, что до сих пор эта сующая всюду свой нос Централь сдерживала порывы моего бравого воображения — но полное уравнение энергий исключает эту возможность. Ведь при переносе ничего не изменится — Адорана и Дафна останутся на своих местах, только получат новые роли. В матрице вероятности при этом не будет никакого дисбаланса, и ничто не привлечет внимания Централи к мирной Артезии, одинокому крохотному мирку среди миллиарда других. И можешь быть уверен, что как бывший инспектор континуума я знаю, о чем говорю. А теперь будь разумным: объединись со мной и раздели успех и награду.

— А пошел бы ты к...— резко предложил Лафайет.— Без меня и Свайхильда никогда не будет тебе помогать — а без нее твои планы рушатся.

— Ну, как хочешь,— Горубль улыбнулся хитрой улыбкой.— Мое предложение к тебе было основано на сентиментальных воспоминаниях, и не более того. У ме-

ня в запасе есть и еще кое-что, можешь не сомневаться в этом.

— Все это блеф,— сказал Лафайет.— Ты говоришь о том, что леди Андрагора будет представлять собой Дафну, но я точно знаю, что ей удалось бежать!

— Правда? Кстати,— Горубль повернулся к Стонрубу.— Можешь не пытать этого предателя по поводу того, где находится леди Андрагора. Она и ее компаньон были схвачены полчаса тому назад и прибудут сюда буквально через несколько минут. А этого бросьте в яму к Горогу Прожорливому — я как раз слышал, что он не получал пищи несколько дней и по заслугам оценит хороший обед.

— Эх, не повезло, друг,— печально сказал Стонруб, ведя Лафайета по тускло освещенному коридору.— Нет, теперь мне совершенно ясно, что у меня здесь куча врагов. Это у меня-то который и мухи не обидит. Вот и говори после этого о многих годах преданной службы.

Он уставился сквозь решетку с прутьями дюймовой толщины на большой, запертой на засов двери.

— Порядок, он в своем логове и спит. Значит, не придется отгонять его электрическим прутом, пока я впихну тебя туда. Терпеть не могу мучить животных — ты меня понимаешь?

— Послушай, Стонруб,— торопливо сказал Лафайет, отшатываясь от сырого запаха и соломенного тюфяка, на котором валялись кости в клетке чудовища.— Ввиду нашей с тобой особой дружбы не мог бы ты, скажем, просто выпустить меня с черного хода? Ведь герцогу вовсе не обязательно это нужно знать...

— И опять оставить Горога без обеда? Мне стыдно за тебя, приятель. Это предложение не делает тебе чести.

ДИС отпер дверь, распахнул ее достаточно для того, чтобы пропустить О'Лири, которому он помог рукой, вжавшейся в плечо узника, как пресс. Лафайет уперся ногами изо всех сил, но сильный толчок послал его в безмолвную клетку, и дверь, щелкнув, закрылась за его спиной.

— Прощай, приятель,— сказал ДИС, вновь запирая замок.— Ты был хорошим клиентм. Не повезло, что мне так и не удалось поработать с тобой хоть чуть-чуть.

Когда его шаги замерли в отдалении, низкий гортанный рев послышался из темной ниши в стене. Лафайет резко повернулся лицом к этой нише, достаточно широкой для того, чтобы в ней мог поместиться саблезубый

тигр. В глубокой темноте сверкали маленькие красные глазки. Появилась голова — не с острыми клыками, как у тигра, и не тупая, как у медведя, а закрытое массой волос человекоподобное лицо, испачканное грязью и со щетиной на подбородке и щеках. Вновь прозвучал низкий рык.

О'Лири попятился. Голова начала приближаться, появились массивные плечи, бочкообразный торс. Огромное существо встало, отряхнуло колени, оценивающим взглядом окинуло О'Лири.

— Эй,— проревел грубый голос.— Я тебя знаю! Ты тот самый парень, который так здорово надул меня, ударив по голове!

— Хват! — Лафайет поперхнулся.— Как... как ты сюда попал? Я считал, что это клетка Горога Прожорливого...

— Ну, да, голуба, под этим именем я обычно дерусь. Ребятишки герцога засадили меня сюда за бродяжничество, когда я пришел в город, чтобы найти тебя. Я очистил пару улиц от этих дурачков-солдат, но потом чего-то притомился, а они возьми да и кинься со всех сторон сразу, да еще уронили пушечное ядро на мою голову.

Гигант нежно почесал затылок двумя пальцами.

— Ч-чтобы найти меня?

О'Лири попятился еще дальше и уперся спиной в стену, а в горле у него застрял какой-то шар, который никак не давал воздуху проникнуть в легкие.

— З-зачем?

— Должен же я с тобой посчитаться, голуба. А я вовсе не из тех, кто может взять да и бросить дело на полдороге.

— Послушай, Хват, я единственная опора двух тетушек-девиц,— сказал Лафайет голосом, имевшем тенденцию сломаться и стать тонким фальцетом в любую минуту.— И после всего, что я пережил, будет просто нечестно, если все кончится вот здесь таким образом.

— Кончится? Да ты что, друг, это всего лишь начало,— проревел Хват.— Чтобы мне с тобой по-настоящему посчитаться, надо кучу времени.

— И что я сделал, чтобы заслужить все это? — простонал Лафайет.

— Что ты, приятель, это, скорее, то, чего ты не сделал.

— Не сделал?

— Угу. Ты ведь не вышвырнул меня за борт лодки, а мог. Хотя я и туго соображал, но слышал, когда эта маленькая куколка предложила тебе это, ты сказал, что раз я без сознания, некрасиво швырять меня акулам.

— З-значит, такова моя н-награда?

— Точно, голуба.

Гигант положил руку на свой живот, откуда донеслось еще одно низкое рычание.

— Это ж надо, я и не помню, когда жрал в последний раз. Наверное, мои кишки скоро сами себя начнут сосать.

Лафайет изо всех сил зажмурил глаза.

— Слушай, поспеши с этим делом, а то я не выдержу и начну кричать Стонрубу, что передумал...

— С каким делом, приятель?

— Ешь м-м-меня.

Слова с трудом сорвались с губ Лафайета.

— Мне — есть тебя? — эхом отозвался Хват.— Эй, приятель, да ты не так меня понял. Как я могу съесть того, кто спас мою жизнь?

О'Лири приоткрыл один глаз.

— Значит ты... ты не собираешься разорвать меня на кусочки?

— Зачем бы я стал это делать?

— Неважно,— сказал Лафайет, оседая на пол с глубоким вздохом облегчения.— Есть вещи, которые лучше не обсуждать.

Он глубоко вздохнул, встряхнулся и посмотрел на высокую фигуру, участливо глядящую на него.

— Послушай, если ты хочешь помочь мне, то давай начнем с того, что подумаем, как бы отсюда выбраться.

Хват почесал в затылке пальцем, величиной с топорище.

— Ну...

— Мы могли бы попытаться прокопать тунель сквозь стену,— сказал О'Лири, тыкая в трещину между огромными камнями.— Но для этого нужны инструменты, и это займет несколько лет.

Он оглядел всю камеру.

— Может, в потолке есть какая-нибудь потайная дверь...

Хват покачал головой.

— За эту неделю мне все время приходилось нагибаться, чтобы не столкнуться об этот проклятый потолок. Он цельнодубовый и четырех дюймов толщиной.

— Ну... тогда пол.

— Скала, 6 дюймов.

Лафайет провел 10 минут обследуя пол, стены, дверь. Потом он с отчаянием облокотился на решетку.

— Надо смотреть правде в глаза,— сказал он.— Я побежден. Крупкин заставит выполнить Свайхильду то, что он прикажет, Адорана будет смывать жир с горшков здесь, в порту Миазма, Горубль захватит Артезию, а Дафна — Дафну, возможно, поместят здесь, в то время как леди Андрагора отправится в Артезию, а если ее не получит Родольфо, то ее отдадут Лоренцо Счастливчику — или его зовут Ланцелот Долговязый?

— Эй, я тут придумал кой-чего,— сказал Хват.

— Приляг и поспи немного, Хват,— безжизненно сказал О'Лири.— Больше нам ничего не остается делать.

— Да, но...

— Это просто пытка — все время думать об этом. Может, лучше будет, если ты все-таки разорвешь меня на куски.

— Да, но если...

— Я должен был знать, что этим все и закончится. В конце концов, я столько раз попадал в тюрьму с тех пор, как очутился в Меланже, что просто неизбежно было, что рано или поздно я окажусь в ней прочно и навсегда.

— Это, конечно, не какой-нибудь там шикарный план, но какого черта? — сказал Хват.

— Какой план? — тоскливо спросил Лафайет.

— Да я же и пытаюсь тебе сказать. Мой план.

— Валяй. Говори.

— Ну, вот что я тут подумал — хотя нет, тебе, наверное, надо, чтобы был шик, вроде секретных туннелей или еще чего.

— Ничего, говори, облегчи свою душу.

— Ну, только не думай, я понимаю, что все это не для такого джентльмена, как ты... э-э-э... что, если я сорву дверь с петель?

— Что, если ты... сор...

Лафайет повернулся и посмотрел на внушительную стальную конструкцию. Он гулко рассмеялся.

— Ну, конечно, давай.

— О'кей.

Хват прошел мимо него, схватился за толстые прутья. Он расставил в стороны свои ноги шестидесятого размера, сделал глубокий вдох и рванул. Раздался неприятный

визг металла, за которым последовали резкие ломающиеся звуки. Огромный камень вывалился из стены и упал на пол. С душераздирающим звуком, похожим на визжание двух роллс-ройсов, притершихся друг к другу, решетка покорежилась, изогнулась внутрь и выскочила из гнезд. Хват отшвырнул ее в сторону, раздался оглушительный треск, после чего он спокойно вытер ладони о зад своих кожаных штанов.

— Это все ерунда, голуба,— сказал он.— Что дальше?

В камере пыток никого не было, когда Лафайет, освобожденный от цепи одним движением кисти Хвата, вместе со своим огромным товарищем прошел туда по освещенному коридору мимо ряда камер, за зарешеченными дверями которых сидели, болтали или кидались заключенные с растрепанными волосами и диким выражением глаз.

— Это плохо,— сказал Лафайет.— Я надеялся, что Стонруб нам поможет.

— Эй, смотри-ка, какие забавные,— сказал Хват, поднимая набор острых кусачек, предназначенного для постепенного откусывания ушей и носов.— Мне всегда хотелось иметь хорошие ножницы для ногтей.

— Послушай, Хват, нам необходимо составить план действий,— сказал О'Лири.— Ничего хорошего не будет, если мы будем просто бродить без толку, пока нас опять не закуют в цепи. Дворец наводнен стражниками — солдатами Родольфо и личной охраной Горубля. Нам надо организовать какую-нибудь диверсию, чтобы отвлечь внимание, пока мне не удастся выкрасть Свайхильду и леди Андрагору у них из-под носа.

— Эй, вы! — воззвал громкий голос из бокового коридора.— Я требую юриста! Я желаю видеть американского консула! У меня есть право на телефонный звонок!

— Это похоже на Лоренцо...

Лафайет трусцой подбежал к камере, из которой доносились крики.

С бородой и усами Ван-Дейка, прической Эдгара Аллана По, высоким воротником времен Гувера и Наполеона, человек тряс решетку руками с великолепным маникюром на ногтях.

— Эй, вы! — голос его постепенно затих.— Э-э... я случайно вас не знаю?

— Лоренцо? — Лафайет осмотрел человека с ног до головы— Все-таки тебя сцапали? Последний раз, когда я

тебя видел, ты оставил меня в хорошенькой переделке, а сам, конечно, смылся. Но откуда у тебя эта борода и смешной костюм?

— Не болтайте глупостей! — рявкнул пленник тем же раздражающим голосом, который Лафайет уже слышал в темной камере Стеклянного дерева.— Меня зовут Лафкадио, хотя это и не ваше дело. Да и вообще, кто вы такой? Могу поклясться, что мы где-то встречались...

— Сейчас не время валять дурака,— отрезал Лафайет.— Нам с Хватом удалось бежать. Я попытался освободить леди Андрагору, но...

— Насколько я понял, вы имеете в виду Цинтию. Ага, значит, и вы тоже участвуете в этом заговоре! Так вот что я скажу — ничего у вас не выйдет! И не смейте даже близко подходить к моей невесте...

— Я думал, что ее зовут Беверли. Но это неважно. Если я тебя выпущу, поможешь ли нам создать одну небольшую диверсию, чтобы я мог действовать незаметно?

— Выпускайте скорее! — взвыл бородатый узник.— Об условиях можем договориться позже.

— Хват! — позвал Лафайет.— Займись-ка этой дверью, ладно?

Он пошел дальше по коридору. Большинство пленников лежали на соломенных матрацах, но некоторые смотрели на него настороженными взглядами.

— Послушайте меня, ребята,— сказал он.— Мы вырвались из этой тюрьмы. Если я вас освобожу, обещаете ли вы мне бегать по коридорам сломя голову, нападать на стражников, бить мебель и посуду, вопить во все горло и вообще устроить как можно больше беспорядка?

— Ну, конечно, мистер!

— Считай, что договорились!

— Пошло!

— Вот и прекрасно.

Лафайет поспешил назад, чтобы проинструктировать Хвата. Через несколько мгновений гигант деловито принялся разрушать тюрьму. Бородатые преступники самого замысловатого вида заполнили всю камеру пыток. Лафайет мельком увидел Лоренцо, теперь уже без нелепого маскарада. Он протолкался к нему.

— Послушай, почему бы нам с тобой не провернуть это дело вместе...

Он замолчал, уставившись на своего бывшего товарища по камере, который глядел на него широко открытыми от изумления глазами и недоуменным выражением на

лице — лице, которое Лафайет впервые видел при хорошем освещении.

— Эй,— прогудел Хват,— а я-то думал, что ты пошел совсем в другую сторону, голуба...— он замолчал.— У-угх...— он заколебался, переводя взгляд с Лафайета на его собеседника.— Ребята, может, я немного не того, но кто из вас мой приятель, с которым я сидел в камере?

— Я — Лафайет,— ответил О'Лири.— А это — Лоренцо...

— Какая ерунда, меня зовут Лотарио, и я никогда в жизни не видел этого питекантропа.

Хват оглядел О'Лири сверху вниз.

— И чего это ты мне сразу не сказал, что у тебя есть брат-близнец? — спросил Хват.

— Брат-близнец? — повторили оба в один голос.

— Угу. И скажи мне, приятель, чего это ты вырядился в кожаную куртуку и сапоги? Ты чего — может, какой быстропереодевающийся артист?

Лафайет глядел во все глаза на одежду Лоренцо — или Лотарио — туго обтягивающий кожаный жилет, помятая рубашка и куртка, явно видевшая лучшие дни.

— Он совсем не похож на меня,— величественно сказал один.— О, может, и есть какое-нибудь весьма отдаленное сходство, но у меня совсем не такой глупый взгляд и это совершенно безответственное выражение...

— Чтобы я был похож на тебя? — восклицал в это время другой. Ты еще недостаточно давно меня знаешь, чтобы наносить подобные оскорбления. Ну, а теперь где здесь ближайшая имперская передаточная кабина? И уж будте уверены, я подам рапорт своему министру, и все ваше гнездо хабефреников вычистят, прежде чем вы успеете сказать «ноблесс оближ»!

— Эй, ты! — громкий крик прорезал шум толпы.— Лафайет!

Точно такой же человек, разве что по-другому одетый, с которым он беседовал, пробирался к нему подняв руку. Лафайет повернулся. Тот, кто называл себя Лотарио, исчез среди толкающихся людей.

— А как ты попал сюда? — требовательным тоном спросил подошедший Лоренцо.— Рад, что тебе удалось вырваться. Слушай, я еще не поблагодарил тебя за то, что ты спас меня от людей Крупкина. Беверли, бедная девочка, все мне рассказала. Она была так смущена всем, что произошло, что даже не помнила моего имени...

— А как твое имя? — спросил Лафайет, чувствуя, что постепенно становится параноиком.

— А? Ну, конечно, Лоренцо!

Лафайет уставился на лицо перед собой, на голубые глаза, прядь каштановых волос на лбу, красиво очерченный рот с маленькой родинкой...

— Как...

Он остановился и сглотнул слюну.

— Как твоя фамилия?

— О'Лири. А что?

— Лоренцо О'Лири,— пробормотал Лафайет.— Я должен был это знать. Если у Адораны, Дафны, Иокобампа имеются здесь двойники, то почему их не должно быть у меня?

XII

— Эй, ребята!

Громовой голос Хвата вывел из оцепенения обоих О'Лири.

— Пора сматываться, а то мы пропустим самое интересное.

Лафайет оглянулся и увидел, что камера пыток постепенно опустела и орущая толпа освобожденных пленников несется по коридорам, честно выполняя взятое на себя обязательство.

— Послушай, Лоренцо, мы можем позже разобраться, кто из нас кто,— сказал он, вслушиваясь в затихающий далекий звон и крики.— Сейчас самое важное — спасти леди Адорану и Свайхильду от Горубля-Крупкина. Он выдумал совершенно безумный план захвата Артезии, и самое печальное, что он может удасться. Ничего удивительного, что он не особенно расстроился, когда я отказался помогать ему. Он мог выставить тебя вместо меня и заставить Свайхильду все делать... ну, да бог с ним, сейчас не до этого. Я попытаюсь добраться до аппартаментов Родольфо и объяснить ему, что происходит. Может, еще не поздно расстроить все эти планы. Почему бы тебе не пойти со мной? Из двоих хоть один да пройдет. Я расскажу тебе, в чем дело, по дороге. Ну, так как?

— Ну, раз уж ты говоришь, что разбираешься в том, что происходит, я пойду с тобой, но не забудь — лапы прочь от Беверли!

— Мне показалось, что ее зовут Цинтия,— пробормотал Лафайет, пока они выбирали удобные дубинки с ближайшей специальной полки для дубинок, и пошли за Хватом позади всей толпы. Взволнованный рев впереди указывал на первое столкновение со стражниками.

— Сюда,— позвал Лафайет, указывая на боковой коридор.— Попробуем обойти сзади.

— Послушай, а при чем все-таки ты? — тяжело дыша спросил Лоренцо, пока они бежали по извилистым коридорам.

— Ни при чем,— уверил Лафайет своего двойника.— Я жил себе тихо-спокойно в Артезии, не совал нос в чужие дела и вдруг — оказался в Меланже. А тут не успел даже оглянуться, как был обвинен во всех смертных грехах...

Он свернул в сторону и стал подниматься по винтовой лестнице.

— Я думаю, это ты во всем виноват: они приняли меня за тебя. Похоже, ты тут не терял времени даром — уж больно рьяно полицейские за меня взялись.

— Мне было сделано очень выгодное предложение,— пыхтел Лоренцо, не отставая ни на шаг, чувствуя за своей спиной шаги Хвата.

— Крупкин предложил мне бесплатный проезд домой... плюс другие преимущества, как, например, оставить меня в живых... если я выполню его задание. Я должен был прокрасться в... спальню леди Андрагоры... и заманить ее в ловушку... Ну, вот, я перебрался через пару стен, подкупил стражников... но затем я увидел, что это Беверли. У нас не было времени, чтобы как следует поговорить... но я передал ей записку... назначил свидание в избушке... как предполагал Крупкин. Но откуда я решил... внести кое-какие изменения в сценарий...

— Он тебя нагрел,— так же тяжело дыша, ответил Лафайет.— Не знаю, как ему удалось заманить тебя сюда... но сомневаюсь, чтобы в его намерения входило... отправить тебя обратно в твои Соединенные Колонии...

Лестница кончилась и они выбрались в широкий коридор, с обеих сторон которого слышались звуки бушующей толпы.

— Дай-ка подумать — по-моему, нам сюда,— указал Лафайет.

Они сделали несколько шагов вперед, и в это время позади них раздался звучный рев. Хват потирал голову и смотрел вниз на лестницу.

— Ах, вы, гады! — взревел он и кинулся вниз по ступенькам.

— Хват! — вскричал Лафайет, но великан исчез.

Мгновением позже с лестницы до них донесся громовой удар и послышались звуки драки.

— Давай-ка уйдем отсюда поскорее,— предложил Лоренцо и кинулся по широкой лестнице, ведущей вверх. Лафайет последовал за ним. Стражник в алой куртке возник впереди, вскинул дробовик к плечу...

— Не смей стрелять из этой штуки, идиот! — взревел Лоренцо.— Ты испортишь обои!

И пока растерянный стражник моргал глазами, они накинулись на него с двух сторон. Когда солдат свалился, как сноп, на пол, заряд дроби угодил в расписанный фресками потолок.

— Говорил я тебе, чтобы ты не портил обои,— сказал Лоренцо, несколько раз стукнув стражника головой об пол.

Они прошли еще два пролета лестницы, свернули в устланный коврами коридор, в котором, к счастью, не было охраны, дошли до двери, которую Лафайет запомнил со времени своего последнего посещения дворца. Звуки битвы почти не доносились сюда. Они остановились, тяжело дыша, чтобы передохнуть.

— Только говорить буду я, Лоренцо,— так и не отдышавшись произнес Лафайет.— Мы с Родольфо старые друзья-собутыльники.

Дверь в зал в футах двадцати от них распахнулась настежь, и окруженная четырьмя стражниками в красных кожаных куртках появилась фигура Крупкина-Горубля. Фигура остановилась и проговорила через плечо:

— Это приказ, а не пожелание, Руди! Изволь явиться вместе со своими министрами в Гранд Зал и подготовься подписать мои приказы о всеобщей мобилизации, сборе средств, продовольственных запасов, или я повешу тебя на стенах твоего собственного замка!

Бывший узурпатор Артезии величаво запахнулся в подбитый соболем плащ и прошествовал по коридору в сопровождении охраны.

— Вот тебе и помощь Родольфо,— пробормотал Лоренцо.— Что же делать?

Лафайет нахмурился, закусил губу.

— Ты знаешь, где находится этот зал?

— Двумя этажами выше, на южной стороне.

— Судя по звукам бьющегося стекла, именно там сейчас наибольшие беспорядки.

— Ну и что? — спросил Лоренцо.— Все равно нам желательно держаться как можно дальше оттуда. Мы можем проскользнуть в комнату Беверли и выкрасть ее, пока эти политиканы играют в свои игры.

— У меня есть причины предполагать, что Даф... я имею в виду, леди Андрагора будет в зале вместе со Свайхильдой. Все это — часть большого плана Горубля. Мы должны остановить его сейчас, пока все не зашло слишком далеко.

— Как? Нас всего двое. Что мы можем сделать против целого дворца, полного вооруженных солдат?

— Не знаю... но мы должны попытаться! Пойдем! Если нам не удастся добиться своего одним путем, будем искать другой, а время не ждет!

Из тридцати минут прошло 25. Лафайет и Лоренцо, скорчившись, сидели на крыше дворца, в тридцати футах над высокими окнами Гринд Зала, находящегося двумя этажами ниже. До них уже начал доноситься еле слышный первый говор из зала, в котором должны были свершиться великие события.

— Ну, и хорошо,— сказал Лафайет.— Кто пойдет первым — ты или я?

— И нас обоих убьют,— ответил Лоренцо, осторожно перегибаясь через парапет и глядя вниз.— Карниз идет ниже на три фута. Это невозможно.

— Ну, хорошо. Я пойду первым. Если я...

Лафайет замолчал и сглотнул слюну.

— Если я упаду, продолжай ты. Пойми, леди Андрагора — я имею в виду Беверли — рассчитывает на тебя.

Он залез на низкую ограду, идущую по краю крыши, и осторожно, избегая глядеть вниз, приготовился перелезть на карниз.

— Подожди-ка,— сказал Лоренцо.— Этот металлический край выглядит острым. Он может перерезать веревку. Надо бы подложить что-нибудь мягкое.

— На, вот, возьми мою куртку.

Лафайет быстро стянул с себя помятую куртку, которую дали ему в Аджаке, свернул ее, подпихнул под веревку, которую они стащили из одного служебного помещения замка.

— И неплохо вам было бы иметь кожаные перчатки,— указал Лоренцо.— И страховочную петлю. И ботинки с шипами.

— Вот-вот — и еще застраховаться на большую сумму денег,— прервал его Лафайет.— Но так как это невозможно, то неплохо было бы нам начать действовать, пока у нас есть хоть какая-то уверенность.

Он схватился за веревку, стиснул зубы и соскользнул вниз, в ветер и темноту.

Ветер тут же обрушился на его не прикрытую курткой спину. Его ноги пытались нащупать опору на стене в трех футах внизу. Волокна тяжелой веревки впивались в ладони, как колючая проволока. Освещенное окно приблизилось. Его нога дотянулась до стены с таким грохотом, что можно было бы разбудить всю округу. Не обращая внимания на боль в руках, тошноту и чувство бездонной глубины внизу, Лафайет соскользнул последние несколько футов и остановился, болтаясь в воздухе между двумя окнами на пространстве в 4 фута гладкой стены.

Изнутри до него доносился непрерывный поток голосов, шарканье ног.

— Представить себе не могу, в чем дело,— воскликнул мужской тенор.— Разве что моя просьба сделать меня Почетным Сквайром Герцогского Маникюра, наконец, будет удовлетворена.

— Бог видит, что пришло время м о е г о назначения Вторым Почетным Артистом по Герцогским усам,— ответил разгневанный баритон.— Но что за любопытный час церемонии...

— Так как у Его Высочества нет усов, то тебе придется долго ждать, Фонтли,— насмешливо предположил тенор.— Но тише, они идут.

— Чшшш! У тебя все в порядке? — прошипел сверху голос Лоренцо.

Лафайет подтянулся вверх, но ничего не увидел, кроме огромной массы нависающего карниза.

Изнутри донеслись звуки фанфар. Прозвучали вежливые аплодисменты, за которыми последовало какое-то объявление, неразборчивое из-за того, что было сказано в нос. Затем слабо послышался скрипучий голос герцога Родольфо:

— ...собрались здесь... этот незабываемый день... радость и честь представить... несколько слов... внимание...

Еще раз прозвучали вежливые аплодисменты, затем наступила тишина.

— Я не буду приукрашивать события,— прозвенел голос Горубля.— Крайняя опасность для государства... Необходимо принятие срочных мер...

По мере того, как голос продолжал монотонно выговаривать слова, веревка, к которой прильнул О'Лири, начала дрожать. Через несколько секунд появился Лоренцо, быстро спускающийся вниз.

— Остановитесь! — прошипел Лафайет как раз в ту минуту, когда пара тяжелых сапог ударила ему в плечи и всей своей тяжестью потянула его вниз.

— Чшшш, Лафайет. Где ты?

— Ты на мне стоишь, ты, кретин! — умудрился выдавить из себя Лафайет, испытывая смертельные муки.— Слезай!

— Слезать? — точно так же прошипел ему в ответ Лоренцо.— Но куда?

— Мне плевать, куда! Слезай, куда хочешь, пока я еще держусь за веревку, и мы оба не полетели вниз!

Наверху раздалось учащенное дыхание, пыхтение, и одна нога была убрана с плеч О'Лири. Потом другая.

— Ну, вот, теперь я вишу, как муха, которая умеет летать только вниз,— дрожащим голосом прошептал Лоренцо.— Что дальше?

— Заткнись и слушай!

— ...по этой причине я решил оказать честь вышеупомянутой леди и сделать ее своей женой,— объявил Горубль раскатистым голосом.— Вы были здесь, чтобы засвидетельствовать это знаменательное событие, как знак моей высокой оценки вашей преданности, которая подскажет вам, как велик тот шаг, который сейчас свершится,— он сделал многозначительную паузу.— Итак, есть ли здесь кто-нибудь, кто знает о какой-нибудь причине, по которой я не мог бы сейчас же соединиться священным союзом с леди Андрагорой?

— Ах, ты, грязный обманщик! — взорвался Лафайет.

— Ах, ты, грязный обманщик! — раздался злобный крик внутри зала, с несомненными интонациями герцога Родольфо.— Это не входило в условия нашего договора, выскочка ты несчастный!

— Схватить предателя! — вскричал Горубль.

— Что происходит? — прошептал Лоренцо, когда внутри зала воцарился самый настоящий бедлам.

— Крупкин, этот жулик, хочет жениться на леди Андрагоре! Родольфо почему-то возражает, а Крупкин возражает против его возражений!

Крики внутри достигли такой силы, как при пробке на оживленной магистрали. Крики Горубля, отдающего приказы, смешались с визгом, проклятиями, яростным воем Родольфо. Веревка дернулась, и Лоренцо очутился рядом с Лафайетом на маленьком карнизе. Он вскричал:

— Отойди! Ну, пусть теперь только этот предатель, этот сукин сын попадается мне в руки!

— Эй! — взвыл Лафайет, когда Лоренцо оттолкнулся от него, чуть не скинув вниз.— Потише!

— Я ему покажу, потише, когда сверну голову на сторону, этому подонку!

И сапог Лоренцо что было сил заехал в стекло, которое разлетелось с таким звуком, будто произошел взрыв. Мгновением позже разъяренный Лоренцо исчез за тяжелыми занавесками. Лафайет простонал:

— Бедный дурачок! Его разорвут на кусочки, и это никак не поможет Дафне, я имею в виду Беверли, то есть леди Андрагору.

Он наклонился вперед, мельком увидел волнующуюся толпу, солдат в красных куртках, движущихся между фраков и смокингов, Лоренцо, стремительно пробирающегося вперед...

В самый последний момент Горубль повернулся — как раз вовремя, чтобы получить сильнейший удар в правый глаз. В то время, как подвергнущийся нападению принц пятился назад от силы удара, солдаты в красных куртках окружили Лоренцо со всех сторон.

— Вот и все,— пробормотал Лафайет.— Во всяком случае, Лоренцо удалось разок садануть ему...

Он наклонился еще ниже, чтобы ничего не упустить из виду.

— А! — взорвался Горубль, прикладывая к поврежденному глазу большой кружевной платок.— Так это ты, Лоренцо? Я знаю, что с тобой сделать, мой мальчик! Горога уже накормили один раз сегодня вечером, но он не откажется еще от одного обеда, не сомневайся в этом! И прежде, чем ты умрешь, ты испытаешь истинное наслаждение, оказавшись свидетелем моего союза с леди, которую ты имел наглость утомлять своими нежелательными для нее приставаниями!

— М-м-миледи Андрагора! — во внезапно наступившей тишине объявил трясущийся голос глашатая.

Толпа расступилась. Темноволосое, темноглазое видение красоты появилось в зале, одетое во все белое, в сопровождении двух женщин в костюмах подружек невесты, которые, однако, не могли скрыть их значительной старости.

— Продолжайте церемонию! — прокричал Горубль голосом, уже лишенным придворного лоска.— Сегодня — моя свадьба, завтра — победа над всей вселенной!

Лафайет прильнул к стене, дрожа от порывов ледяного ветра. Руки у него закоченели и стали, как крючья, хотя вовсе не такие надежные. Пальцы на ногах были как замороженные креветки. В любой момент веревка могла выскользнуть у него из рук и он полетел бы вниз, в глубокую темную пропасть. Он прижался подбородком к холодному камню, вслушиваясь в монотонный голос за окном, читающий обряд свадебной церемонии.

— И почему все должно было так кончиться? — пробормотал он.— Почему я вообще оказался замешанным в эту историю? Почему Пратвик не помог мне, а задал эту идиотскую загадку — эти бессмысленные стишки, которые не рифмуются! От Бронкса миллионы едят до Майами — ключ к этой загадке, конечно... конечно...

Из зала внезапно донеслись новые крики.

— Беверли — скажи ему нет! Даже если он пообещает перерезать мне глотку, если ты откажешь ему!

Крик Лоренцо был прерван звучным ударом, за которым последовал звук падающего тела.

— Он всего лишь оглушен, дорогая,— приятным голосом сказал Горубль.— Эй, вы, продолжайте!

— Б-берете ли вы... леди Андрагору... а... этого принца в...

— Нет,— простонал Лафайет— Это слишком ужасно. Этого не может быть! Абсолютная, полная неудача, а ведь мне всегда так везло — когда, например, я обнаружил дверь в скале, когда это было более всего необходимо, или этот сумасшедший костюм монаха и... и...

Он замер, пытаясь ухватиться за кончик мысли, возникшей у него в голове.

— Думай,— приказал он сам себе.— Почему я считаю, что это мне везет? Ведь это же фантастика. Такое случается только в том случае, если ты управляешь вероятностями. Итак, можно сделать вывод, что на самом деле это было не везение, а управление космическими энергиями. И у меня все получалось — несколько раз. Но много раз у меня ничего не получалось. В чем разница?

Что общего было в тех случаях, когда у меня получалось, и чего мне не хватало, когда ничего не получалось?

— Нюхательную соль! — ревел Горубль внутри зала.— Бедная девочка потеряла сознание, вне всякого сомнения, от неожиданности свалившегося на нее счастья!

— Ничего,— простонал Лафайет.— Ничего не приходит в голову. Все, о чем я могу думать, это о бедной Дафне и Свайхильде, ласковом ребенке, даже если от нее иногда и попахивает чесноком...

Чеснок...

— Чеснок всегда ассоциировался с волшебством и заклинаниями,— забормотал Лафайет, хватаясь за соломинку.— А заклинания — это обычные непрофессиональные попытки управлять космическими силами! Может быть, это был чеснок? А, может быть, это сама Свайхильда... но «Свайхильда» не рифмуется с «Майами». Правда, «чеснок» тоже не рифмуется. К тому же от нее только пахло чесноком, потому что она все время делала сэндвичи из колбаски салями...

— САЛЯМИ! — взревел Лафайет.— Ну, конечно! От Бронкса миллионы едят до Майами — ключ к этой загадке, конечно, салями!

Он поперхнулся, чуть было не выпустил веревку из рук, но вовремя удержался, уцепившись за нее что было сил.

— Салями было подо мной, когда я придумал нож, и мы его ели, когда речь зашла о костюме для переодевания, и оно было в моем кармане на стене замка! Значит, все, что мне надо сделать, это...

О'Лири почувствовал, как холодная рука сжала его сердце.

— Мой карман! Оно было в кармане моей куртки — а я оставил ее наверху, чтобы не перерезало веревку!

— Ну, хорошо,— ответил он.— Это значит, что тебе придется взобраться наверх, вот и все.

— Взобраться наверх? Мои руки, как лед, сам я слаб, как котенок, весь замерз и, кроме того, это займет слишком много времени...

— Поднимайся.

— Я... я попытаюсь.

С огромным усилием О'Лири оторвал одну руку и переместил ее выше по веревке. Теперь он уже оторвался от стены и болтался в воздухе. Его руки, осознал он, были как тесто, а тело почему-то — свинцовым...

— Это бессмысленно...

— Попытайся!

Каким-то образом он взобрался еще на один фут. Потом умудрился преодолеть еще 6 дюймов. Потом повис, отдыхая, и преодолел еще дюйм. Ветер качнул веревку и ударил его о стену. Он поглядел наверх: что-то темное лежало на парапете, хлопая тканью по ветру.

— Это слишком далеко,— с трудом выдохнул он.— И в любом случае...

Со страхом и восхищением смотрел он, как куртка постепенно высвобождалась из-под веревки, под которую была подложена. Полы ее свесились с парапета. Ветер накинулся на нее, подпихнул ближе к краю. Какое-то мгновение она висела там, новый порыв ветра шевельнул ее...

Она начала падать, прощально размахивая пустыми рукавами, по направлению к нему. Развеваемая ветром, она стала удаляться от здания.

В диком прыжке Лафайет кинулся в пустое пространство. Его вытянутые руки нащупали куртку, прижали к себе. Яростный ветер со свистом проносился мимо него. О'Лири с трудом нащупал карман, и его пальцы сомкнулись на жирном пакетике салями, которые положила туда Свайхильда.

— Чудо! Любое чудо! Но только поскорее...

Страшный удар обрушился на О'Лири, из полной темноты он влетел в темноту, освещенную огнями, заполненную грохотом и визгом. Затем полная темнота окутала его, как могила.

— Это просто чудо,— говорил голос из другой жизни, которая, казалось, была много веков тому назад.— Насколько я понимаю, он упал с крыши, ударился о карниз и влетел в окно, свалившись прямо на Его Высочество, который как раз подбежал, чтобы узнать, что за любопытные звуки слышатся снаружи.

— Разойдитесь, а то ему нечем дышать! — рявкнул другой голос.

Лафайет понял, что глаза у него открыты и что он смотрит на нахмуренное лицо Лоренцо, немного разодранное, но такое же свирепое, как и раньше.

— По крайней мере, ты мог посвятить меня в свои планы,— сказал другой О'Лири.— А то я уже начал было волноваться, как раз перед твоим прибытием.

— Вы... вы просто восхитительны, сэр,— проворковал нежный голос.

С усилием, будто ворочая булыжники, Лафайет переместил свой взгляд и увидел улыбающееся лицо Дафны — или леди Андрагоры, поправил он себя, чувствуя накатывающую тоску по дому.

— Вы... действительно меня не знаете? — еле выдавил из себя О'Лири.

— Вы замечательный человек, похожий на того, кого я знаю,— мягко ответила леди.— Это ведь вас я видела у своей кареты, когда ехала через лес. Но должна честно сознаться вам, сэр, мы незнакомы. И тем более я у вас в долгу.

— Как и я,— проговорил другой голос.

Рядом с леди Андрагорой стоял мужчина, обняв ее рукой за нежную талию. У него была коротко подстриженная борода и завивающиеся усы, на голове — широкополая шляпа.

— Я думал, что до судного дня пробуду в темнице — пока не появились вы и не спасли меня,— он изучал лицо Лафайета, хмурясь.— Хотя я и не вижу того сходства, о котором говорит моя невеста.

— Все верно, Лафайет,— заговорил Лоренцо.— Этот тип взял верх. Он принадлежит Меланжу, насколько я понимаю. Раньше он был герцогом, прежде чем Крупкин заменил его на Родольфо. Сейчас он опять у власти, а Крупкин в темнице. А эта леди вовсе не Беверли. В конце концов, ей удалось убедить меня в этом,— он вздохнул,— так что мы здесь ни при чем, насколько я понимаю.

— Свайхильда,— пробормотал Лафайет и умудрился привстать и принять сидячее положение.— С ней все в порядке?

— Тут я, и ничего лучше не придумаешь, а все ты Лэйф! — вскричала бывшая кухарка, отпихивая локтем доктора в сторону.— Ну и ну, милый, да ты ужасно выглядишь,— она улыбнулась ему, сверкая своим придворным платьем.

— Я просто хотел поговорить с ней! — кричал мужской голос где-то сзади.

Растрепанный человек в обтягивающем шелковом костюме прорвался в круг, бросил на Лафайета горячий взгляд и остановился перед леди Андрагорой.

— Что все это значит, Эронна? Что это за волосатый Дон Жуан, ухватившийся за твой зад? И где ты достала все это платье? Что это за место? Что тут происходит?

— Э-э-э, не надо так спешить, приятель,— сказал Ло-

ренцо, беря незнакомца за локоть.— Придется, правда, кое-что тебе объяснить, но все мы попали тут в одну и ту же историю...

— Пропади ты пропадом, кто просил тебя вмешиваться? — новоприбывший рванул свой рукав и освободился.— Ну, Эронна,— обратился он к леди Андрагоре.— Ты ведешь себя так, словно никогда не видела меня раньше! Это ведь я, Лотарио О'Лири, твой суженый. Неужели ты забыла?

— Имя этой леди — Андрагора,— резко сказал усатый герцог Ланцелот.— И, кстати, она моя суженая, а не ваша.

— Ах, вот как?

— Вот так вот! Или вы изволите сомневаться в моих словах?

Когда люди кинулись со всех сторон мирить взбудораженных спорщиков, Лафайет нетвердо поднялся на ноги и, поддерживаемый Свайхильдой, отошел в сторону.

— Мне надо уходить отсюда,— сказал он.— Послушай, Свайхильда, наконец-то мне повезло. Я снова обрел возможность управлять космическими энергиями. Так что я собираюсь домой, туда, где я должен быть. И я подумал — только пойми меня правильно, ведь меня ждет Дафна — не хочешь ли ты отправиться туда вместе со мной? Я могу представить тебя, как какую-нибудь дальнюю кузину Адоранны, и если ты подучишься немного говорить и ходить, то у тебя здорово все там получится... отправиться со мной. Так что, если ты готова...

— Но, Лэйф — тебе действительно надо уйти отсюда?

— Безусловно! Но, как я уже сказал тебе, ты можешь

— Э-э, так сказать, прошу прощения, мадам,— неуверенно произнес чей-то глубокий голос.— Прошу прощения вашей светлости, но я искал тут... то есть я хотел сказать, я слышал, моя жена... то есть я хочу жениться на ней, как только найду...

— Халк! — вскричала Свайхильда.— Ты пришел за мной! Значит, ты меня любишь!

— Свайхильда! Святой Джорж, Иезабель... ты... вы... такая красивая...

— Хмрфф,— сказал Лафайет, глядя на эту пару, которая, обнявшись, отошла от него.— Дом, мой сладкий дом...

Он нахмурился, вновь по очереди ощупал карманы.

— Проклятье! Я потерял салями... наверное, выронил его где-то между карнизом и головой Крупкина...

Он резко повернулся и нос к носу столкнулся с Лоренцо.

— Вот ты где! — воскликнул его двойник.— Послушай, Лафайет, нам надо поговорить. Может быть, вдвоем нам удастся сфокусировать достаточное количество космической энергии, чтобы отправиться по домам? Я совсем с ума схожу, глядя, как этот Ланцелот тискает Андрагору.

— Сначала помоги мне найти мое салями,— ответил Лафайет.— И там видно будет.

— И ты можешь думать о еде в такое время!

Но, тем не менее, он последовал за Лафайетом, спустившимся на двор под окнами, в одно из которых он влетел часом раньше.

— Должно быть, оно лежит тут где-нибудь...

— Ради всего святого, почему бы тебе просто не сходить на кухню?

— Послушай, Лоренцо, я знаю, что это звучит глупо, но это салями жизненно необходимо мне для управления пси-энергией. Не спрашивай меня, почему — спроси лучше бюрократа по имени Пратвик.

10 минут упорных поисков в довольно ограниченном пространстве не привели к успеху. Салями не было обнаружено.

— Послушай, я держал его в руке, когда влетел в окно? — настойчиво спросил он у Лоренцо.

— Откуда я знаю? В это время на моей спине сидели два солдата. Я вообще не в курсе событий до того момента, когда в зал ворвался этот тип Ланцелот и потребовал, чтобы ему вернули его герцогство.

— Придется нам вернуться и спросить.

Вновь очутившись в зале, значительно опустевшем, так бывшие прислужники Родольфо поспешили заверить в своей преданности нового герцога, Лафайет ходил, дергая людей за рукава, повторяя один и тот же вопрос. Он добился лишь недоуменных взглядов и в нескольких случаях вежливого смеха.

— Пустышка,— сказал он присоединившемуся к нему Лоренцо, расспросы которого окончились тем же самым.— И только подумать, что спасение было у меня в руках, и я все-таки упустил его.

— Что стряслось, Лэйф? — прозвучал сзади голос. Свайхильды.— Потерял чего?

— Свайхильда — колбаски салями из нашего завтрака — ты не видела их?

— Нет. Но ты подожди минутку, я спрошу, может, у Халка немного есть с собой. Он их обожает.

Халк поторопливо подошел к ним, вытирая рукавом рот.

— Меня кто-то звал? — осведомился он и рыгнул.— Прошу прощения,— сказал он.— От этого салями у меня всегда пучит живот.

Лафайет принюхался?

Ты... ты не съел ее?

— Так это была ваша, м-р О'Лири? Вы уж меня простите. Точно такой у меня нет, но в нашей харчевне куча свиных ножек, так что все можно будет приготовить заново.

— Ну, вот,— простонал Лафайет.— Я погиб! Я застрял здесь навсегда.

Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Дафна,— пробормотал он,— увижу ли я тебя когда-нибудь?

Он застонал, вспомнив ее такой, какой он видел ее в последний раз, ее голос, походку, прикосновение ее руки...

* * *

В комнате стало до странности тихо. Лафайет открыл глаза. Несколько оброненных бумажек и сигарных окурков валялись на полу, но это было все, что указывало на то, что совсем недавно здесь кипела огромная толпа. Слабые голоса доносились до него из коридора. Лафайет вскочил на ноги, подбежал к высокой резной двери с серебряной ручкой, выбежал в зал, устланный красным ковром. Чья-то фигура — Лотарио, а, может, и Лоренцо — исчезла за углом. Он окликнул ее, но ему никто не ответил. Он побежал по широкому коридору, заглядывая в комнаты.

— Свайхильда! — позвал он.— Лоренцо! Кто-нибудь!

В ответ он услышал только эхо.

В коридоре раздался шлепающий звук приближающихся шагов. Маленькая фигурка в кожаных зеленых штанах и куртке спортивного покроя появилась во главе группы людей из Аджака.

— Спропрояль! — приветствовал О'Лири исполнителя заказов мастерских.— Слава богу, что хоть кто-то остался здесь живой!

— Салют, Слим! Ну, парень, ты даешь. Мы с ребятами пришли сюда повидать Крупкина.

— Он в темнице...

— Вот я и говорю, мы обычно проводим наши операции в половинной фазе, чтобы избежать всяких там толп и ненужных разговоров — так что как это ты умудрился здесь очутиться? Когда твой МАРК XIII к нам вернулся, мы уж было решили, что тебе точно каюк! И...

— Это долгая история... но, послушай! Мне в голову только что пришла блестящая мысль! Крупкин передал вам чертежи для изготовления Путепроходца. Не построите ли вы его для меня, чтобы я мог вернуться в Артезию...

— Даже не думай, друг,— Спропрояль поднял обе руки в отрицательном жесте.— Если мы это сделаем, Централь от нас камня на камне не оставит!

— Централь! Вот именно! Соедините меня с Централью, чтобы я мог объяснить, что произошло, и...

— Эх, Слим, и это не пойдет.

— Но... где же все?

Лафайет недоуменно осмотрелся вокруг еще раз.

— Мы рассказали Централи о жульничестве, что здесь творится. Похоже, Крупкин использовал наши приборы, чтобы построить один аппарат и перетасовать все пространство. Он перенес сюда одного парня по имени Лоренцо. Хотел использовать его как приманку, чтобы зацапать леди А., а потом сторговать ее Родольфо за помощь, которую тот ему окажет. Но как только он это сделал, получилась цепная реакция, несколько дюжин возмутителей спокойствия попали сюда из других реальностей. Что за заварушка! Но Централь быстро взяла это дело в свои руки и переместила всех, куда полагается. Ума не приложу, как это тебе удалось застрять в полуфазе. Здесь вообще нет никакой жизни, сам понимаешь.

Лафайет прислонился к стене и закрыл глаза.

— Я обречен,— пробормотал он.— Все они против меня. Но... но, может быть, если я отправлюсь вместе с вами в Аджак и лично объясню Пинчкрафту и другим, они что-нибудь придумают...

Тут тишина показалась ему подозрительной. О'Лири быстро открыл глаза. Спропрояль исчез. Коридор был пуст. В толстом мягком голубом ковре даже не было вдавленных следов на том месте, где он стоял.

— Голубой ковер,— ошарашенно пробормотал Лафайет.— Но я думал, что он был красный. Единственное, где я видел такой голубой ковер, место — это дворец Лода.

Он резко повернулся и побежал по коридору, перепрыгивая через несколько ступенек, сбежал с лестницы, оглянулся назад. Сломанные неоновые буквы читались: ЛАС ВЕГАС ХИЛТОН.

— Так и есть,— задыхаясь проговорил он.— То самое место, которое Горубль выстроил для Лода. А это значит, я опять в Артезии.. ведь верно?

Он посмотрел на темную пустыню, простирающуюся перед ним.

— А, может, я просто попал в какую-нибудь сказочную страну?

— Ну, это можно легко проверить,— сказал он сам себе. Отсюда до столицы всего 20 миль пустыни. Вперед.

* * *

Заря чуть высветила небо впереди, когда Лафайет проковылял последние несколько ярдов до Харчевни Одноглазого Мужчины на западной окраине города.

— Красный бык,— хрипло прошептал он, слабо стуча в тяжелую дверь.— Впустите меня...

— Из-за закрытых ставен ответа не последовало. Ледяной холод стал распространяться и в груди Лафайета.

— Она покинута,— пробормотал он.— Город духов, пустой континуум. Меня перебросили из Меланжа, потому что я нарушил равновесие, но вместо того, чтобы послать домой, они бросили меня здесь...

С трудом ковылял по пустым улицам. Впереди высилась стена, окружающая дворец. На мгновение он прильнул к маленькой служебной калитке, затем, со страхом в сердце, распахнул ее.

Утренний туман висел над печальными деревьями. Роса блестела на застывшей траве. Где-то вдалеке прозвучал крик ранней птицы. Позади аккуратной цветочной клумбы молча и неподвижно высился розовый мраморный дворец. Не шевельнулась ни одна занавеска, ни одно окно не было открыто. Веселые голоса не кричали ему своих приветствий. По выложенным мрамором тропинкам не слышалось звука шагов.

— Исчезли.— прошептал О'Лири.— Все исчезли.

Как во сне, прошел он по мокрой траве мимо фонтана, из которого текла тоненькая струйка воды. Его люби-

мая скамейка была совсем неподалеку, впереди. Он просто посидит на ней немного, а потом...

А потом... он не знал, что будет потом.

Вот и цветущее миндальное дерево, скамейка как раз под ним. Он обогнул ее...

Она сидела на скамейке, в серебристой шали, накинутой на нежные плечи, теребя розу в руках. Она повернулась, посмотрела на него. Самое хорошенькое личико во всей известной ему Вселенной расплылось в улыбке, как распустившийся бутон.

— Лафайет! Ты вернулся!

— Дафна... я... я... ты...

Затем она оказалась в его объятиях.

СОДЕРЖАНИЕ

Империум 3
Миры Империума 3
Обратная сторона времени 135
Берег динозавров 258
Всемирный пройдоха 386

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

СБОРНИК

Перевод с английского

Составитель В. П. Кирчев

Редактор *Г. Ф. Разуменко*
Художник *О. Полищук*
Технический редактор *З. М. Немкова*
Корректор *Г. В. Красных*

Н/К

Сдано в набор 10.09.91. Подписано в печать 19.11.91. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага писчая. Гарнитура обыкновенная. Усл. печ. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 29,4. Уч.-изд. л. 29,4. Заказ № 1007. Тираж 52 000 экз. Цена договорная.

Предприятие «ЭЯ», 630024, Новосибирск, ул. Мира, 14.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.